

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 513. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 513. April

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Аль-Аббуди М.А.Н. Обратные значения заглавий в прозе А.П. Чехова 1880-х гг.	5
Гребнева М.П. Жизненные и литературные представления К.Н. Батюшкова о Флоренции	13
Зусева-Озкан В.Б. Античная эпитафия от первого лица как один из источников нарратива мертвеца	20
Перевалова Е.В. Портрет жены журналиста: Софья Петровна Каткова	32
Трунова М.В., Крюкова Л.Б. Поэтическая репрезентация образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева: перцептивный аспект	44
Чижов Н.С., Гаврилова В.В. Поэтика оглавления и ценностная архитектоника романа А. Варламова «Мысленный волк»	54

ФИЛОСОФИЯ

Гравица И.В. Религиозная философия А.Ф. Лосева в контексте ряда идей теории постсекулярного	62
Гиринский А.А. Семен Франк и Карл Ранер: религиозно-философская критика секулярного утопизма и оправдание модерна	69
Головашина О.В. Политическая агентность историографии: последствия и контекст	75

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Залаяев А.Р. Профессиональная идентичность медицинских работников: содержание, теоретические подходы, факторы формирования	82
Можанов В.С. Экологическое лидерство в международных отношениях: генезис и развитие концепции	88

ИСТОРИЯ

Азикова Ю.М., Кузьминов П.А., Гаунова Л.Р. Редактор газеты «Кавказ» О.И. Константинов: вклад в создание среды диалога и сотрудничества России и Кавказа	98
Ананьев Д.А. Современная англо- и немецкоязычная историография социокультурного развития Сибири в имперский период	111
Головинов А.В. Почетный гражданин Сибири: Образ Г.Н. Потанина в коллективном восприятии современников и исторической политике потомков	118
Есипова В.А. Автограф Ивана Павловича Менделеева в составе коллекции отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета	127
Колева Г.Ю. Создание газовой промышленности в Арктической зоне: практики советской эпохи	133
Миркин В.В. Научно-техническое партнерство в процессе создания межгосударственной телекоммуникационной системы стран восточного блока (конец 1950-х гг.)	147
Саблин В.А., Тимошина С.В. Основные направления селекции и кормообеспечения молочного скотоводства в Вологодской области в 1930-е гг.	154
Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Карбанская традиция обрядовой практики: к истории одной из групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов	162

ПЕДАГОГИКА

Козлова Ю.В., Савченко И.А., Золотарев М.И. Инклюзивная интерактивная модель языкового образования в семантическом пространстве города	171
--	-----

CONTENTS

PHILOLOGY

Al-Abboodi M.A.N. The reverse meanings of titles in Anton Chekhov's prose of the 1880s	5
Grebneva M.P. Konstantin Batyushkov's life and literary views on Florence	13
Zuseva-Ozkan V.B. Ancient first-person epitaph as one of the sources of the posthumous narrative	20
Perevalova E.V. Portrait of the journalist's wife: Sofya Petrovna Katkova	32
Trunova M.V., Kryukova L.B. Poetic representation of the image of Siberia in Nikolai Khonichev's poetry: A perceptual aspect	44
Chizhov N.S., Gavrilo V.V. The poetics of the table of contents and the value architectonics of Aleksey Varlamov's novel <i>The Mental Wolf</i>	54

PHILOSOPHY

Gravina I.V. Aleksei Losev's religious philosophy in the light of postsecular theory	62
Girinskiy A.A. Semyon Frank and Karl Rahner: Religious and philosophical critique of secular utopianism and justification of modernity	69
Golovashina O.V. The political agency of historiography: Consequences and context	75

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Zalyaev A.R. Professional identity of doctors: Content, theoretical approaches, formation	82
Mozhanov V.S. Environmental leadership in international relations: The genesis and development of the concept	88

HISTORY

Azikova Yu.M., Kuzminov P.A., Gaunova L.R. Osip Konstantinov, editor of the newspaper <i>Kavkaz</i> : Contribution to the creation of an environment of dialogue and cooperation between Russia and the Caucasus	98
Anan'ev D.A. Contemporary English- and German-language historiography of Siberia's sociocultural development in the "imperial period"	111
Golovinov A.V. An honorary citizen of Siberia: The image of Grigory Potanin in the contemporaries' collective perception and the descendants' historical policy	118
Esipova V.A. The autograph of Ivan Pavlovich Mendeleev as a part of the collection of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of Tomsk State University	127
Koleva G.Yu. Establishing a gas industry in the Arctic Zone: Soviet-era practices	133
Mirkin V.V. Scientific and technical partnership in the process of creating an interstate telecommunications system of the Eastern Bloc countries (late 1950s)	147
Sablin V.A., Timoshina S.V. Main directions of selection and feed supply for dairy cattle breeding in Vologda Oblast in the 1930	154
Seregin N.N., Demin M.A., Matrenin S.S. The Karban ritual practice tradition: To the history of an Altai population group during the Great Migration Period	162

PEDAGOGICS

Kozlova Yu.V., Savchenko I.A., Zolotarev M.I. An inclusive interactive model of teaching a foreign language in the semantic space of the city	171
---	-----

Низамиева Л.Р., Назарова Г.И. Медиаконтекстная модель формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов	181
Сосуновский В.С. Анализ мониторинга физической подготовленности детей дошкольного возраста за период с 2013 по 2022 г.	191
Токтарова В.И., Матросова Н.В. Педагогический потенциал цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности учителей марийского языка и литературы	197
Чаюн Д.В. Биоимпедансный анализ компонентного состава тела девушек в гимнастических видах спорта	209

ПРАВО

Баранов А.В., Арсанов Б.Х. Специфические свойства норм Конституции Российской Федерации	217
Шеслер А.В. Формы соучастия в преступлении: отражение в уголовном законе и судебной практике	228

Nizamieva L.R., Nazarova G.I. Media context model for the formation of students' foreign-language professional and communicative competency	181
Sosunovsky V.S. Analysis of physical fitness monitoring in preschoolers for the period from 2013 to 2022	191
Toktarova V.I., Matrosova N.V. Pedagogical potential of digital learning environment for developing project competence in Mari language and literature teachers	197
Chayun D.V. Bioimpedance analysis of body composition in female athletes in gymnastic sports	209

LAW

Baranov A.V., Arsanov B.Kh. Specific features of the norms of the Constitution of the Russian Federation	217
Shesler A.V. Forms of complicity in crime: Reflection in criminal law and judicial practice	228

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1-32
doi: 10.17223/15617793/513/1

Оборотные значения заглавий в прозе А.П. Чехова 1880-х гг.

Мунтассир Абдулкадим Найма Аль-Аббуди¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mntsrkadum@gmail.com*

Аннотация. Художественная специфика заголовочных комплексов в творчестве А.П. Чехова обусловила цель работы – описание такого оригинального явления поэтики писателя, как «оборотные значения» названий его произведений. Указанный феномен выявлен и изучен на материале рассказов Чехова 1880-х гг. Для его исследования был осуществлен нарратологический анализ таких рассказов писателя 1880-х гг., как «Письмо к учёному соседу» (1880), «Добрый знакомый» (1882), «Идиллия – увы и ах!» (1882), «Благодарный» (1883), «Беззащитное существо» (1887) и некоторых других. Полученные результаты показали, что художественный принцип «оборотного значения» названия был сформирован Чеховым в контексте его представлений о необходимости авторского моделирования читательского восприятия текста во всей его смысловой полноте.

Ключевые слова: А.П. Чехов, рассказы 1880-х гг., заголовочный комплекс, нарратология

Для цитирования: Аль-Аббуди М.А.Н. Обратные значения заглавий в прозе А.П. Чехова 1880-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/513/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/1

The reverse meanings of titles in Anton Chekhov's prose of the 1880s

Muntassir Abdulkadhim Nima Al-Abboodi¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mntsrkadum@gmail.com*

Abstract. The first decade of Chekhov's work was experimental. In the 1880s, Chekhov's works, an important artistic strategy of which was the juxtaposition of title and plot, appeared, and this feature of his works significantly diverges from the usual ideas that the title of a work must necessarily correspond to its content. Based on the material of Chekhov's short stories "A Story That's Hard to Name" and "An Anonymous Story", it is shown that in some cases he consciously demonstrates a complex author's reflection on how to name a work. The problem of the specifics of Chekhov's title complexes determined the aim of the work: the description of an original phenomenon of the writer's poetics – the "reverse meanings" of his works' titles. A special study of the "reverse meanings" of Chekhov's titles determined the scientific novelty of the work. The research material was the writer's short stories of the 1880s, such as "A Letter to a Learned Neighbor" (1880), "The Good Friend" (1882), "An Idyll – But Alas!" (1882), "Grateful" (1883), "A Defenceless Creature" (1887). "A Letter to a Learned Neighbor" is Chekhov's first printed story. Its text is organized by two approaches that are difficult to combine in the image of the writer: science and psychology of a poorly educated person. Their opposition not only caused the comicality of Chekhov's story, but also manifested itself in the reverse meaning of its title: this is a comically "unscientific" letter to a "learned neighbor". In "The Good Friend", the author's language game in its title plays an important role: in Russian, the concept of a "good friend" is ambiguous, it can mean both an old acquaintance and actually a kind person. The "good friend" of the main character, as if out of the kindest feelings, humiliated him, exposed him in the unsightliest way. "An Idyll – But Alas!" and "Grateful" are devoted to the theme of human gratitude, which turns into absolute ingratitude. The name of the first story is openly organized by the "reverse" principle, in it the "idyll" between an uncle and a nephew turns into "but alas!" when the nephew found out that his uncle had lost all his money. The second story also describes the relationship between a poor young man and his wealthy boss, and in it the young man's gratitude for the help he received suddenly turns into an effort to seduce his benefactor's wife. In "A Defenceless Creature", the main character constantly claims that she is "defenceless", but in fact she terrorizes everyone she meets, turning them into "defenceless creatures". Thus, such principles and techniques of organizing a complex "reverse" relationship between the title of a work and its plot as focalization, devaluation, doubling of the plot, and psychologism are revealed. The principle of the "reverse" meaning of the work's title is due to Chekhov's ideas about the need for the author's modeling of the reader's perception of a work in all its ambiguity and semantic completeness.

Keywords: A.P. Chekhov, short stories of the 1880s, headline complex, narratology

For citation: Al-Abboodi, M.A.N. (2025) The reverse meanings of titles in Anton Chekhov's prose of the 1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/1

Постановка проблемы

Первое десятилетие творчества Чехова было поистине экспериментальным, и многочисленные ранние рассказы молодого писателя демонстрируют самые разные эстетические и художественные принципы и приемы.

Так, уже в 1880-е гг. появились чеховские произведения, основной нарративной стратегией которых стало противопоставление названия и сюжета, и этот художественный феномен значительно расходится с теми ведущими представлениями о соответствии заголовка произведения его содержанию, которые доминируют и в современном литературоведении.

Изучение названия произведения и всего заголовочного комплекса (заголовочного ансамбля) является актуальным направлением современного российского литературоведения [1–7]. Базовое представление о названии произведения следующее: это то, что, по авторитетному определению С.Д. Кржижановского, автор определяет как «главное» [8]. Современные ученые и практики подчеркивают свойство заглавия как «единственно возможного имени» [5. С. 62]: «Заглавие эквивалентно всему произведению» [4. С. 142].

Существенный вклад в изучение заглавий внесла Н.А. Веселова, поставив вопрос о соотношении «читатель – заглавие – текст» [6. С. 13], что позволило исследовательнице выйти к утверждению о том, что «одним из свойств заглавия является его принципиальная полисемантическая» [6. С. 13]. При этом следует указать на то, что сущностное взаимодействие и взаимовлияние категорий читателя и названия произведения впервые осмыслил Ж. Женнет, введя, с одной стороны, понятие «фокализация» [9. С. 391], фиксированной «точки зрения» [9. С. 391] повествователя, ориентированной на читательское восприятие, с другой – системно описав феноменологию заголовочного комплекса [2].

Крайне интересные и перспективные размышления о соотношении авторской позиции, названия произведения и собственно его сюжета содержатся в «Заметках на полях “Имени розы”» Умберто Эко: «Автор не должен интерпретировать свое произведение <...> Этой установке, однако, противоречит тот факт, что роману требуется заглавие. Заглавие, к сожалению, – уже ключ к интерпретации. Восприятие задается словами “Красное и черное” или “Война и мир”. Самые тактичные, по отношению к читателю, заглавия – те, которые сведены к имени героя-эпонима. Например, “Давид Копперфильд” или “Робинзон Крузо” <...> Наверное, лучше такая честная нечестность, как у Дюма. Там хотя бы ясно, что “Три мушкетера” – на самом деле о четырех. Редкая роскошь» [10. С. 391]. Заявив, что название произведения – это всегда начало его авторской интерпретации, Умберто Эко здесь же стремится к отмене этого принципа на парадоксальном

и всем известном примере именования романа о четырех мушкетерах Александра Дюма как «Три мушкетера».

Значимость специальной проблематики ранней чеховской прозы связывается сегодня с поиском новых «законов творчества молодым Чеховым» [11. С. 125]. Специальная позиция повествователя в чеховской прозе 1880-х гг. была глубоко и подробно исследована А.П. Чудаковым [12. С. 10–71], а осмысление категории читателя является важной составляющей современного чеховедения в трудах В. Шмида [1], В.И. Тюпы [4], В.Б. Катаева [13] и др. Однако вопрос о противоречивой, «конфликтной», по мнению Е.Г. Новиковой [14. С. 84], специфике чеховских названий в настоящее время ставится достаточно редко.

Предпринятый в данном исследовании анализ отдельных произведений Чехова 1880-х гг. определяется более общей проблематикой фокализации [15, 16], что позволило на этой основе ввести специальное определение: «оборотные значения» названий [17]. Предлагаемый термин восходит к значениям прилагательного «оборотный» и существительного «оборот», зафиксированным, в частности, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова: «Находящийся на обороте, на изнанке <...> Прил., по знач. связанное с круговым движением, с движением в ту или иную сторону или обратным чему-н.»; «движение, направленное в сторону, поворот» [18. Т. 2. С. 689–690]. Чеховский феномен сложного соотношения заглавия произведения и его содержания определяется авторским пониманием полисемантической природы названия и связан с установкой на читателя: на этой основе становится возможной такая нарративная стратегия заглавия, как стратегия фокализации – фиксированной точки зрения, авторской игры с читателем, с его читательским восприятием.

И творчество писателя убедительно свидетельствует о том, что в ряде случаев он осознанно адресует своему читателю авторскую рефлексия об именовании произведения.

12 марта 1883 г. Чехов в «Осколках» публикует «Рассказ, которому трудно подобрать название». В нем – описание застольных «либеральных» [19. Т. 2. С. 80] разговоров и тостов, которые сменяются «холоуи́ским» [19. Т. 2. С. 81] поведением на глазах пришедшего на праздник начальника: утверждения о том, что «его превосходительство Иван Прохорыч такая дылда... такая дылда!» [19. Т. 2. С. 80] сменяется тостом «за здоровье нашего начальника, покровителя и благодетеля, Ивана Прохорыча Халчадаева! Ураааа!» [19. Т. 2. С. 81]. В данном случае позиция отказа от «названия» – это демонстрация авторского сатирически-презрительного отношения к происходящему, призванное моделировать и читательскую рефлексия о нем. Демонстративный авторский отказ от именования описываемого им события со значительной долей

вероятности запускает процесс внутреннего «называния» его читателем, иначе говоря, активизирует читательское восприятие.

Иная ситуация сложилась с историей заголовка рассказа 1887–1888 гг. «Без названия». Законченный в самом конце 1887 г., он был впервые опубликован 1 января 1888 г. в газете «Новое время» под названием «Сказка». Однако более чем через десять лет, перерабатывая рассказ для сборника 1899 г. «Помощь пострадавшим от неурожая», Чехов меняет его именование на «Без названия».

Рассказ очень необычен для творчества писателя, он – о внутренней жизни монастыря V в., монахи которого поддались искушениям мирской жизни и «бежали в город» [19. Т. 6. С. 458]. Причем главным искусителем оказался здесь старик – настоятель монастыря, который, посетив город, «распалился гневом» [19. Т. 6. С. 457] и рассказал своим монахам, «как могуч дьявол, как прекрасно зло и как слабы, малодушны и ничтожны люди» [19. Т. 6. С. 457]. Рассказ настоятеля был необыкновенно ярок, выразителен, талантлив, и «монахи, оцепеневшие, жадно внимали его речам и задыхались от восторга» [19. Т. 6. С. 458], а на следующее утро все покинули монастырь. Эта крайне необычная ситуация, описанная в произведении, как будто бы заставляет Чехова отказаться от какой-либо фиксации своей авторской позиции – но вновь для того, чтобы обозначить читателю всю ее неоднозначность.

Демонстративный, вынесенный в само заглавие произведения отказ от его называния в обоих случаях тесно связан с организацией его сюжета: и «Рассказ, которому трудно подобрать название», и «Без названия» – новеллы, заканчивающиеся яркой, неожиданной развязкой.

Это позволяет нам уточнить смысл определения «оборотное значение» названия по отношению к произведениям Чехова. Безусловно, чеховская игра с названиями, в том числе его демонстративный отказ от именования произведения, является ярким воплощением авторской иронии: «Почти все исследователи творчества А.П. Чехова так или иначе говорят о его иронии: иронии как стилистическом приеме, средстве создания комического, об иронической дистанции автора по отношению к своим героям» [20. С. 98]. Однако ирония – это именно «стилистический прием», это определенный вид тропа, художественная реализация которого существенно ограничена, в то время как определение «оборотное значение» фиксирует специфическую художественную природу и структуру всего чеховского произведения в целом, его фабулу, сюжет и систему персонажей.

Важно подчеркнуть, что чеховская позиция понимания полисемантической сущности заглавия и его сложного соотношения с сюжетом произведения, ориентированная на организацию читательского восприятия, формируется уже в самом раннем его творчестве, и именно этому посвящена данная работа.

«Письмо к ученому соседу»

«Письмо к ученому соседу» – самый первый напечатанный рассказ Чехова, он был опубликован в № 10

журнала «Стрекоза» от 9 марта 1880 г. под псевдонимом «...въ». По нему можно составить представление о самом раннем творчестве писателя, определить его творческие искания и интересы, познакомиться с тем, что он хотел сказать миру и как пытался этого добиться.

Сюжет «Письма к ученому соседу» сводится к следующей ситуации: герой – нарратор пишет своему «ученому» соседу письмо, в котором он высказывает желание завязать знакомство с адресатом и при этом излагает свои мнения о высказываниях этого ученого и о некоторых положениях современной науки в целом. Заголовочный комплекс произведения, в который входит указание на место написания письма «село Блины-Съедены», изначально задает позицию иронии и комизма.

Рассказ организован внутренней фокализацией, при которой «повествование ведется с точки зрения персонажа» [1. С. 64]. В его названии задана тема «ученого», «учености», науки, но при этом весь текст письма определяется позицией нарратора – необразованного, малограмотного человека, который тем не менее стремится писать и рассуждать именно о научных концепциях и проблемах, что и создает общий комический эффект произведения. «Ученый сосед» не находится в фокусе внимания читателя, он только обозначен в названии рассказа как адресат, к которому обращается герой со своим письмом, также дано его некоторое описание, и, несмотря на комический стиль, в нем действительно можно увидеть человека науки: «знаменитое имя и звание <...> увенчанное ореолом популярной славы, лаврами, кимвалами, орденами, лентами и аттестатами» [19. Т. 1. С. 11]. Вынесенное в название рассказа его обозначение как «ученого» принципиально: такой адресат порождает у нарратора потребность создания некоего собственного «научного» письменного текста, содержание, качество, стиль которого прямо противоположны истинным представлениям о науке и научности, что и позволяет уже в связи с первым опубликованным произведением Чехова поставить вопрос об «оборотном значении» его названия.

Нарратор рассказа – это «маленький человек», «войска Донского отставной урядник из дворян <...> Василий Семи-Булатов» [19. Т. 1. С. 16] (здесь и далее курсив авторов. – А.Н.). Однако его образ никак нельзя назвать традиционным даже по сравнению с другими «маленькими героями» Чехова и тем более – по сравнению с классическими персонажами русской литературы этого типа. В рассказе отсутствует описание его поведения и поступков, как это будет, например, в чеховской новелле 1883 г. «Смерть чиновника», в центре внимания – его внутренний мир, его тип мышления и мировосприятия. И уже в этом первом чеховском рассказе обычный «маленький человек» предстает как явление крайне неоднозначное.

С одной стороны, он осознает себя «мелким человечком» [19. Т. 1. С. 11] и всячески подчеркивает это: «Извините и простите меня старого старикашку и нелепую душу человеческую за то, что осмеливаюсь Вас беспокоить своим жалким письменным лепетом <...>

Вы меня стрекозу жалкую не знаете» [19. Т. 1. С. 11]. Как видно из уже приведенного здесь примера, его письмо изобилует орфографическими, пунктуационными, а также стилистическими ошибками; в основе последних – прием лексического повтора: «Вы сочинили сочинение», «драгоценных металлов, металлоидов», «цивилизация», «посредством сих старческих иероглиффов», «приезжайте ко мне дорогой соседущко, ей-богу» [19. Т. 1. С. 11–12, 15] и пр. (см. также ниже).

Но, с другой стороны, фиксируя свою позицию «маленького человека», Василий Семи-Булатов вступает со своим «ученым соседом» в принципиальный научный спор: «все-таки простите меня, батюшка, насекомого еле видимого, если я осмелюсь опровергнуть по-стариковски некоторые Ваши идеи касательно естества природы» [19. Т. 1. С. 12]. Он вполне искренне сообщает о себе: «Ужасно я предан науке!» [19. Т. 1. С. 14], и в своем письме фактически пытается обсуждать научные проблемы естественно-научного, философского и даже религиозного характера: «человек произошел от обезьянских племен мартышек орангуташек и т.п. <...> если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, происходил от глупой и невежественной обезьяны то у него был бы хвост и дикий голос. Если бы мы происходили от обезьян, то нас теперь водили бы по городам Цыганы на показ и мы платили бы деньги за показ друг друга, танцуя по приказу Цыгана или сидя за решеткой в зверинце <...> Если бы наши прародители происходили от обезьян, то их не хоронили бы на христианском кладбище; мой прапрадед например Амвросий <...> был погребен не как обезьяна, а рядом с абатом католическим Иоакимом Шостаком <...> Абат значит католический поп» [19. Т. 1. С. 12].

Как мы видим, текст рассказа организован двумя идеями, сложно сочетающимися и взаимодействующими между собой: это идея науки, стремящаяся стать в конечном счете философской, и идея психологическая, обусловленная личностью и мировосприятием нарратора. Он в своем письме пытается ставить и обсуждать действительно значимые научные проблемы, но уровень и стиль его мышления и повествования полностью определяются глубоко иронической позицией автора, который, используя принцип внутренней фокализации, создал образ «маленького человека», ментально несоответствующего научному мировоззрению и познанию, что организовано прихотливой языковой игрой на уровне стиля, лексики, орфографии и пунктуации текста. Указанная оппозиция двух идей не только обусловила сущностный комизм первого опубликованного чеховского рассказа, но и ярко проявилась в оборотном значении его названия: это комически «ненаучное» письмо «ученому соседу».

«Добрый знакомый»

Рассказ «Добрый знакомый» был опубликован в 1882 г. в журнале «Осколки» под псевдонимом «Человек без селезенки».

Как и предыдущее произведение Чехова, он также организован принципом внутренней фокализации, и в нем также важную роль играет авторская языковая игра, в данном случае это реализуется сразу же в самом названии рассказа. В русском языке понятие «добрый знакомый» многозначно, оно может означать как давнего знакомого, так и, собственно, доброго человека. Именно эта многозначность названия в конечном счете обусловила его оборотное значение, что обусловило сюжет рассказа.

Его вступление определяется шуточной атмосферой описания зимних забав на фоне природы и возлюбленной героя-нарратора: «По зеркальному льду скользят мужские ботфорты и женские ботинки с меховой опушкой <...> Солнце светит особенно ярко, воздух особенно прозрачен, щеки горят ярче обыкновенного, глазки обещают больше, чем следует... Я вдали от катка сижу под голым деревом и беседую с “ней” <...> Страдаю и в то же время наслаждаюсь! О, любовь!» [19. Т. 1. С. 459].

Но события принимают неожиданный оборот, и гармонию между возлюбленными нарушает старый знакомый героя, департаментский рассыльный Спевсип Макаров, который, испытывая «сердечность к чиновникам» [19. Т. 1. С. 459], неожиданно представил героя в самом жалком виде: «Очень мне жалко вас, обидно, ваше благородие!.. Страсть как жалко! Точно вы мне сынок... Человек вы золотой! Душа! Доброта! Смирнник наш! Когда намерен *он*, превосходительство то есть, накинется на вас – тоска взяла! Ей-богу! Думаю, за что он его? Ты и лентяй, и молокосос, и тебя выгоню, то да се... За что? Когда вы вышли от него, так на вас лица не было. Ей-богу... А я гляжу, и мне жалко...» [19. Т. 1. С. 459].

Рассыльный, этот «добрый знакомый», движимый, казалось бы, искренним «сердечным» чувством сострадания по отношению к герою, на самом деле его «осрамил» [19. Т. 1. С. 460]. Рассказ организован психологической ситуацией, в которой неожиданно для себя герой почувствовал себя опустошенным и опозоренным: «Я чувствую, что у меня даже калоши покраснели. Осрамил, каналья! А в стороне, за голыми кустами, сидит ее папенька, слушает и глазеет на нас <...> На другой стороне, за другими кустами, прохаживается ее маменька и наблюдает за “ней”» [19. Т. 1. С. 460]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что мотив «доброты» оказывается связанным и с самим героем: «Человек вы золотой! Душа! Доброта! Смирнник наш!». Однако это уже ничего не может изменить, и финал рассказа: «Я <...> готов подохнуть...» [19. Т. 1. С. 460].

Психологический драматизм ситуации отчасти смягчается общим юмористическим тоном рассказа и в целом зафиксирован в оборотном значении названия рассказа – «добрый знакомый».

«Идиллия – увы и ах!»

Этот рассказ был написан Чеховым в том же 1882 г., и в контексте данного исследования он интересен тем, что его название открыто организовано

принципом «оборотности»: это «идиллия», которая «поворачивается» [18. Т. 2. С. 690] как «увы и ах!».

Рассказ организован внешней фокализацией, при которой «повествование ведется с точки зрения объективного нарратора, не имеющего доступа в сознание персонажа» и «не дающего доступ в него читателю» [1. С. 64]. В нем нарратор-рассказчик создает образ идеального племянника Гриши, который всячески демонстрирует любовь к своему дядюшке – пожилому капитану Насечкину. Рассказ начинается словами Гриши «Дядя мой прекраснейший человек!» [19. Т. 1. С. 449], и далее в повествовании эта позиция героя проходит несколько стадий нарративного повторения и усиления: «Я люблю его всей душой... <...> И слезы навертывались на глазах Гриши, когда он говорил о дядюшке. К чести его сказать, он не стыдился этих хороших слез и плакал публично!» [19. Т. 1. С. 449].

Кульминационной точкой рассказа становится визит рассказчика к дядюшке, где он находит «умилительную картину»: «Бедный племянник и невеста спорили о том, кто из них скорей поцелует дядюшку, и не жалели поцелуев для старичка» [19. Т. 1. С. 449]. Но именно в кульминации реализуется название рассказа «идиллия – улы и ах!»: визитер сообщает дядюшке, что банк, в котором он хранил все свои сбережения, неожиданно «лопнул»: «Да ведь банк лопнул!» [19. Т. 1. С. 450].

Это неожиданное известие мгновенно обесценивает позицию и образ любящего «бедного племянника» Гриши, который был «единственным наследником» [19. Т. 1. С. 449]. Следует подчеркнуть, что идейно-художественный принцип обесценивания достаточно часто используется Чеховым в сюжетах произведений с оборотным значением названия. С точки зрения М.М. Бахтина, в таких случаях происходит «обесценивание всех внешних положений человека в жизни, превращение их в *роли* <...> разрушение <...> целостности человека» [21. С. 137].

Действительно, новость о лопнувшем банке дядюшки обесценивает и «разрушает» поведение Гриши от искренней любви – до «роли», которую он играл как единственный наследник состоятельного пожилого человека. Именно подчеркнутый отказ от «роли», маски определяет финал рассказа: «А ну его к чёрту! Очень он мне нужен, старый чёрт! Дурак! Не мог найти другого банка!» [19. Т. 1. С. 451].

Внешняя фокализация позволила автору до определенного момента скрывать эту сущностно ролевую позицию племянника Гриши как от других героев рассказа (сам рассказчик, дядюшка, невеста), так и от читателя. Так сюжетный принцип обесценивания, реализуемый в том числе в оборотном названии рассказа, в конечном счете обращен к читателю, что убедительно свидетельствует о том, что Чехов уже в самых ранних своих произведениях был особо сосредоточен на специальном авторском моделировании читательского восприятия.

Рассказ «Идиллия – улы и ах!» – о человеческой неблагодарности. Этому же оказался посвящен еще один чеховский рассказ, который специально назван «Благодарный» и название которого также несет в себе значение, прямо противоположное его реальному содержанию.

«Благодарный»

Рассказ «Благодарный» был опубликован в следующем 1883 г. с подзаголовком «психологический этюд» [19. Т. 2. С. 45], что свидетельствует об определенном усложнении общей для двух рассказов проблематики благодарности/неблагодарности. Здесь оформлен специальный заголовочный комплекс, в котором, на первый взгляд, основное содержание произведения обозначено как изображение психологии благодарного человека, но в конечном счете как само название «благодарный», так и подзаголовок «психологический этюд» определяются глубокой авторской иронией.

Однако при этом представляется важным, что Чехов специально подчеркивает психологический смысл этого рассказа, что вновь свидетельствует о том, что принцип оборотного значения названия произведения и его сюжет, основанный на психологической проблематике, в раннем творчестве писателя достаточно часто сочетаются между собой. Сюжет данного рассказа во многом организован идейно-художественными принципами и приемами, близкими к рассказу «Идиллия – улы и ах!». Внешняя фокализация сменяется фокализацией «нулевой», которая «ведется с точки зрения всеведущего нарратора» [1. С. 64], однако для нее так же характерно отсутствие «доступа» читателя. Поэтому здесь вновь актуализируется авторская позиция, специально направленная на читательское восприятие.

Как и в «Идиллии – улы и ах!», здесь главным герой Миша Бобов – также молодой человек и также бедный «дальний родственник» [19. Т. 2. С. 45] своего состоятельного начальника Ивана Петровича, который время от времени помогает ему денежными средствами. Начало рассказа: «Вот тебе триста рублей! – сказал Иван Петрович, подавая пачку кредиток своему секретарю и дальнему родственнику Мише Бобову. – Так и быть, возьми... Не хотел давать, но... что делать? Бери... В последний раз... Мою жену благодари. Если бы не она, я тебе не дал бы... Упросила» [19. Т. 2. С. 45].

Тема благодарности в рассказе сразу же названа – и обозначена как задача, поставленная перед Мишей: «Мую жену благодари».

При этом герой, как кажется, действительно испытывает искреннюю благодарность и к Ивану Петровичу, и к его жене Марье Семеновне: «Миша взял деньги и заморгал глазками. Он не находил слов для благодарности. Глаза его покраснели и подернулись влагой. Он обнял бы Ивана Петровича, но... начальников обнимать так неловко! <...> Он пошел благодарить свою дальнюю родственницу, супругу Ивана Петровича» [19. Т. 2. С. 45]. Такова завязка рассказа.

Его основное содержание – сцена благодарности. Ситуация начинается вполне невинно, но отчасти несколько неожиданно для читателя – с описания подчеркнуто молодой и очаровательной Марьи Семеновны: «Она, маленькая, хорошенькая блондиночка, сидела у себя в кабинете на маленькой кушеточке и читала роман» [19. Т. 2. С. 45]. И действительно, сцена «благодарности» быстро обесценивается [21. С. 137] и превращается в сцену любовного «романа»: «Он

нагнулся и чмокнул в пухленькую ручку Марьи Семеновны <...> Миша нагнулся и чмокнул в обе ручки разом <...> Миша схватил ее локти и судорожно сжал их между своими ладонями» [19. Т. 2. С. 45–46]. Миша сопровождает свои действия непрерывным монологом, в котором тема благодарности сохраняется и продолжается, но, фактически, наполняется противоположным смыслом. Вновь и вновь благодаря Ивану Петровича, Миша характеризует его следующим образом: «Он стар, некрасив, но зато какая у него душа! <...> Не изменяйте ему!» [19. Т. 2. С. 46]. Тема измены мужу быстро переходит в его собственное объяснение в любви: «Я вас люблю страшно, бешено за то, что вы принадлежите ему! Целую святыню, принадлежащую ему... Это святой поцелуй...» [19. Т. 2. С. 46]. Накал любовных страстей усугубляется и упоминанием невесты Кати, на которой Миша собирается жениться в самое ближайшее время.

Специфика данного рассказа состоит в том, что обесценивание здесь представлено Чеховым в слове героя, в его повествовании от первого лица, и нарратив Миши – это открытый, наглядный процесс обесценивания благодарности и превращения ее в предательство. Отсюда – финал рассказа: «Через пять минут в ее кабинет зачем-то вошел Иван Петрович... Несчастный!» [19. Т. 2. С. 47]. При этом «благодарный» Миша по-прежнему считает себя таковым: «Но... но ведь я искренно, ваше превосходительство! – пробормотал Миша. – Честное слово, искренно!» [19. Т. 2. С. 47].

В результате весь заголовочный комплекс рассказа, и его название «Благодарный», и его подзаголовок «психологический этюд», обретает для читателя обратное – оборотное – значение.

«Беззащитное существо»

Психологическая проблематика определяет и последний анализируемый в данном исследовании рассказ «Беззащитное существо», впервые опубликованный 28 февраля 1887 г. в журнале «Осколки». Его значимость определяется тем, что он написан в 1887 г. – уже в переходный период творчества Чехова, в момент становления зрелого творчества писателя, одновременно с ним были созданы такие значимые произведения, как «Дома», «Мальчики», «Каштанка» и др.

Рассказ организован нулевой фокализацией, но этот принцип «всеведущего нарратора» здесь усложняется активной нарративной позицией двух главных героев произведения, находящихся в интенсивном диалоге.

Один из двух главных героев произведения – служащий частного банка Кистунов, который пришел на службу, будучи серьезно нездоровым, что определяет его непростое психологическое состояние. Начало рассказа: «Как ни силен был ночью припадок подагры, как ни скрипели потом нервы, а Кистунов все-таки отправился утром на службу и своевременно начал приемку просителей и клиентов банка. Вид у него был томный, замученный, и говорил он еле-еле, чуть дыша, как умирающий» [19. Т. 6. С. 87].

Его первой посетительницей оказывается госпожа Щукина, вторая главная героиня рассказа, с образом которой, как может показаться на первый взгляд, и связано название произведения «Беззащитное существо»: «Ваше превосходительство, заставьте вечно бога молить, пожалейте меня, сироту, – заплакала Щукина. – Я женщина беззащитная, слабая...» [19. Т. 6. С. 88]; «Я женщина беззащитная, слабая, я женщина болезненная, – говорила Щукина. – На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой» [19. Т. 6. С. 89].

Просьба Щукиной заключается в том, чтобы банк ей выплатил жалование мужа, который не имел к нему никакого отношения и был уволен по линии военно-медицинского ведомства. Кистунов всячески пытается объяснить Щукиной абсурдность ее просьбы, немного позже привлекая к этому и других сотрудников банка: «Поймите вы: ваш муж, насколько я могу судить, служил по военно-медицинскому ведомству, а наше учреждение совершенно частное, коммерческое, у нас банк. Как не понять этого! <...> Вам недоплатили, но мы-то тут при чем?» [19. Т. 6. С. 88].

В этой ситуации декларируемая героиней «беззащитность» быстро обесценивается как взятая на себя и очень выгодная для нее «роль» [21. С. 137]: «Что-о? – взвизгнула вдруг Щукина. – Да как вы смеете? Я женщина слабая, беззащитная, я не позволю! Мой муж коллежский асессор! Сквжина этакая! Схожу к адвокату Дмитрию Карлычу, так от тебя звания не останется! Твоих жильцов засудила, а за твои дерзкие слова ты у меня в ногах навалешься! Я до вашего генерала пойду!» [19. Т. 6. С. 90]. В этом нарративе героини вынесенная в название рассказа «беззащитность» не только обесценивается, но оборачивается своей противоположностью – жестким бессовестным требованием денег, на которые у нее нет никакого права.

В результате эта «беззащитная» дама добивается даже того, что Кистунов отдает ей свои собственные деньги. «Болезненность» Щукиной полностью исчезает, чего нельзя сказать о Кистунове, его состояние существенно ухудшается, что также проявляется в нарративе, который утрачивает обычную грамматическую связность: «Хорошо, сударыня, – простонал Кистунов, – я разберу... приму меры... Уходите... после! <...> Я уеду... болен... – сказал Кистунов томным голосом. – У меня страшное сердцебиение» [19. Т. 6. С. 90–91].

В названии рассказа обращает на себя внимание не только прилагательное «беззащитное», но и слово «существо». Безусловно, на первый взгляд, оно также может относиться к Щукиной, поскольку ее образ организован представлением о ней не как о женщине и даже не как о «существе» человеческого рода, но как о «большом навозном жуке» [19. Т. 6. С. 87]. Однако истинным «беззащитным существом» в рассказе оказывается не героиня-«навозный жук», так навязчиво декларирующая на языковом уровне свою «болезненность» и «беззащитность», но Кистунов. Именно он действительно болен и поэтому оказывается беззащитным перед бесчеловечным напором Щукиной, именно его общее психологическое состояние может быть со-

отнесено с названием рассказа «Беззащитное существо», что вновь свидетельствует о системной и целенаправленной работе раннего Чехова с читательским восприятием, поскольку этот перенос названия может быть им осознан только в результате осмысления всего сюжета произведения в целом.

Данный рассказ 1887 г. представляет собой еще один вариант использования оборотного значения произведения, основанный на приеме переноса его смыслов с одного персонажа на другой, что представляется значимым приемом активизации читательского внимания в раннем творчестве Чехова 1880-х гг.

Выводы

Уже в своем раннем творчестве Чехов активно осмыслил проблематику заголовочного комплекса произведения в соотношении с его сюжетом, о чем убедительно свидетельствуют такие заглавия его рассказов, как «Рассказ, которому трудно подобрать название», «Без названия».

В связи с этим в творчестве Чехова 1880-х гг. оформился особый феномен «оборотного значения» названия произведения, основанием которого стало чеховское представление о полисемантических возможностях заглавия.

На материале рассказов Чехова 1880-х гг. «Письмо к ученому соседу», «Добрый знакомый», «Идиллия – увы и ах!», «Благодарный» и «Беззащитное существо» выявлены такие принципы и приемы организации сложного «оборотного» взаимоотношения названия и всего заголовочного комплекса произведения с его сюжетом, как фокализация, обесценивание, психологизм и др. Художественный принцип «оборотного» значения названия произведения был сформирован и реализован Чеховым в контексте его представлений о системной и целенаправленной работе с читателем, о необходимости авторского моделирования читательского восприятия произведения во всей его возможной многозначности и смысловой полноте.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с обращением к произведениям Чехова 1890–1900-х гг. в указанном аспекте «оборотного значения» их названий.

Список источников

1. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры. 2003. 312 с.
2. Genette G. *Seuils*. P. : Edition du Seuil, 1987. 388 p.
3. Кржижановский С.Г. Поэтика заглавий // Собрание сочинений : в 5 т. СПб. : Symposium, 2006. Т. 4. С. 7–42.
4. Тюпа В.И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М. : Лабиринт [б/г]. 226 с.
5. Скударь Е.В. Название (заглавие) литературного произведения. Размышления редактора // Вестник Московского университета. Серия 10. 2011. № 2. С. 61–68.
6. Веселова Н.А. Заглавие художественного текста: онтология и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 24 с.
7. Веселова Н.А., Орлицкий Ю.Б. Заметки о заглавии (в русской поэзии 1980–90 гг.) // Арион. 1998. № 9. С. 114–120.
8. Кржижановский С.Д. Заглавие // Словарь литературных терминов : в 2 т. М., Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 1. С. 245.
9. Женнет Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 1–2. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
10. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е. Костюкович. М. : Астрель; CORPUS, 2012. 160 с.
11. Ранний Чехов: проблемы поэтики / под ред. А.Д. Степанова. СПб. : Нестор-История, 2019. 192 с.
12. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 291 с.
13. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во МГУ, 1979. 327 с.
14. Новикова Е.Г. Евангельский текст в русской литературе последней трети XIX в. : учеб. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 96 с.
15. Аль-Аббуди М.А.Н. Фокализация темы беды в творчестве А.П. Чехова второй половины 1880-х гг.: рассказы «Горе» (1885), «Чужая беда» (1886), «Беда» (1886) и «Беда» (1887) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 50–58. doi: 10.17223/15617793/482/5
16. Аль-Аббуди М.А.Н. Фокализация темы смерти в творчестве А.П. Чехова: «Цветы запоздалые» (1882), «Смерть чиновника» (1883), «Гусев» (1890) и «Скрипка Ротшильда» (1894) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2023. № 1. С. 4–10.
17. Аль-Аббуди М.А.Н. Оборотные значения названий в прозе А.П. Чехова: рассказы «Радость» и «Счастье» // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов X (XXIV) Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (13–15 апреля 2023 г.) / отв. ред. А.Г. Кожевникова. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2023. Вып. 24. С. 379–382.
18. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940.
19. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. М. : Наука, 1983–1988.
20. Рубина С.Б. Природа иронии Чехова // Ирония и пародия : межвуз. сб. науч. ст. / ред. С.А. Голубков, М.А. Перепелкин, В.П. Скобелев. 2004. С. 98–116.
21. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1979.

References

1. Shmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
2. Genette, G. (1987) *Seuils*. Paris: Edition du Seuil.
3. Krzhizhanovskiy, S.G. (2006) Poetika zaglavii [Poetics of Titles]. In: *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 Vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Symposium. pp. 7–42.
4. Tiupa, V.I. (n.d.) *Analiitika khudozhestvennogo (Vvedenie v literaturovedcheskiy analiz)* [Analytics of the Artistic (Introduction to Literary Analysis)]. Moscow: Labirint.
5. Skudar', E.V. (2011) Nazvanie (zaglavie) literaturnogo proizvedeniya. Razmyshleniya redaktora [Title of a Literary Work. Editor's Reflections]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10*. 2. pp. 61–68.
6. Veselova, N.A. (1998) *Zaglavie khudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika* [Title of an Artistic Text: Ontology and Poetics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
7. Veselova, N.A. & Orlitskiy, Yu.B. (1998) Zametki o zaglavii (v russkoi poezii 1980–90 gg.) [Notes on the Title (in Russian Poetry of the 1980–90s)]. *Arion*. 9. pp. 114–120.

8. Krzhizhanovskii S.D. (1925) Zaglavie [Title]. In: *Slovar' literaturnykh terminov: v 2 t.* [Dictionary of Literary Terms: in 2 Vol.]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Izd-vo L.D. Frenkel'. p. 245.
9. Genette, G. (1998) *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 Vols]. Vol. 1–2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
10. Eco, U. (2012) *Zametki na poliakhi "Imeni rozy"* [Notes on the Margins of "The Name of the Rose"]. Translated from Italian by E. Kostikov. Moscow: Astrel'; CORPUS.
11. Stepanov, A.D. (ed.) (2019) *Ranniy Chekhov: problemy poetiki* [Early Chekhov: Problems of Poetics]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Chudakov, A.P. (1971) *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow: Nauka.
13. Kataev, V.B. (1979) *Proza Chekhova: problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow: MSU.
14. Novikova, E.G. (2020) *Evangel'skiy tekst v russkoi literature posledney treti XIX v.* [Gospel Text in Russian Literature of the Last Third of the 19th Century]. Textbook. Tomsk: Tomsk State University.
15. Al'-Abbudi, M.A.N. (2022) Focalization of the Theme of Trouble in Anton Chekhov's Works of the Second Half of the 1880s: "Woe" (1885), "Other People's Misfortune" (1886), "In Trouble" (1886) and "In Trouble" (1887). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 482. pp. 50–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/482/5
16. Al'-Abbudi, M.A.N. (2023) Focalisation of the Theme of Death in A. P. Chekhov's Creative Work: "Late-Blooming Flowers" (1882), "The Death of a Government Clerk" (1883), "Gusev" (1890) and "Rothschild's Violin" (1894). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 1. pp. 4–10. (In Russian).
17. Al'-Abbudi, M.A.N. (2023) [Reverse Meanings of Titles in the Prose of A.P. Chekhov: the Stories "Radost'" and "Schast'e"]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya* [Current Issues in Linguistics and Literary Studies]. Proceedings of the X (XXIV) International Conference for Young Scientists. 13–15 April 2023. Vol. 24. Tomsk: Tomsk State University. pp. 379–382. (In Russian).
18. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 Vols]. Moscow: Sov. entsikl.; OGIZ.
19. Chekhov, A.P. (1983–1988) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t.* [Complete Works and Letters: in 30 Vols. Works: in 18 Vol.]. Moscow: Nauka.
20. Rubina, S.B. (2004) Priroda ironii Chekhova [The Nature of Chekhov's Irony]. In: Golubkov, S.A., Perepelkin, M.A. & Skobelev, V.P. (eds) *Ironiya i parodiya: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Irony and Parody: Interuniversity Collection of Scientific Articles]. S.l. pp. 98–116.
21. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sov. Rossiya.

Информация об авторе:

Аль-Аббуди М.А.Н. – соискатель Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mntsrkadum@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A.N. Al-Abboodi, external postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mntsrkadum@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024;
одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 30.05.2024;
approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/513/2

Жизненные и литературные представления К.Н. Батюшкова о Флоренции

Марина Павловна Гребнева¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, grmarinagr@mail.ru

Аннотация. Описываются представления К.Н. Батюшкова, имеющие отношение к Флоренции. Материалом послужили письма К.Н. Батюшкова, его статья «Нечто о поэте и поэзии» (1815), переводы отрывка из романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», названного «Слава и блаженство Италии» (1817), и фрагмента из «Декамерона» Боккаччо под названием «Моровая зараза во Флоренции» (1819). Отмечается, что в сознании поэта отчетливо противопоставляется современный город, увиденный им, прошлому и вечному городу, воспетому в произведениях Данте и Боккаччо.

Ключевые слова: Батюшков, Флоренция, письма, переводы, Данте, Боккаччо

Для цитирования: Гребнева М.П. Жизненные и литературные представления К.Н. Батюшкова о Флоренции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 13–19. doi: 10.17223/15617793/513/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/2

Konstantin Batyushkov's life and literary views on Florence

Marina P. Grebneva¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, grmarinagr@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to study the image of Florence in Russian literature. The material for it was the letters of Konstantin Batyushkov and his article "Something about the Poet and Poetry" (1815), translations of an excerpt from J. de Staël's novel *Corinna, or Italy* called "The Glory and Bliss of Italy" (1817), and a fragment from Boccaccio's *Decameron* called "Pestilence in Florence" (1819). The article uses the traditional historical and literary method. In this regard, it is important to characterize Batyushkov's contribution to Russian literature associated with the creation of the image of the "city of flowers". The history of Batyushkov's acquaintance with Florence is divided into two conditional periods. The first mentions of the desire to visit Italy appear in the poet's letters in 1809–1810. Dreams begin to come true in 1817–1818. Even before leaving abroad, in February 1817, Batyushkov had an idea for a book about Italian literature, which he shared with Nikolay Gnedich. The central place in the Pantheon of Italian literature was to be occupied by the works of Dante, Ariosto, and Boccaccio. The choice of the authors characterizes the literary predilections of the creator of the future book, and, without unnecessary modesty, testifies not only to the preferences, but also to the capabilities of the translator. This is exactly what, in his opinion, does not relate to the temporary and imitative, but to the eternal and original. In 1819, Batyushkov managed to fulfill his dream and visit the "city of flowers". However, he is unpleasantly surprised by the phenomenon of a copy, a repetition without which it is impossible to imagine Florence. He is probably also discouraged by the fact that there is no life in the casts stored in the museum. This is only a semblance of life, which is imprinted in them. Statues and casts, according to the poet, transmit the idea of death. It is striking that Batyushkov rejects what constitutes the essence of the city of flowers – stone, copy, cast. The durable stone arouses Batyushkov's rejection in the same way as the short-lived, ghostly, lifeless straw from the banks of the Arno, which attracts his attention and the attention of the addressees of his letters in February, May, August, October 1819. At the same time, if stone amazes with its eternity, then straw with its fragility, instantaneity, immediacy. One acquires the impression that it is a substitute for life, thus slipping away from life. This is what, with all its concreteness, seems ephemeral, ghostly, unnecessary to Batyushkov. In conclusion, it is noted that in the poet's mind, the modern city he saw is clearly contrasted with the past and eternal city, sung in the works of Dante and Boccaccio. Its name is inextricably linked with the names and works of famous Italian poets – with the embodiment of Hell and the homeland of the exiled Dante and the terrible place of death, sung by Boccaccio.

Keywords: Batyushkov, Florence, letters, translations, Dante, Boccaccio

For citation: Grebneva, M.P. (2025) Konstantin Batyushkov's life and literary views on Florence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 13–19. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/2

Образы итальянских городов привлекали внимание таких исследователей, как Н.Е. Меднис [1], О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич [2], Т.Л. Владимирова [3], М.П. Гребнева [4].

Проблемы, связанные с пребыванием К.Н. Батюшкова в Италии, нашли отражение в работах Л.Н. Майкова, В.А. Кошелева, И.А. Пильщикова и др. По мнению В.А. Кошелева, «итальянский период жизни и творчества Батюшкова изучен очень мало. Многие дни, даже месяцы этой жизни, многие моменты творческой деятельности Батюшкова в Италии остаются неизвестными нам. Он пробыл “в отчизне Тасса” около трех лет – и за эти три года сохранилось лишь около десяти его писем, несколько стихотворных отрывков, несколько свидетельств современников, общавшихся с ним, и большое количество разного рода домыслов, догадок, легенд и сплетен, – ибо период этот связан с последующими “черными” годами психической болезни» [5. С. 268].

Л.Н. Майков отмечал, что, «еще в августе 1819 года, описав Жуковскому красоты Неаполитанского залива, он (Батюшков. – М.Г.) принужден был сказать: “Посреди сих чудес удивись перемене, которая во мне сделалась: я вовсе не могу писать стихов”» [6. С. 299–300], «хандра, которая с каждым днем овладевала нашим поэтом, отразилась прежде всего на его творческих способностях» [6. С. 299], «в мае (1821 года. – М.П.) месяце Батюшков покинул Италию; страна, где он надеялся найти исцеление от своих недугов, не дала ему здоровья; напротив того, огорчения, испытанные им в Неаполе, усилили его болезнь и к физическому расстройству присоединили глубокое нравственное потрясение» [6. С. 304–305], «с выездом из Италии Батюшков вздохнул свободнее. Он освободился от зависимости, которая тяготила его, и приближался к отечеству, где его ожидали дружеские встречи» [6. С. 305].

Итальянские письма Батюшкова исследовались, в частности, И.А. Пильщиковым, по словам которого, «его эпистолярное наследие занимает более половины объема» всех сочинений» [7. С. 91], «условный образ Вечного города, выкристаллизовавшийся в неолатинской, итальянской, французской и русской поэзии <...>, оживает в письмах Батюшкова как высшая реальность, переживаемая эстетически» [7. С. 112], «обыденной, бытовой Италии Батюшков поначалу не видел, вернее, не хотел видеть. Неаполь показался ему слишком скучным: этот город, писал он А.И. Тургеневу (24 марта 1819 г.), “длинень и неопрятень”» [7. С. 112].

Литературные взаимосвязи Батюшкова и итальянских поэтов привлекали внимание Д.Д. Благого, который полагал, что «в первые два десятилетия XIX века стал настойчиво вводить в русское литературное сознание итальянскую поэзию знаток и страстный поклонник ее, отлично овладевший итальянским языком Батюшков» [8. С. 13], И.М. Голенищева-Кутузова, который считал, что «глубокий интерес Пушкина к Италии зародился, бесспорно, не без влияния пионера русской италомании Батюшкова» [9. С. 457], Р.М. Гороховой, писавшей, что «среди русских поэтов начала

XIX в. Батюшков был единственным, кто хорошо владел итальянским языком и постоянно изучал в подлинниках итальянскую литературу, преимущественно поэзию эпохи Возрождения» [10. С. 239], что «любимейшим итальянским писателем Батюшкова был Тассо» [10. С. 240], что «антиподы, во многих отношениях в жизни и в творчестве, Ариосто и Тассо в какой-то мере как бы символизируют для нас две ипостаси самого Батюшкова» [10. С. 240].

Однако то, какой представлял себе Батюшков Флоренцию, в работах исследователей не так много сведений. Так, В. Афанасьев замечал, что «во Флоренции Батюшков остановился в альберго “Пеликан”, на самом берегу Арно у древнего моста Святой Троицы. Утром его разбудило солнце. Он вышел на террасу, уставленную кадками с цветами и пальмами. Ему показалось, что он попал в эпоху Рафаэля. Он увидел за рекой чудесные холмы, покрытые садами, шумящими на ветру дубами. Среди дубов – огромный дворец Питти. Чуть выше – беломраморная, с резко очерченным фасадом маленькая церковь Сан Миньято, словно Око Двенадцатого века, задумчиво глядящее на крыши Флоренции...» [11. С. 202], «Но – увы!! – Батюшков не чувствовал радости» [11. С. 203], «он побывал в картинных галереях Питти и Уффици, где итальянская живопись праздничным потоком нахлынула на него. И все же лучшей из картин показался ему вид на город от дворца Питти» [11. С. 203], «впервые за долгое время он вздохнул легко, с чувством беззаботным и радостным. Он даже пожалел, что не попросился во Флоренцию вместо Неаполя. Все полюбилось ему здесь, но, пожалуй, более всего запомнилась мраморная скамеечка на южной стороне собора, снаружи, где любил отдыхать Данте, и портрет Данте на фреске Джотто в замке Барджелло... Пробыв во Флоренции десять дней, Батюшков поехал в Рим» [11. С. 203].

Тема «Батюшков и Флоренция» заявлена также в статье Ю.В. Никольской, Е.С. Шевченко [12]. По мнению исследователей, «идеальное романтическое место стало объектом изображения, развивающимся на протяжении всего творчества поэта. Созданный К.Н. Батюшковым флорентийский мифомир дал почву для дальнейшего развития многих образов и мотивов в творчестве уже других авторов в русской литературе XIX–XX вв.» [12. С. 79]. Нас в данной работе интересует образ Флоренции в письмах и переводах К.Н. Батюшкова.

Италия и Флоренция в эпистолярном наследии Батюшкова

В письме Н.И. Гнедичу, датированном сентябрем – октябрём 1809 г., Батюшков выражает свое желание пожить и послужить за границей: «Я бы согласился и без жалования в Италию, а это важное условие» [13. Т. 2. С. 105]. Желание побывать в Италии – это мечта для поэта, лишенная каких бы то ни было меркантильных расчетов. Альтернативой службе в это время было посещение заграницы: «Я решил: если не пойду служить по этой части, то поеду путешествовать, хотя бы

это стоило десяти тысяч, что меня разорит совершенно; но гнить в ничтожестве не могу» [13. Т. 2. С. 106].

Однако служба и поездка оказались одинаково недостижимыми в это время, Батюшков это понял и не стал обвинять Н.И. Гнедича в нежелании помочь, о чем и сообщил ему в письме от 23 ноября 1809 г.: «Я не хотел путешествовать в мечтах, но хотел быть при миссии на месте. Хотел... лучше сказать, врать. Я знаю, что ты ничем этому пособить не можешь, да и очень трудно. Следственно, про одни дрожжи не говорят трожды» [13. Т. 2. С. 112].

Просьба о возможном отъезде за границу содержится в письме Н.И. Гнедичу, датируемом маем 1810 г.: «Бога ради, любезный Николай, пиши к нему (к князю И.А. Гагарину. – М.Г.) еще раз с 1-ой почтой. Я к нему писал и довольно искренне просил, о чем тебе известно, т<о> е<сть> о чужих краях» [13. Т. 2. С. 135].

По прошествии ряда лет в письме к А.Н. Батюшковой от 19 октября 1817 г. Батюшков вновь делится мечтой о поездке: «Вернее кажется путешествие. Если не дадут способов ехать в Италию, то я отправлюсь в феврале в Тавриду» [13. Т. 2. С. 466]. Крым в этом случае выступает в роли пространственного заместителя Италии.

В письме, датируемом июнем 1818 г., к императору Александру I Батюшков просит о своем направлении на службу в Италию: «Желаю быть причислен к Министерству Иностранных Дел и назначен к одной из Миссий в Италии, которой климат необходим для восстановления моего здоровья, расстроенного ранюю и трудным Финляндским походом» [13. Т. 2. С. 498]. Если в письмах друзьям Батюшков говорит о своих мечтах и надеждах, то в послании к монарху старается мотивировать свое желание оказаться за границей вполне деловыми подробностями – проблемы со здоровьем в виду участия в военных действиях на благо Отечества.

В письме к А.И. Тургеневу от 23 июня 1818 г. Батюшков сообщает: «В Тавриду не поеду, доколе не прояснится судьба моя: туда надобно ехать со спокойным духом, без суетных надежд и желаний; в противном случае только телом буду на берегах Салгара (река в Крыму. – М.П.), а сердцем – во Флоренции, или в Риме, или в Неаполе» [13. Т. 2. С. 498]. Ключевыми словами, характеризующими позицию автора письма, являются образы «дух» («духом») и «сердце» («сердцем»), с одной стороны, и «тело» («телом»), с другой стороны.

Тело поэта может оказаться в Крыму, а душа в Италии, во Флоренции в частности. Батюшков вновь и вновь стремится к пространственной локализации своей мечты. Поездка в Крым могла бы стать не равноценной для него заменой. В этой связи берега или края Салгара оказываются противопоставленными чужим берегам. Далее он продолжает: «Но если бы Италия не удалась, то Крым на ненастное время осени будет моим убежищем <...> По крайней мере воздух Байдары заменит мне воздух Нисы и Флоренции: а воздух для меня главное дело» [13. Т. 2. С. 499]. Для мятущегося духа Батюшкова Крым представляется временным пристанищем, убежищем, местом, в которое он стремится на время, до осуществления своей мечты.

В письме А.И. Тургеневу от 10 сентября 1818 г. он заявляет: «Я знаю Италию, не побывав в ней. Там не найду счастья: его нигде нет; уверен даже, что буду грустить о снегах родины и о людях мне драгоценных» [13. Т. 2. С. 515]. Наличие мечты придает смысл жизни. Осуществление мечты равносильно его утрате.

Те же самые противоречивые чувства запечатлелись в письме к П.А. Вяземскому, датируемом началом ноября 1818 г.: «Паспорт в руке. Италия передо мною. Авось выздоровею! А если умру там, то не забудь, милый друг, написать элгию на мою смерть» [13. Т. 2. С. 521]. Слова «умру», «смерть» хорошо передают настроение, мысли и чувства Батюшкова.

Дважды о Флоренции Батюшков упоминает в письме к Д.Н. Блудову в начале ноября 1818 г.: «Но я покидаю любезное отечество и, через Вену и Флоренцию, спешу в Рим (на который я и взглянуть недостойн!)» [13. Т. 2. С. 522]; «Страшают меня разбойниками и кинжалами. Но Ариоста не ограбили близ Флоренции. Я не Ариост, но его цеха: Кого же убоюсь?» [13. Т. 2. С. 522]. Боязнь смерти у автора письма к П.А. Вяземскому соседствует с его же боязнью только ограбления в послании к Д.Н. Блудову. Самоирония свидетельствует о призрачности надежд на обновление, на новую жизнь.

Обещание посылать весточки содержится в письме к Е.Ф. Муравьевой от 30/18 декабря 1818 г.: «Простите, буду писать из Венеции или Флоренции к вам...» [13. Т. 2. С. 528]. Показательно, что город цветов в письмах Батюшкова постоянно находится в окружении других городов и в качестве одного из городов, ведущих его в Рим. То есть Флоренция не стала центром заграничного путешествия для поэта.

Разочарование сквозит в письме Батюшкова к А.Н. Оленину, датируемом февралем 1819 г., он сообщает: «Во Флоренции есть слепки со всего музея, и мне обещали доставить реестр ценам и статуям, который сообщу вам. Англ<ийский> двор и французский с позволения герцога Тосканского взяли сии слепки в недавнем времени. Здесь я видел собрание египетских статуй для двора баварского: по совести, они жалки, и учиться над ними нечего. Могут быть интересны для антиквариата или для истории искусства, но для художника – нимало!» [13. Т. 2. С. 531].

Вероятно, Батюшкова неприятно поражает сам феномен копии, повтора без которого невозможно представить Флоренцию, он отвергает то, что составляет суть города цветов – камень, копия, слепок [4. С. 14–35]. Долговечный камень вызывает неприятие Батюшкова точно так же, как и недолговечная солома с берегов Арно. При этом если камень поражает своей вечностью, то солома – своей недолговечностью, мгновенностью, сиюминутностью. Складывается такое впечатление, что она – заместитель жизни, ускользающей, таким образом, жизни. Это то, что при всей своей конкретности представляется Батюшкову эфемерным, призрачным, ненужным.

Отсюда почти карикатурный характер переписки поэта со своими знакомыми в феврале, мае, августе, октябре 1819 г. по поводу соломенной шляпки, приобретенной на берегах Арно.

Так, в письме к Н.М. Карамзину от 24 мая 1819 г. он говорит о том, что посылает «с Г. Храповицким *флорентинскую шляпу м<илостивой> г<осударыне>* Катерине Андреевне, которую она получит, однако же, не прежде июля» [13. Т. 2. С. 546].

В письме к В.А. Жуковскому от 1 августа 1819 г. из Искии он информирует адресата: «Это письмо я поручаю М.Е. Храповицкому, почтенному и доброму человеку, некогда моему начальнику, которого супруга берет на себя труд доставить из *Флоренции шляпу Катерине Андреевне*» [13. Т. 2. С. 557].

В послании к Е.Ф. Муравьевой осенью 1819 г. он торопит адресата: «Сделайте милость, внесите А.И. Тургеневу немедленно 25 рублей, которые я просил его вручить С.А. Храповицкой за покупку во *Флоренции шляпки К.А. Карамзиной*» [13. Т. 2. С. 560].

В письме к А.И. Тургеневу от 3 октября 1819 г. он сообщает: «Я писал с Г. Храповицким к Жуковскому, и послал К.А. Карамзиной шляпу. Г. Храповицкий уведомил меня из *Флоренции*, что прибавил к той сумме, которую взял здесь у меня еще 25 франков, что не составит и 25 рублей. Сделайте дружбу вручите их немедленно ему от моего имени, а деньги сии можете получить от Кат<ерины> Фед<оровны>, я уже писал к ней на этот счет» [13. Т. 2. С. 561].

Возникает ощущение, что ничего более важного для Батюшкова, чем эта шляпка, на протяжении почти целого года не существует. Среди его адресатов известные люди и друзья – Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев. То, что происходит, ни в коем случае не является иронией по отношению к ним, но, безусловно, оказывается самоиронией.

Иронизируя по поводу своего многострадального подарка, Батюшков размышляет: «Солома с берегов Арно дурная защита от морозов: эту шляпу надобно запереть в картон до будущих зефиров, то есть до июня 1820» [13. Т. 2. С. 561–562]. Внутреннее состояние Батюшкова передается через образ соломенной шляпки, которая, как выясняется, «дурная защита», которую «надобно запереть».

Таким образом, упоминания о желании Батюшкова посетить Италию относятся к 1808–1810 гг. и встречаются в письмах, адресованных Н.И. Гнедичу. О приближении к осуществлению своей мечты он размышляет в письмах к Н.А. Батюшковой и Александру I, датируемых 1818 г. Название Флоренции впервые появляется в его письме к А.И. Тургеневу от 23 июня 1818 г. Оно содержится также в письмах к Д.Н. Блудову и Е.Ф. Муравьевой, относящихся к тому же году. В них Флоренция предстает местом, находящимся на пути Батюшкова в Рим. Из его письма А.Н. Оленину, отправленного адресату в феврале 1819 г., мы узнаем о том впечатлении, которое произвела Флоренция на путешественника при непосредственном знакомстве с ней. Она оказалась городом ускользающей жизни, которую нельзя остановить ни в долговечных каменных слепах, ни в недолговечной соломе с берегов Арно. Соломенная шляпка, о которой упоминается в письмах к Н.М. Карамзину, В.А. Жуковскому, Е.Ф. Муравьевой, А.И. Тургеневу, передает то, о чем думал и что чувствовал Батюшков, находясь во Флоренции.

Флоренция в художественных произведениях Батюшкова

Еще до отъезда за границу, в феврале 1817 г., у Батюшкова возникает замысел книги об итальянской словесности, которым он поделился с Гнедичем: «Что дадут книгопродавцы за книгу следующего содержания:

Пантеон итальянской словесности

Жизнь и поэма Данте: «Ад» отрывками.

Отрывок из «Иерусалима»: Олинд и Софрония.

Отрывок из «Роланда»: Его бешенство.

Отрывок из «Роланда»: Альцина.

Отрывок из Маккиавеля.

Описание моровой язвы из Боккачио.

«Гризельда». Лучшая сказка из Боккачио.

Взгляд на словесность итальянскую в лучшее ее время и нечто тому подобное [13. Т. 2. С. 421].

Интересно, что автора замысла интересует мотив денег, продажи – покупки: «дадут книгопродавцы», хотя речь идет о выдающихся произведениях не только итальянской, но и мировой литературы. Замысел Батюшкова – это своего рода эквивалент соломенной шляпке и следам из Флоренции. Выбор имен характеризует литературные пристрастия автора будущей книги, свидетельствует без лишней скромности не только о предпочтениях, но и возможностях переводчика. Это как раз то, что не позволит ему «гнить», это как раз то, что относится не к временному, не к подражательному, а к вечному и оригинальному. Батюшков ищет проявления настоящего, оригинального в Италии, во Флоренции в частности. Так как все упомянутые авторы так или иначе связаны с городом цветов.

О своем замысле он сообщает также в письме П.А. Вяземскому от 4 марта 1817 г.: «Собираю италиан<ские> переводы в прозе, отборные места, и хочу выдать две книжки [13. Т. 2. С. 423]; «У меня книга готова. Взял контрибуцию с Данте, с Ариоста, с Тасса, с Маккиавеля и бедного Боккачио прижал к стене. Всем досталось!» [13. Т. 2. С. 424].

Слово контрибуция предполагает наличие победителя и побежденного. Автор письма имеет в виду победу над самим собой, над обстоятельствами, препятствующими осуществлению мечты. Именно эта тяжелая работа по переводу произведений прославленных итальянцев дает Батюшкову ощущение полноты жизни, вопреки отшельническому образу существования, о котором свидетельствует слово «пустынник»: «Будь весел и люби и не забывай твоего пустынника, который морщится, говоря тебе прости: ибо с тобою веселее калякать, нежели переводить длинные периоды Боккачио, мрачный “Ад”» [13. Т. 2. С. 426].

С Флоренцией Батюшкова неразрывно связано содержание «Божественной комедии» Данте и «Декамерона» Боккаччо. В переводе отрывка из романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», названном «Слава и блаженство Италии» (1817), во фрагменте, который не вошел в «Опыты в стихах и прозе», он замечает: «Все в очах его (Данте. – М.Г.) облекается в одежду *Флоренции*; тени древних являются ему тосканцами. Не границы ума его стесняет мир, нет! сила души его влечет вселенную в область его мыслей» [13. Т. 1. С. 311].

Мысли Данте влекут его в Тоскану, во Флоренцию. То же самое испытывает сам Батюшков. Можно предположить в этой связи, что Флоренция для него – это не только административный центр Тосканы, но и центр литературной Италии.

Традиционно для русских авторов предпочтительнее оказывался «Ад» Данте, а не «Чистилище» и «Рай». Батюшков в этом смысле не является исключением: «Данте погрузил гений свой в воды Стикса, чтобы безвредно сойти на берега Тартара. И глубина души его неизмерима, как оные бездны, им столь живо описанные» [13. Т. 1. С. 311].

Одним из феноменов Флоренции является то, что она – не только город жизни, но и смерти, что прошлое в ней живет настоящего. Эту мысль транслирует Батюшков, размышляя о героях «Божественной комедии»: «Поэт и воин Данте, одушевленный свободой, вдыхает жизнь в хладную область могилы, – и тени встают и движутся и действуют сильнее, чем мы, обреченные смерти <...> все прошедшее воскресает, и оно для них непреложнее будущего» [13. Т. 1. С. 311].

Причем Батюшкова интересует, как следует из его плана, не только «Божественная комедия», но и биография ее автора, неразрывно связанная с Флоренцией. Вероятно, драматичная судьба творца «Божественной комедии» привлекала внимание автора перевода: «Нам кажется, что Данте, изгнанный из земли своей, перенес в область воображения всю горечь и тоску, грызущие собственное его сердце» [13. Т. 1. С. 311]; «Данте надеялся, что поэма его положит конец изгнанию; он надеялся, что слава будет посредницею между им и отчизною: но смерть лишила его желанной пальмы из рук признательной Флоренции» [13. Т. 1. С. 311]. В этой связи самого Батюшкова можно охарактеризовать как добровольного изгнанника из любимой им Родины. Образ Данте приобретает у Батюшкова не только черты сугубо биографические, но и символические. Он становится символом романтической несвободы и преждевременной смерти.

Хотя предполагаемые отрывки из Данте до нас не дошли, следы работы над произведением великого флорентийца видны в письмах Батюшкова, в частности в письме к Н.И. Гнедичу (которому он поверяет самые свои сокровенные мысли о Флоренции), датированном началом июля 1817 г.: «Но скажи Вяземскому, что Фортуна не есть счастье, а существо, располагающее злом и добром, нечто похожее на судьбу. Ссылаюсь на прекрасную аллегория Данте в “Чистилище” его» [13. Т. 2. С. 447].

Творец «Божественной комедии» писал:

Влеченья от небес берут начало, –
Не все; но скажем даже – все сполна, –
Вам дан же свет, чтоб воля различала

Добро и зло, и ежели она
Осилит с небом первый бой опасный,
То с доброй пищей, победить должна [14. С. 235].

С точки зрения Данте и Батюшкова, человек сам вершит свою судьбу, отделяя добро от зла, он является

подобием богини Фортуны, подобием «существа, располагающего злом и добром». Показательно, что речь в этом письме идет о поправках П.А. Вяземского к элегии «Умиравший Тасс», в которой Батюшков писал:

Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
[13. Т. 1. С. 255]

Судьбу Данте, по словам Батюшкова, разделил и создатель «Освобожденного Иерусалима»: «Подобная участь постигла Тасса» [13. Т. 1. С. 312].

В статье «Нечто о поэте и поэзии» (1815), вошедшей в «Опыты в стихах и прозе», Батюшков, в частности, писал: «Если бы мы знали подробно обстоятельства жизни великих писателей, то без сомнения могли бы найти в их творениях следы первых, всегда сильных ощущений» [13. Т. 1. С. 44]. Один из примеров, подтверждающих эту мысль, связан непосредственно с Флоренцией и с флорентийскими воспоминаниями автора «Неистового Роланда»: «Молодой Ариост, в бытность свою во Флоренции, влюбился в прелестную женщину. Он часто посещал ее; целые часы в глубоком безмолвии просиживал, любуясь красавицею, которая вышивала по серебру пурпурным шелком. Впечатление прелестных рук навсегда осталось в памяти любовника, и столь сильно, что впоследствии времени, рассказывая битву Мандрикала с злополучным Сербином, он сравнивает алую кровь, текущую из глубокой раны юноши, с пурпурными начертаниями, которые вышивала по серебру белоснежная рука незабвенной флорентинки» [13. Т. 1. С. 44]. Жизненное наблюдение Ариоста послужило основой для эпизода в литературном произведении, в песне 24, в строфе 66:

Таково, я видел, алая проश्ва
Рассекает серебристую ткань
Не под тою ли белоснежною ручкою,
От которой и сердце – пополам? [15. С. 459].

История Ариосто и его возлюбленной напоминает историю Данте и Беатриче. Обе истории объединяет Флоренция – город-женщина и город любви. Она вдохновляла писателей и художников на воспевание идеально прекрасной, платонической, возвышенной любви.

Если строчки из процитированного письма Гнедичу свидетельствуют об универсальных, философских рассуждениях Батюшкова, то его послание тому же адресату, датированное второй половиной июля 1817 г., содержит в себе комическое обыгрывание ситуации, связанной с восторженной рецензией В.И. Козлова на первый том «Опытов в стихах и прозе»: «Я ему (Козлову. – М.Г.) могу то же сказать, что Virgilius Стасу в “Чистилище” Дантовом: Стас, увидя Virgilius, брякнулся ему в ноги, а стыдливый Virgilius, в ответ на такое приветствие: “Ах, братец, не делай этого, ты тень и тень перед собою видишь!”» [13. Т. 2. С. 452].

Батюшков имеет в виду следующий фрагмент:

Уже упав к его ногам, он рад
Их был обнять; но вождь мой, отстраняя:
Оставь! Ты тень и видишь тень, мой брат»
[14. С. 262].

Показательно то, как играет словами Батюшков, заменяя слово брат на слово братец, выражение «упасть к ногам» на «брякнуться в ноги», тем самым подозревая Козлова в неискренности, в том что тот «или смеется, или дурачит меня; а если это просто, то я полагаю, что он пьет запоем мертвую чашу и с похмелья пишет рецензии» [13. Т. 2. С. 452].

Наряду с «Божественной комедией» внимание Батюшкова привлек и «Декамерон» Боккаччо. Он перевел начало и конец этого произведения. В послании к Н. Гнедичу в марте 1817 г. он, в частности, писал: «Ergo, посылаю тебе милую “Гризельду” и милую “Моровую заразу” из Боккаччо. И то и другое можешь поместить между прозою или в конце, если печатание (тома «Опытов в стихах и прозе». – М.Г.) кончилось. Что нужды? Сказка интересна: она и отрывок о заразе – саро d' орега итальянской литературы» [13. Т. 2. С. 431]. Слово «милая» применительно к обоим произведениям говорит об их смысловой противопоставленности и об их эстетическом равенстве.

Непосредственно о городе цветов речь идет в «Моровой заразе во Флоренции». Автор вынес его название в заглавие этого фрагмента. Батюшков подчеркивает то обстоятельство, что «ужасная моровая зараза» постигла один «из великолепнейших городов Италии» [13. Т. 1. С. 327]. Прекраснейший город стал местом смерти.

Флоренция предстает тем пространством, где чело века настигает Божья кара. Болезнь, уносящая жизни многих людей, оказывается «в наказание за грехи наши правосудным небом посланная» [13. Т. 1. С. 327].

Все действия людей, противопоставленные Божьей воле, оказываются тщетными: «*Напрасно* градоначальники очищали Флоренцию; *напрасно* вход в оную воспрещен был зараженным и все пособия искусства врачебного для сохранения здоровья истощены в городе и в окрестностях; *напрасно* беспрестанные моления возносились к небесам и крестные ходы совершались благочестивыми людьми и служителями церкви!» [13. Т. 1. С. 327].

Автор-переводчик предстает здесь человеком, столкнувшимся со сказочным событием и приобщившимся к нему: «Несмотря на предосторожности и на всю человеческую прозорливость, в начале весны 48-го года страшным, чудесным образом начала (зараза. – М.Г.) свои опустошения» [13. Т. 1. С. 327]; «Она сообщалась здоровым с чудесною быстротою...» [13. Т. 1. С. 327]; «Чудесное дело я должен объявить вам!» [13. Т. 1. С. 327]. Батюшкову, благодаря Боккаччо, удастся показать, что Флоренция – это сказочный город, в котором случаются чудеса.

Однако это «чудо» не радует, а ужасает, лейтмотивом флорентийского бедствия оказывается слово «ужас» и производные от него: «Сила заразительная столь была ужасна, что одно прикосновение к одеждам больного убивало зверей домашних» [13. Т. 1. С. 328]; «От сих зрелищ и тому подобных ужасов родились различные

страхи...» [13. Т. 1. С. 328]; «...столь великий был ужас, столь опасность возрастала повсюду!» [13. Т. 1. С. 329]; «И что всего ужаснее, всего невероятнее, отцы и матери забывали детей своих...» [13. Т. 1. С. 329]; «столь ужасен был гнев божеский...» [13. Т. 1. С. 331].

Эти ужасные и чудесные события сделали людей жестокими и развратили их: «но вскоре те, которые, будучи в силах, не спешили на помощь болящим и подавали другим пример гнусного жестокосердия, сами лежали без призрения» [13. Т. 1. С. 329]; «Все сии обряды при ожесточении сердец изменились, или уничтожились, или заменились другими» [13. Т. 1. С. 330]; «Наконец ожесточение столь было велико, что о людях заботились столь же мало, как о животных, погибающих в лесах и пустынях» [13. Т. 2. С. 330–331]; «Скажу в заключении: столь ужасен был гнев божеский и отчасти ожесточение и виновная беззаботливость людей...» [13. Т. 1. С. 331]. Зараза превратила людей в зверей, а прекрасный город – в пустыню.

В этом контексте по-новому звучат слова Батюшкова из письма П.А. Вяземскому, о которых мы упоминали: «Будь весел и люби и не забывай твоего пустытника, который морщится, говоря тебе прости: ибо с тобою веселее калякать, нежели переводить длинные периоды Боккаччо, мрачный “Ад”» [13. Т. 2. С. 426]. Тем более, что этот контекст возникает благодаря упоминанию о Боккаччо и его произведении. Флоренция в этом контексте предстает для Батюшкова пустыней не только в прошлом, но и в настоящем. Феномен жизнеспособности прошлого во Флоренции отмечался нами [4. С. 70–100].

Следует заметить, что Флоренция – не лес и не пустыня, а люди, населяющие ее, превращаются в животных. В этом ужасном и чудесном явлении, ожесточившем людей, Батюшков склонен видеть Божью волю, наказание людей за их грехи: «Гнев божий (говорили они, убегая) не будет их преследовать: он весь обрушился на сей город, на тех, которые обитают в преступных стенах Флоренции; здесь ни один не спасет себя от гибели; здесь каждый обречен смерти» [13. Т. 1. С. 329].

Образ Флоренции отразился не только в переписке Батюшкова с друзьями, но и в его художественных произведениях, связанных с осуществлением замысла под названием «Пантеон итальянской словесности», которым он поделился с Н.И. Гнедичем в феврале 1817 г. Центральными фигурами в нем должны были стать фигуры Данте, Боккаччо, Ариосто, Тассо. Замысел оказался не осуществленным, но отдельные наброски к нему сохранились и свидетельствуют о его значительности. Так, упоминания о Данте и его «Божественной комедии» содержатся в переводе отрывка из романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», названном «Слава и блаженство Италии» (1817), во фрагменте, который не вошел в «Опыты в стихах и прозе». Предполагаемые отрывки из Данте до нас не дошли, но следы работы над произведением великого флорентийца видны в письмах Батюшкова к Н.И. Гнедичу 1817 г. Работа над биографией Ариосто и возможным переводом из «Неистового Роланда», в той его части, который мог быть связан с городом цветов, отразилась в статье Батюшкова

под названием «Нечто о поэте и поэзии» (1815), вошедшей в «Опыты в стихах и прозе». Наконец, следует заметить, что Батюшкову удалось перевести начало и конец «Декамерона» Боккаччо – «Гризельда» и «Моровая зараза во Флоренции». Второй отрывок посвящен городу цветов, который оказывается местом смерти.

В заключении отметим, что реальные впечатления Батюшкова от Флоренции, на наш взгляд, отличаются от его же литературных впечатлений о ней. Житейские представления нашли отражение в эпистолярном

наследии, а художественные – в переводах произведений о прославленных флорентинцах и в переводах произведений самих прославленных флорентинцев.

Первые связаны с современной поэту действительностью, а вторые – с историческим прошлым. Феномен вечно живого прошлого весьма созвучен образу Флоренции в русской культуре. Батюшкова можно отнести к числу тех русских авторов, для которых важнее не повседневность в городе цветов, а его вневременная сущность.

Список источников

1. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. 392 с.
2. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков. Салерно, 2014. 426 с.
3. Владимиров Т.Л. Римский текст в творчестве Н.В. Гоголя. Томск, 2010. 176 с.
4. Гребнева М.П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск, 2009. 182 с.
5. Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. 351 с.
6. Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. М., 2001. 528 с.
7. Пильщиков И.А. Батюшков и литература Италии. Филологические разыскания. М., 2003. 318 с.
8. Благой Д.Д. Пушкин и Данте // Дантовские чтения. 1973. М., 1973. С. 9–64.
9. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. 551 с.
10. Горохова Р.М. Из истории восприятия Ариосто в России (Батюшков и Ариосто) // Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1975. С. 236–272.
11. Афанасьев В. Ахилл, или жизнь Батюшкова. М., 1987. 254 с.
12. Никольская Ю.В., Шевченко Е.С. Образ Флоренции в творчестве К.Н. Батюшкова // XVII Королевские чтения. Самара, 2023. Т. 2. С. 79–80.
13. Батюшков К.Н. Сочинения : в 2 т. М., 1989.
14. Данте Алигьери. Божественная комедия. Пермь, 1994. 479 с.
15. Ариосто Лудовико. Неистовый Роланд. Л., 1993. URL: <https://djvu.online/file/IMCzPLBEfKIPZ>

References

1. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk.
2. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (2014) *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in Russian Literature of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Salerno.
3. Vladimirova, T.L. (2010) *Rimskiy tekst v tvorchestve N.V. Gogolya* [The Roman Text in the Works of N.V. Gogol]. Tomsk.
4. Grebneva, M.P. (2009) *Kontseptosfera florentiyskogo mifa v russkoy slovesnosti* [The Concept Sphere of the Florentine Myth in Russian Literature]. Tomsk.
5. Koshelev, V.A. (1987) *Konstantin Batyushkov. Stranstviya i strasti* [Konstantin Batyushkov. Wanderings and Passions]. Moscow.
6. Maykov, L.N. (2001) *Batyushkov, ego zhizn' i sochineniya* [Batyushkov, His Life and Works]. Moscow.
7. Pil'shchikov, I.A. (2003) *Batyushkov i literatura Italii. Filologicheskie razyskaniya* [Batyushkov and the Literature of Italy. Philological Research]. Moscow.
8. Blagoy, D.D. (1973) Pushkin i Dante [Pushkin and Dante]. In: *Dantovskiye chteniya. 1973* [Dante Readings. 1973]. Moscow. pp. 9–64.
9. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1971) *Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura* [The Works of Dante and World Culture]. Moscow.
10. Gorokhova, R.M. (1975) Iz istorii vospriyatiya Ariosto v Rossii (Batyushkov i Ariosto) [From the History of the Perception of Ariosto in Russia (Batyushkov and Ariosto)]. In: *Epokha romantizma. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury* [The Age of Romanticism. From the History of the International Connections of Russian Literature]. Leningrad. pp. 236–272.
11. Afanas'yev, V. (1987) *Akhil, ili zhizn' Batyushkova* [Achilles, or the Life of Batyushkov]. Moscow.
12. Nikol'skaya, Yu.V. & Shevchenko, E.S. (2023) *Obraz Florentsii v tvorchestve K.N. Batyushkova* [The Image of Florence in the Works of K.N. Batyushkov]. In: *XVII Korolevskie chteniya* [XVII Korolev Readings]. Vol. 2. Samara. pp. 79–80.
13. Batyushkov, K.N. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 Vols]. Moscow.
14. Alighieri, D. (1994) *Bozhestvennaya komediya* [The Divine Comedy]. Perm'.
15. Ariosto, L. (1993) *Neistovyy Roland* [Orlando Furioso]. Leningrad. [Online] Available from: <https://djvu.online/file/IMCzPLBEfKIPZ> (Accessed: 10.06.2024).

Информация об авторе:

Гребнева М.П. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: grmarinagr@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.P. Grebneva, Dr. Sci. (Philology), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: grmarinagr@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 821.14
doi: 10.17223/15617793/513/3

Античная эпитафия от первого лица как один из источников нарратива мертвеца

Вероника Борисовна Зусева-Озкан¹

¹ Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Аннотация. Исследуется корпус античных и ранневизантийских эпитафий, написанных от первого лица, в связи с понятием «постум-нарратив», т.е. «повествование мертвого». С опорой на идею Ж. Женетта о наррации как развитии одной глагольной формы утверждается, что такие эпитафии стали одним из источников постум-нарратива в европейской литературе – наряду с «диалогами мертвых» Лукиана. Их нарративное содержание сопоставляется как с лукиановскими мотивами, так и с мотивами постум-нарративных текстов современности.

Ключевые слова: эпитафия, автоэпитафия, постум-нарратив, античная и ранневизантийская словесность, историческая поэтика, диахроническая нарратология

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00091, <https://rscf.ru/project/25-28-00091/>) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. Античная эпитафия от первого лица как один из источников нарратива мертвеца // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 20–31. doi: 10.17223/15617793/513/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/3

Ancient first-person epitaph as one of the sources of the posthumous narrative

Veronika B. Zuseva-Ozkan¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
v.zuseva.ozkan@gmail.com

Abstract. The article considers ancient and early Byzantine epitaphs (from the 6th century BCE to the 6th century CE) in the aspect of the historical poetics of posthumous narration. The question is raised of how the first-person epitaph relates to the so-called "narrative from beyond the grave" of modern literature. The narrative content of such epitaphs is compared, on the one hand, with the most plausible source of the posthumous narrative, i.e., the "dialogues of the dead" by Lucian of Samosata, and, on the other hand, with the motifs of contemporary texts based on the narration from beyond the grave. It is revealed that in terms of form, the ancient first-person epitaph is even closer to the posthumous narrative than the Lucianic tradition, where narration is inscribed in the conventionally dramatic form of a dialogue, whereas in epitaphs it is directly conducted by the "dead person". Noteworthy is the convergence that the two genres experience in the Hellenistic era, which is manifested in the question-and-answer form of epitaphs (as well as in some characters, which the both genres happen to share). An increase in the size of epitaphs is noted as the genre evolves, as well as the process of "narrativization" of funerary poetry (the further, the more events it contains). Most of its motifs appear both in Lucian and in modern posthumous narratives (for example, the motifs of the irony of fate and death, *vanitas vanitatem* and the earthly hierarchy beyond the grave, murder and punishment for murder or revenge, the dead person discussing one's grave), but some are typical only of epitaphs (the motif of posthumous glory). Conversely, some motifs constant in Lucian and in modern posthumous narratives are not reflected in epitaphs; this is especially true of the extremely detailed elaboration of the "laws" and "structure" of the afterlife. Moreover, it is not narrativity that dominates the epitaphs, but performativity, i.e., direct action with words, originating in the magical, incantatory roots of lyric poetry. The auto-epitaphs under study contain a variety of performatives: oaths and curses, orders and requests, complaints, blessings, greetings, permissions, promises, wills and teachings, to which the narrative is subordinated. It is precisely this hierarchy of the narrative and the performative that is the main and fundamental difference between ancient ego-epitaphs and the Lucianic tradition of a journey to the afterlife, included in the "dialogue of the dead" (where performatives take place, but in an inverse proportion and hierarchy in relation to the narrative element), and modern posthumous narratives, where performatives are practically absent – at least, performatives addressed to an extra-textual, extradiegetic addressee. Therefore, the ancient first-person epitaph should be recognized as a "side" line of the tradition leading to the contemporary posthumous narrative: it is related to it, but is not its main source, although from the point of view of formal structure it resembles it even more than the direct source – the entire Lucianic line.

Keywords: first-person epitaph, posthumous narrative, narrative from beyond the grave, Antiquity, historical poetics, "dialogues of the dead"

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00091, <https://rscf.ru/project/25-28-00091/>, and implemented in IWL RAS.

For citation: Zuseva-Ozkan, V.B. (2025) Ancient first-person epitaph as one of the sources of the posthumous narrative. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 20–31. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/3

Эта статья исследует античную и ранневизантийскую эпитафию – в принципе, материал хорошо известный, хотя и прирастающий новыми находками, – с несколько неожиданного ракурса. Нашей целью будет установить, как эпитафия от первого лица соотносится с так называемым «постум-нарративом» [1], или «повествованием мертвого». Это явление обычно рассматривается как модернистское и постмодернистское, а попытки заглянуть глубже и исследовать генезис и эволюцию постум-нарратива остаются редкими и поверхностными [2–4]. Между тем, чтобы по-настоящему разобраться в природе современного постум-нарратива, нужно восстановить его генезис и эволюцию, связанный с ним мотивно-сюжетный комплекс и мифопоэтику.

По-видимому, одна линия формирования постум-нарратива связана с жанром «диалога мертвых» и сюжетом путешествия в загробный мир, которые развивал Лукиан из Самосаты (ок. 120 – после 180 н. э.) [5]. Другой источник постум-нарратива в античной литературе, согласно нашей гипотезе, представляет собой античная эпитафия от первого лица, которая обычно в довольно краткой форме (две строки, иногда четыре, редко шесть-восемь, еще реже – 12) передавала события жизни и обстоятельства смерти покойника; как правило, такая эпитафия имела в первую очередь прагматические функции, выпарываясь на могильном камне, и лишь гораздо позже перешла в разряд «литературных» произведений, предназначенных не для камня, а для бумаги, точнее, пергамента [6, 7] (особенно когда в эллинистическую и ранневизантийскую эпохи приобрела задачу восславления великих поэтов древности).

Одной из методологических основ нашей гипотезы является положение Ж. Женетта о том, что, «поскольку любое повествование – будь оно столь пространно и столь сложно, как “Поиски утраченного времени”, – есть некоторое языковое произведение, занятое изложением одного или нескольких событий, представляется вполне допустимым рассматривать его как риторическое развитие, сколь угодно грандиозное по масштабам, одной-единственной глагольной формы, то, что в грамматике называется распространением глагола. “Я иду”, “Пьер пришел” – для меня это минимальные формы повествования, и наоборот, “Одиссея” и “Поиски” суть не что иное, как риторическая амплификация высказываний типа “Одиссей возвращается на Итаку” или “Марсель становится писателем»» [8. С. 67–68]. То есть, следуя этой логике, постум-нарратив можно рассматривать как «амплификацию» того событийного ядра, которое заложено в античных эпитафиях от первого лица – и которое уже само по себе

не сводится к «уникальной энантиосеме» «Я умер» [9. С. 453], но вводит различные ее обстоятельства.

Среди первоначальных, установочных замечаний следует также упомянуть, что античные эпитафии далеко не всегда писались от первого лица лежащего в могиле покойника (или покойников – в первом лице множественного числа). В корпусе эпитафий – разновидности жанра эпиграммы – мы встречаем и тексты, написанные в первом лице поэта, воспевающего покойника (например, у Анакреонта: «Больше всех бойцов скорблю я о тебе, Аристоклид, / Молодым погиб, спасая край родной от рабства, ты» [10. С. 32]), и даже в первом лице памятника на могиле, что, видимо, представляет собой частный случай эпиграмм от лица того самого предмета, на который нанесена надпись¹ (например, в приписываемой Гомеру эпиграмме «На гробницу Мидаса»: «Медная дева, я здесь возлежу на гробнице Мидаса, / И до тех пор, пока воды текут и леса зеленеют, / На орошенном слезами кургане его пребывая, / Я возвещаю прохожим, что это Мидаса могила»² (AP VII, 153) [10. С. 23]), и в первом лице Аида («На смерть Германика» Лоллия Басса: «Стражники мертвых, поставьте преграды у каждого входа / В царстве Аида, и вы, двери, замкнитесь на ключ! / Так говорю я, Аид. Не для нас он – для неба Германик. / Разве такое судно мог бы вместить Ахеронт?» (AP VII, 391) [10. С. 202]), и в третьем лице по отношению к покойнику (например, у Симонида Кеосского: «Памятник это Мегистия славного. Некогда персы, / Реку Сперхей перейдя, жизни лишили его. / Вещий, он ясно предвидел богинь роковых приближень, / Но не хотел он в бою кинуть спартанских вождей» (AP VII, 677) [10. С. 34]), и во втором лице единственного и множественного числа (и вновь Симонид: «Радуйтесь, лучшие дети афинян, цвет конницы нашей! / Славу великую вы в этой стяжали войне. / Жизни цветущей лишились вы ради прекрасной отчизны, / Против большого числа эллинов выйдя на бой» (AP VII, 254) [10. С. 34])).

Любопытно, что О.М. Фрейденберг, мимоходом касаясь античной эпитафии, пишет исключительно о первоначальных ее образцах, причем в книге «Миф и литература древности» (где она исследует движение античной литературы от образа к понятию) называет этот жанр «странным»: «Лирический автор еще говорит за бога и оттого говорит о себе. Его личность <...> вырастает из темы: один и тот же субъектно-объектный образ, переходя в понятие, создает и автора отдельно, и то, о чем автор поет. Этим, между прочим, объясняется и наличие в античности такого странного жанра, как эпитафии (эпиграммы), где умерший говорит от своего лица, в первом лице, сам о себе. В этих эпитафиях автор и умерший еще не отделены, и потому в античной

похоронной лирике нет отграниченного, понятийного автора» [12. С. 357]. В «Поэтике сюжета и жанра» есть чуть более пространный пассаж, в котором Фрейденоберг говорит об эпитафиях в одном ряду с надписями на стенах царских гробниц, приписывая им единое значение – воскрешающее (о значении эпитафии и погребального обряда в Древней Греции см. также: [13]). При этом утверждается неразграниченность субъекта и объекта в древней литературе – ее субъектный синкретизм, проистекающий из первобытного тотемизма: «Тотемистическое мышление есть мышление автобиографическое: для него мир – это тотем, а тотем – это каждый человек, взятый совокупно и раздельно. Есть только одно всеобщее собирательное “я”, на лицо которого наброшена маска безличного хорового коллективизма <...>. Все, что происходит, происходит в тотеме; мир – его автобиография. Он движется и поет, но это рассказ о себе самом, всегда обращенный к самому себе. <...> Тотем, оплакивая умершего, оплакивает в нем себя; смеясь акту плодородия, он радуется себе, победная песня, которую он поет, говорит о победе его. <...> Египетский царь, бог на земле (как и все вообще древневосточные цари), повествует сам о себе в стереотипных выражениях; сам о себе рассказывает египетский покойник. <...> “Говорить” – значит “жить”; и вот слова начертываются в гробницах, и первые книги – не живых, а мертвых. <...> первые поэтические произведения имели смысл только в гробницах, где они также гарантировали воскресение, как и изображения на могилах “трапез мертвых”³ <...> Умерший рассказывает о себе, оживая в этом; рассказ об его собственных деяниях покрывает могильные плиты, развиваясь от краткой формулы эпитафий до целых повествований на стенах усыпальницы» [16. С. 128–129].

При всей убедительности этого фрагмента, как и вообще гениальных концепций Фрейденоберга, само разнобразие различных форм эпитафийных текстов (тогда как исследовательница, напомним еще раз, сосредотачивается на эпиграммах от первого лица) требует более осторожного подхода. По нашему мнению, если в ранних образцах жанра субъектный синкретизм еще и может являться основой «странного» повествования от первого лица мертвеца, то чем дальше, тем больше оно переходит в статус понятийного «приема», сопровождаемая различными экспериментами и сохраняя в лучшем случае воспоминание о древней нерасчлененной природе сказывания: например, в текстах с вопросно-ответной формой («Имя мне...» Павла Силенциария, AP VII, 307), в размышлении Паллада «Грекам» (AP X, 82, 90), где коллективный мертвец – греческий народ, в «модернистском» тексте Антифила Византийского «К милым отчизны брегам приближался...» (AP VII, 630), где прямо в процессе наррации герой-рассказчик приобретает статус мертвеца, в поздних автоэпитафиях поэтов: Каллимаха, Леонида Тарентского, Меллеагра Гадарского.

Отметим, кстати, и такое явление, как парность эпитафий от первого и третьего лица: зачастую об одном лице пишутся две или более эпитафии, которые как бы исчерпывают различные повествовательные

возможности и дают одно событие из разных перспектив (а также, по предположению ученых, предназначаются для двух надгробных столбов – по обе стороны урны). Таковы, например, «Эпитафии Бавкиде» Эринны⁴ (IV в. до н. э.):

1
Вы, о колонны мои, вы, сирены, ты, урна печали,
Что сохраняешь в себе пепла ничтожную горсть, –
Всех, кто пройдет близ могилы, встречайте приветливым словом,
Будут ли то земляки или из других городов.
Всем вы скажите, что юной невестой легла я в могилу,
Что называл мой отец милой Бавкидой меня,
Что родилась я на Теносе и что подруга Эринна
Здесь, на могиле моей, высекла эти слова.

2
Это могила Бавкиды, невесты. К слезами омытой
Стеле ее подойдя, путник, Аиду скажи:
«Знать, ты завистлив, Аид!» Эти камни надгробные сами,
Странник, расскажут тебе злую Бавкиды судьбу:
Факелом свадебным, тем, что светить должен был Гиmeneю,
Свекру зажечь привелось ей погребальный костер,
И суждено, Гименею, перейти было звукам веселым
Свадебных песен твоих в грустный напев похорон.
(AP VII, 710, 712) [10. С. 63–64]

Но и еще раньше есть основания говорить о перебирании различных возможностей местоименно-грамматического репертуара. Так, уже в «Фермопильских надписях» Симонида Кеосского (556–468 до н. э.) следуют друг за другом эпитафии от третьего, второго, первого лица. Это, разумеется, выбивается из теории Фрейденоберга: сама сознательная демонстрация разных перспектив – покойника и живых, скорбящих о нем, – свидетельствует как раз о «расчлененности» объекта и субъекта. И чем дальше, тем больше первое лицо мертвеца становится литературной условностью, а буквальная задача «воскрешения», о которой писала Фрейденоберг, переходит в идею «памяти в веках», т.е. тоже жизни после смерти, но не непосредственно-онтологического, а метафорически-исторического толка.

Итак, каковы же те «минимальные формы повествования», выражаясь женеттовским языком, которые запечатлелись в эпитафиях? Или, иначе, что составляет содержание кратких и относительно кратких эпитафийных нарративов? При выявлении этого нарративного содержания мы будем активно пользоваться термином «мотив», понимая его как минимальную повторяющуюся единицу текста, в том числе в сюжетном, событийном аспекте (т.е. в том духе, в каком писал о мотиве А.Н. Веселовский)⁵. При этом мы не стремимся исчерпать все известные эпитафии от первого лица (их очень много), хотя исследуемые тексты принадлежат огромному временному отрезку от VIII в. до н. э. до VI в. н. э.; наша цель состоит только в том, чтобы установить основные закономерности.

Начнем с того, что эпитафии, особенно относительно ранние, зачастую содержат мотив *посмертной славы* и повествуют о *воинских подвигах и доблестях*, как в «Мегарской надписи» Симонида Кеосского, где

покойники выступают коллективным субъектом и речь ведется от первого лица множественного числа:

Греции и мегарянам свободную жизнь увеличить
Сердцем стремясь, мы в удел смерть получили: одни –
Пав под высокой скалою Эвбеи, где храм Артемиды,
Девы, носящей колчан, славный в народе, стоит,
Или у мыса Микалы; другие – вблизи Саламина,
Где финикийских судов ими погублена мощь;
Те, наконец, – на равнине Беотии: пешие, смело
В битву вступили они с конною ратью врага...
Граждане наши за это на площади людной Нисеи
Памятник нам возвели, честию великой почтив.

(AP III, 14) [10. С. 40]

Это, в общем, будет не характерно для постум-нарративной традиции, не героической, а сатирической или элегической, в крайнем случае – драматической по модусу⁶. (Хотя сама фиксация на могиле, на месте упокоения – безусловно, одна из мотивных констант постум-нарратива.) Схожим образом устроены эпитафии Симонида «Коринфянам, павшим на Саламине» (AP II, 4) и «Афинянам, павшим на Эвбее» (AP XVI, 26). Во втором из этих текстов тоже присутствует мотив возведения благодарными гражданами памятника (здесь – могильного кургана), а также нередко встречающийся в эпитафиях мотив *погибшей юности*, в данном случае – отданной за свободу отчизны.

Своего рода противоположностью мотиву посмертной славы является мотив *праха, в который обращается мертвец*. В диалогах мертвецов Лукиана – другом античном жанре, где мертвецы говорят и рассказывают, – этот мотив приобретал макаберный оттенок: смерть оставляет человека вполне голым – до костей в прямом смысле слова, в смерти все похоже и все равны: «<...> узнать среди них кого-нибудь далеко не так просто: все они совершенно похожи друг на друга – одни обнаженные кости. <...> в этой толпе, конечно, трудно было отличить Терсита от прекрасного Нирея, нищего Ира от царя феаков, или повара Пиррия от Агамемнона» [22. С. 328–329]. В современных постум-нарративах «кости» могут заменяться любыми элементами с негативными и отвратительными коннотациями (например, «мусором» и «экскрементами» в «Стреле времени» М. Эмиса). В эпитафиях этот мотив тоже присутствует, но в свете ритуализма и перформативности «надгробной» лирики (одна из функций которой состоит в предотвращении осквернения и разрушения могилы) трактуется в паре с образом мертвеца как части земли, т.е. воплощения божества. Вот, например, достаточно ранний образец из Эпихарма (ок. 540–450 до н. э.):

Мертв я; мертвый – навоз, и земля состоит из навоза.
Если ж земля – божество, сам я не мертвый, но бог.

[10. С. 42]

А вот очень поздний, уже римского периода:

Родным была мила, скончалась девушкой.
Мертвая здесь я лежу, я стала прахом – землею,
Если ж Земля – божество, не мертвая я, но богиня.
Не оскорбляй, прошу, моих костей, прохожий.

[23. С. 408]

В эпитафиях часто появляется *обращение к путнику* [24, 25], от которого может требоваться взять на себя *функции вестника*, как в одной из «Фермопильских надписей», где нарратив второй строки сочетается с перформативом первой:

Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лакедемон,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли.

(AP VII, 249) [10. С. 34]

В современном постум-нарративе встречаются схожие элементы: либо обращения к эксплицитному читателю, от которого тоже требуется донести некое послание, как в романе Орхана Памука «Меня зовут Красный» (1998), либо мотив нетерпеливого ожидания мертвецом того, что на него обратят внимание живые и смогут понять его сообщение, как в «Милых костях» (2002) Э. Сиболд.

Противоположный мотив – полное нежелание мертвеца, чтобы его покой нарушали: покойник всячески прогоняет путников. Среди примеров – эпитафия Гегесиппа (перв. пол. IV в. до н. э.) «На гроб Тимона» (Тимон – афинский мизантроп V в. до н. э., постоянный предмет эпиграмм):

Сплошь окружают могилу волчеч и колючий терновник, –
Ноги изранишь себе, если приблизишься к ней.
Я обитаю в ней – Тимон, людей ненавистник.

Уйди же! Сколько угодно кляни, жалуйся, – только уйди!

(AP VII, 320) [10. С. 61]

Или одна из эпитафий Леонида Тарентского (III в. до н. э.), в которой вообще сильно ощутим субстрат заклипания, магического перформатива, обещающего *гибель тому, кто потревожит мертвеца*:

Гроба сего не приветствуй, прохожий! Его не касаясь,
Мимо спеши и не знай, кто и откуда я был.
Если ты спросишь о том, да будет гибелью путь твой;
Если ж и молча пройдешь, гибель тебе на пути.

(AP VII, 316) [10. С. 121]

В некоторых эпитафиях функция путника состоит не в том, чтобы помочь покойнику, передав его послание, или, наоборот, не тревожить мертвеца, а в самой возможности проявления «голоса мертвого»: именно благодаря возникновению адресата мертвец получает возможность рассказать о себе, т.е. «путник», «прохожий» становится здесь чем-то вроде эксплицитного читателя в романе, как в следующей эпитафии Леонида Тарентского:

– Кто ты, лежащая здесь под этим паросским надгробьем?

– Дочь Каллитела, Праксо. – Край твой родимый? – Самос.

– Кто тебя предал земле? – Феокрит, мне бывший супругом.

– Смерти причину открой. – Роды сгубили меня.

– Сколько ты лет прожила? – Двадцать два. – Неужели бездетной?

– Нет, Каллител у меня, мальчик остался трех лет.

– Счастливо пусть он живет и старость глубокую встретит.

– Пусть же Судьба и тебе счастье дарует, о гость⁷.

(AP VII, 163) [10. С. 120]

Другой типичный для эпитафий топос – это мотив *бедности, преследовавшей мертвеца при жизни, и безразличия по отношению к этому после смерти* – например, в «Эпитафии бедняку» Симонида Кеосского:

Эта могила, прохожий, не Креза, а бедного. Впрочем,
Сколько она ни мала, будет с меня и ее.

(AP VII, 507a) [10. С. 39]

Назовем также *противопоставление роскошной и безнравственной жизни богача на земле и бедственного положения всех людей за гробом*, своего рода социальную сатиру, которая усматривается, например, в «Эпитафии Тимокреонту» того же Симонида:

Много я пил, много ел и на многих хулу возводил я;
Нынче в земле я лежу, рбдьянин Тимокреонт.

(AP VII, 348) [10. С. 37]

Это постоянный предмет рефлексии как в современном постум-нарративе, так и у Лукиана. У античного сатирика мотивы богатства и бедности широко амплифицируются как топосы *vanitas vanitatem* и *безразличия к земным чинам в Аиде* (см., например, разговор Диогена и Мавзола в «Разговорах в царстве мертвых»), *всеобщего равенства в смерти*, которая равняет всех людей уже тем, что приходит к каждому без изъятия. В современных же текстах в загробном мире зачастую воспроизводятся социальные структуры мира живых, в частности, неистребимые бюрократия и иерархия – так, например, в романе У. Селфа «Как живут мертвецы» (2000), а также в романе Ж. Эшноты «У рояля» (2003). Подобное убеждение в том, что земные ранги останутся неизменными и за гробом (как, впрочем, и земные привязанности), ощущается и в «Эпитафии рабу» Диоскорида (III в. до н. э.):

Раб я, лидиец. Но ты, господин, мой, в могиле свободным
Дядьку Тиманфа велел похоронить своего.
Долгие годы живи беспечально, когда же, состарясь,
В землю ко мне ты сойдешь, – знай: и в Аиде я твой.

(AP VII, 178) [10. С. 134]

Любопытный пример двойного развития обсуждаемого мотива представляет собой эпиграмма Антифила Византийского (I в. н. э.) «Леонид Спартанский и персы», написанная в вопросно-ответной форме, характерной для позднего этапа эволюции жанра:

– Это пурпурное платье тебе, Леонид, посылает
Ксеркс, оценивший в бою доблести подвиг твой.
– Не принимаю. Пускай награждает изменника; мне же
Щит мой покров. Не нужны мне дорогие дары.
– Ты же ведь умер. Ужели и мертвый ты так ненавидишь
Персов? – К свободе любовь не умирает во мне.

(AP IX, 294) [10. С. 206–207]

Здесь мотив невозможности отрешиться от всего земного проявляется дважды и, так сказать, в противоположных направлениях: подобно образцовому покойнику, которого похвалили бы Менипп или Диоген в лукиановских диалогах мертвых, царь Леонид отвергает «дорогие дары», с другой же стороны, он не способен отказаться от такой земной ценности нематериального

свойства, как свобода. Кроме того, тут примечательна «заминка», возникающая при определении онтологического статуса героя: если Ксеркс шлет ему в дар пурпурное платье, то Леонид жив? Или же он мертв, как знает читатель из предания и как свидетельствует далее пятая строка эпиграммы? Здесь ощущается предвосхищение дальнейших путей эволюции постум-нарратива, для которого такие парадоксы станут неотъемлемым свойством (тогда как в эпитафии, написанной Филиппом Фессалоникским (AP IX, 293) [10. С. 211–212], эта же тема решается проще, без таких двусмысленностей).

В эпитафии, как и в лукиановской традиции, частотен мотив *обсуждения мертвецом своей могилы*, своего, так сказать, последнего дома (постоянно применяется этот мотив и в современных постум-нарративах). Иногда основным мотивом в античных эпитафиях, специально упоминающих могилу покойника, становится *отдаленность от родины*, как в эпитафиях Платона (427–347 до н. э.) «Эретрийцам, похороненным в Персии»:

1

Мы – эретрийцы, с Евбеи, зарыты ж, увы, на чужбине,
Около Суз, от родной так далеко стороны.

2

Шумные воды Эгейского моря покинув когда-то,
Здесь мы в могилах лежим, средь экбатанских равнин.
Славной Эретрии шлем мы привет свой. Привет вам,
Афины,

Близкие к нашей земле! Милое море, прости!

(AP VII, 259, 256) [10. С. 55]

В финале еще отзвуком ощутим частотный для современного постум-нарратива мотив *тоски по земной жизни*, неспособности освободиться от ее прелестей.

В «Эпитафии афинянке, взятой в плен римлянами» Эрикия (I в. н. э.) пересказываются обстоятельства жизни одной гречанки, за которыми встает целый пласт исторических событий:

Родом из Аттики я, афинянка; но грозным Ареем
В римский давно уже плен уведена из Афин,
Римской гражданкою стала. Теперь наконец, после смерти,
Прах мой землею своей Кизик покрыл островной.
Благословляю я землю родную и ту, где жила я,
Благословляю и край, где схоронили меня.

(AP VII, 368) [10. С. 203]

Как второстепенный мотив тоска по родной земле, вдали от которой пришлось лечь покойнику, явлена в необычной и длинной (12 строк!) истории-эпитафии «Жертва акулы» Леонида Тарентского – поэта вообще очень изобретательного:

Похоронен и в земле я и в море, – такой необычный
Жребий был Фарсию, мне, сыну Хармида, сужден.
В глубь Ионийского моря пришлось мне однажды спуститься,

Чтобы оттуда достать якорь, застрявший на дне.
Освободил я его и уже выплывал на поверхность,
Даже протягивать стал спутникам руки свои,
Как был настигнут внезапно огромною хищною рыбой,
И оторвала она тело до пояса мне.

Наполовину лишь труп мой холодный подобран пловцами,
А половина его хищницей взята морской.
Здесь, на побережье, зарыты останки мои, о прохожий!
В землю ж родную – увы! – я не вернусь никогда.
(AP VII, 500) [10. С. 123]

Упомянутый выше мотив тоски по земной жизни может становиться основным в некоторых эпитафиях. Так, на нем строится «Могила пастуха» Леонида Тарентского, где мертвец Клитагор просит пастухов обеспечить ему по смерти максимальное подобие земной жизни («Пусть надо мной раздастся блеянье овец, среди стада / Пусть на свирели своей тихо играет пастух <...>» и пр. (AP VII, 657) [10. С. 124]). Эта *уподобленность загробного существования миру живых* будет многократно обыгрываться в современных постум-нарративных текстах. Более того, выясняется, что мертвец вполне способен *испытывать страдания*, как если бы был жив. В эпитафиях Леонида Тарентского «Зарытым при дороге» покойнику небезразлично, что его могила разбита, ему больно «протирают бока колеса повозок» (AP VII, 478, 480) [10. С. 122–123].

В эпитафиях часто возникает и мотив *неожиданности смерти*, застигающей мертвеца там и тогда, где он ее вовсе не ожидал, например:

Родом критянин, Бротах из Гортины, в земле здесь лежу я,
Прибыл сюда не затем, а по торговым делам.
(AP VII, 254a) [10. С. 37]

В разных видах этот мотив возникает как в античных диалогах мертвецов, так и в современных постум-нарративных текстах, где зачастую еще и сочетается с постепенным выяснением рассказчиком-мертвецом своего онтологического статуса (герой-рассказчик продолжает хлопотать о земных делах, тогда как уже умер).

Отдельную категорию античных эпитафий от первого лица составляют эпиграммы тем, кто погиб насильственной смертью. Мотивы *убийства и жажды мести* становятся в них определяющими, например:

Смертью убивших меня накажи, о Зевс-страннолюбец!
Тем же, кто предал земле, радости жизни продли.
(AP VII, 516) [10. С. 36]

Здесь же видим мотив *награды тому, кто обеспечил покойнику достойное погребение*. Это характерная деталь для современных постум-нарративов с насильственной смертью: к своим могилам, точнее, к не найденным, не погребенным телам постоянно возвращаются мыслью героини-рассказчицы «Милых костей», рассказов М. Спарк «Портобелло-Роуд» (1956) и «Девушка, которую я оставил» (1957), романа О. Памука «Меня зовут Красный».

Фиксацией преступления является эпитафия Леонида Тарентского «Жертва критских пиратов»:

Критяне все нечестивцы, убийцы и воры морские,
Знал ли из критских мужей кто-либо совесть и честь?
Вот и меня, Тимолита несчастного, плившего морем
С малою кладью добра, бросили в воду они.
Плачут теперь надо мною живущие на море чайки;
Здесь, под могильным холмом, нет Тимолита костей.
(AP VII, 654) [10. С. 123]

Характерен этот мотив пустой могилы и «бесприютного» мертвеца, которые так и не обрели друг друга. Поздний пример, уже из христианского времени, – эпитафия Юлиана Египетского (VI в. н. э.) «На убитого и закопанного разбойником» (AP VII, 580, 581) [10. С. 288], где покойник грозит убийце воздаянием. Проклятие преступнику встречается и в эпитафиях, инкриминирующих осквернение или грабеж могилы, – например, у Григория Богослова (ок. 325–389)⁸:

Он гробницу мою разорил ради тщетной надежды,
Но достоянием моим только она и была.
Пусть же погибнет он сам от руки преступника злого,
Пусть на чужбине, вдали, бросит тот тело его. [28. С. 166]

В последних двух строках явлен мотив *загробного суда* – один из постоянных как у Лукиана, так и в позднейших постум-нарративных текстах, но в эпитафиях почти не встречающийся; в первых же двух ощущается мотив *иронии судьбы*, который в эпитафиях нередко специфицируется как топос *иронии смерти*, забирающей не тех, кого вроде бы должна. Например, на нем строится первая из приведенных выше «Эпитафий Бавкиде» Эринны. Это постоянный мотив у Лукиана, а также довольно частотный в современных постум-нарративах, где ему нередко придается парадоксальный излом. Но уже и в греческой эпиграмме он мог принимать чрезвычайно изобретательный характер, не ограничиваясь топосом «живой старик / мертвый юноша». Так, в уникальной эпиграмме Антифила Византийского, где ирония смерти явлена через топос ложной уверенности в ближайшем будущем, лирическое «я» умирает прямо в процессе «говорения»:

Весело, к краю родному уже приближаясь, сказал я:
«Завтра окончится мой долгий и тягостный путь».
Но не закрыл еще уст, как в Аид превратилось море,
И погубило меня скорое слово мое.
Пусть же никто не пророчит о завтрашнем дне: Немезиды
Не избежит ни одно из легкомысленных слов.
(AP VII, 630) [10. С. 206]

Этот текст выглядит очень «современно» и вполне сопоставим, например, с такими образчиками русской поэзии Серебряного века, как «В потоке» В.Я. Брюсова или «Поединок» Н.С. Гумилева, где используется именно этот прием умерщвления лирического субъекта в процессе чтения (читателем) и говорения (субъектом речи). Еще более характерен этот прием не для лирики, а для эпической прозы, где важнейшим элементом постум-нарратива становится неуверенность героя в своем онтологическом статусе, порождаемая как раз этим переходом из жизни в смерть прямо в процессе повествования.

В эпоху эллинизма и далее в эпиграммах развивается мотив *устройства загробной жизни*, в частности, в вопросно-ответной форме, где мертвец выступает как бы оракулом, или, во всяком случае, надежным свидетелем того, что ждет в Аиде каждого. Вот, например, две эпитафии Каллимаха (ок. 310–240 до н. э.) в этом духе, где в первой присутствует также сатира на мизантропа, а во второй ощущается предельный скептицизм, если не сказать нигилизм по отношению к верованиям об устройстве посмертия:

– Тимон, ты умер, – что ж, лучше тебе или хуже в Аиде?
– Хуже: Аид ведь куда больше людьми населен.
(AP VII, 317) [10. С. 97]

– Здесь погребен Харидант? – Если сына киренца
Аримны
Ищешь, то здесь. – Харидант, что там, скажи, под землей?
– Очень темно тут. – А есть ли пути, выводящие к небу?
– Нет, это ложь. – А Плутон? – Сказка. – О, горе же нам!
(AP VII, 524) [10. С. 99]

В дальнейшем устройство загробной жизни будет составлять одну из основных точек интереса постум-нарратива, как, кстати, и его предшественника – «диалогов мертвых» лукиановского типа. В постмодернистских постум-нарративных текстах присутствует тот же всеобъемлющий скепсис, и тема «*жизнь после смерти*» решается в основном в пессимистическом, негативизирующем духе. Впрочем, в эпитафиях мотив жизни после смерти не слишком развернут; пример – эпитафия Аниты (III в. до н. э.), где этот мотив дан схематично:

Не допустив над собою насилия грубых галатов,
Кончили мы, о Милет, родина милая, жизнь,
Мы, три гражданки твои, три девицы, которых заставил
Кельтов жестокий Арей эту судьбу разделить.
Так нечестивых объятий избегнули мы и в Аиде
Всё – и защиту себе, и жениха обрели.
(AP VII, 492) [10. С. 113]

Происходившее в эпоху эллинизма сближение эпитафии от первого лица с «диалогами мертвых», помимо упомянутой вопросно-ответной формы, проявлялось еще и в том, что у них появлялись «общие» герои – в частности, Филипп Македонский и его сын Александр Великий. У Лукиана оба высмеиваются: центральной темой обсуждения становится проблематичное отцовство Филиппа (Александр провозглашал себя сыном бога Амона), причем он осуждает сына («Ты сравниваешь себя с Гераклом и Дионисом? Не ясно ли, что ты все еще не отказался от роли сына Амона? Как тебе не стыдно, Александр? Когда же ты, наконец, бросишь свое самомнение, познаешь самого себя и поймешь, что ты мертвец?» [22. С. 387]), в том числе за то, что тот стал подражать нравам тех, кого победил, т.е. греков. В свою очередь, Менипп высмеивает самого Филиппа: «Я не мог справиться с собой, когда увидел Филиппа Македонского: я заметил его в каком-то углу – он чинил за плату прогнившую обувь. Да, на перекрестках там нетрудно видеть и многих других, собирающих милостыню, – Ксеркса, Дария, Поликрата» [22. С. 330]. В обоих случаях речь идет о том, что все земные ранги – ничто за гробом. В эпитафиях, напротив, ни Филипп, ни Александр не подвергаются сатирическому осмеянию. «Эпитафия Филиппу, отцу Александра Великого» Адея (IV в. до н. э.) предельно комплиментарна: земные деяния обоих македонских царей не переоцениваются в свете идеи «суеты сует», а вопрос об отцовстве затрагивается сугубо в утвердительном духе:

Первый к Арееву делу призвавший мужей эмафийских,
В Эгах родных я, Филипп, похороненный лежу.

Сделал я больше всех прежних царей; если кто-нибудь
после
Славой меня превзошел – сам был от крови моей.
(AP VII, 238) [10. С. 68]

Другой пример «общих» героев эпитафии и «диалогов мертвецов» – это киник Диоген, который неоднократно становится действующим лицом у Лукиана (как и типологически схожий с ним «собака» Менипп), а в жанре эпитафии мы встречаем его у Леонида Тарентского, где он обращается к Харону:

Мрачный служитель Аида, которому выпала доля
Плывать на черной ладье по ахеронтским водам,
Мне, Диогену Собаке, дай место, хотя бы и было
Тесно от мертвых на нем – этом ужасном судне.
Вся моя кладь – это сумка, да фляжка, да ветхое платье;
Есть и обол – за провоз плата умерших тебе.
Все приношу я в Аид, чем при жизни своей обладал я,
После себя ничего я не оставил живым.
(AP VII, 67) [10. С. 119–120]

Здесь проигрывается та же сцена переправы в Аид, что и в ряде диалогов Лукиана (например, «Разговоры в царстве мертвых», «Переправа, или Тиран»). Воспроизводятся типичные элементы представлений об устройстве Аида, но последние две строки, пожалуй, не вполне типичны для лукиановской традиции, где утверждается превосходство над богатством и властью мудрости и веселости, о которых будут помнить люди.

На исходе античности эпитафия может превращаться в *пародию на самое себя* – на жанр в целом с его основными конвенциями, поразительным примером чему является эпитаграмма Павла Силенциария (VI в. н. э.):

Имя мне... – Это зачем? – Отчизна мне... – Это к чему же?
– Славного рода я сын. – Если ж ничтожного ты?
Прожил достойно я жизнь. – А если отнюдь не достойно?
– Здесь я покоюсь теперь. – Мне-то зачем это знать?
[23. С. 333]

Здесь все конструктивные элементы этого прагматического по сути жанра подвергаются деконструкции: эксплицитный адресат отказывается выслушать мертвеца, которому не удастся ни назвать свое имя, ни рассказать, откуда он и из какого рода, ни похвалиться достойно прожитой жизнью, ни указать на место упокоения.

Другой пример «размывания» жанра не имеет отношения к пародии, но прямой смысл эпитафии (даже в ее поздних условных формах вроде подношения одного поэта другому, уже умершему [6; 29–30]) подменяется смыслом переносным: Паллад (IV–V вв.) объявляет «мертвецами» целый народ, включая себя самого. Прибегая к традиционной форме первого лица множественного числа, использовавшуюся еще в классических «Фермопильских надписях», Паллад пишет от лица тех, чье историческое существование завершилось: «<...> Мы, эллины, лежим, во прах повержены / И возложив свои надежды мертвые / На мертвецов⁹. Так все извращено теперь» (AP X, 90) [10. С. 272]. В эпитафиях грекам появляется традиционный топоним

«сон как смерть» и «смерть как сон», характерный как для лирики с мертвым лирическим «я» (вспомним хотя бы «Сон» М.Ю. Лермонтова), так и для нарративных текстов: в качестве ближайших примеров назовем византийские сатирические диалоги «Тимарион» (XII в.) и «Мазарис» (ок. 1415), где герои попадают в подземное царство через болезнь и сон (а потом возвращаются в мир живых). Примечателен у Паллада и такой – почти не встречающийся в эпитафиях и типичнейший для современных постум-нарративов – мотив, как сомнение в собственном онтологическом статусе: «Не умерли ль уже мы, греки, и влачим, / Несчастные, давно лишь призрачную жизнь, / Действительностью сон воображая свой? / Иль мы живем, когда жизнь умерла сама?». Жизнь ли мертва, или «мы» мертвы? Есть ли вообще принципиальное различие между посюсторонним и потусторонним мирами? Это станет одним из центральных вопросов постум-нарратива XX в.

Наконец, особого внимания требует жанр автоэпитафии, т.е. сообщения поэтом о собственной смерти, которая, очевидно, еще не произошла. Поэтому эпитафии такого типа обычно не сообщают об обстоятельствах смерти (что является константой эпитафии другому лицу), а повествуют в основном о заслугах «будущего» мертвеца-поэта, в первую очередь в области искусства. В этом отношении автоэпитафии сближаются с жанром «памятника», который, однако, пишется от лица живого. Как и эпитафия вообще, автоэпитафия требует от адресата такого восприятия, как если бы с ним говорил с того света мертвец. Но степень парадоксальности здесь еще выше: если в эпитафиях, особенно классической эпохи, ощущается, как и писала Фрейденберг, неразделенность «автора и умершего», если повествование от лица мертвеца в них – явление как бы «естественное», объясняемое неизжитостью синкретизма, то в автоэпитафиях (не случайно абсолютное их большинство появляется уже в эпоху эллинизма) ведение речи от первого лица «искусственно» и сознательно разыгрывается ради определенного художественного задания – сымитировать то, что раньше было автобиографией, точнее, автотанатографией, то-тема. Вот, например, одна из наиболее ранних автоэпитафий, принадлежащая Носсиде (IV–III вв. до н. э.) [31] – одной из девяти лирических поэтесс древнегреческого канона:

Если ты к песням славной плывешь Митилене, о путник,
Чая зажечься огнем сладостной Музы Сафо,
Молви, что Музам приятна была и рожденная в Локрах,
Имя которой, узнай, было Носсида. Иди.

(AP VII, 718) [10. С. 86]

Носсида называет здесь свое имя и отчизну, обращается к путнику, согласно конвенциям эпитафии, но остальной текст посвящен именно поэзии и утверждению собственного места в ней.

Поэт-экспериментатор Каллимах, которому, по его собственным словам, «претит общедоступное» в искусстве, пишет парные эпитафии себе и своему отцу, причем собственное имя он называет не в автоэпитафии (где пользуется заменой «Баттов сын»), а только лишь в эпитафии отцу:

Баттова сына могилу проходишь ты, путник. Умел он
Песни слагать, а подчас и за вином не скучать.

(AP VII, 415) [10. С. 101]

Кто бы ты ни был, прохожий, узнай: Каллимах из Кирены
Был мой родитель, и сын есть у меня Каллимах.
Знай и о них: мой отец начальником нашего войска,
Сын же искусством певца зависть умел побеждать.
Не удивляйся – кто был еще мальчиком музам приятен,
Тот и седым стариком их сохраняет любовь.

(AP VII, 525) [10. С. 99]

Но, как видно, эта замена – как и скромность двух строк собственной эпитафии по сравнению с шестью строками в эпитафии отцу – не спасает ситуации: фактически обе эпитафии призваны восхвалять поэтический дар Каллимаха.

Мелеагр Гадарский (II–I вв. до н. э.) в замечательном цикле из двух автоэпитафий, так сказать, обнажает прием: в первом из текстов он сообщает, что сочинил себе надгробную надпись при жизни, тогда как второй об этом уже умалчивает (при этом он написан в третьем лице, что подтверждает гипотезу о том, что парные эпитафии писались обычно от разных грамматических лиц):

1

Тир, окруженный водою, кормильцем мне был, а Гадара
Аттика Сирии – край, где появился на свет
Я, Мелеагр, порожденный Эвкратом; хариты Мениппа
Были на поприще муз первые спутницы мне.
Если сириец я, что же? Одна ведь у всех нас отчизна –
Мир, и Хаосом одним, смертные, мы рождены.
А написал это я на дощечке, уж будучи старым,
Близким к могиле своей, – старость Аиду сосед.
Если ж меня, старика болтуна, ты приветствуешь, боги
Да ниспошлют и тебе старость болтливую, друг!

2

Путник, спокойно иди. Средь душ благочестных умерших
Сном, неизбежным для всех, старый здесь спит Мелеагр.
Он, сын Эвкратов, который со сладостнослезным Эротом
Муз и веселых харит соединял с юных лет,
Вскормлен божественным Тиром и почвой священной
Гадары,

Край же, меропам родной, Кос его старость призрел.
Если сириец ты, молви: «салам»; коль рожден финикийцем,
Произнеси: «аудонис»; «хайре» скажи, если грек.

(AP VII, 417, 419) [10. С. 167]

Здесь соблюден ряд конвенций эпитафии вообще: называется имя, сообщается о роде и отчизне покойника, о том, где он жил, примерно обозначается возраст (Мелеагр стар – и потому ожидает скорой смерти), высказывается моральная сентенция. Есть здесь и то, что типично именно для автоэпитафии – фокус на поэтическом ремесле, обозначение поэтической родословной (обращение к фигуре земляка Мелеагра – киника Мениппа). А есть и совсем индивидуальное: Мелеагр обращается не только к грекам, но ко всем народам, испытавшим влияние эллинской культуры.

Очень интересна автоэпитафия Леонида Тарентского, который, в противоположность Мелеагру, стремится максимально точно сымитировать эпитафию как таковую:

От Итальянской земли и родного Тарента далеко
Здесь я лежу, и судьба горше мне эта, чем смерть.
Жизнь безотраднa скитальцам. Но Музы меня возлюбили
И за печали мои дали мне сладостный дар.
И не заглухнет уже Леонидово имя, но всюду,
Милостью Муз, обо мне распространится молва.
(AP VII, 715) [10. С. 129]

Леонид решается сообщить о том, что «лежит» далеко от родного Тарента, но происходит это потому, что он всю жизнь провел в скитаниях, и это составляет постоянную тему его поэзии. Как указывалось выше, сетования на удаленность от родного края являются одним из частотных элементов эпитафий. Здесь этот мотив приобретает особую остроту, так как судьба скитальца представляется горше, чем сама смерть. Остальной же текст – утверждение своего законного места в поэтической традиции, т.е. то, что составит основу жанра «памятника».

Паллад в автоэпитафии сообщает возраст, в котором «отправляется» в загробное путешествие: «Фунт целый лет расточив с грамматикой тягостнотрудной, / Мертвых советник, теперь я отправляюсь в Аид» [28. С. 184]. Обозначение «фунт лет» указывает «на число 72 (именно столько золотых монет, солидов, содержалось в фунте золота» [28. С. 184]. Обращает на себя внимание, что эта цифра повторяется и в других автоэпитафиях – например, епископа Аверкия, эпитафии христианской. Возможно, это не относительно точное указание на прожитые конкретным человеком годы, а топос, означающий длинную и полную жизнь. См. также эпиграмму «Седмицы человеческой жизни» Солона (VIII в. до н. э.), в финале которой десятая «седмица» предстает идеальным сроком жизни: «<...> Если ж десятое бог доведет до конца семилетье, / Ранним не будет тогда смертный конец для людей» [23. С. 133].

Упомянутая выше эпитафия Аверкия (II в.) очень длинна (22 строки), так что приведем ее с сокращениями:

Звался Аверкием я и был мне учителем Пастырь
Чистый, Который стада пасет на горах и равнинах¹⁰. <...>
В Рим меня Он послал, посетить великое царство,
Златоодетую, златообутую видеть царицу¹¹. <...>
Также, Евфрат перейдя, находил собеседников всюду,
Павел помощником был мне¹², и всюду вела меня вера.
Эти слова я, Аверкий, сказал и велел написать их.
Истинно: семьдесят лет я и два сверх того еще прожил.
Это увидев, молись об Аверкии всякий прохожий <...>
[28. С. 64]

Все содержание эпитафийного нарратива подчинено христианским представлениям, метафорам и топосам, пути покойника в христианской вере: ни о чем ином, что не было бы связано с этим «сюжетом», здесь не говорится. Разве что в финале Аверкий обращается к типичному эпитафийному перформативу, направленному против осквернения могилы (в данном случае – против повторного захоронения в гробнице Аверкия), да и то с «поправками» на новый антураж («<...> в случае нарушения последней воли епископа, нарушитель должен заплатить огромный штраф в пользу Римской и Иерапольской церквей» [28. С. 65]).

Григорий Богослов, или Григорий Назианзин, оставивший огромное стихотворное наследие, «стремясь пересоздать и переплавить весь привычный поэтический язык, приспособливая его к нуждам <...> христианского вероучения, творя новый, “депаганизированный эллинизм”» [28. С. 155], был в том числе автором ряда «стихотворений о себе», включая такую автоэпитафию:

Имя отца я носил; он, святейший, престол мне оставил,
С ним и в могиле лежу. Помни Григория, друг!
Матери был я как дар, в сновиденьях обещанный богом,
Послан Христом, и Христос к мудрости дал мне любовь.
[28. С. 155]

Он, как и Леонид, решается описать обстоятельства не только своей жизни, но и своего погребения. Однако дальше следуют отличия: во-первых, Григорий ничего не говорит о своем поэтическом даре и заслугах; во-вторых, обращение к фигуре родителя у него происходит хотя и в сцепке с собственной фигурой, но не формально, как у Каллимаха, который фокусируется на себе самом; в-третьих, центральным образом автоэпитафии оказывается Христос (отсюда, очевидно, и «самоумаление» автора, и несклонность считать поэтические занятия главным в своей жизни). Григорий здесь вполне выходит за сложившиеся рамки античной эпитафии от первого лица. Такова же анонимная «Эпитафия Константину», заканчивающаяся словами: «<...> судного со страхом ожидая дня, / Я здесь лежу, Спаситель, Константин, твой раб» [10. С. 372]. Хотя сохраняется «воскресительная» функция эпитафии, само это воскресение понимается иначе: оно эсхатологично, это воскресение из мертвых перед Судным днем и надежда на вечное блаженство христианина-праведника, тогда как в дохристианских эпитафиях загробный суд обычно вообще не упоминается, а «жизнь после смерти» понимается как вечное пребывание в Аиде, в виде тени или бранных костей. «Воскрешающее» слово античной эпитафии означает либо продолжение жизни в виде «родового тела» тотема (не случайны постоянные упоминания рода, из которого происходит покойник), либо, по большей части, память среди людей.

Подведем итоги сказанному. Главный вопрос, на который мы должны дать ответ, состоит в том, можно ли говорить о генетическом, а не только типологическом родстве античной эпитафии от первого лица и современного постум-нарратива. С целью найти этот ответ мы постоянно сопоставляли нарративное содержание таких эпитафий, с одной стороны, с достаточно очевидным источником постум-нарратива – лукиановскими «диалогами мертвых», а с другой – с мотивами постум-нарративных текстов современности. Выясняется, что в отношении формы античная эпитафия от первого лица стоит даже ближе к постум-нарративу, чем лукиановская традиция: в самом деле, у Лукиана наррация вписана в условно драматическую форму диалога, тогда как в эпитафиях она непосредственно ведется «мертвецом». Примечательна и конвергенция, которую переживают два названные жанра в эллинистическую эпоху и которая проявляется в вопросно-ответной форме эпитафий (а также в некоторых «общих»

героях, которые, однако, не всегда получают в рамках обоих жанров одинаковую оценку, что связано с их различными модусами). Более того, чем дальше, тем длиннее становятся эпитафии от первого лица и тем больше событий и сообщений о событиях они вмещают, т.е. идет процесс «нарративизации» надгробной поэзии. Большинство ее мотивов возникает и у Лукиана, и в современных постум-нарративных текстах (например, мотив иронии судьбы и смерти, мотив *vanitas vanitatem* и проблемы земной иерархии за гробом, мотив убийства и наказания за убийство / мести, мотив обсуждения мертвецом своей могилы), но часть типична только для эпитафии (мотив посмертной славы, в частности славы воинской). И наоборот, некоторые постоянные у Лукиана и в постум-нарративе мотивы не находят в эпитафиях отражения; особенно это касается чрезвычайно подробной разработки «законов» и «устройства» загробного мира, т.е. как раз того, что вписывается в принципиальные различия эпик и «лирики»¹³ («анарративное лирическое откровение <...> нередко бывает начисто лишено временной или, напротив, пространственной локализации» [33. С. 117]): для эпик характерно освещение «полноты бытия» как взаимодополнительности основных его аспектов, которые требуют широкого спектра пространственных и временных условий.

Кроме того, не следует преувеличивать степень нарративности античных эпитафий от первого лица: хотя она неожиданно высокая, все же доминирует в их художественной структуре не нарративность, а перформативность, т.е. непосредственное действие словом, берущее начало в магических, заклинательных корнях лирики. Как пишет В.И. Тюпа, «перформативные жанры – это жанры непосредственного действия словом, осуществляющего изменение (заново “перформатирующего”) саму коммуникативную ситуацию общения. Таковы клятвы и проклятия, приказы и просьбы, жалобы, благословения, приветствия, разрешения, обещания, благодарности, завещания и т.п.» [33. С. 114]. Как нетрудно заметить, все эти виды перформативов без изъятия встречаются в античных эпитафиях от первого лица, им подчинены нарративные элементы, насколько бы протяженными и изощренными (как в поздних текстах) они бы ни были. Добавим в этот ряд еще и поучение – как писала О.М. Фрейденберг, «из <...> деяний умершего создаются поучения и наставления, первоначально не имеющие никаких дидактических целей, но воскрешающие одним фактом своего существования; со временем, однако, именно это спасительное действие рассказа, уже непонятное

само по себе и давно забытое, <...> начинает тематически просачиваться в самый рассказ и делается, наконец, его содержанием. Рассказ становится орудием поучения и наставления; в нем даются советы и высказываются сентенции, преисполненные житейской мудрости.

Прежде всего, это советы и наставления умершему, так как именно в похоронном ритуале спасительная семантика рассказа всего ярче. Огромное количество правил житейской мудрости, изречений и так называемых гном, сентенций, засвидетельствовано для древности именно в соседстве с культом мертвых» [16. С. 128–129].

Таковы исследуемые эпитафии: в них поучительные сентенции соседствуют с приветствиями и проклятиями путнику (или, во втором случае, убийце), приказы и просьбы тому же путнику (прохожему) – с жалобами на судьбу и с благословениями, разрешения – с обещаниями, благодарности – с завещаниями. Этим элементам и оказывается подчинен нарратив. Именно эта иерархия нарратива и перформатива является основным – и принципиальным – отличием античных эго-эпитафий от лукиановской традиции путешествия в загробный мир, включенного в диалог мертвых (где перформативы имеют место, но в обратной пропорции и иерархии по отношению к нарративному элементу), и современных постум-нарративов, где перформативы практически отсутствуют – во всяком случае, перформативы, обращенные к внетекстовому, экстрадиетическому адресату.

Современный постум-нарратив ничего не предписывает и не требует от читателя – он только размышляет. Поэтому *античную эпитафию от первого лица следует признать «боковой» линией традиции, ведущей к постум-нарративу*: она имеет к нему отношение, но не является основным его источником, хотя с точки зрения формального устройства напоминает его даже больше, чем прямой источник – вся лукиановская линия.

Автоэпитафии, подразумевающие речь мертвеца, будут писаться и в дальнейшем, причем интересно, что всплески этого жанра будут происходить примерно тогда же, когда будет активизироваться и основная линия.

Так, барочная автоэпитафия близко соседствует с распространившимися в XVII–XVIII вв. «диалогами мертвых», а автоэпитафия в литературе рубежа XIX и XX вв. совпадает с рождением современного постум-нарратива. И эти хронологические совпадения, по нашему мнению, также свидетельствуют о родстве жанровых традиций.

Примечания

¹ «<...> в эпиграммах на предметах говорящим лицом обычно бывал самый предмет, на котором делалась надпись» [11. С. 6].

² Здесь и далее в круглых скобках рядом с литерами AP (Anthologia Palatina) указываются номера эпиграмм по «Палатинской антологии» для отсылки к оригиналам. См. издание: Epigrammatum Anthologia Palatina: vol. I–II. Paris: Didot, 1864–1888.

³ См. схожие соображения в изданиях: [14, 15].

⁴ О безвременно вырванных из жизни девушках и женщинах в греческих эпитафиях см.: [17]. О тематическом спектре греческих эпитафий, в частности о теме преждевременной смерти, см.: [18, 19].

⁵ О разных значениях термина «мотив» и его соотношении с другими понятиями сюжетологии см.: [20].

⁶ О модусах художественности см.: [21].

⁷ О вопросно-ответной форме эпитафии см.: [25–27].

⁸ См. также эпиграмму Платона (AP VII, 268): [10. С. 54].

⁹ Намек на веру в воскресение Христа и христианство.

¹⁰ Т.е. Христос.

¹¹ Т.е. Церковь.

¹² Имеются в виду Послания ап. Павла.

¹³ При понимании относительности того, что мы называем античной «лирикой»: [32].

Список источников

1. Зусева-Озкан В.Б. Повествование от лица мертвеца в современной прозе // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 27–38.
2. Alber J. Forbidden Mental Fruit? Dead Narrators and Characters from Medieval to Postmodernist Narratives // The Routledge Companion to Death and Literature. New York : Routledge, 2020. P. 42–52.
3. Richardson B. Unnatural Voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction. Columbus, Ohio : Ohio State University Press, 2006. 166 p.
4. Weinmann F. "Je suis mort": Essai sur la narration autothanatographique. Paris : Seuil, 2018. 300 p.
5. Зусева-Озкан В.Б. К вопросу о некоторых источниках современного постум-нарратива: путешествие в загробный мир и диалог мертвецов у Лукиана Самосатского // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 69–87.
6. Bettenworth A. The Mutual Influence of Inscribed and Literary Epigram // Brill's Companion to Hellenistic Epigram / eds. P. Bing, J. Bruss. Leiden, Boston : Brill, 2007. P. 69–93.
7. Day J. Reading Inscriptions in Literary Epigram // Greek Epigram from the Hellenistic to the Early Byzantine Era / eds. M. Kanellou, I. Petrovic, C. Carey. Oxford : Oxford University Press, 2019. P. 19–34.
8. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.
9. Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 424–461.
10. Греческая эпиграмма / сост., прим. и указ. Ф. Петровского, Ю. Шульца. [М.] : ГИХЛ, 1960. 487 с.
11. Петровский Ф. Эпиграмма как литературный жанр // Греческая эпиграмма. [М.] : ГИХЛ, 1960. С. 5–20.
12. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М. : Восточная литература РАН, 1998. 800 с.
13. Gullo A. Death and the Dead in Verse Funerary Epigrams of Ancient Greece // The Routledge Companion to Death and Literature / eds. W.M. Wang, D.K. Jernigan, N. Murphy. New York, London : Routledge, 2021. P. 245–256.
14. Häusle H. Einfache und frühe Formen des griechischen Epigrams. Innsbruck : Universitätsverlag Wagner, 1979. 155 s.
15. Sourvinou-Inwood Ch. "Reading" Greek Death: To the End of the Classical Period. Oxford, Clarendon Paperbacks, 1996. xi, 489 p.
16. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 448 с.
17. Vêrilhac A.-M. L'image de la femme dans les épigrammes funéraires grecques // La femme dans le monde méditerranéen. Vol. I: Antiquité / dir. A.-M. Vêrilhac. Lyon : Maison de l'Orient, 1985. P. 85–112.
18. Lattimore R. Themes in Greek and Latin Epitaphs. Urbana, Illinois : The University of Illinois Press, 1942. 354 p.
19. Griessmair E. Das Motiv der Mors Immatura in den griechischen metrischen Grabinschriften. Innsbruck : Universitätsverlag Wagner, 1966. 106 s.
20. Тамарченко Н.Д. Сюжет и мотив, комплекс мотивов и сюжетная схема // Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Academia, 2004. Т. 1. С. 193–205.
21. Тюпа В.И. Литература как род деятельности: теория художественного дискурса // Теория литературы : в 2 т. М. : Academia, 2004. Т. 1. С. 54–77.
22. Лукиан Самосатский. Сочинения : в 2 т. / под общ. ред. А.И. Зайцева. СПб. : Алетея, 2001. Т. 1. (Античная библиотека. Античная литература).
23. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 4: Античная лирика. М. : Худож. лит., 1968. 624 с.
24. Schmitz Th.A. Speaker and addressee in early Greek epigram and lyric // Archaic and Classical Greek Epigram / eds. M. Baumbach, I. Petrovic, A. Petrovic. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 25–41.
25. Tueller M.A. The Passer-By in Archaic and Classical Epigram // Archaic and Classical Greek Epigram / eds. M. Baumbach, I. Petrovic, A. Petrovic. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 42–60.
26. Tueller M.A. Look Who's Talking: Innovations in Voice and Identity in Hellenistic Epigram. Leuven, Paris, Dudley, MA : Peeters Publishers, 2008. 231 p.
27. Vestheim G. Voice in Sepulchral Epigrams: Some Remarks on the Use of First and Second Person in Sepulchral Epigrams, and a Comparison with Lyric Poetry // Archaic and Classical Greek Epigram / eds. M. Baumbach, I. Petrovic, A. Petrovic. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 61–78.
28. Александрова Т.Л. Позднеэллинистическая и ранневизантийская поэзия II–VI вв.: Очерк истории литературного процесса. М. : ИМЛИ РАН, 2024. 584 с.
29. Bing P. Between Literature and the Monuments // Genre in Hellenistic Poetry / eds. A. Harder, R.F. Regtuit, G.C. Wakker. Groningen : Egbert Forsten, 1998. P. 29–40.
30. Kaczko S. From Stone to Parchment: Epigraphic and Literary Transmission of Some Greek Epigrams // Trends in Classics. 2009. Vol. 1. P. 90–117.
31. Licciardello F. Nossis' Auto-epitaph: Analysing a Controversial Epigram // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 2016. № 56 (4). P. 435–448.
32. Гринцер Н.П. Древнегреческая «лирика»: значение термина и суть явления // Лирика: генезис и эволюция. М. : РГГУ, 2007. С. 13–53.
33. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М. : Intrada, 2013. 212 с.

References

1. Zuseva-Ozkan, V.B. (2022) Povestvovanie ot litsa mertvetva v sovremennoy proze [Narration from the Perspective of a Dead Person in Contemporary Prose]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2 (61). pp. 27–38.
2. Alber, J. (2020) Forbidden Mental Fruit? Dead Narrators and Characters from Medieval to Postmodernist Narratives. In: *The Routledge Companion to Death and Literature*. New York: Routledge. pp. 42–52.
3. Richardson, B. (2006) *Unnatural Voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction*. Columbus, Ohio: Ohio State University Press.
4. Weinmann, F. (2018) *"Je suis mort": Essai sur la narration autothanatographique*. Paris: Seuil.
5. Zuseva-Ozkan, V.B. (2024) K voprosu o nekotorykh istochnikakh sovremennogo postum-narrativa: puteshestvie v zagrobnny mir i dialog mertvetsov u Lukiana Samosatskogo [On Some Sources of Contemporary Posthumous Narrative: The Journey to the Underworld and the Dialogue of the Dead in Lucian of Samosata]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 3 (70). pp. 69–87.
6. Bettenworth, A. (2007) The Mutual Influence of Inscribed and Literary Epigram. In: Bing, P. & Bruss, J. (eds) *Brill's Companion to Hellenistic Epigram*. Leiden, Boston: Brill. pp. 69–93.
7. Day, J. (2019) Reading Inscriptions in Literary Epigram. In: Kanellou, M., Petrovic, I. & Carey, C. (eds) *Greek Epigram from the Hellenistic to the Early Byzantine Era*. Oxford: Oxford University Press. pp. 19–34.

8. Gennette, G. (1998) Povestvovatel'nyy diskurs [Narrative Discourse]. In: *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 Vol.]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh. pp. 60–280.
9. Barthes, R. (1989) Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po [Textual Analysis of a Short Story by Edgar Poe]. In: *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. pp. 424–461.
10. Petrovskiy, F. & Shults, Yu. (1960) *Grecheskaya epigramma* [Greek Epigram]. [Moscow]: GIKhL.
11. Petrovskiy, F. (1960) Epigramma kak literaturnyy zhanr [Epigram as a Literary Genre]. In: *Grecheskaya epigramma* [Greek Epigram]. [Moscow]: GIKhL. pp. 5–20.
12. Freydenberg, O.M. (1998) *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Literature of Antiquity]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
13. Gullo, A. (2021) Death and the Dead in Verse Funerary Epigrams of Ancient Greece. In: Wang, W.M., Jernigan, D.K. & Murphy, N. (eds) *The Routledge Companion to Death and Literature*. New York, London: Routledge. pp. 245–256.
14. Häusle, H. (1979) *Einfache und frühe Formen des griechischen Epigrams*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.
15. Sourvinou-Inwood, Ch. (1996) *"Reading" Greek Death: To the End of the Classical Period*. Oxford: Clarendon Paperbacks.
16. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow: Labirint.
17. Vêrilhac, A.-M. (1985) L'image de la femme dans les épigrammes funéraires grecques. In: Vêrilhac, A.-M. (dir.) *La femme dans le monde méditerranéen*. Vol. I: Antiquité. Lyon: Maison de l'Orient. pp. 85–112.
18. Lattimore, R. (1942) *Themes in Greek and Latin Epitaphs*. Urbana, Illinois: The University of Illinois Press.
19. Griessmair, E. (1966) *Das Motiv der Mors Immatura in den griechischen metrischen Grabinschriften*. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner.
20. Tamarchenko, N.D. (2004) Syuzhet i motiv, kompleks motivov i syuzhetnaya skhema [Plot and Motif, Complex of Motifs and Plot Scheme]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: in 2 Vols]. Vol. 1. Moscow: Academia. pp. 193–205.
21. Tyupa, V.I. (2004) Literatura kak rod deyatelnosti: teoriya khudozhestvennogo diskursa [Literature as a Type of Activity: Theory of Artistic Discourse]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: in 2 Vols]. Vol. 1. Moscow: Academia. pp. 54–77.
22. Lucian of Samosata. (2001) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 Vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteyya.
23. Anon. (1968) *Biblioteka vsemirnoy literatury. Seriya pervaya. T. 4: Antichnaya lirika* [Library of World Literature. First Series. Vol. 4: Ancient Lyric Poetry]. Moscow: Khudozh. lit.
24. Schmitz, Th.A. (2010) Speaker and addressee in early Greek epigram and lyric. In: Baumbach, M., Petrovic, I. & Petrovic, A. (eds) *Archaic and Classical Greek Epigram*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 25–41.
25. Tueller, M.A. (2010) The Passer-By in Archaic and Classical Epigram. In: Baumbach, M., Petrovic, I. & Petrovic, A. (eds) *Archaic and Classical Greek Epigram*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 42–60.
26. Tueller, M.A. (2008) *Look Who's Talking: Innovations in Voice and Identity in Hellenistic Epigram*. Leuven, Paris, Dudley, MA: Peeters Publishers.
27. Vestrheim, G. (2010) Voice in Sepulchral Epigrams: Some Remarks on the Use of First and Second Person in Sepulchral Epigrams, and a Comparison with Lyric Poetry. In: Baumbach, M., Petrovic, I. & Petrovic, A. (eds) *Archaic and Classical Greek Epigram*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 61–78.
28. Aleksandrova, T.L. (2024) *Pozднеэллинистическая и ранневизантийская поэзия II–VI вв.: Очерк истории литературного процесса* [Late Hellenistic and Early Byzantine Poetry of the 2nd–6th Centuries: An Outline of the History of the Literary Process]. Moscow: IMLI RAN.
29. Bing P. (1998) Between Literature and the Monuments. In: Harder, A., Regtuit, R.F. & Wakker, G.C. (eds) *Genre in Hellenistic Poetry*. Groningen: Egbert Forsten. pp. 29–40.
30. Kaczko, S. (2009) From Stone to Parchment: Epigraphic and Literary Transmission of Some Greek Epigrams. *Trends in Classics*. 1. pp. 90–117.
31. Licciardello, F. (2016) Nossis' Auto-epitaph: Analysing a Controversial Epigram. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 56 (4). pp. 435–448.
32. Gritser, N.P. (2007) Drevnegrecheskaya "lirika": znachenie termina i sut' yavleniya [Ancient Greek "Lyric": The Meaning of the Term and the Essence of the Phenomenon]. In: *Lirika: genezis i evolyutsiya* [Lyric Poetry: Genesis and Evolution]. Moscow: RGGU. pp. 13–53.
33. Tyupa, V.I. (2013) *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre]. Moscow: Intrada.

Информация об авторе:

Зусева-Озкан В.Б. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.B. Zuseva-Ozkan, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.02.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 16.01.2025;
approved after reviewing 20.02.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 070.4
doi: 10.17223/15617793/513/4

Портрет жены журналиста: Софья Петровна Каткова

Елена Владимировна Перевалова¹

¹ Московский политехнический университет, Москва, Россия, helenpv@yandex.ru

Аннотация. На основе мемуарной литературы и ранее не изученных архивных источников сделана попытка нарисовать портрет Софьи Петровны Катковой, младшей дочери известного журналиста 1820-х гг. князя П.И. Шаликова, супруги влиятельного журналиста и публициста 1850–1880-х гг. М.Н. Каткова, издателя и редактора газеты «Московские ведомости», выявить ее роль в его профессиональной деятельности. Выдвигается предположение, что Софья Петровна воплотила для Каткова идеал жены, супруги, матери семейства, хранительницы домашнего очага. Особое внимание уделено попыткам С.П. Катковой сохранить после смерти супруга право на издание газеты «Московские ведомости».

Ключевые слова: С.П. Каткова, М.Н. Катков, П.И. Шаликов, С.А. Петровский, «Московские ведомости», собрание передовых статей М.Н. Каткова

Для цитирования: Перевалова Е.В. Портрет жены журналиста: Софья Петровна Каткова // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 32–43. doi: 10.17223/15617793/513/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/4

Portrait of the journalist's wife: Sofya Petrovna Katkova

Elena V. Perevalova¹

¹ Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation, helenpv@yandex.ru

Abstract. Based on memoir literature and previously unexplored archival sources, the article attempts to draw up a portrait of Sofia Petrovna Katkova (the youngest daughter of Prince Pyotr I. Shalikov, a famous journalist of the 1820s, and the wife of Mikhail N. Katkov, an influential journalist and publicist of the 1850s and 1880s, the publisher-editor of the newspaper *Moskovskie Vedomosti*) and identify her role in his personal life and professional activities. Understanding the uniqueness of her personality and the nature of the Katkov family relationships will allow correlating Katkov's professional qualities with his personal and moral characteristics and introduce new features into his image of the "Moscow thunderer" and "tribune of Strastnoy Boulevard", as contemporaries often called the leading publicist of *Moskovskie Vedomosti*, that has developed in the research literature. Unlike A.G. Dostoevskaya, A.Ya. Panaeva, O.S. Chernyshevskaya, S.A. Tolstaya and others, the personality of Sofia Katkova has never been the subject of researchers' attention. In the memoirs of contemporaries, her name occurs only sporadically, in historical and biographical works dedicated to Katkov and Shalikov, Katkova is only mentioned. The scientific novelty of the research consists in the introduction into scientific discourse of new, previously unexplored material, in particular, the memoirs of E.A. Drashusova, N.E. Komarovskiy, the diaries of N.P. Shalikova, letters of M.N. Katkov and S.P. Katkova, and other documents from the archives of the Department of Manuscripts of the Russian State Library, the Department of Manuscript Collections of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl, the Department of Manuscripts of the L.N. Tolstoy Museum. On the basis of these documents, possible reasons are considered that prompted M.N. Katkov to propose to the younger Princess Shalikova and sealed the family union of these people, so different in character, level of education and social status. It is suggested that for Katkov Sofia embodied the ideal of a wife, spouse, mother of the family, keeper of the hearth. It is concluded that the journalist's wife had a very good understanding of his activities, was well acquainted with many of his associates and those who made up his close circle. Connections in government circles and hopes for the patronage of Katkov's high-ranking supporters after his death predetermined her active intervention in the struggle to preserve the right to publish *Moskovskie Vedomosti* for her family. The significant role of the publicist's widow in the preservation of his journalistic heritage and the publication of his collected works is revealed. Largely due to her efforts, in 1897–1898, a 25-volume collection of Katkov's works was published, including about seventeen thousand leading articles published in 1863–1887 in the newspaper *Moskovskie Vedomosti*. The collection is still considered the most complete edition of his journalistic works.

Keywords: S.P. Katkova, M.N. Katkov, P.I. Shalikov, S.A. Petrovskiy, "Moskovskie Vedomosti", collection of editorials by M.N. Katkov

For citation: Perevalova, E.V. (2025) Portrait of the journalist's wife: Sofya Petrovna Katkova. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 32–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/4

Постановка проблемы

Имя журналиста, публициста и редактора Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887) уже давно прочно вошло в историю отечественной печати. К его мнению прислушивались представители политического истеблишмента в России и за рубежом, с его журналом «Русский вестник» в разные годы сотрудничали И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев и другие литераторы, произведения которых стали общепризнанной классикой мировой литературы, а издаваемая им газета «Московские ведомости» в 1860–1880-е гг. имела репутацию одного из самых влиятельных печатных органов не только России, но и Европы, воспринималась современниками как своего рода «государственный департамент», в котором «не просто отражались дела», но «многие дела делались» [1].

Однако сохранилось очень мало сведений о тех, кто составлял ближайшее окружение Каткова, в частности, о членах его многочисленной семьи. В воспоминаниях и дневниковых записях современников знаменитого журналиста (А.А. Киреева, Н.А. Любимова, В.П. Мещерского, Ю.С. Карцова, Е.М. Феокистова, Б.Н. Чичерина, С.Г. Щегловитова) крайне редко можно встретить даже имя его супруги – Софьи Петровны Катковой, урожденной княжны Шаликовой [2–9 и др.], тем более что сам Катков даже в разговорах с ближайшими друзьями «не любил пускаться в откровенности о самом себе» [8. С. 101] и никогда не делился подробностями своей личной жизни. В современных историко-биографических трудах о М.Н. Каткове [10–12 и др.], в немногочисленных публикациях, посвященных отцу Софьи Петровны, поэту-сентименталисту и журналисту 1820–1830-х гг. князю Петру Ивановичу Шаликову [13–18], старшей сестре – писательнице Наталье Петровне Шаликовой [19, 20], ее имя в лучшем случае лишь упоминается. В отличие от А.Г. Достоевской, А.Я. Панаевой, О.С. Чернышевской, С.А. Толстой и др., личность С.П. Катковой еще ни разу не становилась предметом внимания исследователей. В настоящей статье на основе архивных материалов сделана попытка восполнить этот пробел и нарисовать портрет С.П. Катковой, выявить, какую роль она играла в жизни своего супруга и его профессиональной карьере. С другой стороны, понимание своеобразия ее личности и характера семейных отношений Катковых, на наш взгляд, позволит соотнести профессиональные качества Каткова как редактора, издателя и главного идеолога отечественной консервативной журналистики 1860–1880-х гг. с его личностными и нравственными характеристиками и привнесет новые черты в сложившийся в исследовательской литературе образ «московского громовержца» и «трибуна Страстного бульвара», как нередко современники называли ведущего публициста «Московских ведомостей».

Научная новизна исследования состоит во введении в научный оборот нового, ранее не изученного материала, в частности – воспоминаний Е.А. Драшусовой, Н.Е. Комаровского, дневников Н.П. Шаликовой, писем

М.Н. Каткова и С.П. Катковой и других документов из архивов ОР РГБ, ОРФ ГМИРЛ им. В.И. Даля, ОР Государственного музея Л.Н. Толстого.

«Катков, вероятно, хотел ум посадить на диету»: неравный брак

Вся жизнь Софьи Петровны Катковой прошла в окружении литераторов и журналистов. Ее отец – князь П.И. Шаликов (1767?–1852) – был известен как последователь Н.М. Карамзина и издатель нескольких журналов для женской аудитории: в 1804 г. он совместно с М.Н. Макаровым выпускал «Журнал для милых», в 1806 г. – журнал «Московский зритель», с 1806 по 1812 г. – журнал «Аглая», но самым успешным его детищем был «Дамский журнал», выходивший более десяти лет, с 1823 по 1833 г. Как отмечает исследовательница его биографии В.Н. Ершова, эти журналы «сыграли значительную роль в развитии «женской журналистики» в России» [13], публикуя материалы, в которых утверждались мысли о равенстве и уважительном отношении к женщине. Однако этим издательская деятельность Шаликова не ограничивалась: более четверти века, с 1814 по 1841 г., он возглавлял «Московские ведомости» – одну из старейших российских газет. Журналист был хорошо знаком с Н.М. Карамзиным, творчество которого страстно поддерживал, поэтом и баснописцем И.И. Дмитриевым, В.Л. и А.С. Пушкиными, К.Н. Батюшковым и многими другими литераторами первой четверти XIX в. Однако весьма заметный вклад Шаликова в отечественную литературу и журналистику был оценен только современными исследователями, тогда как в 1820–1830-е гг. он воспринимался современниками лишь как посредственный писатель-сентименталист и часто становился предметом насмешек. В немалой степени этому способствовала страстная, доходившая до крайностей приверженность Шаликова уже вышедшему из моды сентиментализму, а также непростой характер князя, который слыл чудачком и оригиналом, его восточная горячность (он происходил из древнего грузинского княжеского рода Шаликашвили), излишняя восторженность, чувствительность, эксцентричность, проявлявшаяся в том числе в витиеватой манере речи, в стремлении ярко и броско одеваться и т.п.

Как вспоминала вдова поэта, А.Ф. Шаликова, «крайняя вспыльчивость моего мужа, не щадившая ни какое лицо, вошла даже в пословицу в кругу наших знакомых; а резкая правдивость, восстановившая против него многих, в глазах друзей его извинялась только редкою добротою сердца и совершенно детскою нерасчетливостью» [21. С. 144]. Непрактичный, никогда не умевший считать деньги и не заботящийся о доходах, беспечный во всем, что касалось его лично и его близких, князь Шаликов дослужился до скромного чина коллежского асессора, на поприще литературы и журналистики больших успехов не достиг и оставил семью в большой бедности.

Софья родилась в 1832 г., когда ее отцу было уже далеко за шестьдесят, и его литературная карьера близилась к завершению.

Она была самой младшей в семье и явно уступала в интеллектуальном развитии своим старшим братьям, Григорию и Андрею, и старшей сестре Наталье, ставшей впоследствии известной писательницей. Несмотря на недостаток средств, родители постарались, чтобы Софья получила образование в Одесском институте благородных девиц. Некрасивая, маленького роста, без надежды на богатое приданое и помощь влиятельных родственников, младшая княжна Шаликова вряд ли могла рассчитывать на хорошую партию.

Что побудило Каткова сделать предложение этой девушке, которая к тому же была моложе его на четырнадцать лет (что даже в те времена считалось весьма существенной разницей в возрасте супругов), – остается только гадать. Какие-либо денежные расчеты здесь были явно ни при чем: после смерти князя П.И. Шаликова его семья, без всякого преувеличения, жила чуть ли не в нищете, и Софья считалась бесприданницей. Напротив, после свадьбы журналист должен был взять на себя заботы о вдове Шаликова и его незамужней старшей дочери. Можно предположить, что Каткову, происходившему «из обер-офицерских детей» [22], получившему первоначальное образование в Сиротском училище за казенный счет и вынужденному самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни, было лестно породниться с княжеским семейством, в надежде на связи жены в аристократических и литературных кругах Москвы? Однако и это маловероятно: княжеский титул Шаликовых в светских гостиных столицы почти ничего не значил, хотя и сама Софья, и ее матушка считали свой род одним из самых знатных в Российской империи. Напротив, к началу 1850-х гг. Катков имел уже весьма широкий круг знакомств, чтобы не зависеть от рекомендаций Шаликовых. С другой стороны, он не мог не испытывать чувства благодарности к отцу своей избранницы, с которым его мать, В.А. Тулаева, находилась в дальнем родстве и по протекции которого он в свое время поступил в Благородный пансион профессора Московского университета М.Г. Павлова. По всей видимости, бывая на правах дальнего родственника в семье Шаликовых, Катков и познакомился со своей будущей невестой. Однако вряд ли желание предложить руку и сердце младшей княжне Шаликовой могло возникнуть у него лишь из чувства признательности к ее отцу...

Могла ли причиной этого брачного союза стать любовь или хотя бы страстное увлечение? В воспоминаниях А.В. Станкевича, учившегося в начале 1830-х гг. вместе с Катковым в пансионе М.Г. Павлова в Москве, будущий редактор «Московских ведомостей» характеризуется как человек с умом и талантом, но холодный, не способный к страстному увлечению даже в молодости: «Страстность и поэзия любви были известны Каткову разве только как переводчику “Юлии и Ромео” Шекспира. Роль влюбленного была не по нем. Он был слишком самолюбив для нее, и по отзывам людей, знавших влюбленного Каткова, бывал в ней раздражительным, смешным и неловким» [23]. С другой стороны, нарисованный в воспоминаниях Станкевича портрет Каткова разительно отличается от того образа, который возникает в письмах В.Г. Белинского конца

1830-х – начала 1840-х гг. На этот период приходится наибольшее сближение Каткова с Белинским, в переписке которого с друзьями будущий редактор «Московских ведомостей» характеризуется как человек полной жизни, как мужественный герой, способный на сильные чувства и столь же сильные их проявления. В письмах В.П. Боткину критик признается в зависти к Каткову, к его способности полностью отдаваться увлекавшим его чувствам: «И со всем тем <...> я завидую ему – да, завидую, мучительно завидую этой дурацкой способности предаться вполне, без рефлексий, хотя бы пошлomu чувству, – писал Белинский в конце 1839 г. – Отчего же я никогда не мог предаться весь и вполне никакому чувству, хотя последняя из моих глупостей была разумнее и человечнее теперешней юноши» [24. С. 424]. Рассказывая Боткину о столкновении Каткова с М.А. Бакуниным, поводом к которому стали слухи, распространяемые последним об отношениях Каткова с М.Л. Огаревой, Белинский с восторгом писал, что, наблюдая в этот момент за Катковым, он «в первый раз увидел жизнь лицом к лицу, в первый раз еще узнал, что такое мужчина, достойный любви женщины» [25. С. 542–543]. Соперничество с Белинским за внимание актрисы А.М. Щепкиной, роман с М.Л. Огаревой, который едва не привел к дуэли с М.А. Бакуниным, – эти эпизоды биографии Каткова демонстрируют, что в юности в нем кипели нешуточные страсти, не всегда поддающиеся контролю разума. По свидетельству Е.М. Феоктистова, незадолго до женитьбы на княжне Шаликовой Катков, уже перешагнувший тридцатилетний рубеж, был страстно влюблен в m-lle Делоне, дочь известного московского врача, и даже сделал предложение этой умной, красивой и образованной девушке, но неожиданно для всех разорвал помолвку [8. С. 101]. Для близких осталось загадкой, почему он, всегда глубоко и серьезно относившийся к принимаемым на себя обязательствам, так поступил.

Возможной причиной этого решения Каткова стало понимание того, что он не может предложить невесте ни устойчивого положения в обществе, ни материального благосостояния. В начале 1850-х гг. его карьерные перспективы были очень неопределенными, а финансовое положение весьма ненадежным: после европейских событий 1848 г. он лишился места адъюнкт-профессора на кафедре философии Московского университета, а должность редактора университетских «Московских ведомостей», которую он получил весной 1851 г. по рекомендации графа С.Г. Строганова, приносила скромный доход в две тысячи рублей и обеспечивала его казенной квартирой, но вряд ли могла служить прочной гарантией финансового благополучия будущей семьи.

Катков, по его собственным словам, «должен был нести на себе всю черную работу издания и проводить ночи у типографских станков» [26. С. 582–585], но при этом как редактор был во всем зависим от Правления университета и чувствовал себя «банкротом в чужом предприятии» [27. С. 364–365].

Как бы то ни было, женитьба интеллектуала Каткова, великолепного знатока европейского искусства и литературы, в совершенстве владевшего немецким

языком, посещавшего в Берлинском университете лекции Ф. Шеллинга, И.К. Ватке и К. Вердера, на бесприданнице княжне Шаликовой, образование которой, по словам современников, ограничивалось «умением болтать по-французски» [8. С. 102–103], вызвала недоумение и даже изумление среди его друзей и знакомых. Широкою известность получила острота Ф.И. Тютчева, который, узнав об этом браке, заметил, что «Катков, вероятно, хотел ум посадить на диету» [8. С. 102–103]. Словом, в глазах окружающих они были явно не пара.

Хранительница домашнего очага

Точная дата женитьбы Каткова на княжне Шаликовой неизвестна. Большинство мемуаристов лишь указывают, что это произошло в годы его «первого редакторства» в «Московских ведомостях», т.е. в первой половине 1850-х гг. Согласно формулярному списку Каткова, его старший сын родился 10 декабря 1853 г. [22], поэтому можно предположить, что брак состоялся в 1852 г. – и не позднее начала 1853 г. Супруги Катковы прожили вместе почти четверть века.

Что же могло скрепить на долгие годы союз этих людей, характеры которых, образование, уровень интеллектуального развития и жизненный опыт, по мнению современников, столь сильно отличались? На наш взгляд, чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к детству и юности журналиста. Он рано потерял отца – мелкого чиновника в Московском губернском правлении, который умер, оставив жену с двумя сыновьями на руках, старшему, Михаилу, было всего пять лет. Мать, Варвара Акимовна Тулаева, родом из обедневших дворян, также росла сиротой и после смерти мужа осталась почти без средств к существованию. В поисках крыши над головой она была вынуждена принять должность главной надзирательницы в тюремном замке, где и поселилась вместе с детьми. Здесь, в одиночестве, без сверстников и друзей, и прошло детство Каткова. Одним из немногих развлечений были редкие поездки с матерью в дом княжны А.Б. Мещерской, в прошлом – опекуны В.А. Тулаевой. В воспоминаниях Т.П. Пасек сохранилась любопытная характеристика Каткова-ребенка: «Помню, как маленький Миша спокойно, тихо входил в спальню княжны Анны Борисовны, как будто сочувствуя царившей в ней полной, глубокой тишине, – пишет Пасек. – После обеда Мишу снова отправляли поиграть и побегать в большие парадные комнаты. В этих комнатах все напоминало давно отжившие времена. Все это как-то совпадало в тон с тихим, точно погруженным в самого себя ребенком. После обеда я брала на тарелочку сластей и относила в парадные комнаты Мише, которого в них не было слышно <...>. Большой частью я находила его, что он сидит облокотившись у окна и смотрит на палисадник перед флигелем во дворе, где жила княгиня Хованская. Зимой же я заставляла Мишу на диване у столика, на котором он читал книгу и смотрел картинки. Иногда я заставляла его перед большими фамильными портретами, которые он внимательно рассматривал» [28. С. 319–320].

Без сомнений, ребенок не мог не ощущать своего положения «облагодетельствованного» и болезненно воспринимал свою зависимость от знатных покровителей. «Боже мой, сколько я вынес лишений, унижений, оскорблений», – писал позже Катков о своем детстве и юности [28. С. 320]. Видимо, ни годы учебы в Московском университете, ни время обучения в Берлинском университете, ни впечатления от поездки по Европе не смогли заглушить эти детские впечатления. Письма из Германии, адресованные матери и младшему брату Мефодию, свидетельствуют, насколько сильно Катков дорожил любовью и доверием этих единственных родных ему людей и как высоко он ценил семейные привязанности. Так, с исключительной настойчивостью и даже трепетом он просил мать писать о любых, даже самых мелких подробностях ее жизни и быта: «Что Вы поделяете, милая маменька? Что Вы так мало пишете о себе?.. Пишите, что хотите, всякие мелочи, но только о себе: где Вы бываете, как проводите время, с кем чаще видаетесь? Это будет мне очень-очень приятно, приятнее всего другого, о чем бы вздумали писать» [29. С. 169].

Можно предположить, что Катков, лишенный с детских лет домашнего очага в его традиционном понимании, вероятно, даже неосознанно стремился восполнить его недостаток в своей собственной семейной жизни. В лице Софьи Шаликовой он нашел ту женщину, с которой смог создать семейный очаг, где домашнему душевно, тепло и уютно было и самому журналисту, и всем его близким. Как позже писал в своих воспоминаниях граф Н.Е. Комаровский, «в кругу своего многочисленного семейства он производил впечатление старинного русского барина, доброго семьянина, живущего в своей обширной усадьбе, в которой хозяйственные постройки заменялись редакцией, типографией и прочими принадлежностями издательской деятельности» [30]. При этом в повседневной жизни Катков, всегда глубоко поглощенный вызревавшими в его сознании идеями и постоянно занятый обдумыванием очередной статьи, отличался удивительной «безбытностью», был поразительно рассеян, забывчив и настолько не приспособлен к бытовым мелочам, что, как вспоминала постоянная сотрудница «Московских ведомостей» А.И. Соколова, «со времени своего студенчества сам не купил себе ни одного галстука, да и не умел ровно ничего купить» [31. С. 837]. Как писал в мемуарах князь В.П. Мещерский, Катков «все время жил боевой умственной жизнью и способен был, не будь у него жены, забывать, что есть и домашний обиход, и многосложный материальный мир» [4. С. 261–262]. Кроме того, журналист с молодых лет страдал ревматизмом, к которому к сорока годам присоединилась мучительная бессонница и болезнь глаз, и поэтому забота жены никогда не была для него излишней.

Неудивительно, что все домашние хлопоты доставались на долю Софьи Петровны, которая, по свидетельству друга семьи, писательницы Е.А. Драшусовой, была «отличная сестра и дочь», трогательно заботилась о матери и «предупреждала все ее желания», и «ужасно баловала детей» [32. Л. 148–151]. А семейство

Катковых даже по меркам тех лет было весьма многочисленным: подрастали сыновья Петр, Павел, Михаил и Андрей и шесть дочерей: Варвара, Софья, Наталья, Ольга, Александра и Мария, в доме Катковых жила вдова князя Шаликова, А.Ф. Шаликова, подолгу гостила старшая сестра Софьи Петровны – Н.П. Шаликова, а также часто бывали сыновья рано ушедшего из жизни младшего брата М.Н. Каткова, Мефодия. По мере того как подрастали и обзаводились собственными семьями дети, в доме Катковых частыми гостями стали многочисленные внуки. Такая большая семья требовала от супруги журналиста постоянного внимания. Занятая домашними заботами и большая домохозяйка, она редко выезжала, и даже прогулки в парке были скорее исключением в ее повседневных буднях. Зато квартира Катковых на Страстном бульваре всегда была открыта для гостей. Сам журналист ввиду своей постоянной занятости в редакции крайне редко появлялся в обществе, но любил принимать у себя, держал открытый стол, причем любил вкусно покушать и был очень разборчив в еде. «Повар у него был прекрасный, и на стол он тратил ежемесячно 1 000 рублей, – вспоминала А.И. Соколова, – но зато и требователен он был к столу чрезвычайно, и всегда во всем кроткий и уступчивый, долго и ожесточенно ворчал на жену за неудачную кулебяку или не в меру прожаренный ростбиф» [31. С. 842–843].

В воспоминаниях посетителей и гостей дома Катковых на Страстном бульваре журналист характеризуется как «радушный и приветливый хозяин», хотя и «больше сидевший у себя в кабинете за статьями и корректурами» [33. С. 1020–1021], так что приемом гостей, как видимо, по большей части приходилось заниматься его супруге. А это было очень и очень непросто, ведь за обеденный стол редко садилось меньше двадцати человек: члены большой семьи, ближайшие помощники по редакции, знакомые и друзья. По словам Драшусовой, «Катковы были чрезвычайно гостеприимны. У них всякий день обедал кто-нибудь из посторонних и раз в неделю, по средам, собиралось многочисленное общество литераторов и знакомых. Иногда ужинало более пятидесяти человек» [32. Л. 150]. Так, в переписке Каткова с друзьями нередко можно найти упоминания, что к обеду приглашены «очень интересные путешественники» [34] или что вечером у него «будут очень интересные англичане» [35] и т.п. Частыми посетителями дома были воспитанники Лицея цесаревича Николая, основанного Катковым и его соиздателем П.М. Леонтьевым в 1868 г. Для лицеистов Софья Петровна становилась близким человеком, заступницей и помощницей, так что некоторые из них продолжали обращаться к ней с просьбами даже спустя годы после окончания обучения [36].

Однако ошибкой было бы утверждать, что супругов Катковых сближали лишь бытовые заботы. К сожалению, их семейная переписка почти не сохранилась, но и те немногочисленные, очень короткие записки, которые журналист, находясь в отъезде, писал «милрой Сонечке», «дорогой мой Сонечке», свидетельствуют о нежности, которая сохранялась в его отношении к жене даже спустя годы после свадьбы [37]. Как отмечала в своих воспоминаниях Драшусова, в отношениях

супругов Катковых «было столько любви, столько сердечности» [32. Л. 150]. Правда, всю заслугу в создании теплой и доброжелательной семейной атмосферы меуаристка приписывает не столько Софье Петровне, сколько самому Каткову: «Михаил Никифорович всегда был нежен с женою, с увлечением ласкал детей. Никогда в жизни не встречала я такого семьянина, такого страстного отца, такого симпатичного человека» [32. Л. 150–151].

Подтверждением теплых и доверительных отношений супругов Катковых могут служить дневники Н.П. Шаликовой, которая, будучи частой гостьей в доме младшей сестры, нередко становилась свидетельницей многих событий в жизни ее семьи. Чуткая и наблюдательная, она неоднократно отмечала, что «Сонечка искренне любит мужа», «умеет ценить и понимать его» [38. Л. 14]. Особую ценность, на наш взгляд, имеет достаточно подробное описание дачных будней семьи Катковых летом 1864 г.: «На даче Мишель отдыхает. Вокруг домика лужайка и тень; после обеда тут играют дети, и он смотрит, смотрит на них. Сестра Соня тут же подле него. Он без памяти любит жену. Миша кричит: «Качай меня, папа!» Он встает и качает его на качелях. Сонечка (маленькая) играет в кольца с важностью французской маркизы и тоже обращается к отцу, приглашает его быть судьей ее ловкости; Варя бегают грациозно, Павлик ссорится с Наташей – претворительно! Петруша с Еленой Карловной изъясняется по-немецки и верно жалуется на кого-нибудь из меньших, верно на Пашу. Малютка Андрюша на руках у няньки, чинно поглядывает своими черненькими глазенками на всю эту картину и «благодарно» молчит, потому что говорить еще не умеет. Я смотрю на них и счастлива. Маменька, укутанная в бархатную ваточную мантилью, смотрит с балкона на внучат и любит. На дворе жарко, славно» [38. Л. 23]. Эти наблюдения, несмотря на свойственную дневниковым записям субъективность, являются несомненным свидетельством, что вопреки годам, прошедшим со дня свадьбы, в семье Катковых сохранялась атмосфера любви и взаимопонимания. Правда, дни, подобные описанному в дневнике, были редкостью в напряженном и утомительном рабочем графике Каткова, рабочее время которого было расписано буквально по минутам и который даже летом, когда семейство выезжало из Москвы на дачу, ежедневно бывал в редакции.

«Глупость с претензиями»: попытки С.П. Катковой унаследовать редакцию «Московских ведомостей»

При жизни Софья Петровна Каткова, судя по всему, почти не принимала участия в его профессиональных делах, связанных с изданием «Русского вестника» и «Московских ведомостей». По крайней мере, мы не нашли каких-либо документов или свидетельств, говорящих о том, что она выходила за рамки роли супруги, хозяйки дома и матери семейства. Она привычно вела хозяйство, занималась делами имения Знаменское-Садки, приобретенного Катковым в 1876 г. у бывшего московского вице-губернатора И.П. Шаблыкина, время от времени ездила к замужним дочерям, чтобы помочь с внуками и т.п.

Однако, как представляется, она имела весьма неплохое представление о деятельности своего супруга, была хорошо знакома со многими его единомышленниками и теми, кто составлял его ближайшее окружение: Д.А. Толстым, И.Д. Деляновым, А.И. Георгиевским, Б.М. Маркевичем, А.М. Гезеном, Н.А. Любимовым, Е.М. Феокистовым и др. Косвенным свидетельством тому может служить тот факт, что после смерти Каткова в июле 1887 г., которая почти совпала с окончанием долгосрочного контракта, заключенного журналистом летом 1875 г. с Правлением Московского университета на «арендное содержание типографии Московского университета с принадлежащими ей зданиями и издание “Московских ведомостей”» [39], Софья Петровна начала предпринимать самые активные шаги с целью сохранить право на издание газеты за своей семьей. Вряд ли она решилась бы на это, не будь у нее связей в околоправительственных кругах и надежд на покровительство высокопоставленных друзей и сторонников почившего супруга.

Развернулась ожесточенная борьба [40], в ходе которой проявились многие неприятные стороны натуры Катковой. Она, как можно предположить, унаследовала характер своего отца, его добросердечие в совокупности со вспыльчивостью и раздражительностью. От матери ей досталось неумное тщеславие и убежденность в своих «аристократических корнях» и правах. Даже те мемуаристы, чье отношение к самому Каткову можно охарактеризовать как пристрастно-апологетическое, весьма нелестно отзывались о его супруге. Она рисуется как женщина амбициозная, тщеславная, надменная в общении, чьи претензии на исключительность и «особое положение» не имели под собой каких-либо объективных оснований и вызывали лишь неприязнь или насмешку.

Так, Е.М. Феокистов, хорошо знакомый с семьей Катковых, вспоминал о Софье Петровне как о даме вздорной и «образцово глупой», с которой он «никогда не мог сойтись» и которая «положительно действовала на нервы». Особенно раздражали Феокистова, отец которого происходил из обер-офицерских детей и имел малопочтенный чин титулярного советника, высокомерие Катковой и ее претензии на аристократичность: «Глупость кроткая, безобидная, пожалуй, примиряет с собой, другое дело глупость с претензиями, которых у Софьи Петровны было очень много и самых нелепых» [8. С. 102–103].

Более доброжелательно описывала Софью Петровну Драшусова, которая отмечала ее «предоброе сердце», щедрость и готовность «всегда делать вспоможение не только для друзей, но и для каждого, кто обращался за помощью» [32. Л. 148]. Но и она характеризовала супругу Каткова как женщину неуступчивую, непостоянную в своих привязанностях и очень раздражительную, позволявшую себе «говорить правду» и «по милости» которой «многие привязанности его [Каткова] были порваны» [32. Л. 148–149]. Как видим, даже друзья семейства Катковых отнюдь не склонны были извинять вспыльчивый нрав, неуравновешенность и несдержанность Софьи Петровны.

Искренне убежденная, что преемником ее мужа на посту издателя-арендатора «Московских ведомостей»

должен стать один из его старших сыновей, Каткова сразу же заявила о своих правах на аренду газеты, подав прошение в Главное управление по делам печати. Возможно, к этому шагу ее подтолкнула лично ей адресованная телеграмма императора Александра III, в которой царь выражал скорбь в связи с понесенной ею и ее семьей утратой, подчеркивая, что «сильное слово покойного мужа вашего, одушевленное горячей любовью к отечеству, возбуждало русское чувство и укрепляло здравую мысль в смутные времена. Россия не забудет его заслуги, и все соединяются с вами в единодушной молитве об успокоении души его» [41]. Можно предположить, что эти слова императора были восприняты Шаликовой не только как признание заслуг ее супруга перед престолом и государством, но и как дарование ей и ее семье возможности сохранить в своем распоряжении газету. С другой стороны, вдова журналиста не могла не беспокоиться о сохранении доходов семьи, которые полностью зависели от издательской деятельности ее покойного мужа, тем более что капитал, оставшийся после смерти Каткова, составлял 637 тысяч рублей [42]. Сумма весьма скромная («едва хлеб насущный» [43]), с учетом большого числа наследников (жена, дети и два племянника).

Претензии и самоуверенность вдовы почившего редактора вызвала резкое отторжение у редакционного коллектива газеты, тем более что никто из его сыновей никогда не принимал участия в редакционной работе. И Петр, и Павел, несмотря на то, что получили юридическое образование, связали свою жизнь с военной службой, и мало интересовались профессиональной деятельностью отца. Отношение друзей и старых коллег журналиста к профессиональным способностям и личным качествам его наследников было не просто скептическим – оно было резко негативным: «Дрянные “дети Каткова”, транжирившие заработанные им деньги при его жизни, хотя и по смерти его эксплуатировать», – откровенно писал о причинах, побуждающих членов семьи Каткова сохранить за собой издание, Е.М. Феокистов Д.Н. Любимову в августе 1887 г. [8. С. 266].

Между Катковой и группой сотрудников «Московских ведомостей» во главе со «вторым редактором» С.А. Петровским началось весьма ожесточенное противостояние. Неприязнь сотрудников газеты и работников типографии, которые категорически не желали трудиться под руководством наследников Каткова, к семье их бывшего руководителя во многом усиливалась вследствие отношения к ним со стороны самой Софьи Петровны, которой явно не хватало такта и понимания ситуации. Будучи уверена в своем праве стать преемницей супруга, она с чисто аристократической самоуверенностью «смотрела на них свысока, считала их не более как рабочей силой» [8. С. 263]. Ее намерение сократить штат редакции лишь усугубило возникший конфликт и привело к тому, что редакционный коллектив почти в полном составе встал на сторону Петровского. «Дорогой Сергей Александрович! <...> Нетерпеливо ждем от вас весточек: вся редакционная семья заинтересована в вашем успехе, негодование, возбужденное поступком С.П. Катковой, все растет и

растет» – писал находящемуся в Петербурге Петровскому Н.В. Васильев, один из старейших сотрудников «Московских ведомостей», проработавший в газете около тридцати лет [44].

Впрочем, Софья Петровна очень быстро поняла свою ошибку и отказалась от идеи сокращения штата, по крайней мере до 1 января 1888 г., и ею даже было дано поручение «успокоить всех служащих» в редакции. Как докладывал Петровскому Васильев, «главный мотив тут – желание повредить вам, ослабить общее к вам расположение» [45]. «Она очень горюет, что арендатором газеты будете вы единолично, а не в товариществе с несколькими из сотрудников, – продолжал Васильев. – Ей хотелось бы, чтобы выгоды от издания делились между членами редакции и т.д. <...> Говорят, она предполагала скрывать от вас свой отказ от издания “Московских ведомостей” сколь можно дольше, дабы вы не имели времени приняться за хлопоты...» [45]. Со слов Васильева, последний секретарь Каткова, С.И. Соколов, бывший в 1880-е гг. одним из самых доверенных его лиц [46], «посоветался с С.П. Катковой» и написал письмо обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву – «нечто среднее между жалобой, обвинительным актом и доносом», с целью очернить Петровского в глазах высокопоставленного чиновника и убедить его, что тот в издателя «Московских ведомостей» не годится [47].

Очевидно, что Катковой было крайне нежелательно, чтобы во главе газеты, в том кресле, которое еще совсем недавно занимал ее супруг, находился именно Петровский. В чем состояли причины ее столь явной антипатии к преемнику мужа, к сожалению, неизвестно. Была ли то ревность к талантливому журналисту, которому ее покойный супруг весьма доверял и к помощи которого столь часто прибегал в последние годы своей жизни? Или ее начала раздражать изменившаяся манера поведения Петровского, почувствовавшего себя после смерти патрона руководителем издания? Как бы то ни было, в переговорах со сторонниками Петровского Каткова проявила твердый характер, решительность и настойчивость и, по свидетельству Васильева, «оказалась не столь стоворчива и пуглива», в отличие от своего старшего сына Петра [47]. Стремясь усилить его позиции, Софья Петровна в конце октября 1887 г. оформила на него доверенность, уполномочив его «распоряжаться всеми приходно-расходными статьями газеты, типографии, конторы и редакции, производить учет книг, подписывать ордера на кассу конторы, проверять счета, заведовать всеми служащими у меня лицами как в редакции, так и в конторе и типографии, приглашать новых лиц, а также и увольнять из прежних лиц тех, деятельность которых Вам будет казаться бесполезной, <...> привести в ясность состояние счетов конторы и типографии, в последней отделить принадлежащее казне имущество от моего и сдать его, на основании контракта арендного содержания газеты, подлежащим лицам» [48].

Но если на стороне вдовы были только амбиции и неумное желание сохранить за своей семьей право на издание (и доходы от него), то на стороне Петровского были и значительный опыт совместной с Катковым ре-

дакторской работы, и авторитет среди коллег, и поддержка столичной политической элиты, в глазах которой он был тем, кто может продолжить прежний курс газеты. Выпускник юридического факультета Московского университета, «человек весьма уживчивый, спокойный, обладавший большим тактом» [8. С. 259], Петровский начал сотрудничать в «Московских ведомостях» еще в 1877 г. и сумел заслужить расположение Каткова, который, по свидетельству И.Д. Делянова, «в течение многих лет отзывался с похвалой о Петровском и вполне ему доверял» [49. С. 675–676]. Именно Петровского Катков на время своего отсутствия в Москве назначал временным редактором, передавая ему все официальные полномочия, в том числе право вести деловую переписку и подписывать корректуры передовых статей. В 1882 г. Катков, все более погружавшийся в закулисную политическую борьбу, официально передал Петровскому полномочия редактора газеты, сохранив за собой статус издателя-арендатора [50]. После его смерти кандидатуру Петровского поддерживали обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, министр народного просвещения И.Д. Делянов и другие высокопоставленные чиновники, тогда как претензии вдовы Каткова в Петербурге вызывали лишь недоумение и раздражение. В столице были убеждены, что «представление ей права издавать газету возбуждало бы глумление в лагере политических врагов покойного», а потому «оставление за семьей Каткова издания “Московских ведомостей” нежелательно и в интересах самого дела, т.к. при этом газета потеряет всякое значение, да не будет иметь и подписчиков» [43. С. 705]. Это мнение, высказанное правителем канцелярии Министерства внутренних дел А.Д. Пазухиным в письме, адресованном К.П. Победоносцеву, точно отражает взгляд петербургского политического истеблишмента на возможность сохранения «Московских ведомостей» в распоряжении членов семьи Каткова. Вместо этого вдове, в память заслуг покойного мужа, была назначена пожизненная пенсия, «чтобы она не была вынуждена немедленно продать дорогое ей по воспоминаниям Знаменское и жить кое-как в маленькой квартирке» [43. С. 705]. Это решение, несомненно, давала Катковой надежду на безбедную старость, но отнюдь не удовлетворяло ее тщеславных амбиций.

Когда по решению Особого совещания при Министерстве внутренних дел Петровский был сначала назначен редактором «Московских ведомостей», а с 1888 г. – стал и их издателем, Катковой поневоле пришлось 30 декабря 1887 г. заключить с ним договор о передаче ему «внаймы принадлежащие ей типографские машины, находящиеся в здании Московского университета сроком с 1 января 1888 г. на шесть лет, т.е. по 1 января 1894 г., ценою за 3 тысячи 500 рублей в год» [51]. Так безуспешно закончилась ее попытка сохранить в руках своей семьи главное детище своего супруга – газету «Московские ведомости».

«Писателю должно повезти со вдовой – она издаст»

В первое десятилетие, прошедшее после смерти Каткова, появился целый ряд работ, в которых рас-

смащивались итоги его журналистской и публицистической деятельности и делались попытки дать ей оценку. В этих публикациях отразилась та же поляризованность мнений, которая была характерна и для прижизненных оценок журналиста. Пристрастно-апологетический характер носили опубликованная в 1888 г. книга С.Г. Щегловитова «Катков и его время» [6], исследование Н.А. Любимова «М.Н. Катков и его историческая заслуга», напечатанное сначала в нескольких номерах «Русского вестника» в 1888 г., а затем вышедшее отдельным изданием в 1889 г. [3], статьи Л.Н. Воронова [52], В.А. Грингмута [53, 54], С.С. Татищева [55] и др. С другой стороны, даже из консервативного лагеря в адрес Каткова звучали обвинения в приспособленчестве и отсутствии каких-либо твердых и определенных мировоззренческих установок. Так, К.Н. Леонтьев в «Русском обозрении» утверждал, что у Каткова «можно учиться ловкости и чутью, а не идеям» [56], а Р.И. Сементковский в посмертной биографии редактора-издателя «Московских ведомостей» характеризовал его как человека несамостоятельного, лишенного каких-либо собственных убеждений, который «только слепо следовал указаниям энергических и самостоятельных деятелей в среде <...> администрации» и «пел только с чужого голоса» [57] и т.п.

Возможно, эти и им подобные выступления побудили Софью Петровну задуматься об издании публицистического наследия Каткова. Женщина энергичная, инициативная и, как видимо, еще и расчетливая, она задалась целью выпустить к десятилетию со дня кончины супруга собрание его сочинений и с этой целью в 1895 г. заключила договор с издателем В.В. Чичериным. По всей видимости, она явно испытывала недостаток наличных средств, кроме того, тяготилась оставшимся ей в наследство типографским имуществом, потому что в счет оплаты за печатание сочинений Чичерин получил принадлежащие Катковой «ротационные скоропечатные машины Кениг и Бауэр, находящиеся в университетской типографии на Страстном бульваре, со всеми оными имеющимися принадлежностями» [58]. «Товарищество Владимира Чичерина» также занималось и распространением тиража, упаковкой и пересылкой книг [59].

Результатом этих хлопот стало собрание сочинений М.Н. Каткова, в которое вошла большая часть его передовых статей, опубликованных с 1863 по 1887 г. в «Московских ведомостях». Издание включало «25 томов большого формата, убористой печати, от 35 до 60 листов в каждом», с приложением «Указателя статей» и «Указателя имен» [60]. Стоимость подписки была весьма солидной: 62 рубля 50 копеек без пересылки, а по окончании подписки стоимость без пересылки составляла уже 75 рублей.

Что в этом издательском проекте стояло для Катковой на первом месте: желание почтить память и сохранить идейное наследие покойного супруга или материальные расчеты и стремление заработать на его имени – ответить на этот вопрос сегодня весьма затруднительно. Возможно, таким образом она надеялась еще и напомнить о заслугах публициста, которого в годы правления Александра III не без оснований

называли «государственным деятелем без государственной должности», новому императору Николаю II. В пользу этого предположения говорит сохранившийся черновик ее письма, адресованного царю, в котором она, рекомендуя его вниманию первые вышедшие из типографии двенадцать томов сочинений, подчеркивала, что передовые статьи «Московских ведомостей», «отражая историю двух царствований, являются вместе с тем живым свидетельством повседневных неустанных трудов Михаила Никифоровича Каткова, беззаветно предавшего Престолу и Отечеству свою жизнь и силы» [61]. Однако неизвестно, было ли письмо передано императору и была ли реакция на него.

Принимая во внимание присущее Софье Петровне тщеславие и ее ревнивое отношение к истории рода Шаликовых, можно предположить, что изданием сочинений покойного мужа она стремилась также подчеркнуть и свое значение, и значение своей семьи в судьбе и карьере знаменитого журналиста. Тем более что первые биографы Каткова почти не уделяли внимания его женитьбе, лишь вскользь упоминая о браке с княжной Шаликовой. Так, Любимов даже не назвал ее имени, ограничившись фразой: «К годам первого редакторства “Московскими ведомостями” относится женитьба Михаила Никифоровича на дочери писателя, некогда также бывшего редактором “Московских ведомостей”, князя Шаликова» [62. С. 45]; в книге Щегловитова супруге журналиста посвящено всего две строчки, причем она ошибочно именуется Софьей Сергеевной и характеризуется как дочь «небезызвестного в тридцатых и сороковых годах литератора князя Шаликова, бывшего когда-то также редактором “Московских ведомостей”» [6. С. 99]. Несомненно, самолюбие Катковой было уязвлено, и она старалась использовать любую возможность, чтобы напомнить общественности как о заслугах своего отца, так и своих собственных. Можно предположить, эту цель она преследовала в процессе подготовки августовской книжки «Русского вестника», вышедшей в 1897 г. к десятилетию со дня смерти журналиста. Этот номер открывался письмами-воспоминаниями попечителя Московского учебного округа князя Н.П. Мещерского, каждое из которых начиналось и заканчивалось выражением «глубочайшего почтения» вдове журналиста, а в письме-предисловии именно ей отводилась роль судьи всего написанного: «Я пишу для Вас. Вы решаете безапелляционно: годно для печати или нет то, что я пишу» [63]. Наверняка не без участия Софьи Петровны в опубликованные в том же номере «Материалы для жизнеописания М.Н. Каткова» было вставлено прямое указание на влияние князя Шаликова на молодого Каткова и подчеркивалось, что «развитием своим, душевным и умственным, в раннюю пору свою Михаил Никифорович был обязан во многом так же и семье князя Шаликова, с которою его мать состояла в родстве» и где «постоянно собирался кружок из литературных светил того времени» [64. С. 133–134]. В этом контексте слова «Издание С.П. Катковой» на обложке собрания передовых статей главного идеолога «Московских ведомостей» можно воспринимать как своего рода ответ тем

современникам, кто не желал принимать во внимание его семью и ближайшее окружение.

Какие бы мотивы ни руководили вдовой публициста, подготовленное ею собрание сочинений Каткова и по сей день считается самым полным изданием его публицистических трудов, включающем около 17 тысяч статей. Софья Петровна и привлеченные ею помощники-редакторы проделали огромную подготовительную работу, не только собрав и подготовив к печати тексты передовых статей, но и сопроводив их заголовками (Катков все свои статьи принципиально публиковал без подписи и без заголовков, как статьи редакционные). В данном случае как нельзя более уместно вспомнить известное изречение, что писателю «должно повезти не с женой, а со вдовой – она издаст». Благодаря стараниям Софьи Петровны Катковой публицистическое наследие главного идеолога «Московских ведомостей» и после его смерти продолжало жить и воздействовать на сознание аудитории.

Как можно предположить, устремления вдовы публициста не ограничились лишь изданием его сочинений. Весьма вероятно, что у нее в планах были и другие проекты, связанные с его именем, к примеру, выпуск памятного альбома или книги воспоминаний о нем и т.п. Одним из свидетельств тому может служить адресованное Софье Петровне письмо С.И. Соколова. В этом письме, датированном 1911 г., Соколов, отвечая на просьбу вдовы своего бывшего патрона, кратко изложил «заслуги незабвенного Михаила Никифоровича перед родиной и Императорским престолом» [65]. Не ясно, в какой связи был написан этот очерк, однако он вполне мог быть частью какого-либо задуманного Катковой издания, посвященного покойному мужу.

Заключение

Софья Петровна Каткова скончалась в 1913 г. в возрасте восьмидесяти лет, пережив мужа более чем на четверть века. На протяжении более тридцати лет она была верной спутницей знаменитого журналиста, став доброй матерью десятерых детей и хозяйкой большого гостеприимного дома. Анализ отношений в семье Катковых позволяет дополнить образ «московского громовержца» новыми чертами. Прямолинейный, бескомпромиссный, неуступчивый во всем, что касалось раз-

виваемых им идей, отличавшийся безапелляционностью оценок в своих публицистических выступлениях и диктаторскими замашками во взаимодействии с сотрудниками «Московских ведомостей» и авторами «Русского вестника», Катков в личных отношениях с близкими, и в первую очередь – с супругой, отличался мягкостью, деликатностью и уступчивостью, был абсолютно неконфликтен, предоставляя жене право руководить «семейным кораблем». Несмотря на разницу характеров, образования и социального статуса, Софья Петровна воплотила для него идеал жены, супруги, матери семейства, хранительницы домашнего очага. Можно предположить, что именно о ней публицист «Московских ведомостей» думал, когда писал, что женщина «призвана главным образом действовать в семействе» [66], где ей принадлежит едва ли не основная роль, так как именно она способна «внести интеллектуальный интерес в недра семьи» [67]. При этом Катков не исключал для женщин возможности проявить себя «в общественных призваниях разного рода» и искренне утверждал, что «женщина у нас лучше мужчины, и <...> всякое дело в ее руках будет спориться не хуже, чем в мужских и исполняться с большей честностью» [66], но, по его глубокому убеждению, именно женщина обладает искусством создавать и сохранять в семье атмосферу любви, взаимного уважения и доверия, умение поддерживать близких и служить им опорой.

Несмотря на доставшуюся Софье Петровне от отца излишнюю горячность и вспыльчивость, она, несомненно, обладала перечисленными качествами. Присущие ей доброта, радушие, отзывчивость, ее неустанная забота о семье и близких с лихвой восполняли недостаток красоты, приданого и классического образования и служили прочной основой семейного союза Катковых.

И если при жизни журналиста Софья Петровна Каткова едва ли принимала деятельное участие в его профессиональных занятиях, то после его кончины сделала все возможное, чтобы сохранить память о нем и сберечь его публицистическое наследие, выступив в роли издателя многотомного собрания его сочинений и проявив при этом настойчивость, целеустремленность и недюжинную энергию.

Список источников

1. Катков М.Н. Письмо императору Александру III. 1884 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 120. К. 52. Ед. хр. 12.
2. Киреев А.А. Дневники // ОР РГБ. Ф. 126.
3. Любимов Н.А. М.Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889. 468 с.
4. Мещерский В.П. Воспоминания. М. : Захаров, 2001. 687 с.
5. Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. 393 с.
6. Неведенский С. <Щегловитов С.Г.> Катков и его время. СПб., 1888. 227 с.
7. Семетковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность : биографический очерк. СПб., 1892.
8. Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М. : Новости, 1991. 458 с.
9. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М. : Изд-во Московского университета, 1997. 256 с.
10. Санькова С.М. Михаил Никифорович Катков. В поисках места (1818–1856). М. : АПКИППРО, 2008. 224 с.
11. Гаврилов И.Б. Катков: жизнь, труды, мировоззрение // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2018. № 1 (2). С. 136–177.
12. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х гг. СПб. : Владимир Даль, 2016. 487 с.
13. Ершова В.Н. Журналист П.И. Шаликов : материалы к биографии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение, Языкознание. Культурология. 2007. № 7. С. 11–26.

14. Мильчина В.А. Культура примечаний: князь Петр Иванович Шаликов переводит виконта Франсуа-Рене де Шатобриана // Шаги / Steps. 2020. Т. 6, № 3. С. 106–136.
15. Жукова Ю.В. Женская тема на страницах журнала «Аглая» (1808–1812). Кн. П.И. Шаликова // О благородстве и преимуществе женского пола. СПб., 1997. С. 38–50.
16. Сперантов В.В. Был ли кн. Шаликов изобретателем «онегинской строфы»? // Филология. 1996. Т. 3, № 5/7. С. 125–132.
17. Чичинадзе Р.В. Жизнь и журналистско-литературная деятельность П.И. Шаликова (Шаликашвили) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1971. 26 с.
18. Пухов В.В. П.И. Шаликов и русские писатели его времени (по архивным материалам) // Русская литература. 1973. № 2. С. 159–169.
19. Отливанчик А.В. Княжна Н.П. Шаликова – корреспондент Ф.М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2017. № 2. С. 59–70.
20. Перевалова Е.В. Писательница Наталья Петровна Шаликова – автор изданий М.Н. Каткова (по материалам ОР РГБ) // Румянцевские чтения – 2019 : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : Пашков дом, 2019. С. 281–286.
21. Шаликова А.Ф. Письмо к редактору журнала «Время»: по поводу статьи «Певец Кубры» // Время. 1862. № 11. Совр. обозрение.
22. Формулярный список о службе чиновника особых поручений при Министерстве народного просвещения, коллежского советника Каткова // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 262. Оп. 1. Ед. хр. 1.
23. Станкевич А.В. Из воспоминаний // ОР РГБ. Ф. 70. К. 94. Ед. хр. 11.
24. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину. 16 декабря 1839 г. – 10 февраля 1840 г. Петербург // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : АН СССР, 1953–1959. Т. 11.
25. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину. 12–16 августа 1840 г. Петербург // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : АН СССР, 1953–1959. Т. 11.
26. Катков М.Н. Записка министру народного просвещения А.С. Норову // Русская старина. 1897. Кн. 11.
27. Катков М.Н. Письмо к А.В. Никитенко. 3 июня 1854 г. // Русская старина. 1897. Кн. 11–12.
28. Пассек Т.П. Из дальних лет. СПб., 1889.
29. Катков М.Н. Письмо матери и брату. 1 июня / 20 мая 1842 г. Берлин // Русский вестник. 1897. Август. С. 145–171.
30. Комаровский Н.Е. Воспоминания о М.Н. Каткове // ОР РГБ. Ф. 120. К. 57. Ед. хр. 2.
31. Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1911. № 6.
32. Драшусова Е.А. Воспоминания // ОРФ Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля. Ф. 65. Оп. 1. Ед. хр. 25.
33. С.У. <Уманец С.И.> Мозаика // Исторический вестник. 1912. Кн. 12.
34. Катков М.Н. Письмо В.П. Боткину. Б.д. // Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого. Архив В.П. Боткина. П. 6. № 60788.
35. Катков М.Н. Письмо В.П. Боткину. Б.д. // Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого. Архив В.П. Боткина. П. 6. № 60790.
36. Черкасов П.Г. Письмо Катковой С.П. 17 декабря 1882 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 13. Ед.хр.8.
37. Катков М.Н. Письма С.П. Катковой. Б.д. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 49. Ед. Хр. 26.
38. Шаликова Н.П. Дневник // ОР РГБ. Ф. 120. К. 54. Ед. хр. 33.
39. Контракт М.Н. Каткова с Московским университетом на арендное содержание типографии Московского университета. 1875 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 11.
40. Кругликова О.С. «Московские ведомости» после смерти М.Н. Каткова: конкуренция за право издания газеты // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, вып. 2. С. 252–264.
41. Московские ведомости. 1887. № 202 (24 июля).
42. Расчетная книжка торгового дома Л.С. Полякова на имя М.Н. Каткова // ОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 32.
43. Пазухин А.Д. Письмо К.П. Победоносцеву. 1 августа 1887 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг. : Государственное издательство, 1923.
44. Васильев Н.В. Письмо Петровскому С.А. 21 сентября 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 224. К.1. Ед. хр. 18.
45. Васильев Н.В. Письмо Петровскому С.А. 23 сентября 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 224. К.1. Ед. хр. 18.
46. Перевалова Е.В. С.И. Соколов – секретарь редакции «Московских ведомостей» (1880-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 209–221. doi: 10.17223/19986645/49/13
47. Васильев Н.В. Письмо Петровскому С.А. 1 октября 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 224. К.1. Ед. хр. 18.
48. Каткова С.П. Доверенность на имя Петра Михайловича Каткова по делам издания газеты «Московские ведомости». 29 октября 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. Хр. 15.
49. Делянов И.Д. Письмо К.П. Победоносцеву. 3 октября 1887 г. // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг. : Государственное издательство, 1923.
50. Дело о Правительственном сообщении. 1882 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1162. Д. 8. Оп. 1. ОдГС 1882 г.
51. Каткова С.П. Договор с Петровским С.А. на передачу ему типографского имущества. 30 декабря 1887 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 16.
52. Воронов Л.Н. Финансово-экономическая деятельность М.Н. Каткова // Русский вестник. 1897. Кн. 8.
53. Грингмут В.А. М.Н. Катков как государственный деятель // Русский вестник. 1897. Кн. 8.
54. Грингмут В.А. Заслуги М.Н. Каткова по просвещению России // Русский вестник. 1897. Кн. 8.
55. Татищев С.С. М.Н. Катков в иностранной политике // Русский вестник. 1897. Кн. 8.
56. Русское обозрение. 1897. Кн. 3.
57. Семетковский Р.И. М.Н. Катков, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892.
58. Каткова С.П. Договор с Чичериным В.В. на издание сочинений М.Н. Каткова. 1 января 1895 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 17.
59. Каткова С.П. Соглашение с товариществом Владимир Чичерин на продажу «Сочинение передовых статей М.Н. Каткова». 1902 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 56. Ед. хр. 18.
60. Объявление о подписке // Русский вестник. 1897. Кн. 8.
61. Каткова С.П. Черновик письма Николаю II. 1897 г. // ОР РГБ. Ф. 120. К. 4. Ед. Хр. 54.
62. Любимов Н.А. М.Н. Катков (по личным воспоминаниям) // Русский вестник. 1888. Кн. 1. С. 1–46.
63. Мещерский Н.П. Воспоминания О М.Н. Каткове. Письма в Тверитино // Русский вестник. 1897. Кн. 8. С. 1–49.
64. Материалы к жизнеописанию М.Н. Каткова // Русский вестник. 1897. Кн. 8. С. 132–177.
65. Соколов С.И. Письмо С.П. Катковой. 5 января 1911 г. Москва // ОР РГБ. Ф. 120. К. 10. Ед. хр. 46.
66. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 1873. № 220 (1 сентября).
67. Б.п. <Катков М.Н.> Передовая статья // Московские ведомости. 1872. № 165 (2 июля).

References

1. Katkov, M.N. (1884) *Pis'mo imperatoru Aleksandru III. 1884 g.* [Letter to Emperor Alexander III. 1884]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 52. Item 12.
2. Kireev, A.A. (n.d.) *Dnevnik* [Diaries]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 126.
3. Liubimov, N.A. (1889) *M.N. Katkov i ego istoricheskaya zaslug* [M.N. Katkov and his historical merit]. Saint Petersburg.
4. Meshcherskiy, V.P. (2001) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Zakharov.

5. Kartsov, Yu.S. (1906) *Sem' let na Blizhnem Vostoke. 1879–1886. Vospominaniya politicheskie i lichnye* [Seven years in the Middle East. 1879–1886. Political and personal memories]. Saint Petersburg.
6. Nevedenskiy, S. <Shcheglovitov, S.G.> (1888) *Katkov i ego vremya* [Katkov and his time]. Saint Petersburg.
7. Sementkovskiy, R.I. (1892) *M.N. Katkov, ego zhizn' i literaturnaya deyatelnost: biograficheskii ocherk* [M.N. Katkov, his life and literary activity: a biographical essay]. Saint Petersburg.
8. Feoktistov, E.M. (1991) *Vospominaniya. Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896* [Memoirs. Behind the scenes of politics and literature. 1848–1896]. Moscow: Novosti.
9. Chicherin, B.N. (1997) *Vospominaniya. Moskva sorokovykh godov* [Memoirs. Moscow of the forties]. Moscow: MSU.
10. San'kova, S.M. (2008) *Mikhail Nikiforovich Katkov. V poiskakh mesta (1818–1856)* [Mikhail Nikiforovich Katkov. In search of a place (1818–1856)]. Moscow: APKIPPRO.
11. Gavrilov, I.B. (2018) Katkov: zhizn', trudy, mirovozzrenie [Katkov: life, works, worldview]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii*. 1 (2). pp. 136–177.
12. Kotov, A.E. (2016) "Tsarskii put'" Mikhaila Katkova: ideologiya biurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoi publitsistike 1860–1890-kh gg. [Mikhail Katkov's "Royal Path": the ideology of bureaucratic nationalism in political journalism of the 1860s–1890s]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
13. Ershova, V.N. (2007) Zhurnalists P.I. Shalikhov: materialy k biografii [Journalist P.I. Shalikhov: materials for a biography]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie, Yazykoznanie. Kul'turologiya*. 7. pp. 11–26.
14. Mil'china, V.A. (2020) Kul'tura primechanii: kniaz' Petr Ivanovich Shalikhov perevodit vikont Fransua-Rene de Shatobryana [The culture of notes: Prince Pyotr Ivanovich Shalikhov translates Viscount François-René de Chateaubryand]. *Shagi / Steps*. 6 (3). pp. 106–136.
15. Zhukova, Yu.V. (1997) Zhenskaya tema na stranitsakh zhurnala "Aglaya" (1808–1812). Kn. P.I. Shalikova [The women's theme on the pages of the magazine "Aglaya" (1808–1812). By Prince P.I. Shalikov]. In: *O blagorodstve i preimushchestve zhenskogo pola* [On the nobility and advantage of the female sex]. Saint Petersburg. pp. 38–50.
16. Sperantov, V.V. (1996) Byl li kn. Shalikhov izobretatelem "oneginskoi strofy"? [Was Prince Shalikhov the inventor of the "Onegin stanza"?]. *Filologika*. 3 (5/7). pp. 125–132.
17. Chichinadze, R.V. (1971) *Zhizn' i zhurnalistsko-literaturnaya deyatelnost' P.I. Shalikova (Shalikhovicha)* [Life and journalistic-literary activity of P.I. Shalikov (Shalikhovich)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tbilisi.
18. Pukhov, V.V. (1973) P.I. Shalikhov i russkie pisateli ego vremeni (po arkhivnym materialam) [P.I. Shalikov and Russian writers of his time (based on archival materials)]. *Russkaya literatura*. 2. pp. 159–169.
19. Otlivanchik, A.V. (2017) Knyazhna N.P. Shalikova – korrespondent F.M. Dostoevskogo [Princess N.P. Shalikova – correspondent of F.M. Dostoevsky]. *Neizvestnyi Dostoevskiy*. 2. pp. 59–70.
20. Perevalova, E.V. (2019) [Writer Natalia Petrovna Shalikova – author of publications by M.N. Katkov (based on materials from the Manuscript Department of the Russian State Library)]. *Rumyantsevskie chteniya – 2019* [Rumyantsev Readings – 2019]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Pashkov dom. pp. 281–286. (In Russian).
21. Shalikova, A.F. (1862) Pis'mo k redaktoru zhurnala "Vremya": po povodu stat'i "Pevets Kubry" [Letter to the editor of the magazine "Vremya": regarding the article "Singer of the Kubra"]. *Vremya*. 11. Contemporary review.
22. Russian State Archive of Literature and Art. Fund 262. List 1. Item 1. *Formulyarnyy spisok o sluzhbe chinovnika osobykh poruchenii pri Ministerstve narodnogo prosveshcheniya, kollezhskogo sovetnika Katkova* [Service record of an official for special assignments at the Ministry of Public Education, Collegiate Councilor Katkov].
23. Stankevich, A.V. (n.d.) *Iz vospominanii* [From memoirs]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 70. Card File 94. Item 11.
24. Belinskiy, V.G. (1956) Pis'mo V.P. Botkinu. 16 dekabrya 1839 g. – 10 fevralia 1840 g. Peterburg [Letter to V.P. Botkin. December 16, 1839 – February 10, 1840. Petersburg]. In: Belinskiy, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.
25. Belinskiy, V.G. (1956) Pis'mo V.P. Botkinu. 12–16 avgusta 1840 g. Peterburg [Letter to V.P. Botkin. August 12–16, 1840. Petersburg]. In: Belinskiy, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Vol. 11. Moscow: USSR AS.
26. Katkov, M.N. (1897) Zapiska ministru narodnogo prosveshcheniya A.S. Norovu [Note to the Minister of Public Education A.S. Norov]. *Russkaya starina*. 11.
27. Katkov, M.N. (1897) Pis'mo k A.V. Nikitenko. 3 iyunia 1854 g. [Letter to A.V. Nikitenko. June 3, 1854]. *Russkaya starina*. 11–12.
28. Passek, T.P. (1889) *Iz dal'nykh let* [From distant years]. Saint Petersburg.
29. Katkov, M.N. (1897) Pis'mo materi i bratu. 1 iyunya / 20 maya 1842 g. Berlin [Letter to mother and brother. June 1 / May 20, 1842. Berlin]. *Russkiy vestnik*. Avgust. pp. 145–171.
30. Komarovskiy, N.E. (n.d.) *Vospominaniya o M.N. Katkove* [Memories of M.N. Katkov]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 57. Item 2.
31. Sokolova, A.I. (1911) Vstrechi i znakomstva [Meetings and acquaintances]. *Istoricheskiy vestnik*. 6.
32. Drashusova, E.A. (n.d.) *Vospominaniya* [Memoirs]. Department of Manuscript Collections of the Vladimir Dal Russian State Literary Museum. Fund 65. List 1. Item 25.
33. S.U. <Umanets S.I.> (1912) Mozaika [Mosaic]. *Istoricheskiy vestnik*. 12.
34. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo V.P. Botkinu* [Letter to V.P. Botkin]. Department of Manuscripts of the Leo Tolstoy State Museum. Arkhiv V.P. Botkina [V.P. Botkin Archive]. P. 6. No. 60788.
35. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'mo V.P. Botkinu* [Letter to V.P. Botkin]. Department of Manuscripts of the Leo Tolstoy State Museum. Arkhiv V.P. Botkina [V.P. Botkin Archive]. P. 6. No. 60790.
36. Cherkasov, P.G. (1882) *Pis'mo Katkovo S.P. 17 dekabrya 1882 g.* [Letter to S.P. Katkova. December 17, 1882]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 13. Ed.khr.8.
37. Katkov, M.N. (n.d.) *Pis'ma S.P. Katkovoy* [Letters to S.P. Katkova]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 49. Item 26.
38. Shalikova, N.P. (n.d.) *Dnevnik* [Diary]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 54. Item 33.
39. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 56. Item 11. *Kontrakt M.N. Katkova s Moskovskim universitetom na arendnoe soderzhanie tipografii Moskovskogo universiteta. 1875 g.* [Contract of M.N. Katkov with Moscow University for the rental maintenance of the printing house of Moscow University. 1875].
40. Kruglikova, O.S. (2018) "Moskovskie vedomosti" posle smerti M.N. Katkova: konkurentsia za pravo izdaniya gazety ["Moskovskie Vedomosti" after the death of M.N. Katkov: competition for the right to publish the newspaper]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazyk i literatura*. 15 (2). pp. 252–264.
41. *Moskovskie vedomosti*. (1887) 202 (24 July).
42. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 56. Item 32. *Raschetnaya knizhka trgovogo doma L.S. Poliakov na imia M.N. Katkova* [Calculation book of the trading house L.S. Polyakov in the name of M.N. Katkov].

43. Pazukhin, A.D. (1923) Pis'mo K.P. Pobedonostsevu. 1 avgusta 1887 g. [Letter to K.P. Pobedonostsev. August 1, 1887]. In: *K.P. Pobedonostsev i ego korrespondenty. Pis'ma i zapiski* [K.P. Pobedonostsev and his correspondents. Letters and notes]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
44. Vasil'ev, N.V. (1887) Pis'mo Petrovskomu S.A. 21 sentyabrya 1887 g. [Letter to S.A. Petrovsky. September 21, 1887]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 224. Card File 1. Item 18.
45. Vasil'ev, N.V. (1887) Pis'mo Petrovskomu S.A. 23 sentyabrya 1887 g. [Letter to S.A. Petrovsky. September 23, 1887]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 224. Card File 1. Item 18.
46. Perevalova, E.V. (2017) S. I. Sokolov, the Secretary of the Moskovskie Vedomosti Newspaper Editorial Office (the 1880s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 49. pp. 209–221. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/49/13
47. Vasil'ev, N.V. (1887) Pis'mo Petrovskomu S.A. 1 oktyabrya 1887 g. [Letter to S.A. Petrovsky. October 1, 1887]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 224. Card File 1. Item 18.
48. Katkova, S.P. (1887) *Doverennost' na imya Petra Mikhailovicha Katkova po delam izdaniya gazety "Moskovskie vedomosti". 29 oktyabrya 1887 g.* [Power of attorney in the name of Pyotr Mikhailovich Katkov on matters of publishing the newspaper "Moskovskie Vedomosti". October 29, 1887]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 56. Ed. Khr. 15.
49. Delianov, I.D. (1923) Pis'mo K.P. Pobedonostsevu. 3 oktyabrya 1887 g. [Letter to K.P. Pobedonostsev. October 3, 1887]. In: *K.P. Pobedonostsev i ego korrespondenty. Pis'ma i zapiski* [K.P. Pobedonostsev and his correspondents. Letters and notes]. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
50. Russian State Historical Archive. Fund 1162. Case 8. List 1. OdGS 1882. *Delo o Pravitel'stvennom soobshchenii. 1882 g.* [Case on the Government message. 1882].
51. Katkova, S.P. (1887) *Dogovor s Petrovskim S.A. na peredachu emu tipografskogo imushchestva. 30 dekabrya 1887 g.* [Agreement with S.A. Petrovsky on the transfer of printing property to him. December 30, 1887]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 56. Item 16.
52. Voronov, L.N. (1897) Finansovo-ekonomicheskaya deiatel'nost' M.N. Katkova [Financial and economic activities of M.N. Katkov]. *Russkiy vestnik*. 8.
53. Gringmut, V.A. (1897) M.N. Katkov kak gosudarstvennyy deiatel' [M.N. Katkov as a statesman]. *Russkiy vestnik*. 8.
54. Gringmut, V.A. (1897) Zaslugi M.N. Katkova po prosveshcheniiu Rossii [M.N. Katkov's merits in educating Russia]. *Russkiy vestnik*. 8.
55. Tatishchev, S.S. (1897) M.N. Katkov v inostranno politike [M.N. Katkov in foreign policy]. *Russkiy vestnik*. 8.
56. *Russkoe obozrenie*. (1897) 3.
57. Sementkovskiy, R.I. (1892) *M.N. Katkov, ego zhizn' i literaturnaya deiatel'nost': Biograficheskoy ocherk* [M.N. Katkov, his life and literary activity: Biographical essay]. Saint Petersburg.
58. Katkova, S.P. (1895) *Dogovor s Chicherinym V.V. na izdanie sochinenii M.N. Katkova. 1 yanvarya 1895 g.* [Agreement with V.V. Chicherin on the publication of the works of M.N. Katkov. January 1, 1895]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 56. Item 17.
59. Katkova, S.P. (1902) *Soglasenie s tovarishchestvom Vladimir Chicherin na prodazhu "Sochinenie peredovykh statei M.N. Katkova". 1902 g.* [Agreement with the partnership "Vladimir Chicherin" for the sale of "Collection of leading articles by M.N. Katkov". 1902]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 56. Item 18.
60. *Russkiy vestnik*. (1897) Ob"iavlenie o podpiske [Subscription announcement]. 8.
61. Katkova, S.P. (1897) *Chernovik pis'ma Nikolayu II. 1897 g.* [Draft letter to Nicholas II. 1897]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 4. Ed. Khr. 54.
62. Liubimov, N.A. (1888) M.N. Katkov (po lichnym vospominaniyam) [M.N. Katkov (from personal memories)]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 1–46.
63. Meshcherskiy, N.P. (1897) Vospominaniya O M.N. Katkove. Pis'ma v Tveritino [Memories About M.N. Katkov. Letters to Tveritino]. *Russkiy vestnik*. 8. pp. 1–49.
64. *Russkiy vestnik*. (1897) Materialy k zhizneopisaniyu M.N. Katkova [Materials for the biography of M.N. Katkov]. 8. pp. 132–177.
65. Sokolov, S.I. (1911) *Pis'mo S.P. Katkovo. 5 yanvarya 1911 g. Moskva* [Letter to S.P. Katkov. January 5, 1911. Moscow]. Department of Manuscripts of the Russian State Library (OR RGB). Fund 120. Card File 10. Item 46.
66. B.p. <Katkov, M.N.> (1873) Peredovaya stat'ya [Leading article]. *Moskovskie vedomosti*. 220 (1 September).
67. B.p. <Katkov, M.N.> (1872) Peredovaya stat'ya [Leading article]. *Moskovskie vedomosti*. 165 (2 July).

Информация об авторе:

Передалова Е.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций им. М.Ф. Ненасева Московского политехнического университета (Москва, Россия). E-mail: helenpv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Perevalova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Journalism and Mass Communications named after. M.F. Nenashev, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: helenpv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024;
одобрена после рецензирования 02.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 25.12.2024;
approved after reviewing 02.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/513/5

Поэтическая репрезентация образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева: перцептивный аспект

Марина Васильевна Трунова¹, Лариса Борисовна Крюкова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *Trunova87@yandex.ru*

² *lar-kryukova@yandex.ru*

Аннотация. Образ Сибири в поэтических произведениях Н.В. Хоничева рассмотрен в контексте идиостилистического направления современной перцептивной лингвистики и определен как художественный перцептивный «макрообраз». Особое место в анализируемых стихотворениях занимают природные растительные «микрообразы» (тайга, лес, сосна, кедр, рябина, береза и тополь и др.), они позволяют актуализировать региональный компонент в авторской поэтической картине мира. В процессе художественной репрезентации доминируют языковые единицы с семантикой зрительного восприятия, большая часть изобразительно-выразительных средств (метафоры, сравнения, олицетворения) моделируются на основе синестезии. Перцептивными доминантами являются солнечный свет, музыка, аромат, зелень.

Ключевые слова: Сибирь, сибирский текст, восприятие, художественный перцептивный образ, перцептивные единицы

Для цитирования: Трунова М.В., Крюкова Л.Б. Поэтическая репрезентация образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева: перцептивный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 44–53. doi: 10.17223/15617793/513/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/5

Poetic representation of the image of Siberia in Nikolai Khonichev' poetry: A perceptual aspect

Marina V. Trunova¹, Larisa B. Kryukova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *Trunova87@yandex.ru*

² *lar-kryukova@yandex.ru*

Abstract. The relevance of the research is determined by the attention to the emotional and perceptual component in the process of formation of the Siberian regional identity and the active research of "Siberian texts" in the context of the cultural heritage of Russia. The aim of the article is to analyze the poetic representation of the image of Siberia in the poetry of the Tomsk writer Nikolai Khonichev. The material is 195 poems from collections of different years. The main research methods are structural and semantic analysis of language units of different text levels and linguostylistic analysis of the text. The structure of the article is determined by one of the main tasks – identifying the role of the perceptual component in the process of forming the image of Siberia in Khonichev's poetry. A certain duality is characteristic of the "Siberian texts", reflecting the "interaction" of the national and regional components in the formation of the individual author's image of the world. In modern regional literature, a predominantly positive perception of the space of Siberia is constructed; a bright emotional attachment of the authors to their small homeland, love for Siberian nature, a pride and respect for the history of the region and cultural traditions are traced. The research showed that the image of Siberia can be defined as a "macro-image" that includes a wide range of "micro-images" formed on the basis of different types of perception (visual, auditory, tactile, etc.). The texts emphasize the beauty of Siberian nature (*the aroma of green meadows, the music of the forest, the crying of birches, the trembling of needles, the bells of rowan trees, the pearls of poplars*, etc.). The perception of the natural and cultural aspects of the image of Siberia are presented in their inseparable unity (*poetry is scattered in the forest, a forest museum*, etc.). Siberia is described as a place with its own unique nature, original culture and values. As a result of the analysis of N.V. Khonichev's poetic texts, it was revealed that plant images (*taiga, forest, pine, cedar, rowan, birch and poplar*, etc.) occupy an important place in the description of Siberia as a natural phenomenon; their linguistic representation is related to all-Russian cultural traditions. The perceptual component of the meaning is constantly updated: linguistic units with the semantics of visual perception dominate at the lexical and syntactic levels of the text. A significant part of the pictorial and expressive means (metaphors, comparisons, personifications) are modeled on the basis of synesthesia (*multicolored smell, aromas call*, etc.). Sunlight, music, aroma, greenery in the analyzed poems are perceptual dominants that determine the author's perception of Siberia.

Keywords: Siberia, Siberian text, perception, perceptual image, regional poetry

For citation: Trunova, M.V. & Kryukova, L.B. (2025) Poetic representation of the image of Siberia in Nikolai Khonichev's poetry: A perceptual aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 44–53. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/5

Введение

Сибирь как географический и культурный феномен регулярно попадает в фокус внимания современных гуманитарных исследований. Одной из центральных научных проблем становится своеобразие словесной культуры Сибири и ее взаимосвязей с общероссийским и европейским контекстом [1. С. 6]. В коллективной монографии «Пространство и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири» представлена методика междисциплинарного исследования (археология, фольклористика, история, лингвистика и др.), ориентированная на изучение сибирского ландшафта в аспекте сохранения культурного наследия региона [2]. Среди основных «локусов памяти» анализируются: история Сибири как часть истории России, Сибирь купеческая, Сибирь как кладовая природных богатств и ее индустриальная история, Сибирь как территория приложения идей просвещения и др. [2. С. 173–195]. В современных лингвистических работах реализуется модель описания Сибири как многомерного пространства, включающего параметры локальности, региональности, темпоральности [2. С. 68]. Образ Сибири анализируется в контексте различных типов дискурса: научного, документального, публицистического, диалектного, эпистолярного, автобиографического и др. [3], при этом постоянно подчеркивается особая роль художественных произведений: «Художественный дискурс, помимо прочего, являлся той конструирующей технологией, которая способствовала значительной трансформации в общественном сознании компонентов образа Сибири и сибиряков, вплоть до их общей позитивной или негативной окраски» [4. С. 21]. В процессе «конструирования гносеологического образа Сибири» важную роль играют различные изобразительно-выразительные средства, формирующие эмоциональную составляющую образа.

Целью предлагаемой статьи является анализ поэтической репрезентации образа Сибири в творчестве томского поэта и писателя Н.В. Хоничева в перцептивном аспекте. Рассмотрено 195 стихотворений, опубликованных в поэтических сборниках автора: «Созвездие сирени» – 58 [5]; «Буквица» – 55 [6]; «Любоснежник» – 48 [7]; «Книга папоротника» – 34 [8]. Анализируемые тексты могут быть определены как региональные [9. С. 103], они «привязаны» к городу Томску и Сибирскому региону. Основной метод исследования – лингвистическое моделирование. *Сибирь* рассматривается как художественный перцептивный образ – элемент индивидуально-авторской поэтической картины мира и разновидность словесного художественного образа, основой которого является сенсорная составляющая (подробнее см.: [10–12 и др.]). Репрезентантами художественного перцептивного образа являются перцеп-

тивные единицы, маркирующие пропозицию восприятия в процессе текстообразования, основанием для их классификации становится модус перцепции: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус [12. С. 47–48]). Использование элементов лингвосмыслового и лингвостилистического анализа текста позволяет актуализировать роль перцептивного компонента в процессе формирования образа Сибири в поэтических текстах автора.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена активным изучением *сибирских текстов* в контексте культурного наследия России [1, 2, 13–15 и др.], а также вниманием к эмоциональному и перцептивному компонентам в процессе формирования сибирской региональной идентичности [2–4, 14, 16, 17 и др.]. Эмоциональная связь с определенной территорией может иметь двойственную природу: ее осуществление возможно либо в форме присвоения пространства, либо в форме идентификации с этим пространством. «Различный характер эмоциональной привязанности к региону свидетельствует о том, что это не единичный перцептивный акт, а когнитивная конструкция, отражающая различные типы опыта» [4. С. 18]. Анализ художественного перцептивного образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева свидетельствует об актуализации регионального компонента в процессе разработки идиостилистического направления современной перцептивной лингвистики.

Своеобразие *сибирского текста* проявляется во взаимодействии регионального и общероссийского материала, его постижения в контексте времени: «Литература сибирская есть участок общерусской литературы, отображающий на краевом (местном, областном) материале ее общий путь развития» [13. Стб. 163]. «В литературе Сибири были свои мотивы, сюжеты, темы, но их эстетическое осмысление и поэтическое выражение тесно и неразрывно связано с общерусским историко-литературным процессом. Именно это взаимодействие местного (сибирского) и общерусского – ключ к пониманию своеобразия и проблематики, и поэтики литературы Сибири, дихотомии сибирского текста русской культуры» [14. С. 227].

Сибирь как художественный перцептивный образ в контексте филологических исследований

В коллективной монографии «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» К.В. Анисимов пишет о двух подходах к изучению локального *сибирского текста* русской литературы (подробно см.: [15. С. 5]). «Литературное “изобретение” <...>, конструирование сибирского ландшафта в русской культуре представляло собой сложный процесс постоянного колебания базовой оценки наблюдателя, словно раздваивающегося между задачей дальнейшего отчуж-

дения Сибири и противоположной установкой, которая заключалась в символическом освоении/присвоении, включении Сибири в контур национальной жизни. Так или иначе обе установки подразумевали наделение Зауралья определенными ролями в рамках функционального поля культуры, соединение Сибири с тем или иным заданием, которое она как социально-географическая и мифологическая реальность может выполнять по отношению к человеку» [15. С. 7].

Художественная картина мира, запечатленная в региональном тексте, «отражает менталитет этнокультурных групп, она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира, а с другой – с общенациональной картиной мира, и ее воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального свертхтекста» [18].

Размышляя о методологических проблемах изучения *сибирского текста* русской лирики, Н.А. Рогачева подчеркивает значимость перцептивного аспекта художественного образа Сибири: «В поэзии XVIII века доминирует зрительное восприятие сибирского локуса и визуальная образность, к концу XIX в. они уступают место другим типам сенсорных пространств – акустическому, ольфакторному, тактильному. Это изменение параметров перцепции отражает глубинные сдвиги, произошедшие как в восприятии Сибири, так и в художественной картине мира всей русской поэзии» [19. С. 245].

В.И. Тюпа в исследованиях о *сибирском тексте* отмечает: «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании. И хотя за Уралом три летних месяца по преимуществу стоит жара, в литературных пейзажах Сибири лето и солнце, как правило, игнорируются. Одновременно Сибирь – страна безлюдного и беспредельного (символ космической вечности) пространства» [20. С. 27–35]. Тема сибирского холода открывает цикл очерков А.П. Чехова «Из Сибири»: «– Отчего у вас в Сибири так холодно? – Богу так угодно! – отвечает возница. Да, уже май, в России зеленеют леса и заливаются соловьи, на юге давно уже цветут акация и сирень, а здесь, по дороге от Тюмени до Томска, земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах и в оврагах лежит еще снег...» [21].

Эволюция концепта Сибирь в русской языковой картине мира на материале художественных текстов рассматривается в диссертационном исследовании А.М. Литовкиной. Среди когнитивных признаков выделяются следующие: *территория России, население, холодный климатический пояс, Байкал и тайга*. Особое внимание автор уделяет образному содержанию лингвокультурного концепта и отмечает, что перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей о Сибири, моделируется с помощью метафорических переносов из разных сфер-источников: *глубинная Сибирь, снега, пролила свои реки (вещество), набатный колокол, кладовая (предмет), прирастали Сибирь к России, Сибирь цветет (растение), Сибирь смотрит, дышит, думает, вздыхает* [22. С. 17].

В современной региональной художественной литературе конструируется преимущественно позитивное восприятие пространства Сибири. В поэтическом творчестве сибирских авторов прослеживается яркая эмоциональная привязанность к своей малой Родине, любовь к сибирской природе, чувство гордости за историю региона, уважение к культурным традициям.

Поэтическая репрезентация перцептивного образа Сибири в творчестве Н.В. Хоничева

Образ Сибири является центральным в стихотворениях Н.В. Хоничева, поэтическое творчество которого пронизано любовью к сибирской природе и городу Томску. Поэтические тексты публиковались в журналах и альманахах «Сибирская старина», «Сибирские Афины», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Лесная новь», «Студенческий меридиан» и многочисленных коллективных сборниках, с 1 марта 2000 г. Н.В. Хоничев – член Союза писателей России [6. С. 3]. Как уже было отмечено, материалом для анализа стали 195 стихотворений писателя, вошедшие в поэтические сборники разных лет и посвященные истории, культуре и природным богатствам Сибирского региона: *Люблю. И радужным букетом / Сибирская согреет Русь. / Как имень стремится к первоцветам, / К наукоснежникам стремлюсь («Первоцветы»); Затем, что люди – не мишени в тире. / Затем, чтоб красотой повелевать. / Поэзия смещается к Сибири / Озоновую дырку залатать («Поэзия смещается к Сибири»).*

В произведениях Н.В. Хоничева, как и в текстах большинства сибирских авторов, образ Сибири представлен как сложный и многогранный [1, 2, 13–15 и др.]. В результате лингвосмыслового анализа было определено, что в поэтических произведениях автора Сибирь моделируется как (1) центр науки и образования: *Моя Сибирь – великая проталина, / Когда Россию сковывает лед; Сибирью по-потанински произнесенное, / Протаит сердце у сибиряка («Потанину»);* (2) как родина, связь с которой сохраняется на всю жизнь: *Я и сам бы уплыл. Приживусь на любом континенте / Но куда мне деваться от жемчуга тополей? / Ибо сердце пожизненно ранено Томском, поверьте, / Где стихи мои любят десятки и сотни людей («Тополиная мелодия»);* (3) как культурный и природный феномен: *И суровой Сибири скудную красу я спокойно пожизненно в сердце несу («Чажемто»).* Анализ выявленных перцептивных единиц (и в плане выражения, и в плане содержания) показал, что наиболее иллюстративными в аспекте авторского мировосприятия являются контексты, включающие описание сибирской природы.

Природные «микрообразы», формирующие «макрообраз» Сибири, могут быть классифицированы по типу перцептивной доминанты (подробно о понятии «перцептивная доминанта» см.: [23. С. 380]):

– визуальные (*солнце, ночь, туман и др.*): *Но я был искренним во всем. / Так пусть благоухает / Ошибок палая хвоя под солнечным лучом («Сибирский бархатный сезон»); Между небом и землей грустит простор. / Он колышется у солнечных дверей*

(«Меж малиной и смородиной – костер»); Густыми звездочками затканы / **Ночные чудо-небеса** («Густыми звездочками затканы»); Звезд веснушки. Рассвет народится нескоро. / **Просто зимняя ночь** ловит именно здесь («Постоять, помолчать, погрузиться у костела»);

– аудиальные (музыка, пение, звуки природы и др.): Ноты огоньков, **паузы** травы / **И аккорды** земляники сладкой. / **По ладам** берез, **под напев** листвы / Очарует нас лесная **музыка** украдкой («Лесная музыка»); Сибирский бархатный сезон / **Мелодии** грибные. / Грибы – и те растут семей по мховому коврику («Сибирский бархатный сезон»); **Стрекотанье** вселенной моей... / **Разнозвучье** деревьев и крыши («Напишу стихи ни о чем...»); **Ноты** расцветают в степи. / **Букетик** нот собираю я («Ноты расцветают в степи...»);

И станешь преемником дивных **мелодий** / Из птичьих улыбок и марева трав («Под ливнем язвительным, снегом внезапным...»);

– тактильные (холод, тепло, сырость и др.): Черный снег и сумрачная вьюга, / **Зябкие холодные** поля («Просьба»); **Зябко** от **морозного тумана**. / Сколько жить с немилым колючим («Октябрь 1744 г.»); Споры грибов оборачиваются спорами ради истины. / Наберу корзину. Постою под сосной в **холодке** («В Тимирязевском бору»); **Дрожит от мороза** природа («В бывший город Щегловск»); Обратно легче мне идти. / **Сильнее солнце греет** («Зимнее обследование»); Буду в архиве выписывать тщательно, медленно / **Ветер и влагу, и воздух** в большую тетрадь (Гидрометеобюро);

– ольфакторные (запах, аромат, благоухание и др.): Август краски терял, но плодами дарил полновесно. / От полей и лесов **аромат травяной и густой** («Львиная дева»); Еще в **благоуханных травах** парят дуга. / Еще я босиком гуляю по облакам («Молодильные яблоки»); **Наплывают, зовут ароматы...** / В разноцветных флаконах весна («Наплывают, зовут ароматы...»).

Среди языковых единиц, моделирующих различные природные микрообразы, было выявлено значительное количество синестетических сочетаний, которые также традиционно классифицируются по модусу перцепции:

– обоняние – зрение: Под ливнем язвительным, снегом внезапным, / Застыгнувший часто врасплох, на авось, / **Вдохнешь многоцветный как радуга запах**, / И он остановит обиду и злость («Под ливнем язвительным, снегом внезапным...»); Горит созвездие сирени! / Когда почти что **зримый аромат!** («Созвездие сирени»);

– осязание – зрение: Бескрайнее сиреневое небо. / Река Икса в **сиреновом тепле**. / Спокойная **сиреневая нега**. / Целебен мир в сиреновой красе («Созвездие сирени»); И **морозный рассвет** не созреет пока, / Очень мелко ромюкою – строчку («В бывший город Щегловск...»);

– звучание – зрение: Ранимая **сиреневая песня...** / Когда любимая ушла дразня... («Созвездие сирени»); Места вокруг чудесны. Синий пруд. / Деревья **песнь зеленую** поют («Андарма»); **Синий шепот** неба да над колпашевской землей, / От которой ты рвалась до смерти («До свиданья, Зойка!»).

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно отметить, что моделирование природных «микрообразов» происходит на основании различных чувственных ощущений. Синестезия как основа поэтического мировоззрения [24] в поэзии Н.В. Хоничева характеризуется тем, что явления, традиционно определяемые как звуковые, одоративные или осязательные наделяются визуальными признаками.

Среди природных «микрообразов», формирующих художественный перцептивный образ Сибири в анализируемых стихотворениях, важное место занимают образы растительного мира, именно они позволяют актуализировать и региональный, и перцептивный аспекты в процессе анализа авторского идиостиля.

Исследователи отмечают, что изучение «растительной символики в традиционной культуре и литературе нового времени, несмотря на существенный сдвиг, произошедший в последние годы <...>, продолжает быть востребованным, особенно с точки зрения локального и регионального своеобразия. Обязательный элемент сибирской топики – тайга» [25. С. 235]. Анализ современных «сибирских текстов» показывает, что для сибиряка доступна красота тайги, природа воспринимается им как храм, природный ландшафт традиционно приобретает черты сакрального; «живущий на этой земле человек, способен оценить все богатства, которые открывает для него природа, и ощутить себя здесь свободным и счастливым» [26. С. 198].

В контексте перцептивных исследований растительные «микрообразы» (лес, кедр, сосна, береза и др.) определяются как полимодальные (моделирование осуществляется с опорой на зрительные, слуховые и одоративные признаки, в ряде случаев «привлекаются» осязательные и вкусовые [27]). «Микрообразы» вербализованы в поэтическом творчестве Н.В. Хоничева языковыми единицами разных уровней (лексическими, синтаксическими, стилистическими): *А это нам врачует душу лес: / Спокойный, мудрый, гармоничный, щедрый* («Восходят сосны, кедров до небес»); *В лесу рассыпана поэзия / В зеленых строчках диких трав* («В лесу рассыпана поэзия...»); *Томский лес. Кедров на холмах. / И озера, как синие бусы* («Томский лес»); *И какие только встречи / Этот город не таит... / А в короне Междуречья – / Сосен золото блестит!* («Город Томск – Сибирский Кембридж»).

Описание художественного перцептивного образа может быть представлено в формате словарной статьи (подробно см.: [12. С. 50]), которая включает заголовочное слово (1), зону способов языковой репрезентации с указанием количества словоупотреблений (2), зону контекстов (3), в которой демонстрируются случаи употребления, зону образных средств (4) и комментариев (5). Данная модель является продуктивной, так как позволяет рассмотреть *перцептивные единицы* лексического, синтаксического и стилистического уровней художественного произведения в их системном взаимодействии.

Не претендуя на полное словарное описание, структурируем материал в соответствии с предложенной схемой (1, 2, 3, 4, 5). Необходимо отметить, что классификации, представленные в зонах 3 и 4, отражают

результаты предварительного лингвостилистического анализа стихотворений.

Рассмотрена семантическая структура высказываний с перцептивной семантикой (пропозиция восприятия [17]), выявлены изобразительно-выразительные средства, формирующие соответствующий «микрообраз» (о стилистических фигурах в контексте перцептивной лингвистики см.: [28]). Краткие комментарии, представленные в зоне 5, носят обобщенный характер и содержат ссылки на исследования анализируемых микрообразов в различных «сибирских текстах», при этом актуализируются перцептивные характеристики, которые в той или иной мере проявляются в примерах, приведенных в зонах 3 и 4.

Выбор полимодальных растительных «микрообразов» – *тайга, сосна, рябина, береза, тополь, кедр* – обусловлен, с одной стороны, частотой их использования в анализируемых поэтических текстах (количество словоупотреблений указано в зоне 1), с другой – положением о том, что *сибирский лес*, являясь знаковым природным и лингвокультурным феноменом [29], традиционно рассматривается как символ региона [16]; *тайга* – это не только ресурс, но и маркер сибирской идентичности, экзотическое «искаженное» пространство, «ключ к пониманию национальной традиции и памяти» [2. С. 64].

(1) *Тайга* – «Полоса диких труднопроходимых хвойных лесов на севере Европы, Азии и Америки» [30. Т. 4. С. 331].

(2) В проанализированных стихотворениях на лексическом уровне выявлено 26 словоупотреблений: существительное *тайга* (14), прилагательное *таежный* (12).

(3) На синтаксическом уровне представлены предикативные единицы, в которых:

– *тайга* является субъектом существования, действия или носителем состояния: *Когда тайга отчаянно горит / И злое пламя долго не стихает («Когда тайга отчаянно горит...»); Походил по тропинкам затерянным, / Где тайга и медвежий покой. / Взялся соболю по кедровому уверенно, / Филин вдумчиво крутит башкой («По бревну через речку таёжную...»);*

– *тайга* представлена как локатив: *На тревожной зеленой и трепетной ноте / Вновь рассвет в комариной тайге застает («Мы спасаем тайгу и за ярусом ярус...»); Как рванет вездеход по колдобинам / Километров на сорок в тайгу («Командировка»); Знать, не зря остервенело / Повторял, как какаду, / Что настроиться сумею / И в тайге не пропаду («Смотрит кедр зеленоокий...»);*

– *таежный* выполняет функцию квалификатора: *По бревну через речку таёжную, / Да по кочкам. Да сквозь краснотал («По бревну через речку таёжную...»); Эта лодка пуста, и не нужно ей глупой борьбы. / Плыть да плыть по таёжному околду («Заломы»); Устал. До молящего вздоха / От красок таежных лесных («Устал. До молящего вздоха...»).*

(4) На стилистическом уровне выделяются метафоры: *А на лесных колдобинах растет себе кладония – Веселое сокровище таёжной кладовой («Кладония»)*, часть из которых имеет синестетическую

природу (например, слуховое – тактильное – зрительное основания): *Только дипольные пальцы звук нащупали в тайге («Смотрит кедр зеленоокий...»).*

(5) *Тайга* как пространственный образ в сибирских текстах выполняет миромоделирующую функцию. *Тайга* «это не пейзаж и даже не ландшафтный образ (вид места), а мирообраз, создающий картину мира» [31. С. 146]. *Тайга* характеризуется опасными и суровыми условиями, в которых без специальной подготовки невозможно выжить [16. С. 68], при этом она постоянно привлекает людей своей «неизведанностью» и «неисхоженностью»; *тайга* – это место единения человека с первозданной природой» [32. С. 119].

(1) *Сосна* – «Вечнозеленое хвойное дерево с небольшими шишками» [30. Т. 4. С. 206].

(2) 18 словоупотреблений: существительные *сосна* (13), *сосняк* (2), *соснячок* (1), прилагательное *сосновый* (2).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *сосна, сосняк, соснячок* – субъект существования: *И созвездья... на мудрых песках / Чудо-сосен стволов светло-русых («Томский лес»); Открытый в сентябрьскую осень, / В несмелый еще листопад, / Музей в окружении сосен / Гостям-посетителям рад («Музей леса в Тимирязеве»); Сосняк... Сугробы... Вьюжным днем / Лыжня едва торится («Зимнее обследование»); Потихонечку журчит чистая водица. / А напротив – соснячок вырос на холме («Дачное»);*

– *сосна, сосняк* – локатив: *Сесть под сосну на пригорок. / Влагою бор напоён. / Слово жемчужина, горю / В мантии леса рожден («Таранга»); Ах, грибные веснушки в Тимирязевском сосняке. / Споры грибов оборачиваются спорами ради истины («В Тимирязевском бору»);*

– *сосна* – объект восприятия: *В лесу к сосне прижмусь спиной / Потом глаза закрою («Сибирский бархатный сезон»); Сосна, посылая привет облакам, / Покажет смолы слезу («Сибирский Чардаш»); Лубоед сосну грызет. / Я листаю книги... («Лирихвост»);*

– *сосновый* – квалификатор: *Слова осыпались с бессонной строки. / В сосновом лесу расцвели кандыки («Когда я в больнице с инсультом лежал»).*

(4) Среди изобразительно-выразительных средств преобладают метафоры, относящиеся к различным модусам перцепции (доминирует зрительное основание): *Сорок сороков сосновых зеленых куполов <...> / Ищу зеленый мох – верную грибную примету («В Тимирязевском бору»); Как прозрачна вода на озере Чертаны! / И дно цвета стволов сосен, растущих вокруг («Озеро Чертаны»); Огранкою памяти создан / Музей, что мерцает сквозь тьму / Червонное золото сосен / Оправою служит ему («Музей леса в Тимирязеве»).* Основание для сравнений также может быть определено как перцептивное (например, зрительное): *Вот сосна стоит. Она как лира. / Женщина глядит. И за кадром («Цветочная кадриль»).*

(5) *Сосна* являлась наиболее характерным для Русского Севера видом священного дерева; в русской фольклорной традиции известно большое количество преданий о его чудотворных и целебных свойствах. С *сосной* связан широкий круг поверий и уста-

новлений, ее ветки использовались в качестве оберега [33. С. 379–387]. В региональной поэзии образ этого дерева задает вертикальную ось координат, определяя устремленность лирического героя к духовному и вечному [34. С. 199]. *Сосняк* (сосновый лес) в сибирском дискурсе представлен как разновидность хвойного леса (ср.: кедрач, пихтач, ельник) [16. С. 64]. К основным перцептивным характеристикам *сосны* относятся *зеленый* цвет (визуальная), *пахучий* (одоративная), *смолистый* и *колючий* (осязательные).

(1) *Рябина* – «1. Дерево сем. розоцветных, с оранжево-красными ягодами, собранными в пучок. 2. Ягоды этого дерева» [30. Т. 3. С. 748].

(2) 14 словоупотреблений: существительное *рябина* (12), прилагательное *рябиновый* (2).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *рябина* – субъект действия, носитель состояния: *Держинка моя – поцелуй на закате... / Созвездья рябина зажегла* («Держинка»); *Березы дышали в затылок / Рябина густела в руках* («Лабрант»);

– *рябина* – объект восприятия: *Мы бродили по холмам. Балагурили... / Рябь рябины золотая весьма* («Курорту Белокуриха»);

– *рябина* – объект воздействия: *Зима рябину в иней нарядила, / А солнце – золотит со всех сторон* («Зима рябину в иней нарядила»); *В страстной роце рябину срываю, / Постепенно осознавал – / Мир – вначале огромный без края – / Присмотреться – опять-таки мал* («Первоцвет»);

– *рябина* – локатив: *Снова солнечные ягодки / На рябине у крыльца* («Снова солнечные ягодки...»);

– *рябиновый* – квалификатор: *Будем снова нежны и серьезны – / Очень хрупок рябиновый куст* («Отношенья горчат, как рябина...»); *И здоровье шло рябиновым мостиком, / От родоносовой воды... от всего...* («Курорту Белокуриха»).

(4) Образ *рябины* представлен метафорами и эпитетами, имеющими перцептивное основание (доминирует зрительное): *Танцуй же, моя рябина, / Под рябь сумасшедших нот* («Среди достойный Томска...»); *Частушечные лидеры. Частят – а проку нет. / Рябиною кудрявою в стране кровавый след* («Частушка»). На фоне других растительных образов стоит обратить внимание на звуковые, а также вкусовые метафоры и сравнения: *У снежных колокольчиков рябины – / Замерзших ягод тонкий перезвон* («Зима рябину в иней нарядила»); *Рябина шептала: / Бери... на... / В Ботсад уйди от забот* («Лабрант»); *Отношенья горчат, как рябина. / Мы поссорились. И не звоним* («Отношенья горчат, как рябина»).

(5) В славянском культурном контексте *рябина* традиционно является оберегом, отмечается, что апотропейческая функция мотивируется *красным* цветом ягод. Песенный образ *кудрявой, кучерявой, тонкой* рябины часто ассоциируется с молодостью, красотой, женским началом [35. С. 238–252]. В региональной поэзии яркие цвета листвы *рябины* и *калины* связаны с ощущением последних теплых дней, дарованных осенью, с чувством умиротворения, растворения в природе [34. С. 201].

(1) *Береза* – «Лиственное дерево с белой корой» [30. Т. 1. С. 80].

(2) 13 словоупотреблений: существительные *береза* (6), *березка* (4), *березняк* (1), и прилагательное *березовый* (2).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *берёза, берёзка* – субъект звучания: *И скрепит осина страстная / И звенит берёза белая* («Октябрь 1744 года»); *По ладам берёз, под напев листвы / Очарует нас лесная музыка украдкой* («Лесная музыка»);

– *берёза, берёзка* – объект воздействия: *В морозных красках декабря / Берёзки обгорели* («Обследование палов»);

– *берёза* – локатив: *У ссыльных на поляне был колхоз, / Среди пихт и белосаванных берез* («Андарма»);

– *берёзка* – объект восприятия: *И тихой берёзке – попавшей, полезной, / За помощь твою благодарна рука* («Под ливнем язвительным, снегом внезапным...»);

– *берёзовый* – квалификатор: *По тропинке в тихих росах, / Шло березовое Слово* («Первоцвет»).

(4) Среди изобразительно-выразительных средств в поэзии Н.В. Хоничева, как и в русской литературной традиции в целом, используются олицетворения и сравнения: *Старые березы беззвучно плачут о тебе / То прозрачным соком, то листвою* («До свиданья, Зойка! Ты так давно судьбу звала...»); *Знаю – русская песня поможет средь молвы. / А березы пронзают до дрожи без листвы* («Чтобы в сердце раствориться могла тоска...»); *Буквы-листья и ветви-слова / И березы похожи на книги* («Томский лес»).

(5) *Береза* является «традиционным национальным символом сохраненной связи с родиной и детством», перцептивные зрительные характеристики образа березы проявляются в ее поэтическом описании: «облик березы, ее хрупкий белый ствол, крона позволяют метафорически уподобить ее молодой женщине» [36. С. 114].

Образ *берёзы* в русской лингвокультуре традиционно связывали *со светом*, что обусловлено *цветом* коры дерева, в региональной поэзии данный образ связан в большей степени с душевными переживаниями лирического героя, что соотносимо с их традиционным звучанием в русском фольклоре и литературе [34. С. 201].

(1) *Тополь* – «Дерево сем. ивовых, с высоким прямым стволом, с глянцевыми листьями различной формы и с цветками, свисающими в виде сережек» [23. С. 383].

(2) 19 словоупотреблений: существительные *тополь* (7), *тополиха* (1), прилагательные *тополинный* (10), *тополевой* (1).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– *тополь* – субъект действия, носитель состояния: *А ключик тот – его талант / В душе, звенящей тонко. / И зеленеют тополя, / Старая потихоньку* («Б.Н. Климычеву»); *Тополей созрели тени. / Бродят нищие собаки / У заборов и дверей* («Фея томского эфира»);

– *тополь* – локатив: *В ветвях тополей затаялось застенчиво эхо / И сентябрьски под ноги легло / все-прощеньем листвы* («Тополиная мелодия»); *На тополях – соцветья снежных лилий... / И словно мама с бабушкой вдали. (Вокзал Томск 2 недавно стал кирпичным...»);*

– **тополиный, тополевой** – квалификатор: *Тополевая моль озверела. / Злое солнце. Посохла листва («Тополевая моль озверела...»); Шкурка почки тополиной / В кабинет летит, шаля («В тополюном кабае»).*

(4) Среди образных средств преобладают метафоры и эпитеты, ориентированные на передачу внутреннего душевного состояния лирического героя, его переживаний и эмоций: *Но куда мне деваться от жемчуга тополей? <...> / Тополюное счастье – щекоцущим пухом на лица <...> / Тополюное горе – в кружащихся ветреных листьях («Тополюная мелодия»); И помянут, словно страны, / На закате, на заре, / Тополюные канканы / В тополюном кабае («В тополюном кабае»).* Встречаются олицетворения, актуализирующие визуальный признак: *Тополюха зеленеет / И смущенно тупит взор («В тополюном кабае»).*

(5) Дендроним **тополь** в поэтических контекстах XVIII–XX вв. определяется как «культурно насыщенный знак, реализующий «значимый фрагмент поэтической картины мира» [37. С. 153]. Во второй половине XX в. наблюдается динамика семантических признаков названного дендронима, что позволяет выделить новые тематические группы лексем, в которых **тополь** представлен как знак городского пространства и элемент национального пейзажа. Среди образных парадигм, характеризующих образное поле «тополь – физический мир», особое место занимает «тополь – воздействие на органы чувств» [37. С. 157]. «С помощью универсальных семантических признаков передаются различные цветовые, звуковые, обонятельные впечатления от растительной реалии: шум листвы, переливание листвы на солнце, запах горечи тополиных листьев и др.» [37. С. 159].

(1) **Кедр** – «1. Хвойное вечнозеленое дерево сем. сосновых. *Ливанский кедр*. 2. Распространенное неправильное название некоторых видов сосны, дающих съедобные семена – орешки. *Сибирский кедр*» [30. Т. 2. С. 45].

(2) 15 словоупотреблений: существительные **кедр** (8), **кедрач** (2), **кедровник** (1), прилагательное **кедровый** (4).

(3) Предикативные единицы, в которых:

– **кедр, кедрач** – субъект существования, состояния: *Такие кедры есть ребята. / Они растут до облаков («Я видел кедры в два обхвата»); Томский лес. Кедрачи на холмах. / И озера, как синие бусы («Томский лес»);*

– **кедровник, кедр** – локатив: *Сибирский бархатный сезон – пора волнений новых. / И урожайные ветра в кедровниках шумят («Сибирский бархатный сезон»); Взвился соболю по кедру уверенно, / Филин вдумчиво крутит башкой («По бревну через речку таёжную...»);*

– **кедр** – объект восприятия: *Я видел кедры в два обхвата. / А думал – сказка из веков («Я видел кедры в два обхвата»);*

– **кедровый** – квалификатор: *И черетица-чеуша на шишиках на кедровых / Скрывает жизнь, здоровье, смерть, любовь... и все подряд («Сибирский бархатный сезон»); На кедровых холмах Горной Шории / Плюсовые деревья ищут («Командировка в Горную Шорию»); Шестибугый короид / Влез в кедровый ствол («Лирохвост»); И желанны остаток смородины, / Что растет у кедрового пня («По бревну через речку таёжную...»).*

(4) Среди других образов сибирских растений **кедр** можно определить как наиболее яркий и многогранный. В описании используются перцептивные метафоры и эпитеты: *Как трепещут хвоинки атласные! / Тонет старый кедрач в синеве («Командировка в горную Шорию»); сравнения – И затряслись мои поджилки, / Как ветви кедра в шишкобой («Медвежий след»).* Особую роль играют олицетворения: *Смотрит кедр зеленоокий – / Ведь у страха на краю / Я в глухой тайге далекой / Строю рацию свою («Смотрит кедр зеленоокий»); Слово солнышко лучилось / Кедры слово прошептали («Первоцвет»).*

(5) **Сибирский кедр** определяется как один из центральных дендрообразов *сибирского текста*, в фокусе внимания лингвистов находится история возникновения названия и этапы формирования культурного и литературного феномена [25]. Реальные качества кедра (**высокий, крупный, вечнозеленый, хвойный, плодородный**) и его культурные признаки (мужской, связанный с потусторонним миром) обуславливают семантизацию дерева как сакрального в сибирской языковой и русской христианской культурах. Основные мифологические и мифопоэтические «кедровые» мотивы связаны с представлениями о Мировом древе как культовом центре и медиаторе, Древе (вечной) жизни и плодородия, родовом древе [25. С. 244–245]. Образ **сибирского кедра** в первую очередь ассоциируется с шумом леса и величию **сибирской тайги**. Среди ключевых характеристик **кедра** отмечают его целебные свойства, *высоту и размеры*, продолжительность жизни [38. Т. 1. С. 158].

Заключение

Образ Сибири в поэтических произведениях Н.В. Хоницева, рассматриваемый в контексте идиостилевого направления современной перцептивной лингвистики, может быть определен как «макрообраз», моделируемый в соответствии с такими категориальными признаками, как локальность, региональность и темпоральность. В результате лингвостилистического анализа текста было выявлено доминирование природных «микрообразов», обладающих различными перцептивными характеристиками. Среди традиционных для восприятия Сибири «холодных» признаков встречаются: *холод, снег, зима, мороз, тайга, ночь, тишина, туман* и др. [39]. Особое место в анализируемых стихотворениях занимают образы растительного мира (*тайга, лес, сосна, кедр, рябина, береза и тополь и др.*), именно они позволяют актуализировать региональный компонент в процессе анализа авторского идиостиля.

Рассмотрение соответствующих «микрообразов» в перцептивном аспекте показало, что в процессе художественной репрезентации доминируют языковые единицы с семантикой зрительного восприятия, также многочисленными являются звуковые характеристики, при этом большая часть изобразительно-выразительных средств (метафоры, сравнения, олицетворения) моделируется на основе межсенсорных ассоциаций – синестезии. Автору важно подчеркнуть красоту сибирской природы, ее жизнеутверждающий

характер, наиболее ярко это представлено при описании *леса (тайги)* как места единения человека с природой (*таежная кладовая, музыка леса, червонное золото сосен, трепет атласных хвоинок, сосновые зеленые купола, зеленоокий кедр, кедровые холмы, плач берез, колокольчики рябин, жемчуг тополей и др.*). *Солнечный свет (луч), музыка, аромат, зелень* в про-

анализированных стихотворениях могут быть определены как перцептивные доминанты, репрезентирующие авторское восприятие Сибири. Для лирического героя принципиально восприятие природного и культурного аспекта образа Сибири в их неразрывном единстве (*в лесу рассыпана поэзия, музей леса, березы похожи на книги и др.*).

Список источников

1. Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. 492 с.
2. Пространство и тексты : модель исследования социокультурного ландшафта Сибири / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, В.С. Воробьева, И.Ф. Гнюсова, Т.А. Демешкина, Е.Е. Дутчак, О.В. Зайцева, Д.Н. Шевелев, К.А. Конев. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2022. 280 с.
3. Волошина С.В. Репрезентация концепта Сибирь в автобиографических рассказах крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38. doi: 10.17223/19986645/47/2
4. Головнева Е.В. «Чувство места» в Сибири: эмоциональный компонент сибирской идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 17–26. doi: 10.17223/22220836/28/2
5. Хоничев Н.В. Созвездие сирени : стихи. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 1997. 112 с.
6. Хоничев Н.В. Буквица : стихи. Томск : [Красное знамя], 2001. 128 с.
7. Хоничев Н.В. Любоснежник : стихотворения. Томск : ВЕТЕР, 2012. 169 с.
8. Хоничев Н.В. Книга папоротника: избранные стихи и поэмы. Томск : [Издание Томской писательской организации], 2014. 169 с.
9. Храпова В.А. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства // LOGOS ET PRAXIS. 2019. № 4. С. 102–107.
10. Лаврова С.Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2017. 240 с.
11. Халикова Н. В. Словесный образ как структурная единица в художественном тексте // Русистика и компаративистика. Сборник научных трудов по филологии. М., 2019. С. 268–280.
12. Хизниченко А.В., Крюкова Л.Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57. doi: 10.17223/22274200/13/3
13. Азадовский М.К. Литература сибирская (дореволюционный период) // Сибирская советская энциклопедия. М., 1932. Т. 3. Стлб. 163.
14. Янушкевич А.С. Сибирский текст: взгляд извне и изнутри // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск, 2004. С. 227–235.
15. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск : Сиб. Федер. ун-т, 2010. 237 с.
16. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60–76. doi: 10.17223/19986645/65/4
17. Демешкина Т.А., Верхотурова Н.А., Крюкова Л.Б., Курикова Н.В. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в региональном и общероссийском дискурсе / под ред. Т.А. Демешкиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 194 с.
18. Галимова Е.Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверткестса // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129.
19. Рогачева Н.А. Методологические проблемы изучения сибирского текста русской лирики // Вестник Тюменского государственного университета 2010. № 5. С. 240–247.
20. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 28–35.
21. Чехов А.П. Из Сибири // Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 18 т. Т. 14/15. М. : Наука, 1976. С. 5–38. URL: <http://chekhov-lit.ru/chekhov/text/putevye-ocherki/iz-sibiri.htm> (дата обращения: 19.12.2024).
22. Литовкина А.М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «сибирских летописей» до публицистики В.Г. Распутина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 21 с.
23. Авдеев О.Ю. Ситуация восприятия в аспекте ее синтаксического и художественного моделирования. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2022. 416 с.
24. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. 47 с.
25. Богумил Т.А. Кедр как дендробраз сибирского текста // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 233–248.
26. Першина А.И., Эртнер Е.Н. Читаем о Сибири: проза Н.А. Лухмановой в иностранной аудитории // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 192–208.
27. Крюкова Л.Б., Хизниченко А.В. Система перцептивных образов в поэтическом творчестве Б.Л. Пастернака (лексикографический и идиостилевый аспекты) // Отечественная филология. Серия: Русская филология. 2023. № 4. С. 58–73.
28. Разлогова Е.Э., Ярошенко П.В. Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 66–84. doi: 10.17223/19986645/77/3
29. Голомазова М.В. Лингвокультурный типаж «сибиряк»: моделирование с применением различных подходов // Язык и культура: взгляд молодых : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. В.И. Карасик. М. : Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. С. 168–175.
30. Словарь русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 19.12.2024).
31. Рыбальченко Т.Л. Миромоделирующая семантика образа тайги в прозе В.П. Астафьева // Литература Сибири в социокультурном пространстве : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.П. Трубникова, Иркутск, 23–24 сентября 2021 г. / отв. ред. Ю.М. Брюханова. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2022. С. 146–158.
32. Гавриленко В.Д. Образ тайги в балладах Леонида Завальнюка // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 118–124.
33. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: сосна // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2011. № 6. С. 379–387.
34. Зырянова О.Н., Бахор Т.А., Мазурова Н.А. Дендрологические образы как форма проявления региональной идентичности в творчестве поэтов Красноярского края // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (27). С. 195–207.

35. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: рябина // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2010. № 1. С. 238–253.
36. Соколова М.Г. Характеристика растительных образов и мотивов в поэзии А. Шириева (лингвокультурологический аспект) // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2016. № 1 (35). С. 112–117.
37. Соколова М.Г. Логико-структурный и динамический аспекты изучения семантики дендронима тополь в русской лирике XVIII–XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 71. С. 152–168. doi: 10.17223/19986645/71/9
38. Хулина К.И. Образы растительного пространства и их символическое восприятие в творчестве писателей 19–21 веков (на примере произведений И.С. Тургенева, М.М. Пришвина, В.Н. Мережко // *Инновационные научные исследования: теория, методология, практика* : сб. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Т. 1. Пенза : Наука и Просвещение, 2018. С. 155–159.
39. Трунова М.В. Языковая репрезентация перцептивного образа Сибири в произведениях томского поэта М.В. Андреева // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2025. № 1 (237). С. 36–44. doi: 10.23951/1609-624X-2025-1-36-44

References

1. Ayzikova, I.A. (ed.) (2019) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo KhKh v.)* [Verbal Culture of Siberia in the All-Russian and European Contexts (19th – Early 20th Centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Ayzikova, I.A. et al. (2022) *Prostranstvo i teksty: model' issledovaniya sotsiokul'turnogo landshafta Sibiri* [Space and Texts: A Model for Studying the Sociocultural Landscape of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Voloshina, S.V. (2017) Representation of the Concept "Siberia" in Autobiographical Stories of Tomsk Peasants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 47. pp. 28–38. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/47/2
4. Golovneva, E.V. (2017) "Sense of Place" in Siberia: The Emotional Component of Siberian Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 28. pp. 17–26. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/28/2
5. Khonichev, N.V. (1997) *Sozvezdie sireni: stikhi* [Constellation of Lilac: Poems]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo TsNTI.
6. Khonichev, N.V. (2001) *Bukvitsa: stikhi* [The Initial Letter: Poems]. Tomsk: [Krasnoe znamya].
7. Khonichev, N.V. (2012) *Lyubosnezhnik: stikhotvoreniya* [Lovesnowdrop: Poems]. Tomsk: VETER.
8. Khonichev, N.V. (2014) *Kniga paporotnika: izbrannye stikhi i poemy* [The Fern Book: Selected Verses and Poems]. Tomsk: [Izdanie Tomskoy pisatel'skoy organizatsii].
9. Khrapova, V.A. (2019) Regional'nyy tekst kak faktor organizatsii sovremennoy sotsial'nogo prostranstva [Regional Text as a Factor in the Organization of Modern Social Space]. *LOGOS ET PRAXIS*. 4. pp. 102–107.
10. Lavrova, S.Yu. (2017) *Govoryashchiy kak nablyudatel: lingvoakstologicheskii aspekt* [The Speaker as an Observer: Linguoaxiological Aspect]. Cherepovets: Cherepovets Stat University.
11. Khalikova, N.V. (2019) Slovesnyy obraz kak strukturnaya edinitsa v khudozhestvennom tekste [Verbal Image as a Structural Unit in a Literary Text]. In: *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnykh trudov po filologii* [Russian and Comparative Studies. Collection of Scientific Works on Philology]. Moscow. pp. 268–280.
12. Khiznichenko, A.V. & Kryukova, L.B. (2018) The Project of the Dictionary of Perceptual Images Used in B. Pasternak's Poetic Works. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 13. pp. 44–57. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/13/3
13. Azadovskiy, M.K. (1932) *Literatura sibirskaya (dorevolutsionnyy period)* [Siberian Literature (Pre-Revolutionary Period)]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Moscow. Column 163.
14. Yanushevich, A.S. (2004) *Sibirskiy tekst: vzglyad izвне i iznutri* [Siberian Text: A View from Outside and Inside]. In: *Sibir: vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View from Outside and Inside. The Spiritual Dimension of Space]. Irkutsk. pp. 227–235.
15. Anisimov, K.V. (ed.) (2010) *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Siberian Text in the National Narrative Space]. Krasnoyarsk: SFU.
16. Demeshkina, T.A. & Tolstova, M.A. (2020) Representation of the Concept "Forest" (On the Material of Dialect Speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 65. pp. 60–76. doi: 10.17223/19986645/65/4
17. Demeshkina, T.A., Verkhoturova, N.A., Kryukova, L.B. & Kurikova, N.V. (2006) *Lingvisticheskoe modelirovanie situatsii vospriyatiya v regional'nom i obshcherossiyskom disкурse* [Linguistic Modeling of the Perception Situation in Regional and All-Russian Discourse]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Galimova, E.Sh. (2012) Spetsifika Severnogo teksta russkoy literatury kak lokal'nogo sverkhteksta [The Specificity of the Northern Text of Russian Literature as a Local Supertext]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 1. pp. 121–129.
19. Rogacheva, N.A. (2010) Metodologicheskie problemy izucheniya sibirskogo teksta russkoy liriki [Methodological Problems of Studying the Siberian Text of Russian Lyrics]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5. pp. 240–247.
20. Tyupa, V.I. (2002) *Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury* [The Mythologeme of Siberia: On the "Siberian Text" of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 28–35.
21. Chekhov, A.P. (1976) *Iz Sibiri* [From Siberia]. In: *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t. Sochineniya v 18 t.* [Complete Works and Letters in 30 Volumes. Works in 18 Volumes]. Vol. 14/15. Moscow: Nauka. pp. 5–38. [Online] Available from: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/putevye-ocherki/iz-sibiri.htm> (Accessed: 19.12.2024).
22. Litovkina, A.M. (2008) *Kontsept "Sibir" i ego evolyutsiya v russkoy yazykovoy kartine mira: ot "sibirskikh letopisey" do publitsistiki V.G. Rasputina* [The Concept "Siberia" and its Evolution in the Russian Linguistic Worldview: From "Siberian Chronicles" to the Journalism of V.G. Rasputin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
23. Avdevnina, O.Yu. (2022) *Situatsiya vospriyatiya v aspekte ee sintaksicheskogo i khudozhestvennogo modelirovaniya* [The Situation of Perception in the Aspect of its Syntactic and Artistic Modeling]. Saratov: SSLA.
24. Prokofeva, L.P. (2009) *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost' v yazykovom soznanii i khudozhestvennom tekste: universal'nyy, natsional'nyy, individual'nyy aspekty* [Sound-Color Associativity in Linguistic Consciousness and Literary Text: Universal, National, Individual Aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saratov.
25. Bogumil, T.A. (2022) *Kedr kak dendroobraz sibirskogo teksta* [Cedar as a Dendroimage of the Siberian Text]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 24 (4). pp. 233–248.
26. Pershina, A.I. & Ertner, E.N. (2021) *Chitaem o Sibiri: proza N.A. Lukhmanovoy v inostrannoy auditorii* [Reading About Siberia: N.A. Lukhmanova's Prose in a Foreign Audience]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. 7 (4 (28)). pp. 192–208.
27. Kryukova, L.B. & Khiznichenko, A.V. (2023) *Sistema pertseptivnykh obrazov v poeticheskom tvorchestve B.L. Pasternaka (leksikograficheskii i idiosilevnyy aspekty)* [The System of Perceptual Images in the Poetic Work of B.L. Pasternak (Lexicographical and Idiolectal Aspects)]. *Otechestvennaya filologiya. Seriya: Russkaya filologiya*. 4. pp. 58–73.
28. Razlogova, E.E. & Yaroshenko, P.V. (2022) Linguistic Synesthesia Through the Prism of Stylistic Devices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 77. pp. 66–84. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/77/3

29. Golomazova, M.V. (2023) [The Linguocultural Type "Siberian": Modeling Using Various Approaches]. *Yazyk i kul'tura: vzglyad molodykh* [Language and Culture: The View of the Young]. Proceedings of the 5th International Conference. Moscow: State Institute of Russian Language. pp. 168–175. (In Russian).
30. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy. [Online] Available from: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Accessed: 19.12.2024).
31. Rybal'chenko, T.L. (2022) [World-Modeling Semantics of the Taiga Image in the Prose of V.P. Astafiev]. *Literatura Sibiri v sotsiokul'turnom prostranstve* [Literature of Siberia in the Sociocultural Space]. Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of V.P. Trushkin, Irkutsk. 23–24 September 2021. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 146–158.
32. Gavrilenko, V.D. (2023) Obraz taygi v balladakh Leonida Zaval'nyuka [The Image of the Taiga in the Ballads of Leonid Zavalnyuk]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 29 (4). pp. 118–124.
33. Agapkina, T.A. (2011) Simvolika derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan: sosna [Symbolism of Trees in the Traditional Culture of the Slavs: Pine]. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*. 6. pp. 379–387.
34. Zyryanova, O.N., Bakhor, T.A. & Mazurova, N.A. (2016) Dendrologicheskie obrazy kak forma proyavleniya regional'noy identichnosti v tvorchestve poetov Krasnoyarskogo kraia [Dendrological Images as a Form of Manifestation of Regional Identity in the Works of Poets of the Krasnoyarsk Territory]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 27 (3–2). pp. 195–207.
35. Agapkina, T.A. (2010) Simvolika derev'ev v traditsionnoy kul'ture slavyan: ryabina [Symbolism of Trees in the Traditional Culture of the Slavs: Rowan]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 1. pp. 238–253.
36. Sokolova, M.G. (2016) Kharakteristika rastitel'nykh obrazov i motivov v poezii A. Shiryayevtsa (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [Characteristics of Plant Images and Motifs in the Poetry of A. Shiryayevets (Linguocultural Aspect)]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35 (1). pp. 112–117.
37. Sokolova, M.G. (2021) The logical-structural and dynamic aspects of studying the semantics of the dendronym poplar in Russian lyrics of the 18th–20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 71. pp. 152–168. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/71/9
38. Khulina, K.I. (2018) [Images of Plant Space and Their Symbolic Perception in the Works of Writers of the 19th–21st Centuries (on the Example of the Works of I.S. Turgenev, M.M. Prishvin, V.N. Megre)]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika* [Innovative Scientific Research: Theory, Methodology, Practice]. Proceedings of the XII International Conference. In 2 Parts. Part 1. Penza: Nauka i Prosveshchenie. pp. 155–159. (In Russian).
39. Trunova, M.V. (2025) Yazykovaya reprezentatsiya pertseptivnogo obraza Sibiri v proizvedeniyakh tomskogo poeta M.V. Andreeva [Linguistic Representation of the Perceptual Image of Siberia in the Works of the Tomsk Poet M.V. Andreev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 237 (1). pp. 36–44. doi: 10.23951/1609-624X-2025-1-36-44

Информация об авторах:

Трунова М.В. – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Trunova87@yandex.ru

Крюкова Л.Б. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Trunova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Trunova87@yandex.ru

L.B. Kryukova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 24.12.2024;
approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/513/6

Поэтика оглавления и ценностная архитектура романа А. Варламова «Мысленный волк»

Николай Сергеевич Чижов¹, Варвара Викторовна Гаврилова²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ n.s.chizhov@utmn.ru

² gavrilo861@mail.ru

Аннотация. Обосновывается, что структура оглавления романа А. Варламова «Мысленный волк» выражает противопоставление Востока и Запада в свете христианской символики, включает две бинарные оппозиции, характеризующие ценностную архитектуру романа, и образует контуры авторского мировидения как рецепции переходной исторической эпохи в России. Выявляется проекция ритуального события в главе «Даждь дождь» на распятие Иешуа Га-Ноцри в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», устанавливается, что топоним Шелом является анаграммой Ершалаима, и определяется интертекстуальная связь образов Павла Матвеевича Легкобытова и Левия Матвея. Результаты исследования указывают на модернистский генезис программного произведения писателя, в котором за реалистической канвой прослеживается глубинный мифопоэтический слой, обуславливающий мотивацию действий и поступков главных персонажей.

Ключевые слова: А.Н. Варламов, мысленный волк, поэтика заглавий, мифопоэтика, авторский мироз образ, ценностная архитектура, модернизм

Для цитирования: Чижов Н.С., Гаврилова В.В. Поэтика оглавления и ценностная архитектура романа А. Варламова «Мысленный волк» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 54–61. doi: 10.17223/15617793/513/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/6

The poetics of the table of contents and the value architectonics of Aleksey Varlamov's novel *The Mental Wolf*

Nikolay S. Chizhov¹, Varvara V. Gavrilova²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ n.s.chizhov@utmn.ru

² gavrilo861@mail.ru

Abstract. The article analyses the poetics of the titles of Aleksey Varlamov's novel. *The Mental Wolf* (2014) is examined in order to reconstruct the author's worldview and the value bases behind it. It is substantiated that the structure of the table of contents of Varlamov's novel expresses the spatial organisation of the work in terms of the opposition between East and West in light of Christian symbolism. Varlamov expresses the spatial organisation of the work from the point of view of the opposition between East and West in the light of Christian symbolism, includes two binary oppositions that characterise the novel's value architectonics and forms the contours of the author's worldview as a reception of the transitional historical epoch in Russia. Within the framework of this projection, the image of Pavel Matveyevich Legkobytov is read through the prism of Bulgakov's character Levi Matvey in the context of a ritual event unfolding in the forest of Shelom (an anagram of the city of Yershalayim). The titles of the first and fourth chapters in this model characterise the vertical axis, in which the poles are the "Hunter" Legkobytov and the "Prestidigitator" Krud. Both writers are endowed in the novel with a prophetic gift, actively participate in the fate of Ulyana Komissarova (as a symbol of Russia) and act as the only creative force capable of resisting the devilish plans of the mental wolf. But while Legkobytov stands firmly on the ground, realises nature as his beloved and bride, entering into a spiritual and mystical relationship with it, Krud with all his being rushes to the heavenly heights, seeing with the help of the writer's gift of the hidden and mysterious world as a horizon of spiritual transformation of reality according to aesthetic laws. Another variant of Russia's future is projected in his conversation with Komissarov by another prestidigitator – the Bolshevik revolutionary Uncle Tom. This Mephistophelean-type character combines the potential of state power and devilish strength. He believes in Russia's life-saving mission, but in order to do so, he believes, the Russian land must be remade and another nation must be created that can win a new world war. The second and third chapters are located in the central part of the novel's table of contents system and correspond to the left and right sides of the Orthodox cross in the sign system of the crucifixion. This spatial orientation, on the one hand, is conditioned by solar symbolism and the projection of the ritual event in the title of the chapter "Give the Rain" to the crucifixion of Yeshua in Yershalayim, depicted in Bulgakov's novel *The Master and Margarita*. On the other hand, it is determined by the lunar symbolism

in the chapter "Sventzian Breakthrough" and the location of the meeting of Legkobytov and the mental wolf at the front in the western part of the Russian Empire. The East as a stronghold of Christianity in the artistic world of Varlamov's novel is contrasted with the West, where the mental wolf comes from, bringing with it the destructive power of war and revolutionary (anti-Christian in its basis) ideas of human and world transformation. It is concluded that in the novel's value architectonics the confrontation with the mental wolf is modelled in the aspect of the archetypal Christian plot of death and resurrection, which implies the agony of the cross and atonement for sins. The results of the study point to the modernist genesis of the writer's programmatic work, in which the realistic framework is traced behind the deep mythopoetic layer that determines the motivation of actions and deeds of the main characters.

Keywords: A.N. Varlamov, mental wolf, poetics of titles, mythopoetics, semiotics of crucifixion, author's worldview, value architectonics, modernism

For citation: Chizhov, N.S. & Gavrilova, V.V. (2025) The poetics of the table of contents and the value architectonics of Aleksey Varlamov's novel *The Mental Wolf*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 54–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/6

Теоретическая основа исследования

В научно-критическом дискурсе роман А. Варламова «Мысленный волк» рассматривается не столько как высказывание о Серебряном веке в эстетике реализма – хотя эта точка зрения поддерживается самим писателем, – сколько как явление модернизма, а точнее символизма. В.А. Мескин отмечает, что в художественном мире романа А. Варламова фигурируют, наряду с подчеркнuto узнаваемыми и исторически достоверными персонажами, правда выступающими в тексте под другими именами, герои «для ума недостижимые» [1. С. 56], скрытые за первым, реалистическим планом. В реалистические события романа начинают «вмешиваться» различные мистические силы, и главная из них – образ мысленного волка, вынесенный в заглавие романа.

Цель статьи – анализ художественной репрезентации авторского мироздания России начала XX в. в структуре оглавления романа «Мысленный волк», создание которого во многом предопределялось научными интересами писателя как исследователя литературы Серебряного века и творчества ее ключевых персоналий (М. Пришвин, А. Грин, М. Булгаков и др.).

Заглавие в ряду других элементов «заголовочно-финального комплекса (ЗФК)» [2. С. 73] является важнейшим аспектом поэтики произведения. Н.П. Харченко отмечал, что заглавие находится в глубокой внутренней взаимосвязи с основным содержанием текста [3]. По мнению И.Р. Гальперина, заголовок содержит текст, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [4. С. 133]. Ю.М. Лотман исходил из того, что «разговором о заглавии, как правило, следует начинать и кончать анализ» [5. С. 780], подчеркивая тем самым его системообразующее положение в структуре текста.

В заглавии как элементе композиции могут быть указаны сведения о содержании произведения, его жанровой природе, времени и месте создания, событиях, побудивших автора к его написанию и т.д. [6]. Будучи именем произведения, заглавие в художественном дискурсе становится «индивидуально-авторским высказыванием о нем». Как бы ни было оригинально название, «именно оно связывает именуемый текст с другими, вводит его в большой полилог культуры, а

значит, одним из органических онтологических свойств заглавия является интертекстуальность в самом широком смысле» [7. С. 105].

Между текстом и системой заглавий, по мнению Н.А. Веселовой, возможно «появление принципиально важных смыслов, новых, не проявляющих себя иначе, невозможных в оглавлении или “основном” тексте по отдельности» [7. С. 197]. Оглавление выступает в качестве своеобразного «свернутого текста, воплощающего темы, проблематику и смысловую структуру целого» [7. С. 20]. Влияние оглавления на формирование смысла произведения зависит от авторских интенций и степени его включенности в структуру текста [2. С. 73–74].

В.И. Тюпа при анализе композиции романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» обратил внимание на неслучайность расположения заглавий в тексте. Оглавление и заглавие, по мнению исследователя, находясь в диалогическом взаимодействии, образуют «относительно самостоятельный текст-ключ», открывающий читателю глубинные смыслы произведения. При этом исследователь, вслед за М.М. Бахтиным, разграничивает «архитектонические и композиционные формы художественного письма»: художественное произведение – это, с одной стороны, структурированный словесный материал, с другой же – «эстетический объект» (изображенный мир), обладающий ценностной структурой [8. С. 383]. Последняя самоцельна, поскольку именно в ней воплощен и передан авторский замысел. С точки зрения В.И. Тюпы, смысловое единство элементов заголовочного комплекса и логика их композиционного позиционирования автором в структуре текста определяются архитектурно-структурным заданием: «интуитивно необходимое, не случайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершённое целое», сосредоточенное вокруг своего «ценностного центра» [8. С. 383].

Результаты исследования и их обсуждение

В систему оглавления романа А. Варламова «Мысленный волк», помимо основного заглавия, входят четыре компонента:

1. Охотник.
2. Дажь дождь.
3. Свенцянский прорыв.
4. Престижитатор.

Исходным положением, доказываемым в статье, является понимание того, что заглавия в романе

А. Варламова связаны с пространственной организацией произведения и образуют бинарные оппозиции, позволяющие «обнаружить авторские оценки произведения, то есть горизонт его мира как целого» [9. С. 291]. Образ мысленного волка становится системообразующим элементом на всех уровнях художественной структуры романа А. Варламова, и прежде всего как источник его сюжетного развития. Автор показывает, что за исторически описываемым ходом событий стоят не внешние объективные причины, а чудовищная «злая сила», явленная в образе живого, материализованного существа. Ключевая оппозиция романа строится на противопоставлении христианских ценностей дьявольскому началу в мире, воплощенному в различных проявлениях мысленного волка: сектантстве, западных и революционных идеях. Именно мысленный волк в художественном мире романа выступает в качестве источника исторических событий в России первых двух десятилетий XX в.

В христианстве мысленный волк ассоциируется с корнем зла, дьявольской силой, подчиняющей своей воле сердце и разум человека. Первое упоминание о нем встречается в молитве Иоанна Златоуста: «Да не на мнозе удаляйся от общения Твоего, от мысленного волка звероуловлен буду» [10. С. 227]. Автор сам раскрывает религиозные смыслы образа мысленного волка, отсылая читателей к христианским источникам для его интерпретации. Влиянию волка в большей или меньшей степени подвергаются практически все персонажи романа, сталкиваясь с ним и как с абстрактной идеей, и как с живым материализованным существом.

Первая глава «Охотник» связана с одним из главных персонажей романа – Павлом Матвеевичем Легкобытовым, прототипом которого стал М.М. Пришвин. Таких персонажей, по мнению Ю.В. Клабуковой, можно отнести к категории «исторические личности – герои биографических книг самого автора» [11. С. 82]. А. Варламов подробно изучал биографию М.М. Пришвина для создания книги о нем в серии ЖЗЛ. В процессе работы над биографией писателя, обращаясь к его дневниковым записям, А. Варламов «угадывает» то «незримое и страшное», что действительно можно назвать «мысленным волком» [1. С. 59]. Он с документальной точностью описывает биографические подробности из жизни автора «Мирской чаши»: ссора с Р-в (Розановым) с последующим исключением его из Елецкой гимназии; влюбленность в Козочку – Ульяну Комиссарову; женитьба на крестьянке после неудавшегося романа в Берлине; переписка со своей прежней возлюбленной, и как итог этой переписки – несостоявшаяся встреча [12].

Многие персонажи романа открыто высказывают свое отношение к Легкобытову. Ульяна Комиссарова в юношеском возрасте видит в нем олицетворение «коварства и зла», сравнивая его качества и повадки с лесным зверем: «стремительный», «хищный», «легконогий» [10. С. 48]. Говоря о литературном таланте писателя, Комиссаров охарактеризует Легкобытова как литератора «средней руки», заинтересованного только в собственной жизни: «чудовищный эгоист», «лесной нарциссик» [10. С. 191]. Самолюбие как ключевое качество личности признает в себе и сам Легкобытов:

«Простите, но я буду снова о себе. Такова уж моя натура, и ее не переиначить» [10. С. 286].

Глава «Охотник» на номинативном уровне выражает одно из главных увлечений Легкобытова. Именно охоту и сопутствующее ей пребывание в природном, «земном» пространстве литературный двойник М.М. Пришвина считает спасительным в моменты жизненных потрясений: «...Охота уберегла» [10. С. 20]. Легкобытов настолько тесно связан с природным миром, что постепенно и сам начинает приобретать некоторые психологические признаки животных. Персонажи сравнивают Легкобытова с лесным зверем и птицей, приписывая ему различные животные качества. В природе он находит тот «сучок» [10. С. 58] и ту осязаемую опору, служащую для него источником вдохновения: «Это был его возлюбленный мир, та простодушная, милая природа, с которой он был обручен, чувствовал себя ее единственным женихом...» [10. С. 50].

Важно подчеркнуть, что название первой главы указывает на ключевую задачу Легкобытова в ценностной структуре романа, а именно охоту на мысленного волка, борьбу с ним, и метонимически обозначает гору Голгофу. Дело в том, что А. Варламов, с одной стороны, формирует у читателя достаточно конкретное представление, в какой географической местности разворачиваются основные события в романе, где Легкобытов охотится на мелкую и крупную дичь и пишет среди первозданной природы новый роман с биографической основой. Но, с другой стороны, писатель изменяет названия отдельных географических объектов или придумывает новые, не существующие в реальности, в соответствии с теми функциями, что они должны выполнять в архитектонике художественного целого.

Так, события первых двух глав «Мысленного волка» разворачиваются в деревне Высокие Горбунки выше о. Ильмень, на берегу реки Шеломь, где располагаются арендуемые П. Легкобытовым охотничьи угодья: «Вниз по Шеломи доходим до озера, оттуда в Волхов и ночью, чтоб нас никто не увидал, пройдем мимо города. Дальше станем сплавляться по Волхову до Ладоги» [10. С. 81]. Карта предстоящего побега, изображенная Ульяной для Алеши на песке, точно совпадает с расположением географических объектов в дореволюционной России. Только в Псковской и Новгородской губерниях протекает река Шелонь, а деревня Горбунки находится выше, в Санкт-Петербургской губернии. Замена одной буквы («м» на «н») в названии реки позволяет рассматривать этот географический образ в значении, обозначенном в словаре В.И. Даля как «взлобок, бугор, холм, шиш», а также от «стар. шоломя арх. вят. горка, пригорок, холм, курган или взлобок, лобное место, возвышенность» [13]. Данное значение подкрепляется пространственной семантикой в названии деревни Высокие Горбунки.

Частная жизнь персонажей романа, проживавших жарким летом 1914 г. в этой деревне, в движении художественного времени, как подчеркивает автор, становится точкой отчета трагических событий в истории России XX в.: «История вообще покатила после провальной ночи гораздо быстрее, чем шла до той поры,

ибо частные события человеческой жизни угодили в общий человеческий поток и понеслись вперед, мешаясь друг с другом, как мешается внешняя вода с потоками грязи, падающими деревьями, сорванными лодками и плотами» [10. С. 239].

Легкобытов начинает охотиться на зверя, видя в этом свое предназначение, и волк, как будто подыгрывая герою, обретает физические очертания – мысль становится материальной: «Она (пуля) легко вошла в тело волка и в нем застряла <...> зверь вдруг пошатнулся, но не упал, стал терять свои строгие, величественные черты...» [10. С. 336]. Однако чаще борьба с волком происходит через иное невещественное оружие писателя – слово. После обличительной статьи Легкобытова о лидере секты чевреков Исидоре Щетинкине, адепты отрекаются от учителя, забывают его, несмотря на прежнее влияние. Обласканный мысленным волком («мучитель, что с юности его борол» [10. С. 160]), прочно укрепившимся в его сознании, Исидор, а значит и тот, кто всецело захватывает его мысли, терпит поражение перед легкобытовским словом.

Значимость легкобытовского слова, да и вообще любого писательского слова во внутреннем мире романа, определяется тем, что писатель прежде всего ориентируется на будущее, а не прошлое, фиксируя приметы своего времени в художественных текстах и дневниковых записях. Пребывая в конфликте со своим «литературным опекуном» [10. С. 100] (Р-м), Легкобытов понимает, что этот конфликт будет иметь решение «не в настоящем, но в будущем, откуда картины бытия будут выглядеть совершенно иначе» [10. С. 101]. Легкобытовский дневник характеризуется персонажами как «донос в будущее» [10. С. 499], поскольку в будущем по этому тексту будет оцениваться описываемая им эпоха.

Особая функция писателя как хроникера исторических событий, тема ученичества Легкобытова и его непосредственное участие в судьбе распираемой России, находящейся в состоянии «временного и стадийного перекрестка» [14. С. 336], спроецированы А. Варламовым на творчество М. Булгакова и художественный мир «Мастера и Маргариты», в частности. В образе «шеломского охотника» [10. С. 277] проявляются черты Левия Матвея. Последний, как известно, был единственным учеником Иешуа Га-Ноцри, а также свидетелем его распятия, и через призму оставленных им воспоминаний, согласно откровению мастера и Воланда, мир узнал о новозаветной истине. Не случайным видится совпадение имен двух персонажей: отчетство у Легкобытова – Матвеевич.

Этот ассоциативный ряд получает развитие во второй главе романа «Дажь дождь», когда волк устраивает страшный лесной пожар, чтобы окончательно погубить в нем «горстку запутавшихся людей» [10. С. 494], подгадывает все так, чтобы пуля охотника попала в неотступно следующую за Легкобытовым и мачехой Улю. Однако обращение Веры Константиновны к высшей небесной силе через молитву-заклинание отца Эроса, вынесенную в название главы, препятствует проискам зверя. Формулой «даждь дождь» автор задает ритуальный контекст восприятия кульминационного события

во второй главе, разворачивающегося в шеломском лесу, где подожженный стог сена символически образует сакральный центр (алтарь), рядом с которым Легкобытов вступает в эротическую связь с Верой Константиновной, актуализируя архетипическую семантику ожидания дождя как небесного оплодотворения выжженной от засухи земли. Сакральной жертвой (агнцем) в данном контексте выступает Ульяна Комиссарова. По мнению В.А. Мескина, этот женский персонаж, подобно другим символически обобщенным фигурам романа, олицетворяет собой образ России [1. С. 61]. Тезис исследователя косвенно подтверждает А. Варламов, когда рассматривает себя в качестве продолжателя классической традиции «отождествления драматичной судьбы России с судьбой женщины» [1. С. 61]. Не случайно сама героиня ощущает свою исключительную судьбу: «Уля чувствовала, что нити какого-то странного романа сходятся в ее руках и от нее будет зависеть, куда этот роман потечет...» [10. С. 461].

В ритуальном контексте, когда жрец и жертва образуют синкретическое единство (по Вл. Соловьеву: «Я и алтарь, я и жертва, и жрец» [15. С. 64]), смысловая значимость фигуры Легкобытова обуславливается тем, что он является не столько погубителем Ульяны, сколько ее спасителем. Он говорит Вере Константиновне, что должен вывести Комиссарова и его дочь из леса, «но шансов при таком огне почти нет» [10. С. 222]. Мотив опоздания, невозможности спасения «сакральной жертвы», в том числе ценой ее смерти, характеризует систему отношений Левия Матвея и Иешуа в главе «Казнь» романа «Мастер и Маргарита».

Важно подчеркнуть, что в мифопоэтике изображения А. Варламовым ритуального события ряд функций, проецируемых писателем на образ булгаковского Левия, выполняет Вера Константиновна, становясь контекстуальным двойником Легкобытова. Речь идет, прежде всего, о ситуации воззвания Левия к небу (в том числе в форме проклятия богу), после которого полыхающее Солнце «исчезло, не дойдя до моря» [16. С. 482], тучи заволокли небосвод и начался сильный ветер как предвестник дождя, ср.: «Она подумала пойти вслед за Легкобытовым и слиться с огненными дорожками, превратившимися в стелющееся поле, но вместо этого подняла голову к небу, поднялась на цыпочки, чтобы стать чуть ближе, и виновато, как девочка, попросила:

– Дажь дождь жаждающей земле.

Небо молчало.

– Дажь дождь жаждающей земле, – попросила Вера Константиновна чуть громче. А потом не выдержала и закричала, запрыгала, бессильно грозя слабыми кулачками:

– Дажь дождь! Дажь дождь! Дажь дождь!» [10. С. 223].

Точно так же, как у подножия Лысой горы, в шеломском лесу на призывный крик персонажа «небосвод расшила молния, затем другая, третья, взревел, перекрывая треск грома, ветер, и из пространства, которое находилось даже не в сгустившихся облаках, а где-то еще выше, над ними, в небесном решете, хлынул ледяной поток» [10. С. 223]. Ледяной поток дождевой

воды сбил Веру Константиновну с ног и «повлек за собой к обрыву над рекой, так что ей пришлось *цепляться руками за ломкие стебли* кустарника, чтобы не упасть в Шеломь» [10. С. 223]. Данная сцена отсылает к изображению М. Булгаковым в романе «Мастер и Маргарита» обрушения потока воды сначала на солдат центурии Крысобоя, когда они спускались с Лысой горы, а потом на Левия, когда он, наоборот, поднялся к столбам, ср.: «Вода обрушилась так страшно, что, когда солдаты бежали книзу, им вдобавку уже лезли бушующие потоки. <...> Потрясая недаром украденным ножом, срываясь со скользких уступов, цепляясь за что попало, иногда ползя на коленях, он стремился к столбам» [16. С. 484].

В свете выявленных аллюзий дополнительный смысл получает звукобуквенное сочетание в названии реки *Шеломь* как анаграммы города *Ершалаим*, а название главы «Дажь дождь», согласно христианскому учению, соотносится с Востоком. На это пространственное расположение второй главы в знаковой системе оглавления указывает солярная символика, реализуемая в виде образа засушливого лета. В русской святоотеческой традиции «восток мыслится как место, откуда является солнце и, соответственно, Христос» [17. С. 244]. Запад, наоборот, соотносится с ночным светилом (луной) и «предстает <...> как область Сатаны» и греха, ср.: «перед крещением необходимо повернуться на запад, с тем чтобы отречься от Сатаны, совершенно расторгнув всякий с ним договор и древние заветы с адом, после чего становится возможным обращение к Христу и воссоединение с востоком, где Бог насадил рай [Быт. II, 8]» [17. С. 243–244].

В третьей главе романа «Свенцянский прорыв» основные события переносятся в западную часть Российской империи. Глава называется точно так же, как статья П. Легкобытова об одном из ключевых сражений в Первой мировой войне: прорыв немецкой армии под Вильной. Писатель рассуждает об истинной причине поражения русской армии: «Мы проигрываем в душе еще раньше, чем проигрываем на самом деле <...> Отравленные духовным ядом, укушенные бешеным волком» [10. С. 341]. В то же время он сравнивает Свенцяны с Бородино, потому что русская армия не дала себя окружить, вырвалась из германских клещей, «повторила кутузовский маневр, уступив часть своей территории, но сберегла человеческий состав» [10. С. 340]. Говоря о мужестве и героизме русских солдат, а также всех тех, «кому выпало в эти сентябрьские дни оказаться в Свенцянах и на берегах Вилии» [10. С. 341], Легкобытов имеет в виду и себя. Ночью на поле в Свенцянах он не только испытал на себе ужасы газовой атаки германских войск, но и увидел при свете луны, похожей «на ту, что висела год назад над Шеломью» [10. С. 335], огромного волка, с которым, не растерявшись, вступил в схватку, выпустив в него несколько пуль: «Ровный, устойчивый, *западный*, как если бы кто-то с *немецкой стороны* нагнетал насосами воздух, и на глазах у охотника стоящий на предрассветной поляне зверь вдруг пошатнулся, но не упал, а стал терять свои строгие, величественные черты» [10. С. 336]. Показательна лунарная символика в описании

А. Варламовым этого ключевого события третьей главы, поскольку она не раздельно связана с образом мысленного волка как лунного животного и противопоставлена солярной символике второй главы, обозначающей в христианской традиции Восток и Христа. Важным для понимания ценностной архитектоники романа является легкобытовское сравнение Свенцяны с «Голгофой и тьмой Распятия» [10. С. 341], за которыми «неизбежно начнется восхождение» как Воскресение, озаряющее «смысл страданий и жертв, принесенных русским народом в эту великую войну» [10. С. 341]. Таким образом, А. Варламов сознательно выстраивает символический план романа «Мысленный волк» в перспективе художественной реализации архетипического христианского сюжета смерти и Воскресения, ценностно обусловленного историческими «катаклизмами» в России начала XX в. (Первой мировой войной и революционными событиями 1917 г.).

Четвертый и вместе с этим последний компонент оглавления романа («Престижиджигатор») также связан с образом писателя. За «диким мустангом» [10. С. 404] Савелием Крудом легко узнается реальная историческая личность Александра Грина. Подарив сапфир Уле, он утверждает, что камень вовсе не украден, а «получен из того будущего, которое ему принадлежит» [10. С. 412]. Свою творческую задачу писатель-фокусник формулирует так: «Писать стоит лишь о том, чего нет на свете, ибо нет на свете писателей. <...> Есть ловцы, ныряльщики в вышину, <...> которым изредка удастся стянуть с неба на землю что-то стоящее» [10. С. 433]. Все это указывает на то, что два заглавных писательских образа (первая и четвертая главы «Охотник» и «Престижиджигатор») находятся в четкой пространственной оппозиции. Не случайно, характеризуя писательскую деятельность Легкобытова, Круд говорит: «Он бескрыл, а я летаю» [10. С. 433]. Однако речь идет не столько о творческих способностях писателей, сколько об источниках их вдохновения. Для Круда таковым является будущее и «поднебесное», то незримое, что отсутствует в реальном мире, а для Легкобытова – настоящее и земное.

Несмотря на попытки Круда спасти Ульяну-Россию, революция все-таки наступает, и Уля оказывается в новой исторической реальности: «Она с легкой тоской смотрела в небо и замирала, и в душе возникало сожаление, но оно оказывалось нестойким» [10. С. 457]. Как было отмечено выше, революция в художественном мире романа А. Варламова осуществляется под прямым действием мысленного волка, именно он вселяет в сознание людей идею исторического переворота: «...по-являлись умы нетерпеливые <...> страстно мечтающие ее (Россию) преобразовать и берущие себе в учителя тех, кто с юности сделал свое тело и душу вместилищем мысленного волка, был им поглощен и ему уподоблен» [10. С. 231]. В качестве такого пагубного учения, заполнившего сознание русского человека, Комиссаровым и Легкобытовым осознается философия Ницше, провозгласившая смерть Бога [10. С. 236].

Вопрос о дальнейшей судьбе главного женского персонажа романа после Революции 1917 г. остается во многом открытым: неизвестно, что с Ульяной-Россией случится дальше, куда уведет ее нищенка, какая

судьба ее ждет. Вообще, в четвертой главе проблема будущего России находится в центре рассуждений персонажей романа и включает несколько сценариев, в том числе исторически реализованных в XX в. Особым «божественным» пророческим даром, позволяющим заглянуть в будущее и указать спасительный путь другим людям, наделены прежде всего писатели в романе А. Варламова. И первый среди них – «бескрылый» Легкобытов. Именно о нем высокопоставленный партийный деятель-большевик дядя Том (кличка Владимира Бонч-Бруевича [18. С. 187]) говорит Комиссарову как о единственном человеке, способном найти выход, когда его не знает никто: «И есть кто-то один, с невероятной интуицией, кто знает дорогу. Он не может вывести по ней всех, он и не собирается этого делать, он эгоист и спасает лишь себя, но тот, кто будет жить с оглядкой на него, кто будет идти по его следам, спасется» [10. С. 500].

Ситуация выбора исторического пути России символически раскрывается автором в контексте женской судьбы Ульяны, когда два писателя, Круд и Легкобытов, выступают в качестве потенциальных мужчин, с кем она могла бы связать свою жизнь, а значит, и выражают два возможных сценария ее личного счастья. Но и в этом случае Ульяна больше тянется к Легкобытову и выбирает в конечном счете его, чем непредсказуемого и бескомпромиссного Савелия, остающегося верным идеалам неизведанного прекрасного будущего: «Ничего более противоположного, чем убежденный южанин Круд и Северный полюс, невозможно было вообразить. Однако в газете были напечатаны фотография небритого Савелия в капитанской фуражке и короткое интервью. <...> “Я отправляюсь навсегда в неизвестность, чтобы не видеть хорошо известного. Прощайте все, кто меня так и не услышал”» [10. С. 457].

Еще одним «пророком» в романе, от которого напрямую зависит судьба послереволюционной России, является дядя Том. Он в неменьшей степени, чем Круд, имеет право называться престоиджитатором, поскольку умеет искусно перевоплощаться в различных персонажей с целью манипуляции другими людьми: «Дядя Том, Фома. Ну да, это одно имя, – пожал плечами композитор. – Что вас так удивляет?». Многоликость дяди Тома-Фомы, вербовка (как искушение) им Комиссарова при встрече на вокзале для убийства Легкобытова, его острый ум и феноменальная осведомленность как об интимных подробностях в жизни частных людей, так и о будущем России, указывают на принадлежность этого персонажа к мифистифическому типу в литературе Нового времени [19. С. 28–29]. Выявленный булгаковский подтекст в романе А. Варламова позволяет сопоставить образы дяди Тома и Воланда. Последний также относится к персонажам мифистифического типа, чьи типологические черты раскрываются М. Булгаковым в исторических реалиях Советской России 1930-х гг.

Сращенность государственной власти с силами тьмы в художественном мире романа «Мысленный волк» соответствует мифистифической формуле «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает

благо» [16. С. 354], вынесенной М. Булгаковым в качестве эпиграфа к роману «Мастер и Маргарита», и позволяет по-другому, чем это делает Воланд, разрешить проблему свободы и творческой самореализации писателя. Но для этого, как отмечает дядя Том в разговоре с Комиссаровым, нужно писателя подготовить, чтобы он спокойно жил и работал, не конфликтуя с властью: «Губим? Мы его учим. Готовим. Натаскиваем, дрессируем, как он дрессирует своих собак. Без этой натаски он ничто. Слишком много времени провел в лесах, слишком далек был от редакций» [10. С. 500]. Согласно обозначенной формуле, мифистифический персонаж в трактовке А. Варламова не только выражает зло, жаждет власти и подчинения русских людей, «чтобы ужас проник в их кровь и кровь их детей», но еще и заботится о будущем России, выступая, подобно Воланду по отношению к судьбе мастера, как бы на стороне Света: «Пройдет время, не знаю сколько, не знаю почему, не знаю зачем – ничего не знаю, но знаю, что именно эта земля станет ковчегом спасения и мы посланы ее сберечь и вести» [10. С. 504]. На эти слова дяди Тома не принимающий революционных преобразований в стране, патриот и ветеран войны Комиссаров отвечает обличительной речью, раскрывающей истинную природу новой власти: «Вы волки, мысленные волки, которые пытаются примерить овечью шкуру и новую беду для моей родины готовят» [10. С. 504].

Учитывая, что прототипом шеломского охотника является писатель М. Пришвин, образ Востока в ценностной архитектуре романа А. Варламова, связанный с лесными угодами около д. Высокие Горбушки, где проживал летом 1914 г. Легкобытов с семьей, может интерпретироваться «в контексте ключевой для нового религиозного сознания идеи совместности христианства и природы», персоналистского понимания природного мира [20. С. 516] и «осуществления Божеского царства на земле» [21. С. 324]. Эти идеи и представления, которые вынашивал Легкобытов как новый «пророк» или «апостол новой веры», по аналогии с Левиим Матвеем, в ситуации поиска главными персонажами романа «Мысленный волк» путей развития России выступают в качестве альтернативы консервативно-монархическим убеждениям Комиссарова и революционно-большевистской программе модернизации страны, предлагаемой дядей Томом.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ оглавления романа А. Варламова «Мысленный волк» показал, что в основе его структуры заложен принцип бинарного противопоставления четырех сторон-локусов как «ценностных полюсов» [9. С. 291] авторского мирообозраза.

Названия первой и четвертой глав в этой модели определяют вертикальную ось с обозначением полюсов в виде двух диаметрально противоположных образов писателей, использующих разные художественные методы, но решающие тем не менее одну и ту же задачу по отношению к судьбе России-Ульяны:

«Охотник»-Легкобытов и «Престижистатор»-Круд. Именно писатель в романе А. Варламова надеется пророческим даром и обладает способностью самостоятельно трансформировать реальность через слово, сопротивляясь замыслу мысленного волка. Но если Легкобытов твердо стоит на земле, осознает природу как свою возлюбленную и невесту, вступая с ней в духовную связь, то Круд всем своим существом устремляется в небесную высь, прозревая с помощью писательского дара мир сокровенный и таинственный как горизонт духовного преобразования действительности по эстетическим законам. Другой вариант будущего России проектирует в разговоре с Комиссаровым еще один престижистатор–революционер–большевик дядя Том, персонаж мефистофелевского типа, совмещающий в себе потенциал государственной власти и дьявольской силы. Дядя Том, так же как и Комиссаров, хочет сберечь страну, словно ковчег спасения всего мира, но для этого, по его мнению, нужно переделать русскую землю и создать другой народ, чтобы победить в новой мировой войне.

Вторая и третья главы, находясь в центральной части структуры оглавления романа, символически соотносятся с Востоком и Западом. Эта пространственная ориентация, с одной стороны, обуславливается солярной символикой и проекцией обозначенного в названии главы «Даждь дождь» ритуального события на распятие Иешуа в Ершалаиме, изображенного в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», а с другой стороны, определяется лунарной символикой в главе «Свенцанский прорыв» и месторасположением встречи Легкобытова и мысленного волка на фронте в западной части Российской Империи. Восток как оплот христианства в художественном мире романа А. Варламова противопоставляется Западу, откуда приходит мысленный волк, несущий с собой разрушительную силу войны и революционных (антихристианских в своей основе) идей, направленных на преобразование человека и мира. Выявленный символический код в системе заглавий и булгаковский подтекст в художественной структуре романа «Мысленный волк» указывают на модернистский генезис программного произведения А. Варламова, посвященного осмыслению переломных событий в истории России.

Список источников

1. Мескин В.А. «Мысленный волк» Алексея Варламова как опыт символистского романа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 4. С. 55–65.
2. Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 73–74.
3. Харченко Н.П. Заглавия, их функции и структура: на материале научного стиля современного русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1968. 21 с.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 1981. 139 с.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб. : Искусство-СПб, 1996. 846 с.
6. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. М. : Никитинские субботники, 1931. 36 с.
7. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 236 с.
8. Тюпа В.И. «Доктор Живаго»: композиция и архитектура // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 380–410.
9. Фуксон Л.Ю. Ценностная структура // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 290–292.
10. Варламов А.Н. Мысленный волк. М. : АСТ, 2014. 508 с.
11. Клябукова Ю.В. Историческое прошлое России в художественно-философском осмыслении А. Варламова в романе «Мысленный волк» // Успехи современной науки. 2016. Т. 3, № 5. С. 82–85.
12. Варламов А.Н. Пришвин. М. : Молодая гвардия, 2008. 548 с.
13. Даль В.И. Шеломь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-sh/225> (дата обращения: 14.02.2024).
14. Топоров В.Н. Крест // Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 1 / ред.-сост. А. Григорян. М. : Языки славянской культуры; Знак, 2014. С. 330–339.
15. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л. : Советский писатель, 1974. 350 с.
16. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Записки покойника. Сатирическая проза. Ташкент : Изд-во литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1990. С. 354–641.
17. Успенский Б.А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М. : Языки славянских культур, 2006. 488 с.
18. Латынина А. Кто управляет историей: Заметки о романе Алексея Варламова «Мысленный волк» // Новый мир. 2014. № 9. С. 180–188.
19. Горохов П.А., Южанинова Е.Р. Мефистофель и Воланд: философское осмысление зла в творчестве Иоганна Вольфганга Гёте и Михаила Булгакова // Философия и культура. 2019. № 6. С. 23–36.
20. Медведев А. «Природа вся персональна»: Франциск Ассизский в онтологии Михаила Пришвина // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 2. С. 506–522. doi: 10.15826/qr.2024.2.892
21. Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941. М. : РОССПЭН, 2012. 880 с.

References

1. Meskin, V.A. (2017) "Myslennyy volk" Aleksey Varlamova kak opyt simvolistskogo romana [Aleksey Varlamov's "The Mental Wolf" as an Experience of a Symbolist Novel]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*. 4. pp. 55–65.
2. Orlicskiy, Yu.B. (2008) *Zaglavie* [Title]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. pp. 73–74.
3. Kharchenko, N.P. (1968) *Zaglaviya, ikh funktsii i struktura: na materiale nauchnogo stilya sovremennogo russkogo yazyka* [Titles, Their Functions and Structure: Based on the Scientific Style of the Modern Russian Language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
4. Gal'perin, I.R. (1981) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: Nauka.
5. Lotman, Yu.M. (1996) *O poetakh i poezii* [On Poets and Poetry]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
6. Krzhizhanovskiy, S.D. (1931) *Poetika zaglaviy* [Poetics of Titles]. Moscow: Nikitinskie subbotniki.
7. Veselova, N.A. (1998) *Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta* [The Title of a Literary and Artistic Text]. Philology Cand. Diss. Tver.
8. Tyupa, V.I. (2011) "Doktor Zhivago": kompozitsiya i arkhitektonika ["Doctor Zhivago": Composition and Architectonics]. *Voprosy literatury*. 1. pp. 380–410.

9. Fukson, L.Yu. (2008) Tsennostnaya struktura [Value Structure]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada. pp. 290–292.
10. Varlamov, A.N. (2014) *Myslennyy volk* [The Mental Wolf]. Moscow: AST.
11. Klabukova, Yu.V. (2016) Istoricheskoe proshloe Rossii v khudozhestvenno-filosofskom osmyslenii A. Varlamova v romane "Myslennyy volk" [The Historical Past of Russia in the Artistic and Philosophical Comprehension of A. Varlamov in the Novel "The Mental Wolf"]. *Uspekhi sovremennoy nauki*. 3 (5). pp. 82–85.
12. Varlamov, A.N. (2008) *Prishvin* [Prishvin]. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Da', V.I. (2024) *Shelom* [Helmet]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-sh/225> (Accessed: 14.02.2024).
14. Toporov, V.N. (2014) Krest [Cross]. In: Grigoryan, A. (ed.) *Mifologiya: Stat'i dlya mifologicheskikh entsiklopediy* [Mythology: Articles for Mythological Encyclopedias]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Znak. pp. 330–339.
15. Solov'ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
16. Bulgakov, M.A. (1990) Master i Margarita [The Master and Margarita]. In: *Zapiski pokoynika. Satiricheskaya proza* [Notes of a Dead Man. Satirical Prose]. Tashkent: Izd-vo literatury i iskusstva imeni Gafura Gulyama. pp. 354–641.
17. Uspenskiy, B.A. (2006) *Krest i krug: Iz istorii khristianskoy simvoliki* [Cross and Circle: From the History of Christian Symbolism]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
18. Latynina, A. (2014) Kto upravlyaet istoriey: Zametki o romane Alekseya Varlamova "Myslennyy volk" [Who Controls History: Notes on Alexei Varlamov's Novel "The Mental Wolf"]. *Novyy mir*. 9. pp. 180–188.
19. Gorokhov, P.A. & Yuzhaninova, E.R. (2019) Mefistofel' i Voland: filosofskoe osmyslenie zla v tvorchestve Ioganna Vol'fganga Gyote i Mikhaila Bulgakova [Mephistopheles and Woland: Philosophical Comprehension of Evil in the Works of Johann Wolfgang Goethe and Mikhail Bulgakov]. *Filosofiya i kul'tura*. 6. pp. 23–36.
20. Medvedev, A. (2024) "Priroda vsya personal'na": Frantsisk Assiziyskiy v ontologii Mikhaila Prishvina ["All Nature is Personal": Francis of Assisi in the Ontology of Mikhail Prishvin]. *Quaestio Rossica*. 12 (2). pp. 506–522. doi: 10.15826/qr.2024.2.892
21. Prishvin, M.M. (2012) *Dnevnik. 1940–1941* [Diaries. 1940–1941]. Moscow: ROSSPEN.

Информация об авторах:

Чижов Н.С. – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

Гаврилова В.В. – магистрант Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: gavrilova861@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.S. Chizhov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.s.chizhov@utmn.ru

V.V. Gavrilova, master's student, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gavrilova861@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024;
одобрена после рецензирования 10.01.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 05.11.2024;
approved after reviewing 10.01.2025; accepted for publication 30.04.2025.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/513/7

Религиозная философия А.Ф. Лосева в контексте ряда идей теории постсекулярного

Ирина Викторовна Гравина¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ei-rene@ya.ru*

Аннотация. Рассмотрен ряд понятий философской системы А.Ф. Лосева в контексте постсекулярной мысли. Отмечено, что ввиду того, что религиозное измерение текстов Лосева не всегда считается, сами тексты Лосева оказываются полем взаимодействия секулярной методологии и религиозных смыслов. Показано, что ряд указанных понятий лосевской системы (Единое, символ, миф) внешним образом максимально соотносится с идеями философов и теологов постсекулярной мысли (Ж.-Л. Марьон, Ж. Деррида, Ч. Тейлор, Дж. Милбанк), в то же время обнаруживая и существенную разность.

Ключевые слова: секулярное, постсекулярное, русская религиозная философия, А.Ф. Лосев, постметафизическое мышление, проблема символа, единое, генология

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

Для цитирования: Гравина И.В. Религиозная философия А.Ф. Лосева в контексте ряда идей теории постсекулярного // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 62–68. doi: 10.17223/15617793/513/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/7

Aleksei Losev's religious philosophy in the light of postsecular theory

Irina V. Gravina¹

¹ *HSE University, Moscow, Russian Federation, ei-rene@ya.ru*

Abstract. This article deals with a number of concepts of Losev's philosophical system in the context of postsecular thought. It is noted that the problem of whether Russian religious philosophy can be considered as a variant of postsecular thought is debatable. It is shown that a number of concepts of Losev's system (the One, myth, symbol) outwardly correlate as much as possible with the ideas of philosophers and theologians of post-secular thought (J.-L. Marion, J. Derrida, Ch. Taylor, J. Milbank). Special attention is paid to the thesis that the theoretical basis for the development of postsecular ideas deals with the development of postmodern and postmetaphysical philosophy, so the research is focused specifically on the philosopher's metaphysical concepts. In particular, the concepts of the One (Henology), the concept of myth and the concept of the symbol in Losev are considered. It is noted that the One, which is the central concept of his philosophical system, assuming an apologetic meaning (creation of a system of absolute dialectics and mythology – dialectics and mythology of Divine Being) is subject to criticism in European postmodernism as the main metaphysical concept, while in postmetaphysics it is rehabilitated again. It is found that the postmodern critique of the One is based on Platonism understood quite differently from Losev's. For Losev, Platonism is dialectical, the One is apophatic, extra-attributive and indescribable. Losev's concept of myth presupposes a view of the history of thought according to which any social discourse develops according to the principles of absolute dialectics, but with methodological distortions, forming a huge number of relative myths in which humanity lives. As for all post-secular theorists, the question of the reasons for the development of secularism is important for Losev. It is noted that, according to the Russian thinker, it is the falling away from the dialectical method (absolute dialectics developed in Christian Neoplatonism) and, as the first consequence, the rejection of the apophatic One that gradually lead the world to the crisis of secularisation. A comparative analysis reveals that Losev's symbolism and aesthetics, coming from his gенология, converge with a new current in European theology – theoesthetics, with the difference that for Losev the most important aspects of aesthetics are the criticism of dualistic ideas about reality (leading, among other things, to the alienation of God and the world, the transcendent from the immanent, which is in line with other post-secular theorists, for example, J. Milbank) in favour of the Whole, and the theoesthetic – the existential experience of beauty as proof of divine existence. The article concludes that Losev's philosophy, which responds to the challenges of Soviet atheism, although significantly different from European postsecular thought, nevertheless has a great number of similarities, which is why it may well be called one of the variations of the postsecular project.

Keywords: secular, postsecular, Russian religious philosophy, A.F. Losev, postmetaphysical thinking, problem of symbol, unity, genology

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

For citation: Gravina, I.V. (2025) Aleksei Losev's religious philosophy in the light of postsecular theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 62–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/7

Введение

К концу XX в. уже нескольковековой идейный вектор, направленный на максимальное развитие научного знания и снижение знания (и влияния) религиозного, обнаружил себя как несостоятельный – от религии по-прежнему не отказались ни на Востоке, ни в России, пережившей советское атеистическое время, ни в Европе, где с Возрождения она методично критиковалась как пережиток. Религиозное сохранилось и как элемент мировоззрения, и как социальный институт. В этой связи на рубеже XX и XXI в. в секулярной европейской философии возникают попытки осмыслить этот феномен. Кто-то из авторов по-прежнему пытается сохранить нейтральный тон (Ю. Хабермас, Т. Асад, К. Мейясу, Дж. Агамбен и др.), хотя уже не очень верится, что нейтральный, сциентистский тон вообще можно взять, а кто-то уходит в так называемый теологический поворот в философии (Дж. Мануссакис, Дж. Капуто, Ж.-Л. Марион, Дж. Милбанк, Д. Харт и др.).

Несмотря на то, что сама по себе тематика постсекулярного сформировалась (и сформулировалась) Юргеном Хабермасом в европейской преимущественно социальной философии, сейчас это проблемное поле крайне разнородно, включает в себя множество вариантов¹, развивается как в русле политической философии, так и истории метафизики и теологии, имеет весьма плавающие границы определения, ряд исследователей усматривает ее своеобразное присутствие и в отечественной мысли². В то же время есть и критики этого подхода, например Г.Б. Гутнер полагает, что русская религиозная философия совсем не похожа ни на один из постсекулярных проектов и похожа на классический секулярный ввиду своей веры в тотальность и устойчивые понятия [4. С. 77]. К.М. Антонов считает, что русская религиозная философия – это «дитя секуляризации» [5. С. 316]. А.В. Матецкая со ссылкой на Д. Узланера отмечает, что идея постсекулярного в России обрела очень своеобразные черты, далекие от изначального хабермасовского понимания, как десекуляризация, отмена секуляризации [6], тем не менее, безусловно, имеет место быть. Мы склонны согласиться с последней точкой зрения, для чего рассмотрим ряд понятий и траекторий движения мысли А.Ф. Лосева в контексте некоторых идей постсекулярной философии, их общие попытки понять генезис развития секулярных идей и предложить их теоретическую альтернативу.

В этой связи мы не подходим к герменевтике лосевского творчества с точки зрения значения его деятельности в рамках своего времени и советской эпохи – нам интересно рассмотреть, как работают его идеи в более широком и современном контексте. В большей мере

мы сосредоточимся на метафизических и теологических смыслах лосевского творчества. В рамках новейших теорий постсекулярного, в частности слабой теологии или постметафизической философии, лосевская система, основанная на христианском неоплатонизме, может изначально быть воспринята как архаика и неактуальный консерватизм (хотя «архаика» и сейчас представлена в современной мысли движением «радикальной ортодоксии»), в то же время, учитывая, что постсекулярный дискурс включает в себя крайне разнородные подходы, в том числе возникновение симпатий к традиционализму, лосевские идеи, имея некий национальный колорит, перестают казаться таковыми. Но, когда речь заходит о рассмотрении проблематики сопоставления русской религиозной философии в контексте постсекулярной, мысль Лосева редко представлена, чаще авторы ограничиваются Соловьевым, Булгаковым и в большей степени Бердяевым, тогда как у Лосева, на наш взгляд, имеется немало идей достойных внимания.

В своем исследовании мы опираемся на тезис уже упоминаемого Юргена Хабермаса, теоретика постсекулярного, который связывал постсекулярный дискурс с развитием постметафизического мышления. Сперва эта тема действительно носила характер отказа от поисков абсолютного: «разговоры о постсекулярности – по крайней мере в контексте хабермасовской проблематики – стали возможны в совершенно особом интеллектуальном климате: в ситуации постмодерна, распада классической рациональности и распространения так называемой постметафизической философии, то есть философии, которая четко осознает свои пределы и отказывается от решения метафизических проблем и поиска абсолютных решений», – отмечает Д. Узланер [7. С. 4]. Но позднее ситуация несколько изменилась, поэтому в еще большей степени нас интересует тезис К. Мейясу о том, что «конец метафизики в поисках основания своих притязаний на абсолют принял форму возвращения к крайней религиозности» [8. С. 62]] и новых исканий абсолютного.

Единое

Одной из неизменно центральных и имплицитно присутствующих тем лосевского творчества является проблематика апофатического Первоначала, которая у него репрезентируется как развернутая система построения христианской Триадологии в свете современных ему задач религиозной философии³. Исследовательница творчества философа Е.А. Тахо-Годи отмечает: «Лосев задался невозможной по советским временам целью – написать философско-богословский

трактат об абсолютной мифологии – о Божественной Троице» [9. С. 29]. Под этой задачей, как указывает другая исследовательница лосевской мысли В.И. Постовалова, подразумевается – широко – представление философской схемы христианского праксиса в актуальных понятиях, при этом: «апологетическую установку Лосев сохранял на протяжении всей своей жизни, выражая ее часто на нерелигиозном философском языке своего времени» [10. С. 212]. Последнее наиболее ценно для нас, поскольку язык описания, которым пользуется Лосев, настолько светский (не без угрозы цензуры, конечно), что неизменно религиозное измерение не всегда считывается, отчего сами тексты Лосева оказываются полем взаимодействия секулярной методологии и религиозных смыслов.

Сразу нужно оговориться, какое огромное значение имеет Единое для религиозной философии и, что менее очевидно, для философии новейшей, для постмодернизма и постсекуляризма. В первом случае все очевидно – Единое, особенно это акцентировано в восточнохристианской традиции, – это Бог и отказ от этого понятия, или его умаление (например, придание Единому предикативного характера) влечет за собой катастрофические последствия для религии в сторону развития теоретической базы для секуляризации⁴. Иными словами, началом секуляризации по Лосеву служит все большее умаление апофатизма Единого в пользу абсолютизации тех или иных секулярных понятий. Например, что Лосев пишет об этом: «вполне естественным этапом в этой истории развенчания апофатического абсолюта является так называемая немецкая мистика XIII–XIV в<в>. (Мейстер Экхарт, Сузо, Таулер и прочие), где на первый план была выдвинута уже не церковь, а человеческая личность, но не обычная светская человеческая личность (всё ведь делается не сразу), а церковная, духовная личность. Церковная человеческая личность уже не есть просто сама церковь. Но что же получилось в результате того, что церковная личность захотела быть абсолютом, быть диалектическим перво-принципом, т.е. быть абсолютно-свободным самосознанием и апофатической глубиной? Результатом этого явилось то, что абсолютом оказался соизмеримым с человеческой личностью» [11. С. 325]. Для Лосева это было только началом возвеличивания человеческого субъекта над субъектом трансцендентным вплоть до отказа от него.

Что же касается новейшей философии, постмодернистские штудии в области основополагающего для развития проблемы Единого платонизма носят критический характер, как бы идейно становясь на противоположную Лосеву позицию. Критикуемая в европейской континентальной философии идея метанарративов прямым образом связывается с отрицанием и классической философской традиции генологии. В общем виде манифест данной традиции звучит как *низвержение платонизма* (Жиль Делез) как основы классического мышления. С.М. Малкина отмечает, что «онтологическая система Делёза опирается на понятия единого и многого, но неклассически трактует их соотношение» [12. С. 29] в сторону имманенции, отвергая не сами концепты, но устанавливая между ними новые

постметафизические связи. При этом, ни о каком божественном речи не идет – для Делеза это *логика смысла*, вопрос сугубо концептуальный, работа с устойчивыми историко-философскими понятиями, тогда как для Лосева это логика взаимоотношения Бога и тварного мира. Как можно догадаться, классическое Единое для Делеза – авторитарный метаконцепт, довлеющий над миром множества. Для Лосева же генология не может быть авторитарной, так как «бессмысленно говорить об авторитете, если перед нами абсолютная действительность <...> абсолютную мифологию поэтому лучше не называть авторитарной. <...> В царстве же Небесном нет выбора и нет становления; там нет и авторитета» [13. С. 571].

Поэтому только на первых порах кажется, что мысль отечественного философа выходит за рамки новейших философских идей критиков метафизики, выглядит как то, что его теоретики видят уже преодоленным. Она не вписывается в бинарную модель – традиционалисты с классическим представлением о божественной иерархии выступают против постмодернистов, которые эту иерархию предпочитают разрушить во имя всеобщего плюрализма как нового блага, да и далеко не все мыслители данного направления критически настроены против генологии. Вопрос тут только в том, что Лосев и Делез совершенно по-разному понимают Единое. Более того, развивающаяся на почве постмодернизма постметафизическая философия в лице ряда авторов полагает, что в целом не значимая для новой европейской мысли теория апофатизма может стать основой для постметафизической философии⁵.

Таким образом, светская европейская мысль в итоге пришла к забытым религиозным концепциям. К. Мейясу указывает, что «скептицизм по отношению к метафизическому абсолюту, таким образом, легитимизирует *de jure* любую, от самой худшей до самой лучшей, форму веры в абсолют. Разрушение метафизической рационализации христианской теологии привело к становлению религиозным мышления в целом» [7. С. 64]. Дело в том, что апофатическое не совсем вписывается в критикуемую современную теорию абсолюта как некоего статичного понятия-идола. Говоря об *идоле*, нельзя не упомянуть посметафизика Ж.-Л. Мариона или деконструктивиста Жака Деррида с их штудиями в области богословия любимейшего мыслителя Лосева Дионисия Ареопагита. Критикуя онто-теологию (как философию создавшую из Бога некую сущность-идола), Марион обнаруживает апофатическую концепцию Ареопагита переперспективной для новейшей философии как незамеченное старое, не тронутое еще секуляризационными процессами [15]. По Лосеву так оно и есть – европейская мысль никогда всерьез не увлекалась идеей апофатического Единого, сохранившегося в восточнохристианской мысли. Отчего русская религиозная философия исходно углубленно оказывается вне европейского поэтапно развивающегося дискурса секуляризации, который для Лосева – лишь пример ложного развития генологии, пример ложной интерпретации.

При этом Лосев входит в пространство своей генологии⁶ через критику новоевропейского рационализма,

через критику метафизики, созвучную многим теоретикам постсекулярного. Лосев *противопоставляет* антично-средневековую генологию классической европейской мысли в целом и новоевропейской метафизике в частности. Здесь снова следует сделать реверанс в сторону новейшей европейской теологии, в частности так называемой *радикальной ортодоксии*, представителем которой Джон Милбанк утверждает, что «было время, когда никакого “светского” (секулярного) не существовало» [16. С. 68], предпочитая термину секуляризация – десакрализацию, на чем, по сути, зиждется и лосевская исследовательская программа реабилитации платонизма, очистки его от новейших интерпретаций, попытка показать его как некий совершенно иной тип культуры и мышления. При этом лосевская критика метафизики могла бы сойти за реверанс в сторону аналогичной критики у Гегеля, диалектику которого Лосев очень ценил⁷, если бы не тот факт (на который и сам Лосев указывал) – в немецкой классической философии нет того, что есть в неоплатонизме – развитого учения об апофатическом Едином⁸. Таким образом, критикуя модерн, Лосев не солидаризуется с постмодернизмом, не увидевшим одну тонкую деталь, посчитав, что метафизический дискурс модерна происходит из платонической философии, в то время как для Лосева – из отказа от платонизма в пользу аристотелизма⁹: «христианский аристотелизм всегда будет мистичен и для объяснения этой мистики вовсе не обязательно привлекать чуждые Западу языческие и ареопагитские неоплатонизмы; что 2) более практический Запад, воспитанный сначала на абсолютизации Римской империи, а потом на обожествлении земной Церкви и на непогрешимости папы, естественно, исходит не из абсолюта апофатической бездны Перво-единого, но из абсолютизации церковного Разума, т.е. интеллигенции; и что 3) диалектически необходимая решительно во всякой зрелой системе стихия Перво-единого (и уже по одному этому не могущая отсутствовать в католичестве) получает интеллигентное, а не абсолютно-апофатическое содержание» [17].

Мифы

Любопытной для нашей темы будет и лосевская интерпретация истории идей, представленная через призму теории мифа¹⁰. У Лосева она наиболее полно представлена в соответствующей работе «Диалектика мифа» (с дополнениями), в которой путем отсеечения трактовок, методов и предрассудков вокруг понятия мифа (относительные мифы) формулируется чистое его определение (абсолютный миф). Любопытна она, поскольку содержательно оказывается созвучна критике метафизики нового времени представителями современной постсекулярной философии, так как «миф не есть метафизическое построение, но – реально, вещественно и чувственно творимая действительность» [13. С. 84]. Но свой анализ мы остановим не только на этой работе.

Начнем издалека и обратим внимание на то, что фундаментальный лосевский анализ античности (осо-

бенно это заострено в ранний период – в «Очерках античного символизма и мифологии») с социальной точки зрения сходен по своим интенциям с мейнстримными тенденциями европейских интеллектуалов (например, Карла Поппера с работой «Открытое общество и его враги», а затем и постмодернистской философии, особенно у Ж. Делеза), обвиняющих платонизм в том, что именно он стал теоретической основой для нацистских режимов. Только Лосев занимается изобличением платонизма не с точки зрения его имплицитного присутствия в нацистской идеологии, а в идеологии советского режима. В отличие от первых Лосев изобличает античный языческий миф, построенный на платонизме, но не сам платонизм, который для него был и остается основой платонизма христианского, который, в свою очередь, представлен у него как идеальная структура *абсолютной мифологии*. То есть Лосев четко разграничивает миф (культурно выраженное) платонизма и методологию (чистые принципы) платонизма, отчего не отвергает ее нейтральную основу, но использует для построения собственной системы. Более того, он показывает, что структура носит онтологический характер (у него это названо *абсолютной диалектикой*) и реализуется в социуме с теми или иными искажениями (по неоплатонической логике – идеальная структура искажена меональным становлением) как социальные мифы, *относительные мифы*. Идеальная же структура сама по себе – есть объект христианской практики, есть божественный логос, абсолютный миф. В этом, если вернуться к предыдущему пункту, суть его генологии. Абсолютная диалектика – есть структура Единого, генология; абсолютная мифология – Царство небесное.

Наиболее близким этим идеям Лосева, согласно Алексею Каменских, оказываются идеи теолога Пауля Тиллиха [18. Р. 154], утверждавшего, что религия как таковая всегда является имплицитной основой для формирования того или иного дискурса, что даже внешне секулярные идеи – квазирелигиозны. Мы бы заметили, что еще более близкими Лосеву оказываются идеи Райнера Шюрманна о «фантазмах», бесконечных заблуждениях, вечных дискурсивных отклонениях от апофатической истины Единого, когда единое в истории постоянно приобретает тотальный характер, характер гегемона, метафизического понятия [19].

Помимо собственно онтологических аргументов, можно рассмотреть и сугубо историко-философские штудии философа. Краткий экскурс в этапы развития теории секулярного у разных авторов выглядит по-разному – дискуссионным является вопрос о том, какова акцентная ключевая точка в начале формирования секуляризации в рамках европейской цивилизации. Как пример Капуто возлагает наибольшую ответственность на Канта – именно у него Разум максимально вытеснил трансцендентное, превратив его в просто «объект исследования»; Тейлор на развитие *эксклюзивного гуманизма* Возрождения, выросшего из возвышения разума субъекта, от отделения имманентного и трансцендентного. Согласно Лосеву, все начинается еще в античности и совершенно неочевидным образом бла-

годаря методу – Аристотель отказывается от диалектики в пользу формальной логики, которая, заразившая европейскую мысль, впоследствии приведет к отказу от полновесного понятия Единого, к логике *filioque*, разрушающей гармоничное *единство* Троицы, и, в конечном итоге, номинализму¹¹. В отличие от Шмитта или Вебера, Лосев исследует в первую очередь методологию как ключевой фактор влияния на развитие идей. В своих историко-философских работах Лосев тщательно «отслеживает», как тот или иной метод формировал *миф* эпохи, ее лик, и уже в последующем методично приходит к сходным контрапунктам – субъективизм Возрождения, дуализм Модерна, антиперсонализм немецкой классики, словом, многоуровневый отказ от трансцендентного.

Но в этой полемике очень интересен еще один аспект – его равная борьба как с метафизикой или идеализмом, так и материализмом, потому что ни та ни другая концепция с реальностью не очень связана. А что же связано?

Символ

Так мы подошли к глобальному значению лосевских штудий *античной эстетики* (вершиной которой Лосев считал неоплатонизм). Рассмотрим снова, какое звучание эта работа обретает в контексте критики метафизики и, в частности, платонизма в европейской континентальной философии XX в. Мы уже указывали, что лосевские разыскания направлены, как бы предупреждая эту критику, на реабилитацию платонизма и платонической эстетики как всецелого базового философского феномена вне современных интерпретаций, вне классической метафизики. В отличие от западных деконструктивистов Лосев пытается работать не в современном контексте (а для него) – он воссоздает образ античной эпохи в целом, чтобы выявить его своеобразие и показать ее актуальность. Нервом этого, повторимся, оказывается критика современных интерпретаций платонизма, наиболее лаконично представленная во вводных главах «Очерков античного символизма и мифологии», исказивших и рационализировавших (в плохом смысле¹²) Платона, если выражаться языком ряда авторов постсекулярной традиции, создавших идолов из идей мыслителя¹³, пресловутое деление на идеализм и материализм, на дух и материю. Критика последнего принципиальнейшим образом развита в лосевской идее софийного символа как неразрывного тождества идеи и материи.

На примере истории философии Лосев показывает, как регулярно *нарушается* целостная структура символа и какие эпохи погружаются то в материалистические, то в спиритуалистические трактовки реальности (мифы). Напомним, что для Лосева абсолютное – основа всех мифологий в принципе, это означает, что для него, как и для многих теоретиков постсекулярного, любая форма секулярного на самом деле таковой не является, оказываясь просто квазирелигиозной. Подобная точка зрения идейно очень близка более лаконичному и бескомпромиссному утверждению С. Булгакова, что вся история философии представляется как история ересиологии [20. С. 328], кроющаяся в фундаментальном дуализме –

отрыве субъекта от Бога (кстати, так же понимает секуляризацию и *радикальный ортодокс* Дж. Милбанк). История античной эстетики, по сути, и есть развернутая история символизма, где символ является онтологическим понятием – объектом здесь выступает сама реальность, которая выражается и воспринимается: «окончательная сущность символика – историческая, т.е. такая, которая дана только в ту или иную историческую эпоху. Особенно важен здесь анализ социально-исторический» [21. С. 13]. Пожалуй, в этом заключается самая суть лосевского символизма, тогда как семиотика о знаках культуры, Лосев – об именах, символах и знаках Абсолюта. Данная мысль, в свою очередь, представлена в современной европейской посметафизической философии как теозстетика, в частности у православного богослова Дж. Мануссакиса или Д. Харта, правда, в несколько ином ключе – экзистенциальном, как мысль о том, что восприятие манифестаций Абсолюта и есть акт познания Бога через красоту.

Идея критики метафизики заключается у Лосева в том, что метафизику отечественный мыслитель понимает как дуализм идеи и материи, полагая, что именно модерн создал эту странную антисимволическую онтологию, которая спиритуализирует абсолютное и уделяет отдельное значение материи и ее законам. Поэтому в «Диалектике мифа» Лосев критиковал не просто материализм, но и идеализм¹⁴, поскольку обе эти системы (а не как может казаться) являются механистичными. В первом случае бытие определяется как аксиоматический набор природно-физических функций и механизмов, которые детерминируют все жизненные процессы. Во втором – как идеалистические принципы опять же аксиоматического характера, которые являются абстрактными пояснениями реальности исходя из устойчивых универсалий. И в том и в другом случае система теряет свою гибкость и служит абстракциям, философским понятиям, а не реальности. Лосев же через понятия вел к реальному (абсолютному), как теозстетике через демонстрацию красоты пытаются вести к нуминозному.

Заключение

Говоря и о символе, и о мифе у Лосева мы вновь и вновь возвращаемся к генеалогии, потому что именно апофатическое Единое есть мета-означающее. Но оно же и не может быть им, именно *означающим*, предметом исследования, ввиду своего апофатического характера. Согласно этой логике, вся история философии, по сути, есть попытка как-то уловить словами неназываемое, выразить наиболее адекватно, которая каждый раз терпит фиаско – образуется лишь новый относительный миф. Для континентальной европейской философии как эти попытки, так и давно ставшее объектом метафизики понятие Единого обрели негативный оттенок и оттого отвергаются. В русской философии к понятию реферируются, но обнаруживают тот же самый неименуемый сверх-смысл, который даже не может быть смыслом – им становятся только его символы в процессе диалектического становления. Отсюда обращенность Мариона или Деррида к наследию Ареопагитского корпуса – в апофатическом

новизна. Так и русская философия, отстаивая свои религиозные постулаты на фоне радикального секуляризма, оказывается в пространстве постсекулярных смыслов.

В то же время только в сравнении русских религиозных философов и представителей новой теологии, обращающихся к восточнохристианской традиции, становится заметна разница в интерпретациях, разница даже в сходных понятиях. Западная постметафизическая мысль, исходящая из концепции ницшевской «смерти бога»¹⁵, хайдеггеровских идей об онто-теологии, критики метафизики, оказывается сколь прозрачно близка русской философии, столь же реально далека. Осмыслить западный мир, переживший поэтапное истощение теологического, его теоретическую гибель, чтобы попытаться помыслить его заново, не

равно тому, как русская религиозная философия отвечала внешнему, фактически преимущественно политическому обусловленному воздействию секулярных идей.

Тем не менее имманентная диалогическая риторика русской религиозной философии с секулярной европейской мыслью позволяет производить подобные сопоставления.

Кроме того, задачей данного исследования не являлась попытка показать равенство отечественных концепций религиозной философии похожим европейским – скорее проследить, каким образом русская философия вписывается в контекст современных штудий и что может продемонстрировать в перспективе ее понимания как некой вариации постсекулярного проекта.

Примечания

¹ См. подробный анализ постсекулярной философии в разных вариациях [1].

² См., например, два коллективных труда, полностью посвященные анализу русской философии в контексте постсекуляризма [2, 3].

³ Для него в первую очередь это защита имяславия путем создания обосновывающей данное течение методологии.

⁴ Пресловутое противостояние платонизма и аристотелизма, заостренное в русской религиозной философии, на которое обратили внимание и в европейской мысли (например, совершенно созвучное Лосеву Единое отстаивает норвежец антиковед Эгиль Виллер).

⁵ См., например, статью об этом [14], где автор, анализируя платоническую генологию, находит, что платоновское Единое внетафизично в отличие от его трактовок.

⁶ Отметим, что и его символизм, и имяславие, которыми он известен, основаны на генологии, именно Единое первым (само)именуется и символически выражается.

⁷ Вот еще одно вторичное различие Лосева и постметафизической традиции – ее герои Ницше, Кьеркегор и Хайдеггер, но никак не Гегель.

⁸ Об этом см. главы «Истории античной эстетики», посвященные компаративному анализу диалектики Плотина и представителей немецкой классической философии. Для Лосева и немецкая классика во всем ее методологическом великолепии лишь следствие развития Модерна.

⁹ На эту тему есть работа Д. Брэдиша «Аристотель на Востоке и на Западе. Метафизика разделения христианского мира», который произвел анализ различия между восточнохристианским и западнохристианским богословием согласно разному пониманию аристотелевского понятия энергии, существенно преобразованного потом в неоплатонизме (основополагающего в паламизме) и практически не использовавшегося в таком виде на западе [17].

¹⁰ В европейской мысли к подобной теме обращался Карл Барт, исследуя социальные мифы («Мифологии»), их генезис и структуру, но никакого отношения к онтологическому пониманию мифа это не имеет.

¹¹ Тема для Лосева, пожалуй, сквозная, но наиболее подробно об этом можно прочесть в его «Очерках античного символизма и мифологии», «Критике платонизма у Аристотеля» и краткой незавершенной ранее упоминаемой работе «Николай Кузанский и диалектический первопринцип в истории философии».

¹² Для Лосева рациональность хороша как инструмент, но не как конкретное оформившееся течение европейской философии.

¹³ Стоит отметить, что тот же Делез по большому счету не вышел за пределы этой интерпретации, оставшись при фигуре Платона-идеалиста, в то время как Лосев подчеркивал, что в платонизме (как в системе символической) столь же много материализма, как и идеализма – смотря как посмотреть.

¹⁴ Из-за этого может сложиться впечатление, что у Лосева даже есть какая-то путаница, потому что он Платона называет то идеалистом, то отмечает, что сущность платонизма – живое тело, телесность.

¹⁵ Интересным здесь будет уточнение А. Кырлежева, что это не просто смерть Бога, а смерть секулярного Бога [22. С. 106].

Список источников

1. Щипков В.А. Философско-культурологические основания генологии секулярного дискурса в постсекулярном контексте : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2023. 867 с.
2. Beyond Modernity. Russian Religious Philosophy and Post-Secularism / ed. by Obolevitch T., Mrowczynski-Van Allen A., Rojek P. Eugene, Oregon : Pickwick publications, 2016. 284 p.
3. Overcoming the Secular Russian Religious Philosophy and Post-Secularism / ed. by T. Obolevitch, P. Rojek. Krakow : The Pontifical University of John Paul II in Krakow Press, 2015. 192 p.
4. Гутнер Г.Б. Секулярность, постсекулярность и русская религиозная философия // Вестник Свято-Филаретовского института, 2015. № 16. С. 63–82.
5. Антонов К.М. «Как возможна религия?»: Философия религии и философские проблемы богословия в русской религиозной мысли XIX–XX веков : в 2 ч. Ч. 2. М. : Изд-во ПСТГУ, 2020. 368 с.
6. Матецкая А.В. Интерпретации концепции постсекулярного общества в России // Гуманитарий Юга России. 2020. № 5 (9). С. 93–107.
7. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос : философско-литературный журнал. 2011. № 3 (82). С. 3–32.
8. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; Москва : Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
9. Тахо-Годи Е.А. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М. : Модест Колеров, 2014. 344 с.
10. Постовалова В.И. Религиозно-философские воззрения А.Ф. Лосева // Алексей Федорович Лосев. М. : РОССПЭН, 2009. С. 176–221.
11. Лосев А.Ф. Николай Кузанский и диалектический первопринцип в антично-средневековой философии // Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях : в 2 т. Т. 1. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 317–360.
12. Малкина С.М. Единое и многое: постметафизический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 12 (3). С. 28–33.
13. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» (новое академическое издание, исправленное и дополненное). М. : Издательский Дом ЯСК; Гнозис, 2022. 696 с.
14. Schürmann R. Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics // Research in Phenomenology. 1983. Vol. 13. P. 25–41.
15. Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. М. : Издание Института философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. 292 с.

16. Милбанк Дж. Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума. М. : Теоэстетика, 2022. 736 с.
17. Брэдшоу Д. Аристотель на Востоке и на Западе. Метафизика и разделение христианского мира. М. : Языки славянских культур, 2012. 384 с.
18. Kamenskikh A. Aleksey Losev on Religious Essence and the Generative Power of Platonism // *Overcoming the Secular Russian Religious Philosophy and Post-Secularism* / ed. by Obolevitch T., Rojek P. Krakow : The Pontifical University of John Paul II in Krakow Press, 2015. P. 149–155.
19. Schürmann R. *Broken Hegemonies*. Bloomington & Indianapolis : Indiana University Press, 2003. 692 p.
20. Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. М. : Наука, 1993. С. 311–515.
21. Лосев А.Ф. Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXX, вып. 1. М., 1971. С. 3–13.
22. Кырлежев А. Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. № 3 (82). С. 101–106.

References

1. Shchipkov, V.A. (2023) *Filosofsko-kul'turologicheskie osnovaniya genalogii sekulyarnogo diskursa v postsekulyarnom kontekste* [Philosophical and Cultural Foundations of the Genealogy of Secular Discourse in a Post-Secular Context]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
2. Obolevitch, T., Mrowczynski-Van Allen, A. & Rojek, P. (eds) (2016) *Beyond Modernity. Russian Religious Philosophy and Post-Secularism*. Eugene, Oregon: Pickwick Publications.
3. Obolevitch, T. & Rojek, P. (eds) (2015) *Overcoming the Secular Russian Religious Philosophy and Post-Secularism*. Krakow: The Pontifical University of John Paul II in Krakow Press.
4. Gutner, G.B. (2015) Sekulyarnost', postsekulyarnost' i russkaya religioznaya filosofiya [Secularity, Post-Secularity and Russian Religious Philosophy]. *Vestnik Syvato-Filaretovskogo instituta*. 16. pp. 63–82.
5. Antonov, K.M. (2020) "Kak vozmozhna religiya?": *Filosofiya religii i filosofskie problemy bogosloviya v russkoy religioznoy mysli XIX–XX vekov* ["How is Religion Possible?": Philosophy of Religion and Philosophical Problems of Theology in Russian Religious Thought of the 19th–20th Centuries]. In 2 parts. Part 2. Moscow: PSTSU.
6. Matsetskaya, A.V. (2020) Interpretatsii kontseptsii postsekulyarnogo obshchestva v Rossii [Interpretations of the Concept of Post-Secular Society in Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 9 (5). pp. 93–107.
7. Uzlaner, D. (2011) Vvedenie v postsekulyarnuyu filosofiyu [Introduction to Post-Secular Philosophy]. *Logos: filosofsko-literaturnyy zhurnal*. 82 (3). pp. 3–32.
8. Meillassoux, Q. (2015) *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
9. Takho-Godi, E.A. (2014) *Aleksey Losev v epokhu russkoy revolyutsii: 1917–1919* [Aleksei Losev in the Era of the Russian Revolution: 1917–1919]. Moscow: Modest Kolerov.
10. Postovalova, V.I. (2009) Religiozno-filosofskie vozzreniya A.F. Loseva [Religious and Philosophical Views of A.F. Losev]. In: *Aleksey Fedorovich Losev* [Aleksei Fedorovich Losev]. Moscow: ROSSPEN. pp. 176–221.
11. Losev, A.F. (2016) Nikolay Kuzanskiy i dialekticheskiy pervo-printsep v antichno-srednevekovoy filosofii [Nicholas of Cusa and the Dialectical First Principle in Ancient and Medieval Philosophy]. In: Losev, A.F. *Nikolay Kuzanskiy v perevodakh i kommentariyakh* [Nicholas of Cusa in Translations and Comments]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. pp. 317–360.
12. Malkina, S.M. (2012) Edinoe i mnogoe: postmetafizicheskiy aspekt [The One and the Many: A Post-Metaphysical Aspect]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 12 (3). pp. 28–33.
13. Losev, A.F. (2022) *Dialektika mifa. Dopolnenie k "Dialektike mifa"* [Dialectics of Myth. Supplement to "Dialectics of Myth"]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK; Gnozis.
14. Schürmann, R. (1983) Neoplatonic Henology as an Overcoming of Metaphysics. *Research in Phenomenology*. 13. pp. 25–41.
15. Marion, Zh-L. (2009) *Idol i distantsiya* [The Idol and Distance]. Moscow: Izdanie Instituta filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
16. Milbank, Dzh. (2022) *Teologiya i sotsial'naya teoriya: po tu storonu sekulyarnogo razuma* [Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason]. Moscow: Teoestetika.
17. Bredshou, D. (2012) *Aristotel' na Vostoke i na Zapade. Metafizika i razdelenie khristianskogo mira* [Aristotle East and West: Metaphysics and the Division of Christendom]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
18. Kamenskikh, A. (2015) Aleksey Losev on Religious Essence and the Generative Power of Platonism. In: Obolevitch, T. & Rojek, P. (eds) *Overcoming the Secular Russian Religious Philosophy and Post-Secularism*. Krakow: The Pontifical University of John Paul II in Krakow Press. pp. 149–155.
19. Schürmann, R. (2003) *Broken Hegemonies*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press.
20. Bulgakov, S.N. (1993) *Tragediya filosofii* [The Tragedy of Philosophy]. In: Bulgakov, S.N. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 311–515.
21. Losev, A.F. (1971) Simvol i khudozhestvennoe tvorchestvo [Symbol and Artistic Creativity]. *Izvestiya USSR AS Otdelenie literatury i yazyka*. XXX (1). pp. 3–13.
22. Kyrlezhev, A. (2011) Postsekulyarnoe: kratkaya interpretatsiya [The Post-Secular: A Brief Interpretation]. *Logos*. 82 (3). pp. 101–106.

Информация об авторе:

Гравина И.В. – канд. филос. наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ei-rene@ya.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Gravina, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ei-rene@ya.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024;
одобрена после рецензирования 08.01.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 07.10.2024;
approved after reviewing 08.01.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 130.3
doi: 10.17223/15617793/513/8

Семен Франк и Карл Ранер: религиозно-философская критика секулярного утопизма и оправдание модерна

Александр Андреевич Гиринский¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, agirinskiy@gmail.com*

Аннотация. Анализируются взгляды двух европейских мыслителей XX в. – немецкого католического богослова Карла Ранера и русского религиозного философа Семена Франка. В центре внимания две их работы середины XX в., посвященные проблеме существования религии в обществе модерна и феномену существования светских секулярных утопий, имеющих «религиозное» целеполагание. Реконструируется аргументация авторов, связанная с механизмом формирования секулярных утопий, а также обосновывается точка зрения о том, что в мире модерна христианство получает новые возможности для реализации своей миссии.

Ключевые слова: религия, утопия, модерн, секуляризация, идеология

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

Для цитирования: Гиринский А.А. Семен Франк и Карл Ранер: религиозно-философская критика секулярного утопизма и оправдание модерна // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 69–74. doi: 10.17223/15617793/513/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/8

Semyon Frank and Karl Rahner: Religious and philosophical critique of secular utopianism and justification of modernity

Aleksandr A. Girinskiy¹

¹ *HSE University, Moscow, Russian Federation, agirinskiy@gmail.com*

Abstract. This study involves the analysis of the problems of secular utopianism and political ideologies of the twentieth century, as well as the future of Christianity in a modern society. The "incompleteness" of the modern project is stated, as well as the specificity of the forms of its "self-understanding" (Julius Habermas). The conflicts taking place in the world today indicate the continuation of the unfolding of the contradictory dynamics of modernity, contrary to the recently popular concepts of the "end of history", embodied in the linear theories of modernization and secularization of the second half of the twentieth century. Modernity is becoming a "pluralistic project" that implies many cultural and historical modifications (Shmuel Eisenstadt). This, among other things, implies further competition between secular ideological projects and traditional religions. Intermediate options are also possible, one of which is the concept of "traditional values", which is relevant in Russia, which implies the construction of a secular modification of modernity based on the values of traditional religions and Christian anthropology. In this regard, this article offers an analysis of the views of the German Catholic theologian Karl Rahner and the Russian religious philosopher Semyon Frank. The focus is on two works - "Marxist Utopia and the Future of Christianity" (1966) by Rahner and "The Heresy of Utopianism" by Frank (1946), in which the authors discuss the role and status of the Christian religion in modern society and the problem of the spread of secular utopias, which, from their point of view, represent a form of distortion of religious goal-setting. Rahner notes that Christianity does not have its own form of "this-worldly utopia"; therefore, Christianity is obliged to resist the dominance of "secular ideology", which does not tolerate competition. Secular utopia itself, in its essence, is a distortion of Christian eschatology, replacing the idea of the absolute future presented in Christianity with "the future created". Rahner defends the idea of ideological and religious pluralism, believing that the openness of the future, characteristic of modernity, also corresponds to the basic Christian idea. Frank notes that utopia is a form of "heresy", that is, a "private" distortion, an exaggeration of Christian ideas about the need to eradicate evil. Utopian ideology assumes the possibility of the essential and final eradication of evil "by earthly means", whereas this is possible only through personal effort through faith. Frank also defends the pluralism and openness of modern society, emphasizing that Christianity in modern society is given the opportunity to openly profess its views without linking its activities with the organization of church authority.

Keywords: religion, utopia, modernism, secularization, ideology

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-78-10104, <https://rscf.ru/project/24-78-10104/>

For citation: Girinskiy, A.A. (2025) Semyon Frank and Karl Rahner: Religious and philosophical critique of secular utopianism and justification of modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 69–74. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/8

Противоречивая динамика общества модерна

Окончание XX в., сопровождавшееся многочисленными политическими конфликтами, тем не менее воспринималось как начало нового постисторического периода («конец истории»): утверждалась идея единого человечества и провозглашалось начало беспрецедентной эпохи мирового глобального сотрудничества на основе «общих ценностей». Однако реальность оказалась абсолютно иной. Наиболее проницательные аналитики говорили об этом сразу, но тогда их голоса не были слышны. Современный этап развития проекта модерна связан с возрастающим количеством идеологических противоборств. Мир постепенно распадается на отдельные геополитические и геоэкономические блоки, оживают старые территориальные и национальные споры и претензии, а старые идеологические конфликты предстают перед нами в новом обличье.

Вопрос нового идеологического противоборства заслуживает отдельного исследования и только начинает привлекать к себе внимание современных исследователей. Сама интенсификация идейного противоборства, по мнению ряда мыслителей, является свидетельством кризиса «самопонимания» модерна (Ю. Хабермас) [1]. Социолог О. Марквард пишет об этом феномене так: «Говорят о времени “функциональной дифференциации”, или “эпохе создания эпох”, или “постконвенциональном веке”. Речь зашла уже о “постевропейском веке”, просто – о “модерне” и даже “постмодерне” и так далее. *Эта многоименность – косвенно выраженная безымянность: наше время, наш мир испытывает, как кажется, некий кризис ориентации* еще и потому, что все менее и менее понимает, с каким же из этих обозначений ему следует себя идентифицировать» [2].

Возникновение общества модерна на рубеже XVIII–XIX вв. стало одной из самых масштабных трансформаций условий человеческой жизни в истории. Социолог Ш. Эйзенштадт, используя термин, введенный в свое время К. Ясперсом, называл это событие «вторым осевым временем», подчеркивая масштабность перемен, произошедших в этот период [3]. Ключевая особенность модерна, помимо постоянной «борьбы с прошлым» и «традицией», заключается в его принципиальной «незавершенности». Распад единого культурного пространства и религиозно освященной системы социальных взаимоотношений порождает постоянную трансформацию социальных институтов и провоцирует то, что Э. Гидденс называл «избыточной рефлексивностью» [4]. В силу этого модерн обладает мощной внутренней динамикой: жить в этом обществе комфортнее и безопаснее с точки зрения материальных условий, но гораздо более сложно с точки зрения повседневной психологической адаптации. Настоящее, по выражению социолога Г. Люббе, «сокращается», беспрецедентную популярность получают различного

рода утопии [5]. Секуляризованные религиозные идеалы, «вынесенные» в будущее, становятся основанием для возникновения больших идеологий модерна.

Принципиальные изменения в обществе модерна претерпевает и сфера религии. В середине XX в. доминирующим представлением в социологии была линейная теория модернизации и секуляризации, предполагавшая неизбежность радикального ослабления религиозного сознания и в перспективе его полного исчезновения. Социолог Д. Узланер отмечает, что это время действительно было периодом «крушения традиционных религиозных форм», и в какой-то момент казалось, что исчезновение религии в привычном виде неизбежно [6. С. 37]. Некоторые исследователи полагали, что место религии окончательно заняли прогрессистские секулярные утопии, воплотившиеся в идеократических диктатурах XX в. Однако начиная примерно с середины 1970-х гг. начали происходить существенные изменения: социологи отмечали заметное усиление религиозных настроений, которые постепенно стали конкурировать со светскими политическими идеологиями, становясь значимым фактором социальной и политической жизни.

Сегодня уже ни у кого не возникает сомнения в том, что «конец религии» был провозглашен ошибочно. Однако статус и будущее религии в обществе модерна по-прежнему остается дискуссионным вопросом. В ортодоксальных сообществах, в первую очередь на Ближнем Востоке, но не только, доминирует точка зрения, связанная с отрицанием модерна и необходимостью возврата к традиционной религиозности. В леволиберальных государствах Европы по-прежнему сильны позиции агностицизма и атеизма, а актуальная политическая повестка связана с дискурсивным отрицанием христианского наследия и связанных с ним фундаментальных представлений о природе человека, семейных и половых отношениях [7].

В России в последние годы развитие получила идея «традиционных ценностей», которая является квазирелигиозным ответом радикальной западной леволиберальной повестке [8]. Концепция «традиционных ценностей» предполагает возвращение базовых религиозных представлений о человеке в секулярное пространство современного государства. Таким образом, образуется противоречивый симбиоз, где основанием для секулярного и светского государственного строя выступает конгломерат представлений, имеющих отсылку к ценностям традиционных религий, в первую очередь христианства. Дискурсивно российский концепт «традиционных ценностей» противостоит современной западной секулярной утопии, представленной леволиберальным модерном в форме квир-идеологии и связанных с ней идейных течений.

Насколько союз религии и модерна может быть плодотворен в противостоянии секулярным утопиям?

Возможно ли соединение принципа светского государства и традиционных религиозных ценностей [9]?

В данной статье мы постараемся найти ответы на эти вопросы в сочинениях двух религиозных философов XX в. В центре нашего внимания будет статья немецкого философа и католического богослова Карла Ранера «Марксистская утопия и христианское будущее человека» (1966) и работа русского религиозного философа Семена Франка «Ересь утопизма» (1946). Общие религиозно-философские и богословские позиции данных мыслителей уже сравнивались в отечественной исследовательской литературе [10].

Работы разделяет 20 лет: Франк пишет свой текст на исходе Второй мировой войны и его текст в значительной степени связан с осмыслением событий первой половины XX в. Ранер пишет уже в более спокойное послевоенное время, в период, когда будущее религии все еще казалось неопределенным и религиозное сознание «отступало» под натиском светской потребительской культуры. Тем не менее мыслители задаются одними вопросами – где проходит граница между истинной религией и секулярной утопией, как одно превращается в другое и какое будущее истинная религия может гарантировать себе в мире модерна, не превращаясь в секулярную идеологию.

К. Ранер: утопия как смешение конечного и абсолютного

Карл Ранер начинает свое рассуждение с утверждения о том, что христианство является «религией будущего». В этом смысле можно отметить, что устремленность модерна в будущее в базовых своих основаниях не противоречит духу христианства. История, полагает Ранер, представляет собой «эволюцию» христианского откровения: настоящее всегда относительно, будущее всегда абсолютно. Настоящее получает осмысление только через факт обращенности к абсолютному будущему, через «самотрансцендирование».

Между настоящим и будущим, по мысли Ранера, существует принципиальный онтологический разрыв: посюстороннее настоящее не способно превратиться в будущее путем простого развития, равно как и будущее не есть «улучшенное настоящее» и не содержится как потенция в настоящем в фактическом предметном смысле. Ранер полагает, что это автоматически ставит запрет на любых формах пантеизма и деизма: Бог трансцендентен, а будущее является «абсолютной независимой основой» [11. С. 178].

Христианская антропология исходит из того, что человек является существом, способным жить в ожидании абсолютного будущего. Однако в силу несовершенства и павшего состояния своей природы в этом восприятии возможны искажения, которые и обуславливают возможность существования секулярных утопий. Онтологически будущее всегда задано как некая целостность, но при этом в реальном фактически времени «всегда еще» не наступило. Переход фактического настоящего в абсолютное будущее путем простого течения времени невозможен. Таким образом,

возникает то, что прот. А. Шмеман назвал бы «христианской антиномичностью»: состояние диалектического соединения конечного и абсолютного с временным и контингентным [12]. Ранер пишет: «Человек может быть озабочен будущим сотворимым, принадлежащим определенному пространству-времени, составляемым из элементов его мира, только если он охватывает этот мир основополагающей целостностью неограниченной возможности. Поэтому в его земной заботе о будущем всегда присутствует вопрос о возможной встрече с этой бесконечной целостностью как таковой, о встрече с абсолютным будущим» [11. С. 179].

Возможность для утопического мышления возникает из-за того, что человек склонен абсолютизировать настоящее и воспринимать будущее как его простое продолжение, связанное с исключительно профанными усилиями по его достижению. Ранер напоминает: «Из самого существа того целого, что зовется абсолютным будущим, вытекает, что оно не может быть предметом категориального обозначения, но остается несканной тайной...» [11. С. 179–180]. И далее: «...первичная целостность абсолютного будущего, на которое проецирует себя человек, никогда не может быть выражена в ее собственной, свойственной только ей качественности: посредством определений, почерпнутых в посюстороннем категориальном опыте» [11. С. 180].

Попытка такого выражения создает возможность для построения утопии. При этом утопия, с точки зрения Ранера, всегда связана с атеизмом, так как атеизм есть невозможность соединения собственного контингентного настоящего с абсолютным будущим, или невозможность представить абсолютное будущее как будущее конечного человека, т.е. себя самого.

Ранер прямо и откровенно предупреждает: «Христианство как религия абсолютного будущего не имеет своей собственной посюсторонней утопии, своего проекта земного будущего» [11. С. 181]. Сущность же утопии, по Ранеру, состоит «в утверждении определенной частной реальности плюралистического мира опыта в качестве абсолютной точки опоры» [11. С. 181]. Однако христианство не является апологией бездеятельности и аполитичности. Христианство поддерживает человека в его частных устремлениях по улучшению жизни, так как расширение его свободы в посюстороннем мире никак не противоречит христианской вере. В этом отношении стремление к улучшению социальных институтов и политических форм жизни не является антихристианским априори. Оно становится таковым только тогда, когда подменяет собой веру, т.е. становится «секулярной утопией», подменяя абсолютное будущее посюсторонними представлениями о земном будущем как частном и контингентном следствии человеческих устремлений. Ранер напоминает: «Христианство не располагает никакими содержательно определенными идеалами будущего, не выдвигает никаких проектов относительно его, не обязывает человека ни к каким определенным целям, связанным с его посюсторонним будущим» [11. С. 181].

Ранер уверен, что именно ослабление христианского духа в эпоху модерна сделало возможными попытки воплощения секулярных утопий, и, мы можем

добавить, по всей видимости, это умонастроение не исчезло с падением ключевых политических идеократий XX в. Ранер полагает, что именно христианство является лучшей «прививкой» против утопизма и политического радикализма. Утопия онтологически возникает из невозможности представить благую реальность абсолютного будущего и в качестве компенсации вызывает стремление построить будущее «более реальное», земное и «земными средствами».

Таким образом, утопическое мышление, по Ранеру, есть следствие фундаментального недостатка религиозного сознания. Религиозный опыт, знакомый с переживанием абсолютного будущего, не нуждается в «замещающей терапии» утопиями, которые в своей реализации не только не достигают желаемого, но и всегда имеют огромные побочные эффекты. «Давая человеку надежду на абсолютное будущее, христианство защищает его от соблазна добиваться справедливых земных целей, обращаясь к такому насилию, когда поколение за поколением приносится в жертву и будущее превращается в Молоха, перед которым реальный человек отдается на заклятие ради нереальных грядущих поколений» [11. С. 183].

Однако к самому интересному и, на первый взгляд, противоречивому выводу Ранер приходит в конце рассуждения. Он говорит о том, что опасность христианству исходит не от модерна как такового, а именно от его радикализации, «соскальзывании» в утопизм. Само по себе общество модерна скорее наоборот, является благом для христианства: поддерживая религиозное многообразие и светскую культуру, оно дает христианству возможность открытого исповедания и избавляет от соблазна отождествления всего человечества с христианами. Ранер пишет, что нельзя рассчитывать на «совпадение церковного и профанного общества» [11. С. 183], такие надежды в прошлом часто извращали христианский дух, слишком концентрируя внимание Церкви на «земных» задачах. Христианство должно поддерживать религиозный плюрализм и препятствовать идеологической однородности как форме «привязывания» будущего к единому эталону. Ранер выступает против «однородной секулярной идеологии» и подчеркивает, что для исполнения своих целей христианство нуждается в многообразии видения будущего: «Любая “земная” теория будущего, не отменяющая историю как таковую, должна по необходимости быть теорией легитимного, земного и в этом смысле демократического плюрализма» [11. С. 185].

С. Франк: утопия как «частная истина» христианства

В начале статьи Франк дает свое собственное определение утопизма: «Под утопизмом мы разумеем не общую мечту об осуществлении совершенной жизни на земле, свободной от зла и страдания, а более специфический замысел, согласно которому совершенство жизни может – а потому и должно быть как бы автоматически обеспечено неким общественным порядком или организационным устройством; другими словами,

это есть замысел спасения мира устрояющей самочинной волей человека» [13. С. 126–127].

Франк оговаривается, в что в таком смысле утопизм есть «ересь» в самом прямом смысле слова, т.е. «частное» искажение полноты религиозной истины. В основе утопизма, несомненно, лежит, благое пожелание, но связано оно с человеческой гордыней, с попыткой «устроить» человеческое счастье «земными» средствами, через исключительно внешнее «обустройство» человеческой жизни.

Подобный подход отрицает, по мысли Франка, ключевые положения христианской антропологии, а именно представление о том, что зло существует не в социальных институтах, а в самой природе человека. Здесь уместно вспомнить знаменитые слова А.И. Солженицына, сказанные им в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями – она проходит через каждое человеческое сердце...» [14. С. 160]. Это не означает, что все институты всегда одинаково плохи и нет смысла заниматься их благоустройством, но это говорит о том, что улучшение институтов имеет всегда относительно-исторический характер, и чем больше мы упорствуем в проведении в жизнь радикальных изменений, тем больше насилия в отношении реальной жизни мы должны употребить, чтобы добиться своих целей.

Таким образом, реализация утопии содержит внутренних, неустранимый парадокс: масштабность утопического замысла порождает фундаментальную необходимость коренных изменений, которые невозможно провести без насилия. Насилие же, будучи реализованным, порождает такое количество непредвиденных ужасающих последствий, что реализация утопии превращается в свою противоположность. Франк пишет: «Самое разительное и парадоксальное в судьбе утопизма есть то, что не только фактически, вопреки первоначальному замыслу, он всегда приводил не к добру, а к злу, не спасал, а губил жизнь, но и что на этом пути сами спасители человечества и самоотверженные служители благу, каким-то непонятным и неожиданным образом, превращались в бессовестных злодеев и кровавых тиранов» [13. С. 127].

Франк предлагает разделять две задачи, которые в утопическом мышлении смешиваются в одну: ограждение человеческой жизни от зла, сравнительное уменьшение его влияния, и сущностное его искоренение. Первую задачу как раз возможно реализовать путем реформирования институтов. Более того, государство в принципе для того и существует в «земном мире», чтобы путем поддержания действия закона и установления порядка по возможности «сдерживать» зло, создавать преграды для его действия в мире. Однако сущностное искоренение зла как такового невозможно осуществить путем социальных преобразований, какими бы радикальными они не были. Более того, чем более радикален замысел, тем больше насилия, а стало быть, больше непреднамеренных последствий. Франк справедливо замечает, что одно дело не дать злодею реализовать свои преступные и ужасные

замыслы, другое дело – исцелить его, сделать добрым. Первое возможно реализовать путем социального действия и изменения институтов, второе – нет: «Сущностное искоренение зла возможно только в порядке духовного действия изнутри на человеческую волю или на душевный строй личности, т.е. в порядке духовного воспитания, которое мыслимо только в стихии свободы и есть в конечном счете свободное самовоспитание...» [13. С. 128].

При этом Франк настаивает, что в основе секулярного утопизма лежит искаженное христианское стремление к победе над злом. Но инструменты реализации этого стремления, так как они лежат в профанической плоскости, связаны с насилием и принуждением. Франк говорит, стало быть, о том, что утопия – это «искажение христианской идеи спасения мира через замысел осуществить это спасение принудительной силой закона» [13. С. 130]. В этом Франк видит определенное возвращение к ветхозаветному сценарию, правда, и там закон не мыслится как путь к спасению мира, а скорее как инструмент «сдерживания зла»: «...при всем преувеличении религиозного значения закона, как богоустановленной принудительной нормы поведения, ветхозаветное представление никогда не усматривало в законе средства спасения мира в смысле установления в нем абсолютного совершенства» [13. С. 131]. Однако именно потому, что Ветхий Завет является религией Закона, от его сюжета путь к утопии значительно ближе [15]. С ветхозаветным сюжетом Франк связывает и возникновение идеи «принудительной теократии».

В этом месте рассуждения Франка сближаются с позицией Ранера. По сути, Франк, также как и Ранер, выступает защитником общества модерна. В силу удаленности религии от власти она получает больше возможностей для исполнения своего истинного предназначения – «свободного духовного воспитания» человека в духе свободы. В мире модерна для христианства исчезает соблазн теократии, т.е. отождествления и слияния земной политической и духовной власти, которую Франк, по сути, также считает формой утопизма, так как в теократии сила духовного принуждения посредством закона довлеет над идеей свободного само-

воспитания личности [16]. Таким образом, проект модерна противоречивым образом оказывается более благоприятным для исполнения целей христианства, чем в предшествующие эпохи. Единственная опасность для христианства в мире модерна, стало быть, теперь исходит не от «теократизма», а от секулярного утопизма, которому она и должна противостоять.

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить, что Ранер и Франк в своих текстах выступают защитниками общества модерна. Их аргументы показывают, что будущее религии в мире модерна может быть успешным, опровергая тем самым тезис о «конце религии». Христианское послание, обращенное к личности человека, в мире модерна получает свободу и возможность мирного «доступа» к распространению своих идей. Именно в модерне христианство впервые становится «только религией», избавляясь от соблазнов политического господства и смешения «небесных» и «земных» целей. В мире модерна христиане получают возможность политического действия, несводимо к отстаиванию «единого вероучения», но получая возможность действовать в интересах христианства, избегая «партийности» и идеологизации, оставаясь одновременно членами Церкви и гражданами светского государства.

Оба мыслителя предупреждают, что христианство не может предложить миру никакого проекта социального переустройства, так как искоренение зла невозможно осуществить путем социального реформирования. Любая секулярная утопия по определению носит антихристианский характер, так как в основе своей всегда исходит из отрицания догмата о грехопадении. Христианство в плюралистичном политическом пространстве должно отстаивать многообразие, сопротивляясь монополии «секулярных идеологий» и настаивая на важности конкретных и прагматичных политических решений. Сохранение открытости будущего, неопределенности истории и отстаивание человеческой свободы во всем многообразии ее проявлений – ключевая задача христианства в сложном мире модерна.

Список источников

1. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М. : Весь Мир, 2008.
2. Марквард О. Эпоха чуждости миру // Отечественные записки. 2003. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.html> (дата обращения: 29.12.2024).
3. Eisenstadt S. Multiple Modernities // Multiple Modernities / ed. by S. Eisenstadt. L. : Transaction Publications, 2002.
4. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Праксис, 2011. 352 с.
5. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
6. Узланер Д.А. Конец религии? История теории секуляризации. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 240 с.
7. Касаткин Е.В. Гендерный порядок в современном ценностном противостоянии России и стран «коллективного Запада» // Гуманитарий Юга России. 2024. № 5 (13). С. 234–250.
8. Бредихин А.Л., Байкеева С.Е. Концепция «традиционных ценностей» в контексте формирования государственной идеологии // Право и государство. Теория и практика. 2023. № 9 (225). С. 23–25.
9. Руткевич Е.Д. О современном мире, (не) религиозном многообразии и пост-секулярной перспективе // Научный результат. Социология и управление. 2023. № 2. С. 58–76.
10. Мартынянов К.А. Трансцендентальные основания религиозного опыта: Семен Франк и Карл Ранер // Философский журнал. 2023. № 4. С. 144–157.
11. Ранер К. Марксистская утопия и христианское будущее человека // Социально-политическое измерение христианства: Избранные теологические тексты XX в. (Переводы). М. : Наука, 1994. С. 177–185.
12. Шмеман А. Мир как таинство // Шмеман А. Церковь в мире : сб. ст. М. : ГРАНАТ, 2015. С. 39–59.
13. Франк С.Л. Ересь утопизма // Социологические исследования. 1994. № 1. С. 126–134.

14. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования : в 3 т. Екатеринбург, 2008. Т. 1.
15. Гапоненков А.А. Священное Писание в работах С.Л. Франка: путь к экзегетике Откровения // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. № 3. С. 141–158.
16. Дорохина Д.М. По ту сторону правого и левого: реконструкция политического события (С.Л. Франк, Х. Фрайер) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 1 (7). С. 75–83.

References

1. Habermas, J. (2008) *Filosofskiy diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Translated from German Moscow: Ves' Mir.
2. Markvard, O. (2003) *Epokha chuzhdosti miru* [The Age of World Alienation]. *Otechestvennye zapiski*. 6. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epokha-chuzhdosti-miru.html> (Accessed: 29.12.2024).
3. Eisenstadt, S. (2002) Multiple Modernities. In: Eisenstadt, S. (ed.) *Multiple Modernities*. London: Transaction Publications.
4. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Moscow: Praksis.
5. Lübbe, H. (2016) *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem* [In Tune with the Times: A Shortened Stay in the Present]. Moscow: HSE.
6. Uzlaner, D.A. (2019) *Konets religii? Istoriya teorii sekulyarizatsii* [The End of Religion? History of the Theory of Secularization]. Moscow: HSE.
7. Kasatkin, E.V. (2024) Gendernyy poriadok v sovremennom tsennostnom protivostoyanii Rossii i stran "kollektivnogo Zapada" [Gender Order in the Modern Value Confrontation Between Russia and the Countries of the "Collective West"]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 13 (5). pp. 234–250.
8. Bredikhin, A.L. & Baykeeva, S.E. (2023) Kontsepsiya "traditsionnykh tsennostey" v kontekste formirovaniya gosudarstvennoy ideologii [The Concept of "Traditional Values" in the Context of Forming State Ideology]. *Pravo i gosudarstvo. Teoriya i praktika*. 225 (9). pp. 23–25.
9. Rutkevich, E.D. (2023) O sovremennom mire, (ne) religioznom mnogoobrazii i post-sekulyarnoy perspektive [On the Modern World, (Non)Religious Diversity and the Post-Secular Perspective]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 2. pp. 58–76.
10. Martem'yanov, K.A. (2023) Transsental'nye osnovaniya religioznogo opyta: Semen Frank i Karl Raner [Transcendental Foundations of Religious Experience: Semyon Frank and Karl Rahner]. *Filosofskiy zhurnal*. 4. pp. 144–157.
11. Raner, K. (1994) Marksistskaya utopiya i khristianskoe budushchee cheloveka [Marxist Utopia and the Christian Future of Man]. In: *Sotsial'no-politicheskoe izmerenie khristianstva: Izbrannyye teologicheskie teksty XX v. (Perevody)* [Socio-Political Dimension of Christianity: Selected Theological Texts of the 20th Century (Translations)]. Moscow: Nauka. pp. 177–185.
12. Schmeman, A. (2015) *Mir kak tainstvo* [The World as Sacrament]. In: Schmeman, A. *Tserkov' v mire: sb. st.* [The Church in the World: Collection of Articles]. Moscow: GRANAT. pp. 39–59.
13. Frank, S.L. (1994) Eres' utopizma [The Heresy of Utopianism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 126–134.
14. Solzhenitsyn, A.I. (2008) *Arhipelag GULAG. 1918–1956: Opyt khudozhestvennogo issledovaniya* [The Gulag Archipelago. 1918–1956: An Experiment in Literary Investigation]. In 3 vols. Vol. 1. Yekaterinburg.
15. Gaпоненков, А.А. (2022) *Svyashchennoe Pisanie v rabotakh S.L. Franka: put' k ekzegtike Otkroveniia* [Holy Scripture in the Works of S.L. Frank: The Path to the Exegesis of Revelation]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeyskiy dialog*. 3. pp. 141–158.
16. Dorokhina, D.M. (2017) Po tu storonu pravogo i levogo: rekonstruktsiya politicheskogo sobytiia (S.L. Frank, Kh. Frayer) [Beyond Right and Left: Reconstruction of the Political Event (S.L. Frank, H. Freyer)]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiia. Sotsiologiya. Iskuststvovedenie*. 7 (1). pp. 75–83.

Информация об авторе:

Гиринский А.А. – канд. филос. наук, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: agirinskiy@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Girinskiy, Cand. Sci. (Philosophy), junior research fellow, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: agirinskiy@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.01.2025;
одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 23.01.2025;
approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 130.2/ 316.4
doi: 10.17223/15617793/513/9

Политическая агентность историографии: последствия и контекст

Оксана Владимировна Головашина¹

¹ Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, ovgolovashina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются политические аспекты историографии через осмысление агентности историографических моделей и контекста, влияющего на их конструирование. Отмечены следующие политические проявления историографических моделей: 1) исторический нарратив может интерпретироваться политически; 2) любая историографическая модель имеет какую-то цель, миссию, связанную с реализацией интересов определенных групп; 3) историография выполняет функцию легитимации. Политическая агентность историографии также поднимает вопрос о контексте.

Ключевые слова: историография, историографическая модель, политика, политизация, история, канон

Источник финансирования: публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Для цитирования: Головашина О.В. Политическая агентность историографии: последствия и контекст // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 75–81. doi: 10.17223/15617793/513/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/9

The political agency of historiography: Consequences and context

Oksana V. Golovashina¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation
ovgolovashina@mail.ru

Abstract. The article proposes to understand the concept of historiography as a canon, despite the existing criticism of the use of this category in academic texts, and focus on the political aspects of historiography as a method of intellectual action and research optics, through understanding both the agency of historiographic models, which carries political consequences, and the analysis of the political context that influences the construction of historiographic models. This does not mean that historiography is a narrative about politics (the study of political history, etc.), but that it itself acts as a political phenomenon. The following political manifestations of historiographic models are noted: (1) the historical narrative itself, including that designed as a historiographic model, it can be interpreted politically, this also applies to projects of history depoliticization; (2) unlike historical knowledge, historiographic models preserve the linearity of the narrative; a consequence of this processual temporality is that any historiographic model has some goal, mission, connected with realization of interests of certain groups, which allows speaking about it, among other things, as a political project; (3) historiography performs a function of legitimation, as something that explains the past, defines the present and softens the impact of the past on it. Thus, the historiographic model can be interpreted as an authoritarian practice, reflecting interests of a certain community. Political agency of historiography also raises the question about the context of the canon, which functions through historiographic works, that is, it is necessary to consider what political conditions and in what way influence construction of certain historiographic models. The following factors seem to be determining: (1) the existence of a normative structure, within the framework of which different communities, interested in their vision of the past, evaluate themselves, implement their decisions and use ideas about history for their own purposes; (2) the established language of description is important, which is then transmitted through historiographic models, representing a resource associated with the interests of specific groups, and its transmission by other groups contributes to the strengthening of the influence of communities that speak the language; (3) the politicization of historiography is also strengthened by the context of post-normal science, which presupposes a temporary rejection of the search for truth as a traditional scientific ideal in the context of uncertainty of facts, values and the need to present a specific result. It is worth noting that the modern political reality is characterized by the action of several contexts simultaneously.

Keywords: historiography, historiographic models, politics, politicization of history, canon

Financial support: The research is supported by the RF Ministry of Science and Higher Education (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Golovashina, O.V. (2025) The political agency of historiography: Consequences and context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 75–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/9

Под историографией в современных российских работах имеется в виду история идей или история научных сообществ [1], оценка корпоративных, межличностных связей, культурного и философского контекста [2], или линейное описание взглядов различных исследователей на какую-либо проблему/тему в определенный период. Довольно популярны, хотя и не в среде историков, идеи сближения историографии и литературы (Х. Уайт), «истории понятий как историографического труда» (Р. Козеллек), историографии как истории памяти, способствующей тому, чтобы вписать новые события, которые по своему содержанию и итогам являются травмирующими историческое сознание, в уже имеющиеся концепции прошлого (Й. Рюзен).

То есть характерные для XIX в., связанные с классической научной рациональностью представления об историографии как истории исторической науки и метафора лестницы, восхождение по которой позволит молодым исследователям не «изобретать велосипед» и органично включать новые источники в имеющееся знание, уже не актуальны. На их трансформацию повлияли расширение рамок рефлексии над собственной исследовательской деятельностью [3], «принципиальные различия в понимании характера взаимоотношений историка с источником, предмета и способов исторического познания, содержания и природы исторического знания, определения его статуса и формы изложения, а также возможностей последующих интерпретаций исторического текста» [4. С. 119], лингвистический поворот и развитие смежных дисциплин.

Поэтому в предлагаемой статье понятие историографии предлагается осмыслить как канон, несмотря на существующую критику использования именно этой категории в академических текстах [5; 6. С. 7, 11]. В искусстве канон соответствует некоему образцу и определяет способ действия; применительно к историографии под каноним имеется в виду соответствующая исследовательская оптика, т.е. в статье не ставится вопрос о каком-то списке значимых имен/текстов [7] или о том, почему та или иная историографическая модель стала каноничной, но рассматривается, как эта модель действует в качестве канона. Акцент предлагается сделать на политических аспектах историографии как способа интеллектуального действия через осмысление как агентности историографических моделей, несущей политические последствия, так и анализа политического контекста, влияющего на конструирование тех или иных историографических моделей. Дисциплинарные отличия (историография исторических, политологических, юридических, педагогических и других наук) останутся за скобками; это приводит к определенной редукции, однако более важным представляется сосредоточить внимание на общих принципах, характерных для работы всех историографических моделей, проявлениях их агентности и влиянии

контекста на них. По той же причине не будет рассматриваться влияние исследовательского сообщества на содержание историографических работ. Также признается, что «мысль остается захваченной языковой формой, в которой она пытается запечатлеть контуры объектов, находящихся в поле ее восприятия» [8. С. 20], т.е. имеющееся представление об историографии какого-либо периода, дисциплины, оказывается следствием и функцией от доминирующего в сообществе лингвистического режима, однако в статье не ставится цель в очередной раз постулировать зависимость исследовательских высказываний от языка, но предлагается сделать еще один шаг и посмотреть, с чем связан тот или иной лингвистический режим и какие следствия, кроме предустановленного языка описания, он может нести.

На первом шаге историография будет рассмотрена как эпистемология и показаны политические последствия подобной оптики; далее представлен анализ политических последствий историографических моделей, а на заключительном шаге исследовано влияние политического контекста.

Если рассматривать историографию как эпистемологию, то в качестве метафоры вместо лестницы лучше подойдет какой-либо инструмент, позволяющий обратить внимание на то, что при помощи органов чувств остается незамеченным: микроскоп позволяет увидеть, что живое состоит из клеток, марксистская историография везде «видит» приоритет экономического фактора и борьбу классов. Так понятая историография оказывается агентной, т.е. выступает в качестве эпистемологического инструмента, определяющего источники, методы работы с ними и последующее содержание текстов. Постколониальная историография видит прошедшее не так, как гендерная или марксистская, и опирается на другие основания. Выбор того или иного направления делает исследователя в дальнейшем пленником этого выбора и определяет способ его интеллектуального действия, вне зависимости от того, при помощи каких оснований был сделан выбор. В современной ситуации, когда апеллирование к универсалиям или классическим причинно-следственным объяснениям оказывается риторическим ходом, можно согласиться с тем, что «наилучшие основания для предпочтения одного видения истории другому являются эстетические и моральные, нежели эпистемологические» [8. С. 20], однако эстетический или моральный выбор, который делает исследователь, не противоречит тому, что последствия для историографии вообще оказываются эпистемологическими. Речь также может идти об определенной эпистемической добродетели (*epistemic virtue* [9]), в основе которой лежит предположение, что познавательные практики представляют собой один из видов практик вообще и таким образом предполагают моральные основания, которые определяют эти практики; соответственно, эпистемология имманентно связана с системой моральных правил.

Необходимо отметить также, что если согласиться с тем, что наука производит факты как высказывания, соответствующие действительности вне зависимости от контекста или процесса их появления [10], то историография (в отличие от истории, с определенными оговорками), не смогла произвести какого-либо научного факта, ограничиваясь высказываниями, транслирующими интересы каких-либо групп и – зачастую – их стремление к легитимации. Имеется в виду не столько то, что историография представляет собой повествование о политике (исследование политической истории и т.п.), сколько то, что она сама по себе выступает в качестве политического явления. Это не значит, что историография существует только в политизированном варианте и не может быть других оснований для работы с историческим знанием (например, есть объективные события, трактовки которых могут отличаться, но невозможно отрицать факт того, что они произошли). Однако в соответствии с поставленными выше целями, важно акцентировать внимание именно на этом аспекте. Далее будут более подробно рассмотрены политические проявления историографических моделей.

Во-первых, сам по себе исторический нарратив, в том числе оформленный как историографическая модель, может интерпретироваться политически. Даже больше: «политические общества разрабатывают повествования о своих прошлых действиях, институтах и контекстах, в которых эти действия были выполнены» [11. Р. 1–2]; и в этих повествованиях, «постоянно переписываемых, они рассматривают множество способов, которыми их истории должны быть поняты, подвергнуты критике и ограничены» [11. Р. 2]. Современные исторические исследования в отличие от работ, появившихся, когда история как наука только получала распространение, посвящены разным вопросам, и политическая история не является сейчас самой популярной, но развитие таких тем, как социальная, гендерная история, обращение к микроисторическим исследованиям, – это также действие, которое имеет политические последствия, особенно в случае, если оно преднамеренное; т.е. деполитизация истории также является ее политикой. Речь идет не столько о том, что историография представляет собой повествование о политике, сколько о том, что сама по себе историография – это политическое действие. Существует множество нарративов, поскольку политика – это спорная деятельность, в которой действующие лица имеют разные цели, рассказывают разные истории и в некоторой степени живут в нарративах, которые им удастся связать. Если эти нарративы совершенно непримиримы, то нет никакого политического общества; если это присутствует, разнообразие нарративов в некотором роде и в некоторой степени сохраняется.

Во-вторых, даже при отсутствии политической устремленности в будущее сама историография, построенная на процессуальной темпоральности, имманентно это будущее предполагает. То есть любая историографическая модель имеет какую-то цель, миссию, что позволяет говорить о ней и как о политическом проекте. Конечно, модели, предлагаемые О. Контом,

К. Марксом, Г. Гегелем, отличаются по своим мировоззренческим, эпистемическим основаниям, однако они говорят о последовательном развертывании определенных идей и ставят конкретные цели. После критики К. Поппера различных поворотов (например, лингвистического) говорить о такой линейности в истории стало сложно, но она сохраняется в историографии. То, что историографические модели конструируются для конкретных адресатов, не означает акцентуации содержательного аспекта историографии – важным представляется то, что интеллектуалы в рамках историографических моделей сегодня конструируют и распространяют тот язык, на котором будут говорить следующие поколения, следствием которого является та или иная исследовательская оптика; т.е. историографическая модель предполагает распространение языка описания, позволяющего обратить внимание на одни феномены и игнорировать другие. Можно представить историческую работу, анализирующую какое-либо событие, эпизод через сеть контингентных присвоений, но вряд ли возможна такая историографическая модель вообще. Деконструкция возможна и в историографии (например, гендерные исследования деконструируют прежнюю модель), но следствием этой деконструкции будет новая модель, может быть, более прежней нуждающаяся в деконструкции.

В-третьих, историография выполняет функцию легитимации, как то, что объясняет прошлое, определяет настоящее и смягчает воздействие прошлого на него. Стоит также отметить, что какой бы банальной не казалась сейчас идея об онтологическом отличии прошлого, настоящего и будущего, она сама по себе представляет собой конструкт, появившийся в Средние века в среде гуманистов, стремившихся делегитимировать амбиции папства [12]. Получившее автономность прошлое, таким образом, выступало в качестве ресурса для обоснования политических устремлений тех групп, которые имеют к нему доступ. Причем историография как политический инструмент будет действовать только в том случае, если с достоверностью и объективностью построенной модели сообщество в целом согласно, хотя и может дискутировать насчет некоторых деталей. История, как отметил Покак, наследница софистики, а не философии [11. Р. 2], ее цель не была связана с поиском истины, скорее с тем, чтобы убедить адресатов в какой-либо интерпретации – эту цель невозможно реализовать без обязательного использования риторических приемов. «Разница между древней и современной историографией заключалась в том, что последняя была судебной и нуждалась в аппарате проверки, потому что утверждения фактов были в то же время претензиями на авторитет» [11. Р. 4], возможности использования прошлого для легитимации только увеличились, когда «юриспруденция присоединилась к филологии в политизации историографии» [11. Р. 4].

Политичность историографии поднимает вопрос о контексте того канона, который функционирует через историографические работы. Сам канон меняется, реагируя на запросы акторов, транслирующих новые тенденции, но сложившаяся историографическая модель

не может выступать актором его изменений. Соответственно, стоит предположить, какие политические условия и каким образом они влияют на конструирование тех или иных историографических моделей. Речь идет не о политике памяти, под которой исследователи понимают «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик» [13. С. 6], а о влиянии – вне зависимости от активности акторов – политического контекста на конструирование и функционирование историографических моделей. Есть много историй, которые сообщество может рассказать о себе или о другом сообществе, и много способов оценивать эти истории, но этот факт не отменяет существование и агентность нормативной структуры, в рамках которой сообщество оценивает себя и воплощает в жизнь свои решения. Например, распространенные западные историографические модели не предполагают линейной проекции на дальнейшие события («мы должны знать историю, чтобы ее не повторять», «избегать ошибок в будущем» и т.д.), их роль прежде всего в том, чтобы показать, как и почему современный мир оказался в той точке, в которой он оказался здесь и сейчас, «буржуазия не хочет другого будущего (тот факт, что она теперь достигла своего предпочтительного исторического назначения – либеральный, буржуазный, рыночный капитализм), означает, что ей больше не нужна основанная на прошлом, ориентированная на будущее фабрикация» [14. Р. 15–16], т.е. историографическая модель может быть проинтерпретирована в качестве авторитарной практики, которая, вне зависимости от того, к какому из политических направлений относится автор, «отражает «этноцентризм» и «культурную гордыню» современного западного общества [15. Р. 274]. Однако, в отличие от поля историографии XIX в., кроме условной «буржуазии» есть другие игроки, которые могут быть неудовлетворены текущим состоянием и предлагают другую вероятностную картину – например, мир, в котором отсутствуют гендерная дискриминация или интеллектуальное и экономическое доминирование бывших метрополий. Иными словами, историческое действие и процесс происходят в более чем одном контексте одновременно. Зачастую такие модели распространяются под знаменем «деполитизации истории», однако этот тезис сам по себе носит политический характер и влечет за собой политические последствия. Объявив необходимость борьбы с влиянием метрополий, постколониальная историография сама по себе оказывается политическим проектом, то же самое можно сказать о других историографических моделях (см., например, мотивацию выстраивания Покровским советской историографии) [16]. Постмодернистский проект историографии, постулирующий множественность и эпистемологическую равнозначность предлагаемых интерпретаций, эстетическую ценность вместо поиска истины, достоверности и верифицированности предлагаемой модели, предоставляет легитимность в том числе таким позициям, как фашизм, нацизм, расизм и т.д. Принятие этой точки зрения не дает оснований для

оспаривания деструктивных версий исторического нарратива.

Второй аспект влияния политических условий на формирование историографических моделей связан с языком описания, который они затем транслируют. То есть группы (класс, сообщество), стремясь к легитимации, опираясь на прошлое как ресурс, при этом не свободны в выборе языка. Обращаясь к Р. Рорти, Ф. Анкерсмит пишет: «Историография есть в особой степени та дисциплина, где “принуждение языка” имеет тенденцию быть перепутанным с “требованием опыта” и где то, что, казалось бы, является дискуссией о событиях реальности, в действительности является дискуссией о том, какой язык мы используем» [17. С. 159]. Но речь в этом пункте идет не столько о повторении известных в среде философов истории постмодернистских тезисов о «кризисе репрезентации» и «принуждении языком» (Ф. Анкерсмит), эстетизации истории и приоритете в ней различных риторических приемов (Х. Уайт), отождествлении нарратива и истории (А. Манслоу), замене методологии поэтикой (Р. Беркхофер), сколько о том, что язык описания сам по себе представляет ресурс, связанный с интересами конкретных групп, а его трансляция другими группами способствует усилению влияния владеющих языком сообществ. К числу таких языков можно отнести различные модели экономического человека, институционализм или транзитологию, направленные на легитимацию конкретных социально-экономических и политических систем как единственно возможных или более прогрессивных [18–21] и политического дискурса вообще, «который долгое время управлялся “проектом модерности” и его идеей всеобщего прогресса» [22]. Доминирование определенных языков описания опирается на систему авторитетных научных журналов, публикация в которых, как правило, предполагает определенное владение необходимым дискурсом, и исследовательских институтов и соответствующей экономической системы: «Выбор теории для применения в развивающихся странах становится вопросом элементарной силы – кто сильнее, тот и прав. Поскольку экономисты в лучших университетах Африки получают 100 долл. в месяц, а Всемирный банк предлагает им 300 долл. в день за работу консультантами по теории торговли, не стоит удивляться, что так мало экономистов в развивающихся странах идут против правящей теории. Просить гранты на исследования за пределами принятой экономической теории и ее инструментария примерно так же бесполезно, как Мартину Лютеру было бы бесполезно рассчитывать на гранты Ватикана» [23. С. 232]. Поэтому среди ученых наблюдается своеобразный вариант карго-культа – преклонения перед сложившимся исследовательским мейнстримом и подражания «колонизаторам» [24]. Историографическая модель также может выступать в виде нормативного дискурса, инстанции, определяющей место событий, сообществ на линии нормы/патологии. При этом большинство используемых в рамках доминирующих моделей понятий (демократия, капитализм, общество, революция и т.д.) на практике выступают в качестве пустых означающих: исследовательская работа с ними оказывается возможной только при наличии авторской дефиниции, часто

работающей только в пределах конкретной статьи/монографии и неприменимой при анализе других кейсов. Вместо полноценной исследовательской оптики, позволяющей выявлять какие-либо проблемы, феномены, объяснять общественные явления и их закономерности, в чем когда-то и заключалась основная функция общественных наук, язык работает на усиление интеллектуальной (и не только) гегемонии и культурного доминирования носителей этого языка. Таким образом, возникает ситуация, в которой «нормативный дискурс общественных наук неизменно отражает интересы доминирующих социальных сил, заинтересованных в сохранении имеющегося политического и экономического порядка, интерпретируемого как гармоничный (естественный, совершенный, абсолютный, справедливый, прогрессивный и т.п.)» [25. С. 113], поэтому один из способов преодоления влияния интеллектуальных монополий состоит в предоставлении возможностей бывшим колониям [26. С. 23–24], не западным странам вообще [24] говорить от своего имени на своем языке.

Усилению политизации историографии способствует также контекст постнормальной науки [27], которая, в отличие от идеалов нормальной науки Т. Куна, предполагает временный отказ от поисков истины как традиционного научного идеала в условиях неопределенности фактов, ценностей и необходимости представить конкретный результат [27. Р. 744] (например, в ситуации пандемии COVID-19 [28]). В этих случаях привычные маркеры научности перестают иметь решающее значение, оценка исследований зависит не столько от мнения коллег-ученых, сколько от сообщества экспертов и различных слоев общества вообще, так как решения в той или степени также затрагивают их, то есть место научного консенсуса занимает экспертиза заинтересованных в определенном результате группы лиц. Однако подобная постановка проблемы ставит вопрос о том, какие институты, группы, акторы отвечают за подобного рода экспертизу, что само по себе переводит проблему в разряд политических [29. С. 25].

В качестве последствий развития постнормальной науки можно отметить смещение демаркации научного и ненаучного знания и повышение роли активистов, общественных организаций, экономических и политических агентов в оценке результатов научной деятельности. Применительно к историографии контекст постнормальной науки обращает внимание на работу с прошлым как политический ресурс, акцентируя функции историографии в легитимации отдельных политических режимов и солидаризации сообщества. Само существование политической структуры можно называть предпосылкой существования историографии как дисциплины, появление которой вызвано подъемом национального государства.

Это утверждение не отрицает существования других типов исторического исследования, наличие которых не связано с тем, что идея национального государства и соответствующий тип общества сами по себе устарели, но обращает внимание на заинтересованность различных акторов, в том числе политических, в результатах работы историков и, соответственно, на влияние политического контекста на разрабатываемую ими проблематику, что особенно увеличивается в период внешне- и внутривнутриполитических кризисов, когда актуализируется идентификационная проблематика.

В заключение стоит отметить, что возможность интерпретировать свое прошлое выступает частью суверенитета государства как способность управлять, противостоять и продолжать собственную историю. Речь не идет о наличии какой-либо универсальной, верной с позиции государства версии собственного прошлого, но о различных нарративах, существующих внутри страны, между которыми возможен диалог и коммуникация, но не конфликт; при этом принципиальным качеством является способность государства говорить о той версии своего прошлого, которую оно сочтет нужной: «сообщать англичанам, что у них нет истории, которая принадлежит им, а есть только история, которая принадлежит Европе, было бы тем же самым, что и сообщить им, что они не существуют и не могут говорить “мы”, пока конструкция под названием “Европа” не позволяет им это делать» [11. Р. 5]. Поэтому решение Европарламента о приравнивании нацизма, фашизма и советского режима [30] не отменяет продолжения исследований различных аспектов Великой Отечественной войны и соответствующих коммеморативных мероприятий, а также стремления распространить свою версию прошлого через доступные каналы как внутри страны, так и за ее пределами и ограничение конфликтующих с этой версией интерпретаций прошлого.

Таким образом, историография как способ интеллектуального действия несет определенные политические последствия. Они проявляются в историческом нарративе, процессуальная темпоральность которого имманентно предполагает наличие какой-либо цели, миссии и формирования соответствующего языка описания, на котором будут говорить следующие поколения исследователей и политиков. С другой стороны, политический контекст также влияет на формирование и функционирование историографических моделей. Значение имеет контекст постнормальной науки, существование и агентность нормативной структуры, в рамках которой сообщество оценивает себя и воплощает в жизнь свои решения, используемый язык (мейнстрим общественных наук), который работает на усиление интеллектуальной гегемонии и культурного доминирования носителей этого языка.

Список источников

1. Коновалова Н.А., Метель О.В. История идей против истории научных сообществ: две модели построения историографического исследования // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 28–31.
2. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М.: Евразия; Клио, 2014.
3. Степин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Мамчур. М., 1992. С. 7–16.

4. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
5. Baehr P. *Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage*. New Brunswick; London : Transactions Publishers, 2002.
6. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М. : Новое литературное обозрение, 2009.
7. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. М. : Новое литературное обозрение, 2017.
8. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
9. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
10. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London : Sage, 1979.
11. Pocock J.G.A. Historiography as a form of political thought // *History of European Ideas*. 2011. Vol. 37. P. 1–6.
12. Fasolt C. *The Limits of History*. Chicago : University of Chicago Press, 2004.
13. Аникин Д.А. Политика памяти в современном российском обществе: урбанистический аспект // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2011. Т. 11, № 1. С. 3–8.
14. *The Postmodern History Reader* / ed. by Jenkins K. Routledge, 1997.
15. Windschuttle K. A Critique of the Postmodern Turn in Western Historiography // *Turning points in historiography : a cross-cultural perspective* / ed. by Q. Edward Wang and Georg G. Iggers. P. 271–286.
16. Тесля А.А. В спорах о марксистской концепции русской истории : между автономией государства и НЭПом // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 6, № 1. С. 213–232.
17. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
18. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
19. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011.
20. Куинтин Дж. Зомби-экономика. Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.
21. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
22. Reckwitz A. *The Society of the Singularities*. Cambridge; MA : Polity, 2020.
23. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011.
24. Мартынов В.С., Руденко В.Н. Магия белого прогрессора: От глобального каргокульта к новой политической нормальности // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022. № 1 (104). С. 24–49.
25. Мартынов В.С. В поисках другого мейнстрима // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 4. С. 112–131.
26. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.
27. Funtowicz S., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age // *Futures*. 1993. Vol. 25, № 7. P. 735–755.
28. Ravetz J. Science for a Proper Recovery : Post-Normal, not New Normal / *Issues*. 2020. URL: <https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery> (дата обращения: 30.05.2021).
29. Порус В.Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука : между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33.
30. Lewanowicz C. Europe must remember its past to build its future // *European Parliament*. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future> (дата обращения: 21.02.2025).

References

1. Konovalova, N.A. & Metel', O.V. (2011) *Istoriya idey protiv istorii nauchnykh soobshchestv: dve modeli postroeniya istoriograficheskogo issledovaniya* [History of Ideas vs. History of Scientific Communities: Two Models for Building Historiographical Research]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 98 (3). pp. 28–31.
2. Dvornichenko, A.Yu. (2014) *Zerkala i khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva* [Mirrors and Chimeras. On the Emergence of the Old Russian State]. Saint Petersburg; Moscow: Evraziya; Klio.
3. Stepin, V.S. (1992) *Stanovlenie idealov i norm postneklassicheskoy nauki* [The Formation of Ideals and Norms of Post-Nonclassical Science]. In: Mamchur, E.A. (ed.) *Problemy metodologii postneklassicheskoy nauki: sb. st.* [Problems of the Methodology of Post-Nonclassical Science: Collection of Articles]. Moscow. pp. 7–16.
4. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow.
5. Baehr, P. (2002) *Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage*. New Brunswick; London: Transactions Publishers.
6. Savel'eva, I.M. & Poletaeva, A.V. (eds) (2009) *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classic Authors in Social and Human Knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Bloom, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Yekaterinburg: Ural University.
9. Daston, L. & Galison, P. (2018) *Ob'ektivnost'* [Objectivity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Latour, B. & Woolgar, S. (1979) *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage.
11. Pocock, J.G.A. (2011) Historiography as a form of political thought. *History of European Ideas*. 37. pp. 1–6.
12. Fasolt, C. (2004) *The Limits of History*. Chicago: University of Chicago Press.
13. Anikin, D.A. (2011) *Politika pamyati v sovremennom rossiyskom obshchestve: urbanisticheskii aspekt* [Politics of Memory in Modern Russian Society: The Urban Aspect]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 11 (1). pp. 3–8.
14. Jenkins, K. (ed.) (1997) *The Postmodern History Reader*. Routledge.
15. Windschuttle, K. (2002) A Critique of the Postmodern Turn in Western Historiography. In: Wang, Q.E. & Iggers, G.G. (eds) *Turning points in historiography: a cross-cultural perspective*. S.l. pp. 271–286.
16. Teslya, A.A. (2022) *V sporakh o marksistskoy kontseptsii russkoy istorii: mezhdu avtonomiei gosudarstva i NEPom* [In Disputes About the Marxist Conception of Russian History: Between the Autonomy of the State and the NEP]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 6 (1). pp. 213–232.
17. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow: Progress-Traditsiya.
18. McCloskey, D. (2015) *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [The Rhetoric of Economics]. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
19. Shapiro, I. (2011) *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [Flight from Reality in the Human Sciences]. Moscow: HSE.
20. Quiggin, J. (2016) *Zombi-ekonomika. Kak mertvye idei prodolzhayut bluzhdat' sredi nas* [Zombie Economics: How Dead Ideas Still Walk Among Us]. Moscow: HSE.

21. Piketty, T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Press.
22. Reckwitz, A. (2020) *The Society of the Singularities*. Cambridge; MA: Polity.
23. Reinert, E.S. (2011) *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow: HSE.
24. Mart'yanov, V.S. & Rudenko, V.N. (2022) Magiya belogo progressora: Ot global'nogo kargokul'ta k novoy politicheskoy normal'nosti [The Magic of the White Progressor: From Global Cargo Cult to a New Political Normality]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. 104 (1). pp. 24–49.
25. Mart'yanov, V.S. (2021) V poiskakh drugogo meynstrima [In Search of Another Mainstream]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 4. pp. 112–131.
26. Van Dijk, T.A. (2015) *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: URSS: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
27. Funtowicz, S. & Ravetz, J.R. (1993) Science for the Post-Normal Age. *Futures*. 25 (7). pp. 735–755.
28. Ravetz, J. (2020) *Science for a Proper Recovery: Post-Normal, not New Normal*. [Online] Available from: <https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery> (Accessed: 30.05.2021).
29. Porus, V.N. & Bazhanov, V.A. (2021) Postnormal'naya nauka: mezhdru Silloy neopredelennosti i Kharibdoy politizatsii znaniya [Post-Normal Science: Between the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of Politicization of Knowledge]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 5 (4). pp. 15–33.
30. Lewanowicz, C. (2019) *Europe must remember its past to build its future*. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future> (Accessed: 21.02.2025).

Информация об авторе:

Головашина О.В. – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Golovashina, Dr. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2025;
одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 22.02.2025;
approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 614.23:377.5:378:331.54-057.875:316.4

doi: 10.17223/15617793/513/10

Профессиональная идентичность медицинских работников: содержание, теоретические подходы, факторы формирования

Артур Рустемович Заляев¹

¹ Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия, arthyran@mail.ru

Аннотация. Проведен метасинтез актуальных зарубежных публикаций, посвященных профессиональной идентичности медицинских работников. Рассмотрены три вопроса: о содержании профессиональной идентичности медицинских работников, теоретических подходах к ее изучению, а также о факторах ее формирования. Определены основные недостатки и ограничения исследований профессиональной идентичности в современной литературе.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, врачи, медсестры, профессиональная социализация, медицинские профессии

Для цитирования: Заляев А.Р. Профессиональная идентичность медицинских работников: содержание, теоретические подходы, факторы формирования // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 82–87. doi: 10.17223/15617793/513/10

Original article

doi: 10.17223/15617793/513/10

Professional identity of doctors: Content, theoretical approaches, formation

Artur R. Zalyaev¹

¹ Kazan State Medical University, Kazan, Russian Federation, arthyran@mail.ru

Abstract. The article provides a meta-synthesis of current publications devoted to the professional identity of medical workers. The article asks three questions: about the content of the professional identity of healthcare personnel, theoretical approaches to its study, as well as about the formation of professional identity. In answering the first question, five components of professional identity are identified: actions and behavior; knowledge and skills; values and beliefs; context and socialization; group and personal identity. In answering the second question, the most frequently encountered theoretical perspectives are: social, critical; individual and narrative. In answering the third question, three main groups of factors in the formation of professional identity are identified. The first factor highlighted the norms and expectations of future medical workers. As part of the educational process, students are faced with certain normative expectations that describe what they should be like as professionals. Such expectations can be implicit, transmitted through role models and relationships with other people (including outside the profession), or formulated explicitly, in educational materials, during teaching and practice, when becoming familiar with the doctor's code of ethics, etc. It is important to emphasize that such normative expectations relate not so much to knowledge and skills, but to personal qualities, value orientations, social and emotional intelligence, and role models that doctors should follow. For example, future nurses are expected to be caring, and doctors are expected to be free from cultural or social biases and capable of ethical decision-making. The second factor, practical experience, involves involvement in specific practices; the experience of certain experiences (both positive and negative) has a universal impact on the content and degree of professional identity. This category includes experience of interaction with patients, role models, and involvement in professional communications. The third factor, the culture of the profession, is understood as a set of certain ideas, values, traditions, systems of internal and external relations, which are also decisive in the formation of professional identity. In particular, understanding the hierarchy within a professional community and power relations are important for successfully managing professional relationships and careers, but can also create negative effects, such as regular overtime. At the same time, the article points to several shortcomings and limitations of research on professional identity in current literature.

Keywords: professional identity, doctors, nurses, professional socialization, healthcare profession

For citation: Zalyaev, A.R. (2025) Professional identity of doctors: Content, theoretical approaches, formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 82–87. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/10

Введение

Профессиональная идентичность – одна из составляющих любой профессии, связанная с субъективным ощущением собственной принадлежности к профессиональной группе и готовностью принимать и разделять характерные для нее ценности, нормы и социальные роли. Профессиональная идентичность позволяет поддерживать внутреннюю целостность и преемственность профессии, функциональность профессионального института как такового. По мере развития и профессионализации различных видов деятельности вопросы формирования и трансформации профессиональной идентичности принимают все большее значение, становясь одной из задач профессионального образования и фактором, влияющим на качество и социальные эффекты соответствующих институтов.

Система здравоохранения в целом и медицинские организации в частности представляют собой одну из наиболее крупных и важных профессиональных сфер в структуре современных обществ. Для них особенно характерны тенденции профессионализации, выражающиеся, в частности, в более длительном сроке обучения медицинским профессиям. Исследование профессиональной идентичности врачей и других категорий медицинских работников привлекает поэтому большое внимание исследователей. Несмотря на это, в настоящее время такие исследования во многом носят разрозненный характер, проводятся в рамках различных научных дисциплин, отличаются большим концептуальным и теоретическим разнообразием, неравномерно охватывают разные категории медицинского персонала и проблемные области, связанные с профессиональной идентичностью медиков. В последнее время было предпринято несколько важных попыток синтезировать имеющиеся знания в этой области [1, 2], однако из-за особенностей их предмета и методологии они также дают лишь частичную картину.

Целью настоящей статьи является проведение обзора и метасинтез зарубежных эмпирических и теоретических исследований профессиональной идентичности медиков и ответ на следующие главные вопросы: Что входит в содержание профессиональной идентичности медиков? Какие теоретические подходы используются для объяснения профессиональной идентичности медиков? Что влияет на формирование профессиональной идентичности медиков? Рассмотрим каждый из них по отдельности.

Содержание профессиональной идентичности медицинских работников

Понятие профессиональной идентичности используется в научной литературе в разных значениях, что определяет и различные интерпретации его содержания. Отчасти эти сложности вызваны и неоднозначностью родовых понятий профессии, профессионализма и профессиональной деятельности. Например, изначально понятие профессий связывалось исключительно с высокостатусными, элитарными видами об-

щественно значимого труда, требующего специального образования и отличающегося от более простых и распространенных видов занятости [3]. В этом смысле, врач всегда считался профессией, тогда как, например, медсестра – нет. В настоящее время, несмотря на сохраняющуюся неоднозначность, такое жесткое разграничение почти не используется; вместо этого принято говорить о разной степени профессионализации и институционализации видов занятости. В целом профессии и профессиональные группы связываются со следующими главными характеристиками:

- наличие определенной сферы трудовой деятельности, а также соответствующего набора специальных знаний, умений и компетенций, необходимых для ее выполнения;
- постоянный характер вовлеченности в такую деятельность;
- оплачиваемый характер профессиональной деятельности;
- наличие общих для профессии представлений, норм и культуры, определяющих их самовосприятие и публичный образ.

Несложно видеть, что такое понимание профессии уже содержит элементы, которые связаны с определением и поддержанием границ социальной группы и установлением отношений между индивидом и группой, – элементы, имеющие непосредственное отношение к идентичности. Однако понятие идентичности имеет самостоятельное значение и также интерпретируется в разных дисциплинах и подходах по-разному: от сугубо индивидуальных характеристик, относящихся к Я-концепции человека, до характеристик, связанных с групповой принадлежностью или дискурсивным конструированием образа.

Полезный концептуальный анализ профессиональной идентичности медиков провела А. Фицджеральд. Проанализировав 60 различных определений, встречающихся в научных работах, она идентифицировала пять основных атрибутов, которые в совокупности раскрывают содержание профессиональной идентичности в медицинской сфере [4]:

- *действия и поведение*: профессиональная идентичность выражается в непосредственно осуществляемой профессиональной деятельности, вовлеченности в действия и поведение, которое воплощает профессию медицинского работника;
- *знания и навыки*: обладание специальными знаниями и умениями, необходимыми для медицинской работы, понимание структуры профессиональных знаний и способов их использования – определяют степень включенности человека в профессию и его соответствие ее требованиям;
- *ценности, представления и этика*: наиболее распространенный критерий профессиональной идентичности, предполагающий соответствие человека представлениям о том, что из себя представляет медицинская профессия и профессионализм в этой сфере, какими ценностями должны руководствоваться медицинские работники;

– *контекст и социализация*: профессиональная идентичность не является внутренне присущим свойством, а формируется постепенно по мере социализации и с разной степенью успешности;

– *групповая и личная идентичность*: члены профессии рассматривают себя и рассматриваются обществом как представители одной (профессиональной) группы, а сам человек определяет себя в значительной мере именно как медика определенного типа (врача, фельдшера, медсестры, фармацевта и т.п.) и, что еще важнее, – как медика («доктора») в широком смысле.

Хотя в конкретных исследованиях внимание, как правило, обращается лишь на некоторые из названных атрибутов, именно их совокупность целесообразно рассматривать как содержание профессиональной идентичности медиков. С практической точки зрения это означает, что профессиональная идентичность может быть выражена в большей или меньшей степени, а также может быть более или менее полной и сбалансированной с точки зрения ее содержательных атрибутов.

Теоретические подходы к профессиональной идентичности медиков

Поскольку идентичность является проблемой для различных научных дисциплин и традиций, неудивительно, что исследования профессиональной идентичности медиков опираются на разные парадигмы и традиции, а в ряде случаев – и на специально разработанные теоретические модели. В работе М. Корнет, К. Палермо и С. Эш на основе анализа 160 исследований идентичности профессионалов, действующих в сфере здоровья, были выявлено несколько основных теоретических перспектив и парадигм [1].

Социальная перспектива является самой распространенной и включает теории и подходы, разработанные как в социальной психологии (например, теория социальной идентичности), так и в социологии (например, символический интеракционизм или ролевая теория). Несмотря на это многообразие, подход рассматривает профессиональную идентичность как результат взаимодействия индивида со своим социальным окружением, начиная от межличностных взаимодействий на микроуровне и заканчивая взаимодействием с социокультурной средой в целом. В качестве примера можно привести исследование Р. Карсон-Перейры, Ш. Чиллас и Дж. Халлерба, в котором профессиональная идентичность испанских медицинских работников, вовлеченных в административную работу, изучалась с точки зрения взаимодействия и конфликта двух типов социальных ролей (собственно медицинских и управленческих) [5].

Постструктуралистская и критическая перспектива рассматривает профессиональную идентичность как конструируемую в ходе антагонистических отношений по поводу власти, разворачивающихся преимущественно в дискурсивной сфере. С социологической точки зрения эта перспектива также является социальной, однако опирается на макроуровневые, структур-

ные характеристики общества, которые рассматривают отношения власти как основополагающие. Например, К. Реал, Р. Брамсон и М.С. Пул на основе серии глубинных интервью с американскими терапевтами обосновали, что их профессиональная идентичность конструируется дискурсивно и зависит от социально-организационного и институционального контекста [6]. В частности, терапевты частной практики конструируют свою идентичность в отношениях с экономическим, правовым и социальным окружением медицинской сферы, тогда как для терапевтов, работающих в медицинских организациях, влияние окружения смягчается и нивелируется организационным контекстом.

Индивидуалистическая перспектива является довольно популярной в психологии, но в изучении профессиональной идентичности используется редко. Профессиональная идентичность рассматривается как часть Я-концепции человека, определяемая его личностными чертами и представлениями, персональным выбором в тех или иных жизненных ситуациях. В ряде работ, в частности М. Фагермоен, профессиональная идентичность медиков считается проявлением самоактуализации, выражением моральных качеств и ценностей индивида, связанных с признанием ценности врачебного дела, и источником позитивной самооценки и чувства осмысленности жизни [7].

Нарративный подход исследует профессиональную идентичность через нарративы – связанные описания, рассказы и диалоги, в которых участвует представитель медицинской профессии. В этом подходе основное внимание уделяется именно тому, как отдельные аспекты профессиональной идентичности проявляются в вербальных описаниях и способах ведения разговора. При этом нарратив не обязательно может касаться непосредственно врача; последний может проявлять свою идентичность и в ходе обычных профессиональных взаимодействий. Например, в исследовании С. Барон и М. Лаззаро-Салазар использовался метод дискурс-анализа, чтобы выявить проявления профессиональной идентичности врача в ходе его взаимодействия с пациентом [8]. В частности, используя определенные дискурсивные приемы и стратегии, врач демонстрирует свою роль институционального авторитета, ответственного за диагностику и оценку достаточности информации, полученной от пациента.

В исследованиях профессиональной идентичности медиков иногда используются и другие теоретические подходы помимо названных выше, нередко разработанные специально для изучения профессионалов медицинской сферы. Например, А. Харрис и М. Жульмин, используя этнографический метод для изучения врачей – международных мигрантов, обосновали своего рода экологический подход к профессиональной идентичности, при котором последняя рассматривается как результат включенности человека в конкретную физическую среду, место, обстановку [9]. Именно через освоение новых мест, в которых оказались врачи-мигранты, способов действия в новой среде формируется их чувство профессиональной идентич-

ности. Другим примером является исследование профессиональной идентичности клинических социальных работников, проведенное М. Карпентер и Ш. Платт [10]. В нем авторы сосредоточились на ценностном аспекте идентичности и показали, что степень согласованности или, наоборот, конфликта между личными и профессиональными ценностями в значительной степени зависит от типа рабочего контекста, в котором осуществляется профессиональная деятельность, и модели организации социальной работы.

Суммируя, можно утверждать, что современные исследования профессиональной идентичности медиков опираются на широкое разнообразие теоретико-методологических принципов и подходов, что затрудняет формирование целостной теории, но представляет значительные исследовательские возможности.

Факторы формирования и поддержания профессиональной идентичности врачей

Учитывая важность профессиональной идентичности как для эффективности работы медицинских работников и организаций, так и для воспроизводства всего института здравоохранения, главный научный и практический вопрос заключается в определении тех факторов и условий, которые способствуют ее формированию и поддержанию на различных стадиях карьеры. Формирование профессиональной идентичности является частью процесса профессиональной социализации, в ходе которой новичок превращается в профессионала, не просто получая определенный набор знаний и умений, но и принимая профессиональную культуру, осваивая ее нормы, ценности и роли, становясь частью профессиональной группы [11, 12]. Поскольку освоение профессии в большинстве случаев связано с получением профессионального образования (в том числе дополнительного), неудивительно, что исследования формирования профессиональной идентичности сосредоточены преимущественно на факторах и условиях медицинского образования. Примечательно, что в последнее время растет значимость именно этой роли профессионального медицинского образования: формирование идентичности начинает рассматриваться как цель обучения в университетах и колледжах, не менее, а возможно, и более важная, чем освоение профессиональных знаний и навыков [13, 14].

Не вызывает сомнения, что формирование профессиональной идентичности – сложный и многофакторный процесс, на который влияют личностные, социальные, экономические, институциональные, культурные, физические обстоятельства и действующие силы. Тем не менее научно обоснованные рекомендации должны опираться на понимание того, какие факторы и условия являются относительно более важными и оказывающими универсальное воздействие на идентичность. В обзорной статье Р. Вольп и др. на основании анализа 92 эмпирических исследований были определены три группы условий, которые связаны с формированием профессиональной идентичности в медицинских профессиях [2]:

Нормы и ожидания. В рамках образовательного процесса обучающиеся сталкиваются с определенными нормативными ожиданиями, которые описывают, какими

они должны быть в качестве профессионалов. Такие ожидания могут быть неявными, передающимися через ролевые модели и отношения с другими людьми (в том числе вне профессии), либо же формулироваться явным образом в учебных материалах, в ходе преподавания и практики, при знакомстве с этическим кодексом врача и т.п. Важно подчеркнуть, что такие нормативные ожидания относятся не столько к знаниям и умениям, сколько к личным качествам, ценностным ориентациям, социальным и эмоциональным интеллекту, ролевым моделям, которым должны следовать медики. Например, от будущих медсестер ожидают заботливости, а от врачей – отсутствия культурных или социальных предвзятостей и способности к этическому принятию решений.

Практический опыт. Вовлечение в конкретные практики, переживание определенного опыта, как позитивного, так и негативного, оказывает универсальное воздействие на содержание и степень профессиональной идентичности. К этой категории относится, прежде всего, опыт взаимодействия с пациентами, носителями ролевых моделей, включенность в профессиональные коммуникации.

Культура профессии. Профессиональная культура, т.е. набор определенных представлений, ценностей, традиций, систем внутренних и внешних отношений, также является определяющей в формировании профессиональной идентичности. В частности, понимание иерархии внутри профессионального сообщества и властных отношений немаловажно для успешного управления профессиональными отношениями и карьерой, но также может создавать негативные эффекты, например, регулярные переработки.

Несмотря на важность трех названных групп факторов, которые подтверждены в ходе эмпирических исследований, в настоящее время эта картина является, по-видимому, не вполне полной и точной. Во-первых, некоторые темы или группы факторов могут быть недостаточно представленными в самих эмпирических исследованиях. Так, авторы указанного обзора отмечают значительный дефицит исследований, посвященных роли социально-структурных факторов (социально-экономического статуса, гендерных и расовых неравенств и т.п.) в формировании профессиональной идентичности в медицинской сфере [2. Р. 126]. Во-вторых, фокус на формировании идентичности в ходе получения образования, хотя и оправдан, но выводит за скобки процессы формирования, трансформации и поддержания идентичности в ходе профессиональной карьеры. В то же время известно, что существуют факторы профессиональной деятельности, которые угрожают профессиональной идентичности медиков, такие как выгорание, претензии со стороны пациентов, прекариатизация труда, миграция или вовлечение в практики межпрофессионального взаимодействия (см., напр.: [15–17]). В-третьих, существующие исследования являются несбалансированными с точки зрения представленности различных социально-экономических и культурных контекстов, что вызывает запрос на межкультурные исследования профессиональной идентичности [18]. Тем самым вопрос о целостной картине системы факторов, влияющих на формирование и

поддержание профессиональной идентичности медиков, в значительной мере остается открытым.

Заключение

В последние два десятилетия внимание к вопросам профессиональной идентичности медицинских работников значительно возросло, отражая признание важности внутренних установок, ценностей и норм медиков в отношении своей профессии. Несмотря на быстрый рост исследований, они во многом остаются разрозненными, не имеют общей концептуальной основы, опираются на чрезвычайно широкий спектр теоретических перспектив и подходов, и лишь частично охватывают факторы и условия, способствующие формированию профессиональной идентичности на разных стадиях социализации медицинских работников. Использование интегративных моделей профессиональной идентичности, обобщающих наиболее существенные ее черты, а также использование синтетических методологий и обоснованных теорий при проведении масштабных исследований является наиболее перспективным для получения систематических и надежных знаний о факторах профессиональной идентичности различных категорий медицинских работников.

Выявленные теоретические подходы, – от социальной и критической перспектив до нарративного и экологического подходов, демонстрируют междисциплинарный характер исследований профессиональной идентичности медицинских работников. Разнообразие методологических основ затрудняет формирование единой концепции, но создает широкие возможности для междисциплинарного синтеза. Факторы, влияющие на формирование профессиональной идентичности, включают образовательные и профессиональные ожидания, практический опыт и культуру профессионального сообщества. Однако, следует отметить недостаток исследований, посвященных влиянию социально-структурных и культурных контекстов, а также факторов, воздействующих на идентичность в течение профессиональной карьеры. Дальнейшие исследования профессиональной идентичности должны учитывать междисциплинарный и межкультурный характер этой проблемы. Важно интегрировать методы социологии, психологии, культурологии и этнографии для более глубокого понимания факторов, влияющих на идентичность медицинских работников в различных контекстах. Например, анализ влияния глобальных трендов, таких как цифровизация и телемедицина, на

формирование профессиональной идентичности может предложить новые пути её адаптации к условиям цифровой эпохи. Вместе с тем важно отметить, что формирование профессиональной идентичности медицинских работников сталкивается с рядом сложностей, связанных с динамическими изменениями в социальной, экономической и технологической среде. Угрозы профессиональной идентичности (такие как: профессиональное выгорание, конфликты между личными и профессиональными ценностями, кадровый дисбаланс) требуют системного подхода к их преодолению. В данном аспекте целесообразно акцентировать внимание на разработке образовательных и организационных стратегий, направленных на укрепление профессиональной идентичности (например, внедрение в учебные программы элементов, способствующих развитию эмоционального интеллекта, социальной ответственности и этической рефлексии, может повысить устойчивость молодых специалистов к вызовам профессиональной деятельности).

Таким образом, исследование профессиональной идентичности медицинских работников, несмотря на значительные достижения, остается открытым для дальнейших изучений. Это касается как расширения эмпирической базы за счет учета межкультурных различий и социально-экономических факторов, так и разработки интегративных теоретических моделей, способных объединить различные аспекты идентичности. В условиях современных вызовов, включая глобализацию, миграцию и технологические изменения в медицинской практике, изучение профессиональной идентичности приобретает особую актуальность, открывая новые возможности для совершенствования системы медицинского образования, управления профессиональной средой и повышения устойчивости медицинских работников к внешним и внутренним стрессорам. В этом контексте необходимо подчеркнуть, что профессиональная идентичность медицинских работников представляет собой не только инструмент их адаптации к профессиональной среде, но и важный ресурс для развития здравоохранения как системы. Сбалансированная и устойчивая профессиональная идентичность способствует повышению уровня профессионализма, укрепляет социальное доверие к медицинским учреждениям и самим специалистам, а также поддерживает личную удовлетворенность медиков своей деятельностью. Она является ключевым фактором, определяющим успешность профессиональной социализации и долгосрочной карьеры в медицине.

Список источников

1. Cornett M., Palermo C., Ash S. Professional identity research in the health professions – a scoping review // *Advances in Health Sciences Education*. 2023. Vol. 28. P. 589–642.
2. Volpe R.L., Hopkins M., Haidet P. et al. Is research on professional identity formation biased? Early insights from a scoping review and metasynthesis // *Medical Education*. 2019. Vol. 53. P. 119–132.
3. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий: становление дисциплины и перспективы // *Профессиональные группы: динамика и трансформация* / под ред. В.А. Мансурова. М.: ИС РАН, 2009. С. 16–36.
4. Fitzgerald A. Professional identity: a concept analysis // *Nursing Forum*. 2020. Vol. 55, № 3. P. 447–472.
5. Carson-Pereira R., Chillias S., Hallier J. Role-meanings as a critical factor in understanding doctor manager's identity work and different role identities // *Social science and Medicine*. 2016. Vol. 170. P. 18–25.
6. Real K., Bramson R., Poole M.S. The symbolic and material nature of physician identity: Implications for physician–patient communication // *Health communication* 2009. Vol. 24, № 7. P. 575–587.
7. Fagermoen M.S. Professional identity: values embedded in meaningful nursing practice // *Journal of Advanced Nursing*. 1997. Vol. 25, № 3. P. 434–441.

8. Barone S.M., Lazzaro-Salazar M. 'Forty bucks is forty bucks': an analysis of a medical Doctor's professional identity // *Language & Communication*. 2015. Vol. 43. P. 27–34.
9. Harris A., Guillemin M. Notes on the medical underground: migrant doctors at the margins // *Health Sociology Review*. 2015. Vol. 24, № 2. P. 163–174.
10. Carpenter M.C., Platt S. Professional identity for clinical social workers: impact of changes in health care delivery systems // *Clinical Social Work Journal*. 1997. Vol. 25. P. 337–350.
11. Miller S.E. A conceptual framework for the professional socialization of social workers // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2010. Vol. 20. P. 924–938.
12. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 2019. Vol. 12, № 17. P. 1–14.
13. Jarvis-Selinger S., Pratt D.D., Regehr G. Competency is not enough: Integrating identity formation into the medical education discourse // *Academic Medicine*. 2012. Vol. 87. P. 1185–1190.
14. Cruess R.L., Cruess S.R., Boudreau J.D. et al. Reframing medical education to support professional identity formation // *Academic Medicine*. 2014. Vol. 89. P. 1446–1451.
15. McNeil A., Mitchell R.J., Parker V. Interprofessional practice and professional identity threat // *Health Sociology Review*. 2013. Vol. 22, № 3. P. 291–307.
16. Allsop J., Mulcahy L. Maintaining professional identity: doctors' responses to complaints // *Sociology of Health & Illness*. 1998. Vol. 20, № 6. P. 802–824.
17. Ferguson J., Tazzyman A., Walshe K. et al. 'You're just a locum': professional identity and temporary workers in the medical profession // *Sociology of Health and Illness*. 2021. Vol. 43, № 1. P. 149–166.
18. Helmich E., Yeh H.-M., Kalet A., Al-Eraki M. Becoming a doctor in different cultures: towards a cross-cultural approach to supporting professional identity formation in medicine // *Academic Medicine*. 2017. Vol. 92. P. 58–62.

References

1. Cornett, M., Palermo, C. & Ash, S. (2023) Professional identity research in the health professions – a scoping review. *Advances in Health Sciences Education*. 28. pp. 589–642.
2. Volpe, R.L., Hopkins, M., Haidet, P. et al. (2019) Is research on professional identity formation biased? Early insights from a scoping review and metasynthesis. *Medical Education*. 53. pp. 119–132.
3. Mansurov, V.A. & Yurchenko, O.V. (2009) Sotsiologiya professiy: stanovlenie distsipliny i perspektivy [Sociology of Professions: Formation of the Discipline and Prospects]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Professional'nye gruppy: dinamika i transformatsiya* [Professional Groups: Dynamics and Transformation]. Moscow: IS RAS. pp. 16–36.
4. Fitzgerald, A. (2020) Professional identity: a concept analysis. *Nursing Forum*. 55 (3). pp. 447–472.
5. Carson-Pereira, R., Chillias, S. & Hallier, J. (2016) Role-meanings as a critical factor in understanding doctor manager's identity work and different role identities. *Social Science and Medicine*. 170. pp. 18–25.
6. Real, K., Bramson, R. & Poole, M.S. (2009) The symbolic and material nature of physician identity: Implications for physician–patient communication. *Health Communication*. 24 (7). pp. 575–587.
7. Fagermoen, M.S. (1997) Professional identity: values embedded in meaningful nursing practice. *Journal of Advanced Nursing*. 25 (3). pp. 434–441.
8. Barone, S.M. & Lazzaro-Salazar, M. (2015) 'Forty bucks is forty bucks: an analysis of a medical Doctor's professional identity. *Language & Communication*. 43. pp. 27–34.
9. Harris, A. & Guillemin, M. (2015) Notes on the medical underground: migrant doctors at the margins. *Health Sociology Review*. 24 (2). pp. 163–174.
10. Carpenter, M.C. & Platt, S. (1997) Professional identity for clinical social workers: impact of changes in health care delivery systems. *Clinical Social Work Journal*. 25. pp. 337–350.
11. Miller, S.E. (2010) A conceptual framework for the professional socialization of social workers. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 20. pp. 924–938.
12. Shahr, H.S.A., Yazdani, S. & Afshar, L. (2019) Professional socialization: an analytical definition. *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 12 (17). pp. 1–14.
13. Jarvis-Selinger, S., Pratt, D.D. & Regehr, G. (2012) Competency is not enough: Integrating identity formation into the medical education discourse. *Academic Medicine*. 87. pp. 1185–1190.
14. Cruess, R.L., Cruess, S.R., Boudreau, J.D. et al. (2014) Reframing medical education to support professional identity formation. *Academic Medicine*. 89. pp. 1446–1451.
15. McNeil, A., Mitchell, R.J. & Parker, V. (2013) Interprofessional practice and professional identity threat. *Health Sociology Review*. 22 (3). pp. 291–307.
16. Allsop, J. & Mulcahy, L. (1998) Maintaining professional identity: doctors' responses to complaints. *Sociology of Health & Illness*. 20 (6). pp. 802–824.
17. Ferguson, J., Tazzyman, A., Walshe, K. et al. (2021) 'You're just a locum: professional identity and temporary workers in the medical profession. *Sociology of Health and Illness*. 43 (1). pp. 149–166.
18. Helmich, E., Yeh, H.-M., Kalet, A. & Al-Eraki, M. (2017) Becoming a doctor in different cultures: towards a cross-cultural approach to supporting professional identity formation in medicine. *Academic Medicine*. 92. pp. 58–62.

Информация об авторе:

Заляев А.Р. – канд. социол. наук, доцент кафедры истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета (Казань, Россия). E-mail: arthyran@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.R. Zalyaev, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Kazan State Medical University (Kazan, Russian Federation). E-mail: arthyran@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.09.2023;
одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 29.09.2023;
approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 327,3; 327,8
doi: 10.17223/15617793/513/11

Экологическое лидерство в международных отношениях: генезис и развитие концепции

Вячеслав Сергеевич Можанов¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, slmozhanov@mail.ru

Аннотация. Проводится обзор существующей научной литературы по теме экологического лидерства. Исследуются основные составляющие феномена экологического лидерства в мировой политике, рассматривается зарождение и развитие данной концепции. Приводятся различные точки зрения на определение понятия «экологическое лидерство».

Ключевые слова: экологическое лидерство, ЕС, США, экологическое управление, теория международных режимов

Для цитирования: Можанов В.С. Экологическое лидерство в международных отношениях: генезис и развитие концепции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 88–97. doi: 10.17223/15617793/513/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/11

Environmental leadership in international relations: The genesis and development of the concept

Vyacheslav S. Mozhanov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, slmozhanov@mail.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of environmental leadership in world politics. Environmental issues are one of the most important and popular topics on the modern agenda, even despite the ongoing conflict on the territory of Ukraine and its consequences. States participate in international conferences on environmental protection and commit themselves to reducing harmful emissions into the atmosphere, thereby limiting their industrial capabilities, as well as form their national environmental policy based on common agreements. At the same time, it is obvious that countries make various contributions to such a significant process of forming norms and principles for environmental protection. The environmental leader is precisely the party that plays a key role in this process. At the moment, there is little scientific literature devoted to the phenomenon of environmental leadership. However, the concept of global leadership in general and in the context of the environmental sphere in particular has evolved markedly over the past decades, so the aim of this work is to analyze its genesis and development. To achieve this aim, a systematic search and analysis of domestic and foreign scientific literature was carried out. At the moment, it can be concluded that there is neither a clear definition of environmental leadership, nor any well-established criteria for its description. The concept remains poorly understood, with a sufficient number of gaps and unresolved issues. However, despite the variety of interpretations proposed by various researchers, several stable constructions can be distinguished. First, international leadership involves a social relationship between a leader and his followers, where one subject influences the behavior of others. Secondly, it is based on a platform of shared values, interests and goals. Finally, a critically important aspect is the recognition of leadership by other actors in world politics. Many researchers also agree that only powerful states with significant economic and political influence can play a key role in promoting international environmental initiatives on a long-term basis.

Keywords: environmental leadership, EU, USA, environmental governance, international regime theory

For citation: Mozhanov, V.S. (2025) Environmental leadership in international relations: The genesis and development of the concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 88–97. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/11

В современном мире глобальные вызовы, такие как экологические кризисы, экономические потрясения и угрозы международной безопасности, становятся все более сложными и взаимосвязанными. Эти проблемы требуют коллективных усилий и стратегий, поскольку ни одно государство не способно справиться с ними в одиночку. В этой связи международное сотрудничество перестает быть просто желательным и становится необходимым условием для выживания и устойчивого развития человечества.

Современные государства активно работают над созданием систем управления, основанных на четких правилах, чтобы регулировать взаимодействие в ключевых сферах, таких как международная торговля, безопасность, защита прав человека и экология. Однако, несмотря на очевидную потребность в глобальных решениях, достижение эффективных соглашений в таких областях, как борьба с изменением климата и обеспечение устойчивого развития, остается крайне медленным и сложным процессом.

Одним из возможных путей преодоления этой проблемы является наличие лидера – актора мировой политики, способного объединить усилия стран и международных организаций для противостояния глобальным вызовам. Понятие «лидерство» уже давно занимает важное место в теории международных отношений, однако его применение в контексте экологических проблем требует дополнительного анализа.

Бурный рост промышленности и численности населения в XX в. привел к обострению глобальных экологических проблем. Такие вопросы, как загрязнение атмосферы и гидросферы, потеря биологического разнообразия, истощение природных ресурсов, получили мировую огласку, а перед мировым сообществом встал вопрос о том, каким способом их можно решить. Одной из концепций, которая разрабатывалась исследователями в данной сфере, стало глобальное экологическое лидерство. На сегодняшний день существует значительный объем научной литературы, посвященный как феномену глобального лидерства в целом, так и его экологической составляющей в частности. Однако это вызывает закономерный вопрос о том, что обусловило необходимость введения данного концепта в традиционный теоретический аппарат науки о международных отношениях.

Поэтому целью данной работы является анализ генезиса и развития данной концепции. Несмотря на все тренды современных международных отношений, которые возникли или были форсированы после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г. и к которым можно отнести возврат инструментов «жесткой» силы, ускорившуюся деглобализацию, снижение интереса к вопросам охраны окружающей среды и в целом крайне напряженное состояние на всей мировой арене, от вопроса борьбы с глобальными экологическими проблемами не уйти. Международная консолидация в данном процессе необходима. Экологическое лидерство, хотя и является новой и недостаточно исследованной концепцией, но при этом обладает потенциалом для развития нашего понимания о построении и эффективности международных экологических режимов.

Для достижения поставленной цели был проведен систематический поиск и анализ отечественной и зарубежной научной литературы, который осуществлялся на следующих ресурсах:

1. Литература на русском языке: электронная библиотека РГБ, научная электронная библиотека eLIBRARY.RU, поисковая система по научным публикациям Академии Google.

2. Литература на английском языке: электронная библиотека JSTOR, поисковая система по научным публикациям Google Scholar, электронная библиотека Cambridge Core, электронная библиотека Oxford Academic, онлайн-платформа SpringerLink.

Настоящий систематический обзор литературы посвящен анализу исследований, затрагивающих тему экологического лидерства, с акцентом на его роль в политических науках и международных отношениях. В ходе исследования выявлено, что в русскоязычной научной литературе данная тема представлена недостаточно широко.

Поиск в Российской государственной библиотеке (РГБ) по запросу «экологическое лидерство» выявил 84 227 результатов, однако подавляющее большинство из них относится к областям экономики и педагогики. Точное словосочетание «экологическое лидерство» встречается лишь в 117 работах, из которых только одна относится к сфере политологии. Аналогичная ситуация наблюдается в электронных базах данных: на платформе eLIBRARY.RU обнаружено 54 публикации, а в Google Академии – 77, при этом значительная часть этих работ не связана с проблематикой, рассматриваемой в данном исследовании.

В отличие от литературы на русском языке, в зарубежных исследованиях понятие «экологическое лидерство» (environmental leadership) получило более широкое распространение. Так, в Google Scholar найдено 23 400 результатов, содержащих точное словосочетание «environmental leadership». На платформе JSTOR выявлено 12 920 работ, посвященных данной теме в контексте международных отношений. Кроме того, на сайте Cambridge Core обнаружено 4 447 публикаций, на Oxford Academic – 3 769, а на Springer – 15 941 работа, что свидетельствует о значительном интересе зарубежных исследователей к данной проблематике.

Учитывая ограниченное количество русскоязычных исследований и преобладание англоязычной литературы, для проведения систематического анализа были использованы следующие ключевые слова для расширенного поиска: «экологическое лидерство» (environmental leadership), «климатическое лидерство» (climate leadership), «глобальное экологическое управление» (global environmental governance), «международные режимы» (international regimes), «политическая экология» (political ecology), «экологическая дипломатия» (environmental diplomacy). Такой подход позволил отобрать наиболее близкие к рассматриваемой проблематике работы, охватывающие различные аспекты экологического лидерства в контексте политических наук и международных отношений.

В результате первоначального отбора в базу исследований включены 22 работы на русском языке и 75 работ на английском языке, соответствующие следующим критериям: принадлежность к сфере политических наук и международных отношений, рассмотрение экологического лидерства с глобальной перспективой (а не в рамках двусторонних отношений или внутренней политики отдельных государств), а также исключение работ, посвященных региональному лидерству. В частности, из электронной библиотеки РГБ отобраны 2 диссертации, из Google Академии – 2 монографии и 7 статей, из eLIBRARY.RU – 11 статей. С платформы JSTOR включены 22 статьи и 1 книга, из Google Scholar – 21 публикация, из Cambridge Core – 8 статей, Oxford Academic – 1 книга и 9 статей и из сайта Springer – 3 книги и 10 статей.

На данный момент нет ни четкого определения экологического лидерства, ни каких-либо устоявшихся критериев для его описания. В некоторых работах под экологическим лидером авторы понимают государство или группу государств, которые поддерживают внутри своей территории высокие экологические стандарты,

стремятся максимально снизить вредоносные выбросы в атмосферу, используют вторичные сырьевые ресурсы и отходы производства и принимают участие в работе многочисленных природоохранных организаций. К примеру, Шреурс, 2016 г. [1]; МакКитрик, Алиакбари, Стедман, 2022 [2]. Некоторые авторы фокусируются на анализе роли государств во время переговорного процесса на международных конференциях по охране окружающей среды. Среди различных исследований можно выделить работы профессора юридического колледжа Сандры Дэй О'Коннор, Даниэля Боданских [3]; доктора философских наук и делегата ЕС на переговорах ООН по изменению климата Радослава Димитрова [4]; научного сотрудника Центра управления окружающей средой, энергетикой и природными ресурсами (CEENRG) Кембриджского университета, Джоанны Деппедж [5].

На наш взгляд, прежде чем приступить к анализу концепции экологического лидерства, необходимо обратиться к теории международных режимов, которая и станет теоретической основой для данного исследования. Исторически международные режимы стали неотъемлемой частью социально-политического ландшафта глобального уровня, обеспечивая основу для координации действий государств и других участников международных отношений. Их роль особенно важна в контексте решения транснациональных проблем, таких как экологические вызовы, где требуется коллективное действие и согласование интересов множества акторов. Таким образом, обращение к теории международных режимов позволяет не только глубже понять механизмы глобального управления, но и выстроить аналитическую основу для исследования экологического лидерства.

Возникшая в 1970-х гг. теория международных режимов превратилась в крупное движение среди аналитиков, занимающихся международными отношениями. Международные режимы – это социальные институты, созданные в ответ на потребность в управлении, связанном с конкретными проблемами, возникающими в социальной среде, которая является анархической в том смысле, что в ней отсутствует централизованная государственная власть или правительство в обычном значении этого термина. Соглашения такого рода уже давно являются частью социально-политического ландшафта на международном уровне [6. Р. 3].

Стивен Д. Краснер определял международные режимы как наборы неявных или явных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых сходятся ожидания акторов в данной области международных отношений. Принципы – это убеждения в фактах, причинно-следственных связях и порядочности. Нормы – это стандарты поведения, определяемые в терминах прав и обязанностей. Правила – это конкретные предписания или запреты на действия. Процедуры принятия решений – это преобладающие практики для принятия и реализации коллективного выбора [7. Р. 186].

Как отмечал Д. Воглер: «для первоначальных сторонников целью анализа режимов было выйти за

рамки формальной организации и понять те основополагающие общие правила, которые делают возможным международное сотрудничество» [8. Р. 27]. Таким образом, данная теория больше сконцентрирована на анализе неформальных правил, а не на своде законов.

Одной из ключевых проблем, которая рассматривается в рамках теории международных режимов, является анархический характер международных отношений. Анализируя, как возникают те или иные международные режимы, что препятствует их возникновению, а также их эффективность, неудивительно, что в теорию международных режимов была включена концепция лидерства. В конце 1980-х и начале 1990-х гг. три новаторские работы о роли лидерства в международных переговорах и формировании режима были опубликованы Ораном Янгом, Ариэлем Андердалом и Райно Мальнесом. Хотя они не ограничивали свое внимание областями экологических проблем, анализируя способы, с помощью которых лидеры формируют все виды процессов институциональных переговоров, эти три работы можно охарактеризовать как классические и в рамках исследований по международному экологическому лидерству.

В своей работе «Политическое лидерство и формирование режима: о развитии институтов в международном обществе» О. Янг утверждает, что лидерство является важнейшим фактором успеха или неудачи в процессах институциональных переговоров [9. Р. 281].

О. Янг выделяет три вида лидерства, которые применяются при ведении международных переговоров: структурное, предпринимательское и интеллектуальное. Структурное лидерство основано на материальной власти и способности использовать угрозы и стимулы в качестве рычагов воздействия на международные переговоры. Предпринимательский лидер обладает хорошими навыками ведения переговоров и способен содействовать заключению взаимоприемлемых сделок на международном уровне. Интеллектуальное лидерство основано на силе идей, которые формируют взгляды участников институциональных переговоров [9. Р. 288].

Согласно Ариэлю Андердалу, лидерство – это «асимметричные отношения влияния, при которых один субъект направляет поведение других к определенной цели в течение определенного периода времени». Это определение включает в себя множество качеств, которым должен соответствовать будущий лидер. Во-первых, лидерство – это социальные отношения между лидером и последователями. Таким образом, без последователей нет лидеров. Отношения предполагают влияние и своего рода власть, но не обязательно жесткую, поскольку лидерство – это не принуждение. Во-вторых, ожидается, что лидеры будут оказывать положительное влияние, «связанное с коллективным стремлением к некоторому общему благу или совместной цели». Таким образом, Андердал ожидает, что государства будут разделять некую платформу общих ценностей, интересов и убеждений. Наконец, одна хорошая идея, представленная на международных переговорах, не делает участника лиде-

ром; лидерство – это «довольно последовательная модель взаимодействия, расширяющая в течение определенного периода времени» [10. Р. 178].

Профессор университета Осло Райно Сверре Мальнес в одной из своих работ отмечал, что правительства, организации и отдельные лиц, которые делают что-то из ряда вон выходящее, чтобы повлиять на исход международных переговоров, иногда называют «лидерами» (leaders) или «предпринимателями» (entrepreneurs) [11. Р. 87]. Понятие «предприниматель» было перенесено из экономической сферы в международные отношения. Райно Мальнес писал: «...предприниматель выделяется среди менее выдающихся экономических агентов благодаря своему творческому воображению. Предприниматель представляет новые товары, открывает новые рынки сбыта и придумывает новые аргументы для производства и продажи. Такие действия влияют на социальную жизнь косвенно, через подаваемый ими пример, или непосредственно, изменяя структурные ограничения и возможности» [11. Р. 89]. Лидерство же – это способность одного или нескольких индивидуумов побуждать группу к принятию определенной линии политики. Лидер может заставлять других людей действовать так, как они иначе не поступили бы.

Предпринимательский аспект во время переговоров может заключаться в усилиях по изменению институциональных условий переговорного процесса. К этому можно отнести: физическое местоположение, права на участие, правила судопроизводства и метод принятия решений. Лидерство может быть направлено на суть переговоров: содержание повестки дня и способ решения переговоров [11. Р. 100].

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что лидерство можно определить как асимметричные отношения влияния, в которых один субъект руководит или направляет поведение других к определенной цели в течение определенного периода времени. Лидерство, бесспорно, подразумевает влияние или власть одного международного актора над другими, но не всякое проявление влияния можно определить как лидерство. Оно не может основываться только на принуждении или грубой силе, так как лидерство строится на платформе общих интересов и целей.

Как отмечалось ранее, работы этих трех авторов не были сфокусированы на лидерстве в сфере экологии. Однако в дальнейшем все большее количество исследователей, развивающих эту концепцию, стали обращаться к проблеме построения международных режимов по охране окружающей среды. В своей совместной работе 2014 г. Чарльз Ф. Паркер и Кристер Карлссон отмечали: «с точки зрения эмпирической основы, охватываемой исследованиями лидерства и многостороннего сотрудничества, поразительно, что в последних работах преобладает акцент на экологической политике и особенно на изменении климата» [12. Р. 589].

С эмпирической точки зрения подавляющая часть научной литературы, посвященной экологическому лидерству, фокусируется на анализе политики двух ключевых акторов: США и Европейского союза. В рамках этих исследований авторы стремятся выявить,

какие государства пытались занять лидирующие позиции в международных переговорах по вопросам окружающей среды, а также проанализировать, каким образом они использовали свое лидерство в рамках институциональных переговорных процессов на глобальном уровне. Среди наиболее значимых работ в этой области можно выделить исследования Дж. Воглера [13], Э. Зито [14] и Д. Торни [15]. Такой подход несколько отличается от традиционного анализа концепции лидерства, который акцентирует внимание на индивидуальных аспектах. Как отмечал О. Янг, «те, кто становятся лидерами в институциональных переговорах, часто действуют от имени или в качестве представителей государств или международных организаций. Тем не менее, в конечном итоге лидеры – это конкретные личности» [9. Р. 287].

На заре глобального энвайронментализма Соединенные Штаты стали пионерами современного природоохранного законодательства и способствовали созданию глобальных режимов, начиная от защиты озонового слоя и заканчивая сохранением видов, находящихся под угрозой исчезновения [16. Р. 57]. Будучи одним из ключевых игроков на мировой арене, Соединенные Штаты Америки неизбежно становятся объектом значительных ожиданий, особенно в контексте глобального лидерства [17. Р. 350]. Их экономическая, политическая и военная мощь, а также историческая роль в формировании международных институтов и норм создают предпосылки для того, чтобы мировое сообщество возлагало на США ответственность за решение глобальных проблем.

Тем не менее лишь ограниченное число исследователей используют термин «экологический лидер» применительно к Соединенным Штатам Америки. Это в первую очередь связано с противоречивым характером экологической политики США, которая, с одной стороны, демонстрировала значительные достижения в области разработки инновационных экологических стандартов и технологий, а с другой – нередко подвергалась критике за недостаточную приверженность международным экологическим соглашениям.

Учитывая данный факт, важно подчеркнуть, что не все формы отношений, основанные на власти и влиянии, могут быть квалифицированы как лидерство. Поэтому еще одним понятием, которое необходимо проанализировать и которое напрямую связано с международным лидерством, является «гегемония». У данного термина также существует множество интерпретаций и пониманий. В современном научном обороте понятие «гегемон» используется для обозначения субъекта мировой политики, способного оказывать определяющее влияние на систему международных отношений. Гегемон в материальном смысле – это государство с преобладающим количеством ресурсов. Если рассматривать гегемонию в рамках концепции лидерства, то ее можно отнести к структурному лидерству, о котором писал О. Янг.

Политико-структурные подходы к гегемонии сыграли лишь незначительную роль в растущей литературе по международной экологической политике. Это

резко контрастирует с изучением международных экономических отношений, в которых ученые использовали концепцию гегемонии для объяснения возникновения и устойчивости международного сотрудничества и режимов.

В своей работе «Международное управление: защита окружающей среды в обществе без государства» О. Янг отмечает, что если гегемония понимается узко в терминах военного превосходства, то эта концепция будет иметь очень ограниченное применение при изучении международной экологической политики. Соединенные Штаты могут быть непревзойденной военной сверхдержавой в начале двадцать первого века, но нет особых оснований полагать, что военная мощь имеет большое значение в переговорах о режимах охраны окружающей среды [18. Р. 136].

Рональд Митчелл придает гегемонии лишь незначительное значение при объяснении формирования режима, признавая, что режимы могут навязываться государствами-гегемонами или что более слабые государства могут воспринимать определенные режимы как навязанные. При этом экологические проблемы, которые наносят ущерб интересам могущественных государств, решаются более полно и оперативно, чем аналогичные проблемы, которые затрагивают менее могущественные государства [19. Р. 805].

Хотя гегемония не является ни обязательным, ни достаточным условием для экологического лидерства, только самые влиятельные государства, как правило, оказывают долгосрочное воздействие на международные переговоры и формирование норм. Как утверждает Джозеф Най, «вы не можете вести за собой, если у вас нет силы» [20. Р. 27].

Менее влиятельные страны могут проявлять инициативу в разработке передовой экологической политики или выступать за строгие международные стандарты. Однако такие усилия часто оказываются малоэффективными без поддержки политического и экономического веса, необходимого для достижения международных соглашений и обеспечения их соблюдения. Например, небольшие европейские страны, такие как Дания и Нидерланды, нередко становились пионерами в области экологических инноваций, но ключевая роль в продвижении экологической политики на уровне ЕС обычно отводится Германии как крупнейшей экономике региона [21].

Рассмотрение экономических основ гегемонии заставляет внимание на тесной связи между международной экономической взаимозависимостью и глобальной экологией. Поскольку гегемоны неизменно занимают видное место в мировой экономике, их внешняя политика неизбежно будет иметь решающее значение для перспектив создания эффективных экологических режимов. В зависимости от характера экологической проблемы экономическая мощь может быть определяющим фактором в отношении позиции этого гегемона на переговорах, что находит отражение в многочисленных примерах, приведенных О. Янгом [18. Р. 134–138]. Например, экономическое превосходство является критически важным активом, когда гегемон может использовать торговые санкции асимметричным образом, т.е. не сталкиваясь с ответными действиями со

стороны стран-мишеней. Аналогичным образом экономически доминирующие страны могут быть в состоянии противостоять давлению, вынуждающему их присоединиться к международным усилиям по защите окружающей среды, и могут рассматриваться как потенциальные обладатели права вето, способные заблокировать прогресс в международных переговорах. В областях, связанных с экологическими проблемами, в которых сотрудничество гегемона или группы экономически влиятельных стран имеет важное значение для успеха режима, эти страны будут находиться в исключительно выгодном положении на переговорах.

Р. Фолкнер утверждает, что узловое положение, которое экономика США занимает в международных экономических потоках, предоставляет уникальную возможность использовать экономическое давление для достижения экологических целей. Однако это не означает, что другие страны лишены аналогичной экономической мощи; в зависимости от характера экологической проблемы экономическая мощь в международной экономике может быть скорее рассредоточена, чем сконцентрирована. Например, в области защиты биоразнообразия ни одна из промышленно развитых стран, по-видимому, не обладает таким решающим экономическим влиянием, которое могло бы заставить поддерживать глобальный режим сохранения биоразнообразия; все, что они могут сделать, – это обеспечить дополнительные финансовые выплаты [22. Р. 590].

Таким образом, Соединенные Штаты обладают потенциалом для существенного влияния на эффективность международных режимов в их содействии охране окружающей среды. Их вклад в международные действия будет иметь решающее значение для общего успеха, а неспособность участвовать в совместных усилиях, вероятно, помешает другим государствам действовать самостоятельно. В этом смысле американская экономическая гегемония имеет прямое отношение к сфере глобального экологического лидерства. По многим экологическим вопросам Соединенные Штаты обладают непревзойденными возможностями для осуществления лидерства. То, что они не всегда использовали эти возможности, не меняет реальности превосходства Америки.

Гегемония может обеспечить основу для экологического лидерства, но она также может легко превратиться в источник права вето. Точно так же, как экономически доминирующие государства могут использовать свою власть в интересах охраны окружающей среды, они могут стремиться блокировать прогресс в международных усилиях по решению экологических проблем. Соединенные Штаты выступали как лидер и обладатель права вето на экологической арене, а в последние годы более решительно перешли к последнему. Право вето в вопросах охраны окружающей среды основывается на способности государства или группы государств воздерживаться от существенного сотрудничества в решении экологических проблем [23. Р. 14]. Право вето в области охраны окружающей среды принадлежит не только гегемонам. Например, Бразилия, Малайзия и другие страны с тропическими лесами смогли противостоять давлению с целью согласования

обязательного режима ведения лесного хозяйства на ЮНСЕД 1992 г. главным образом потому, что крупнейшие в мире тропические леса находятся в пределах их национальной юрисдикции. Но такой гегемон, как Соединенные Штаты, обладает правом вето в области охраны окружающей среды более всеобъемлющим образом, охватывающим широкий спектр областей, связанных с экологическими проблемами, из-за своей ключевой роли ведущей экономики мира [23. Р. 14].

С другой стороны, Европейский союз широко признается в качестве экологического лидера в многочисленных научных исследованиях, посвященных вопросам глобальной экологической политики. К примеру, Себастьян Обертюр, профессор Брюссельской школы управления, в одном из своих исследований отмечал, что ЕС зарекомендовал себя в качестве международного лидера в глобальном управлении окружающей средой в целом, в том числе в отношении защиты озонового слоя, биотехнологии, биоразнообразия и т.д., но лидерство ЕС было наиболее заметным в области борьбы с глобальным изменением климата [24. Р. 35].

На примере Европейского союза мы можем видеть, как экологическое лидерство проявляется в современном мире. Европейский союз стал одним из самых значимых субъектов в процессе борьбы с глобальными экологическими проблемами. На сегодняшний день охрана окружающей среды является одним из приоритетных направлений политики Европейского союза.

Анализируя лидерскую роль ЕС, большинство авторов все еще опираются на три классические типологии лидерства, разработанные О. Янгом, А. Андердалом и Р. Мальнесом, или их собственные, модифицированные версии. Тем не менее концепция экологического лидерства, эволюционируя с течением времени, претерпела значительные изменения и расширилась в различных направлениях, что привело к ее постепенному отходу от традиционных представлений о лидерстве.

К примеру, Э.Р. Зито в одной из своих работ выделил четыре основных способа, благодаря которым ЕС способен продвигать свое глобальное экологическое лидерство:

1. ЕС как переговорщик способен играть ключевую роль во время проведения международных конференций по охране окружающей среды или даже инициировать начало тех или иных переговоров. ЕС может выработать согласованную позицию на переговорах и поддерживать ее с помощью сложного институционального процесса.

2. ЕС как новатор способен создавать инновационные решения сложных проблем глобальной экологической политики. С разнообразными участниками и процессами ЕС легче создавать разнообразные теории и собирать знания, чем национальным государствам для решения транснациональных проблем. Система торговли выбросами в рамках Киотского соглашения представляет собой полезный пример нового инструмента экологической политики.

3. ЕС как рынок способен влиять на других акторов благодаря своим внутренним регулированиям, которые заставляют иностранный бизнес подстраиваться под экологическую политику ЕС для получения доступа к его рынку.

4. ЕС как модель представляет собой пример успешной и эффективной экологической политики. Таким образом, опыт ЕС с легкостью может продвигаться на различных международных форумах, конференциях или в рамках регионального и двустороннего сотрудничества [14. Р. 369–372].

При сопоставлении представленных моделей лидерства с классификацией О. Янга, можно отнести «ЕС как переговорщика» к категории предпринимательского лидерства, тогда как «ЕС как новатор» соответствует интеллектуальному лидерству. Однако структурное лидерство, подразумевающее использование власти и ресурсов для формирования стимулов, издержек и выгод в рамках конкретной проблемной области, не рассматривается в исследовании Э.Р. Зито в качестве одного из механизмов реализации лидерской роли. При этом такие аспекты, как «ЕС как рынок» и «ЕС как модель», в большей степени связаны с односторонними действиями Европейского союза, что выходит за пределы переговорного процесса и предполагает самостоятельное формирование политической и экономической повестки.

Аналогичным образом профессор Д. Воглер видел ЕС как «экологического лидера», который не только является важным участником глобальных экологических переговоров, но вместе с тем и способен распространять свои нормы и вовлекать других в свою политику устойчивого развития. Д. Воглер выделяет три основных способа, с помощью которых ЕС участвует в глобальном экологическом управлении. Во-первых, ЕС может способствовать распространению своих норм и стандартов, а также вовлечению внешних акторов в свою политику. Во-вторых, он неизбежно участвует в интеграции различных направлений политики, включая торговлю, которые имеют ключевое значение для достижения устойчивого развития. В-третьих, ЕС также играет важную роль в реализации принятых решений. Доверие к ЕС в процессах глобального управления в конечном итоге будет зависеть от его эффективности в решении проблем экологической деградации [13. Р. 836].

В свою очередь, Р. Фолкнер, анализируя лидерство ЕС в сфере охраны окружающей среды, прибегает к концепции «нормативной силы» Ян Мэннерса, которая предполагает, что ЕС действует в первую очередь посредством идей и ценностей, а не военной или экономической силы [25. Р. 507]. Для этого Р. Фолкнер в своей работе выдвигает понятие «зеленая нормативная сила». Он подчеркивает, что «ЕС является ключевой движущей силой гармонизации экологических стандартов в 25 государствах-членах и оказывает образцовое воздействие на соседние страны... Таким образом, для ЕС претендовать на международное экологическое лидерство в целом соответствует общественным предпочтениям в ведущих европейских государствах и организованному экологическому лоббированию в Брюсселе» [25. Р. 511]. Тем не менее, в ходе анализа политики Европейского союза в области международного регулирования биотехнологий, Р. Фолкнер приходит к заключению, что концепция «нормативной силы», предложенная Яном Мэннерсом, обладает определенными ограничениями и не может быть использована в ее первоначальной форме

для изучения экологического лидерства. Так, концепция «нормативной силы» ошибочно отождествляет экспорт внутренних норм с преследованием глобальных интересов и универсальных ценностей; не учитывает структуру внутренних интересов, а также недооценивает потенциальные противоречия между различными ценностями и нормами, составляющими основу европейской идентичности [25. Р. 511].

А. Андердал утверждал, что отношения между лидером и последователями можно рассматривать как функцию предложения и спроса на услуги лидерства [10. Р. 181]. Большинство ранних исследований было сосредоточено именно на анализе «предложений» от различных лидеров. Но в настоящее время уже существует достаточное количество работ, в которых авторы на основе эмпирических данных анализируют «спрос» последователей. Группа исследователей (Кристер Карлссон, Чарльз Паркер, Маттиас Йерпе, Бьёрн-Ола Линнер) в совместной работе, основанной на ответах более 200 участников переговоров по изменению климата, пришли к выводу, что среди различных кандидатов на лидерство наибольшее признание получил ЕС. Однако данные также показывают, что у нас нет единого бесспорного лидера в международных усилиях по борьбе с изменением климата. Хотя Европейский союз, скорее всего, был признан основным лидером по изменению климата, лишь небольшое меньшинство сообщили, что они видят ЕС как единственного лидера по изменению климата. Вместе с тем, согласно результатам проведенного опроса, Китай становится основным претендентом на лидерство наряду с ЕС [26. Р. 104].

В целом можно утверждать, что большая часть литературы по экологическому лидерству была посвящена роли ЕС в формировании экологических режимов. Однако некоторые авторы также рассматривают влияния других акторов на глобальное экологическое управление. В последние годы появились работы, которые посвящены вероятному переходу роли экологического лидера к КНР.

Б. Бузан в своей работе «Китай и управление изменением климата» утверждает, что в управлении климатом по-прежнему сохраняется вакуум лидерства, что является золотой возможностью для Пекина взять на себя роль мирового лидера [27. Р. 2]. По мнению Б. Бузана, у Китая есть потенциал внести больший вклад, чем Соединенные Штаты, Россия, Индия и ЕС. А роль лидера в борьбе с изменением климата, безусловно, поможет продвинуть долгосрочные политические интересы Китая как в повышении его политического статуса, так и в демонстрации заявленного превосходства его системы правления [27. Р. 3].

Несмотря на возросший интерес к теме экологического лидерства среди ученых, заявление Янга о том, что лидерство является «сложным феноменом, плохо определенным, малопонятым и предметом постоянных споров среди студентов, изучающих международные отношения» [9. Р. 281], по-прежнему в значительной степени справедливо. В данной концепции все еще остается достаточное количество пробелов и нерешенных вопросов.

Однако концепция глобального лидерства в целом и в контексте экологической сферы в частности заметно эволюционировала за последние десятилетия. Несмотря на разнообразие интерпретаций, предложенных различными исследователями, можно выделить несколько устойчивых конструкций. Во-первых, международное лидерство предполагает социальные отношения между лидером и его последователями, где один субъект влияет на поведение других. Во-вторых, оно основывается на платформе общих ценностей, интересов и целей. Наконец, критически важным аспектом является признание лидерства со стороны других субъектов мировой политики. Как утверждает Т.А. Шаклеина, лидерство требует добровольного делегирования лидеру полномочий по путеводительству в мировой политике. США могут вмешиваться в дела других стран с позиции гегемона или сверхдержавы, но это не делает их глобальным лидером [28. С. 10].

Многие исследователи также согласны, что только могущественные государства со значительным экономическим и политическим влиянием способны играть ключевую роль в продвижении международных экологических инициатив. При этом именно экономическая мощь определяет положение субъекта в системе глобального экологического управления.

Но следует отметить, что существующая литература по экологическому лидерству не описывает конкретные характеристики экологического лидерства и явно не указывает, каковы его цели, вероятно, заранее предполагая, что основной целью является улучшение состояния окружающей среды и коллективная борьба с глобальными экологическими проблемами. В большей степени опираясь на либеральную теорию, предполагается, что предоставление лидерства не приносит пользы самому лидеру за счет других, но окупаемость лидерства, т.е. улучшение качества окружающей среды, приносит пользу всем странам в равной степени. Тем не менее остается не до конца ясным вопрос, что именно побуждает некоторые государства предлагать экологическое лидерство и чем эти мотивы отличаются от мотивов осуществлять лидерство в других проблемных областях международной политики, если вообще отличаются, помимо улучшения своего международного имиджа и «мягкой силы».

Остается неизученным и вопрос о факторах, которые позволяют тем или иным акторам играть роль экологического лидера. Р. Фолкнер предположил, что основной для этого является экономика, учитывая при этом международное разделение труда. В таком случае необходимо провести дополнительные исследования на тему того, почему именно ЕС до сих пор занимает ключевые позиции в данной сфере и может ли Китай когда-либо быть полностью признан лидером в современном международном обществе.

Важным вопросом является и значение географического фактора в экологическом лидерстве. Возможно ли, что государства или другие субъекты, принадлежащие к определенным географическим районам, в большей степени будут играть ведущую роль в данной сфере? С этой точки зрения вопрос о потенциальной роли России в решении глобальных экологических

проблем заслуживает отдельного внимания. Достаточным является тот факт, что Россия занимает почти половину суши всего Арктического региона, и без сотрудничества с ней невозможно проводить исследования по изменению климата [29]. Можно также отметить работы отечественных исследователей, которые анализировали этот вопрос, опираясь на природно-ресурсный потенциал страны, ее полезные ископаемые, территорию, уникальные экосистемы. К примеру, Н.В. Шуленина подчеркивает, что любые масштабные российские экономические проекты, как с экологически позитивными, так и негативными последствиями, существенно повлияют на глобальную экологическую обстановку. Поддержание и устойчивое развитие экосистемных функций России будет одним из гарантов экологического благополучия планеты, долговременной международной экологической деятельности [30. С. 45].

Появление концепции «экологического лидерства» как самостоятельного направления в исследованиях международных отношений стало ответом на резкий рост трансграничных экологических проблем и сложность их решения. Простого признания общей проблемы, которую необходимо срочно решить, недостаточно для того, чтобы субъекты международной политики объединили свои усилия и выработали устойчивые решения. Даже при согласии большинства государств относительно серьезности экологических проблем у них зачастую остаются разные взгляды на то, как следует определить проблему и какие подходы должны направлять усилия по ее решению. Это усугубляется спецификой процесса борьбы с глобальными экологическими вызовами, который требует соблюдения сложного баланса между экономическим ростом и сохранением природных ресурсов.

Трансграничный характер экологических проблем, таких как изменение климата, загрязнение океанов, потеря биоразнообразия и истощение природных ресурсов, делает их решение невозможным без международ-

ного сотрудничества. Выбросы парниковых газов в одной стране могут повлиять на климат в другой, а загрязнение рек в одном регионе способно нанести ущерб экосистемам в соседних странах. Развитые страны могут акцентировать внимание на сокращении выбросов, в то время как развивающиеся страны стремятся к экономическому росту и преодолению бедности. Концепция экологического лидерства, в свою очередь, акцентирует внимание на роли лидеров, способных объединить усилия различных стран и направить их на достижение общих экологических целей.

Лидерство, безусловно, представляет собой один из ключевых механизмов влияния одного субъекта международных отношений на другие. Традиционная концепция глобального лидерства исходила из того, что не все формы влияния могут быть отнесены к лидерству, однако использование материальной власти, угроз и стимулов в качестве инструментов воздействия на международные переговоры оставалось важной составляющей данной концепции. В то же время исследователи, изучающие политику Европейского Союза в области глобального экологического управления, стали постепенно отходить от акцента на эти аспекты, сосредоточившись на продвижении норм и стандартов через односторонние действия ЕС. Это было во многом обусловлено тем, что США как безусловный гегемон, обладающий превосходящим структурным лидерством, не использовали его для формирования международных экологических режимов, а в некоторых случаях даже препятствовали их созданию, используя «право вето».

На практике концепция экологического лидерства подтверждает возможность эффективного создания международных режимов в сфере охраны окружающей среды только при условии наличия субъекта, способного объединить и повести за собой другие страны. Однако лидерство, основанное на гегемонии, несет в себе определенные риски для стран-последователей, что требует тщательного анализа и учета в рамках международной экологической политики.

Список источников

1. Schreurs M.A. Is Germany Really an Environmental Leader? // *Current History*. 2016. Vol. 115 (779). P. 114–116.
2. McKittrick R., Aliakbari E., Stedman A. Canada is an environmental leader, not a laggard // *Fraser Institute*. 2018. URL: <https://www.fraserinstitute.org/article/canada-is-an-environmental-leader-not-a-laggard> (дата обращения: 06.03.2025).
3. Bodansky D. The Copenhagen Climate Change Conference: A Postmortem // *American Journal of International Law*. 2017. Vol. 104 (2). URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/copenhagen-climate-change-conference-a-postmortem/04A9AD2A440C507DBB834DB5D7091AD8> (дата обращения: 06.03.2025).
4. Dimitrov R.S. Inside UN Climate Change Negotiations: The Copenhagen Conference // *Review of policy research*. 2010. Vol. 27 (6). doi: 10.1111/j.1541-1338.2010.00472.x
5. Depledge J. *The Organization of Global Negotiations: Constructing the Climate Change Regime*. London : Routledge, 2016. 272 p.
6. Breitmeier H., Young O.R., Zurn M. *Analyzing international environmental regimes: from case study to database*. London : The MIT Press, 2006. 323 p.
7. Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables // *International Organization*. 1982. Vol. 36, № 2. P. 185–205.
8. Vogler J. Taking Institutions Seriously: How Regime Analysis can be Relevant to Multilevel Environmental Governance // *Global Environmental Politics*. 2003. Vol. 3 (2). P. 25–39.
9. Young O.R. Political leadership and regime formation: On the development of institutions in international society // *International Organization*. 1991. Vol. 45 (3). P. 281–309.
10. Underdal A. Leadership theory: Rediscovering the arts of management // *International multilateral negotiation: Approaches to the management of complexity*. San Francisco, CA : Jossey-Bass, 1994. P. 178–197.
11. Malnes R. 'Leader' and 'Entrepreneur' in International Negotiations: A Conceptual Analysis // *European Journal of International Relations*. 1995. Vol. 1, Is. 1. P. 87–112.
12. Parker C.F., Karlsson C. Leadership and International Cooperation // *The Oxford Handbook of Political Leadership*. Croydon : Oxford University Press, 2014. P. 580–594.
13. Vogler J. The European Contribution to Global Environmental Governance // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*. 2005. Vol. 81 (4). P. 836–848.

14. Zito A.R. The European Union as an environmental leader in a global environment // *Globalizations*. 2005. Vol. 2, Is. 3. P. 363–375.
15. Torney D. *European Climate Leadership in Question: Policies Toward China and India*. Cambridge : The MIT Press, 2015. 285 p.
16. Ivanova M., Esty D.C. Reclaiming U.S. Leadership in Global Environmental Governance // *The SAIS Review of International Affairs*. 2008. Vol. 28, № 2. P. 57–75.
17. Sussman G. The USA and Global Environmental Policy: Domestic Constraints on Effective Leadership // *International Political Science Review*. 2005. Vol. 25, № 4. P. 349–369.
18. Young O.R. *International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society*. Ithaca : Cornell University Press, 1994. 240 p.
19. Mitchell R.B. *International Environmental Politics* // *Handbook of International Relations*. London : Sage, 2003. P. 801–826.
20. Nye J.S. *The Powers to Lead*. New York : Oxford University Press, 2008. 240 p.
21. Falkner R. Regulating Biotech Trade: The Cartagena Protocol on Biosafety // *International Affairs*. 2000. Vol. 76 (2). P. 299–313.
22. Falkner R. American Hegemony and the Global Environment // *International Studies Review*. 2005. Vol. 7, № 4. P. 585–599.
23. Porter G., Brown J.W. *Global Environmental Politics*. 2nd edition. Boulder : Westview Press, 1996. 256 p.
24. Oberthür S., Kelly C.R. EU Leadership in International Climate Policy: Achievements and Challenges // *The International Spectator*. 2008. Vol. 43, Is. 3. P. 35–50.
25. Falkner R. The political economy of 'normative power' Europe: EU environmental leadership in international biotechnology regulation // *Journal of European Public Policy*. 2007. Vol. 14 (4). P. 507–526.
26. Karlsson C., Parker C., Hjerpe M., Linnér B. Looking for Leaders: Perceptions of Climate Change Leadership among Climate Change Negotiation Participants // *Global Environmental Politics*. 2011. Vol. 11 (1). P. 89–107.
27. Buzan B. China and Climate Change Governance: A Golden Opportunity // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2021. Vol. 7, Is. 1. P. 1–12.
28. Шаклеина Т. Лидерство и современный мировой порядок // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 4 (43). С. 6–19.
29. Baker A. Ukraine's Conflict Has Rippled All the Way to the Arctic Circle // *TIME*. March 9, 2022. URL: <https://time.com/6156189/russia-ukraine-conflict-risks-arctic-climate/> (дата обращения: 25.07.2023).
30. Шулепина Н.В. Экологическая политика современной России: от императивов к аргументам // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2003. № 4. С. 43–54.

References

1. Schreurs, M.A. (2016) Is Germany Really an Environmental Leader? *Current History*. 115 (779). pp. 114–116.
2. McKittrick, R., Aliakbari, E. & Stedman, A. (2018) *Canada is an environmental leader, not a laggard*. [Online] Fraser Institute. Available from: <https://www.fraserinstitute.org/article/canada-is-an-environmental-leader-not-a-laggard> (Accessed: 06.03.2025).
3. Bodansky, D. (2017) The Copenhagen Climate Change Conference: A Postmortem. *American Journal of International Law*. 104 (2). [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/abs/copenhagen-climate-change-conference-apostmortem/04A9AD2A440C507DBB834DB5D7091AD8> (Accessed: 06.03.2025).
4. Dimitrov, R.S. (2010) Inside UN Climate Change Negotiations: The Copenhagen Conference. *Review of Policy Research*. 27 (6). doi: 10.1111/j.1541-1338.2010.00472.x
5. Depledge, J. (2016) *The Organization of Global Negotiations: Constructing the Climate Change Regime*. London: Routledge.
6. Breitmeier, H., Young, O.R. & Zurn, M. (2006) *Analyzing international environmental regimes: from case study to database*. London: The MIT Press.
7. Krasner, S.D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables. *International Organization*. 36 (2). pp. 185–205.
8. Vogler, J. (2003) Taking Institutions Seriously: How Regime Analysis can be Relevant to Multilevel Environmental Governance. *Global Environmental Politics*. 3 (2). pp. 25–39.
9. Young, O.R. (1991) Political leadership and regime formation: On the development of institutions in international society. *International Organization*. 45 (3). pp. 281–309.
10. Underdal, A. (1994) Leadership theory: Rediscovering the arts of management. In: *International multilateral negotiation: Approaches to the management of complexity*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. pp. 178–197.
11. Malnes, R. (1995) 'Leader' and 'Entrepreneur' in International Negotiations: A Conceptual Analysis. *European Journal of International Relations*. 1 (1). pp. 87–112.
12. Parker, C.F. & Karlsson, C. (2014) Leadership and International Cooperation. In: *The Oxford Handbook of Political Leadership*. Croydon: Oxford University Press. pp. 580–594.
13. Vogler, J. (2005) The European Contribution to Global Environmental Governance. *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs). 81 (4). pp. 836–848.
14. Zito, A.R. (2005) The European Union as an environmental leader in a global environment. *Globalizations*. 2 (3). pp. 363–375.
15. Torney, D. (2015) *European Climate Leadership in Question: Policies Toward China and India*. Cambridge: The MIT Press.
16. Ivanova, M. & Esty, D.C. (2008) Reclaiming U.S. Leadership in Global Environmental Governance. *The SAIS Review of International Affairs*. 28 (2). pp. 57–75.
17. Sussman, G. (2005) The USA and Global Environmental Policy: Domestic Constraints on Effective Leadership. *International Political Science Review*. 25 (4). pp. 349–369.
18. Young, O.R. (1994) *International Governance: Protecting the Environment in a Stateless Society*. Ithaca: Cornell University Press.
19. Mitchell, R.B. (2003) *International Environmental Politics*. In: *Handbook of International Relations*. London: Sage. pp. 801–826.
20. Nye, J.S. (2008) *The Powers to Lead*. New York: Oxford University Press.
21. Falkner, R. (2000) Regulating Biotech Trade: The Cartagena Protocol on Biosafety. *International Affairs*. 76 (2). pp. 299–313.
22. Falkner, R. (2005) American Hegemony and the Global Environment. *International Studies Review*. 7 (4). pp. 585–599.
23. Porter, G. & Brown, J.W. (1996) *Global Environmental Politics*. 2nd edition. Boulder: Westview Press.
24. Oberthür, S. & Kelly, C.R. (2008) EU Leadership in International Climate Policy: Achievements and Challenges. *The International Spectator*. 43 (3). pp. 35–50.
25. Falkner, R. (2007) The political economy of 'normative power' Europe: EU environmental leadership in international biotechnology regulation. *Journal of European Public Policy*. 14 (4). pp. 507–526.
26. Karlsson, C., Parker, C., Hjerpe, M. & Linnér, B. (2011) Looking for Leaders: Perceptions of Climate Change Leadership among Climate Change Negotiation Participants. *Global Environmental Politics*. 11 (1). pp. 89–107.
27. Buzan, B. (2021) China and Climate Change Governance: A Golden Opportunity. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 7 (1). pp. 1–12.
28. Shakleina, T. (2015) Liderstvo i sovremennyy mirovoy poriyadok [Leadership and the Modern World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 13 (4 (43)). pp. 6–19.

29. Baker, A. (2022) *Ukraine's Conflict Has Rippled All the Way to the Arctic Circle*. March 9.[Online]. Available from: <https://time.com/6156189/russia-ukraine-conflict-risks-arctic-climate/> (Accessed: 25.07.2023).
30. Shulenina, N.V. (2003) *Ekologicheskaya politika sovremennoy Rossii: ot imperativov k argumentam* [Environmental Policy of Modern Russia: From Imperatives to Arguments]. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. 4. pp. 43–54.

Информация об авторе:

Можанов В.С. – аспирант кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: slmozhanov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Mozhanov, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: slmozhanov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.12.2024;
одобрена после рецензирования 02.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 14.12.2024;
approved after reviewing 02.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
doi: 10.17223/15617793/513/12

Редактор газеты «Кавказ» О.И. Константинов: вклад в создание среды диалога и сотрудничества России и Кавказа

Юзанна Мартиновна Азикова¹, Петр Абрамович Кузьминов², Лина Ризуановна Гаунова³

^{1, 2, 3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

¹ i.azikova@kbsu.ru

² petrakis_hist@bk.ru

³ gaunova.lina@mail.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность О.И. Константинова в качестве редактора газеты «Кавказ» и исследователя Кавказа. Представлено обобщение разрозненных сведений о кавказском периоде его работы и осуществляется актуальная оценка его кавказоведческой миссии, лежащей в основе выстраивания диалога и сотрудничества России и Кавказа. Первый редактор газеты «Кавказ» оценивается в качестве талантливого кавказоведа и создателя площадки диалога и объяснения культурно-исторической логики интеграции народов Кавказа и России.

Ключевые слова: Осип Ильич Константинов, Михаил Семенович Воронцов, газета «Кавказ», кавказоведение, диалог, интеграция

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 09.07.2024 г.

Для цитирования: Азикова Ю.М., Кузьминов П.А., Гаунова Л.Р. Редактор газеты «Кавказ» О.И. Константинов: вклад в создание среды диалога и сотрудничества России и Кавказа // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 98–110. doi: 10.17223/15617793/513/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/12

Osip Konstantinov, editor of the newspaper *Kavkaz*: Contribution to the creation of an environment of dialogue and cooperation between Russia and the Caucasus

Yuzanna M. Azikova¹, Pyotr A. Kuzminov², Lina R. Gaunova³

^{1, 2, 3} Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russian Federation

¹ i.azikova@kbsu.ru

² petrakis_hist@bk.ru

³ gaunova.lina@mail.ru

Abstract. The article considers the activities of Osip Konstantinov as the editor of the newspaper *Kavkaz* and a researcher of the Caucasus. The work generalizes disparate information about the Caucasian period of his work and provides an up-to-date assessment of his Caucasian studies mission, which underlies the construction of a dialogue and cooperation between Russia and the Caucasus. The study formulates the problem of identifying Konstantinov's works on Caucasian studies. The newspaper *Kavkaz* is defined as a space for mutual integration of various social and ethnic groups of the Russian Empire. The work avoids assessing the formation and functioning of the Caucasian periodical from the standpoint of the concepts of "colonialism" and "nationalism". The study highlights the integration effect of the activities of the editor and the newspaper regardless of the situational attitude towards the Caucasus, and the Caucasian mission of Russian generals and the imperial administration at the time of the establishment of the newspaper *Kavkaz*. The study is based on an assessment of the long-term and multifactorial consequences of Konstantinov's activities in studying and presenting the Caucasus. The period of Konstantinov's intense and fruitful work on the newspaper *Kavkaz* has not been subjected to a special study in Russian historiography. In this regard, the article analyzes the circumstances of the new periodical's establishment and Konstantinov's appointment as editor. The article examines M.S. Vorontsov's initiative to create a newspaper, the nuances of defining the purpose and objectives of the publication, choosing a publisher, launching the newspaper by Konstantinov and his subsequent departure from the post of editor. Particular attention in the work is paid to the goal-setting of the editor and his achievement of creative success of the publication due to a well-thought-out publishing policy and a systematic vision of the prospects for

depicting the Caucasus. It is shown that much in the work of the editorial board depended on the editor's individual strategy and practice. Konstantinov's level of training, erudition, interests and breadth of views directly influenced the organization of the description and study of the Caucasus on the pages of the newspaper *Kavkaz*. Konstantinov is also credited with targeted work to attract talented authors to the newspaper, including those of Caucasian origin. It is noted that the publication gained intellectual weight through the efforts of Konstantinov, who ensured the richness and value of the published materials. The first editor of the newspaper *Kavkaz* is assessed as a talented Caucasus scholar and creator of a platform for dialogue and explanation of the cultural and historical logic of the integration of the peoples of the Caucasus and Russia.

Keywords: Osip Ilyich Konstantinov, Mikhail Semenovitch Vorontsov, newspaper "Kavkaz", Caucasian studies, dialogue, integration

Financial support: The study was supported by the internal grant of Kabardino-Balkarian State University, Agreement No. 14 dated 09.07.2024.

For citation: Azikova, Yu.M., Kuzminov, P.A. & Gaunova, L.R. (2025) Osip Konstantinov, editor of the newspaper *Kavkaz*: Contribution to the creation of an environment of dialogue and cooperation between Russia and the Caucasus. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 98–110. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/12

Введение

Отдельные успехи политики и практики «замирения» Кавказа боевыми генералами Отдельного Кавказского корпуса в первой трети XIX в. не обеспечили подлинного включения горских народов в состав империи. Провал «Даргинской экспедиции» в 1845 г. показал, что нужны были иные методы сближения и выстраивания русско-кавказской интеграции.

Эффективное выполнение этой задачи напрямую зависело от личности, полномочий и заинтересованности очередного представителя Николая I на Кавказе. Архитектором этого единения стал выдающийся администратор и государственный деятель – наместник кавказский Михаил Семенович Воронцов (1844–1854 гг.) [1–5]. Обладая широчайшими полномочиями и значительными средствами в своем распоряжении, имея знания и преисполненный решимости, он не на словах, а на деле обеспечил социокультурное сближение Кавказа и Российской империи.

Не устраняясь от военных экспедиций, М.С. Воронцов акцентировал внимание чиновников и генералов Кавказского наместничества на вопросах административного устройства, социально-экономического и культурного развития края. Его программа действий была направлена на интеграцию через понимание края и внедрение на Кавказе ценностей и достижений современной российской цивилизации. Процветание Кавказа рассматривалось М.С. Воронцовым в качестве лучшей стратегии умиротворения и окончательного включения края в цивилизационное пространство России.

Периодическая печать XIX в. являлась «основным каналом информационного обмена в России» [6. С. 41; 7]. Не случайно М.С. Воронцов целенаправленно способствовал выпуску периодических изданий на Кавказе, а также заботился о пополнении библиотек изданиями, выпускавшимися за пределами края. В ряду важнейших инициатив Михаила Семеновича отметим выпуск изданий «Кавказский календарь», «Кавказ», «Закавказский Вестник», «Арал», «Ставропольские губернские ведомости», сыгравших весомую роль в культурном развитии Кавказа.

Русская периодическая печать на Кавказе появляется в 20–30-х гг. XIX в. В 1828–1832 гг. издавались

еженедельные «Тифлиские ведомости», содержавшие ценные историко-этнографические материалы. Первая русская газета на Кавказе выходила также на грузинском и персидском языках [8. С. 264–265].

С 1837 по 1844 г. еженедельно издавался «Закавказский вестник» на русском языке. Содержание газеты оформлялось по типу официальных «Губернских ведомостей» и включало распоряжения и извещения властей, сообщения о торгах и подрядах. Пристальное внимание М.С. Воронцова к вопросам информационной политики и культурного диалога на Кавказе способствовало трансформации единственной газеты в крае. С 1845 г. газета выходила на грузинском и азербайджанском языках. Издание также было дополнено неофициальной частью, включавшей путевые очерки, статьи по этнографии края, географии, сельскому хозяйству и литературе, новостные заметки и очерки быта [4. С. 194; 8. С. 267; 9. С. 318].

С началом выпуска газеты «Кавказ» в 1846 г. (по 1917 г.) теряет свою актуальность издание в структуре «Закавказского вестника» неофициальной части с историко-этнографическими материалами. Более того, с 1856 г. «Закавказский вестник» стал Казенным прибавлением к газете «Кавказ». В 1846–1847 гг. «Кавказ» издается на русском и армянском языках [10. С. 12–13].

«Кавказский календарь» – первый серийный справочник по Кавказу – издавался в Тифлисе с 1845 по 1917 г. Исследователи приписывают начало выпуска и данного ежегодника инициативе М.С. Воронцова [4. С. 195–196; 11. С. 210–211]. Помимо разнообразной справочной информации издание включало раздел «Собрание материалов для составления исторического, географического и статистического описания Закавказского края». Судя по всему, он был открыт по указанию М.С. Воронцова, который, ввиду запущенного состояния архивов, приказал разобрать имеющийся в них документальный материал [11. С. 210–211].

В период наместничества М.С. Воронцова начинается выпуск «Ставропольских губернских ведомостей» – первого периодического издания Северного Кавказа. Вопрос об открытии газеты был поставлен в 1839 г. гражданским губернатором А.В. Семеновым и поддержан командующим Кавказской линией П.Х. Граббе. Но только в 1850 г. с дозволения М.С. Воронцова издание увидело свет и выпускалось до 1917 г. [12].

Покровительство М.С. Воронцова распространялось и на периодические издания на национальных языках. Наместник одобрил и обеспечил соответствующими разрешениями выпуск газеты «Арабат» (1850 г.) на армянском языке и журнала «Цискари» (1852 г.) на грузинском языке [4. С. 202–203].

Данное исследование посвящено деятельности первого редактора газеты «Кавказ» Осипа Ильича Константинова – способного литератора, журналиста, организатора периодики на Кавказе, поддержанного Михаилом Семеновичем Воронцовым. Осип Ильич оказался на высоте выполнения серьезных задач, поставленных кавказским наместником, и создал образцовое издание, пользовавшееся широкой популярностью. Весомый вклад О.И. Константинова в развитие кавказоведения не становился предметом специального исследования, поэтому он требует детального изучения. Его подчиненное положение в чиновничьей иерархии и статус исполнителя проекта М.С. Воронцова ограничивают оценку масштаба вклада О.И. Константинова в создание нового по содержанию и идейной направленности издания. Новизна исследования заключается в обобщении и актуальной интерпретации разрозненных сведений о деятельности в качестве издателя и автора О.И. Константинова и оценке его кавказоведческой миссии, в более расширенном понимании задачи, лежащей в основе выстраивания диалога и сотрудничества России и Кавказа. Новизна работы также заключается в постановке проблемы выявления кавказоведческих работ авторства О.И. Константинова.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют материалы газеты «Кавказ», печатавшиеся в период редакторства О.И. Константинова и позднее. Изучение разделов газеты, материалов в ней публиковавшихся, в первую очередь авторства самого редактора, информации об авторах, сотрудничавших с газетой, позволяет понять и оценить диапазон усилий О.И. Константинова по превращению издания в значимое культурное явление не только для народов Кавказа, но и для всей образованной России. Отдельные обстоятельства биографии издателя и подробности функционирования газеты уточняются с опорой на материалы Актов кавказской археографической комиссии, относящихся ко времени управления Кавказом М.С. Воронцова и Н.Н. Муравьева.

В основе исследования лежит «нарративный», описательно-объяснительный подход. В рамках данной парадигмы трактовка истории не подчинена строго определенной концепции, но обобщением является исторический нарратив, опирающийся на исторические данные, реконструирующий ход событий, учитывающий все факты, охватывающий весь спектр взаимодействий по определенному историческому «случаю». Привлеченные материалы проанализированы с опорой на историко-критический метод анализа источников. Помимо этого в работе задействованы элементы биографического и ретроспективного методов.

Обсуждение

В отечественной историографии проблема функционирования кавказских периодических изданий эпохи наместничества М.С. Воронцова представлена в обзорном формате. Основы изучения периодической печати были заложены Г.Н. Прозрителевым [12] и Б.М. Городецким [13].

В своем фундаментальном исследовании истории изучения Кавказа в русской дореволюционной этнографии М.О. Косвен последовательно проанализировал становление и развитие кавказской периодики, отметив «Закавказский вестник», «Кавказ», «Кавказский календарь» и «Ставропольские губернские ведомости» [9].

В работах А.Т. Урушадзе [3, 14] и Ю.В. Лучинского [4, 8, 10], посвященных кавказскому периоду деятельности М.С. Воронцова, исследуются усилия наместника по созданию и поддержанию периодических изданий. Авторы отметили в своих работах случай запуска в Тифлисе литературной газеты «Арабат» на армянском языке. Исследователи рассматривают кавказскую периодику в качестве фактора взаимодействия культур и выстраивания продуманной медийной стратегии кавказской администрации.

Время работы над созданием и развитием газеты «Кавказ» стало периодом напряженной и плодотворной интеллектуальной деятельности Осипа Ильича, на сегодняшний день мало изученной и не оцененной должным образом. Доступная информация о биографии и творчестве О.И. Константинова крайне скудна, фрагментарна и черпается, главным образом, из энциклопедических и словарных изданий [15–19]. Отдельного внимания в этой связи заслуживает оценка М.О. Косвеном вклада О.И. Константинова в отечественное кавказоведение [9. С. 319–322, 330–331, 336–337, 346–350; 20. С. 12–13]. Также примечательны работы Д.А. Канделаки [21] Ф.В. Тотоева [22] и П.А. Кузьмина [11], углубившие наши представления об издателе и авторе интересных статей и очерков о народах Кавказа.

Результаты

Цель, задачи и политика газеты «Кавказ». Знаковым событием в развитии отечественного кавказоведения явилось начало издания с января 1846 г. газеты «Кавказ» в Тифлисе. Еще до создания газеты цель ее функционирования предварительно была сформулирована М.С. Воронцовым. Согласно содержанию его отношения к князю А.И. Чернышеву от 30 ноября 1845 г., Михаил Семенович заинтересовался проблемами печати и издания периодики на Кавказе вследствие перенаправления к нему отношения ген. Нейдгардта в феврале 1845 г. от министра внутренних дел. Нейдгардт предлагал утвердить проект штата типографии Главного управления Закавказского края и редакции газеты «Закавказский Вестник» [1. С. 8–9].

По приезду на Кавказ М.С. Воронцов занялся подробным изучением данного вопроса и пришел к выводу, что «Закавказский Вестник» «не соответствует ни положению края, ни его потребностям». Он полагал, что официальная часть издания должна остаться

без изменений, но при кардинальном преобразовании неофициальной части. Также он пояснял, чем обусловлена целесообразность перемен: *«Закавказский край, состоящий из нескольких разнородных племен, движимый разнообразными интересами и заключающий в себе столь много любопытных предметов по разным отраслям наук, торговли и промышленности, должен иметь особую газету, которая была бы органом правительства, сообщала бы о всех принимаемых им мерах к улучшению и благосостоянию края и давала бы России точные и основанные на фактах сведения об этом отдаленном и любопытном во многих отношениях крае. Конечно, если не тотчас, то со временем откроется возможность издавать эту газету не на одном только Русском, но и на Грузинском и, еще лучше, Армянском языке. Тогда она сделается доступнее для большего числа здешних жителей и тем более принесет пользу»* [1. С. 8]. Таким образом, Михаил Семенович обосновывал необходимость издания отдельной газеты интересами государства, общества, уникальностью и значимостью региона, требованием времени изучать и освещать жизни народов в печати, причем не только на русском, но и других языках Кавказа. И этой «особой газетой» стало издание «Кавказ».

После поручения О.И. Константинову продумать вопрос об издании большой политической и литературной газеты, посвященной Кавказу, будущий редактор планируемой газеты в докладной записке от 12 декабря 1845 г. предложил свое видение решения поставленной перед ним задачи. Он считал вполне реализуемой задумку наместника. Вместе с тем, как и М.С. Воронцов, полгал необходимым выпускать новую газету отдельно от «Закавказского Вестника». О.И. Константинов предлагал помещать в «политической» части новости, важнейшие события в крае и сопредельных государствах – Персии и Турции. Также в этом разделе должны были размещаться правительственные нововведения и распоряжения.

В «литературной» части предлагалось разместить образцы местной литературы в переводе, материалы по истории, культуре и о современном состоянии края. Оговаривалась также необходимость публикации в разделе рассказов, посвященных мужеству русских воинов на Кавказе. В «литературную» часть также предлагалось включить значимую долю информации о современном развитии кавказских городов и торговли [23. С. 3]. Предложенный проект О.И. Константинова был утвержден М.С. Воронцовым.

В первом номере газеты от 5 января 1845 г. О.И. Константиновым была обозначена цель издания: *«Посвящая труды свои отечеству, под лестным покровительством Его Сиятельства Князя Михаила Семеновича Воронцова. Редакция надеется, что газета Кавказа правдивым отголоском истины вполне удовлетворит своему назначению: знакомит своих соотечественников с любопытнейшим краем, еще находящимся почти в младенческом состоянии и мало известным; раскрыть источники промышленности и торговли и, верным отчетом и благотворительных мер и действий Русского Правительства в отношении*

к Кавказу, показать истинную цель отеческих попечений Великого Нашего Государя» [24. С. 1–2].

Редакция поставила перед собой задачи преодолеть ошибочные представления о Кавказе и о ситуации на Кавказе у «туземцев», «соотечественников» и «завистливых наблюдателей-иностранцев», с тем чтобы показать сложившуюся в крае действительность. А историческая реальность, согласно убеждению редакции, была такова, что связи между народами Кавказа и Россией были давними, многофакторными и взаимовыгодными. В послании редакции читателям напоминалось о частых обращениях населения края к России за помощью и защитой в условиях нескончаемых междоусобиц и внешних угроз. Подчеркивалось раннее принятие и распространение христианства среди населения Кавказа. В сущности, в своем обращении редакция обосновывает историческую обусловленность вхождения Кавказа в состав России и необходимость пояснения предпосылок современного положения вещей на Кавказе недостаточно осведомленной по тем или иным причинам общественности.

Таким образом, основная цель издания заключалась в компетентном информировании публики о прошлом и настоящем Кавказа со всех возможных точек зрения. Круг задач газеты можно обозначить в нескольких пунктах. Во-первых, российская общественность должна была узнать, понять и принять Кавказ с его спецификой, возможностями и преимуществами. Ведущие умы эпохи негодовали по поводу поверхностного представления обывателей и чиновников о богатейшем во всех смыслах крае. Во-вторых, до сведения жителей Кавказа должна была быть доведена информация относительно усилий, предпринимаемых правительством для эффективного управления краем, направленных в том числе на его процветание и благополучие. Одновременно кавказская публика через материалы газеты должна была приобщиться к российской истории и культуре. В-третьих, соседние государства-интересанты могли увидеть реализацию цивилизаторской миссии России и ее попечение о процветании и сохранении культур Кавказа. В-четвертых, формировать у читателей обоснованную картину единения России и Кавказа.

Что касается редакционной политики издания, то она отличалась известной гибкостью в отношении авторского состава и публикуемых материалов. Подобная терпимость обусловила появление на страницах газеты материалов разного качества. Редактор осознанно допускал публикацию материалов разной степени занимательности, грамотности изложения и красоты слога. Он отмечал невозможность требовать идеального академичного изложения *«от газеты и в такой стране, где, слава Богу, что пишут и туземцы, ближе знакомые с духом и характером края»*, и русские без литературного дарования, но со знанием обсуждаемого предмета. Редакция также не противоречила пожеланию авторов публиковать в исконном виде предоставляемые материалы. В ряде случаев редакция сама не видела возможности нарушать специфику конструирования слога в тексте. И при всех особенностях авторских текстов редакция подмечала в них в первую

очередь дельность и занимательность. По мнению О.И. Константинова *«должно ценить эти статьи по содержанию, а не по изложению»*.

По оценке редакции подобное снисходительное отношение к публикуемым материалам по истории, этнографии и современному состоянию Кавказа позволило обратить количество в качество. Благодаря лояльной политике издания удалось избежать потери драгоценных сведений, обнародованных на страницах «Кавказа». Опубликовали свои работы многие авторы, которые при строгой литературной цензуре могли бы также оказаться незамеченными. Редакция заявляла, что и далее будет руководствоваться данными соображениями в надежде на дальнейшее умножение авторов с интересными материалами [25. С. 169].

Начало редакторства О.И. Константинова и обстоятельства его ухода с поста. Первый издатель и собственник газеты Осип Ильич Константинов (1813–1856) завершил военную карьеру в чине поручика в 1840 г. и был приглашен в 1841 г. на Кавказ для поступления на гражданскую службу. В 1845–1850 гг. служил чиновником особых поручений в чине коллежского асессора при начальнике гражданского управления Закавказского края генерал-лейтенанте П.А. Ладинском [1. С. 830]. Следовательно, ко времени прибытия на Кавказ в 1845 г. М.С. Воронцова Осип Ильич уже несколько лет находился здесь и был знаком с краем. Изучение Кавказа, с одной стороны, было обусловлено его личным интересом, с другой – должностными обязанностями. Находясь при ген. П.А. Ладинском, он, несомненно, готовил для него доклады, посвященные вопросам актуального состояния и исторического развития Кавказа.

К тому моменту, когда М.С. Воронцов задумался о новом печатном издании, кандидатура О.И. Константинова не была для него очевидной. Но, вероятно, при обсуждении кандидатуры редактора с П.А. Ладинским Михаил Семенович присмотрелся к личности Осипа Ильича. А. Зиссерман в своих воспоминаниях характеризует О.И. Константинова как прекрасно образованного и даровитого человека [26. С. 312]. Несомненно, такие качества О.И. Константинова повлияли на выбор наместника.

В упомянутом выше отношении к князю А.И. Чернышеву от 30 ноября 1845 г. М. С. Воронцов писал, что *«для издания такой газеты и для приведения оной в такое положение, чтобы она удовлетворяла всем вышеозначенным мною требованиям, необходимо иметь редактором человека в полной мере к этому способного»* [1. С. 9]. Наместник рассчитывал найти достойного кандидата на должность редактора, который сумеет наладить так хорошо выпуск газеты, что будут покрыты ежегодные издержки по самой газете, но и появиться дополнительная прибыль для улучшения работы типографии и «Закавказского Вестника».

Предложения М.С. Воронцова были представлены на рассмотрение императора в надежде на скорое получение утверждения, чтобы с началом будущего года приступить к выпуску газеты. Николай I разрешил издавать газету, «но с должным присмотром» [23. С. 3].

Таким образом, в кратчайшие сроки было принято решение (декабрь 1845 г.) и выпущен первый номер (5 января 1846 г.).

Чтобы газета была признана в широких общественных кругах, получила доверие и стала влиятельна, М.С. Воронцов принял решение запустить ее в качестве частного издания. С другой стороны, М.С. Воронцов рассчитывал на коммерческий успех издания, что, также побуждало поддержать частный характер издания. Официоз, представленный на страницах издававшихся к 1846 г. на Кавказе изданий, не пользовался широким спросом.

Мы не располагаем информацией о финансовом положении О.И. Константинова к моменту назначения, вместе с тем очевидно, что он не был настолько состоятелен, чтобы без определенного напряжения выпускать регулярно и полностью на свои средства периодическое издание. Издание было частным и требовало определенных денежных вложений редактора. Тем не менее возможность полноценного запуска и успешного продолжения выпуска газеты обеспечивалась за счет казенных субсидий на условиях займа. Согласно финансовому плану издания, представленному в докладной записке О.И. Константинова от 12 декабря 1845 г., предлагалось продавать газету за 5 р. в год и издавать ее на русском и армянском языках, поскольку высокий спрос был на тексты именно на данных языках. Осип Ильич также просил в записке на имя М.С. Воронцова: *«Газету сделать моею собственностью и все издержки отнести на мой счет; на первое же время прошу пособия в размере 3 тыс. руб., при дозволении же завести свою типографию – 5 тыс.»* [23. С. 3]. Учитывая изложенное, будущий редактор сам рассчитывал на коммерческий успех.

Предваряя обзор творческого успеха эпохи редакторства О.И. Константинова, следует обозначить, что он не смог обеспечить финансовый успех издания. В отношении ген. Н.Н. Муравьева к председателю Кавказского комитета от 31 декабря 1855 г. отмечалось, что газета «Кавказ» *«издается с 1846 года, на основании Высочайше утвержденной программы и особого положения, утвержденного... кн. Воронцовым»*. Также пояснялось, что вследствие его же распоряжения газета передана в феврале 1854 г. *«от частного лица в ведение Канцелярии наместника Кавказского по неблагонадежности прежнего частного издателя и по несостоятельности его к уплате казенного долга»* [27. С. 11].

О.И. Константинов, обеспечив популярность и высокое качество издания, в то же время понес из-за газеты большие убытки и после отъезда в 1850 г. в Петербург был вынужден выплачивать казенные долги по суду [18. С. 60]. Согласно же информации из библиографической заметки к 50-летию газеты, долг издателя составил 5 290 р., включая первое пособие в 3 тыс. р., и *«был с него впоследствии сложен»* [23. С. 3]. До ухода в ноябре Осипа Ильича, очевидно, в попытке выправить финансы издания, «Кавказ» с начала 1850 г. выходил два раза в неделю вместо одного, как было ранее. И, судя по всему, этого не делалось раньше не

вследствие отсутствия желания у редактора. Любопытно, что в обращении редакции к читателям от 16 октября 1848 г. О.И. Константинов отмечал избыточность, поступающих в редакцию интересных материалов. Но редакция вынуждена была откладывать их на последующие года, не имея возможности поместить их все в номера текущего года. Редактор пояснял, что «если бы типографические средства Тифлиса позволяли, то Кавказ выходил бы по два раза в неделю» [25. С. 169]. У редакции не было утвержденного штата, не было регулярного и установленного финансирования. На содержание тифлисской типографии и «Закавказского Вестника» из казны отпускалась ограниченная сумма в 3 тысячи рублей в год. Еще 2 тысячи приносила обязательная подписка на «Вестник» разного рода официальных ведомств и учреждений. Ничего из этих сумм не было предназначено для трат на «Кавказ». Увеличение мощностей тифлисской типографии для «Кавказа» также не было предусмотрено. И в начальный период, когда новая газета только обретала значимость, формировала группу постоянных подписчиков и была ограничена несовершенными путями сообщения и передачи информации от редакции к подписчикам и обратно [25. С. 169–170], О.И. Константинов боролся за коммерческий успех и увеличивал свой долг по газете.

Еще некоторое время, при следующем редакторе И.А. Сливицком, за «Кавказом» сохранялся статус частного издания, хотя газета фактически была уже в ведении канцелярии управления наместника кавказского. Должно быть, уход О.И. Константинова был связан не только с его финансовыми затруднениями, но и с нареканиями к нему ввиду роста его самостоятельности в выборе публикуемых материалов. Ф.В. Тютчев, изучая архивные материалы, обнаружил, что Осип Ильич получил предупреждение за содержание нескольких номеров газеты за 1849 г. [22. С. 300]. Газета находилась под жестким контролем кавказской администрации, при этом решение финансовых затруднений издания ложилось на плечи редакции. Это противоречие обусловило невозможность сохранения газеты в качестве частного издания. Во всяком случае это было затруднительно для человека с ограниченным состоянием и доходом и в отсутствии безвозмездных инвестиций в газету.

Можно предположить, что сыграло свою роль намерение наместника устранить двойственное положение газеты. Казенная задолженность издателя не представляется критичным фактором изменения статуса издания. В инструкции генералу Н.А. Ряду, заменившему М.С. Воронцова на Кавказе в 1854 г., Михаил Семенович, кроме описания положения дел, упомянул долги частных лиц, образовавшиеся по разным обстоятельствам. М.С. Воронцов заверял, что эти суммы в процессе возврата, ручался за должников и оставлял 30 тысяч рублей, если окажется, что он преступил допустимую меру в выдаче займов и если эти деньги требуют [1. С. 100]. В пространной инструкции, конечно, не говорится о О.И. Константинове, но текст дает определенное понимание спокойного отношения М.С. Воронцова к фактам казенной задолженности частных лиц.

С начала 1854 г. официально оформляется переход газеты под управление гражданской канцелярии наместника. Но к этому времени газета полностью себя окупала «без всякого пособия со стороны правительства» и даже процветала. Это позволило Н.Н. Муравьеву внести предложение о присоединении непопулярного «Закавказского Вестника» к известному уже по всей России «Кавказу» с сохранением ведущего положения за «Кавказом» [27. С. 12, 757–765].

Безусловно, фундамент газеты, заложенный О.И. Константиновым, его интеллектуальные и организаторские вложения, обеспечили изданию долгосрочные дивиденды и финансовое благополучие в дальнейшем. Но содержательное богатство и ценность публикуемых материалов снижаются с его уходом. Издание постепенно теряет свой интеллектуальный вес, сообщенный ему усилиями О. И. Константинова.

Миссия О.И. Константинова в становлении издания. Газета стала делом жизни О.И. Константинова, а период его редакторства с января 1846 г. по ноябрь 1850 г. стал «золотым веком» «Кавказа», со значительной долей ценных историко-этнографических материалов, печатавшихся на его страницах. В дореволюционный период стихийного развития кавказоведения основную массу публикаций о Кавказе составляли статьи и очерки в газетах и журналах, незначительные по объему, но ценные по содержанию. Часто авторами кавказоведческих нарративов становились российские военные и чиновники. В условиях военных действий и практики организации управления краем именно они оказались включены в кавказскую реальность, наблюдали изнутри, фиксировали свидетельства о культуре и истории местных народов и транслировали публике собранную информацию, обладая образованием и зачастую литературными и исследовательскими способностями.

Сам О.И. Константинов также оказался в числе описателей и исследователей Кавказа. Более того, будучи издателем-редактором газеты «Кавказ» он стал в известной степени организатором описания и исследования Кавказа. Он проводил целенаправленную работу по привлечению в газету талантливых авторов, в том числе туземного происхождения. К слову, очерк замечательного адыгского просветителя Хан-Гирея «Беслый Абат» впервые был опубликован О. И. Константиновым в газете «Кавказ». Издатель развернул масштабную деятельность по приумножению богатства и разнообразия публикуемых материалов и привлечению одаренных и оригинальных авторов.

Богюс в статье «Газета “Кавказ” в первые годы ее издания», оценивая работу О.И. Константинова и комментируя обращение редакции к читателям в первом январском номере, писал: «эти немногие строки указывали, насколько серьезно смотрел покойный О.И. Константинов на свои обязанности и как он был чужд всяких реклам и пустых обещаний. Прошло 40 лет со дня появления этих строк, и всякий, кто только посмотрит газету “Кавказ” за период редактирования О.И. Константиновым, согласится, что покойный выполнил принятую на себя задачу свято. Не было ни одного номера тогдашнего “Кавказа”, ко-

торый не представлял бы особенного интереса для читающей публики... В особенности хороши были по своей полноте и обстоятельности изложения исторические статьи, которые помещались чуть не в каждом номере... или, например, статьи, рисующие местные условия жизни» [28. С. 3]. Восторженность и эмоциональность отзыва Богюса не противоречит сущностной правдивости написанного. Высота, на которую поднял газету О.И. Константинов, оказалась недосягаемой для последующих редакторов.

Исследуя становление и развитие русской периодической печати на Кавказе, Н.А. Махарадзе отмечает, что «газету “Кавказ” отличало чувство ответственности – и в этом ее сила и значение. Будучи еще в “пеленах”, она вела за собой читателя, раскрывая ему самого и окружающий его мир, делала из него патриота, воспитывала в нем самоуважение, строя все это на прочном фундаменте изучения края» [29. С. 97].

Идеи, редакционная политика, подвижнический труд Осипа Ильича выводили газету на качественно новый уровень распространения ценной информации, печатавшейся на ее страницах. В 1840-е гг. отдельными изданиями выпускались наиболее примечательные статьи из газеты под названием: «Сборник газеты “Кавказ”». Недаром газета получила восторженный отзыв самого В.Г. Белинского именно по случаю выпуска «Сборника газеты “Кавказ”». Во-первых, он отметил богатое содержание газеты как «неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа» [30. С. 435]. Во-вторых, он высоко оценил идею выпуска отдельными изданиями сборников наиболее ценных статей и очерков газеты. В.Г. Белинский воздал должное подходу редактора, который сегодня назвали бы «клиентоориентированностью». Говоря о «Сборнике» за первое полугодие 1846 г., В.Г. Белинский сожалел о небольшом тираже выпуска в 50 экземпляров. Действительно, целью издания «Сборника» было удобство для читателей-подписчиков хранения и изучения наиболее интересных и ценных материалов газеты. О.И. Константинов в данном случае не ориентировался на массовость выпуска для получения вероятной прибыли. Поэтому выпуски «Сборников» являются на сегодняшний день библиографической редкостью. Известно о публикации пяти таких сборников – за первое и второе полугодие 1846 и 1847 г. [9. С. 322] и за первое полугодие 1848 г. [31. С. 135]. В. Безъязычный полагает, что кроме этих выпусков были изданы еще три «Сборника» – за второе полугодие 1848 г., за первое и второе полугодие 1849 г. [31. С. 137]. Но они не обнаружены в библиотеках и не используются в исследовательской практике. Как бы то ни было, издание «Сборников» прекратилось после 1849 г.

Осип Ильич сам выступал как автор статей, очерков, художественных произведений для газеты «Кавказ». Их проблематика обширна. Он обращался к темам войны, национальных культур, религиозных чувств, нравов, обычаев, устоев, городского развития, хозяйственного развития, капиталистических отношений. В газете вел рубрики «Тифлиссские новости» и «Тифлис в настоящее время». Многие из того, что он

опубликовал в газете «Кавказ», по сложившейся в дореволюционной периодике традиции, приводится без указания авторства. В отдельных случаях его авторство уточняется благодаря обзорам и указателям публикаций в периодике [32, 33]. Особой ценностью в данной связи обладают списки статей и заметок газеты «Кавказ», помещенные в «Кавказском календаре» (на 1893, 1894, 1895, 1896, 1898 гг.) [34–38].

Ознакомление с наименованиями далеко не полного перечня статей, очерков, заметок идентифицированного авторства О.И. Константинова в «Кавказе» дает некоторое представление о творческой энергии, разносторонности, образованности и незаурядной эрудиции редактора и автора газеты. Это такие работы, как Отношение России к Кавказу (1846. № 2), Сцены из военной жизни (1846. № 1), Кулачный бой в Тифлисе (1846. № 1), Очерки Тифлиса. Эшак (1846. № 2), Джаробелаканцы до XIX столетия (1846. № 3), Сцена из покорения Джаробелаканцев (1846. № 4), О состоянии рабочего класса в Закавказье (1846. № 4), 8 февраля 1806 г. – 8 февраля 1846 г. [к 40-летию со дня смерти Цицианова] (1846. № 6), Очерки Тифлиса. Уголья и угольщики (1846. № 9), Смерть генерал-майора Гулякова (1846. № 12), Письмо в дороге от находящегося в свите князя наместника (1846. № 17), Нуха (1846. № 24), Поездка в Эчмиадзинский монастырь (1846. № 25), Водопроводы в Закавказском крае (1846. № 32), Конская скачка в Тифлисе (1846. № 33), Вступление на престол грузинского царя Георгия XIII (1846. № 33), Письмо к брату моему в Орел (1846. № 34), Поминки над прахом владетеля Мингрелии князя Левана Дадияна (1846. № 39), Уста-баш (1846. № 42), Свадения (1846. № 44), Солдатская сказка (1846. № 46), Состояние промышленности и торговли Шекинского уезда (1846. № 47, 48), Торжество мироосвящения в Эчмиадзинском монастыре (1846. № 47), Мта-цминда, или Святая гора (предание) (1846. № 49), Вместо Инчхабаре (1846. № 52), Встреча нового года со старым (1847. № 1), Очерк северной стороны Кавказа (1847. № 2), Очерк равнины Риона, Хопи и Ингура (1847. № 6), Смерть на славу или защита Михайловского укрепления (1847. № 12), Письмо Г-жи Трусихиной к приятельнице (1847. № 23), Базар (1847. № 25), Тирольские соловьи в Кабарде (1848. № 3, 4, 5), Чобисхеви (1848. № 47), Дайра (1848. № 52; 1849. № 1, 2), Жизнь за минуту храбрости (1849. № 6), Чеченская сказка (1849. № 17), Обзор состояния сельского хозяйства и промышленности Тифлиссской губернии (1849. № 19, 20), Происшествия сопровождавшие присоединение Мингрелии к России (1849. № 21), Прогулка в Дре (1849. № 43, 44, 45), Письмо в Петербург [Прощальный бал в ботаническом саду княгини Е.К. Воронцовой. История башни в саду] (1850. № 49), Отрывок из письма из Владикавказа [Дорога от Тифлиса до Владикавказа, 13 ноября 1850 г.] (1850. № 92) и др.

Презентация О.И. Константиновым перспектив познания Кавказа. Из публикаций Константинова на страницах «Кавказа» следует отметить его «Очерк северной стороны Кавказа» [39. С. 6–8]. В работе автор предлагает рассмотреть перспективы комплексного познания и исследования Кавказа с учетом природно-

географической специфики рассматриваемого региона. Так, автор отмечает, что «очерк, как собрание некоторых вопросов и задач, представляющихся при первом поверхностном взгляде на страну мало исследованную, **может служить указанием** для тех, которых, случай и способы ознакомили с какою нибудь частью края и они, споспешествуя общепользительной цели, пожелают разрешить эти важные и трудные вопросы, или навести нас, на новые данные».

В начале «Очерка» Константинов посвящает читателей в свое представление о пространственном делении Кавказа, полагая, что знакомство с краем должно начинаться с понимания его территориального членения: «Разделим Кавказ условно на три полосы: Первая, **Закавказье**, заключающее в себе земли, лежащие между Турцией, Персией, Каспийским, Черным морем и главным хребтом гор от Баки до Тамани. Вторая, **Кавказ**, или пространство от вышепомянутого главного хребта к северу до рек Кубани, Малки и Террека, обитаемая покорными и непокорными горскими племенами, и наконец, третья **Подкавказье**, за чертою этих рек и заключающая в себе казачьи поселения и кочевья Ногайцев». По мнению Константинова, «Подкавказье» с давних времен имело ключевое значение в распространении влияния России на Северный Кавказ.

Помимо географической характеристики, в «Очерке» приводится и военно-территориальное разделение края. Далее автор обращается к обзорному описанию общественного строя народов «северной стороны Кавказа» с запада на восток. Константинов в начале своего повествования отмечает, что в рамках своего «Очерка» он не берется охватить всю сложность, все аспекты и особенности развития описываемого региона. Вместе с тем надо отдать должное тонкости его понимания отдельных нюансов развития, избранного объекта рассмотрения. К примеру, рассматривая адыгские общества, он пишет о многоукладности их общественного строя. Будучи ограниченным заявленным в «Очерке» целеполаганием, Константинов все же избежал предельного упрощения своего обобщения. Так, он писал: «*Полное и верное изображение быта прежних Черкесов, должно представить картину новую, разнообразную и чрезвычайно любопытную. Сколько удивительного и достойного изучения мы найдем в этом народе! Борьба Демократизма и Феодализма; характеры истинно рыцарские, герои исполненные доблести, чести, ума и высокого красноречия; воспитание и презрение всех слабостей тела и духа... выше суровости спартанской; условные идеи, предрассудки, обычаи, законы, совершенно выходящие из рамы обыкновенных понятий Европейца. Коренные обычаи, принявшие силу закона, связавшие общества устройством, уравновесившим слабость с силою, но где иногда неограниченный деспотизм безнаказанно попирает се законы, а угнетенные безропотно покорялись ему из одного только уважения к роду; и рядом с этой картиной – буйная вольность, не терпевшая никакой степени власти. Наконец, народ, не имевший письмен, передающий из рода в род в песнях: историю, законы, мысли и чувствования. Изощрение дара слова*

положено было у него в основание воспитания и, красноречие гремело на народных съездах, а песня звучала над прахом каждого замечательного человека и ни малейший случай не ускользал от ее стиха, а с ним и от потомства. Каждый, умирая, уже слышал хвалебный гимн себе, или порицание соотечественников и мысль: что скажут о мне, сторожила всякого в его славных и безславных деяниях.

Какое богатое поприще для начертания картины прежнего быта этого народа, для розысканий о его происхождении, и переворотов духовной и политической его жизни?» [39. С. 7].

Данная выдержка, процитированная в свое время еще М.О. Косвенном, примечательна тем, что лаконично демонстрирует тонкое понимание О.И. Константиновым сложности общественного устройства и специфики ценностных установок адыгов. Более того, он нашел необходимым довести до сведения читателя обнаруженные им, ускользающие от восприятия несведущих наблюдателей, особенности рассмотренных обществ. О.И. Константинов характеризовал расположенность к жителям Кавказа в разгар военных действий в регионе, умение разглядеть их гордость, доблесть и высокие ценности.

О.И. Константинов обращает внимание читателей на проблему соотношения культурно-исторического разнообразия обществ Северного Кавказа и религиозного единообразия. Он сетовал по поводу того, что сохранившиеся еще уникальные особенности горских обществ исчезают, отвергаются под влиянием растущей религиозности, которую он идентифицирует как «фанатизм».

В завершение рассуждений о раздробленности и неминуемом ослаблении описанных обществ, О.И. Константинов, в традициях провиденциализма, делится мыслью о божественном предопределении оформления единой семьи, в том числе северокавказских, народов России.

Оканчивая свой обзорный «Очерк», автор сообщает, что «впоследствии, по мере возможности и собрании материалов, мы разовьем в подробности, отдельно, каждую частность этой картины». То есть О.И. Константинов уповал на дальнейшее более подробное изучение и лучшее понимание истории развития и современного состояния региона.

Текстологический анализ цикла «Обзор статей, помещенных в газете «Кавказ», в продолжение: 1846, 1847, 1848 и 1849 годов» дает основание утверждать, что он написан О.И. Константиновым либо в соавторстве с ним. Так, в начале «Обзора...» воспроизводится административно-территориальное деление Кавказа, изложенное ранее О.И. Константиновым в его «Очерке северной стороны Кавказа». В основу «Обзора...» положена та же схема территориального разделения Кавказа, что и в «Очерке...». Пространство между морями делится на Закавказье, Кавказ и Подкавказье и затем осуществляется последовательный обзор статей, очерков и заметок, опубликованных в газете на протяжении четырех лет и дающих представление о развитии народов, их культуре, современном состоянии в пределах обозначенных территорий и военно-административных границ.

Во введении к обзору отмечается, что все рассматриваемые материалы представлены на страницах газеты на протяжении четырех лет без четкой системы, «без последовательности и связи между собою». Тем не менее весь этот кавказоведческий материал позволяет составить общую картину Кавказа. Цель обзора в том и заключалась, чтобы «свить общую нить из материалов четырех-летней работы газеты Кавказ..., чтобы она могла служить путеводительницею в будущих трудах». Признавая недостаточность краткого обзора для того чтобы оценить работу газеты и полноценно познакомиться с краем, редакция декларировала подготовку в будущем другого обзора статей и очерков, которые должны быть написаны и опубликованы в газете для наиболее полного запечатления всех уголков Кавказа [32. С. 190–191, 195–196, 199–200, 202–203, 206–208]. Заявленный обзор будущих публикаций по тем или иным причинам не был подготовлен. Несмотря на это содержание извещения показывает манеру работы О. И. Константинова. Для него было характерно обобщать и систематизировать проделанную работу, а также намечать контуры последующих трудов для выполнения миссии издания.

Проблема авторства «Исторического очерка распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье». В жанре историко-географического очерка написаны работы О.И. Константинова «Дорожник... по Закавказскому краю...» [40] и «Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю...» [41]. Труды содержат не только и не столько территориальный указатель, но дают представление об истории, культуре, администрировании, экономике регионов Кавказа. Очерки составлены на основе привлечения огромного многообразия данных из опубликованных и неопубликованных материалов. Работы служат проводником в мир Кавказа и дают всестороннее представление о сложившемся здесь положении дел.

Изучение материалов, имевших отношение к творческому наследию и деятельности О.И. Константинова, побудило обратить внимание на сочинение без указания авторства под названием «Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье», опубликованное на страницах газеты «Кавказ».

В информации из энциклопедических и биографических словарей о О.И. Константинове упоминается его неопубликованное крупное сочинение в рукописях «История владычества русских на Кавказе» [17. С. 115] («История русского владычества на Кавказе» [16. С. 49] или «История русского владычества за Кавказом» [18. С. 61]). А.Н. Фалилеева, с опорой на архивные материалы, пришла к заключению, что труд О.И. Константинова удостоился в 1846 г. одобрения и награды от Николая I, от которого при этом не поступило указания опубликовать его. А со временем рукопись была утеряна и «из коллекции Военно-ученого архива она “исключена по предписанию” в 1873 г.» [18. С. 61].

Из выявленных Ф.В. Тотоевым архивных данных следует, что труд О.И. Константинова, начатый в начале 40-х гг., был представлен на рассмотрение в

1846 г. М.С. Воронцову, и позднее при его содействии – Николаю I. Следует отметить, что самостоятельное составление по своему желанию автором подобной работы, без соответствующего на то указания вышестоящих лиц, вызвало некоторую настороженность у высокопоставленных читателей. Обсуждая между собой в деловой переписке содержание труда, и М.С. Воронцов, и А.И. Чернышев констатировали, что он не может быть обнародован в представленном виде, поскольку в тексте есть фрагменты, которые не должны публиковаться на всеобщее обозрение. Но М.С. Воронцов допускал публикацию отдельных фрагментов текста в подходящей редакции [22. С. 300].

Между тем упомянутый «Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье» без указания авторства публиковался по крайней мере в четырех разных периодических изданиях. Впервые «Исторический очерк...» в четырех статьях, без какого бы то ни было намека на авторство был опубликован в «Журнале Министерства внутренних дел» с 1849 по 1851 г. [42]. В газете «Кавказ» «Исторический очерк...» также в четырех статьях был перепечатан в 1850 и 1851 гг. со ссылкой на ЖМВД и без указания авторства [43]. В «Русском инвалиде» текст был перепечатан в 1850 г. без указания авторства со ссылкой на газету «Кавказ» в составе двух первых статей [44]. В 1851 г. текст был опубликован в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» без авторства и ссылки на первоисточник в составе двух первых статей [45].

Интересно отметить, что Н.Ф. Дубровин в своем известном труде «История войны и владычества русских на Кавказе» (1871–1888) в шести томах не обращается к опубликованному не единожды «Историческому очерку распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье». В третьей библиографической части первого тома своей работы Н.Ф. Дубровин приводит внушительный список задействованных в исследовании материалов [46]. Там же он упоминает «Дорожник...» и «Путеводитель...» О.И. Константинова, но «Исторический очерк...» не упоминается.

Наше внимание привлек факт начала публикации «Исторического очерка...» в газете «Кавказ» в период редакторства знатока Закавказья О.И. Константинова. Первые три статьи работы вышли при Осипе Ильиче, который руководил изданием до выпуска 11 ноября 1850 г. № 89 включительно. Четвертая статья печаталась уже в 1851 г. при Иване Алексеевиче Сливицком. Первая статья посвящена распространению русского владычества в «Подкавказье», вторая, третья и четвертая статьи – утверждению России в Закавказье и ключевым административным преобразованиям в регионе. Судя по окончанию четвертой статьи, автором предполагалось продолжить повествование для изложения того, что было сделано в «Подкавказье» «для упрочения Русской власти, гражданского порядка и общественного благоденствия». Но пятая статья так и не появилась в печати.

Возникшие догадки о вероятном написании «Исторического очерка...» О.И. Константиновым подкрепляются сверкой с текстом «Путеводителя по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю...» признанного авторства Осипа Ильича. Во второй части «Путеводителя...» с описанием «Кавказского края» представлен раздел «Исторический очерк распространения русского владычества под-Кавказом» [41]. Во-первых, идентичность названий раздела «Путеводителя...» и интересующего нас «Исторического очерка...», с поправкой на акцентировку предмета раздела, побуждает к размышлениям. Во-вторых, сверка текстов показала, что содержание раздела «Путеводителя...» является сокращенной местами копией первой статьи «Исторического очерка». Тождество в двух текстах мыслей, выражений, формулировок, частей предложений и целых предложений не может быть случайным, если не подозревать О.И. Константинова в тривиальном плагиате. Возможность плагиата представляется сомнительной и вот почему. В структуре «Путеводителя...» присутствует раздел под названием «Более важные места от Черномории по пути через Кавказскую линию и Ставропольскую губернию, до Владикавказа и границы Грузии». В качестве составителя данного раздела указывается некто «А. У.». То есть у труда, который общепризнанно приписывается О.И. Константинову, есть анонимный соавтор. Но его авторство конкретного раздела работы не отрицается и отмечается в содержании. Это снова заставляет по меньшей мере задуматься, поскольку сомнительно, чтобы Осип Ильич в случае с одним разделом честно указал на наличие соавтора (пусть и скрытого под инициалами), а в случае с другим разделом использовал чужой текст и скрыл его автора.

В Некрологе О.И. Константинова автор-современник в качестве его ключевой характеристики отметил одаренный ум, развитый чтением и жизненным опытом. Краткая памятная заметка из четырех предложений завершалась указанием на то, что Осип Ильич «*посвящал свое свободное время литературным занятиям и напечатал в разных периодических изданиях много статей, по большей части без подписи своей фамилии*» [47. С. 100]. Нам представляется, что данное не-

случайное высказывание заслуживает исследовательского внимания и дальнейших поисков в контексте вклада О.И. Константинова в развитие кавказоведения и, соответственно, выстраивание диалога и сотрудничества России и Кавказа.

Заключение

Анализ деятельности редактора газеты «Кавказ» О.И. Константинова позволяет утверждать, что он незаслуженно забыт кавказоведами, несмотря на огромный вклад в изучение народов Кавказа. Его статьи, работы, редакторская политика стали факторами диалога и сотрудничества России и Кавказа во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XIX в. Газета, усилиями своего издателя, стала площадкой понимающей коммуникации, на которой в созидательном ключе описывалась и объяснялась населению Кавказа и остальной России исторически обусловленная логика и прагматизм интеграции в рамках динамической социально-территориальной структуры. Конечно, не следует забывать, что идея газеты принадлежит М.С. Воронцову. Но также не следует отрицать, что воплощение этой задумки именно О.И. Константиновым, с его интересом к краю, с его симпатией к местным жителям, с его уровнем подготовки и организации дела, с его щепетильным отношением к сохранению специфики и тональности авторских текстов дало уникальный опыт построения полифункционального и поликультурного российского периодического издания.

Очевидно, что О.И. Константинов не случайный бытописатель с несколькими публикациями о любопытной местности. Он понимал целостность Кавказа, предложил программу изучения Кавказа и известным образом способствовал этому изучению, кроме того, и сам был плодотворным автором. Вместе с тем именно работа О.И. Константинова в качестве редактора тематического периодического издания обогатила и углубила его кавказоведческие изыскания. Считаем, что в ближайшее время необходимо осуществить выявление, тщательный анализ и издание единым сборником трудов Осипа Ильича.

Список источников

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 10: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерала от инфантерии князя Михаила Семеновича Воронцова, 1844–1854 / под ред. Ад. Берже. Тифлис : В Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1885. 936 с.
2. Савельев А.Е. Жизнь и деятельность кавказского наместника светлейшего князя генерал-фельдмаршала М.С. Воронцова // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 21–31.
3. Урушадзе А.Т. Другая Кавказская война: Кавказский наместник vs царские министры (1844–1853 гг.) // Уральский исторический вестник. 2019. № 3 (64). С. 31–39.
4. Лучинский Ю.В. Князь М.С. Воронцов на Кавказе. Векторы культурной политики // Свободная мысль. 2020. № 6 (1684). С. 193–204.
5. Колесникова М.Е., Кузьминов П.А. Интеграционные процессы на Кавказе в 1840–1850-х гг.: поиск российской администрацией альтернативных подходов к преобразованиям // Новое прошлое. 2023. № 1. С. 218–233. doi: 10.18522/2500-3224-2023-1-218-233
6. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука : в 2 кн. Кн. 1: Журналистика в контексте науковедчества в России XVIII–XIX вв. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 1998. 383 с.
7. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука : в 2 кн. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 1999. 511 с.
8. Лучинский Ю.В. Медийное измерение этнокультурной политики России на Кавказе в первой половине XIX века // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи : сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова. М. : Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева», 2015. С. 257–274.
9. Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. I // Кавказский этнографический сборник. М. : Из-во АН СССР, 1955. Вып. I. С. 265–374.
10. Лучинский Ю.В. Кавказ в системе конкурирующих медиастратегий: история, политика, культура. Краснодар : Trivium, 2011. 103 с.

11. Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик : КБГУ, 2009. 236 с.
12. Прозрителев Г.Н. Печатное дело на Северном Кавказе (Ставропольская губерния). Ставрополь : Изд-во типографии губернского правления, 1910. 12 с.
13. Городецкий Б.М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе. Екатеринодар : Тип. Кубанского обл. прав., 1914. 54 с.
14. Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.). Ростов н/Д : Изд-во Южного федер. ун-та, 2016. 280 с.
15. Геннади Г.Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1725 по 1825 гг. Т. 2: Ж–М. Берлин : Тип. Розенталя и Комп. в Берлине, 1880. 444 с.
16. Карцов В.С. Константинов, Осип Ильич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XVI: Конкорд – Коялович. СПб. : Типо-Литография И.А. Ефрона, 1895. С. 49.
17. Константинов, Осип Ильич // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 9: Кнаппе – Кюхельбекер / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб. : тип. Гл. упр. делов, 1903. С. 115.
18. Фалилеева А.Н. Константинов Осип Ильич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 3: К–М / гл. ред. П.А. Николаев. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. С. 60–61.
19. Колосовская Т.А., Ткаченко Д.С. Военные кавказоведы Российской империи: биобиблиографический словарь. Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2021. С. 138–140.
20. Косвен М.О. Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // Советская этнография. 1951. № 1. С. 7–21.
21. Канделаки Д.А. Из истории русской периодической печати в Грузии (Литературные приложения к газете «Кавказ» 1846–1867 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1974. 191 с.
22. Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX века). Нальчик : ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 375 с.
23. К 50-летию юбилею газеты Кавказ. Тифлис : Тип. главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1896. 14 с.
24. От редакции // Кавказ. 1846. № 1. С. 1–2.
25. От редакции газеты Кавказ // Кавказ. 1848. № 42. С. 169–171.
26. Зиссерман А. Из кавказских воспоминаний // Русский архив. 1896. № 2. С. 311–313.
27. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 т. Т. 11: Кавказ и Закавказье за время управления генерал-адъютанта генерала от инфантерии Николая Николаевича Муравьева, 1854–1856 / под ред. Дм. Кобыякова. Тифлис : В Тип. Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1888. 1020 с.
28. Богос. Газета «Кавказ» в первые годы ее издания // Тифлисский листок. 1887. № 240. С. 3.
29. Махарадзе Н.А. Русская газета на Кавказе в 40–50-е годы XIX в. Тбилиси : Изд-во Тбилиси. ун-та, 1984. 234 с.
30. Белинский В.Г. Сборник газет: Кавказ. Издаваемый О.И. Константиновым. Первое полугодие 1846 года. Тифлис. 1846 // Полное собрание сочинений В.Г. Белинского : в 12 т. Т. 10: 1846–1847 гг. / под ред. и с прим. С.А. Венгерова. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1914. С. 435.
31. Безязычный В. Сколько было сборников газеты «Кавказ» // Альманах библиофила. Вып. 5 / гл. ред. Е.И. Осетров. М. : Книга, 1978. С. 129–138.
32. Обзор статей, помещенных в газете «Кавказ», в продолжение: 1846, 1847, 1848 и 1849 годов // Кавказ. 1849. № 48, 49, 50, 51, 52. С. 190–191, 195–196, 199–200, 202–203, 206–208.
33. Хаханов А.С. Указатель этнографических статей и заметок в кавказских изданиях от начала их существования, «Кавказ» (1846–1853, полный перечень статей) // Этнографическое обозрение. 1892. № 2–3. С. 84–95.
34. Список статей и выдающихся заметок, помещенных в изданиях кавказских ученых обществ, разных привилегированных учреждений на Кавказе в газетах, издаваемых в Закавказьи: XI. Газета «Кавказ» с 1846 г. по 1851 г. / [сост. В.С. Шамрай] // Кавказский календарь на 1893 г. Тифлис : Канцел. Главноначальств. гражд. ч. на Кавказе, 1892. С. 1–54 (паг. 6-я).
35. Список статей и выдающихся заметок, помещенных в газете «Кавказ» [за 1852–1857] // Кавказский календарь на 1894. Тифлис : Канцел. Главноначальств. гражд. ч. на Кавказе, 1893. Отд. 4. С. 33–53.
36. Список статей и выдающихся заметок, помещенных в газете «Кавказ» [за 1858–1860] // Кавказский календарь на 1895 г. Тифлис : Канцел. Главноначальств. гражд. ч. на Кавказе, 1894. Отд. 4. С. 88–102.
37. Систематический указатель наиболее выдающихся статей и заметок, помещенных в газете «Кавказ» за все 50 лет издания (с [1846] по 1895 г.) / [сост.] В.Н. Политовский // Кавказский календарь на 1896. Тифлис : Канцел. Главноначальств. гражд. ч. на Кавказе, 1895. Отд. 4. С. 49–100.
38. Выдающиеся статьи и заметки, помещенные в газете «Кавказ» в 1895–1896 и 1897 (по июль) гг. // Кавказский календарь на 1898 г. Тифлис : Канцел. Главноначальств. гражд. ч. на Кавказе, 1897. Отд. 2. С. 118–122.
39. Константинов О.И. Очерк северной стороны Кавказа // Кавказ. 1847. № 2. С. 6–8.
40. Константинов О.И. Дорожник по пути следования Его Императорского высочества, Государя Наследника, по Закавказскому краю, в 1850 году, с краткими описаниями этнографическими, статистическими и историческими. Тифлис : В Типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1850. 72 с.
41. Константинов О.И. Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю, от Тамани до Тифлиса и потом до Кутаиса, Эривани, Шемахи и Дербента // Кавказский календарь на 1851 год. Тифлис : В Типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1850. Отд. III. С. 37–132.
42. Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье // Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). 1849. Ч. 28. С. 286–311; 1850. Ч. 30. С. 46–68; 1850. Ч. 31. С. 211–246; 1851. Ч. 34. С. 300–321.
43. Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье // Кавказ. 1850. № 12, 13, 34, 68, 69, 70; 1851. № 39, 40.
44. Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье // Русский инвалид. 1850. № 54, 55, 56, 116, 117, 125, 126.
45. Исторический очерк распространения и устройства русского владычества под Кавказом и в Закавказье // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений (ЖЧВУЗ). 1851. Т. 91. № 363, 364.
46. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: Т. 1–6. Т. 1: Очерк Кавказа и народов, его населяющих, Кн. 3: Библиографический указатель источников к первым двум книгам. СПб. : Тип. Департамента делов, 1871. 463 с.
47. Некролог: О.И. Константинов // Отечественные записки. 1856. Т. 106, № 6. С. 99–100.

References

1. Berzhe, Ad. (ed.) (1885) *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii: v 12 t.* [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission: In 12 Vols]. Vol. 10. Tiflis: V Tip. Kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
2. Savelev, A.E. (2011) *Zhizn' i deyatel'nost' kavkazskogo namestnika svetleyshogo knyaza general-fel'dmarshala M.S. Vorontsova* [Life and Work of the Caucasian Viceroy His Serene Highness Prince Field Marshal M.S. Vorontsov]. *Obshchestvo i pravo*. 33 (1). pp. 21–31.
3. Urushadze, A.T. (2019) *Drugaya Kavkazskaya voyna: Kavkazskiy namestnik vs tsarskie ministy (1844–1853 gg.)* [Another Caucasian War: The Caucasian Viceroy vs. the Tsarist Ministers (1844–1853)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 64 (3). pp. 31–39.
4. Luchinskiy, Yu.V. (2020) *Knyaz' M.S. Vorontsov na Kavkaze. Vektory kul'turnoy politiki* [Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus. Vectors of Cultural Policy]. *Svobodnaya mysl'*. 1684 (6). pp. 193–204.

5. Kolesnikova, M.E. & Kuz'minov, P.A. (2023) Integratsionnye protsessy na Kavkaze v 1840–1850-kh gg.: poisk rossiyskoy administratsiyey al'ternativnykh podkhodov k preobrazovaniyam [Integration Processes in the Caucasus in the 1840s–1850s: The Search for Alternative Approaches to Reforms by the Russian Administration]. *Novoe proshloe*. 1. pp. 218–233. doi: 10.18522/2500-3224-2023-1-218-233
6. Mokhnacheva, M.P. (1998) *Zhurnalistika i istoricheskaya nauka: v 2 kn.* [Journalism and Historical Science: In 2 Books]. Book 1. Moscow: RSUH.
7. Mokhnacheva, M.P. (1999) *Zhurnalistika i istoricheskaya nauka: v 2 kn.* [Journalism and Historical Science: In 2 Books]. Book 2. Moscow: RSUH.
8. Luchinskiy, Yu.V. (2015) Mediinoye izmereniye etnokul'turnoy politiki Rossii na Kavkaze v pervoy polovine XIX veka [Media Dimension of Russia's Ethnocultural Policy in the First Half of the 19th Century]. In: Gorlova, I.I. (otv. red.) *Religioznaya i natsional'no-kul'turnaya politika gosudarstvennoy vlasti v Rossiyskoy imperii: sb. nauch. st.* [Religious and National-Cultural Policy of the State Power in the Russian Empire: Collection of Scientific Articles]. Moscow: Institute of Heritage, Southern Branch. pp. 257–274.
9. Kosven, M.O. (1955) Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoy nauke. Ch. I [Materials on the History of the Ethnographic Study of the Caucasus in the Russian Science. Part I]. In: *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection]. Vol. I. Moscow: USSR AS. pp. 265–374.
10. Luchinskiy, Yu.V. (2011) *Kavkaz v sisteme konkuriruyushchikh mediastrategiy: istoriya, politika, kul'tura* [The Caucasus in the System of Competing Media Strategies: History, Politics, Culture]. Krasnodar: Trivium.
11. Kuz'minov, P.A. (2009) *Epokha reform 50–70-kh godov veka u narodov Severnogo Kavkaza v dorevolutsionnom kavkazovedenii* [The Era of Reforms of the 1850s–1870s among the Peoples of the North Caucasus in Pre-Revolutionary Caucasian Studies]. Nal'chik: KBGU.
12. Prozritelev, G.N. (1910) *Pechatnoye delo na Severnom Kavkaze (Stavropol'skaya guberniya)* [Printing in the North Caucasus (Stavropol Province)]. Stavropol: Izd-vo tipografii gubernskogo pravleniya.
13. Gorodetskiy, B.M. (1914) *Ocherk razvitiya russkoy periodicheskoy pechati na Severnom Kavkaze* [Essay on the Development of Russian Periodical Press in the North Caucasus]. Yekaterinodar: Tip. Kubanskogo obl. prav.
14. Urushadze, A.T. (2016) *Kavkaz: vzaimodeystviye kul'tur (konets XVIII – seredina XIX vv.)* [The Caucasus: Interaction of Cultures (Late 18th – Mid-19th Centuries)]. Rostov-on-Don: SFU.
15. Gennadi, G.N. (1880) *Spravochnyy slovar' o russkikh pisatelyakh i uchenykh, umerskhikh v XVIII i XIX stoletiyakh, i spisok russkikh knig s 1725 po 1825 gg.* [Reference Dictionary of Russian Writers and Scientists Who Died in the 18th and 19th Centuries, and a List of Russian Books from 1725 to 1825]. Vol. 2. Berlin: Tip. Rozentalya i Komp. v Berline.
16. Kartsev, V.S. (1895) Konstantinov, Osip Il'ich [Konstantinov, Osip Ilyich]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.)* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: In 86 Vols (82 Vols and 4 Supplements)]. Vol. XVI. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya I.A. Efrona. p. 49.
17. Anon. (1903) Konstantinov, Osip Il'ich [Konstantinov, Osip Ilyich]. In: *Russkiy biograficheskiy slovar: v 25 t.* [Russian Biographical Dictionary: In 25 Vols]. Vol. 9. Saint Petersburg: tip. Gl. upr. udelov. p. 115.
18. Falileeva, A.N. (1994) Konstantinov Osip Il'ich [Osip Ilyich Konstantinov]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkiye pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917. Biographical Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 60–61.
19. Kolosovskaya, T.A. & Tkachenko, D.S. (2021) *Voyennyye kavkazovedy Rossiyskoy imperii: biobibliograficheskiy slovar'* [Military Caucasian Scholars of the Russian Empire: Biobibliographical Dictionary]. Stavropol: Dizayn-studiya B. pp. 138–140.
20. Kosven, M.O. (1951) Problema obshchestvennogo stroya gorskikh narodov Kavkaza v ranney russkoy etnografii [The Problem of the Social System of the Mountain Peoples of the Caucasus in Early Russian Ethnography]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 7–21.
21. Kandelaki, D.A. (1974) *Iz istorii russkoy periodicheskoy pechati v Gruzii (Literaturnyye prilozheniya k gazete "Kavkaz" 1846–1867 gg.)* [From the History of the Russian Periodical Press in Georgia (Literary Supplements to the Newspaper "Kavkaz" 1846–1867)]. Philology Cand. Diss. Tbilisi.
22. Totoev, F.V. (2009) *Obshchestvennyy stroy Chechni (vtoraya polovina XVIII – 40-e gg. XIX veka)* [The Social System of Chechnya (Second Half of the 18th – 1840s of the 19th Century)]. Nalchik: GP KBR "Respublikanskiy poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.". p. 435.
23. Anon. (1896) *K 50-letnemu yubileyu gazety Kavkaz* [To the 50th Anniversary of the Newspaper Kavkaz]. Tiflis: Tip. glavnonachal'stv. grazhd. chast'yu na Kavkaze.
24. *Kavkaz*. (1846) Ot redaktsii [From the Editorial Board]. 1. pp. 1–2.
25. *Kavkaz*. (1848) Ot redaktsii gazety Kavkaz [From the Editorial Board of the Newspaper Kavkaz]. 42. pp. 169–171.
26. Zisserman, A. (1896) Iz kavkazskikh vospominaniy [From Caucasian Memoirs]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 311–313.
27. Kobayakov, Dm. (ed.) (1888) *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii: v 12 t.* [Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission: In 12 Volumes]. Vol. 11. Tiflis: V Tip. Kantselyarii glavnonachal'stvuyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
28. Bogus. (1887) *Gazeta "Kavkaz" v pervyye gody eya izdaniya* [The Newspaper "Kavkaz" in the First Years of Its Publication]. *Tiflisskiy listok*. 240. p. 3.
29. Makharadze, N.A. (1984) *Russkaya gazeta na Kavkaze v 40–50-e gody XIX v.* [Russian Newspaper in the Caucasus in the 1840s–1850s]. Tbilisi: Tbilisi University.
30. Belinskiy, V.G. (1914) *Sbornik gazety: Kavkaz. Izdayemyy O.I. Konstantinovym. Pervoye polugodiye 1846 goda. Tiflis. 1846* [Collection of the Newspaper: Kavkaz. Published by O.I. Konstantinov. First Half of 1846. Tiflis. 1846]. In: Vengerov, S.A. (ed.) *Polnoye sobraniye sochineniy V.G. Belinskogo: v 12 t.* [Complete Works of V.G. Belinsky: In 12 Vols]. Vol. 10. Saint Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za". p. 435.
31. Bezvazhnyy, V. (1978) Skol'ko bylo sbornikov gazety "Kavkaz" [How Many Collections of the Newspaper "Kavkaz" Were There]. In: Oseretrov, E.I. (ed.) *Al'manakh bibliofila* [Bibliophile's Almanac]. Vol. 5. Moscow: Kniga. pp. 129–138.
32. *Kavkaz*. (1849) Obzor statey, pomeshchennykh v gazete "Kavkaz", v prodolzheniye: 1846, 1847, 1848 i 1849 godov [Review of Articles Published in the Newspaper "Kavkaz" During: 1846, 1847, 1848 and 1849]. 48, 49, 50, 51, 52. pp. 190–191, 195–196, 199–200, 202–203, 206–208.
33. Kakhanov, A.S. (1892) Ukazatel' etnograficheskikh statey i zametok v kavkazskikh izdaniyakh ot nachala ikh sushchestvovaniya, "Kavkaz" (1846–1853, polnyy perechen' statey) [Index of Ethnographic Articles and Notes in Caucasian Publications from the Beginning of Their Existence, "Kavkaz" (1846–1853, Complete List of Articles)]. *Etnograficheskoye obozrenie*. 2–3. pp. 84–95.
34. Shamray, V.S. (1892) Spisok statey i vydayushchikhsya zametok, pomeshchennykh v izdaniyakh kavkazskikh uchenykh obshchestv, raznykh privileirovannykh uchrezhdeniy na Kavkaze v gazetakh, izdayemykh v Zakavkaz'ii: XI. Gazeta "Kavkaz" s 1846 g. po 1851 g. [List of Articles and Outstanding Notes Published in the Editions of Caucasian Scientific Societies, Various Privileged Institutions in the Caucasus in Newspapers Published in Transcaucasia: XI. Newspaper "Kavkaz" from 1846 to 1851]. In: *Kavkazskiy kalendar' na 1893 g.* [Caucasian Calendar for 1893]. Tiflis: Kantsel. Glavnonachal'stv. grazhd. ch. na Kavkaze. pp. 1–54.
35. Anon. (1893) Spisok statey i vydayushchikhsya zametok, pomeshchennykh v gazete "Kavkaz" [za 1852–1857] [List of Articles and Outstanding Notes Published in the Newspaper "Kavkaz" [for 1852–1857]]. In: *Kavkazskiy kalendar' na 1894* [Caucasian Calendar for 1894]. Tiflis: Kantsel. Glavnonachal'stv. grazhd. ch. na Kavkaze. Otd. 4. pp. 33–53.
36. Anon. (1894) Spisok statey i vydayushchikhsya zametok, pomeshchennykh v gazete "Kavkaz" [za 1858–1860] [List of Articles and Outstanding Notes Published in the Newspaper "Kavkaz" [for 1858–1860]]. In: *Kavkazskiy kalendar' na 1895 g.* [Caucasian Calendar for 1895]. Tiflis: Kantsel. Glavnonachal'stv. grazhd. ch. na Kavkaze. Otd. 4. pp. 88–102.
37. Polotovskiy, V.N. (1895) Sistematcheskii ukazatel' naiboleye vydayushchikhsya statey i zametok, pomeshchennykh v gazete "Kavkaz" za vse 50 let izdaniya (s [1846] po 1895 g.) [Systematic Index of the Most Outstanding Articles and Notes Published in the Newspaper "Kavkaz" for 50 years of publication (from [1846] to 1895 g.)]

- All 50 Years of Publication (from [1846] to 1895)]. In: *Kavkazskiy kalendar' na 1896* [Caucasian Calendar for 1896]. Tiflis: Kantsel. Glavnachal'stv. grazhd. ch. na Kavkaze. Otd. 4. pp. 49–100.
38. Anon. (1897) Vydayushchiyesya stat'i i zametki, pomeshchennyye v gazete "Kavkaz" v 1895–1896 i 1897 (po iyul') gg. [Outstanding Articles and Notes Published in the Newspaper "Kavkaz" in 1895–1896 and 1897 (until July)]. In: *Kavkazskiy kalendar' na 1898 g.* [Caucasian Calendar for 1898]. Tiflis: Kantsel. Glavnachal'stv. grazhd. ch. na Kavkaze. Otd. 2. pp. 118–122.
 39. Konstantinov, O.I. (1847) Ocherk severnoy storony Kavkaza [Essay on the Northern Side of the Caucasus]. *Kavkaz*. 2. pp. 6–8.
 40. Konstantinov, O.I. (1850) *Dorozhnik po puti sledovaniya Yego Imperatorskogo vysochestva, Gosudarya Naslednika, po Zakavkazskomu krayu, v 1850 godu, s kratkimi opisanijami etnograficheskimi, statisticheskimi i istoricheskimi* [Road Guide for the Route of His Imperial Highness, the Sovereign Heir, Through the Transcaucasian Region, in 1850, with Brief Ethnographic, Statistical and Historical Descriptions]. Tiflis: V Tipografii Kantselyarii Namestnika Kavkazskogo.
 41. Konstantinov, O.I. (1850) Putevoditel' po Chernomorii, Kavkazskomu i Zakavkazskomu krayu, ot Tamani do Tiflisa i potom do Kutaisa, Erivani, Shemakhi i Derbenta [Guide to the Black Sea Coast, the Caucasian and Transcaucasian Regions, from Taman to Tiflis and then to Kutaisi, Erivan, Shemakha and Derbent]. In: *Kavkazskiy kalendar' na 1851 god* [Caucasian Calendar for 1851]. Tiflis: V Tipografii Kantselyarii Namestnika Kavkazskogo. Otd. III. pp. 37–132.
 42. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* (1849–1851) Istoricheskiy ocherk rasprostraneniya i ustroystva russkogo vladychestva pod Kavkazom i v Zakavkaz'ye [Historical Outline of the Spread and Establishment of Russian Rule in the Caucasus and Transcaucasia]. 28. pp. 286–311; 30. pp. 46–68; 31. pp. 211–246; 34. pp. 300–321.
 43. *Kavkaz.* (1850–1851) Istoricheskiy ocherk rasprostraneniya i ustroystva russkogo vladychestva pod Kavkazom i v Zakavkaz'ye [Historical Outline of the Spread and Establishment of Russian Rule in the Caucasus and Transcaucasia]. 12, 13, 34, 68, 69, 70 (1850); 39, 40 (1851).
 44. *Russkiy invalid.* (1850) Istoricheskiy ocherk rasprostraneniya i ustroystva russkogo vladychestva pod Kavkazom i v Zakavkaz'ye [Historical Outline of the Spread and Establishment of Russian Rule in the Caucasus and Transcaucasia]. 54, 55, 56, 116, 117, 125, 126.
 45. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedeni.* (1851) Istoricheskiy ocherk rasprostraneniya i ustroystva russkogo vladychestva pod Kavkazom i v Zakavkaz'ye [Historical Outline of the Spread and Establishment of Russian Rule in the Caucasus and Transcaucasia]. 91, 363, 364.
 46. Dubrovin, N.F. (1871) *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze: T. 1–6* [History of the War and Rule of the Russians in the Caucasus: Vols 1–6]. Vol. 1. Book 3. Saint Petersburg: Tip. Departamenta udelov.
 47. *Otechestvennyye zapiski.* (1856) Nekrolog: O.I. Konstantinov [Obituary: O.I. Konstantinov]. 106 (6). pp. 99–100.

Информация об авторах:

Азикова Ю.М. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия). E-mail: i.azikova@kbsu.ru. ORCID: 0000-0001-8901-8861

Кузьмин П.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия). E-mail: petrakis_hist@bk.ru. ORCID: 0000-0002-5767-1484

Гаунова Л.Р. – младший научный сотрудник Культурно-образовательного центра "Эрмитаж-Кавказ" Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (Нальчик, Россия). E-mail: gaunova.lina@mail.ru. ORCID: 0009-0000-7651-6466

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.M. Azikova, Cand. Sci. (History), associate professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation). E-mail: i.azikova@kbsu.ru. ORCID: 0000-0001-8901-8861

P.A. Kuzminov, Dr. Sci. (History), professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation). E-mail: petrakis_hist@bk.ru. ORCID: 0000-0002-5767-1484

L.R. Gaunova, junior research fellow, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation). E-mail: gaunova.lina@mail.ru. ORCID: 0009-0000-7651-6466

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.09.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 30.09.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 930 (571.1/.5) "1721/1917"
doi: 10.17223/15617793/513/13

Современная англо- и немецкоязычная историография социокультурного развития Сибири в имперский период

Денис Анатольевич Ананьев¹

¹ *Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, denis.ananyev@gmail.com*

Аннотация. Анализируются работы современных англо- и немецкоязычных историков (Ст. Штух, Э.-М. Столберг, Э. Фризен и др.), посвященные истории социокультурного развития Сибири в имперский период. Выявлены основные теоретико-методологические подходы, применявшиеся зарубежными авторами; определена проблематика их исследований, в которых рассматриваются вопросы «регионального сознания», «сибирской и этнической идентичности»; выясняется роль различных инструментов социокультурной интеграции Сибири в общеимперское пространство (православные миссии, научные экспедиции, транспортные коммуникации).

Ключевые слова: история Сибири, социокультурные процессы, западная историография, «культурный поворот»

Источник финансирования: статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

Для цитирования: Ананьев Д.А. Современная англо- и немецкоязычная историография социокультурного развития Сибири в имперский период // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 111–117. doi: 10.17223/15617793/513/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/13

Contemporary English- and German-language historiography of Siberia's sociocultural development in the "imperial period"

Denis A. Anan'ev¹

¹ *Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, denis.ananyev@gmail.com*

Abstract. The article analyzes works by the contemporary English- and German-language researchers (St. Stuch, E.-M. Stolberg, A. Znamenski, E. Friesen, M. Bassin, F.-B. Schenk, C. Weiss, et al.) focusing on the history of Siberia's sociocultural development during the "imperial period" (18th – early 20th centuries). The author identifies key theoretical and methodological approaches applied by foreign scholars: "frontier", "colonization", "modernization", "imperial", as well as approaches of the "new social and cultural history". It is established that under the influence of the "cultural turn" the emphasis of Siberian studies in Western historiography gradually shifted from the phenomena of "objective reality", from the analysis of mass and typical structures and processes (often using the statistical and mathematical methods) to the study of "subjective reality": "mental worlds", structures of human consciousness, systems of ideas, concepts and symbols; practices and values; mental sets and human behavior patterns. "Cultural and spatial turn" among other things led to mainstreaming of the issues of "imagined geography", "mental maps" and "spatial thinking". English- and German-language researchers also deal with a wide range of issues related to the formation of "regional consciousness", "Siberian and ethnical identities" of the newcomers and indigenous population. They also define the role of various instruments of sociocultural and "mental" integration of Siberia in the imperial space (Orthodox missions, academic expeditions, transport communications). The topic of "mental integration" of Siberia is studied among others by M. Bassin and C. Weiss, who consider "geographical space" of Siberia as an emotionally loaded mental construct and "geo-ideological" concept reflecting the self-perception of the Russian society. It is noted that studies in Siberian history over the last decades have been interdisciplinary in nature as exemplified among others by the works of F.-B. Schenk, S. Frank, and others. Contemporary Western historians using methods and concepts of "historical imagology" pay significant attention to the "images" and "representations" of the Siberian macroregion, to the analysis of relevant myths. It is concluded that, according to the Western historians, the most important factors influencing the features of Siberia's sociocultural development included geographical features of the region, the role of local intellectual elite along with the changes in the government policy.

Keywords: history of Siberia, sociocultural processes, Western historiography, "cultural turn"

Financial support: The study was carried out as part of the state assignment, FWZM-2024-0007.

For citation: Anan'ev, D.A. (2025) Contemporary English- and German-language historiography of Siberia's sociocultural development in the "imperial period". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 111–117. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/13

Актуальность социокультурной проблематики во многом обусловлена общей ситуацией в исторической науке, испытывавшей влияние антропологического поворота. Повышенное внимание историков к проблемам индивидуального и коллективного сознания, к человеческому измерению исторического процесса, в свою очередь, соответствует общим тенденциям развития современной науки, утверждающей «факт имманентной и неустранимой включенности антропологической составляющей в естественнонаучную картину мира» и определяющей феномен сознания как центральную философскую проблему [1. С. 130; 2]. При этом любые результаты «отражения» объективного мира в сознании человека рассматриваются, скорее, как проекция вовне его собственных «образов мира», а познавательная деятельность человека – как производная от языка и «культурных смыслов», и одновременно – как порождение «непрозрачных для рациональной рефлексии базовых структур субъективности» [2].

В рамках такого взгляда на когнитивный процесс термин «культура» получает крайне широкое толкование и включает в себя не только все формы познания, но и память, и все формы поведения, основанные на информации, полученной и фиксируемой не генетически, а через научение, заимствование опыта себе подобных. Соответственно, социальная эволюция рассматривается как составляющая эволюции культуры, ставшей для человека главным и необходимым средством приспособления к естественной среде.

В историко-регионоведческих исследованиях (в том числе сибиреведческих) «культурный поворот» также проявился в постепенном смещении фокуса исследовательского интереса от изучения явлений «объективной реальности», от анализа (в том числе с использованием статистических и математических методов) массовых и типических социальных структур и процессов к изучению «реальности субъективной»: «ментальные миры», структур человеческого сознания, систем идей, понятий и символов; обычаев и ценностей; психических установок и моделей поведения человека. Одним из следствий «культурного и пространственного поворота» стала актуализация проблем «воображаемой географии», «ментальных карт» и «пространственного мышления».

В современном западном сибиреведении (прежде всего в работах англо- и немецкоязычных историков) особое внимание уделяется социокультурным процессам, развивавшимся в Сибири в XVIII – начале XX в., т.е. в течение «имперского» периода, когда закладывались прочные основы российского присутствия на огромных пространствах Северной Азии. Обращение к данной теме во многом вызвано и характерной для последних десятилетий актуализацией регионалистского дискурса, а также ростом регионального самосознания в Сибири. В статье содержится обзор основных англо- и немецкоязычных публикаций, посвященных социокультурным процессам в дореволюционной Сибири;

определяется основная проблематика исследований, оценивается вклад их авторов в разработку темы.

В Германии традиция изучения социокультурного развития дореволюционной Сибири (заложенная в 1960–1980-х гг. в трудах Й. Вахендорфа и В. Фауста) сохраняется в Кёльнском университете, выпускник которого Стефан Штух в ряде новейших публикаций обратился к изучению на сибирском материале проблемы «регионального сознания». Полагая, что в Сибири региональное сознание сформировалось уже к началу XX в. (несмотря на сложный культурно-этнический состав населения, рассредоточенного на огромном пространстве), Ст. Штух назвал в ряду важнейших факторов этого процесса создание системы управления, представители которой рассматривали территории от Урала до Тихоокеанского побережья как единое целое, а также формирование соответствующих ментальных образов Сибири в сознании не только ее жителей, но и населения Европейской России. Наиболее значимым для формирования регионального сознания, по мнению историка, было «дискриминационное сознание», проявившееся в образе Сибири как «колонии» и содержавшее в себе опыт интеллектуальной элиты [3, 4].

Соотечественница Ст. Штуха – немецкая исследовательница Э.-М. Столберг (Штольберг), также затронувшая в своей диссертации тему идентификации и самоидентификации различных групп сибирского населения, в качестве важнейшего фактора, влиявшего на формирование «сибирской идентичности», называет внешние условия «подвижной границы» или «фронта» [5, 6]. В свою очередь, американский историк Ч. Стейнвелл подчеркивает, что критерии идентичности, учитывавшие региональные особенности, влияли на выработку правительственной политики, проводившейся в отношении Сибири. По его мнению, в начале XX в. правящие круги отказались от попыток воспроизвести за Уралом социальную иерархию Европейской России и все чаще ориентировались на такое понимание «национальной/имперской идентичности», которое основывалось на критериях географии, подданства и собственности, нежели на принадлежности к православию и русскому этносу [6].

Влияние (зачастую негативное) пришлого населения на формирование «этнической идентичности аборигенов» рассматривается в работах М. Балцер, Д. Андерсона, А. Знаменского и др. [7–10]. Изучая, прежде всего, особенности ассимиляции и социокультурной адаптации коренного населения, зарубежные авторы отмечают, что указанные процессы могли развиваться и в противоположном направлении, когда русские, перенимая методы выживания в экстремальной среде, полностью воспринимали чужую культуру и переставали отличаться от коренного населения.

Американский историк В. Сандерланд указывает, что в смешанных поселениях пограничных областей русские и нерусские оказывали разностороннее влияние друг на друга, при этом русское влияние не всегда

было сильнее. В некоторых случаях, в противоположность ожиданиям чиновников и интеллектуальной элиты, не столько «иностранцы» подвергались «обрусению», сколько русские «обыкновенчивались». Основываясь на многочисленных свидетельствах современников, В. Сандерланд приводит примеры такой ассимиляции и справедливо замечает, что, хотя данное явление и не стало нормой, «обыкновенчивание» представляло собой такой аспект этнического ландшафта Российской империи, который невозможно игнорировать [11].

В имперский период в Сибири наряду с «управителями» и чиновниками, возглавлявшими местные органы власти, одним из главных «проводников» русской колонизации и русской культуры оставалась **церковь**. Культурному сближению пришлого и коренного населения способствовала прежде всего деятельность православных миссий, итоги которой в западной историографии оценивали, в частности, П. Гаррет, О. Кобцев, Д. Коллинз, С.А. Мусалимас и др. Так, американский исследователь О. Кобцев обосновал выбор темы своего исследования тем, что изучение истории духовных миссий в Сибири должно помочь ответить на вопрос, использовало ли государство церковь в качестве «лаборатории» для выработки политики в отношении коренных народностей Северной Азии и Северной Америки. Историк отверг выводы дореволюционных и советских сибиреведов о слабом влиянии миссий на жизнь коренного населения. В свою очередь, сами миссии были подвержены влиянию различных течений общественной мысли.

По наблюдениям О. Кобцева, в XIX в. свою роль сыграло распространение идей романтизма и национализма [12]. Церковь разделяла присущую идеологам романтизма убежденность в ценности самоопределения; в то же время сторонники «теории официальной народности» стремились обосновать уникальность России, в которой стали видеть единственное православное государство, не утратившее своей независимости. Но империя была многонациональной, и для многих живших в ней народов православие ничего не значило, что делало актуальной задачу христианизации. В XIX в. миссионеры, действовавшие мягко и проявлявшие терпимость, расширили арсенал своих методов: переводили религиозную литературу на языки нехристианских народов (что способствовало развитию письменности у некоторых из них); создавали при миссиях школы, готовившие священников из среды коренного населения [12. Р. 13].

Изучавший историю Алтайской духовной миссии британский историк Д. Коллинз показал возможности применения метода «case study», проанализировав конкретные, частные аспекты деятельности миссии, а также изучив биографии отдельных священников (М. Глухарева, С. Ландышева, В. Вербицкого) и выявив индивидуальные особенности их работы [13]. В отличие от тех, кто говорил о вреде, причиненном христианством культурам аборигенов, Д. Коллинз высоко оценил достижения алтайских миссионеров в культурном развитии края [13. Р. 65]. Полагая, что представление о миссионерстве как орудии европейского империализма было присуще прежде всего марксистской историографии, Д. Коллинз

предпочел поддержать вывод английского историка Дж. Форсайта о том, что начиная с Древнего Рима все империи осознавали свое предназначение в распространении христианства, и, скорее, империализм служил миссиям, нежели наоборот.

Опираясь на работы дореволюционных и советских исследователей, автор уделяет особое внимание деятельности В.И. Вербицкого, в течение трех десятилетий трудившегося над словарем двух алтайских диалектов, а также издавшего ряд материалов, посвященных этнографии алтайских народов и местного русского населения. По выражению Д. Коллинза, если Макарий был «мыслителем, великим стратегом», то В.И. Вербицкий был «верным слугой», но оба были необходимы для успешного решения задач, поставленных перед миссией. Примечательно, что в эпоху, когда научные открытия заставили многих отказаться от религиозных убеждений, оба миссионера использовали научные знания в качестве вспомогательного средства для распространения веры. Их пример также показывает, что далеко не все талантливые люди в России XIX в. рассматривали участие в революционном движении как единственно возможный путь для самореализации [14].

Таким образом, указанные авторы, отмечавшие прочную связь между светскими и церковными властями в Сибири, все же не считали христианское миссионерство орудием европейского колониализма, и, хотя во многих случаях христианизация носила поверхностный и формальный характер, усилия миссионеров, по мнению историков, оставили достаточно глубокий след в культуре аборигенных народов. Вместе с тем оценка итогов деятельности миссий давалась ими прежде всего с позиций представителей русской или европейской цивилизации, носителей христианской системы ценностей.

Иной подход продемонстрировал в своих работах профессор Алабамского университета А. Знаменский, стремившийся не только показать степень воздействия миссий на жизнь и культуру аборигенов, но и взглянуть на христианских проповедников глазами «иностранцев» и «иноверцев» [9, 10, 15]. По словам исследователя, столкновение между шаманизмом и православием в Сибири и на Аляске, в сущности, было проявлением диалога двух миров о сути духовной, политической и идеологической власти. В то же время автор оспорил распространенные утверждения о том, что христианские миссионеры всегда действовали как агенты колониального господства в среде аборигенного населения, а также что сами аборигены сохраняли в «девственной чистоте» свою традиционную племенную культуру, несмотря на продолжавшиеся в течение многих десятилетий контакты с представителями европейской цивилизации.

Анализу взаимоотношений между православным духовенством и русскими переселенцами в Омской епархии в 1885–1917 гг. посвящены работы канадской исследовательницы, профессора Университета Виннипега Эйлин Фризен [16, 17]. Интерес к истории России автор объясняет своим происхождением: ее предки были выходцами из Российской империи, меннонитами, проживавшими на побережье Каспийского моря и Украине.

Объединяя элементы теорий «модернизации» и «фронтара», автор называет приток крестьян – переселенцев в регион одним из наиболее амбициозных мероприятий, инициированных Российским государством. Среди основных мест назначения для переселенцев автор указывает и территорию Омской епархии, образованную в 1895 г. Используя понятие «фронтар», автор понимает под ним пространство культурного взаимодействия между переселенцами, коренным населением и природной средой, которая влияла на развитие институтов и формирование «национального характера». По справедливому замечанию Э. Фризена, в современной историографии «фронтар» – понятие более широкое, чем в работах Ф.Дж. Тернера. Оно включает в себя признание неопределенности и сложности культурных контактов; описывается исследователями не как линия, а как зона, и сопряжено с «временными и пространственными ограничениями». Примечательно, что в работе Э. Фризена освещаются не столько контакты между колонизаторами и колонизируемыми, сколько контакты между различными группами русского населения; показано, как эти контакты заставили русских переосмыслить границы православных общин и значение религиозной веры для их идентичности.

Э. Фризен полагает, что русская колонизация Сибири может быть лучше понята в более широком контексте европейского переселенческого движения XIX–XX вв. Перемещения людей, обусловленные прогрессом транспортных технологий, а также желанием получить землю и новые возможности, способствовали распространению европейской культуры по всему миру – не только за Уралом, но и в Северной и Южной Америке, Южной Африке, Австралии. Российские власти изучали политику и организационную структуру стран, принимавших новых иммигрантов точно так же, как в других странах, по выражению исследовательницы, с тревогой и волнением наблюдали за колонизацией Сибири и упрочением позиций России в Азии.

По заключению Э. Фризена, опыт сибирских переселенцев показал сохранение на рубеже XIX–XX вв. заметных различий, связанных с «локализованными православными практиками», которые оказывали негативное влияние на формирование новых православных общин в условиях «фронтара». Э. Фризен подчеркивает, что принадлежность переселенцев к православной вере не означала автоматически установления прочных связей между ними; напротив, общая идентичность должна была выстраиваться медленно, в процессе взаимодействия. Конфликты, возникавшие как в среде переселенцев, так и между переселенцами и духовенством, все же нельзя интерпретировать как признак «слабости» православия. Они, скорее, свидетельствовали о действительном значении религиозной веры для простых людей, а также о понимании ими их собственных православных практик [16].

В целом, по мнению канадской исследовательницы, процессы модернизации и колонизации в дореволюционной Сибири способствовали религиозному плюрализму, изменению социальных идентичностей, конкуренции между органами власти в деревне, спровоцировали споры о профессионализации церковных кадров,

а также способствовали бюрократизации и стандартизации церковной жизни. Изменения в религиозной жизни России, происходившие после 1905 г., также способствовали активизации и распространению сектантства (в том числе старообрядческих сект). В глазах православного духовенства религиозное обращение символизировало нечто большее, чем просто оставление православной церкви: оно представляло собой отрицание русской культуры и национальности и угрожало главной цели колонизации, которая заключалась в интеграции региона в общеимперское пространство посредством «русификации».

История сибирских старообрядческих общин освещается американским историком Р.О. Крамми, работы которого, по мнению специалистов, наряду с монографиями П. Паскаля и С. Зеньковского, вошли в фонд классических работ по истории старообрядчества [18–20]. В частности, историк обратился к изучению наиболее распространенного за Уралом «часовенного» согласия, сочетавшего в себе элементы «поповской» и «беспоповской» традиций. «Часовенное» согласие зародилось как ответвление от керженских общин, которые располагались вблизи Нижнего Новгорода и, подобно часовенным, принимали беглых священников. Со временем многие старообрядцы все чаще выражали сомнение в моральных качествах и искренности намерений очередных кандидатов в священники. Все большее число часовенных полагало, что наилучший способ сохранения истинного русского православия заключался в том, чтобы обходиться вовсе без духовенства.

К середине XIX в. часовенные сохранили черты «беглопоповщины» лишь в теории, но на практике обходились без священников. Ссылаясь на работы Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой [21], Р.О. Крамми отметил, что в действительности образ мыслей и жизни приверженцев данного согласия очень напоминали более радикальные традиции «беспоповцев». За Уралом староверческие общины, не имевшие иерархически организованных структур управления, созывали соборы, на которых решали самый широкий круг вопросов в ходе взаимных консультаций, переговоров и дискуссий. Следуя православной церковной традиции, большинство согласий или направлений старообрядчества обращались к местным соборам за решением вопросов об отправлении служб и треб, об исповедании христианской веры, а также для разрешения споров между верующими. Такие соборы, разумеется, состояли не из епископов, а из руководителей монашеских или мирских общин.

Значительное внимание в современном западном сибиреведении, применяющем методы и понятия «исторической имагологии», уделяется «образам» и «репрезентациям» макрорегиона, анализу связанных с ним «мифов». Так, в диссертации Э.-М. Столберг, соединившей подходы «новой культурной и социальной истории», рассматривается «миф Транссиба» – в контексте социально-экономических процессов, а также геополитических реалий в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XIX–XX вв. Называя Транссиб ин-

струментом «культурного империализма», призванным «доставить христианскую любовь и просвещение в Азию», немецкая исследовательница подчеркивает, что в конце XIX в. замысел сооружения магистрали приобрел статус «национальной идеи», тесно связанной с задачей колонизации Северной Азии и выраженной в характере мероприятий, которые устраивались в сибирских городах для цесаревича Николая Александровича во время его «восточного путешествия». По определению Э.-М. Столберг, такие празднества символизировали «ритуализацию и иконизацию русской нации на азиатской окраине» [5].

Изменение культурных практик, вызванное развитием транспортных коммуникаций (и, в частности, сооружением Транссибирской магистрали), анализирует немецкий историк Ф.Б. Шенк, соединивший в своем исследовании элементы подходов «новой культурной и социальной истории», «новой имперской истории» и «социологии пространства». Выступая против использования идеально-типической модели «западной модернизации», Ф.Б. Шенк оперирует «более открытым и амбивалентным» понятием «модерна», позволяющим не столько сравнивать Россию и Запад, сколько анализировать признаки той общественной, политической и культурной трансформации России (и Сибири), которая стала результатом появления транспорта на паровом двигателе [22].

Одним из важнейших инструментов социокультурной интеграции Сибири в общеимперское пространство западные исследователи (Дж. Стюарт, Г. Робел, У. Герман, Д. Дальман, В. Хинтцше, К. Вюнтцель-Витт и др.) называют научное изучение вновь присоединенных территорий. Так, в работах британского историка Дж. Стюарта показано многообразие культурно-исторических связей Сибири с другими регионами мира на различных этапах ее освоения и научного изучения [23–25]. В. Хинтцше дал высокую оценку вклада европейских ученых и просветителей в исследование Сибири, развитие ее системы образования в XVIII в. [26]. С точки зрения канадского историка Дж.-Л. Блэка, благодаря деятельности Г.Ф. Миллера в сознании его современников укрепилось представление о Сибири как неотъемлемой составляющей «миссии и судьбы России» [27].

Немецкая исследовательница К. Кюнтцель-Витт отметила огромный вклад Г.Ф. Миллера не только в изучение сибирской истории, но и в распространение знаний о регионе за пределами Российской империи. По ее словам, именно Г.Ф. Миллер отстаивал идею, что приобретение Сибири возвысит Россию до уровня великой державы и поставит на один уровень с Англией и Францией. Важный вывод сделан исследовательницей относительно различий в восприятии русскими и европейцами проблемы присоединения новых земель и их значения для Российской империи. Если в Европе завоевание Сибири с самого начала воспринималось как значительное приобретение, способствовавшее усилению могущества Российского государства, то в самой России отношение к данному вопросу было куда более сдержанным. Для русских это было, скорее, «естественным» продолжением процесса

территориальной экспансии, при том что Западная Сибирь отнюдь не казалась им неведомой, экзотичной землей, а ее ландшафт по большей части представлялся вполне привычным и узнаваемым [28].

Теме «ментальной интеграции» Сибири посвящены работы американского историка М. Бассина, немецких исследовательниц К. Вайсс, С. Франк. В серии публикаций М. Бассина «географическое пространство» Сибири рассматривается как эмоционально нагруженный ментальный конструкт и «геоидеологический» концепт, отражающий самовосприятие российского социума [29–31]. Следуя в русле данного подхода, К. Вайсс показала, что в XIX в. изменению представлений о Сибири и ее «ментальному освоению» во многом способствовала деятельность Русского географического общества. Развитие «сибирского дискурса», связанного с выявлением специфических черт региона, повлияло на поиск путей дальнейшей интеграции Северной Азии в общеимперское пространство, одним из инструментов которой стало строительство Транссиба [32].

В общеевропейском колонизационном контексте освоение Сибири рассматривает сотрудница Университета им. Гумбольдта С.К. Франк. Анализ обширного литературного, историографического, этнографического и культурфилософского материала позволил ей выявить «дискурсивные стратегии», обеспечившие «символическое и функциональное присвоение» русскими огромных пространств за Уралом в период между XVII и XX вв. Следствием такого «присвоения» немецкая исследовательница называет символическое превращение региона из периферийной пограничной территории в неотъемлемую часть российского «квазиимперского пространства, воспринимаемого как единое целое» [33].

В целом в современном западном сибиреведении рассматривается широкий круг проблем, связанных с социокультурным развитием Сибири, в их числе – проблемы самовосприятия сибиряков, формирования «регионального сознания», идентификации и самоидентификации различных групп пришлого и коренного населения (Ст. Штук, Э.-М. Столберг, А. Знаменский, Д. Коллинз и др.); анализируется роль церкви (О. Кобцев, Э. Фризен и др.), научных экспедиций (К. Вайсс), транспортных коммуникаций как инструментов социокультурной и «ментальной» интеграции региона в общеимперское пространство. Учитывая и обобщая опыт советской и российской историографии, англо- и немецкоязычные исследователи сочетают его с применением аналитического инструментария теории «фронта», «колонизационной» и «модернизационной» парадигм, подходов «новой культурной истории». Исследования последних десятилетий зачастую носят междисциплинарный характер, о чем свидетельствуют, например, работы М. Бассина, Ф.Б. Шенка, С. Франк и др. В ряду важнейших факторов, определивших специфику социокультурного развития дореволюционной Сибири, историки называют географические особенности региона, сложный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, а также изменения в правительственной политике.

Список источников

1. Зайцева Т.И. Зарубежная историография : Историческая наука в XX – начале XXI века. М. : Академия, 2011. 144 с.
2. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М. : Гардарики, 2005. 447 с.

3. Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003. 353 s.
4. Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*. 2003. Bd. 51. H. 4. S. 549–563.
5. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands «Wilder Osten». Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2009. 392 s.
6. Steinwedel Ch. Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917 // Breyfogle N.B. [et al.] (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York : Routledge, 2007. P. 128–147.
7. Balzer M.M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton : Princeton University Press, 1999. 326 p.
8. Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford : University Press, 2000. 270 p.
9. Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, Connecticut; London : Greenwood press, 1999. 306 p.
10. Znamenski A.A. Shamanism in Siberia: Russian Records of Indigenous Spirituality. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2003. 371 p.
11. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет*. М. : Новое изд-во, 2005. С. 199–227.
12. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // *Sibirica II*. Lancaster University. 1986. № 2. P. 6–15.
13. Collins D. Colonialism and Siberian Development: a Case Study of the Orthodox Mission to the Altay, 1830–1913 // Wood A., French R. (eds.) *The Development of Siberia: People and Resources*. London : St. Martin's Press, 1984. 266 p.
14. Collins D. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // Hosking G. (ed.) *Church, nation and state in Russia and Ukraine*. London : Palgrave Macmillan, 1991. P. 96–107.
15. Znamenski A.A. The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878 // Breyfogle N.B. [et al.] (eds.) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London ; New York : Routledge, 2007. P. 106–127.
16. Friesen A. Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885–1917 : PhD Diss. Edmonton, Alberta, 2013. 401 p.
17. Friesen A. Colonizing Russia's Promised Land. Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe. Toronto : University of Toronto Press, 2020. 240 p.
18. Crumme R.O. The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg community and the Russian State, 1694–1885. Madison : University of Wisconsin Press, 1970. 296 p.
19. Crumme R.O. Old Believers in a Changing World. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2011. 298 p.
20. Гурьянова Н.С. Ред. на кн.: Crumme Robert O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p. // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2011. № 4. С. 90–92.
21. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М. : Памятники ист. мысли, 2002. 471 с.
22. Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. No. 82). Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2014. 456 s.
23. Stewart J. The British in Siberia: 1581–1978 // *Asian Affairs*. 1979. Vol. 10, Pt. 2. P. 132–143.
24. Stewart J.M. Britain's Siberian Connection // Stewart J., Wood A. (eds.) *Siberia. Two Historical Perspectives*. London : Great Britain-USSR Association, School of Slavonic and East European Studies, 1984. P. 1–6.
25. Stewart J.M. Early Travelers, Explorers and Naturalists in Siberia // *Asian Affairs*. 1984. Vol. 15, № 1. P. 55–64.
26. Hintzsche W. German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska // *Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium (Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000)*. Anchorage, 2000.
27. Black J.-L. Opening up Siberia: Russian «Window to the East» // Wood A. (ed.) *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London : Rutledge, 1991. P. 57–68.
28. Кюнтцель-Витт К. Сибирь в историографии XVIII-го века // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства : науч. докл. Междунар. науч. конф., 24–26 сентября 2004 г., Иркутск. Иркутск, 2004. С. 124–137.
29. Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P. 763–794.
30. Bassin M. Imperial Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert // *Gechichte und Gesellschaft*. 2002. 28. Jahrg. H. 3. S. 378–403.
31. Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P. 763–794.
32. Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert. Goettingen : V & R Unipress, cop., 2007. 261 s.
33. Frank S.K. Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Paderborn : Wilhelm Fink Verlag; 2012. 448 s.

References

1. Zaytseva, T.I. (2011) *Zarubezhnaya istoriografiya: Istoricheskaya nauka v XX – nachale XXI veka* [Foreign Historiography: Historical Science in the 20th – Early 21st Centuries]. Moscow: Akademiya.
2. Mironov, V.V. & Ivanov, A.V. (2005) *Ontologiya i teoriya poznaniya* [Ontology and Theory of Knowledge]. Moscow: Gardariki.
3. Stuch, St. (2003) *Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert* [Regionalism in Siberia in the Early 20th Century]. Koeln.
4. Stuch, St. (2003) Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert. In: *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge*. Bd. 51. H. 4. S. 549–563.
5. Stolberg, E.-M. (2009) *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jahrhundert*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
6. Steinwedel, Ch. (2007) Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861–1917. In: Breyfogle, N.B. et al. (eds) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York: Routledge. pp. 128–147.
7. Balzer, M.M. (1999) *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton: Princeton University Press.
8. Anderson, D.G. (2000) *Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade*. Oxford: University Press.
9. Znamenski, A.A. (1999) *Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport, Connecticut; London: Greenwood Press.
10. Znamenski, A.A. (2003) *Shamanism in Siberia: Russian Records of Indigenous Spirituality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
11. Sanderland, V. (2005) Russkiye prevrashchayutsya v yakutov? "Obynorodchivanie" i problemy russkoy natsional'noy identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Are Russians Turning into Yakuts? "Nativization" and Problems of Russian National Identity in the North of Siberia, 1870–1914]. In: *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [The Russian Empire in Foreign Historiography. Recent Works]. Moscow: Novoe izd-vo. pp. 199–227.
12. Kobtzeff, O. (1986) Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People. *Sibirica II*. Lancaster University. 2. pp. 6–15.
13. Collins, D. (1984) Colonialism and Siberian Development: a Case Study of the Orthodox Mission to the Altay, 1830–1913. In: Wood, A. & French, R. (eds) *The Development of Siberia: People and Resources*. London: St. Martin's Press. 266 p.

14. Collins, D. (1991) The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky. In: Hosking, G. (ed.) *Church, nation and state in Russia and Ukraine*. London: Palgrave Macmillan. pp. 96–107.
15. Znamenski, A.A. (2007) The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the "Rock People", 1791–1878. In: Breyfogle, N.B. et al. (eds) *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York: Routledge. pp. 106–127.
16. Friesen, A. (2013) *Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885–1917*: PhD Diss. Edmonton, Alberta.
17. Friesen, A. (2020) *Colonizing Russia's Promised Land. Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe*. Toronto: University of Toronto Press.
18. Crummey, R.O. (1970) *The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg community and the Russian State, 1694–1885*. Madison: University of Wisconsin Press.
19. Crummey, R.O. (2011) *Old Believers in a Changing World*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
20. Gur'yanova, N.S. (2011) Rets. na kn.: Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p. [Book review: Crummey Robert O. Old Believers in a Changing World. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 4. pp. 90–92.
21. Pokrovskiy, N.N. & Zol'nikova, N.D. (2002) *Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya* [Old Believers-Chasovennye in the East of Russia in the 18th–20th Centuries: Problems of Creativity and Social Consciousness]. Moscow: Pamyatniki ist. mysli.
22. Schenk, F.B. (2014) *Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter*. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. No. 82). Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
23. Stewart, J. (1979) The British in Siberia: 1581–1978. *Asian Affairs*. 10 (Pt. 2). pp. 132–143.
24. Stewart, J.M. (1984) Britain's Siberian Connection. In: Stewart, J. & Wood, A. (eds) *Siberia. Two Historical Perspectives*. London: Great Britain-USSR Association, School of Slavonic and East European Studies. pp. 1–6.
25. Stewart, J.M. (1984) Early Travelers, Explorers and Naturalists in Siberia. *Asian Affairs*. 15 (1). pp. 55–64.
26. Hintzsche, W. (2000) German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska. In: *Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728–1867: Cook Inlet Historical Society Symposium* (Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000). Anchorage.
27. Black, J.-L. (1991) Opening up Siberia: Russian "Window to the East". In: Wood, A. (ed.) *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London: Rutledge. pp. 57–68.
28. Künzel-Witt, K. (2004) [Siberia in the Historiography of the 18th Century]. *Sibir: vzglyad izвне i iznutri. Dukhovnoe izmerenie prostranstva* [Siberia: A View from Outside and Inside. The Spiritual Dimension of Space]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk. 24–26 September 2004. Irkutsk. pp. 124–137. (In Russian).
29. Bassin, M. (1991) Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century. *American Historical Review*. 96. pp. 763–794.
30. Bassin, M. (2002) Imperial Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert [Imperial Space / National Space: Siberia on the Cognitive Map of Russia in the 19th Century]. *Geschichte und Gesellschaft*. 28. Jahrg. H. 3. S. 378–403.
31. Bassin, M. (1991) Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century. *American Historical Review*. 96. pp. 763–794.
32. Weiss, C. (2007) *Wie Sibirien "unser" wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert* [How Siberia Became "Ours": The Russian Geographical Society and Its Influence on Images and Ideas of Siberia in the 19th Century]. Göttingen: V & R Unipress, cop.
33. Frank, S.K. (2012) *Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag.

Информация об авторе:

Ананьев Д.А. – д-р ист. наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.A. Anan'ev, Dr. Sci. (History), senior research fellow, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denis.ananyev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024;
одобрена после рецензирования 10.09.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 21.08.2024;
approved after reviewing 10.09.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 32(091)
doi: 10.17223/15617793/513/14

Почетный гражданин Сибири: Образ Г.Н. Потанина в коллективном восприятии современников и исторической политике потомков

Александр Викторович Головинов¹

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, alex-golovinov@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – показать динамику популяризации, мемориализации и коммемораций светлого образа Г.Н. Потанина в прошлом и настоящем времени. Акцентируется, что современники презентовали Григория Николаевича как истинного патриота малой родины, путешественника, демократа, ученого. Установлено, что в целом образ известного сибирского общественного деятеля репрезентуется как визуальный и духовно-культурный паттерн в знаково-символической матрице памяти потомков и коллективном восприятии современников.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, сибирское областничество, культурная память, историческая политика, Сибирская жизнь, демократия, коммеморация

Для цитирования: Головинов А.В. Почетный гражданин Сибири: Образ Г.Н. Потанина в коллективном восприятии современников и исторической политике потомков // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 118–126. doi: 10.17223/15617793/513/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/14

An honorary citizen of Siberia: The image of Grigory Potanin in the contemporaries' collective perception and the descendants' historical policy

Aleksandr V. Golovinov¹

¹ *Altai State University, Barnaul, Russian Federation, alex-golovinov@mail.ru*

Abstract. The aim of the work is to identify and show the presentation markers of the image of Grigory Potanin in the collective perception of his contemporaries and the historical policy of his descendants. Achieving the aim involves the use of memory studies tools. The memorial theme in the works of A. Assmann and M. Holbwachs is understood in the semantic aspect and is expressed in textual forms. Since the focus is on an outstanding historical figure, we consider it heuristic to use the methodology of anthropological materialism developed in the works of L. Feuerbach. The approach is aimed at understanding a person and his images, revealing the facets of personal and professional virtues through their perception by other people with their own worldview. The author shows that the pre-revolutionary periodical press became a channel for producing information about Potanin's travels and scientific discoveries. It is emphasized that the image of Potanin as an ideologist and leader of Siberian regionalism was actively constructed during the period of social cataclysms generated by the elements of Russian revolutions. Politicization of public opinion, obviously, created a demand for a regional program and a search for one's own regional identity. It was revealed that the 80th anniversary of the famous Siberian became the most active time for the presentation of the bright image of Potanin as an expert in the life of the peoples of Asia and Siberia, a great ascetic of science, a talented educator. In the pages of regional periodicals of that time, the famous scientist and public figure was understood as a symbol and archetype of the development of a special macro-region – Siberia. It is shown that recently several full-fledged biographical materials have been published with the author's approaches and interpretative techniques for understanding the scale of Potanin's personality. The central agent in the construction and representation of Potanin's image are academic circles. The state in the person of its bodies and officials plays a lesser role in this process. It is concluded that the associates and like-minded people of the outstanding Siberian constructed a positive image of the educator based on narratives about his achievements in research work, travel, personal qualities, democratic worldview, humanistic values, and devotion to the regional ideology. The dynamics of commemorative practices and the integration of the image of Grigory Nikolaevich Potanin into cultural memory and historical policy increased sharply on the wave of democratization in the 1990s. Recently, the number of places of memory of the outstanding Siberian has increased. More and more new publications about him appear. The bright image of the famous Siberian public figure is represented as a visual and spiritual-cultural pattern in the sign-symbolic matrix of the memory of descendants and the collective perception of contemporaries.

Keywords: G.N. Potanin, Siberian regionalism, cultural memory, historical policy, Siberian life, democracy, commemoration

For citation: Golovinov, A.V. (2025) An honorary citizen of Siberia: The image of Grigory Potanin in the contemporaries' collective perception and the descendants' historical policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 118–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/14

Введение

Творческо-интеллектуальное наследие Григория Николаевича Потанина для экзистенции Сибирского региона имело и имеет сегодня фундаментальное и даже витальное значение. Профессиональная и личная жизнь этого выдающегося сибиряка самым тесным образом всегда была связана с «Восточной окраиной». Многочисленные его экспедиции по Азиатской части России, апологетика этнокультурной эндемики народов Востока и Сибири, подвижническая и просветительская работа, посильное участие в создании местной сибирской интеллигенции, содействие развитию образования и науки в отчем крае, значимые научные труды в самых разнообразных областях знания, пропаганда местного патриотизма и неутомимая работа на благо своей малой родины маркируют Григория Николаевича как яркого символа сибирской идентичности.

В семантических формах соратники в свое время именовали Г.Н. Потанина, не отделяя его светлый образ от Сибири, также поступают и многие современные авторы. «Большой сибирский дедушка», «Заступник Сибири», «Сибирский особо почитаемый аксакал», «Великий сын Сибири», «Лев Толстой Сибири», «Подвижник Сибири», «Последний энциклопедист Сибири» – вот некоторые литературно-смысловые репрезентативные практики формирования позитивного образа лидера движения сибирских областников. Обращает на себя внимание, что «достойный сын Сибири» имел и официальные звания, характеризующие его выдающуюся роль в жизни Азиатской части страны, прежде всего такие, как «Почетный гражданин Сибири» (1918), «Почетный гражданин г. Томска» (1915), «Почетный член совета Томского технологического института» (1905). Признание заслуг известного сибиряка имело и государственно-институциональное выражение. Так, в 1886 г. Г.Н. Потанина удостоили высшей награды Русского географического общества – золотой медали, а в 1888 г. император Александр III высочайшим указом назначил защитнику интересов Сибири пожизненную пенсию. Почет и авторитет сибирского общественного деятеля при жизни был очень высоким.

Совершенно очевидно, что наследие Г.Н. Потанина имеет важное значение для истории региона, формирования сибирской идентичности и культурной памяти потомков. Потому считаем научно значимым выявить и показать презентативные маркеры образа Г.Н. Потанина в коллективном восприятии современников и исторической политике потомков.

Историографический экскурс и методологическая база

Обращаясь к персональной истории лидера движения сибирских областников и его творческому наследию, необходимо выделить целый ряд авторитетных исследований. Прежде всего, это труды А.М. Сагала-

ева [1], В.М. Крюкова [2], В.П. Зиновьева [3], Г.И. Пелих [4], М.В. Шиловского [5], Р.К. Досмурзинова [6], Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняка [7], Е.Г. Новиковой [8], Н.В. Васенькина [9], В.С. Шарыповой [10], Е.А. Мамонтовой [11] и др.

Однако в современной отечественной историографии коммеморации и репрезентации светлого образа выдающегося сибиряка рассматриваются фрагментарно. Эвристическую ценность для настоящего исследования имеет работа Н.П. Погодаева [12]. Ученый приходит к выводу, что интерес к наследию просветителя и мемориализация его образа в постсоветской России связаны с активацией механизмов преодоления советских идеологических табу, тех самых, в рамках которых областничество понималось как антигосударственная программа. Выразим принципиальное согласие с ученым в том, что репрезентации образа Г.Н. Потанина напрямую связаны с теми актуальными проблемами, поднятыми великим сибиряком, которые и в наши дни в большинстве своем остаются в числе вопросов, требующих внимания. Особую роль в культурной памяти потомков, как справедливо считает историк, играет памятник Григорию Николаевичу в университетской роще Томского университета, где все новые и новые поколения молодых людей знакомятся с его светлым образом.

Другой современный историк – М.В. Шиловский рассматривает Г.Н. Потанина в контексте конструирования сибирской идентичности, презентуя просветителя как идеальный образ региона, апеллируя к его личным качествам, таким как скромность, доброжелательность, лиричность и одухотворенное отношение к природе [13].

В работе И.А. Поплавской «Г.Н. Потанин в воспоминаниях и переписке современников» актуализируется образ просветителя в научно-литературном наследии В.А. Обручева, А.М. Горького, М.М. Березовского, Г.Д. Гребенщикова [14]. Автор констатирует, что механизмы институционализации образа известного сибиряка, получившие отражение в период подготовки и празднования его 80-летнего юбилея, продолжают активно формироваться и в наше время. Томская исследовательница провела большую работу по изучению восьмидесятилетнего юбилея известного сибиряка на неопубликованных материалах, обнаруженных в специальном архиве Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета. Автор акцентировал биографический нарратив, раскрывающий различные грани масштабной личности просветителя.

Таким образом, виден растущий интерес к исследованию проблематики мемориализации и выявлению паттернов образа Г.Н. Потанина в истории и современности. Однако общее количество сфокусированных в этом исследовательском направлении работ свидетельствует все же о недостаточном освещении репрезентативных практик образа Г.Н. Потанина в коллективном восприятии современников и исторической политике

потомков. В рамках настоящей работы будет предпринята попытка показать динамику популяризации, мемориализации и коммемораций светлого образа просветителя в прошлом и настоящем времени.

Исследовательский замысел предполагает применение инструментария *memory studies*. Мемориальная тематика в трудах А. Ассмана и М. Хольбакса понимается в смысловом аспекте и выражается в текстовых формах. Потому выбранная методология делает возможным познание культурной памяти современников и потомков с учетом конструируемой на ее основе региональной идентичности. Образ Григория Николаевича Потанина, таким образом, может быть представлен как символ исторической политики Сибири, олицетворяющий особую ментальность и идентичность в фокусе репрезентаций позитивного образа просветителя.

Так как в центре внимания выдающаяся историческая личность, то эвристичным считаем привлечение методологии антропологического материализма, разработанной в трудах Л. Фейербаха. Подход направлен на познание человека и его образов, раскрывающих грани личных и профессиональных добродетелей посредством восприятия их другими людьми, имеющими собственное мировоззрение. Потому маркеры и паттерны репрезентации и популяризации образа идеолога областничества могут быть выявлены и показаны с разных сторон и направлений.

Г.Н. Потанин в восприятии современников: маркеры популяризации светлого образа

Одно из первых упоминаний о Григории Николаевиче Потанине в медийном пространстве состоялось в 1865 г. На полосах издания вольной русской типографии – газете «Колокол» разместились небольшая информационная заметка под заглавием «Из Казани и Сибири». А.И. Герцен тогда сообщал: «Из Сибири важные новости, в Томске и Иркутске были аресты, говорят, открыли тайное общество, всех схваченных повезли в Омск, в числе арестованных называют Потанина» [15. С. 1676].

В этой скромной по объему публикации отчетливо просматриваются два нарратива в презентации образа просветителя. Во-первых, это неразрывная связь жизнеустройства Сибири и персональной истории выдающегося ученого и общественника. С первых строк емко и четко концептуализирована личность Г.Н. Потанина как некоего символа родной Сибири. В действительности на протяжении всей своей жизни идеолог областничества работал для отчего края. В то же время упоминание личности Г.Н. Потанина можно объяснить тем, что просветитель в свое время был одним из авторов этого известного оппозиционного издания. В 1860 г. в Лондоне в газете «Колокол» была опубликована его статья «К характеристике Сибири». В знаково-символическом пространстве, таким образом, проецировалась диалектическая связь «Сибирь–Потанин».

Во-вторых, можно выделить концепт личной и социальной травмы – арест, каторга и ссылка по так называемому «уголовному делу сепаратистов» 1865 г.

Стоит полагать, что травматический опыт оказал непосредственное воздействие на мировоззрение героя нашей публикации. Это выразилось в его дистанцировании от активной политической деятельности с акцентом на науку и просветительство. В действительности призрак мнимого сепаратизма был латентным спутником всех участников движения сибирских областников и прежде всего его идеологов – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева.

Стоит напомнить, что так как Г.Н. Потанин был старше других арестованных, то его и выставляли за идейного лидера якобы противогосударственной группировки. В краткой записке о действиях следственной комиссии прямо напишут, что «Потанин, 30 лет от роду обвиняется в распространении идей, которые могли поколебать доверие к Правительству» [16. С. 159]. Из текста все того же документа следует, что «мещанин Ядринцев 20-ти лет (на самом деле ему было 23 года. – А.Г.) от роду уличается в изложении на бумагу и в письмах идей, клонящихся к ныне существующему порядку. Он также как и Потанин подозревается в распространении воззвания и старании увлечь в свою партию других» [16. С. 159].

Так или иначе, но образованность, начитанность, широта кругозора и любознательность, присущая Г.Н. Потанину, также сопутствовала пристрастному вниманию дознавателей к его фигуре. В итоге Григорий Николаевич понес самое тяжкое наказание из всех обвиняемых – гражданская казнь и 12 лет каторги и ссылки. Позже наказание смягчили. Потому этот травматический жизненный опыт физического удаления от друзей и соратников, а также непосредственного знакомства с кандалами, каторжными буднями и ссылкой отразился на профессиональной и личной судьбе великого сибиряка.

Конструируя образ преданного друга, ближайший соратник просветителя – Н.М. Ядринцев как раз в период ссылки, а именно в 1873 г., в Камско-Волжской газете опубликовал стихотворение, посвященное Григорию Николаевичу. В поэтических тонах он рисовал трогательные отношения между друзьями-областниками и передавал чувство глубокой привязанности. В подтверждение приведем пару строк из данного поэтического этюда:

Образ твой носил след муки,
На челе печать страдания,
Но в твоём читал я взоре,
и любовь и упованье! [17. С. 2].

Дальнейшая стратегия восприятия образа просветителя современниками выстраивалась вокруг его научной и культурно-просветительской работы. Сценарии такой презентации были обусловлены большими успехами выдающегося сибиряка в путешествиях, этнографии, фольклористике, биологии и других областях.

Дореволюционная и позднимперская периодическая печать стала в этом смысле каналом производства информации о путешествиях и научных открытиях Г.Н. Потанина. Об экспедициях известного сибиряка в

1885 г. писал топограф. А.И. Скасси, лично принимавший участие в странствиях Григория Николаевича [18. С. 13]. Граф Ф.Ф. Вержбовский высоко оценивал исследования Г.Н. Потанина по вопросу о происхождении русского народного эпоса, выстроенные на материале этнографических экспедиций [19].

Максимально емко же конструировали образ Г.Н. Потанина как путешественника, этнографа и фольклориста соратники ученого по областническому движению – А.В. Адрианов, Вл.М. Крутовский, Н.Н. Козьмин и др.

В 1917 г. о ценности результатов экспедиций Григория Николаевича по Китаю и Монголии подробно писал Н.Н. Козьмин. «Этими трудами, – отмечал ученый-этнограф, – Потанин получил, европейскую известность, он собрал богатейшие коллекции по ботанике, зоологии, геологии, археологии и этнографии; он доставил ценные данные о русской торговле на Востоке, он записал громадное количество сказок, поверий, легенд, религиозных, воззрений и обрядов» [20. С. 132].

Главный редактор журнала «Сибирские записки» Вл.М. Крутовский, помимо профессиональных достижений просветителя, в презентации его положительного образа акцентировал личное качество Григория Николаевича – преданность дружбе. Он отмечал, что в тяжелые жизненные минуты целительным бальзамом для Н.М. Ядринцева являлась дружба и глубокая привязанность к Г.Н. Потанину. «Потанин, – как писал поздний областник в 1919 г., – также много делал для Ядринцева. Оба обменивались мыслями, менялись книгами, сообщая намечали и обрабатывали темы. Часто их творчество сплеталось и теперь уже невозможно отличить в некоторых статьях их того времени, что принадлежит здесь Потанину, что Ядринцеву» [21. С. 21].

Очевидно, маркером в конструировании символического образа выдающегося сибиряка здесь выступила парадигма неразрывной синергетической и просто судьбоносной связи двух лидеров областнического движения. Демократический дух областничества не позволял в этом течении отделять лидеров от рядовых участников. Движение существовало на принципах сплоченности и равенства. Вл.М. Крутовский глубоко чувствовал атмосферу данной общественно-политической группировки и потому акцентировал переплетение идей, взглядов и мировоззрения основоположников областнической идеологии как форму приглашения в ряды областников новых участников на основе истинного равноправия. Крепкий дружеский союз Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева олицетворял подобные идеалы.

Образ Г.Н. Потанина как идеолога и лидера сибирского областничества активно конструировался в период социальных катаклизмов, порожденных стихией русских революций. Политизация общественного мнения, очевидно, создавала запрос на областническую программу и поиск собственной региональной идентификации.

Так, составляя небольшой биографический очерк, Николай Николаевич Козьмин специально разъяснял сущность идеологии областничества через идейное наследие Г.Н. Потанина. Попытка дешифровки природы областнической идеологии и раскодирования ее

политической программы увенчалась убедительным тезисом о федералистской основе данной системы взглядов. Ссылаясь на философа Лесевича, ученый отмечал: «Разнообразие в единстве – это и есть сущность областничества, как его понимает Григорий Николаевич. Он говорит, что при теперешнем централистическом строе русскому человеку живется весело и приятно только в Петрограде и Москве, в провинции он скучает и проклинает провинциальные будни» [20. С. 140].

Интегративный характер федеративного проекта лидеров движения областников акцентировал Всеволод Михайлович Крутовский. Публицист, разбираясь со сложной темой под заглавием «Сибирь и февральская революция», замечает: «кто знаком с политическими взглядами Ядринцева и Потанина, кто внимательно читал печатаемые нами знаменательные письма Николая Михайловича, тот поймет, что идеал областного самоуправления еще в 1872 г. был формулирован как нерасторжимая федеральная связь Сибири с ее метрополией. И, несомненно, только принцип федерации может быть положен Учредительным Собранием, как краеугольный камень конституции столь географически и этнографически сложного государственного организма, каким является Россия» [22. С. 143].

Таким образом, с одной стороны, публицистами была осуществлена попытка демонтажа закоренелого мифа о якобы сецессионной угрозе, которая могла исходить от демократического регионализма. С другой стороны, таким путем конструировался нарратив о Г.Н. Потанине как федералисте, демократе, интеграторе.

80-летие известного сибиряка стало самым активным временем презентации светлого образа Г.Н. Потанина как знатока бытия народов Азии и Сибири, большого подвижника науки, талантливого просветителя. На полосах региональной периодики того времени известный ученый и общественный деятель понимался как символ и архетип развития особого макрорегиона – Сибири.

Н.Н. Козьмин в речи на публичном заседании Красноярского союза областников 26 октября 1917 г. так оценивал это событие в формировании культурной памяти и политики идентичности в «Восточной окраине»: «В 1915 г. вся Сибирь объединилась в праздновании дня его 80-летия – это был большой, прекрасный праздник знания, правды, права и любви. <...> Это все-сибирское празднование показало, какой любовью и популярностью пользуется имя Григория Николаевича в Сибири. Значит, цель и содержание их жизни с Ядринцевым нашло свое оправдание и разбудило Сибирь» [20. С. 139].

Как справедливо отмечает современный исследователь, материалы, посвященные восьмидесятилетнему юбилею Г.Н. Потанина и опубликованные на страницах «Сибирской жизни», свидетельствуют о самом масштабе этой личности, а также об активизации в связи с его юбилеем чувства региональной, общероссийской и евразийской идентичности в сознании жителей Сибири [23. С. 26].

Местом выстраивания маркеров светлого образа выдающегося сибиряка выступила авторитетная многотиражная газета «Сибирская жизнь».

Общее содержание и значение издания в популяризации имени идеолога областничества уже получили освещение в отечественной историографии. В настоящем материале хотелось бы в развитие темы отметить номер 204 данной томской газеты за 1915 г. Хотя, разумеется, и в других номерах органа периодической печати также были опубликованы материалы к юбилею Г.Н. Потанина. Однако в отмеченном номере разместились сразу несколько таких статей. Это произведение А.Н. Шпицына, профессоров В.А. Обручева, М.В. Соболева, В.В. Сапожникова, И.А. Малиновского, публицистов И.И. Попова и Вс.М. Крутовского. В различных формах авторы формировали образ просветителя через научные, экспедиционные, творческие и общественные достижения, не забывая упомянуть о личных качествах и добродетелях. Например, И.И. Попов писал так: «Образ Потанина горит спокойным светом любви и гуманности. <...> Григорий Николаевич мне дорог, прежде всего, как человек, потому, что он воплотил в себе и в своей жизни то великое начало человечности, которое только одно облагораживает и науку и общественную и политическую жизнь и дает нам смысл» [24. С. 4].

Ученый юрист И.А. Малиновский, наряду с позиционированием профессиональных маркеров в презентации образа известного сибиряка, акцентировал его как неутомимого общественника и участника всех культурных событий в регионе. Любопытно отметить, что профессор права, не будучи областником по убеждениям, воспроизвел частный нарратив о нераздельности жизни Сибири и судьбы Г.Н. Потанина, имманентно присущий соратникам просветителя по областническому движению. «Я не могу, – писал он, – отделить Сибирь и Томск от Григория Николаевича, а Григория Николаевича от Сибири и Томска. И не мог не признать, что я из “навозных” заинтересовался Сибирью и полюбил Сибирь отчасти благодаря влиянию Григория Николаевича». [25. С. 4]. Из цитируемого письменного источника, таким образом, видно, что в знаково-символической форме идентичности сибирского региона просветитель занимал видное место и играл прогрессивную роль.

Пятая страница газеты «Сибирская жизнь» за 21 сентября 1915 г. пестрила дружескими шаржами на юбиляра. С уверенностью можно сказать, что визуализация через кодирование простых образов позволяла быстро воздействовать на восприятие читательской аудитории. На одном из таких шаржей Григория Николаевича изобразили с плугом, на котором разместили надпись «Сибирская пресса». Под рисунком специально разъяснили: «Твердо положив руку на плуг общественности, вы прокладывали глубокие борозды в сибирской целине и по вспаханным полям щедро разбрасывали широко во все стороны семена света и истины» [26. С. 5]. Как известно, было несколько таких изображений просветителя. Полагаем, что рассмотрение писательских карикатур и дружеских шаржей на Г.Н. Потанина как действенных механизмов культурной памяти требует специального исследования, в рамках настоящей работы такие замыслы пока не предполагаются.

Отдельным направлением в систематической конструкции позитивного образа Григория Николаевича

Потанина можно считать материалы биографического характера. Уникальность таких источников в том, что авторы жизнеописаний имели собственные установки и различную степень вовлеченности в жизнь и общественно-политическую деятельность выдающегося сибиряка. Однако самое обильное разнообразие нарративов о знаковости личности просветителя характерно для данной группы письменных источников.

Среди современников выдающегося сибиряка одним из первых издал его биографию профессор В.А. Обручев. Брошюра в виде небольшого очерка увидела свет в 1916 г. и состояла из 23 машинописных страниц. Генеральной линией повествования о жизни просветителя выступила тема его многочисленных путешествий, географических и ботанических открытий.

При анализе текста данного письменного источника просматриваются несколько интересных нарративов. Во-первых, это роль и значение Г.Н. Потанина как географа и знатока мира Азии. Ученый ставит в один ряд трех русских путешественников – Г.Н. Потанина, Н.М. Пржевальского и М.П. Певцова. «Потанин, – писал биограф, – наряду с Пржевальским и Певцовым положил основу современного землеведения внутренней Азии. Благодаря его путешествиям наука получила первые сведения о многих частях Монголии, с огромными хребтами Монгольского Алтая, Хангая, Южного Китая, Восточного Няншаня» [27. С. 21]. Развивая представления о просветителе как талантливом ученом, В.А. Обручев высоко оценивал его ботанические сборы. Вот что по этому поводу констатировал профессор: «По отзыву ботаников из всех русских путешественников по Азии Григорий Николаевич доставил наиболее полные и тщательно собранные гербарии» [27. С. 22].

Репрезентации образа идеолога областничества как успешного ученого В.А. Обручев представил максимально полно уже в советский период отечественной социально-политической истории. В 1947 г. в издательстве Академии наук СССР будет опубликовано жизнеописание Григория Николаевича на 324 страницах. Уже в предисловии автор формирует четкий маркер высоких научных достижений просветителя. «Малоизвестно широким кругам советских читателей имя Г.Н. Потанина, изучавшего внутреннюю Азию, и совершившего пять путешествий по Монголии, Китаю и восточной окраине Тибета. По исследованию природы Монголии и Китая он сделал гораздо больше, чем Пржевальский, а в отношении монгольских и тюркских народностей Азии, их быта, обычаев, верований, сказаний, всей жизни собрал несравненно больше сведений» [28. С. 5].

Вместе с тем в биографическом очерке от 1916 г. можно выявить нарратив о личной жизни Григория Николаевича и его мировоззрении. В жизни просветителя верным и преданным другом и спутником в путешествиях была его супруга – А.В. Потанина. Об Александре Викторовне В.А. Обручев писал так: «Она была деятельной помощницей Григория Николаевича не только в его путешествиях, но и в промежуточной между ними научной и общественной работе. Она помогала собирать всякие коллекции, вести наблюдения

по метрологии, делать записи по этнографии» [27. С. 15].

Другим компонентом конструирования образа великого сибиряка стала отсылка к истокам его мировоззрения. Автор акцентировал личное знакомство и общение Г.Н. Потанина с лучшими умами своего времени – М.А. Бакуниным, К.Д. Кавелиным и П.П. Семеновым. «В Петербург он (т.е. Потанин. – А.Г.) отправился благодаря содействию Бакунина... В Петербурге Семенов и Кавелин помогли Григорию Николаевичу найти заработок и три года он посвятил слушанию лекций в университете» [27. С. 7]. Вполне понятно, что тем самым акцентировалась демократическая, либеральная и народническая основа идейного мира и мировоззренческих установок просветителя.

Маркеры, презентующие выдающегося сибиряка, о роли женщины в его жизни и связи с передовыми представителями русской интеллигенции и вообще умственной сферы характерны для биографической работы М.А. Лялиной «Путешествия Г.Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю» (1912). Автор в первую очередь раскрывал достижения и значения странствий идеолога областничества, но вместе с тем обращался и к общим моментам персональной истории просветителя. О роли супруги писательница повествовала так: «Не одним только нравственным сочувствием поддерживала Александра Викторовна своего мужа. Она была помощницей настолько в его работах, что Императорское Географическое общество признало наградить ее золотой медалью» [29. С. 22]. М.А. Лялина также упоминает о том, что в Петербурге К.Д. Кавелин и П.П. Семенов приняли дружеское участие в судьбе Г.Н. Потанина, и он стал посещать университет.

Нарратив демократической и народнической основе картины мира Григория Николаевича через непосредственное воздействие выдающихся умов второй половины XIX в. развивал самый близкий его друг – Н.М. Ядринцев. В биографическом материале от 1894 г. он писал: «По прибытии в Петербург, в 1858 г., Потанин встретил первое теплое участие в знакомом уже ему П.П. Семенове и К.Д. Кавелине, которые доставили талантливому труженику заработка, обеспечившие его существование» [30. С. 2].

Очень красочно Н.М. Ядринцев конструировал образ дорогого друга как гуманиста, обращенного к миру человека. «Весьма ценною чертою нашего путешественника (т.е. Потанина. – А.Г.), – как отмечал публицист, – является то, что он, изучая природу, не игнорировал подобно другим жизнь людей, не относился к ним с предубеждением; напротив, изучая быт, нравы, обычаи, верования, он сосредоточил особое внимание на мирозерцании инородческих племен и открыл у них богатую область мира» [30. С. 2].

Современные коммеморативные практики и мемориализация образа Г.Н. Потанина

В наши дни имя Г.Н. Потанина носят почти с десятком улиц в Сибири и Республике Казахстан. Потомки помнят и чтут заступника «Восточной окраины». Самым известным мемориальным местом почитания

Григория Николаевича можно считать университетскую рощу Томского государственного университета, где размещен памятник просветителю. Также на базе первого университета в Азиатской части России в рамках научного журнала «Вестник Томского государственного университета» в конце 1990-х – начале 2000-х гг. была реализована коммеморативная практика освещения жизни и творчества известного сибиряка в цикле материалов под заглавием «Потанинские чтения».

Однако еще в 1985 г. в Новосибирске была организована конференция, посвященная 150-летию со дня рождения великого сибирского деятеля. По сути это было первое мероприятие после тотального забвения и нарочитого умалчивания наследия Григория Николаевича в советское время. Заложенную традицию проведения научно-практических мероприятий продолжили уже в Томске. В 1990 г. состоялись Первые «Потанинские чтения». Такая практика вызвала симпатии политического руководства Томской области и региональных общественных объединений. Так, в 1995 г. губернатор Томской области В.М. Кресс собственным нормативным актом утвердил организационный комитет «Потанинских чтений», приуроченных к 160-летию со дня рождения просветителя. Органы местного самоуправления также приняли участие в конференции. Глава муниципального образования г. Томска Г.В. Коновалов выступил на пленарном заседании научно-практического мероприятия. Финансовую поддержку конференции оказала организация «Сибирское соглашение». Знаковость события воспроизводилась не только в рамках научных дискуссий, но и мемориальных практик, в числе которых было возложение цветов к памятнику Г.Н. Потанина. По сведениям В.З. Башкатова, на церемонии присутствовало 300 человек [31. С. 19].

В настоящее время граффити с изображением Г.Н. Потанина украшают городские пространства Томской земли. Так, в 2021 г. в рамках проекта «Томск – это люди» на здании одной из насосных станций появилось изображение известного сибиряка, хотя, увы, просуществовала недолго. В том же году красочное граффити с Г.Н. Потаниным нанесли на официальное здание Научного центра СО РАН в Томске. Появление этого визуального объекта в конструировании политики памяти о Григории Николаевиче – продукт сотрудничества РГО и ТЦН РАН.

На сайте Томского областного отделения Русского географического общества в 2020 г. была представлена брошюра-презентация, приуроченная к 185-летию со дня рождения просветителя. В данном материале жизнь и творчество ученого рассматривается через матрицу его экспедиций и этнографических исследований.

В научной библиотеке ТГУ доступен Архив Потанина, включающий множество ценных в научном отношении материалов. В краеведческом музее Томска также хранятся редкие документы, рукописи и визуальные образы сибирского деятеля. Известно, что в Томском государственном университете предпринимались попытки создания мемориального кабинета

Г.Н. Потанина, но, видимо, в силу технических причин пока данное место памяти так и не организовали. В целом наследие идеолога областничества широко исследуют во всех городах Сибири, многих городах нашего Отечества, интерес проявляют и представители Казахстана [32], Японии [33] и др.

В казахстанском городе Павлодаре в 2012 г. на одной из центральных улиц торжественно был открыт памятник Ч.Ч. Валиханову и Г.Н. Потанину. Полагаем, что данное место памяти призвано не только олицетворять почитание Григория Николаевича степным народом, но и быть символической иллюстрацией дружбы русского и казахстанского народов.

Популяризация личности Г.Н. Потанина как символа Сибири осуществляется в настоящее время в разработке экскурсионных маршрутов. Ведущую роль в этом благом деле играет кафедра музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. Как замечает рецензент этого научно-популярного издания, очерк о жизни выдающегося сибиряка имеет не только самостоятельное значение, но может служить резервом информации для бесед на экскурсионном маршруте [34. С. 297].

Истинно новаторский характер этого проекта заключается в том, что авторы впервые в отечественной историографии представили объемный и подробный список мест памяти Григория Николаевича, органично встраивая образ просветителя в судьбу г. Томска. Мемориализация образа выдающегося сибиряка, таким образом, приобретает конкретные механизмы и предполагает точные сценарии в конструировании политики памяти о Григории Николаевиче Потанине.

Характерно, что в содержательном отношении в рамках биографии просветителя оригинально развиваются нарративы о его отношении к большевизму, о влиянии на идеолога областничества со стороны Н.Н. Костомарова, М.А. Бакунина и К.Д. Кавелина, об успехах в этнографии, путешествиях. Также авторы приводят достоверные сведения об адресах проживания Г.Н. Потанина и др. [35].

В целом маршрут экскурсионного туризма, разработанный томскими учеными, можно применять как средство эффективного использования историко-культурного наследия в реализации политики памяти и конструирования образов и символов выдающихся личностей как паттернов локальной идентичности.

В научно-академической среде очень активно за последние 20 лет презентуется многогранный образ выдающегося сибиряка. Одними из первых современных исследователей, принявших за составление описания жизненного пути и наследия Г.Н. Потанина, были

А.М. Сагалаев и В.М. Крюков (1991 и 2004) [36], М.В. Шиловский (2004) [37], Г.И. Пелих (2006) [38], А.Л. Захаренко (2009) [39] и др.

В последнее время опубликовано несколько полноценных биографических материалов с авторскими подходами и интерпретационными приемами понимания масштаба личности Григория Николаевича. По запросу публикаций с ключевым словом «Г.Н. Потанин» на платформе научной электронной библиотеки Elibrary система выдает более 100 наименований. Все это есть прямое свидетельство тому, что главными каналами распространения исторической политики и культурной памяти о выдающемся сибиряке выступают научно-популярные книги и письменные источники. Центральным агентом в конструировании и репрезентации образа Г.Н. Потанина выступают академические круги. Меньшее значение в этом процессе играет государство в лице органов и должностных лиц.

Заключение

Таким образом, популяризация светлого образа культовой личности Сибири – Г.Н. Потанина была осуществлена еще при его жизни. Современники презентовали Григория Николаевича как истинного патриота малой родины, чья судьба неразрывно связана с Сибирью. Данный маркер выступал символическим паттерном локальной идентичности. Соратники и единомышленники выдающегося сибиряка конструировали позитивный образ просветителя на основе нарративов о его достижениях в исследовательской работе, путешествиях, личных качествах, демократизме мировоззрения, гуманистических ценностях, преданности областнической идеологии.

После кончины просветителя мемориальные и популяризаторские практики были преданы забвению. Первым брешь пробил профессор В.А. Обручев. Публикация биографии Григория Николаевича в конце 1940-х гг. – явление прорывное. Так как советский догматизм был противоположен политической идеологии областничества, имя выдающего сына Сибири часто просто замалчивали.

Динамика коммеморативных практик и встраивание образа Григория Николаевича Потанина в культурную память и историческую политику резко возросла на волне демократизации 1990-х гг. За последнее время увеличилось количество мест памяти о выдающемся сибиряке. Появляются все новые и новые публикации о нем. Светлый образ известного сибирского общественного деятеля репрезентуется как визуальный и духовно-культурный паттерн в знаково-символической матрице памяти потомков и коллективном восприятии современников.

Список источников

1. Сагалаев А.М. Феномен Потанина // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266, № 1: Гуманитарный спец. выпуск. С. 20–21.
2. Крюков В.М. Память о Потанине вошла в кровь и плоть сибиряков // Сибирская старина. 1999. № 16 (21). С. 43–44.
3. Зиновьев В.П. Г.Н. Потанин как друг азиатских народов // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 34–36.
4. Пелих Г.И. Г.Н. Потанин о роли общины в истории человечества: [На материале Сибири] // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266, № 1: Гуманитарный спец. выпуск. С. 23–27.
5. Шиловский М.В. П.П. Семенов-Тянь-Шанский и Г.Н. Потанин: роль наставника в становлении ученого // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 3. С. 80–85. doi: 10.15372/HSS20230311
6. Досмураинов Р.К. Этнография казахского народа в работах Григория Николаевича Потанина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3. С. 105–109. doi: 10.25205/1818-7919-2020-19-3-105-109

7. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Музееведческие исследования в Томском государственном университете : сб. ст. К 80-летию профессора Э.И. Черняка Томск : Национ. исслед. Том. гос. ун-т, 2021. С. 186–205.
8. Новикова Е.Г. Г.Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266, № 1: Гуманитарный спец. выпуск. С. 27–33.
9. Васенькин Н.В. Об одном томском адресе Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 183–184.
10. Шарыпова В.С. Научное и публицистическое наследие Г.Н. Потанина в дискурсе русского ориентализма: к постановке проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 447–449. doi: 10.24412/1991-5497-2022-394-447-449
11. Мамонтова Е.А. О некоторых свидетельствах изучения биографии и творчества Г.Н. Потанина (по фондам Государственного архива Новосибирской области) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 39–41.
12. Погодаев Н.П. Образ Григория Потанина в общественном сознании сибиряков: от модерна к постмодерну и далее // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 137–144. doi: 10.17223/1998863X/46/16
13. Шиловский М.В. Конструирование концепта сибирской идентичности на примере личности Г.Н. Потанина (1835–1920) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : Междунар. науч. конф., программа и тезисы, Томск, 14–15 октября 2014 года. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 230–232.
14. Поплавская И.А. Г.Н. Потанин в воспоминаниях и переписке современников // XXXI Духовно-исторические чтения памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Томск, 20–31 апреля 2021 года. Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2022. С. 53–61.
15. Герцен А.И. Из Сибири и Казани: [Из рубр. “Смесь”] // Колокол (Лондон). 1865. 15 сентября (№ 204). С. 1676.
16. Краткая записка о действиях Следственной Комиссии, учрежденной в г. Омске, по поводу воззвания к Патриотам Сибири, найденного в Сибирском Кадетском Корпусе // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия ; сост. Н.В. Серебрянников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 159.
17. Ядринцев Н.М. Неизвестному другу: [Стихотворение] // Камско-Волжская газета. 1873. № 41.
18. Скарси А.И. [Об экспедициях Г. Н. Потанина] // Новости (СПб.). 1885. № 182. 1886. 31 апреля. С. 13.
19. Вержбовский Ф.Ф. Новые исследования Г.Н. Потанина по вопросу о происхождении русского народного эпоса // Сибирский вестник. 1890. № 55. С. 11–13.
20. Козьмин Н.Н. Григорий Николаевич Потанин: Биографический очерк // Сибирские Записки. 1917. № 6 (дек.). С. 132–141.
21. Крутовский Вл.М. Из истории одной дружбы: Н.М. Ядринцев – Г.Н. Потанин : очерк // Сибирские записки. 1919. № 2. С. 11–22.
22. Крутовский Вл.М. Сибирь и февральская революция // Сибирские записки. 1917. № 2. С. 143–147.
23. Поплавская И.А. Освещение юбилея Г.Н. Потанина на страницах газеты «Сибирская жизнь» // Секулярный мир и религиозность: прошлое, настоящее, будущее : материалы XXXII Духовно-исторических чтений памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Томск, 20 апреля 31 2022 года. Томск : Национ. исслед. Том. гос. ун-т, 2023. С. 19–26.
24. Попов И.И. Единственный // Сибирская жизнь. 1915. № 204. С. 4.
25. Малиновский И.А. 15 лет в Томске // Сибирская жизнь. 1915. № 204. С. 4.
26. Сибирская жизнь. 1915. № 204. С. 5.
27. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин : краткий очерк его жизни и деятельности / [соч.] В.А. Обручева. М. : Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1916. 23 с.
28. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 324 с.
29. Лялина М.А. Путешествия Г.Н. Потанина по Монголии, Тибету и Китаю : с 48 рисунками, портретом и картой / обраб. по подлинным его соч. М.А. Лялиной. 2-е изд., просмотр. и испр. Г.Н. Потаниным, с его предисл. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1912. 224 с.
30. Ядринцев Н.М. Жизнь и деятельность Г.Н. Потанина // Восточное обозрение. 1894. № 46. С. 2.
31. Башкатов В.З. Потанинские чтения. Краткий комментарий // Вестник Томского государственного университета. 1998. Т. 266, № 1: Гуманитарный спец. выпуск. С. 19–20.
32. Игибаев С. Г.Н. Потанин – великий путешественник, ученый, демократ // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 49–57. doi: 10.14258/izvasu(2017)5-07
33. Танака К. Сибирское областничество и бурят-Монголия // Мир Центральной Азии / отв. ред. Е.В. Сундуева. Улан-Удэ : Оттиск, 2012. С. 51–53.
34. Андреева Е.А. Рецензия на книгу «Томск Потанин: экскурсионный маршрут» // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2021. № 41 С. 294–299.
35. Дмитриенко Н.М., Голев И.А. Томск Потанин: экскурсионный маршрут / науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. 128 с.
36. Сагалаяев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск : Изд-во научно-технической литературы, 2004. 208 с.
37. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск : Сова, 2004. 340 с.
38. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 164 с.
39. Захаренко А.Л. Общественно-политическое и культурное наследие Г.Н. Потанина : учеб. пособие для исторических спец. Павлодар : Кереку, 2009. 388 с.

References

1. Sagalaev, A.M. (1998) Fenomen Potanina [The Phenomenon of Potanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266 (1). pp. 20–21.
2. Kryukov, V.M. (1999) Pamyat' o Potanine voshla v krov' i plot' sibiryakov [The Memory of Potanin Entered the Blood and Flesh of Siberians]. *Sibirskaya starina*. 16 (21). pp. 43–44.
3. Zinoviev, V.P. (2011) G.N. Potanin kak drug aziatskikh narodov [G.N. Potanin as a Friend of Asian Peoples]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 34–36.
4. Pelikh, G.I. (1998) G.N. Potanin o roli obshchiny v istorii chelovechestva: [Na materiale Sibiri] [G.N. Potanin on the Role of the Community in Human History: [Based on Siberian Material]]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266 (1). pp. 23–27.
5. Shilovskiy, M.V. (2023) P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy i G.N. Potanin: rol' nastavnika v stanovlenii uchenogo [P.P. Semenov-Tyan-Shansky and G.N. Potanin: The Role of a Mentor in the Formation of a Scientist]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 30 (3). pp. 80–85. doi: 10.15372/HSS20230311
6. Dsmurzinnov, R.K. (2020) Etnografiya kazakhskogo naroda v rabotakh Grigoriya Nikolaevicha Potanina [Ethnography of the Kazakh People in the Works of Grigory Nikolaevich Potanin]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 19 (3). pp. 105–109. doi: 10.25205/1818-7919-2020-19-3-105-109
7. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2021) Vklad G.N. Potanina v muzeynoe delo Sibiri [The Contribution of G.N. Potanin to the Museum Affairs of Siberia]. In: *Muzevedcheskie issledovaniya v Tomskom gosudarstvennom universitete: sb. st. K 80-letiyu professora E.I. Chernyaka* [Museum Studies at Tomsk State University: Collection of Articles. To the 80th Anniversary of Professor E.I. Chernyak]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 186–205.
8. Novikova, E.G. (1998) G.N. Potanin v Tomske: filologiya, Sibir', Vostok i khristianstvo [G.N. Potanin in Tomsk: Philology, Siberia, the East and Christianity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266 (1). pp. 27–33.
9. Vasenkin, N.V. (2003) Ob odnom tomskom adrese G.N. Potanina [About One Tomsk Address of G.N. Potanin]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 276. pp. 183–184.

10. Sharypova, V.S. (2022) Nauchnoe i publitsisticheskoe nasledie G.N. Potanina v diskurse russkogo orientalizma: k postanovke problemy [The Scientific and Journalistic Heritage of G.N. Potanin in the Discourse of Russian Orientalism: Towards a Problem Statement]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 94 (3). pp. 447–449. doi: 10.24412/1991-5497-2022-394-447-449
11. Mamontova, E.A. (2011) O nekotorykh svidetel'stvakh izucheniya biografii i tvorchestva G.N. Potanina (po fondam Gosudarstvennogo arkhiva Novosibirskoy oblasti) [On Some Evidence of the Study of the Biography and Work of G.N. Potanin (Based on the Funds of the State Archive of the Novosibirsk Region)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 39–41.
12. Pogodaev, N.P. (2018) The Image of Grigory Potanin in the Public Consciousness of Siberians: From Modern to Postmodern and Beyond. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 46. pp. 137–144. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/46/16
13. Shilovskiy, M.V. (2014) [Constructing the Concept of Siberian Identity Using the Example of the Personality of G.N. Potanin (1835–1920)]. Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya [Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology, Methods and Research Practices]. International Scientific Conference, Program and Abstracts. Tomsk. 14–15 October 2014. Tomsk: Tomsk State University. pp. 230–232. (In Russian).
14. Poplavskaya, I.A. (2022) [G.N. Potanin in the Memoirs and Correspondence of Contemporaries]. XXXI Dukhovno-istoricheskie chteniya pamyati uchiteley sloven-skikh svyatykh Kirilla i Mefodiya: materialy XXXI Dukhovno-istoricheskikh chteniy pamyati svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya [XXXI Spiritual and Historical Readings in Memory of the Slavic Teachers Saints Cyril and Methodius: Proceedings of the XXXI Spiritual and Historical Readings in Memory of the Holy Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius]. Tomsk. 20–31 April 2021. Tomsk: Izd-vo Tomskogo TsNTI. pp. 53–61. (In Russian).
15. Gertsen, A.I. (1865) Iz Sibiri i Kazani: [Iz rubr. "Smes'"] [From Siberia and Kazan: [From the "Miscellany" section]]. *Kolokol* (London). 204 (15 September). p. 1676.
16. Topchii, A.T. & Topchii, R.A. (2002) Kratkaya zapiska o deystviyakh Sledstvennoy Kommis-sii, uchrezhdennoy v g. Omske, po povodu vozzvaniya k Patriotam Sibiri, naydennoy v Sibirskom Kadetskom Korpuse [A Brief Note on the Actions of the Investigative Commission Established in Omsk, Regarding the Appeal to the Patriots of Siberia, Found in the Siberian Cadet Corps]. In: Serebrennikov, N.V. *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The Case on the Separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University. p. 159.
17. Yadrintsev, N.M. (1873) Neizvestnomu drugu: [Stikhotvorenie] [To an Unknown Friend: [Poem]]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 41.
18. Skazi, A.I. (1886) [Ob ekspeditsiyakh G. N. Potanina] [[On the Expeditions of G. N. Potanin]]. *Novosti* (St. Petersburg). 182 (31 April). p. 13.
19. Verzhbovskiy, F.F. (1890) Novye issledovaniya G.N. Potanina po voprosu o proiskhozhdenii russkogo narodnogo eposa [New Research by G.N. Potanin on the Origin of the Russian Folk Epic]. *Sibirskiy vestnik*. 55. pp. 11–13.
20. Koz'min, N.N. (1917) Grigoriy Nikolaevich Potanin: Biograficheskiy ocherk [Grigoriy Nikolaevich Potanin: Biographical Essay]. *Sibirskie Zapiski*. 6 (Dec.). pp. 132–141.
21. Krutovskiy, V.I.M. (1919) Iz istorii odnoy družby: N.M. Yadrintsev – G.N. Potanin: ocherk [From the History of a Friendship: N.M. Yadrintsev – G.N. Potanin: An Essay]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 11–22.
22. Krutovskiy, V.S.M. (1917) Sibir' i fevral'skaya revolyutsiya [Siberia and the February Revolution]. *Sibirskie zapiski*. 2. pp. 143–147.
23. Poplavskaya, I.A. (2023) [Coverage of the Anniversary of G.N. Potanin on the Pages of the Newspaper "Sibirskaya Zhizn'"]. *Sekulyarnyy mir i religioznost: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Secular World and Religiosity: Past, Present, Future]. Proceedings of the XXXII Spiritual and Historical Readings in Memory of the Holy Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius. Tomsk. 20–31 April 2022. Tomsk: Tomsk State University. pp. 19–26. (In Russian).
24. Popov, I.I. (1915) Edinstvennyy [The Only One]. *Sibirskaya zhizn'*. 204. p. 4.
25. Malinovskiy, I.A. (1915) 15 let v Tomske [15 Years in Tomsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 204. p. 4.
26. *Sibirskaya zhizn'*. (1915) 204. p. 5.
27. Obruchev, V.A. (1916) *Grigoriy Nikolaevich Potanin: kratkiy ocherk ego zhizni i deyatel'nosti* [Grigoriy Nikolaevich Potanin: A Brief Outline of His Life and Activity]. Moscow: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K°.
28. Obruchev, V.A. (1947) *Grigoriy Nikolaevich Potanin. Zhizn' i deyatel'nost'* [Grigoriy Nikolaevich Potanin. Life and Activity]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
29. Lyalina, M.A. (1912) *Puteshestviya G.N. Potanina po Mongolii, Tibetu i Kitayu: s 48 risunkami, portretom i kartoy* [Travels of G.N. Potanin in Mongolia, Tibet and China: With 48 Drawings, a Portrait and a Map]. 2nd ed. Saint Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
30. Yadrintsev, N.M. (1894) Zhizn' i deyatel'nost' G.N. Potanina [Life and Activity of G.N. Potanin]. *Vostochnoe obozrenie*. 46. p. 2.
31. Bashkatov, V.Z. (1998) Potaninskie chteniya. Kratkiy kommentariy [Potanin Readings. A Brief Commentary]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 266 (1). pp. 19–20.
32. Igibaev, S. (2017) G.N. Potanin – velikiy puteshestvennik, uchenyy, demokrat [G.N. Potanin – Great Traveler, Scientist, Democrat]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (97). pp. 49–57. doi: 10.14258/izvasu(2017)5-07
33. Tanaka, K. (2012) Sibirskoe oblastnoye i buryat-mongoliya [Siberian Regionalism and Buryat-Mongolia]. In: Sundueva, E.V. (ed.) *Mir Tsentral'noy Azii* [The World of Central Asia]. Ulan-Ude: Ottisk. pp. 51–53.
34. Andreeva, E.A. (2021) Review of the Book "Tomsk Potanin: Excursion Route". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 41. pp. 294–299. (In Russian). doi: 10.17223/2220836/41/26
35. Dmitrienko, N.M. & Golev, I.A. (2020) *Tomsk Potanin: ekskursionnyy marshrut* [Tomsk Potanin: Excursion Route]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia: An Attempt to Comprehend the Personality]. Tomsk: Izd-vo nauchno-tehnicheskoy literatury.
37. Shilovskiy, M.V. (2004) "Polneyshaya samootverzhennaya predannost' nauke": G.N. Potanin. Biograficheskiy ocherk ["The Most Complete Selfless Devotion to Science": G.N. Potanin. Biographical Essay]. Novosibirsk: Sovo.
38. Pelikh, G.I. (2006) *Istoricheskaya kontseptsiya G.N. Potanina* [The Historical Conception of G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.
39. Zakharenko, A.L. (2009) *Obshchestvenno-politicheskoe i kul'turnoe nasledie G.N. Potanina* [Socio-Political and Cultural Heritage of G.N. Potanin]. Textbook. Pavlodar: Kereku.

Информация об авторе:

Головинов А.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Golovinov, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: alex-golovinov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 19.07.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 929
doi: 10.17223/15617793/513/15

Автограф Ивана Павловича Менделеева в составе коллекции отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета

Валерия Анатольевна Есипова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, esipova_val@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию автографа Ивана Павловича Менделеева – отца известного химика Д.И. Менделеева. Автограф был обнаружен на полях экземпляра Библии, изданной в Москве в 1790 г. Приводится описание экземпляра Библии, показана связь сведений, извлеченных из записи, с семейной историей Менделеевых и Капустиных. Проведено сравнение почерка И.П. Менделеева в исследуемой записи и известных ранее автографах. Сделан вывод об аутентичности автографа. Указано на необходимость при исследовании библиотек ученых уделять внимание не только изданиям, связанным с профессиональной деятельностью владельцев, но и иным изданиям в составе их библиотек.

Ключевые слова: Иван Павлович Менделеев, автографы, Томск, Сибирь, владельческие записи

Для цитирования: Есипова В.А. Автограф Ивана Павловича Менделеева в составе коллекции отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 127–132. doi: 10.17223/15617793/513/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/15

The autograph of Ivan Pavlovich Mendeleev as a part of the collection of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of Tomsk State University

Valeriya A. Esipova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, esipova_val@mail.ru

Abstract. The study of biographies of outstanding scientists and the reconstruction of the history of their families are increasingly attracting modern researchers. It is well known that the fate of the famous chemist Dmitry Ivanovich Mendeleev is connected with Tomsk and Tomsk University; this is evidenced, among other things, by an article dedicated to him in the Electronic Encyclopedia of Tomsk State University. Recently, when describing the collection of publications of the Cyrillic seal, stored in the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of Tomsk State University, an autograph of his father, Ivan Pavlovich Mendeleev, was discovered. Ivan Mendeleev's autograph is on the pages of the edition of the Bible (Moscow, 1790). This is the ninth edition of the text of the famous Elizabethan Bible, which was first published in 1751 and has been reprinted many times since. The copy of the Bible edition in question (B-1153) is very well-preserved. There is a record of interest on the pages of B-1153. It is located on pages 119 and 120 rev., in the lower field, under the text of the menology. The text of the entry tells about the birth and death of the Kapustins' first daughter, Maria. The Kapustin family is well known: during the period indicated in the record they lived in Omsk, later moved to Tomsk. Vyacheslav Yuryevich Sofronov, a Tobolsk scientist and writer, studied the history of the Mendeleev family, including collecting and analyzing their family correspondence. In particular, he published the chronicle of the Mendeleev family. He kindly provided samples of Ivan Mendeleev's handwriting for comparison. Thanks to this, it was possible to establish that the entries in the fields of B-1153 are indeed an autograph. Thus, as a result of the study of a copy of the edition of the Bible (Moscow, 1790), stored in the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of Tomsk State University, it was found that the autograph of Ivan Pavlovich Mendeleev, the father of the great chemist, is located in the margins of the copy. It is shown that the autograph appeared on the pages of the book, most likely, during Ivan Mendeleev's visit to his daughter, Ekaterina Kapustina, who at that time lived with her husband, Yakov Kapustin, in Omsk. The parents' visit was connected with the birth and sudden death of the Kapustins' first daughter, Maria. Assumptions have been made about exactly how the autographed book ended up in the funds of the Research Library of Tomsk State University.

Keywords: Ivan Pavlovich Mendeleev, autographs, Tomsk, Siberia, ownership records

For citation: Esipova, V.A. (2025) The autograph of Ivan Pavlovich Mendeleev as a part of the collection of the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Research Library of Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 127–132. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/15

Постановка проблемы

Биографии выдающихся ученых и реконструкция истории их семей все больше привлекают современных исследователей. Хорошо известно, что с Томском и Томским университетом связана судьба известного химика Дмитрия Ивановича Менделеева; об этом свидетельствует, в числе прочего, и посвященная ему статья в Электронной энциклопедии ТГУ [1], а также памятник в университетской роще.

Традиционно для реконструкции биографий выдающихся личностей используют их работы, делопроизводственные документы, документы личного происхождения. Исследование личных книжных собраний, разумеется, связано с реконструкцией биографий, однако обычно принимаются во внимание труды по основной специальности ученого, остальное же остается за рамками исследовательского интереса. Между тем привлечение так называемых непрофильных книг из собраний известных личностей может дать дополнительную информацию не только о круге интересов владельца книжного собрания, но и о некоторых неизвестных ранее страницах его биографии. Пример подобного исследования рассмотрен в настоящей статье.

В отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ) в настоящее время хранится целый ряд коллекций и мемориальных библиотек. Среди них – коллекция книг кирилловской печати XVI–XX вв., насчитывающая более 800 экземпляров. Преимущественно это книги, принадлежавшие ранее православным церквям и монастырям (например, Томскому Богородице-Алексеевскому мужскому монастырю, Томской духовной семинарии и т.д.), а также изъятые у старообрядцев, проживавших на территории Томской губернии. Среди изданий, хранящихся в этой коллекции, встречаются и экземпляры, попавшие в НБ ТГУ вместе с известными мемориальными библиотеками (А.В. Никитенко, М.В. Сурина и др.). В настоящее время коллекция кириллических изданий еще не введена полностью в научный оборот, однако работа в этом направлении планомерно ведется.

Недавно при описании изданий этой коллекции был обнаружен автограф отца известного химика Д.И. Менделеева – Ивана Павловича Менделеева. Иван Павлович Менделеев (1783–1847) родился в Тверской губернии, был сыном священнослужителя и, наряду с братьями, окончил Тверскую духовную семинарию. В 1804 г. поступил в Педагогический институт в Петербурге, на филологическое отделение; по окончании, в 1807 г., был назначен старшим учителем в Тобольское главное народное училище. В 1809 г. женился на Марии Дмитриевне Корнильевой, представительнице известной тобольской семьи. Позже служил в качестве директора гимназии в Самаре и директором училищ в Тамбовской губернии. Однако в 1825 г. впал в немилость и вернулся в Тобольск, где стал директором Тобольской классической гимназии. Этот период его деятельности хорошо изучен: так, среди его учеников и младших коллег был известный писатель

П.П. Ершов; в доме Менделеевых собирались ссыльные декабристы. Там же в 1834 г. родился младший и последний ребенок, впоследствии известный ученый Д.И. Менделеев. В том же году И.П. Менделеев ослеп и вынужден был оставить службу. Хотя позже его зрение восстановилось в результате операции, но более он к службе не возвращался. Скончался Иван Павлович в 1847 г. в Тобольске.

Описание источника

Автограф И.П. Менделеева находится на листах издания Библии (М., 1790). Это девятое издание текста известной Елизаветинской Библии, которая впервые была выпущена в свет в 1751 г. и с тех пор неоднократно переиздавалась. Используемый в настоящее время в Русской православной церкви текст Библии – это текст Елизаветинской Библии с незначительными изменениями.

Работа над новым переводом библейского текста началась при Петре I, в 1712 г. Была проведена обширная редакционная работа и сверка текста по ряду рукописей и изданий на разных языках, начиная с Острожской Библии и заканчивая изданиями на латыни и греческом. Однако в январе 1725 г., после кончины Петра, работы были остановлены – напечатано всего несколько образцов текста.

При Екатерине I работа над изданием тормозилась в результате борьбы между партиями Феофана Прокоповича и Стефана Яворского. В 1736 г. работы по переводу были перенесены в Петербург из Москвы, их возглавлял Стефан Калининский, архимандрит Александро-Невского монастыря.

Перевод был сверен еще по нескольким греческим рукописям, в том числе изданиям Лондонской Полиглотты. В 1750 г. Синод принял решение о печати Библии, она вышла в свет в 1751 г., уже при Елизавете Петровне. Как видно, при подготовке текста Библии к изданию использовались не только греческие, но и латинские варианты текста, в том числе Вульгата.

Рассматриваемый экземпляр издания Библии (В-1153) [2] находится в весьма хорошей сохранности. Это книга форматом in folio, в кожаном переплете со слепым и золотым тиснением, с золоченым обрезами. В центре верхней и нижней крышек переплета вытиснен двуглавый орел с гербом Москвы на груди, это может свидетельствовать о месте создания этого переплета. Отметим, что в составе описываемого экземпляра представлен не весь текст Библии, а только Новый Завет. То же издание, но с текстом Ветхого Завета также хранится в НБ ТГУ [3]; аналогичный переплет позволяет предполагать, что оба тома принадлежали одному и тому же владельцу.

На листах В-1153 находится интересующая нас запись. Она расположена на л. 119 и 120 об., на нижнем поле, под текстом месяцеслова (рис. 1, 2). Текст записи следующий: «1839 года 2го апреля сочетались браком Я.С. Капустин с Катериною Иванов. Менделеевою. 1840 года 19 февраля от сего супружества Бог даровал им дочь Марию в 3 часу по полуночи, при чем радовалась и утешалась мать родившей, приехавшая нарочно

из Тобольска в Омск». На нижнем поле л. 120 об. тем же почерком: «1840 года в 10 часов по полуночи скончалась милая внучка Маша, которую в числе прочих провозжал на кладбище родной ее дед, приехавший тож как

бы нарочно, с радостию ее увидевший, утешающийся ею и вдруг сраженный старик Иван Менделеев. О сем 9го числа 1840 г». Указанные в записи числа – 19 февраля, 2 и 9 апреля отмечены в месяцеслове звездочками.

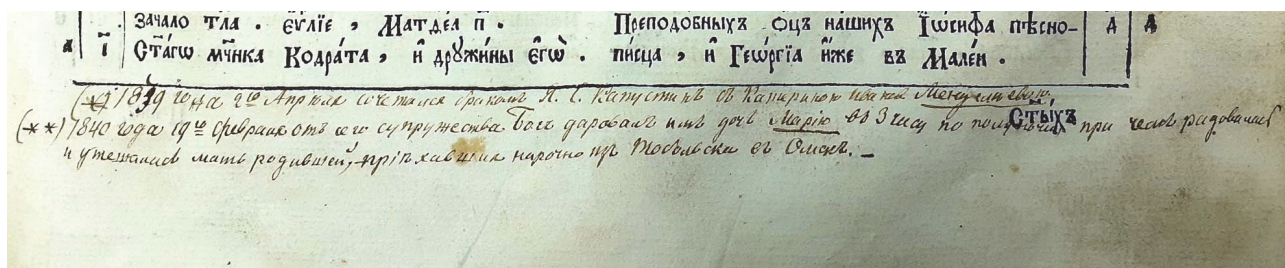

Рис. 1. ОРКП НБ ТГУ. В-1153. Библия. Т. 2. М., 1790. Л. 119

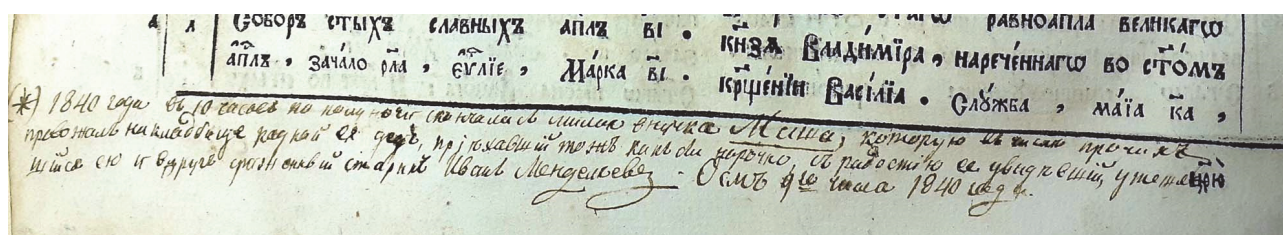

Рис. 2. ОРКП НБ ТГУ. В-1153. Библия. Т. 2. М., 1790. Л. 120 об.

Методы исследования

Исследование выявленной записи велось по двум основным направлениям. С одной стороны, предстояло установить, является ли запись действительно автографом И.П. Менделеева. Для этого необходимо было использовать традиционные методы палеографического анализа. С другой стороны, важно было установить, какое место занимают полученные из записи данные в известной на настоящий момент семейной истории Менделеевых и Капустиных. Для этого потребовалось привлечение методов реконструкции и сопоставления.

Ход исследования

Как видно, в тексте записи идет речь о рождении и кончине первой дочери четы Капустиных – Марии. Семейство Капустиных хорошо известно: Екатерина, третий ребенок в семье Менделеевых, вышла замуж за Якова Семеновича Капустина в 1839 г., для него это был второй брак. Капустины прожили много лет в Омске, где Яков Семенович занимал высокие должности в Главном управлении Западной Сибири, а Екатерина Ивановна держала салон, в котором встречались не только высшие чиновники местной администрации – князь Горчаков, комендант Омской крепости де Граве, – но и путешественники, ученые, а также ссыльные интеллектуалы. Известно, что Я.С. Капустин был хорошо знаком с Ф.М. Достоевским и являлся прототипом чиновника Гвоздикова в «Записках из Мертвого дома». Очень тепло о семействе Капустиных отзывался Г.Н. Потанин. В частности, он писал: «В гостиной Екатерины Ивановны собирался цвет омской интеллигенции, молодые офицеры Генерального штаба,

чиновники Главного управления, окончившие высшую школу, друзья сына, Капустина Семена Яковлевича, и художники, как например офицер Генерального штаба Померанцев, политический ссыльный, как например, петрашевец Дуров. Если через Омск проезжал какой-нибудь ученый-путешественник или профессор, как например, П.П. Семенов, он непременно попадал в гостиную Екатерины Ивановны» (цит. по: [4. С. 14]). В 1859 г. Капустин был назначен в Томск, однако по переезде вскоре скончался. Е.И. Капустина прожила в нашем городе до 1865 г., затем была вынуждена уехать.

Изучением истории семьи Менделеевых, в том числе – сбором и анализом их семейной переписки, занимался Вячеслав Юрьевич Софронов, тобольский ученый и писатель. В частности, им опубликована хроника семьи Менделеевых [4. С. 12]. Исследователь отмечает, что зимой 1840 г. мать Екатерины Ивановны, Мария Дмитриевна Менделеева, собиралась совершить поездку к Капустиным в Омск, однако неизвестно, случилась ли эта поездка в действительности. Благодаря найденной записи можно утверждать, что не только Мария Дмитриевна посетила семью дочери и увидела внучку, но приезжал к ним в гости и отец, Иван Павлович.

При исследовании записи возник вопрос, действительно ли она является автографом Ивана Павловича. В.Ю. Софронов, с которым удалось связаться, был очень любезен и прислал для сверки несколько образцов почерка И.П. Менделеева. Они отстоят от описываемых в записи событий почти на 20 лет, но некоторые несомненные черты сходства позволяют заключить, что это почерк одного человека. Например, следует обратить внимание на общность начерков заглавных букв «И» и «М», на заключительный росчерк и ряд

других признаков. При этом следует также учитывать, что приведенные Софроновым записи были сделаны в период до проблем со зрением у И.П. Менделеева, а рассматриваемая здесь запись – уже после. С учетом возможной трансформации почерка в результате возрастных изменений, а также приведенной выше контекстной информации можно с высокой вероятностью утверждать, что записи на полях Библии сделаны действительно Иваном Павловичем Менделеевым.

Как же эта Библия с автографом И.П. Менделеева попала в Томск? На форзацах книги имеются пометы, свидетельствующие о ее нахождении в составе какой-то библиотеки, однако пока идентифицировать ее не удалось. Если строить гипотезы, то можно предположить следующее. Возможно, Иван Павлович привез Библию в Омск дочери, когда посетил ее в связи с рождением первого ребенка. Там и была сделана запись на полях, о которой идет здесь речь. Потом книга осталась у Капустиных в Омске, а позже переехала с ними в Томск. Здесь она, вероятно, могла побывать в фондах какой-то другой библиотеки, которая пока не идентифицирована, а затем оказалась в фондах НБ ТГУ.

Результаты исследования и обсуждение

Как уже отмечено, традиционно при исследовании библиотек ученых обращается внимание на книги, собранные в соответствии с профессиональными интересами владельца, иногда – на художественную литературу, что делается обычно для характеристики личных вкусов и предпочтений владельца. Такой подход к изучению владельческих библиотек, разумеется, не нов. Так, известный советский библиофил, математик по образованию, Алексей Иванович Маркушевич выразил эту мысль следующим образом: «При знакомстве с библиотекой ученого на первый план выступает отнюдь не редкость и ценность составляющих ее книг, а культурно-историческая и научная, а вместе с тем и личная сторона дела: тематика основных отделов библиотеки, подбор книг и авторов, методы работы и обращения с книгой ее владельца, его отношение к содержанию книги, выражающееся в надписях на титульном листе, выделении частей текста, замечаниях на полях (маргиналиях) и т.п. Короче говоря, книги привлекают нас здесь не сами по себе, а главным образом в отношениях к их хозяину» [5. С. 283].

Однако есть смысл, как видно из сказанного выше, обращать более пристальное внимание и на такие издания, которые не имеют отношения к профессиональным интересам владельца: они иногда могут дать дополнительную информацию о нем, например, о его семейной жизни, как в данном случае. Здесь уместно также вспомнить статью Джеффри Найта о ренессансной книге [6]. В ней рассмотрен ряд примеров изменения функций книги в культуре европейского Возрождения. Так, автор показывает, что книга перестает быть только вместилищем текстов, но становится также важным предметом обстановки и хранилищем смыслов, не сводящихся к ее содержанию. В качестве примеров в работе Д. Найта приведено использование чистых листов книг для записи сведений, не относящихся

к содержанию: важных событий семейной жизни, копий документов, делопроизводственных записей и др. Немаловажную роль при этом играет форма книги, выбранной для выполнения подобных записей: часто это огромный том, роскошно украшенный, – т.е. такой предмет, который имеет среди прочего и материальную ценность – и как таковой, безусловно подлежит длительному и бережному хранению вместе с находящимися внутри него записями.

Заметим, что аналогичные случаи превращения чистых листов книги в своеобразную семейную летопись известны и по другим экземплярам, хранящимся в ОРКП НБ ТГУ. Например, на полях Месяцеслова в составе Часослова (Супрасль, 1772. В-26.532) [7] представлен обширный мартиролог с указанием дат кончины, вероятно, представителей старообрядческой общины. Всего мартиролог включает более двух десятков записей одинакового формата: «Воскресенье. Преставился Анна Лихачиха 7331 года», «Преставился Михаил Дранишников», «Преставился Гликерия 7330 году» и т.д. Каждая запись помещена на полях под определенной датой месяцеслова. Издание супрасльского Часослова вполне отвечает характеристике, приводимой в цитированной выше статье Д. Найта: это книга форматом *in folio*, насчитывающая более 300 листов. Однако состояние книги оставляет желать лучшего: листы сильно загрязнены, с заломами и каплями воска, а переплет никак нельзя назвать роскошным. При этом Часослов необходим был старообрядцам в ежедневном богослужении, т.е. важность его сохранения не подлежит сомнению. А раз должна была быть сохранена книга – с ней вместе сохранялись и важные сведения о датах кончины членов общины старообрядцев. Очевидно, что в случае с Библией, несущей на своих страницах автограф И.П. Менделеева, мы имеем дело с аналогичным вариантом: роскошно переплетенное издание Елизаветинской Библии стало вместилищем не только изданного текста, но и важных, хотя и печальных, сведений из семейной хроники.

Если говорить о записях на полях или свободных листах экземпляра, обычно различают две их основные категории: одна – маргиналии или глоссы, т.е. записи, так или иначе толкующие текст, вторая – пометы, связанные с бытованием книги: владельческие записи, штампы библиотек и т.д. Однако, как видно, рассмотренная выше запись на полях Библии, принадлежавшей семье Капустиных, не входит ни в одну из перечисленных категорий. Возникает вопрос: как эту запись классифицировать и рассматривать?

Исследователи уже обращались к изучению нестандартной роли книги в социальных взаимодействиях. Так, в работе А. Крейг было показано, как «objects that are ‘vessels of meaning’ are involved in social interactions that create and maintain identity» (объекты, являющиеся «сосудами смысла», участвуют в социальных взаимодействиях, которые создают и поддерживают идентичность), но она изучала роль поэтических сборников в современных поэтических сообществах [8. Р. 51]. Обобщая, автор приходит к выводу о важности «non-reading practices» при исследовании как отдельных экземпляров того или иного издания, так и их роли в читательских сообществах и формировании практик, связанных с функционированием этих сообществ. Среди

таких практик отмечаются разные способы дарения книг, традиции составления автографов – и записи на книгах некоторой информации, не связанной с содержанием книги, но отражающей ее бытование в избранном для исследования сообществе.

Заметим, что указанные «практики, не связанные с чтением», как видно, имеют место и в случае книги из собрания семьи Капустиных, и в случае старообрядческого Часослова, а также отмечены для книги эпохи европейского Ренессанса и современных поэтических сообществ. То есть в данном случае мы имеем дело с некоторым универсальным явлением, не зависящим от типа социокультурного взаимодействия и от времени, когда интересующее нас явление происходит. Отсюда следует ряд интересных выводов:

- ряд практик, связанных с книгой, не зависит от того, к какой культуре принадлежит владелец;
- они (практики) обусловлены только той ролью, которую владелец отводит книге, но не его национальной или религиозной принадлежностью;
- целью выработки и применения этих практик является сохранение важной информации, не связанной с содержанием книги;
- применение этих практик приводит к результатам, визуально близким вплоть до полного сходства.

Получается, что большое значение приобретает не только содержательная сторона книги, но и ее способность нести иные сведения, которые, будучи помещены на ее страницах владельцем «попутно», имели

высокую вероятность сохраниться и оказаться в распоряжении, например, потомков или последователей общины, как в приведенном выше примере.

Вывод

Таким образом, в результате исследования экземпляра издания Библии (М., 1790), хранящегося в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского университета, установлено, что на полях экземпляра находится автограф Ивана Павловича Менделеева, отца великого химика. Показано, что автограф появился на листах книги, вероятнее всего, во время визита И.П. Менделеева к дочери, Екатерине Ивановне Капустиной, которая на тот момент проживала с мужем, Яковом Семеновичем Капустиным, в Омске. Визит родителей был связан с рождением и внезапной кончиной первой дочери четы Капустиных, Марии. Выдвинуты предположения о том, каким именно образом книга с автографом оказалась в фондах НБ ТГУ.

Обращает на себя внимание возможность рассмотрения личных библиотек и отдельных экземпляров, хранящихся в их составе, с точки зрения «практик, не связанных с чтением»: при этом книга рассматривается не только как носитель собственно текста, но и как хранилище дополнительных смыслов. Такой подход позволяет оценить роль того или иного экземпляра в социокультурных взаимодействиях – например, конструировании или стабилизации некой общины, от семьи до более широкого сообщества.

Список источников

1. Менделеев Д.И. // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: https://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Менделеев,_Дмитрий_Иванович (дата обращения: 16.10.2024).
2. Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). В-1153. Библия. Т. 2. М., 1790. 165 л.
3. ОРКП НБ ТГУ. В-1074. Библия. Т. 1. М., 1790. 205 л.
4. Софронов В.Ю. Хроника семьи Менделеевых на основе семейной переписки и архивных документов // Национальные приоритеты России. 2020. № 1 (36). С. 8–18.
5. Маркушевич А.И. Жизнь среди книг. М., 1989. 448 с.
6. Knight J.T. "Furnished" for action. Renaissance book as furniture // Book History. 2009. Vol. 12. P. 37–73.
7. ОРКП НБ ТГУ. В-26.532. Часовник. Супрасль, 1772. 360 л.
8. Craig A. When book is not a book: objects as "players in identity and community formation" // Journal of Material Culture. 2011. Vol. 16, Is. 1. P. 47–63. doi: 10.1177/1359183510394943

References

1. *Elektronnaya entsiklopediya TGU* [TSU Electronic Encyclopedia]. (2024) Mendeleev D.I. [Mendeleev, Dmitry Ivanovich]. [Online] Available from: https://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Менделеев,_Дмитрий_Иванович (Accessed: 16.10.2024).
2. Department of Manuscripts and Rare Books of the Tomsk State University Research Library. V-1153. *Bibiliya* [The Bible]. (1790) Vol. 2. Moscow. 165 p.
3. Department of Manuscripts and Rare Books of the Tomsk State University Research Library]. V-1074. *Bibiliya* [The Bible]. (1790) Vol. 1. Moscow. 205 p.
4. Sofronov, V.Yu. (2020) Khronika sem'i Mendeleevykh na osnove semeynoy perepiski i arkhivnykh dokumentov [Chronicle of the Mendeleev Family Based on Family Correspondence and Archival Documents]. *Natsional'nyye prioriteti Rossii*. 36 (1). pp. 8–18.
5. Markushevich, A.I. (1989) *Zhizn' sredi knig* [Life Among Books]. Moscow.
6. Knight, J.T. (2009) "Furnished" for action. Renaissance book as furniture. *Book History*. 12. pp. 37–73.
7. Department of Manuscripts and Rare Books of the Tomsk State University Research Library]. V-26.532. *Chasovnik* [Book of Hours]. (1772) Suprasl. 360 p.
8. Craig, A. (2011) When book is not a book: objects as "players in identity and community formation. *Journal of Material Culture*. 16 (1). pp. 47–63. doi: 10.1177/1359183510394943

Информация об авторе:

Есипова В.А. – д-р ист. наук, зав. сектором хранения и изучения фонда отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: esipova_val@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Esipova, Dr. Sci. (History), head of a sector, Department of Manuscripts and Book Monuments, Research Library, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.10.2024;
одобрена после рецензирования 29.10.2024; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 17.10.2024;
approved after reviewing 29.10.2024; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 622.324 (09)(571.121)
doi: 10.17223/15617793/513/16

Создание газовой промышленности в Арктической зоне: практики советской эпохи

Галина Юрьевна Колева¹

¹ Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия, gukoleva@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются основные практики по созданию газовой промышленности в «Северных районах Тюменской области», совпадающих с частью сухопутной зоны Арктики. Источниковую базу исследования составили документы фонда Главтюменгазпрома Мингазпрома СССР. Документы выявлялись методом фронтального просмотра фонда. Представлены практики в области управления, подготовки месторождений к вводу, сооружению трубопроводов, поиску технологических решений работы в условиях вечномёрзлых пород. Автор приходит к выводу о беспрецедентной масштабности и сложности проделанной работы по созданию газовой промышленности в Арктической зоне.

Ключевые слова: Северные районы Тюменской области, Мингазпром, Тюменгазпром, Совет Министров СССР, добыча газа, месторождения, трубопроводы, обустройство, вечная мерзлота

Для цитирования: Колева Г.Ю. Создание газовой промышленности в Арктической зоне: практики советской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 133–146. doi: 10.17223/15617793/513/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/16

Establishing a gas industry in the Arctic Zone: Soviet-era practices

Galina Yu. Koleva¹

¹ Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, gukoleva@gmail.com

Abstract. The article reviews the main practices of establishing gas industry in the northern districts of Tyumen Oblast, which coincide with part of the Arctic land zone. The research source base consisted of documents from the fund of Glavtyumengazprom (Main Tyumen Gas Production Directorate) of Mingazprom (USSR Ministry of the Gas Industry) held in the State Archive of Tyumen Oblast. The documents were identified through a comprehensive review of the fund. The main areas of the study were: management practices, preparation of fields for commissioning, pipeline construction, and permafrost studies. The research aimed to identify the main periods and types of activities (practices) of the national government and the USSR Mingazprom in developing the gas fields of the Yamalo-Nenets National (Autonomous) Okrug, to determine the basic features of each period, taking into account the evolving nature of the activities. Among the general scientific methods applied in the research were analysis and synthesis. The systems approach made it possible to understand that the studied reality represented a set of interconnected phenomena and developed towards sustainability and balance. The analysis of dynamic series of indicators of the process under study allowed for the quantitative estimates contained within them to be used to identify qualitative features of the phenomena. Among the historical methods, the historical-logical method was prioritized; it is associated with examining reality in its emergence and development. The historical method made it possible to show the movement of the object within time intervals, while the historical-logical method revealed the essence of what was happening, taking into account spatial-temporal reality. The application of the historical-systemic method contributed to the identification of the internal mechanisms of the system's functioning and development. The author arrived at the following conclusions. The most important factor in the success of the process under consideration were the practices reflecting the guiding and controlling role of the highest party and state structures (the Politburo of the Central Committee of the Party and the Presidium of the USSR Council of Ministers). The development of the process was influenced by the state's foreign policy goals. The practices for commissioning fields and constructing pipeline systems were characterized by balanced decision-making, relying on leading research institutes of the gas industry, and based on the application of the latest Soviet technological developments. Alongside directly production tasks, tasks related to creating support sectors (in energy, construction, the construction industry, etc.) and building cities and towns were also solved. Throughout the 1960s-1980s, a large-scale process of forming a gas industry was carried out in the land-based part of the Soviet (Russian) Arctic, as well as for the first time in the history of the world Arctic. The accumulated experience was unique. Capabilities for incredibly high rates of gas production were created.

Keywords: northern districts of Tyumen Oblast, Mingazprom, Tyumengazprom, Council of Ministers of the USSR, gas production, deposits, pipelines, facilities construction, permafrost

For citation: Koleva, G.Yu. (2025) Establishing a gas industry in the Arctic Zone: Soviet-era practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 133–146. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/16

Введение

В период 1960–1980-х гг. на сухопутной части советской (российской) Арктики был осуществлен – впервые в истории мировой Арктики – широкомасштабный процесс формирования газовой промышленности.

Территорией газового освоения стал Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области (с 1978 г. – Ямало-Ненецкий автономный округ), в настоящее время полностью включаемый в состав Арктической зоны РФ [1]. Ресурсная база углеводородов (УВ) округа начала складываться с 1962 г., на данный момент включает более 200 месторождений, из которых почти 100 разрабатываются, на остальных ведутся разведочные работы [2].

Практики осуществления процесса газового освоения территории ЯННО/ЯНАО достойны обстоятельного изучения. Историография проблемы отражает терминологическое разнообразие, применяемое к территории газового освоения [3]. Без особой определенности использовались понятия «Север» [4. С. 216–217], «Азиатский Север», «Север Западной Сибири» [4. С. 265]. Последнее из приведенных понятий распространялось на районы газового освоения как ЯННО, так и Ханты-Мансийского национального округа (ХМНО) (Березово-Игримская группа месторождений) и нефтяные месторождения «Среднего Приобья» [4. С. 266]. В «Истории газовой отрасли России» (книга вторая) зоны расположения месторождений в ЯНАО определялись следующим образом: «Заполярье Западной Сибири» (Тазовское месторождение) [5. С. 175]; «северные районы Тюменской области» (месторождения Медвежье, Ямбургское) [5. С. 176]; «Арктика» (районы железной дороги «Салехард-Игарка» и место закладки скважины, открывшей Уренгойское месторождение) [5. С. 195, 197]. В ряде изданий с начала 2000-х гг. для обозначения территории ЯНАО стал использоваться термин «Ямал» [6; 7. С. 67–82], несмотря на то что Ямал – полуостров в составе автономного округа. Лишь в единичных публикациях рассматриваемые явления определялись как относящиеся к арктическому региону, подчеркивалась роль этого события в истории мировой Арктики [8]. Таким образом, в научной литературе, касающейся территории газового освоения Западной Сибири, применялся разный понятийный набор, без особого раскрытия содержания используемых терминов. Вторая составляющая проблемы историографии касается собственно освоения газовых месторождений северных районов Тюменской области. Повествования по этой проблеме отличаются недостаточной точностью датировки и раскрытия сути происходивших процессов. Нарративы о разработке газового месторождения Медвежье содержат утверждения, что газосборный пункт (ГП) № 2 (1972 г.) «стоял без жизни», «не было скважины», но при этом «добыча газа осуществлялась» [9. С. 70, 72], как и то, что в 1970-е гг. «Ямал стал главным направлением работы Мингазпрома» [9. С. 72], а «в 1977 г. газовый Ямал вышел на первое место среди

газодобывающих предприятий в стране» [9. С. 73] (выделено авт. – Г. К.). Прослеживается чрезмерное внимание к «производственным успехам без предварительно подготовленных условий» [9. С. 74], намерениям «брать газ как можно быстрее, дешевле» [9. С. 73]. Нередко можно натолкнуться на фантазийные даты о вводе газовых месторождений, так, например, что «в 1967 г. произошел ввод в эксплуатацию Уренгойского месторождения» [10. С. 122, 127, 131, 133, 140]. Произойдет его ввод в 1978 г. на объем добычи в 11 млрд м³ газа, с расширением мощностей в 1980-е гг. до 300 млрд м³. Есть путаница месторождений при обозначении знаковых событий. В одной из работ утверждается, что в 1969 г. «природный газ месторождения Тазовское пришел в Норильск» [10. С. 143]. Однако в Норильск в 1969 г. стал подаваться газ Мессояхского месторождения Красноярского края. Оказались потереяны в практиках Мингазпрома СССР советского периода работы по освоению полуострова Ямал, относимые авторами к постсоветскому периоду [11. С. 74–99, 188–200]. Не затрагивались проблемы поиска технических решений в процессах бурения, подготовки газа, строительства трубопроводов, добычи газового конденсата, не уделялось внимания влиянию на процесс освоения «подчинения» вечной мерзлоты и т.д.

Выделенные черты в «научной литературе» по истории газовой отрасли Тюменской области обусловлены обширностью источниковой базы данной проблемы, чрезмерной объемностью документов, специфичностью текстов. Стремление идти по пути изучения наименьшего объема документов, чаще всего на уровне отдельных «Пояснительных записок» головного предприятия, приводит исследователей к необоснованным утверждениям, как и неспособности понять всю сложность, масштабность процесса освоения газовых месторождений Западной Сибири. Влияет на изложение и отсутствие у исследователей минимальных знаний основ газового дела. Все это в совокупности ставит задачу более обстоятельного анализа деятельности по созданию газовой промышленности в северных районах Тюменской области.

Территориальные рамки рассматриваемого процесса охватывают зону «СРТО». Понятие введено в Постановлении Совета Министров СССР от 9 июля 1966 г. за № 512 «Об усилении геологоразведочных работ на газ и освоении выявленных крупных газовых месторождений в северных районах Тюменской области» [12. Д. 1215. Л. 16–19]. Аббревиатура «СРТО» расшифровывалась как «Северные районы Тюменской области», с учетом называемых в этом постановлении месторождений, совпадавших с территорией ЯННО.

Хронологические рамки работы определяются от первого месторождения, открытого на территории ЯННО – Тазовского, сразу оказавшегося в сфере интересов Главгаза СССР и начала работ на нем в 1963 г. В 1963 г. началась и *пробная* эксплуатация Березовского месторождения (ХМНО) [13. С. 103–108]. Верхней

рамкой исследования является 1989 г., когда было ликвидировано Министерство газовой промышленности СССР, возникла новая структура периода формирующейся рыночной экономики – Государственный газовый концерн «Газпром». В этом же году было ликвидировано головное предприятие газовой отрасли Тюменской области – «Тюменгазпром» [14. С. 49–51]. Таким образом, временные рамки исследования охватывают 1963–1989 гг.

Акцентируем внимание на том, что первым из открытых в зоне СРТО месторождений было Тазовское. Этому открытию предшествовала передача в конце 1950-х гг. всех действовавших в округе геолого-разведочных подразделений Тюменскому геологическому управлению и начало бурения на Тазовской структуре по профилю «Надым – Уренгой» [15. Д. 115. Л. 53, 59, 61]. Дат открытия две. Первая: **17 апреля 1962 г.** [16. С. 11–15], когда возникла аварийная ситуация с выбросом газа при бурении первым стволом скважины № 1; вторая – **27 сентября 1962 г.**, связана с тем, что после ликвидации первого ствола началась «зарезка второго ствола скважины № 1» [16. С. 11–15] и последовала новая авария. Месторождение относилось к «северо-западной части Тазовского нефтегазоносного района Пур-Тазовской газоносной области», находилось в 18 км от пос. Тазовский, в 525 км северо-восточнее г. Салехард, имело географические координаты 67°27' с. ш., при координатах Полярного круга – 66°33'44". Таким образом, располагаясь севернее Полярного круга, месторождение относилось к Арктической зоне, было первым газовым месторождением в советской и мировой зоне Арктики. После Тазовского месторождения последовала череда открытий запасов углеводородов в Арктическом регионе, в том числе в пределах зарубежных стран: в 1967 г. в США, штат Аляска – газонефтяное месторождение Прудо-Бей (Prudhoe Bay); затем – в Гренландии, Канаде, Норвегии [17]. Нефтяные месторождения в Арктике были выявлены раньше: в СССР – Чибьюкское, Коми АССР, 1930 г., в США – месторождение Umiat, в море Бофорта – в 1946 г. (по другим данным, в 1950 г.) [18].

Основная цель исследования заключается в выявлении основных периодов и видов деятельности (практик) правительства и Мингазпрома СССР по освоению газовых месторождений ЯННО/ЯНАО, определении базовых черт каждого периода, с учетом меняющегося содержания деятельности.

Для рассмотрения выбраны практики в сфере:

- управления зоной СРТО и процессом создания газовой промышленности;
- подготовки месторождений и строительства трубопроводных систем;
- изучения вечномёрзлых пород (ВМП) и выработке основных технологических решений.

Временной промезжток 1963–1989 гг., с учетом расширения масштабов работ, ввода новых месторождений, роста значимости региона в государственной стратегии страны, **разделен на три периода:**

1. 1963–1972 гг. – велась отработка вариантов ввода в промышленную эксплуатацию первого из месторождений СРТО. Начало добычи газа на месторождении Медвежье.

2. 1972–1977 гг. – месторождение Медвежье являлось основной базой газодобычи в Тюменской области, с выводом его на проектную мощность в 1977 г. Тюменская область вышла на первое место в СССР среди газодобывающих регионов страны.

3. 1978–1989 гг. – осуществлялся ввод в эксплуатацию двух супергигантов – Уренгойского и Ямбургского месторождений, проявились невероятно высокие темпы роста газодобычи, обустройства месторождений и трубопроводного строительства. СССР вышел на первое место в мире по добыче и экспорту газа.

Первый период

1.1. Практики в области управления газовой промышленностью арктической зоны Западной Сибири в рамках первого периода развивались от отраслевой инициативы в направлении все большего возрастания роли государства. Открытие Тазовского месторождения произошло, когда газовая промышленность страны переживала процессы своего становления. Главгаз СССР – Главное управление по газовой промышленности при Совете Министров СССР, созданный в 1956 г. [19. С. 153], в 1963 г. был преобразован в Газпром СССР (Государственный производственный комитет при Совете Министров СССР (1963–1965 гг.)) [20]. Руководитель этих ведомств А.К. Кортунин инициировал подготовку к разработке Тазовского месторождения в Тюменской области. Правительство, поддержав инициативу, поставило задачу по разработке технико-экономического доклада по использованию газа Тазовского месторождения и наметило на 1964 г. обсуждение вопроса строительства газопровода до Норильска [13. С. 143]. Расширение ресурсной базы газодобычи в результате выявления в 1963–1966 гг. газовых месторождений в СРТО (Пурпейского, Заполярного, Уренгойского, Новопортовского) привело к принятию правительством 9 июля 1966 г. Постановления № 512 «Об усилении геологоразведочных работ на газ и освоении выявленных крупных газовых месторождений в северных районах Тюменской области» [12. Д. 1215. Л. 16–19], в нем и было введено обозначение зоны освоения – Северные районы Тюменской области, определены задачи по подготовке месторождений к эксплуатации; среди месторождений назывались Пурпейское (с 1969 г. – Губкинское), Уренгойское, Тазовское, Заполярное [13. С. 153]. Показатель добычи к 1975 г. виделся в 110–120 млрд куб. м [13. С. 129]. Усиление внимания на высшем уровне к СРТО показала поездка в январе 1968 г. в Тюменскую область главы правительства СССР А.Н. Косыгина, которого сопровождали его заместитель Н.К. Байбаков, министр газовой промышленности А.К. Кортунин. Этот визит вполне коррелировался с завершением строительства экспортного газопровода «Братство» и возникшей возможностью расширения поставок газа в Европу [20. С. 107–116]. На совещании в г. Тюмени во время визита Косыгина были названы цифры добычи газа в Тюменской области в 400–500 млрд м³ в год [21. С. 82]. Уже 17 мая 1968 г. вышло правительственное постановление «О мероприятиях по подготовке к строительству мощных газовых промыслов и газопроводов» [12. Д. 28. С. 706–720]. В документе содержалось указание на

«народно-хозяйственную значимость скорейшего ввода в эксплуатацию крупных газовых месторождений СРТО». В это же время определились с выбором первого месторождения для ввода. Им должно было стать месторождение Медвежье.

1.2. Практики подготовки месторождений к вводу в эксплуатацию в рамках первого периода можно обозначить как сложный и длительный выбор месторождения для организации начальной добычи, поиск вариантов бурения, строительства скважин и т.д.

1.2.1. Тазовское-Мессояхское. Тазовское месторождение – первое в зоне СРТО, которое постановлением Совета Министров РСФСР за № 596-70 от 10 мая 1964 г. планировалось к эксплуатации с 1966 г. Газ Тазовского месторождения предполагалось поставлять в г. Норильск [22. Д. 63. Л. 85–86]. Трудности с бурением при специфическом геологическом строении месторождения привели к переносу этой задачи на Мессояхское месторождение Красноярского края, открытое 4 марта 1967 г. в 250 км от Норильска Красноярской конторой разведочного бурения. Оно и стало первым введенным в эксплуатацию газовым месторождением на Крайнем Севере СССР, с координатами 69°77'24" северной широты, 82°29'47" восточной долготы. Месторождение южной частью находилось в Тазовском районе ЯНАО, северной – в Таймырском автономном округе [23. С. 57–58; 24. С. 73]. Приказом Мингазпрома СССР от 12 марта 1968 г. были созданы управления по обустройству, добыче, строительству газопровода. Трубопровод «Мессояха-Норильск» имел протяженность 263 км, был введен в эксплуатацию в декабре 1969 г. С середины 1970 г. газ стал подаваться на агрегаты Норильской ТЭЦ-1 и Норильский комбинат [25]. Мессояхское стало первым введенным в эксплуатацию газовым месторождением в Арктической зоне СССР. СССР «первым из стран Арктического региона начал добычу углеводородов» [26. С. 30]. Тазовское в ЯННО подключением одной скважины было введено в *опытно-промышленную эксплуатацию* летом 1970 г., газ направлен для нужд близлежащих поселков. Путь Тазовского месторождения к *промышленной* эксплуатации займет 60 лет.

1.2.2. Уренгойское-Тазовское: постановление Совета Министров СССР № 512 наметило «проработать предложения по Уренгойскому, Тазовскому, Пурпейскому, Заполярному месторождениям» [27. Д. 76. Л. 7], с доведением добычи в 1975 г. до 110–120 млрд м³, указав на необходимость исходить из «комплексного проектирования и строительства объектов по обустройству разведочных районов» [27. Д. 76. Л. 7]. Определить первое месторождение для ввода предстояло управлению «Тюменгазпром». Выбор оказался сложным и длительным. В 1967 г. в пос. Лабитнанги была создана первая структура газового профиля ЯННО – Дирекция по обустройству северных газовых промыслов и строительству газопроводов, с отделением в Уренгое. В *проектных документах* второй половины 1960-х гг. на первый план ставились Пурпейское и Заполярное месторождения [27. Д. 33. Л. 40, 41, 50–53], а подготовительные работы разворачивались на Тазовском и Уренгойском [13. С. 152–158]. На Уренгойском,

с планируемым вводом в 1970 г., начали отрабатывать технологию бурения скважин в условиях вечной мерзлоты. Совместно с ВНИИГазом Тюменгазпром в 1967 г. осуществил проводку опытной скважины и ее испытание [27. Д. 33. Л. 155–160]. На Тазовском с 1966 г. строился газопровод «Тазовское – Газ-Сале» и объекты обустройства [27. Д. 127. Л. 57, 59]. Однако бурение сопровождалось многочисленными осложнениями и авариями, приводившими к ликвидации большей части скважин [27. Д. 33. Л. 155, 223, 273]. Задания для Тюменской области по добыче газа корректировались в сторону понижения. Обустройство Уренгойского месторождения откладывалось. Тазовское демонстрировало еще большие сложности, чем Уренгойское [27. Д. 106 оц. Л. 11]. Шел поиск способов бурения в условиях вечной мерзлоты, исследования с 1967 г. были возложены на институт «ТюменНИИГипрогаз». Второй секретарь Тюменского обкома партии А.К. Протозанов еще в 1966 г. обратился в правительство страны с просьбой начать «изучение вечной мерзлоты», «организовать в Тюмени Сибирский филиал по инженерным изысканиям в строительстве, с мерзлотными станциями в Тарко-Сале, Тазовском, Новом Порту» [28. С. 117].

В 1966–1972 гг. единственным месторождением, газ которого подавался в магистральный газопровод, было Пунгинское (ХМНО). Месторождения СРТО демонстрировали массу затруднений, вопрос об их вводе в разработку становился все более острым в связи с нарастающими проблемами в газодобыче страны и потребностями экспорта. Результатом визита в Тюменскую область в 1968 г. председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина стало решение о переносе акцентов на месторождение Медвежье, открытое 31 мая – 30 июня 1967 г. [23. С. 71–78].

1.2.3. Медвежье. Подготовка месторождения к эксплуатации охватила 1968–1972 гг. при концентрации на нем практически всех сил Мингазпрома СССР в период 1970–1972 гг. Для вывода на проектную мощность планировалось построить десять (ввели 9) установок комплексной подготовки газа (далее УКПГ), для ввода в эксплуатацию – одну. Выполнение работ велось под полным контролем министра газовой промышленности А.К. Кортунова, с выездом его на место проведения работ; на трассе начатого строительством трубопровода «Медвежье – Надым – Пунга» почти постоянно находился заместитель министра Мингазпрома Ю.П. Баталин. Выполнение буровых работ для газодобычи было передано Миннефтепрому, осуществлялось силами Полярной экспедиции глубокого бурения (ПЭГБ) Главтюменнефтегаза. Тщательной рекогносцировкой местности уже в 1968 г. была определена территория закладки города газодобычи на месте расположения пос. Ныда Надымского района.

Главную проблему в подготовке месторождения к вводу представляло бурение, препятствием выступала вечная мерзлота, опыта бурения в ее условиях накоплено не было. Бурение сопровождалось аварийностью: газоводяными выбросами, открытыми газовыми фонтанами, гидратообразованием [27. Д. 296. Л. 47]. К работам был подключен ВНИИГаз. В 1971 г. из десяти

запланированных скважин смогли пробурить только одну. От нее газ направили в пос. Пангоды [27. Д. 366 оц. Л. 67]. Планы по бурению систематически не выполнялись. Влияло и противостояние нефтяников и газовиков. Последние постоянно выражали недовольство срывами планов сдачи скважин, при этом не выполняли работы по сооружению водоводов. В начале декабря 1972 г. буровые работы от Главтюменнефтегаза были переданы Тюменгазпрому, но ситуация в бурении существенно не изменилась.

Второй проблемой было обустройство месторождения: все вопросы детально обсуждались на коллегиях Мингазпрома, производственно-технических совещаниях (ПТС) Тюменгазпрома, с привлечением широкого круга научно-исследовательских и проектных институтов отрасли. Главным объектом обустройства Медвежьего стал ГП № 2 (УКПГ № 2). Газосборный пункт строился на основе отечественного оборудования, конструирование осуществлялось в процессе обустройства. Заводы-поставщики нарушали сроки поставки оборудования, техники для перевозки грузов, задерживалось выделение средств [27. Д. 286. Л. 60]. Оборудование изготавливалось в блочно-комплектном исполнении, доставлялось самолетами Ан-22, Ан-12, и сразу начинался монтаж. Работы на ГП № 2 в основном были завершены 20 февраля 1972 г., 30 марта 1972 г. Государственная комиссия подписала акт приемки в эксплуатацию. ГП № 2 был создан на мощность 7 млрд м³ газа [27. Д. 363. Л. 2–10]. Комплекс был принят с предусматриваемым дальнейшим полным монтажом оборудования до октября 1972 г., однако выполнить эту задачу в 1972 г. не смогли. Были выявлены заводские и конструктивные недоработки по технологическому оборудованию, требовалась доработка отдельных узлов и аппаратов [27. Д. 366 оц. Л. 85–97]. Мингазпром телеграммами требовал срочного проведения полного испытания УКПГ, Тюменгазпром вынужден был давать объяснения, почему это невозможно [27. Д. 338. Л. 51].

Одновременно создавалась энергетическая база газодобычи: в Пангодах и Надыме сооружались две электростанции – ПАЭС-1600 и ПАЭС-2500. Велось строительство поселка газовиков, который стали называть «Надым». В марте 1972 г. он получил статус города. Особую проблему составляли работы по строительству дорог.

Параллельно с обустройством месторождения велись работы на 1-й очереди трубопровода «Медвежье – Надым – Пунга – Нижняя Тура» системы «СРТО – Центр». Предпочтение было отдано «южному варианту», с меньшей протяженностью вечной мерзлоты. Газопровод впервые возводился из труб диаметром 1 420 мм, с давлением 75 атм. Особые сложности возникли после сильного потепления в конце зимы 1972 г. [6. С. 181]. Потребовались беспрецедентные меры для своевременного завершения работ. Руководил на месте строительством заместитель министра Мингазпрома Ю.П. Баталин, здесь же постоянно находилось руководство Главтрансгаза министерства. 29 апреля 1972 г. строительство газопровода было завершено. 10 мая 1972 г. газ Медвежьего был подан в

трубопровод. Созданы все условия для ввода первого из северных газовых месторождений Тюменской области в промышленную эксплуатацию. Но оставалась масса проблем: низкое качество работ, отсутствие электрохимзащиты линейной части, не было связи, надежного энергоснабжения промысла и компрессорных станций (далее КС). Требовалось построить вертолетные площадки у кранов узлов трубопровода, провести полную обваловку труб, подготовить подсобные сооружения аварийных бригад.

Работы на Медвежьем в целом были проведены в авральном режиме. Спешка имела свое объяснение. Идею осуществить ввод в эксплуатацию месторождения СРТО руководитель газовой отрасли СССР А.К. Кортунов сформулировал в 1963 г. Будучи в начале 1970-х гг. тяжело больным, он спешил осуществить задуманное. Ему хотелось доказать, что добыча газа в условиях арктических широт возможна. А.К. Кортунова не стало 18 ноября 1973 г. Он ушел из жизни, сумев оставить после себя заложенные основы газовой промышленности СРТО. Его инициатива по вводу в разработку месторождения Тазовского, выдвинутая в 1963 г., реализовалась в июне 1970 г. Тазовское стало *первым из месторождений СРТО*, введенных в *опытно-промышленную* эксплуатацию. В первый год добыча на нем составила 2 млн м³ – газ подавался в пос. Тазовский.

1.3. В рамках этого периода начались работы по изучению вечномёрзлых пород и выработке основных технологических решений. Курировал работу институт ТюменНИИГипрогаз. Основное внимание было сосредоточено на проблемах бурения в условиях ВМП.

Второй период

Охватил 1972–1977 гг. Базой газодобычи являлось месторождение Медвежье. Акт о вводе месторождения в эксплуатацию был подписан комиссией министерства в пос. Пангоды 30 марта 1972 г. Подача газа в газопровод началась с 20 мая 1972 г. [13. С. 198].

2.1. Управление процессом. В рамках второго периода наметился переход к управлению Западно-Сибирским нефтегазодобывающим районом непосредственно к правительству страны. Получили частое распространение визиты председателя правительства в Тюменскую область. А.Н. Косыгин побывал в регионе – в январе 1973 г. и марте 1975 г. В том и другом случае он посещал Надым. В сентябре 1973 г. на Уренгойском месторождении работала правительственная комиссия. На проводимых во время визитов совещаниях в Тюмени обсуждалось увеличение добычи нефти и газа, ускорение обустройства месторождений [13. С. 209]. При этом на повестку государства была поставлена подготовка ввода Уренгойского месторождения, на тот период крупнейшего в мире. В рамках этого периода было создано специальное министерство – Министерство строительства объектов нефтяной и газовой промышленности – Миннефтегазстрой. Этот вид работ был изъят у Мингазпрома СССР. Образование нового министерства свидетельствовало о том, что предстоят строительные

работы нефтегазового профиля иного масштаба. Еще одно явление в политике государства, привлекающее внимание, – курс, взятый с 1973 г. на закупку импортного оборудования для нефтяной и газовой отраслей. Уже в 1973 г. от Тюменгазпрома затребовали заявку на импортное оборудование для обустройства Медвежьего и Уренгойского месторождений с началом поставок с 1974–1975 гг.

2.2. Практики по обустройству и подготовке месторождений к вводу в рамках второго периода стали более масштабными и более сложными по сравнению с предшествующим периодом.

2.2.1. Медвежье, Уренгойское, Вынгапуровское: Месторождением осуществляемой добычи оставалось Медвежье, где возросли объемы бурения, масштабы строительных работ [27. Д. 366 оц. Л. 87, 96]. Для обустройства были акуплены 5 УКПГ французской фирмы, всего было введено в действие к концу 1977 г. – 8 [13. С. 201–202]. В ноябре 1974 г. месторождение вышло на проектную *суточную* добычу газа в 60 млн м³ (на 1 год раньше нормативного срока) [27. Д. 590. Л. 12]. Мингазпром строго контролировал процессы работ на месторождениях СРТО, в направляемых письмах в Тюменгазпром подчеркивалось, что вопрос, тот или иной, рассматривался в Совете Министров СССР [27. Д. 398. Л. 109]. В условиях задач по увеличению числа планируемых к освоению месторождений Тюменгазпром пытался выдвигать свои возражения, обращая внимание на «нехватку техники, буровых бригад, недостаток жилья в Надыме, Пангодах» [27. Д. 590. С. 139–140]. Возражения отклонялись, планы выполнять требовали неукоснительно. Планы добычи газа для Западной Сибири стали все более возрастать. Было закуплено импортное оборудование: французские УКПГ мощностями 3 и 7 млрд м³, лифтовые обсадные трубы компании «Валлюрек», забойное оборудование фирмы «Беккер»; комплекты фонтанной арматуры с колонными головками, многопозиционные краны, шаровые краны для линейной части газопровода, итальянские газотурбинные агрегаты, гусеничные краны РДК-25-1, трубоукладчики (25 шт.) и бульдозеры (30 шт) фирмы «Катерпиллер», два рефрижераторных судна производства ЧССР, плавучие мастерские и плавучие гостиницы [27. Д. 383. Л. 10–15] и многое другое.

Стало расширяться число месторождений, которые необходимо было готовить к эксплуатации. Постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1975 г. № 152 [27. Д. 640. Л. 145] ставилась задача по обустройству и вводу в эксплуатацию месторождений Уренгойского, Вынгапуровского. Вскоре появились планы ввода Комсомольского и Юбилейного. Причины роста числа месторождений для эксплуатации диктовались необходимостью «подпитки газопровода «Оренбург – Западная граница СССР» [27. Д. 568. Л. 168–172], а также постановкой Правительством страны задач обеспечения в 1980 г. добычи газа в 435 млрд м³. Прирост добычи газа (61%) связывался с Вынгапуровским, Уренгойским, Комсомольским месторождениями. На Коллегии Мингазпрома в марте 1976 г. в числе планируемых к вводу месторождений в

СРТО появилось Губкинское, *Бюро НТС Мингазпрома в ноябре 1976 г. запланировало выход на полуостров Ямал* [27. Д. 640. Л. 145].

Однако на первом плане в деятельности Мингазпрома, Тюменгазпрома стояла подготовка к вводу Уренгойского месторождения. Участие в заседании Коллегии Мингазпрома 26 марта 1973 г. на обсуждении вопроса «Об основных направлениях развития газовой промышленности на 1976–1990-е гг.» **представителей аппарата ЦК КПСС, Госплана СССР и РСФСР, Совета Министров РСФСР** отразило значимость проблемы. Вопросы разработки Уренгойского месторождения стали регулярными в повестках Коллегии Мингазпрома. В июле 1973 г. министерство определилось с датой пуска месторождения – 1977 г. [27. Д. 412. Л. 144], с количеством УКПГ, диаметром обсадных труб, лифтовых колонн, способами строительства трубопроводов в зоне ВМП и т.д. [27. Д. 412. Л. 60–66 об.]. С марта 1973 г. в повестках ПТС Тюменгазпрома постоянно стояли вопросы по Уренгойскому месторождению. В его освоении было решено применить опыт Медвежьего и первым разрабатывать сеноманскую залежь на объем добычи в 30 млрд м³. От заседания к заседанию привлекались все новые НИИ и проектные институты министерства – ВНИПИГАЗдобыча, ВНИИ-Газ и др. [27. Д. 412. Л. 18–60]. На Уренгойском месторождении началось сооружение первой УКПГ [27. Д. 790. Л. 25]. Одновременно приступили к **развертыванию строительства базового поселка газавиков**, который должен был стать городом. 22 сентября 1973 г. на месте будущего города был забит символический колышек с табличкой «Ягельное» (первоначальное название поселка). 23 декабря 1973 г. прибыла автоколонна для строительства города. 18 августа 1975 г. прошла государственная регистрация поселка Новый Уренгой [29].

По трубопроводной сети определились в 1974 г. Летом 1974 г. Мингазпром утвердил перечень магистральных трубопроводов системы «Уренгой – Надым – Вуктыл – Ухта – Торжок – Минск – Ужгород – Гостраница». Еще в мае 1973 г. институт «Гипроспецгаз» приступил к проектированию газопровода от Уренгоя до Надыма для соединения с системой «Надым – Пунга – Нижняя Тура». Строить решено было из труб диаметром 1 420 мм, используя неподвижные, последовательно расположенные опоры, с применением механизмов регулирования положения на свайных основаниях. Мощность определялась в 100 млрд м³, протяженность – в 435–440 км [27. Д. 412. Л. 110, 112, 158], ввод в строй – апрель 1978 г. В строительстве трубопроводов решались вопросы обеспечения устойчивости труб через пригрузку на обводненных участках и в поймах рек, сооружения подъездных и лежневых дорог, взлетно-посадочных площадок для вертолетов МИ-6, автоматизации линейной части и оснащения телемеханикой [27. Д. 412. Л. 178–179].

Главным итогом периода стал вывод в 1977 г. Медвежьего на проектную мощность. Для достижения проектной добычи было освоено 393,0 млн руб. при сметной стоимости в 549 млн руб. Численность

работающих была на 215 чел. ниже запланированной [27. Д. 590. Л. 12]. Добыча в 1977 г. составила 60,203 млрд м³, для обеспечения этого объема были построены 8 УКПГ, 2 из них вступили в эксплуатацию в 1977 г. Одновременно в 1977 г. началась добыча газа на Вынгапуровском месторождении, где было получено 42,8 млн м³ [13. С. 214]. Тюменская область по добыче природного газа вышла на первое место в стране. К 1977 г. протяженность трубопроводной сети Тюменгазпрома была доведена до 7 027,7 км с 33 КС. Выросли и объемы переработки попутного газа, вошел в эксплуатацию Нижневартовский НПЗ, подававший подготовленный попутный нефтяной газ на Сургутскую ГРЭС. Было создано 9 кустовых баз сжиженного газа, располагавшихся от Салехарда до Ишима. В 1977 г. реализация сжиженного газа составила 26 902 тыс. т [11. С. 214].

2.3. Важнейшее место в практиках работы 1970-х гг. занимали **проблемы изучения вечной мерзлоты**, разработки вариантов предотвращения растепления вечномерзлых пород. Первый подступ к проблеме обозначился в 1967 г., активизировались работы в 1971–1972 гг. Проводились исследования влияния вечной мерзлоты на фундаменты зданий, прокладку трубопроводов, бурение. По концентрации усилий эта проблема до конца 1970-х гг. была преобладавшей. Среди практик этого вида деятельности: регулярные наблюдения за скважинами, выполняемые ТюменНИИГипрогазом и ВНИИГазом. В 1972 г. на Медвежьем была создана Надымская инженерно-геокриологическая лаборатория, а с выходом на Уренгойское месторождение (1973 г.) – мерзлотоведческая станция. К работам по изучению влияния вечной мерзлоты на инженерные сооружения в СРТО были подключены институты ВСЕГИНГЕО, ВНИПИГаздобыча. Мингазпром запрашивал результаты наблюдений, анализировал их [27. Д. 386. Л. 1–19, 30].

Первостепенное внимание уделялось **прокладке трубопроводов** в зоне ВМП. Совещания по данной проблеме регулярно проводились на уровне Мингазпрома при заместителе министра М.В. Сидоренко. Рассматривались, обсуждались наработки ведущих отраслевых НИИ по способам прокладки газопроводов. ЮжНИИГипрогаз предлагал способы полуподземной и наземной прокладки [27. Д. 568. Л. 22], ВСЕГИНГЕО ратовал за использование «наземных сооружений – на низких свободных опорах», надземных – «на «подушке» высотой 1 м; с насыпью на теплоизоляционном ковре и т.д. На совещании 22 января 1975 г. был принят вариант ЮжНИИГипрогаза. Однако к протоколу совещания приложили от руки написанное «особое мнение» «начальника отдела ПДС Тюменгазпрома В.М. Полякова» с предложением «прокладки магистральных трубопроводов в зонах ВМП со спутниками-холодильниками для охлаждения потока газа до температуры от 0 до –5°». Для проверки этого способа Поляков предлагал между двумя УКПГ на Медвежьем в 1975–1976 гг. проложить газопровод со спутником-холодоносителем. Вскоре сходный вариант, без указания на авторство Полякова, был рассмотрен на совещании в Мингазпроме, определен, как «наиболее приемлемый, с использованием для охлаждения специальных

турбокомпрессорных установок. Техническое управление Мингазпрома должно было согласовать тип, модификацию, сроки изготовления холодильных машин для газопровода «Уренгой – Надым» с учетом пуска его в 1977 г. Гипроспецгаз в первом квартале 1976 г. должен был разработать проект технической установки охлаждения газа [27. Д. 640. Л. 30–31, 53–55].

Состояние трасс построенных газопроводов в зоне СРТО не оставалось вне внимания: проводилось обследование облетами на вертолетах, с посадками бригад представителей институтов ТюменНИИГипрогаза, ВНИИГаза, ЮжНИИГипрогаза, ВНИИ-СТа, а также объединения «Надымгазпром», управления «Тюментрансгаз», «Главсибтрубопровод-строя» [27. Д. 646. Л. 25–26]. Материалы направлялись на рассмотрение Мингазпрома и Миннефтегаз-строя [27. Д. 646. Л. 45–46], затем обсуждались с широким представительством НИИ и проектных институтов на технических совещаниях министерств. Для выбора оптимальных способов прокладки и конструкций газопроводов большого диаметра в Тюменгазпроме согласовали комплексную программу. Предусматривалось в районе ВМП создание опытного участка и научно-исследовательской станции [27. Д. 568. Л. 119]. Место для участка выбрали между УКПГ № 4 и № 5 на Медвежьем [27. Д. 568. Л. 47, 117–121]. С 1977 г. все задействованные институты должны были приступить к экспериментальным исследовательским работам [27. Д. 568. Л. 77, 82–86].

ВСЕГИНГЕО изучал **инженерно-геокриологические условия** в районах Юбилейного, Вынгапуровского, Уренгойского месторождений. Были оборудованы площадки стационарных наблюдений за режимом геокриологических условий на трассах газопроводов, их контролировали НИПИГИ и ТюменНИИГипрогаз [27. Д. 646. Л. 27–30]. ТюменНИИГипрогаз разработал программу «Экспериментальных исследований по опытно-промышленной скважине», оснащенной измерительным комплексом «ИНЕЙ». Руководил рабочей программой Р.И. Медведский, заместитель директора НИИ Тюменгипрогаза. Составителем рабочей программы являлся А.М. Верховский, руководитель группы отдела мерзлотных геоисследований. Цель исследований – создать надежные конструкции эксплуатационных скважин для газовых месторождений, расположенных в районе ВМП [27. Д. 646. Л. 33–38].

Важное место в исследованиях ВМП занимало **изучение их влияния на фундаменты сооружений**. Проблема усугублялась закупкой импортного оборудования и его монтажом, так как «продавцы оборудования не хотели брать на себя ответственность за фундаменты, возлагаемая сооружение фундаментов под объект на покупателя» [27. Д. 562. Л. 2–3]. Важное место в строительстве в зоне ВМП сыграли изобретения середины 1970-х гг. В 1974 г. В.В. Спиридонов, Б.Г. Петров, сотрудники Всесоюзного НИИ по строительству магистральных газопроводов подали заявку на изобретение термосвай для строительства свайных фундаментов [30]. 29 декабря 1975 г. НИИ оснований и подземных сооружений

им. Н.М. Герсенева запатентовал устройство для аккумуляционного холода в грунте.

Было положено начало созданию термостабилизаторов, сыгравших важное значение в строительстве в районах со сложными геокриологическими условиями.

По предотвращению влияния ВМП на объекты освоения было сделано много, основные решения стали использовать и в следующем периоде. Меры казались принятыми своевременно. Однако наглядным примером природной силы ВМП была трасса Трансполлярной магистрали, с участками которой часто сталкивались при осуществлении работ в зоне СРТО. Последствия вторжения в сферу ВМП стали активно проявляться в 1980-е гг. На Медвежьем в первой половине 1980-х гг. возникали оврагообразования, смятие обсадных труб, выход скважин из строя, просадка оснований фундаментов, образование воронок у устьев скважин. Все это связывалось с развитием криогенных процессов. Еще быстрее стали проявляться процессы на вновь вводимых месторождениях. Особое внимание стало обращать на возникновение напряжений ВМП после оттаивания при вторичном промерзании. Требовалось продолжить поиски решений.

Главными итогами второго периода были:

1. С 1973 г. при снижении добычи газа в основных добывающих центрах СССР начался неуклонный рост добычи газа в Тюменской области, происходивший на фоне увеличения доли газа в мировом потреблении и советском газовом экспорте [31. С. 97–98].

2. В 1977 г. газовая промышленность Тюменской области заняла первое место в стране среди добывающих центров СССР, «Тюменгазпром» обогнал объединение «Туркменгазпром», дав 24% газа от всего объема добычи Мингазпрома [27. Д. 707 оц. Л. 5, 11]. Рост добычи газа был обеспечен месторождением Медвежье [27. Д. 712. Л. 2–9]. Годовой прирост на Медвежьем в 1977 г. составил 18, 670 млрд м³ [27. Д. 712. Л. 180] и был самым высоким в отрасли. Подготовка к вводу Уренгойского месторождения велась, но ввести его в 1977 г. не смогли.

3. Протяженность трубопроводных систем в Тюменской области в 1977 г. составила 7 027 км, численность КС – 33 ед. Транспортировку газа обеспечивала построенная **четырёхниточная система** газопроводов «Надым – Урал – Пунга – Центр». Электрохимзащита трубопроводов была доведена до 72% Велось строительство первой нитки газопровода «Уренгой – Надым» [27. Д. 745. Л. 55–56].

На партийно-хозяйственном активе Всесоюзного промышленного объединения «Тюменгазпром» по итогам 1977 г. начальник объединения Е.Н. Алтунин сказал: *«Впервые в мировой и отечественной практике решен ряд сложнейших научно-технических проблем, связанных с организацией добычи и транспортировкой газа в районах вечной мерзлоты»* [27. Д. 707 оц. Л. 6].

В рамках этого периода нельзя не обратить внимание на то, что функционирование КС на основе вахтового метода было решено прекратить. Был взят курс на «сооружение жилья и объектов соцкультбыта в поселках при КС». Это явление повлекло за собой изменения в развитии поселенческого освоения территории

ЯНАО, потребовало от Мингазпрома невероятных усилий по застройке поселков при компрессорных станциях.

Третий период – 1977–1989 гг.

Основные черты периода:

1. Управление зоной СРТО фактически закрепились на уровне таких партийно-государственных структур, как Политбюро ЦК КПСС, Президиум Совета Министров СССР.

2. Период 1977–1990 гг. характеризовался расширением добывных возможностей, строительством трубопроводных систем, наращиванием строительных мощностей в зонах Крайнего Севера, ростом числа городов и поселков;

3. СССР, опираясь на ресурсы Тюменской области, был ориентирован на достижение мирового лидерства в добыче газа, что произошло в 1984 г., а также в экспорте газа в Европу. Эти задачи, успешно выполненные в 1980-е гг., базировались на возрастающих поставках газа Уренгойского и Ямбургского месторождений.

Рассмотрим развитие процессов в рамках обозначенных проблем.

3.1. **Область управления.** Прослеживалось беспрецедентное усиление **роли высших партийно-государственных структур в управлении** Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом (ЗСНГК) (понятие «ЗСНГК» введено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1977 г. № 392 «О развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в 1977–1980 гг.») [12. Д. 835. Л. 150–157]).

3.1.1. **Партия в руководстве ЗСНГК.** В рассматриваемый период в управлении газовой отраслью ЗСНГК обозначилась возрастающая роль партии. Все чаще давались отсылки к «указаниям Л.И. Брежнева о дальнейшем ускоренном развитии в Западной Сибири промышленного комплекса по добыче нефти и газа» [27. Д. 959. Л. 126, 127]. Контроль партии за газовой сферой Западной Сибири непосредственно реализовывался через кандидата в члены Политбюро В.И. Долгих. Это означало, что руководство нефтегазовой сферой находилось в зоне контроля и постоянного внимания высшего партийного органа страны – Политбюро ЦК КПСС. В формировавшейся стратегии государства относительно северных районов Тюменской области стали преобладать партийно-правительственные постановления [12. Д. 815. Л. 172–177; 27. Д. 1747. Л. 20–46; 32. Д. 1. Л. 42–60], в которых намечались все новые задачи по наращиванию добычи газа и развитию трубопроводного транспорта. Добыча газа обеспечивалась, прежде всего, Уренгойским месторождением. Велась подготовка ввода Ямбургского месторождения, меры обеспечения ввода которого наметило партийно-правительственное постановление от 2 августа 1984 г. № 831. Была определена дата ввода – 1986 г. В 1990 г. на месторождении планировалась добыча газа в объеме 200 млрд м³ [32. Д. 1. Л. 42–60]. Партийно-правительственное постановление от 20 августа 1985 г. № 797 «О комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в 1986–1990 гг.»

констатировало, что «в Западной Сибири создан крупнейший нефтегазовый комплекс, обеспечивающий добычу более половины общего количества нефти и газа в стране». Намечено довести добычу газа в Тюменской области в 1990 г. до 560–565 млрд м³ [27. Д. 1799. Л. 3]. Определен курс на освоение месторождений полуострова Ямал.

На протяжении рассматриваемого периода значительное число партийно-правительственных постановлений касалось вопросов развития сети трубопроводного транспорта от месторождений СРТО к западной границе СССР [12. Д. 927. Л. 23–29].

3.1.2. Правительство СССР. Непосредственное руководство газовой промышленностью СРТО вышло на **уровень Совета Министров СССР**. В 1979 г. была введена должность представителя Президиума Совета Министров СССР по контролю за развитием ЗСНГК (В.Э. Дымшиц) [31. С. 106]. В 1981 г. создана Комиссия Президиума Совета Министров СССР по вопросам развития ЗСНГК (В.Э. Дымшиц занимал должность заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Комиссии в 1981–1983 гг.; Б.Е. Щербина – в 1983–1987 гг.) [31. С. 38–39]. В состав Комиссии входили министры семи министерств, заместители председателей двух ведомств: Госстроя, Госснаба. В практике работы Комиссии было систематическое проведение совещаний по проблемам ЗСНГК [31. С. 39].

В.Э. Дымшиц, Б.Е. Щербина – от Совета Министров, В.И. Долгих – от ЦК КПСС и Политбюро ЦК КПСС стали непосредственными участниками процесса создания ЗСНГК в целом, а также отдельных отраслей в его составе, как бы это странно не звучало.

3.2. Практики ввода месторождений в 1977–1990 гг. В этот период в эксплуатацию были введены месторождения Уренгойское и Ямбургское, относящиеся к категории супергигантских: Уренгойское (сейчас занимает третье место в мире) – в 1978 г. и Ямбургское (пятое место в мире) – в 1986 г.;

3.2.1. Уренгойское. В последней трети 1970-х гг. правительство страны, направляя усилия на «дальнейшее интенсивное развитие газовой промышленности» СССР, считало, что «прирост добычи газа будет идти за счет Тюменской области» [27. Д. 1023. Л. 106–107]. Уренгойское месторождение, работы на котором проводились с открытия в 1966 г., в апреле 1978 г. было введено в эксплуатацию. В 1978-м, в год ввода в эксплуатацию, объекты обустройства были ориентированы на минимальный объем. Добыча составила 11,4 млрд м³. Продолженное обустройство к 1985 г. обеспечило добычу 258,2 млрд м³, в 1988 г. – 295,8 млрд м³ [27. Д. 1495. Л. 38]. С 1978 г. по конец 1980-х гг. было построено 19 УКПГ при возрастающей их мощности в 7, 10, 20 млрд м³ [27. Д. 1356 оц. Л. 122–123]. За это время добыча газа по предприятиям Тюменгазпрома относительно уровня 1977 г. выросла в 5,5 раза, на Уренгойском месторождении – в 25,8 раза [27. Д. 1542 оц. Л. 23]. Первоначально добыча велась на нем из сеноманской залежи, с 1980 г. приступили к разработке валанжинских залежей. Добыча осуществлялась на фоне постоянной нехватки строительных мощностей, отставания в обустройстве промысла, вводе

УКПГ, шлейфов, обвязки кустов скважин, строительстве внутрипромысловых дорог и т.д. Однако планы, поставленные государством по добыче газа, неукоснительно выполнялись. В рассматриваемый период Уренгойское месторождение стало основным поставщиком газа, определяло приросты добычи газа в Тюменской области и в стране.

3.2.2. Ямбургское месторождение. Особое место в наращивании добычи газа в стране со второй половины 1980-х гг. стало отводиться Ямбургскому месторождению, которое в «Генеральной схеме развития газовой промышленности на длительную перспективу» определялось «основной сырьевой базой для обеспечения роста добычи газа во второй половине 1980-х гг.» Обустройство Ямбургского месторождения было более сложной задачей, чем Уренгойского [27. Д. 1267. Л. 34–35]. Оно располагалось за Полярным кругом, в зоне ВМП с повышенной льдистостью грунтов. В районе работ полностью отсутствовала промышленная и социальная инфраструктура: не было портов, автомобильных и железных дорог, взлетно-посадочных полос, не было выявленных запасов строительных материалов, которые были необходимы для отсыпки грунта под кусты оснований скважин, при сооружении буровых и производственных площадок, внутрипромысловых газопроводов и дорог. На это обратил внимание министр Мингазпрома В.А. Динков: в письме от 6 января 1984 г. на имя главы правительства Н.А. Тихонова он писал, что потребуются использование «высокоиндустриальных методов строительства, с применением блоков массой до 300 тонн более полной заводской готовности, а также систем автоматизации процессов добычи и транспорта газа, с использованием микропроцессорной техники» [27. Д. 1329. Л. 115].

Для выполнения буровых работ стали использовать новые, более мощные буровые установки БУ-2000, БУ-3000. Бурение с 1984 г. велось наклонно-направленным способом с количеством скважин в кусте до 6–8, вместо ранее предусмотренных трех. При этом планы в бурении систематически не выполнялись. Допускалось значительное отставание в отсыпке кустов. Задерживался завоз песчано-гравийной смеси. Отсыпка площадок местным грунтом не давала их устойчивости. Объем работ по обустройству включал и ввод производственных мощностей по добыче, подготовке газа, газового конденсата и транспортировке этих видов сырья, сооружение объектов энергоснабжения, водоснабжения, автомобильных и железных дорог («Надым – Ямбург», «Ягельное (Уренгой) – Ямбург»), речных причалов и производственных баз. По Ямбургскому месторождению был запланирован ввод 10 установок подготовки газа и газового конденсата, с подключением 800 скважин, сооружение 220 км внутрипромысловых коллекторов из труб диаметром 1 420 мм. Планировалось строительство высоковольтных ЛЭП «Надым – Ямбург», «Уренгой – Ямбург», промысловых ЛЭП, более 600 км промысловых автомобильных дорог и дороги от Уренгойского месторождения до Ямбургского, железнодорожных путей к объектам промбазы и речного порта [27. Д. 1267. Л. 36].

Большое внимание отводилось строительству железной дороги «Уренгой – Ямбург». Разработку проекта дороги вел Ленгипротранс [27. Д. 1111. Л. 38–39].

Программы по освоению месторождения разрабатывались при участии шести министерств, работы на обустройстве вели предприятия четырех министерств: Мингазпрома, Миннефтегазстроя, Минтрансстроя, Минэнерго СССР. Мингазпром внимательно следил за выполнением работ на месторождении, фиксировал отставание в проведении строительно-монтажных работ (СМР), принимал меры. Но этого оказалось недостаточно. Пришлось вмешаться ЦК партии через В.И. Долгих, который в феврале 1985 г. прибыл в Тюмень [27. Д. 1329. Л. 65]. На пленуме Тюменского обкома партии В.И. Долгих призвал к «безусловному выполнению плана 1985 г. строительно-монтажных работ по Ямбургскому месторождению». Генеральный директор производственного объединения «Ямбурггаздобыча» С.Т. Пашин, выступая на пленуме обкома партии, показал картину отставания в выполнении работ практически всеми министерствами [27. Д. 1329. Л. 269]. Ввод в 1986 г. месторождения выглядел проблематичным. В заключительном слове В.И. Долгих признал, что наблюдается «отставание тылов» [27. Д. 1329. Л. 270]. Вскоре последовало Распоряжение правительства СССР, затем приказ Мингазпрома. В документах ставились задачи «обеспечить добычу газа на Ямбургском месторождении в 1986 г. в объеме 3,0 млрд м³», в сентябре 1986 г. – ввести месторождение в эксплуатацию» [27. Д. 1399. Л. 11–12]. Требовалось форсировать строительство электроподстанций, поставку оборудования, монтаж блок-пунктов, строительство промышленных автодорог [27. Д. 1329. Л. 21]. 20 декабря 1986 г. требовалось ввести в эксплуатацию газопровод «Ямбург – Елец» (II нитка), срок ввода «в действие до 20 декабря 1986 г.» [27. Д. 1329. Л. 12]. Итоги работ отразила «Пояснительная записка» Тюменгазпрома за 1986 г., где указано, что в 1986 г. (без фиксации месяца) Ямбургское месторождение введено в разработку при 29 скважинах и одной УКПГ. Добыча составила 3,1 млрд м³. Объединение «Уренгойгаздобыча» дало в 1986 г. 295,958 млрд м³. Общий объем добычи по Тюменской области составил 390,3 млрд м³ [27. Д. 1426 оц. Л. 6, 21, 35].

В середине 1980-х гг. Госплан СССР прорабатывал варианты «Целевой комплексной программы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса на XII пятилетку и период до 2005 г.», исходя из задач «Энергетической программы СССР». Предполагаемые объемы добычи газа в СССР в 2000 г. – 1 050, 1150 млрд м³ [27. Д. 402. Л. 233–234]. Партийно-правительственное постановление № 797 от 20 августа 1985 г. предусматривало добычу в СРТО в 1990 г. 560–565 млрд м³ газа [27. Д. 1799. Л. 5], в стране – 835 млрд м³, при создании условий к 1990 г. по вводу в эксплуатацию месторождений полуострова Ямал (подробнее см.: [33]).

3.2.3. Трубопроводное строительство – одно из важнейших условий роста добычи газа. Период ознаменован **невероятно** высокими темпами трубопроводного строительства. Строительство велось в

шесть ниток в одном коридоре. С 1977 по 1980 г. трубопроводная сеть Тюменгазпрома выросла до 10 486 км [27. Д. 1023. Л. 22]. Ввод в эксплуатацию Уренгойского и Вынгапуровского месторождений, совпавший с вводом в эксплуатацию газопроводов, позволил увеличить добычу газа в Тюменской области в 1980 г. в 2,3 раза. Доля тюменского газа в союзной добыче возросла до 33% [27. Д. 1023. Л. 22]. В первой половине 1980-х гг. масштабы и темпы трубопроводного строительства еще более возросли, что диктовалось изменениями планов по увеличению поставок газа в Западную Европу. Среди всех газопроводных систем особое внимание государства было сосредоточено на строительстве газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород», ставшего одной из крупнейших строек страны, попавшего при этом под «дискриминационные меры» США [27. Д. 1023. С. 109]. Однако строительство было успешно осуществлено. За первую половину 1980-х гг. Тюменгазпром получил 6 новых газовых артерий, протяженность газопроводов на территории Тюменской области возросла в 1,9 раза, 68% которых имели диаметр 1 420 мм. Эти трубопроводы требовалось заполнять газом. Плановые показатели добычи газа постоянно повышались [27. Д. 1111. Л. 38]. Во второй половине 1980-х гг. на повестку встали газопроводы от Ямбургского месторождения и от месторождений пол. Ямал, с вводом в 1988–1991 г. [31. С. 115]. К концу 1980-х гг. протяженность трубопроводов была доведена до 26,7 тыс. км, рост 19,7 раза, количество цехов КС возросло до 199 [27. Д. 1542 оц. Л. 8]. Протяженность трубопроводных систем в СССР к концу 1980-х гг. превысила 200 тыс. км [27. Д. 1495. Л. 8]. Тюменгазпром эксплуатировал 12 ниток газопроводов силами 41 линейно-производственной службы, пяти управлений магистральных газопроводов, 31 газокompрессорной службы, 3 аварийно-восстановительных поездов [27. Д. 1495. Л. 8]. Едва ли когда-нибудь такие темпы и масштабы трубопроводного строительства могут быть повторены.

3.2.4. Усложнение инфраструктуры отрасли. К концу 1980-х гг. подготовку природного газа осуществляли 33 УКПГ, но в условиях падения пластового давления на Медвежье, первом из всех, для поддержания уровня добычи стали строить дожимно-компрессорные станции (ДКС), затем такие станции были введены на Вынгапуровском месторождении (1), а в 1987 г. – на Уренгойском (2 ДКС). В 1988 г. были введены еще две станции охлаждения газа на Уренгойском месторождении [27. Д. 1542 оц. Л. 23].

3.2.5. Газовый конденсат. С выходом на Уренгойское, а затем и на Ямбургское месторождение возрастает добыча газового конденсата, который добывался на месторождениях ХМАО в начальный период, но с выходом на Медвежье внимание к нему было ослаблено. Особенно богаты газовым конденсатом оказались валанжинские залежи, которые на Уренгойском месторождении разрабатывались с 1980 г., на Ямбургском – с начала ввода месторождения в 1986 г. Добыча газового конденсата за первую половину 1980-х гг. увеличилась в 161,4 раза. Во второй половине темпы роста получения газового конденсата увеличились в

3 раза. Для добычи конденсата было необходимо построить специальные установки по подготовке его к транспорту. Газ с них подавался в межпромысловый коллектор, нестабильный конденсат – на Уренгойский завод по переработке газового конденсата. Подготовка газа и конденсация паров газового конденсата велась на установках подготовки по методу *низкотемпературной сепарации*, разработанной ВНИИПИГаздобычей. Для газового конденсата увеличилась доля выпрыскиваемого метанола, происходило повышение температуры сепарации газа. В 1988 г. имелось 232 действующие газоконденсатные скважины, они подключались к УКПГ, от них строились шлейфы. С целью переработки конденсата в системе Тюменгазпрома с 1975 по 1985 г. в Уренгое был построен завод переработки газового конденсата. Он производил: дестанизованный конденсат, стабильный конденсат, дизельное топливо, газ дестанизации. За 1982–1985 гг. в Сургуте был построен завод стабилизации конденсата. На него по конденсатопроводу «Уренгой – Сургут» поступал нестабильный газоконденсат для последующего производства стабильного конденсата и широкой фракции легких углеводородов (ШФЛУ). Далее следовала подача Сургутскому нефтепроводному управлению. ШФЛУ планировали вывозить железнодорожными цистернами, затем было решено ввести в строй продуктопровод до Поволжья [27. Д. 1356 оц. Л. 180–181].

В 1988 г. Тюменгазпром производил ШФЛУ, дизельное топливо, сжиженный природный газ, который широко поставлялся по Тюменской области и за ее пределы: Сургутской, Пермской, Новокуйбышевской, Нижнекамской, Тобольской, Ухтинской конторам сжиженного газа.

3.2.6. Добыча нефти из нефтяных оторочек. Перед Тюменгазпромом была поставлена задача – подготовить и провести добычу нефти из нефтяных оторочек, а это требовало сложных работ по их обустройству. Только к концу 1985 г. было пробурено 6 нефтяных скважин. Добыча нефти из нефтяных оторочек началась с 1987 г. [27. Д. 1356 оц. Л. 135–136].

3.2.7. Для укрепления электроэнергетической базы газовой отрасли необходимо было развивать собственные источники электроэнергии. В 1984 г. началось строительство Уренгойской ГРЭС, строительство которой в основном завершилось в 1987 г. Пуск первой очереди осуществлен в 1990 г. [34].

3.2.8. Самые проблемные зоны отрасли. Бурение. По-прежнему значительные проблемы оставались в бурении: задерживалось строительство баз бурения, кустовых площадок, магистральных водоводов, сохранялась неудовлетворительная комплектация оборудованием, имела место сложная ситуация с кадрами [27. Д. 1329. Л. 55] при частой смене руководящих кадров, особенно в экспедициях глубокого бурения. В бурении был высок уровень травматизма, несчастных случаев. Работа в условиях вечной мерзлоты требовала новых технических решений, более совершенного оборудования, техники, соответствовавшей условиям Крайнего Севера. Бурение на Уренгойском месторождении с 1980 г., с выходом на Ямбургское и на нем, стало вестись не

только в сеноманских залежах, но и на валанжинских, которые диктовали новые трудности, не только большими глубинами, но и высоким уровнем газоконденсата. Трудности преодолевались. Объемы бурения постоянно росли [27. Д. 1542 оц. Л. 9]. Общий фонд газовых скважин к концу 1980-х гг. составил 1 700 единиц, газонефтеконденсатных – 270 [27. Д. 1542 оц. Л. 18].

3.2.9. Проблема нехватки кадров стала решаться через переход на вахтово-экспедиционный метод с привлечением кадров из Тюмени, Надыма, Нового Уренгоя, для бурения на Ямбургском месторождении – из Армавирского и Краснодарского управления буровых работ. Бурение на месторождениях пол. Ямал – Харасавейском и Бованенковском стал вести трест «Северспецбургаз» Коми АССР [27. Д. 1542 оц. Л. 38], коллектив которого составлял 869 чел. Так, кадровая обеспеченность равнялась 78,1% от потребности [27. Д. 1542 оц. Л. 42].

3.2.10. Автоматизация и телемеханизация в газовой сфере. В числе практик развития отрасли в рассматриваемый период было постоянное внимание к телемеханизации производственных процессов, созданию автоматизированных систем управления промыслов и комплексов производственных процессов.

3.2.11. Велась работа по формированию ремонтно-механических баз. Среди них особое место занимала Центральная база по ремонту оборудования в Новом Уренгое. Она осуществляла выпуск различных видов нестандартизированного оборудования, комплектующих для бурового, геолого-разведочного оборудования, оснований и укрытий насосно-емкостных блоков, сварочно-газорезательные постов, **термосвай** ТС-1, котлов водогрейных, мерников приемных [27. Д. 1542 оц. Л. 185].

3.2.12. Была продолжена работа, начатая еще в рамках первого периода: строительство и наращивание мощностей предприятий стройиндустрии, создание собственных производств сборного железобетона, строительного кирпича, пиломатериала, столярных изделий. Однако к концу 1980-х гг. темпы строительства объектов стройиндустрии снизились, ряд строительных объектов превратился в долгострой, хотя вполне очевидна была высокая потребность в строительных материалах. Предприятия вынуждены были закупать строительные материалы по завышенным ценам, выделять машины для доставки грузов. Уровень использования мощностей действовавших предприятий был низким: по железобетону – 45%, по керамзитовому гравию – 20–15%, выпуску кирпича – 37% [27. Д. 1542 оц. Л. 18, 69–71]. В целом в стройиндустрии картина выглядела удручающе.

3.2.13. Тюменгазпром в своем распоряжении имел огромный парк автомобильного транспорта в 6 742 ед., 213 единиц ведомственного флота, в том числе 57 сухогрузов, 19 ед. нефтеналивных барж, 74 единицы буксирного флота и т.д. Уделялось большое внимание развитию транспортных систем в местах газового освоения (в числе которых автомобильные и железные дороги, пассажирский перрон в Новом Уренгое, ВПП с комплексом наземных сооружений в аэропортах Нового Уренгоя, Ямбурга, пос. Советского и Белый Яр, вертолетные площадки на пол. Ямал

– в районе компрессорной станции «Байдарацкая» и в пос. Сабетга, а также при УКПГ на Ямбургском месторождении и т.д.) [27. Д. 1542 оп. Л. 6, 93, 205].

3.2.14. Финансовые затраты на развитие отрасли в рассматриваемый период составили 46,7 млрд руб. [27. Д. 1356. Л. 470].

Основной итог этого периода заключается в том, что в Западной Сибири, в СРТО были созданы все условия для превращения СССР в мирового лидера по добыче газа (1984 г.) и его экспорту (конец 1980-х гг.). Две трети добычи газа в СССР приходилось на северные районы Тюменской области.

Заключение

В период 1960–1980-х гг. на сухопутной части советской (российской) Арктики был осуществлен – впервые в истории мировой Арктики – широкомасштабный процесс формирования газовой промышленности.

Территорией газового освоения стал Ямало-Ненецкий национальный округ (с 1978 г. – Ямало-Ненецкий автономный округ) Тюменской области, в настоящее время полностью включаемый в состав Арктической зоны РФ. Газовая промышленность региона была представлена самыми крупными из открытых месторождений. ЯНАО стал зоной интенсивного социально-экономического развития, были созданы мощности для невероятно высоких темпов добычи газа.

В практиках газового освоения территории СРТО периода 1960–1980-х гг. исключительная роль в руководстве процессом принадлежит высшим структурам партии и правительства.

К тому же практики подготовки месторождений к вводу базировались на сложном соединении усилий управляющих отраслью структур и ведущих отраслевых НИИ. В освоении месторождений, строительстве трубопроводных систем, как и в прочих сферах, созда-

вались и реализовывались самые передовые технологические разработки. Огромная работа была проведена по «подчинению» вечной мерзлоты. Создание отрасли проводилось при наращивании строительных мощностей, выстраивании разветвленной сети специализированных строительных организаций, формировании баз строительной индустрии. За период с середины 1960-х гг. до конца 1980-х гг. объемы СМР в Тюменской области выросли в 126 раз. В сложнейших природно-климатических условиях формировалась трубопроводная сеть, не имевшая аналогов на мировом уровне. Газовая отрасль СРТО в своем развитии включала автоматизацию и телемеханизацию как отдельных производственных процессов, так и промыслов в целом.

Процесс создания газовой отрасли сопровождался развитием автодорожного, водного, авиационного, железнодорожного транспорта, формированием и наращиванием энергетических мощностей, средств связи и т.д. Это проявлялось не только непосредственно в зоне обустройства месторождений, строительства трубопроводных систем, но и при возведении городов, поселков, поселков при КС, что было неотъемлемой составляющей деятельности Тюменгазпрома, направленной на стабилизацию кадровой ситуации. В зоне СРТО в рассматриваемый период строились города (Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Губкинский, Муравленко) и поселки (Газ-Сале, Правохеттинский, Приозерный, Пурпе, Заполярный, Пангоды, Ягельный). Население ЯНАО за рассматриваемый период увеличилось в 7,8 раза, городское – в 17,5 раза, составив в структуре населения 77,8%. Решение социальных проблем (объект самостоятельного исследования) включало и создание сети собственных сельскохозяйственных предприятий, как и лечебных, профилактических, санаторно-курортных учреждений, пионерских лагерей, имевших широкую географию расположения. Свершившееся в ЯНАО в рамках 1960–1980-х гг. – подвиг страны и ее людей.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // ГАРАНТ : информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 30.10.2022).
2. Состояние и перспективы использования минерально-сырьевой базы Ямало-Ненецкого автономного округа на 15 марта 2021 г. Справка ФГБУ «ВСЕГЕИ» от 14 января 2021 г. № 049-00016-21-00. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fefe9fc69a4502beec2eb711.pdf> (дата обращения: 16.02.2022).
3. Безруков Л.А. Политико-географические проблемы демилитации Севера и Арктики России // География и природные ресурсы. 2015. № 4. С. 68–80.
4. Россия в Арктике: государственная политика и проблемы освоения / Е.В. Комлева, Н.А. Куперштох, В.А. Ламин, Н.П. и др. Новосибирск : Параллель, Ин-т истории СО РАН, 2017. 494 с.
5. История газовой отрасли России. 1946–1991 гг. : в 3 кн. Кн. 2 / отв. ред. Р.М. Гайсин. М. : Граница, 2016. 536 с.
6. История Ямала : в 2 т. Т. 2, кн. 1: Ямал современный / под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург : Баско, 2002. 367 с.
7. «От Березово до Ямбурга» : 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / под ред. В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. 180 с.
8. Нефть и газ Арктики // Pro-Arctic. URL: <https://pro-arctic.ru/28/05/2013/resources/3516/> (дата обращения: 22.10.2022).
9. Карпов В.П. Выход на Ямал // «От Березово до Ямбурга» : 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / под ред. В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. С. 67–82.
10. Бодрова Е.В., Калинин В.В., Филатова М.Н., Гусарова М.Н., Сергеев С.В. Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте. М. : МАОРИ, 2014. 813 с.
11. История газовой отрасли России. 1992–2015. Кн. 3 / отв. ред. Р.М. Гайсин. М. : Граница, 2016. 352 с.
12. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Фонд Тюменского областного Совета народных депутатов и его исполнительного комитета. 814. Оп. 5.
13. Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Газовая промышленность Тюменской области: от Березовского до Медвежьего. Тюмень : ТИУ, 2022. 236 с.
14. Колева Г.Ю. История нефтяной и газовой промышленности России. Тюмень : ТИУ, 2017. 72 с.
15. ГАТО. Фонд Главтюменгеологии. 1903. Оп. 1.
16. Открытые горизонты / сост. А.М. Брехунцов, В.Н. Битюков. Т. 1. (1962–1980). Екатеринбург : Сред-Урал. кн. изд-во, 2002. 680 с.

17. Нефть и газ в Арктике: история освоения в XX в., ресурсы, стратегия на XXI в. // Наука из первых рук. Наша Арктика. 2015. Т. 61, № 1. URL: <https://scfh.ru/papers/neft-i-gaz-rossiyskoy-arktiki-istoriya-osvoeniya-v-xkh-veke-resursy-strategiya-na-xxi-vek/> (дата обращения: 22.10.2022).
18. Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Поиск, разведка и освоение месторождений шельфа Арктики // Бурение на нефть. 2011. № 7–8. С. 18–23.
19. Самсонов Р.О., Джафаров К.И. История газового дела: историко-технический очерк. М.: ГазпромВНИИГАЗ, 2009. 200 с.
20. Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Начальный период формирования советского газового экспорта в Европу. 1944–1967 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 107–116. doi: 10.17223/15617793/463/14
21. Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс: история становления. Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. 152 с.
22. ГАТО. Фонд Средне-Уральского Совета народного хозяйства. 1724. Оп. 1.
23. Открытые горизонты. 1962–1980 / сост. А.М. Брехунцов, В.Н. Битюков. Т. 1. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2002. 680 с.
24. Богоявленский В.И., Богоявленский И.В. Освоение месторождений нефти и газа на суше Арктической зоны РФ // Геополитика и безопасность. 2021. № 3 (39). С. 72–86.
25. Наша история. Норильскнискель / Норильскгазпром. URL: <https://ngaz.ru/about/nasha-istoriya/> (дата обращения: 04.11.2022).
26. Богоявленский И.В. Освоение ресурсов углеводородов и экономическая безопасность в Арктике // Арктические ведомости. 2021. № 3 (31). С. 30–43.
27. ГАТО. Фонд Главного производственного управления «Тюменгазпром» Министерства газовой промышленности СССР. 2101. Оп. 1.
28. Колева Г.Ю. Александр Константинович Протозанов (к 100-летию со дня рождения). Тюмень: Вектор Бук, 2012. 256 с.
29. Вехи истории. Хроника событий г. Новый Уренгой. URL: <https://www.newurengoy.ru/pages/history.html> (дата обращения: 31.05.2023).
30. База патентов СССР. Государственный комитет по делам изобретений и открытий. Термосвая. Описание изобретения и авторское свидетельство / авторы изобретения: В.В. Спиридонов, Б.Г. Петров. Заявитель: Всесоюзный НИИ по строительству магистральных газопроводов. 06.05.1974. URL: <https://patents.su/3-516783-termosvaya.html> (дата обращения: 03.09.2024).
31. Колева Г.Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977–1989 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2006. 184 с.
32. ГАТО. Фонд Межведомственной территориальной комиссии по развитию Западно-Сибирского нефтегазового комплекса Госплана СССР. 2240. Оп. 1. Д. 1. Л. 42–60. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 августа 1984 г. № 831 «О мерах по обеспечению ввода в эксплуатацию Ямбургского газоконденсатного месторождения в Тюменской области».
33. Колева Г.Ю., Колев Ж.М. Движение в Арктику: Освоение газовых месторождений полуострова Ямал: практики советской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 136–146. doi: 10.17223/15617793/492/15
34. Уренгойская ГРЭС. URL: <https://irao-generation.ru/stations/urengoig/> (дата обращения: 19.08.2024).

References

1. GARANT. (2014) *Decree of the President of the Russian Federation of May 2, 2014, No. 296 "On the Land Territories of the Arctic Zone of the Russian Federation"*. (2014) [Online] Available from: <https://www.garant.ru/> (Accessed: 30.10.2022). (In Russian).
2. Rosnedra.gov.ru. (2021) *Sostoyaniye i perspektivy ispol'zovaniya mineral'no-syr'evoy bazy Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga na 15 marta 2021 g.* [State and Prospects of Using the Mineral Resource Base of the Yamalo-Nenets Autonomous District as of March 15, 2021]. VSEGEI Certificate of 14 January 2021 No. 049-00016-21-00. [Online] Available from: <https://www.rosnedra.gov.ru/data/Fast/Files/202104/ad829a8fe9fc69a4502becc2eb711.pdf> (Accessed: 16.02.2022).
3. Bezrukov, L.A. (2015) *Politiko-geograficheskie problemy demilitatsii Severa i Arktiki Rossii* [Political and Geographical Problems of the Demarcation of the North and Arctic of Russia]. *Geografiya i prirodnye resursy*. 4. pp. 68–80.
4. Komleva, E.V., Kupershtokh, N.A., Lamin, V.A. et al. (2017) *Rossiya v Arktike: gosudarstvennaya politika i problemy osvoeniya* [Russia in the Arctic: State Policy and Development Problems]. Novosibirsk: Parallel', Institute of History SB RAS.
5. Gaysin, R.M. (ed.) (2016) *Istoriya gazovoy otrasli Rossii. 1946–1991 gg.* [History of the Russian Gas Industry. 1946–1991]. In 3 Books. Book 2. Moscow: Granitsa.
6. Alekseev, V.V. (ed.) (2002) *Istoriya Yamala* [History of Yamal]. In 2 Vols. Vol. 2 (1). Yekaterinburg: Basko.
7. Karpov, V.P. & Koleva, G.Yu. (eds) (2011) *"Ot Berezovo do Yamburga": 45 let gazovoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri* ["From Berezovo to Yamburg": 45 Years of the Gas Industry of Western Siberia]. Tyumen: TyumGNGU.
8. Pro-Arctic. (2013) *Neft' i gaz Arktiki* [Online] Available from: <https://pro-arctic.ru/28/05/2013/resources/3516/> (Accessed: 22.10.2022).
9. Karpov, V.P. (2011) *Vykhod na Yamal* [Exit to Yamal]. In: Karpov, V.P. & Koleva, G.Yu. (eds) *"Ot Berezovo do Yamburga": 45 let gazovoy promyshlennosti Zapadnoy Sibiri* ["From Berezovo to Yamburg": 45 Years of the Gas Industry of Western Siberia]. Tyumen: TyumGNGU. pp. 67–82.
10. Bodrova, E.V., Kalinin, V.V., Filatova, M.N., Gusarova, M.N. & Sergeev, S.V. (2014) *Gosudarstvennaya politika v neftegazovoy sfere v kontekste* [State Policy in the Oil and Gas Sector in Context]. Moscow: MAORI.
11. Gaysin, R.M. (ed.) (2016) *Istoriya gazovoy otrasli Rossii. 1992–2015* [History of the Russian Gas Industry. 1992–2015]. Book 3. Moscow: Granitsa.
12. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). *Fond Tyumenskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov i ego ispolnitel'nogo komiteta* [Fund of the Tyumen Regional Council of People's Deputies and its Executive Committee]. 814. List 5.
13. Koleva, G.Yu. & Kolev, Zh.M. (2022) *Gazovaya promyshlennost' Tyumenskoy oblasti: ot Berezovskogo do Medvezhego* [The Gas Industry of the Tyumen Region: From Berezovskoye to Medvezhye]. Tyumen: TIU.
14. Koleva, G.Yu. (2017) *Istoriya neftyanoy i gazovoy promyshlennosti Rossii* [History of the Oil and Gas Industry of Russia]. Tyumen: TIU.
15. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). *Fond Glavtyumengeologii* [Fund of the Main Tyumen Geology Department]. 1903. List 1.
16. Brekhuntsov, A.M. & Bitjukov, V.N. (2002) *Otkrytye gorizonty. 1962–1980* [Open Horizons. 1962–1980]. Vol. 1. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo.
17. *Nauka iz pervykh ruk. Nasha Arktika*. (2015) *Neft' i gaz v Arktike: istoriya osvoeniya v XX v., resursy, strategiya na XXI v.* [Oil and Gas in the Arctic: History of Development in the 20th Century, Resources, Strategy for the 21st Century]. 61 (1). [Online] Available from: <https://scfh.ru/papers/neft-i-gaz-rossiyskoy-arktiki-istoriya-osvoeniya-v-xkh-veke-resursy-strategiya-na-xxi-vek/> (Accessed: 22.10.2022).
18. Bogoyavlenskii, V.I. & Bogoyavlenskii, I.V. (2011) *Poisk, razvedka i osvoenie mestorozhdeniy shel'fa Arktiki* [Search, Exploration and Development of Arctic Shelf Fields]. *Burenie na nef't'*. 7–8. pp. 18–23.
19. Samsonov, R.O. & Dzhaifarov, K.I. (2009) *Istoriya gazovogo dela: istoriko-tehnicheskii ocherk* [History of the Gas Business: A Historical and Technical Essay]. Moscow: GazpromVNIIGAZ.
20. Koleva, G.Yu. & Kolev, Zh.M. (2021) The Initial Period of Soviet Gas Exports to Europe (1944–1967). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 463. pp. 107–116. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/463/14
21. Koleva, G.Yu. (2005) *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy kompleks: istoriya stanovleniya* [The West Siberian Oil and Gas Complex: History of Formation]. Tyumen: TyumGNGU.

22. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). *Fond Sredne-Ural'skogo Soveta narodnogo khozyaystva* [Fund of the Middle Ural Council of the National Economy]. 1724. List 1.
23. Brekhuntsov, A.M. & Bitukov, V.N. (2002) *Otkrytie gorizonty. 1962–1980* [Open Horizons. 1962–1980]. Vol. 1. Yekaterinburg: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo.
24. Bogoyavlenskiy, V.I. & Bogoyavlenskiy, I.V. (2021) Osvoenie mestorozhdeniy nefi i gaza na sushe Arkticheskoy zony RF [Development of Oil and Gas Fields on Land in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Geopolitika i bezopasnost'*. 39 (3). pp. 72–86.
25. Ngaz.ru. (2022) *Nasha istoriya. Noril'sknikel' / Noril'skgazprom* [Our History. Norilsk Nickel / Norilskgazprom]. [Online] Available from: <https://ngaz.ru/about/nasha-istoriya/> (Accessed: 04.11.2022).
26. Bogoyavlenskiy, I.V. (2021) Osvoenie resursov uglevodorodov i ekonomicheskaya bezopasnost' v Arktike [Development of Hydrocarbon Resources and Economic Security in the Arctic]. *Arkticheskie vedomosti*. 31 (3). pp. 30–43.
27. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). *Fond Glavnogo proizvodstvennogo upravleniya "Tyumengazprom" Ministerstva gazovoy promyshlennosti SSSR* [Fund of the Main Production Directorate "Tyumengazprom" of the USSR Ministry of the Gas Industry]. 2101. List 1.
28. Koleva, G.Yu. (2012) *Aleksandr Konstantinovich Protozanov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Alexander Konstantinovich Protazanov (on the 100th Anniversary of his Birth)]. Tyumen: Vektor Buk.
29. Newurengoy.ru. (2023) *Vekhi istorii. Khronika sobyitiy g. Novyy Urengoy* [Milestones of History. Chronicle of Events of the City of Novy Urengoy]. [Online] Available from: <https://www.newurengoy.ru/pages/history.html> (Accessed: 31.05.2023).
30. Baza patentov SSSR. Gosudarstvennyy komitet po delam izobreteniy i otkrytiy. [USSR Patent Database. State Committee for Inventions and Discoveries]. (1974) *Termosvaya. Opisaniye izobreteniya i avtorskoe svidetel'stvo* [Thermos pile. Description of the invention and author's certificate]. Authors of the invention: V.V. Spiridonov, V.G. Petrov. Applicant: All-Union Research Institute for the Construction of Main Gas Pipelines. 06.05.1974. [Online] Available from: <https://patents.su/3-516783-termosvaya.html> (Accessed: 03.09.2024).
31. Koleva, G.Yu. (2006) *Dobyvayushchie otrasli Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1977–1989 gg.)* [The Extractive Industries of the West Siberian Oil and Gas Complex (1977–1989)]. Tyumen: TyumGNGU.
32. State Archive of Tyumen Oblast (GATO). *Fond Mezhdomestvennoy territorial'noy komissii po razvitiyu Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa Gosplana SSSR* [Fund of the Interdepartmental Territorial Commission for the Development of the West Siberian Oil and Gas Complex of the USSR State Planning Committee]. 2240. List 1. D. 1. L. 42–60. *Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 2 avgusta 1984 g. № 831 "O merakh po obespecheniyu vvoda v ekspluatatsiyu Yamburgskogo gazokondensatnogo mestorozhdeniya v Tyumenskoy oblasti"* [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of August 2, 1984 No. 831 "On Measures to Ensure the Commissioning of the Yamburg Gas Condensate Field in the Tyumen Region"].
33. Koleva, G.Yu. & Kolev, Zh.M. (2023) Movement to the Arctic. Development of Yamal Peninsula Gas Fields: Soviet-Era Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 136–146. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/15
34. *Urengoy'skaya GRES* [Urengoy State District Electric Power Plant]. (n.d.) [Online] Available from: <https://irao-generation.ru/stations/urengoig/> (Accessed: 19.08.2024).

Информация об авторе:

Колева Г.Ю. – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета (Тюмень, Россия). E-mail: gukoleva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.Yu. Koleva, Dr. Sci. (History), professor, Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: gukoleva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.09.2024;
одобрена после рецензирования 12.09.2024; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 12.09.2024;
approved after reviewing 12.09.2024; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 654.1 + 339.923
doi: 10.17223/15617793/513/17

Научно-техническое партнерство в процессе создания межгосударственной телекоммуникационной системы стран восточного блока (конец 1950-х гг.)

Владимир Викторович Миркин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vvmvcv@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются ключевые вопросы генезиса межгосударственной системы электросвязи стран социалистического содружества в конце 1950-х гг. (накануне формирования «Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи (ОСС)»), роль в этом процессе научно-технического сотрудничества, его базовые направления и приоритеты. Анализируются состояние, количественные и качественные параметры межгосударственного телекоммуникационного комплекса в разрезе основных его компонентов: телефонной, телеграфной и радиосвязи. Помимо технико-технологических задач, анализируются также экономические и политические цели кооперации в сфере телекоммуникаций.

Ключевые слова: телекоммуникации, телеграф, телефон, радио, международное сотрудничество, социалистические страны, восточный блок

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Миркин В.В. Научно-техническое партнерство в процессе создания межгосударственной телекоммуникационной системы стран восточного блока (конец 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 147–153. doi: 10.17223/15617793/513/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/17

Scientific and technical partnership in the process of creating an interstate telecommunications system of the Eastern Bloc countries (late 1950s)

Vladimir V. Mirkin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vvmvcv@gmail.com

Abstract. The article aims to trace the process of creating an interstate telecommunications system of the countries of the socialist commonwealth on the eve of the formation of a specialized structure – the Organization for Cooperation of Socialist Countries in the Field of Electrical and Postal Communications (late 1950s). The role of scientific and technical cooperation in this process, the basic directions and priorities of such a partnership are established. The article shows how, during the unfolding confrontation between the "capitalist" and "socialist" worlds, the Soviet Union, as one of the poles of the emerging bipolar world, made efforts to build its "external" telecommunications system, uniting the national communication systems of the states of the socialist camp – including for lobbying its interests in international communication organizations of a global scale. Another important aim to identify the degree of need for institutionalization of interstate partnership in the field of telecommunications is to analyze the state, quantitative and qualitative parameters of the interstate telecommunications complex in the context of its main components: telephone, telegraph and radio communications. Telecommunication networks of the countries of the socialist commonwealth were at different stages of development: each of them had its own size, scale and structure, features of the equipment and technologies used, personnel and administrative-managerial specifics. The general characteristics of the quantitative and qualitative parameters of the interstate telecommunications system of the countries of the socialist camp convincingly showed that this system was at the initial stage of its formation. It was concluded that only coordinated efforts of the member countries of the commonwealth made it possible to create an effective, well-functioning system of interstate communications, capable of competing and interacting on an equal footing with similar systems of capitalist states. In addition to technical and technological tasks, the economic and political goals of cooperation in the field of telecommunications are also analyzed. Despite the fact that the unification of the administrative and managerial component was a priority task of combining efforts in the creation of the Organization, the most important economic priorities of the telecommunications sphere were also taken into account. They corresponded, first of all, to the needs of each individual state in profitability, optimal use of personnel, achieving the maximum level of technical development, etc. Among the political tasks of interstate cooperation, it is necessary to pay attention, first of all, to the fact that this way the Soviet Union even more tightly "tied" the participating states to the socialist commonwealth – this time, in the field of telecommunications. Despite the fact that in a political sense the

organizational foundation of the activities of the Organization were the international agreements reached in the UPU and ITU, the organization was an incomparably more compact and authoritarian association than world-class organizations. The Organization developed politically, economically and technically justified decisions, rather than scientific and technical recommendations, that were binding and were jointly adopted and implemented.

Keywords: telecommunications, telegraph, telephone, radio communication, international cooperation, socialist countries, eastern bloc

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2024-0008.

For citation: Mirkin, V.V. (2025) Scientific and technical partnership in the process of creating an interstate telecommunications system of the Eastern Bloc countries (late 1950s). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 147–153. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/17

Географическое положение Советского Союза имело определяющее значение для организации и эксплуатации межгосударственных транзитных коммуникаций стран Европы и Азии – маршрутов международной телефонной, телеграфной и радиосвязи. Бурное развитие во второй половине 1950-х гг. транспорта, радио- и телевизионных технологий в рамках послевоенного содружества социалистических государств требовало принятия скоординированных решений по целому ряду научно-исследовательских проблем их использования. Между тем до 1957–1958 гг. в восточном блоке не существовало организации, курировавшей вопросы международного сотрудничества в сфере телекоммуникаций. Тематика научно-технического межгосударственного партнерства в сфере связи в целом, несмотря на свою актуальность, в отличие от проблем экономического (в рамках СЭВ), военного и прочего сотрудничества осталась за рамками внимания исследовательского сообщества. Целью данной статьи является попытка, с одной стороны, охарактеризовать научно-техническое партнерство в сфере телекоммуникаций накануне формирования соответствующей профильной организации – Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи (ОСС, 1957 г.), с другой – показать состояние межгосударственной системы телекоммуникаций стран социалистического лагеря в момент формирования данной организации и первые годы ее существования.

Советский Союз к моменту образования ОСС обладал круглосуточной межгосударственной телефонной связью практически со всеми странами социалистического лагеря¹. Исключение составляли телефонные коммуникации между СССР и КНДР, осуществлявшиеся не круглосуточно, а по согласованному графику. Кроме того, телефонная связь с Вьетнамом устанавливалась индивидуальным порядком через промежуточные трансляции КНР. Для организации телефонных коммуникаций использовались магистральные каналы подземных и наземных линий связи; в дополнение к ним по определенному графику для индивидуальных сеансов связи эксплуатировались радиоканалы между Москвой – Пекином и Шанхаем, а также Москвой – Тираной. Радиорелейная связь на межгосударственных телефонных маршрутах в конце 1950-х гг. не использовалась.

Технологическим фундаментом международной телефонной сети социалистических стран являлись кабельные системы В-24 и В-12 с эффективной полосой

пропускания 3,1 кГц, а также устаревшие к тому моменту комплексы типа МЕ-8 с шириной канала 2,3 кГц. На отдельных маршрутах также функционировали кабельные системы «М» (нижняя частота) и «L» (двухканальная система) с полосой пропускания 2,4 кГц. Наземные телефонные коммуникации базировались на воздушных линиях из цветных металлов, уплотненных многократными системами В-12 и В-3 [1. С. 1]. Несмотря на стабильный рост объема межгосударственного телефонного трафика (от 20 до 40% ежегодно), следует подчеркнуть, что телефонные сообщения между социалистическими странами функционировали без использования современной на тот момент полуавтоматической процедуры установления соединений. Невысоким был и коэффициент использования межгосударственной телефонной сети – в дневное рабочее время он составлял от 30 до 40% и изменялся разнонаправленно в отдельные дни недели.

Большая протяженность межгосударственных телефонно-телеграфных маршрутов (например, Москва – Ханой 10,5 тыс. км, Прага – Пекин 10,4 тыс. км, Берлин – Шанхай 10,7 тыс. км, Тирана – Пхеньян 14,4 тыс. км и т.д.), проходивших через районы с резко отличающимися между собой климатическими и метеорологическими условиями, обуславливала их подверженность неблагоприятным природным явлениям и техногенным факторам: грозовые разряды, гололед, штормы, ледоходы и разливы рек, промышленные помехи (в первую очередь воздействие электрифицированных железных дорог), эрозия почв и резкие перепады температур. Поэтому для обеспечения безотказной работы и поддержания заданных электрических параметров линейно-станционного хозяйства связи необходимо было постоянно искать более совершенные методы его технической эксплуатации.

Качественные параметры телефонной сети в СССР оценивались по действовавшим тогда стандартам ССИТ². Однако, поскольку системы последнего поколения были доступны не на всех маршрутах межгосударственной телефонно-телеграфной связи, для отдельных участков сети в Советском Союзе были разработаны и настроены временные стандарты телефонной связи с несколько большим допуском в отношении разностей частот остаточного затухания и суммарных помех в каналах.

Межгосударственные телеграфные коммуникации с большинством стран восточного блока осуществлялись с использованием современной для того времени технологии – каналов тональной частоты.

С некоторыми из государств поддерживалась также радиотелеграфная связь – в соответствии с выработанным графиком или по индивидуальным соглашениям. При этом телеграфный обмен с Албанией и Югославией осуществлялся по радио, и только в отдельных случаях Москва и Белград пользовались проводной телеграфией. КНДР связывалась с Советским Союзом через владивостокский телеграф, а Вьетнам, по аналогии с телефонными сообщениями, использовал в качестве транзитных узлы связи КНР. Объем межгосударственных телеграфных коммуникаций, в отличие от телефонной связи, не демонстрировал столь однозначную тенденцию роста. На отдельных направлениях фиксировался определенный спад, на других – незначительный рост³, что подтверждало постепенную утрату интереса к документальной связи в тех случаях, когда ее можно было заменить более оперативными телефонными сообщениями.

Последняя телеграфная новинка того времени – межгосударственная абонентская телеграфия (Телекс) – была введена в эксплуатацию в Москве с 1956 г. К 1957 г. телекс уже использовался Болгарией, Венгрией, ГДР, Польшей, Румынией, Чехословакией, Югославией и некоторыми другими европейскими странами. Между перечисленными государствами⁴ были также установлены фототелеграфные маршруты. Показательно, что объем коммуникаций с использованием новейших технических достижений того времени был в рассматриваемый период мизерным, поскольку требовал существенных технических, кадровых и материальных ресурсов. Число фототелеграфных сообщений измерялось в десятках (реже – сотнях) фототелеграмм в год; телексная связь и вовсе насчитывала столь незначительное число абонентов, что воспринималась скорее как техническая диковинка, нежели оперативный и качественный канал документальной связи.

В сфере радиосвязи регулярные межгосударственные трансляции были налажены между Москвой и Варшавой, Берлином и Прагой. В отдельных случаях программы вещания транслировались в Венгрию, Румынию, Болгарию и Китай по проводным линиям связи. Для радиопередачи использовались каналы, оснащенные экранированными пупинизированными парами проводов междугородных кабельных линий, а также высокочастотные двойные каналы с применением разработанной в СССР радиосистемы для диапазона частот 60–7300 Гц. На ряде маршрутов использовались общие телефонные каналы. Наконец, на одном из участков межгосударственной телефонно-телеграфной сети – Львов – Мукачево – радиоканал был оборудован четверками телефонных кабелей.

Качественные параметры работы системы межгосударственной телефонной и телеграфной связи характеризовались, главным образом, данными о технических неисправностях коммуникационных каналов. Количество повреждений в инфраструктуре международной связи, составляя тысячи эпизодов продолжительностью тысячи каналов-часов⁵, редко, однако выходило

за пределы нескольких процентов от общей продолжительности функционирования линий и станций электросвязи, что свидетельствовало, в свою очередь, об относительной устойчивости их работы.

Анализ причин технических сбоев на межгосударственных линиях связи показывал, что наибольшее количество случаев и максимальная продолжительность перерывов в их работе были вызваны частой, длительной, а также незапланированной настройкой, ремонтом линейных каналов. Причины кратковременных перерывов в работе коммуникаций зачастую и вовсе оставались неустановленными. В Советском Союзе причины технических сбоев в работе системы межгосударственной связи в первую очередь включали влияние неблагоприятных метеоусловий на высокочастотные каналы – воздействие ионосферы и гололеда на воздушные линии из цветных металлов.

Общая характеристика количественных и качественных параметров межгосударственной системы телекоммуникаций стран социалистического лагеря убедительно показывала, что данная система находилась на начальном этапе своего формирования. Только скоординированные усилия стран – участниц сотрудничества позволили бы создать действительно эффективную, отлаженную систему межгосударственных коммуникаций, способную, с одной стороны, конкурировать, с другой – взаимодействовать на равных с аналогичными системами капиталистических государств.

В этой связи научно-техническое партнерство, безусловно, рассматривалось в качестве базиса, принципиального условия генезиса межгосударственной системы телекоммуникаций. До 1957 г. обмен технической информацией и координация научных исследований между социалистическими странами, как первый этап этого процесса, осуществлялись посредством генеральных соглашений, которые заключались министерствами связи стран народной демократии и Советским Союзом, а также между научно-исследовательскими институтами связи СССР, Польши и Венгрии. Подобные соглашения предусматривали научно-техническое сотрудничество в сфере радиовещания и телевидения, обмен специальными делегациями, регулярный обмен научно-технической литературой, техническими заданиями, документами на актуальные разработки и в отдельных случаях – планами научно-исследовательских работ.

В рамках данных соглашений в 1956–1957 гг. состоялись совместные научно-технические конференции по развитию телевизионной техники (Ленинград) и по вопросам автоматизации телефонных сообщений (Ленинград, Варшава и Прага). В соответствии с резолюциями данных конференций развернулась совместная работа в области наиболее перспективного и актуального на тот момент направления телефонной связи – автоматизации телефонного трафика. Автоматизация телефонных коммуникаций подразумевала создание координатных станций и систем международной полуавтоматической телефонной связи, для чего были разработаны единые технические требования и распределены обязанности между странами.

Однако то, что было к тому моменту достигнуто и являлось достаточным для научно-технического сотрудничества, было совершенно недостаточным для кооперации сообщества исследователей и практиков, а также более эффективного использования достижений науки и техники в области телекоммуникаций. Анализ тематического плана научных исследований и текущих технических разработок научно-исследовательских институтов связи, промышленных лабораторий Венгрии, министерства связи СССР позволял сделать вывод о том, что координация этой работы была организована неэффективно: имели место параллельные разработки; завершённые технологические проекты зачастую не внедрялись в серийное производство других стран содружества. Частично это объяснялось тем, что профильные министерства не входили в состав Постоянной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству Совета экономической взаимопомощи.

Очевидным и логичным выходом из сложившейся ситуации являлось создание международной организации для координации усилий по эксплуатации и развитию межгосударственной системы электросвязи в рамках социалистического блока. Теоретическим и организационным фундаментом для создания такой организации послужили предложения Советского Союза и ГДР как двух главных партнеров в системе межгосударственной электросвязи. Предложения были направлены на расширение и более эффективное использование сети телекоммуникаций между социалистическими странами, более тесное сотрудничество и интенсификация обмена опытом и технологиями как в сфере науки и техники в целом, так и конкретно в области почты, электросвязи и смежных отраслях.

Представители Министерства связи Советского Союза, определив перечень научно-исследовательских институтов и прочих организаций, на базе которых предполагалось развернуть совместную исследовательскую работу, а также перейти к практическому применению полученных результатов (подробнее см.: [2. С. 41]), сформулировали основные направления научного и технического сотрудничества, проблематика которого включала как наиболее актуальные для того времени теоретические исследования, так и практические разработки технологий и техники дальней связи.

В сфере дальней связи сотрудничество подразумевало исследования в области статистической теории связи, разработку волноводных линий и использование в технике связи полупроводников. В телефонной связи партнерство включало проектирование систем полуавтоматической и полностью автоматической междугородней телефонной связи, координатных телефонных станций, высокочастотных телефонных систем с большим количеством каналов для симметричных и коаксиальных кабелей, а также создание АТС с бесконтактными соединителями. В телеграфной связи основными направлениями совместной работы были: разработка устройств для автоматизации телеграфного обмена, создание электронной аппаратуры телеграфии и фототе-

леграфии, а также совершенствование систем тонального телеграфирования. Наконец, в сфере радиосвязи и вещания координация усилий была направлена на разработку систем автоматизации радиосвязи, совершенствование систем средне-, длинно-, коротко- и ультракоротковолновых систем эфирного радиовещания, а также оборудование проводного вещания [3. С. 1–3].

Предложения ГДР были сгруппированы по отраслям связи и включали в себя несколько категорий вопросов – в области дальней связи (электросвязи), коммерческого радио, телевидения, распределения частот и почтовой связи. Связисты Германии подчеркивали необходимость принципиального согласования технических условий эксплуатации линий связи, стандартизации использования кабельной техники, использования единых методов изоляции в случае неисправностей, обозначения и коммутации линий связи. Поскольку расширение радиочастот с использованием последних на тот момент технических стандартов представляло собой значительное инвестиционное бремя, представлялось целесообразным проанализировать существовавшие прямые коммуникации между социалистическими и «внешними» странами, чтобы установить экономически оптимальный режим совместного использования радиосистем [4. С. 1–8]. Кроме того, планировалось разработать и применить единую однополосную технологию в сфере радиосвязи. Для интенсификации культурного обмена внутри социалистического лагеря предлагалось также создать технические условия для создания единого центра телевизионных трансляций, по аналогии с существовавшим к тому моменту в «капиталистических» странах Евровидением.

Существенная часть предложений касалась сферы почтовой связи. Среди наиболее актуальных проблем фигурировала оптимизация железнодорожного и воздушного почтового сообщения, включавшая создание дополнительных маршрутов железнодорожных почтовых вагонов, организацию стыковочных и транзитных маршрутов, а также покрытие транспортных расходов по перевозке от 10 до 20 кг авиакорреспонденции в обратном направлении страной-владельцем транспортного средства. Дружественным социалистическим странам предлагалось также заключать соглашения о ремонте поврежденных железнодорожных почтовых вагонов других стран содружества, находившихся на их территории. Адаптация железнодорожного и воздушного почтового сообщения к потребностям администраций связи предполагала принимать во внимание многочисленные запросы министерств связи при составлении расписаний железных дорог (главным образом, для стыковочных маршрутов международного сообщения). То же касалось и лоббирования позиции администраций связи в вопросах формирования расписания полетов – в первую очередь на маршрутах с низкой частотой рейсов. Целью являлось исключение задержек почтовых отправок при формировании стыковочных рейсов, поскольку во многих случаях время их доставки из-за пропущенных стыковок в несколько раз превышало фактическое время транспортировки.

Для решения перечисленных проблем проект ГДР, поддержанный Советским Союзом, подразумевал создание профильной международной организации в составе нескольких комиссий: по вопросам электросвязи, технического обслуживания в сфере телекоммуникаций, перспективному планированию в сфере электросвязи, коммерческой радиосвязи, телевидению, радионаблюдению, почтовой связи. Предложенный состав комиссий послужил своеобразным организационным фундаментом для формирования структуры ОСС [5].

Несмотря на то, что при создании ОСС подразумевалось в первую очередь объединение административно-управленческого компонента, а не хозяйственного сектора отрасли, в работе организации учитывались также и важнейшие экономические приоритеты телекоммуникационной сферы. Они соответствовали, прежде всего, потребностям каждого отдельного государства – члена организации – в рентабельности, оптимальном использовании кадров, достижении максимального уровня технического развития и др. Вместе с тем и в этом случае научно-техническое сотрудничество выступало в качестве важнейшего экономического преимущества.

Почти все министерства связи социалистических стран имели в своем распоряжении один или несколько профильных научно-исследовательских институтов, которые подчинялись им напрямую. Наиболее авторитетными и влиятельными учреждениями среди них являлись ЦНИИС (Центральный научно-исследовательский институт связи, Москва), НИИТС (Научно-исследовательский институт техники связи, Ленинград), VUS (Научно-исследовательский институт связи, Прага), IPF – Berlin №4 (Институт почты и электросвязи, Восточный Берлин), BRF (Производственная лаборатория радио и телевидения, Берлин-Адлерсхоф), Instytut Łączności (Институт почты и электросвязи, Варшава) [6. С. 26–27]. Заслуженной репутацией обладали также профильные институты в Будапеште и Пекине; все прочие исследовательские учреждения играли второстепенную роль. Стоит подчеркнуть, что максимальный эффект научно-технического сотрудничества упомянутых учреждений, безусловно, достигался в производстве. В частности, ряд научных разработок Советского Союза (система передачи К-1800, В-120 и др.) нашли широкое применение в странах социалистического содружества, а система В-60 к концу 1950-х гг. уже была внедрена во всех дружественных СССР странах.

В сфере почтовой связи, как самого доступного и массового на тот момент вида коммуникаций, межгосударственное партнерство демонстрировало максимальную эффективность и результативность. Количество использовавшейся почтовой техники в отдельных странах содружества было столь незначительным, что ее серийное производство «в одиночку» являлось нецелесообразным. Очевидно, в этой ситуации только «большие» страны, обладавшие достаточным производственным, экономическим потенциалом в сфере коммуникаций, могли взять на себя задачу массового выпуска техники, призванной исключить (или по край-

ней мере заметно облегчить) ручной труд в столь трудоемкой сфере, как обработка почтовой корреспонденции. Среди первоочередных задач фигурировала организация производства автоматов по продаже газет, средств автоматизации и механизации для почтового транспорта, передвижных подъемных устройств для механизированного обмена грузов с контейнерами и т.п. Интересы экономической эффективности и рентабельности диктовали необходимость организации крупного производства данных технических средств в одной из стран восточного блока для всех остальных его участников. Такое своеобразное «импортозамещение» позволяло в значительной степени обеспечить технологическую независимость от зарубежных стран (по крайней мере в технике связи), одновременно стимулируя научные исследования в данной области. До начала координации работ в рамках ОСС научные исследования в сфере коммуникаций находились преимущественно в руках так называемых промышленных институтов, разрабатывавших образцы оборудования для разных отраслей экономики. Институты электрической и почтовой связи формулировали для них технические задания, контролировали работу и, наконец, запускали технические образцы в серийное производство. С началом широкомасштабной деятельности ОСС институты связи начали в большей степени заниматься исследовательскими задачами, которые отныне превалировали над другими направлениями работы.

Создание «Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи», безусловно, преследовало также и ряд политических целей. С ростом экономической независимости страны восточного блока все больше политически изолировались от капиталистического запада. В этом контексте ОСС являлась еще одним инструментом, используемым Советским Союзом для того, чтобы государства-участники были крепче «привязаны» к социалистическому содружеству – на этот раз в сфере телекоммуникаций.

Как известно, ряд социалистических государств (включая зону советской оккупации Германии) не входили ни во Всемирный почтовый союз (ВПС), ни в Международный союз электросвязи (МСЭ). При этом страны восточного блока, являвшиеся членами упомянутых мировых организаций, в соответствии с одной из первых резолюций ОСС, обязывались представлять интересы «государств-изгоев». Кроме того, на них возлагалось обязательство всеми доступными средствами содействовать приему таких стран в ВПС и МСЭ. К числу сопутствующих обязательств относилась трансляция некоторых протестных резолюций – таких как протест Северного Вьетнама против предполагаемого нарушения почтовой тайны Южным Вьетнамом (Берлинская конференция) и др.

Анализ решений первых конференций ОСС дает достаточно полное представление о политических намерениях социалистического содружества в сфере связи. В отличие от других международных социалистических организаций, Советский Союз не позиционировал себя в ОСС как «старший брат». Это должно

было продемонстрировать другим участникам содружества (в частности, азиатским странам) демократические принципы принятия решений, по крайней мере в сфере телекоммуникаций. В противовес дистанцированию от почтовых и электрических коммуникаций с западными странами, расширение телекоммуникационной сети внутри восточного блока продвигалось достаточно интенсивно. При этом социалистические страны, находившиеся на «переднем крае борьбы с империализмом», получали преференции в развитии системы электросвязи и телевизионного вещания, критических важных в обстановке холодной войны. Так, на Пражской конференции 1958 г., в первую очередь, ГДР, а также Китай и СССР почти без обсуждения получили желаемые радио- и телевизионные частоты. Стоит отметить и интенсивный обмен внутри восточного блока технологиями глушения радиосигналов недружественных государств.

Большинство резолюций и мероприятий в сфере почтовой связи также было направлено на интенсификацию интеграционных процессов внутри стран содружества, стимулируя увеличение почтовых коммуникаций и, по возможности, облегчая их. Так, безусловно, политически мотивированным являлась отмена пошлины на пересылаемые по почте сувениры, сопровождавшие туристический и культурный обмен между государствами. В обоснование этого предложения указывалось, в частности, что пионеры, подружившиеся благодаря устраиваемым в средних учебных заведениях акциям «международной переписки», интенсивно обменивались пионерскими галстуками и другими символами социализма. Под «другой символикой» подразумевались открытки с видами городов, значки, вымпелы и т.п. Однако с экономической точки зрения вряд ли такие освобожденные от пошлины предметы могли в действительности представлять материальную ценность.

Хотя организационным фундаментом деятельности ОСС являлись достигнутые в ВПС и МСЭ международные соглашения, она представляла собой несравненно более компактное и авторитарное объединение, нежели организации мирового уровня. Внутри ОСС не столько вырабатывались научно-технические рекомендации, сколько совместно принимались и реализовывались политически, экономически и технически обоснованные решения, обязательные к исполнению. Поскольку опасность полного разрыва стран ОСС с другими международными организациями представлялась на тот момент весьма реалистичной, приоритетом в деятельности содружества являлось достижение технико-технологического уровня капиталистических стран в сфере телекоммуникаций. В этой связи стоит отметить, что научно-исследовательские работы специалистов технологически наиболее продвинутого

члена ОСС – ГДР – в своей тематике и практических разработках отставали от европейских капиталистических стран минимум на восемь-десять лет. В частности, в то время, когда страны восточного блока находились в процессе внедрения систем с несущей частотой на 60 каналов (V-60), в соседних капиталистических государствах уже функционировали аналогичные более мощные системы – V-960 – и разрабатывались комплексы емкостью более чем 1 000 каналов.

В погоне за достижением технологического уровня капиталистических стран в сфере телекоммуникаций, как обнаружится позднее, страны социалистического содружества делают ставку на телевизионное вещание, в ущерб всем остальным видам электросвязи. Телевидение, являясь в большей степени средством массового информирования, нежели технологией коммуникации, по аналогии с радиосвязью в 1920-е гг., представлялось наиболее эффективным воспитательно-идеологическим, пропагандистским инструментом. Телевидение (и радио) социалистических стран противопоставлялось по содержанию, целям и задачам аналогичным средствам вещания капиталистического мира. Если, по мнению участников ОСС, средства связи в капиталистических государствах использовались для достижения коммерческих целей, а также для «борьбы империализма против социалистических стран», международного рабочего, коммунистического, национально-освободительного движения, то телевидение и радио стран восточного блока являлись в первую очередь «оружием в борьбе против буржуазной идеологии» и выступали как «могучая организующая сила в решении задач социалистического (коммунистического) строительства» [7. С. 112].

Таким образом, несмотря на то, что процесс кооперации в сфере телекоммуникаций между социалистическими странами начался позднее, чем в других сферах общественной жизни, степень влияния межгосударственной телекоммуникационной системы на регулярное и эффективное экономическое, политическое, культурное сотрудничество нельзя переоценить. Процесс «строительства социализма и коммунизма» в понимании «строителей» той эпохи был невозможен без разносторонней, технически совершенной и устойчивой связи как внутри, так и между странами социалистического содружества. Принадлежа государству, средства коммуникации в каждой из стран органически включались в ее экономический, хозяйственный комплекс и являлись необходимым условием многообразных и разносторонних межгосударственных связей. Поэтому перманентное расширение и развитие взаимоотношений между социалистическими странами в рассматриваемый период сопровождалось неизбежным прогрессом в технологиях и технике телекоммуникаций.

Примечания

¹ Албанией, Болгарией, Венгрией, ГДР, КНР, Монголией, Польшей, Румынией, Чехословакией и Югославией.

² Comité Consultatif International Télégraphique et Téléphonique – Международный консультативный комитет по телеграфии и телефонии (МККТТ). Образован в 1956 г. В 1993 г. переименован в Сектор стандартизации электросвязи Международного союза электросвязи (МСЭ-Т).

³ В частности, на линиях Москва – Прага, Москва – Будапешт, Москва – Улан-Батор и др.

⁴ За исключением Болгарии и включая КНР.

⁵ Например, за первую половину 1957 г. произошло 8 815 случаев повреждений продолжительностью 5 535 каналов-часов, что составляло 4,7% общего объема работы.

Список источников

1. Referat des Ministeriums für Verbindungswesen der UdSSR - über die betriebs-technischen Kennziffern der zwischenstaatlichen Fernsprech- und Telegraphenverbindungen mit den sozialistischen Ländern und die Vorschläge über eine weitere Vervollkommnung des Betriebes dieser Verbindungen // Bundesarchiv (Berlin – Lichterfelde) (BArch). DM 3/4211. S. 1–23.
2. Миркин В.В. Роль «Организации сотрудничества социалистических стран в области электрической и почтовой связи» (ОСС) в формировании межгосударственной системы электросвязи (конец 1950-х гг.). // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2022. Т. 9, № 4 (36). С. 38–50. doi: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).38-50
3. Referat über die technischwissenschaftliche Zusammenarbeit, den gegenseitigen Austausch von technischen Informationen und die Koordinierung der wissenschaftlichen Forschungsarbeiten (1957) // Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 (Referate). BArch. DM 3/4211. S. 1–5.
4. Referat über die Zusammenarbeit auf dem Gebiet des Betriebes und des weiteren Ausbaues der Nachrichtenverbindungen zwischen den sozialistischen Ländern. (Zum Pkt.2 des sowjetischen Vorschlages zur Tagesordnung) // Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 (Referate). BArch. DM 3/4211. S. 1–8.
5. Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch). BArch. DM 302/4601.
6. Petruszek, Mirosław. Post- und Fernmeldewesen im Ostblock: ein Bericht über die zwischenstaatliche Organisation des Post- und Fernmeldewesens im Ostblock (OSS) // SBZ-Archiv: Dokumente, Berichte, Kommentare zu gesamtdeutschen Fragen. 1961. № 12. S. 26–30
7. Денисов М.А., Стернина А.Б. Роль средств связи в развитии отношений между странами социализма // Социальные проблемы развития средств связи. Л., 1965. С. 107–113.

References

1. Bundesarchiv (Berlin – Lichterfelde) (BArch). DM 3/4211. S. 1–23. *Referat des Ministeriums für Verbindungswesen der UdSSR - über die betriebs-technischen Kennziffern der zwischenstaatlichen Fernsprech- und Telegraphenverbindungen mit den sozialistischen Ländern und die Vorschläge über eine weitere Vervollkommnung des Betriebes dieser Verbindungen.*
2. Mirkin, V.V. (2022) Rol' "Organizatsii sotrudnichestva sotsialisticheskikh stran v oblasti elektricheskoy i pochtovoy svyazi" (OSS) v formirovani mezhgosudarstvennoy sistemy elektrosvyazi (konets 1950-kh gg.) [The Role of the "Organization for Cooperation of Socialist Countries in the Field of Electrical and Postal Communication" (OSS) in the Formation of the Interstate Telecommunications System (Late 1950s)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. 9 (4 (36)). pp. 38–50. doi: 10.24147/2312-1300.2022.9(4).38-50
3. BArch. DM 3/4211. S. 1–5. *Referat über die technischwissenschaftliche Zusammenarbeit, den gegenseitigen Austausch von technischen Informationen und die Koordinierung der wissenschaftlichen Forschungsarbeiten (1957).* Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 (Referate).
4. BArch. DM 3/4211. S. 1–8. *Referat über die Zusammenarbeit auf dem Gebiet des Betriebes und des weiteren Ausbaues der Nachrichtenverbindungen zwischen den sozialistischen Ländern. (Zum Pkt.2 des sowjetischen Vorschlages zur Tagesordnung).* Material der OSS-Konferenz Moskau 1957 (Referate).
5. BArch. DM 302/4601. *Abschlußakte der VI. OSS-Ministerkonferenz 1965 (deutsch/russisch). Abschlußakte der IV. OSS-Ministerkonferenz 1961 (russisch). Abschlußakte der III. OSS-Ministerkonferenz 1959 (russisch).* (1959, 1961, 1965).
6. Petruszek, M. (1961) Post- und Fernmeldewesen im Ostblock: ein Bericht über die zwischenstaatliche Organisation des Post- und Fernmeldewesens im Ostblock (OSS). *SBZ-Archiv: Dokumente, Berichte, Kommentare zu gesamtdeutschen Fragen*. 12. pp. 26–30.
7. Denisov, M.A. & Sternina, A.B. (1965) Rol' sredstv svyazi v razvitiy otnosheniy mezhdu stranami sotsializma [The Role of Communications in the Development of Relations Between Socialist Countries]. In: *Sotsial'nye problemy razvitiya sredstv svyazi* [Social Problems of the Development of Communications]. Leningrad. pp. 107–113.

Информация об авторе:

Миркин В.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vvmvcv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Mirkin, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vvmvcv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024;
одобрена после рецензирования 29.01.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 29.11.2024;
approved after reviewing 29.01.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 636.082:94(470.12)
doi: 10.17223/15617793/513/18

Основные направления селекции и кормообеспечения молочного скотоводства в Вологодской области в 1930-е гг.

Василий Анатольевич Саблин¹, Светлана Валентиновна Тимошина²

^{1,2} Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

¹ Sablin@inbox.ru

² timohina68@mail.ru

Аннотация. Анализируются основные направления селекционной работы в молочном скотоводстве Вологодской области в 1930-е гг. Рассмотрены проводившиеся реформы по «социалистической реконструкции молочного животноводства» и его коллективизации. Выявлены цели превращения Северного края в «мощную социалистическую фабрику молока и мяса». Подвергнуты анализу процессы коллективизации животноводства Вологодской области и соответствующие планы по метизации крупного рогатого скота в направлении увеличения молочной продуктивности.

Ключевые слова: Вологодская область, исполнительная власть, коллективизация, молочное скотоводство, перепись пород крупного рогатого скота, направления селекции и кормопроизводства, продуктивность стада

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00860, «Автохтонные факторы создания Вологодского молочного бренда в ретроспективе развития животноводства на Европейском Севере России в XX–XXI веках».

Для цитирования: Саблин В.А., Тимошина С.В. Основные направления селекции и кормообеспечения молочного скотоводства в Вологодской области в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 154–161. doi: 10.17223/15617793/513/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/18

Main directions of selection and feed supply for dairy cattle breeding in Vologda Oblast in the 1930s

Vasiliy A. Sablin¹, Svetlana V. Timoshina²

^{1,2} Vologda State University, Vologda, Russian Federation

¹ Sablin@inbox.ru

² timohina68@mail.ru

Abstract. This article aims to examine the main directions of breeding, feed supply, and productivity of dairy cattle farming in the Vologda Oblast's collective agricultural sector on the eve of the Great Patriotic War, thereby filling an existing gap in domestic historiography. The preparation of the scientific article utilized general scientific research methods such as analysis, synthesis, and systematization, as well as special historical-economic methods. The article is primarily based on new archival materials. Their analysis led the authors to conclude that in the 1930s, the completion of the collectivization of cattle in Vologda Oblast was accompanied by plans to specialize the livestock sector towards dairy farming. The foundation of the industry was formed by collective farms' dairy farms and specialized state animal breeding farms (sovkhozes). The number of cattle in the collective farms of Vologda Oblast increased from 311 thousand head in 1933 to 458 thousand head in 1939. A livestock census conducted in 1932 across the USSR to identify the main cattle breeds in the socialized sector of the economy subsequently allowed for the regional gradation of cattle breeds. In 1938, the Organizing Committee of the All-Russian Central Executive Committee for Vologda Oblast, when drawing up plans for breed zoning, identified districts for dairy herds of the Yaroslavl breed, the Kholmogory breed, and the mixed East Friesian and Kholmogory breed. Specialized state farms, two state breeding nurseries for cattle, the Vologda Regional Experimental Livestock Station, and the Vologda Institute of Dairy Farming were engaged in the tasks of rapidly and qualitatively improving the collective farm herd and increasing the productivity of cattle in the region. Some breeding stock was supplied beyond the region. Using specific data, the authors demonstrate that on the eve of the Great Patriotic War, Vologda Oblast assumed a leading position in the USSR regarding the development of sire breeds, the expansion of herds of breeding bulls, and the associated technologies for artificial insemination of animals. Concurrently with improving the breed composition and milk yield of the cattle herd, the issue of enhancing feed procurement and supply for dairy cattle farming was addressed. Agronomic techniques for silage crops, seed production of meadow grasses, creation of high-yielding artificial hayfields and pastures, and systems for their

utilization were developed. Issues concerning the nutritional value of local feed resources, mineral supplements, etc., were studied. The results achieved in the breeding and feed supply for dairy cattle farming in Vologda Oblast in the 1930s were gradually introduced into the practice of collective farm production.

Keywords: Vologda region, executive power, collectivization, dairy cattle breeding, cattle breed census, directions of breeding and feed production, herd productivity

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00860.

For citation: Sablin, V.A. & Timoshina, S.V. (2015) Main directions of selection and feed supply for dairy cattle breeding in Vologda Oblast in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 154–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/18

Введение

Проблема развития сельского хозяйства и коллективного животноводства в 1930-е гг. является одной из важнейших тем советской и постсоветской историографии. Как правило, авторы акцентируют внимание на социальных аспектах коллективизации и несколько меньше – на вопросах изменения условий производства в аграрном секторе в целом и животноводческой отрасли в частности. Только в обобщающих работах по истории крестьянства, в частности советского крестьянства, проблема обозначалась в контексте реализации указаний правящей партии в этой отрасли аграрного производства [1, 2]. Проблематика развития пород молочного скота, характера селекции и вопросов кормоснабжения и рационализации питания скота, таким образом, фактически не отражена в исторических исследованиях. Исторический контекст данной проблемы лишь в определенной степени обозначен в специальных изданиях [3] либо учебных пособиях [4].

Применительно к региону Европейского Севера проблема племенного отбора и селекции частично нашла отражение в работах Глумной М.С. и Самойличенко Е.Е. [5. С. 27–49] и специализированном труде по истории вологодского маслоделия [6].

Задачи и методы исследования

С учетом слабой историографической разработки данная статья преследует цель изучить вопрос об основных направлениях селекции и кормообеспечения и продуктивность молочного скотоводства Вологодской области на завершающей стадии коллективизации крестьянского производства и в предвоенные годы и тем самым восполнить образовавшуюся исследовательскую лакуну.

В подготовке научной статьи использованы общенаучные методы исследования – анализ, синтез, систематизация, а также специальные историко-экономические методы. В частности, историко-генетический метод, позволяющий раскрыть основные составляющие молочного сегмента экономики Вологодского региона, показать воздействие политических и административных реформ на состояние отрасли, выявить через единичные явления общих черт развития отрасли, синхронный метод, позволяющий при рассмотрении исследуемых явлений в отмеченный временной период исследовать их локальные особенности.

Содержание исследования

В 1929–1930 гг. началась административная реформа на Европейском Севере страны. 1 октября 1929 г. был создан Северный край с центром в Архангельске в составе пяти округов. Вологодская губерния фактически в полном составе вошла в административные границы Вологодского округа. В июле 1930 г. округа были упразднены и введено новое административно-территориальное деление: край – район – сельсовет. В 1936 г. Северный край был упразднен, на его территории создается Северная область, которая 23 сентября 1937 г. разделена на две области – Архангельскую и Вологодскую [7. Ст. 276].

Все эти административные изменения, с одной стороны, внесли существенные изменения в организацию производства, с другой – сказались на качестве и сопоставимости материалов по истории скотоводческой отрасли экономики региона.

Власти Северного края видели его будущее в лесо-экспортной специализации, в качестве «всесоюзной лесопилки», в то же время край был призван стать «мощной социалистической фабрикой молока и мяса» [8]. В реализации этой второй задачи ставка делалась на Вологодский округ. 25 декабря 1929 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) был заслушан доклад Севкрайкома ВКП(б) «О работе по основным хозяйственным проблемам края», в котором, в частности, подчеркивалось: «Мы считаем, что рядом мероприятий (постройка маслозаводов, поднятие удойности, расширение и окультуривание луговых угодий, мелиорация и т.д.) Северный край может к концу пятилетки довести товарную продукцию масла до 3 мил. п. масла, что даст возможность вывезти из пределов края свыше 2 млн пудов, а также казеина свыше 400 тыс. пудов. Для получения такого эффекта необходимо произвести ряд капитальных затрат – главным образом на мелиоративные работы и постройку обществленных скотных дворов и индустриализацию молочного хозяйства – всего около 75 млн руб. Между тем до настоящего времени со стороны центральных организаций вопросам животноводства Северного края не уделялось должного внимания. Принятые Госпланом контрольные цифры на 1929–1930 гг. фактически не осуществляются (на индустриализацию молочного хозяйства Россельбанк отпустил 700 тыс. руб. вместо намечаемых краем 1 486 тыс. руб., на мелиорацию 536 тыс. руб. вместо 1,5 млн руб. и т.д.)» [9. Л. 8].

15 января 1930 г. по докладу Севкрайкома ВКП(б) было принято решение, одобряющее предложение региональных властей довести к концу первой пятилетки выход товарного масла в крае до 49,2 тыс. т (3 млн пудов) [5. С. 30].

В рамках общей задачи индустриализации молочного хозяйства плановые органы Вологодского округа разработали перспективные направления «социалистической реконструкции молочного животноводства», предполагавшие развитие отрасли на основе крупных молочно-животноводческих совхозов и колхозов и крупных индустриальных молочных заводов. Предполагалось строительство крупного животноводческого хозяйства, в качестве образца для которого был взят организационный план молочно-животноводческого колхозкомбината в Тигине (на площади 20 тыс. га). «Общая площадь хозяйства может быть от 100 до 150 тыс. га. Число молочных коров в таком хозяйстве вполне возможно от 70 до 105 тыс., количество всего молока – от 2 400 тыс. до 3 600 тыс. ц; товарного масла – от 90 540 до 135 800 ц, т.е. больше современного товарного масла по всему округу в 2–2,5 раза» [10. С. 24].

Предполагалось, что организационная структура такого хозяйства-гиганта примет форму государственно-колхозного объединения. Его намеревались создать близ Молочно-хозяйственного института (МХИ). В объединение планировалось включить «совхозы МХИ, опытной станции, Осаново, Ильинское, Северная ферма, Куркино, Миглеево, Еремеево, Остахово и Белозерово».

«Госколхозкомбинат будет представлять гигантское предприятие с могучей энергетической базой, с индустриальным молочным заводом, и, имея здесь крупнейший научно-исследовательский центр в лице молочно-хозяйственного института, явится мощным производственным и научным центром социалистической перестройки молочного хозяйства во всем Северном крае». Такого рода объединение предполагало научную и практическую работу по селекции и повышению продуктивности молочного стада.

Остальные совхозы Вологодского округа также планировалось укрупнить до размеров в 30 тыс. га пашни с увеличением стада молочного скота до 20 тыс. коров. «В районе промышленного маслоделия Грязовецком, Чебсарском, Кубиноозерском, Шуйском и Вожегодском» провести сплошную коллективизацию, на остальной территории округа организовать 8 крупных колхозов на 1 500–2 000 коров каждый [10. С. 25–26].

Определенные шаги по реализации этого плана были сделаны. В частности, «в 1930 году из ряда мелких совхозов на территории института образовался крупнейший совхоз животноводческого направления; молочный завод превратился в самостоятельное предприятие – электрифицированный молочно-консервный завод; опытно-исследовательские учреждения института выделились также в самостоятельную организацию – Северный научно-исследовательский институт молочного хозяйства, реформированный позднее в Областную станцию животноводства» [11. С. 4].

Хозяйственная повседневность скорректировала планы, а впоследствии всякого рода планы по мас-

штабным производственным объединениям без должной основы были осуждены самими властями как гигантомания. Жизнь была гораздо прозаичней. Советские хозяйства, созданные в регионе, были включены в агропромышленное объединение «Союзмаслообъединение» [11. С. 3–13].

На 1 января 1939 г. в Вологодской области насчитывалось 32 крупных животноводческих совхоза с общим поголовьем скота в 31 610 голов, в том числе: 3 320 лошадей, 21 036 голов крупного рогатого скота, включая 9 239 коров и 7 254 свиньи. Следует отметить различную ведомственную подчиненность совхозов области, что в определенной степени затрудняет агрегирование статистических данных по теме исследования. Так, один племсовхоз «Молочное» подчинялся Наркомату совхозов СССР, 15 молочных совхозов – Наркомату совхозов РСФСР, 12 совхозов входили в трест пригородных совхозов Наркомата земледелия РСФСР, 4 совхоза подчинялись Мясоотресту наркомата пищевой промышленности СССР [12. Л. 8].

Что касается колхозов, то «организационной формой товарного молочного животноводства в колхозах стали молочные товарные фермы (МТФ), которые создавались для обеспечения в первую очередь потребностей государства в мясомолочной продукции. Товарность стада МТФ должна была составлять около 80–90% всей валовой продукции. Таким образом, на внутриколхозное потребление предполагалось расходовать не более 10–20%. Именно поэтому уже в самом начале 1930-х гг. молочно-товарные фермы были признаны «лучшей формой организации колхозного товарного молочного животноводства», поскольку позволяли успешно выполнять планы молоко- и маслозаготовок» [5. С. 30–31].

Численность крупного рогатого скота в колхозах Вологодской области на 1 июня 1933 г. составляла, по данным областного управления народно-хозяйственного учета (ОблУНХУ), 311 тыс. голов, на 1 июля 1938 г. – 418,7 тыс. голов, на 1 июля 1939 г. – 458 тыс. голов (по данным оперативного учета областного земельного управления) [13. Л. 7].

Важным аспектом проблемы являлась продуктивность молочного скотоводства, которая во многом определялась породистостью коров. К концу 1920-х гг. в Вологодской губернии преобладали несколько отродий ярославской породы крупного рогатого скота (Чебсарский район являлся племенным резервом домшинской породы, Грязовецкий – семенцевской породы, Вологодский район имел поголовье страдновского отродья холмогорской породы скота) [5. С. 39]. Отметим, что одной из наиболее перспективных местных пород молочного скота считалась «домшинская» порода – ветвь известной «ярославской» породы коров.

В 1930-е гг. первой по важности задачей в коллективном секторе экономики края являлось улучшение породных и племенных качеств сельскохозяйственных животных. С учетом принятых планов производства товарной продукции масла до 3 млн пуд., в регионе приступили к подробному и всестороннему изучению наиболее высокопроизводительных пород крупного рогатого скота.

В феврале 1932 г. Центральным управлением народно-хозяйственного учета СССР (ЦУНХУ СССР) была проведена перепись скота, которая подвела итоги самому первому периоду организации и комплектования обобщественного стада колхозов и совхозов. Важно подчеркнуть, что данный учет, помимо всего прочего, предполагал выявление пород скота и их распространение в СССР. Эта уникальная в своем роде перепись, к сожалению, фактически не введена в должной мере в научный оборот. При этом следует иметь в виду, что в условиях отсутствия сплошной бонитировки скота точное и полное выявление всего чистопородного и улучшенного скота в колхозах и совхозах обычной статистической операцией вряд ли было возможно. Поэтому, по признанию разработчиков переписи, ее итоги представляют собой «лишь первую численную ориентировку в этом малоизученном вопросе, не претендую на совершенную зоотехническую точность данных и абсолютную полноту» [14. С. 5].

В те годы к числу молочных пород с достаточно развитыми мясными качествами была отнесена голландская порода и ее отродье остфризы, представители которой были ввезены для улучшения молочных показателей скота в районы СССР с наиболее развитой молочной промышленностью и в районы, окружающие крупные индустриальные центры страны, для выполнения задач по продовольственному обеспечению горожан.

По данным переписи 1932 г., в СССР в «соцсекторе» насчитывалось 14 610 492 головы крупного рогатого скота, из них в РСФСР 11 389 889 голов (77,96%), в том числе в Северном крае 413 036 голов (2,83%).

В Северном крае в колхозах и совхозных объединениях были учтены 10 198 голов метисного скота (2,5%), 11 639 голов холмогорского скота (2,8%), 2 773 головы ярославского (видимо, с включением в учет местной «домшинской породы») скота (0,67%), 478 остфризов (0,1%).

Судя по итогам переписи скота, доля метисов в Северном крае была практически в 2 раза ниже, чем по стране, а соответственно холмогорского и остфризского скота в 15 и 20 раз выше. Значимые различия говорят о начавшемся районировании местных пород скота и о прилитии в стадо крови голландской породы.

Материалы переписи позволяют сделать аналогичные выводы применительно к породистости стада коров, быков, нетелей, молодняка, а также к ранжированию поголовья скота по типам хозяйств [14. С. 12–13, 22–23, 25–69, 78]. Данные исследования были использованы при составлении планов породного районирования скота, организации государственных племенных рассадников (племенных репродукторов) крупного рогатого скота, а также для улучшения низкопроизводительных стад, для чего использовали перспективный племенной скот (в том числе иностранных пород) и т.д.

Анализ молочной продуктивности матерей племенных быков остфризской породы, завезенных в 1931 г. в возрасте не многим более одного года, а также развитие и живой вес быков в дальнейшем делали весьма перспективной дальнейшую племенную деятельность. Так, средний вес быков в 1932 г. составил 535 кг, в

1933 г. – 725 кг, в 1934 г. – 850 кг, в 1935 г. – уже 905 кг. При этом весьма оптимистичными выглядели показатели роста и развития бычков, полученных от остфризов.

На основе этих данных специалисты сделали вывод о возможности использования привозной породы для улучшения местных пород скота как молочного, так и мясного направления. Данный вывод находил подтверждение в сравнении удоев коров совхоза «Молочное» (после 2 отелов) с данными по удою их предков в восточной Пруссии. Оказалось, что в вологодских условиях при хорошем уходе, содержании, раздое и кормлении удои даже молодых коров оказывались выше, чем на родине (7 000 и более литров за 300 лактационных дней). При этом хорошее развитие показывали как чистопородные остфризские животные, так и их метисы с холмогорским крупным рогатым скотом [15. Л. 1 об.–4].

При сравнении удоев коров остфризской и холмогорской пород, метисов холмогорской и остфризской пород, ярославских коров выяснялось, что удои остфризских метисных коров были выше удоев чистопородных холмогорских коров, равно как удои метисов остфризов с холмогорскими коровами и удои метисов остфризов с местным скотом были выше удоев чистопородных «ярославок» [15. Л. 7–7 об.].

Анализ условий кормления, в частности, при переходе на концентрированные и грубые корма привел к выводу, что метисы остфризов в 9-месячном возрасте догоняли и даже перегоняли чистопородных животных. В полуторагодовалом возрасте группы выравнивались по развитию. На практике это свидетельствовало о выносливости местного вологодского скота (и необходимости создания благоприятных условий кормления и содержания) как о факторе повышения продуктивности животных и скороспелости выращиваемого молодняка (интенсивное развитие в первую половину года жизни теленка) [15. Л. 4 об., 6].

Завершение административной реформы на Европейском Севере страны в 1937 г. и создание Вологодской области позволило областным властям сосредоточиться на вопросах сельского хозяйства и его животноводческой специализации с развитым молочным скотоводством. 19 января 1938 г. Оргкомитет ВЦИК по Вологодской области принял решение о районировании в регионе пород крупного рогатого скота.

В 31 районе области планировалось улучшать молочные гурты ярославской породой (в Грязовецком, Чебсарском, Белозерском, Кадуйском, Тотемском, Биряковском, Вохомском, Павинском, Никольском, Рослятинском, Нюксенском, Тарногском, Сямженском, Череповецком, Вашкинском, Андомском, Петриневском, Борисово-Судском, Чарозерском, Устюженском, Шольском, Оштинском, Чагодощенском, Ковжинском, Кирилловском, Вытегорском, Мясинском, Лежском, Междуреченском, Пришекснинском, Бабаевском). В 10 районах сохранилось улучшение стада холмогорской породой (в Сокольском, Кубено-Озерском, Усть-Кубинском, Харовском, Вожегодском, Кичменгско-Городецком, Велико-Устюгском, Усть-Алексеевском, Верховажском, Леденгском).

В Вологодском районе повышение продуктивности коров предполагалось посредством влияния остфризской и холмогорской пород [5. С. 39].

Для быстрейшего и качественного преобразования стада и роста продуктивности крупного рогатого скота в области было создано 2 государственных племенных рассадника ярославской породы – Вологодский и Пришекснинский. Последний объединял Пришекснинский и Мяксинский районы и обслуживал 264 МТФ, в том числе 55 племенных со стадом в 4 355 голов «чистопородного скота ярославской породы», включая 2 596 коров и нетелей. «В зоне деятельности рассадника в районные племенные книги записано 5 487 голов крупного рогатого скота, в Государственную племенную книгу – 604».

Вологодский госплемрассадник объединял 3 района – Вологодский, Грязовецкий и Чебсарский. Он обслуживал 379 МТФ, «из них 30 племенных, с племенным стадом плановой породы 2159 голов, из которых 1118 чистопородных. В районные племенные книги записано 1525 голов и в Государственную – 492» [12. Л. 12].

В целом по области к 1 января 1939 г. в Государственную племенную книгу было занесено 1 938 голов крупного рогатого скота, в том числе в колхозах 559 голов, в районные племенные книги – 27 026 голов, включая 17 587 голов в колхозах области [12. Л. 17].

Принятый в 1938 г. обстоятельный план поставок племенного скота из совхозов, госплемрассадников и племферм в колхозы области был выполнен на 70,0%. Судя по отчетным материалам областного совещания работников животноводства, состоявшегося в августе 1939 г., из совхозов области «племенной скот продается колхозам тех пород, которые предусмотрены для них планом породного районирования; по крупному рогатому скоту – ярославская для 23, остфризская для 11 и холмогорская для остальных 8 районов» [12. Л. 17].

Было поставлено 1 446 быков и телок ярославской породы, 447 – холмогорской, 636 – остфризской породы [16]. Всего с 1933 по 1939 г. в колхозы Вологодской области было продано области 8 820 голов племенного молодняка крупного рогатого скота [12. Л. 17].

Кроме того, за период с 1936 по 1938 г. совхозы области вывезли за пределы региона 4 370 голов племенного молодняка для укомплектования стада лучших совхозов и племрассадников СССР [12. Л. 17].

Молочные совхозы Вологодской области, в частности те 15 совхозов, которые подчинялись Наркомату совхозов РСФСР, начиная с 1931 г. проводили улучшение стада «путем метизации местного скота с чистопородными быками остфризской и холмогорской пород», в результате стадо, бывшее еще в 1933 г. «в большинстве беспородным, к 1938 г. стало в основном породным стадом». В 1938 г. в этих совхозах насчитывалось 14 923 головы крупного рогатого скота, в том числе 529 чистопородных голов коров и телок и 12 439 метисов. Среди «плановых» пород преобладали «остфризы» – 63,8%, «холмогорки» – 16,2%, «ярославки» – 6,9%, прочие – 13,1%. Быки на 93,0% были представлены чистопородными «остфризами».

Если удои в 1933 г. по этим совхозам не превышали 10–12 ц в год на корову, то в 1938 г. достигли 25 ц [12. Л. 15].

Годовой удой племсовхоза «Молочное» Наркомата сельского хозяйства СССР (имел на 1 января 1939 г. 504 коровы) в 1937 г. в среднем на корову составлял 49,1 ц, а в 1938 г. уже 48 ц, в совхозе «Новое» Наркомата сельского хозяйства РСФСР Сокольского района (имел на 1 января 1939 г. 482 коровы) – соответственно 27,6 и 31,9 ц, в совхозе «Рубцово» треста пригородных хозяйств Наркомата земледелия СССР (имел на 1 января 1939 г. 87 коров) было получено за эти годы 22,4 и 32,4 ц на корову [12. Л. 16].

Всесоюзную известность получил опыт племенной фермы колхоза «Достижение» (зав. фермой Малышев) Пришекснинского района. Здесь в 1938 г. был получен средний удой на 1 корову 2 772,7 кг.

От коровы «Звездка» ярославской породы доярка-стахановка тов. Смекалова получила удой по четвертой лактации (отелу) 6 059 кг при 4,11% жирности. «Звездка» и ее дочь «Зорька» являлись в 1939 г. экспонатами на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Экспертная комиссия присудила «Звездке» диплом I степени и звание чемпиона ярославской породы, а ее дочери «Зорьке» диплом II степени [12. Л. 16].

На местах понимали, что улучшение породности стада молочного скота во многом зависело от отцовской породы. Поэтому в области уже в 1938 г. 84,0% коров было покрыто племенными производителями. В совхозах этот показатель достиг 100,0%. В 1939 г. на случайных пунктах колхозов имелось 7 407 племенных производителей [12. Л. 19].

Вологодская область накануне Великой Отечественной войны заняла лидирующее положение в СССР в технологии искусственного осеменения животных, в первую очередь молочного скота. Здесь очень быстро оценили его преимущества как средства борьбы с яловостью коров, форму экономии корма и облегчения труда, а самое главное, как лучший способ использования наиболее ценных производителей и улучшения породности стада.

Если в 1932 г. в области было 2 пункта искусственного осеменения (покрыто 526 коров), в 1935 г. – 7 пунктов (покрыто 1 860 коров), в 1937 г. – 78 пунктов (покрыто 17 813 коров), то на 1 сентября 1939 г. действовало 134 пункта (покрыто 35 282 коровы). Лидером в этой сфере был Пришекснинский район. Работа была начата в 1932 г., а уже «в 1939 году Пришексна перешла почти полностью на искусственное осеменение скота» благодаря зоотехнику Пришекснинского племрассадника И.И. Перлову, награжденному за это достижение орденом Ленина [12. Л. 19].

Опыт Вологодской области, был представлен на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ). В павильоне «Ветеринария» выставки было выделено 2 стенда для «представления Пришекснинского района и передовиков искусственного осеменения к широкому показу на ВСХВ в 1941 году» [17. Л. 115].

Параллельно с повышением породности и удоистости стада крупного рогатого скота решался вопрос об улучшении кормодобывания и кормообеспечения молочного скотоводства. Повсеместно расширялись посевы однолетних и многолетних трав и кормовых культур в целом. Если в 1913 г. посев кормовых культур в

области занимал площадь в 13,8 тыс. га, что составляло 1,8% ко всей посевной площади, то в 1933 г. – 103,3 тыс. га (10,3%), в 1937 г. – 92,2 тыс. га (8,3%), в 1939 г. – 146 тыс. га (14,9%) [12. Л. 11].

В 1938 г. колхозами области было заготовлено нового вида корма – силоса 225,3 тыс. т [12. Л. 11].

Одним из направлений работы Вологодской областной опытной станции по животноводству (1934–1956) являлась работа «по организации кормовой базы и разработке агротехнических мероприятий, повышающих урожай кормовых культур». Эксперименты начали проводиться с 1938 г. и основывались на изучении «развития молочных коров, находящихся на разных типах кормления и кормовых рационов с раннего возраста (дотельный и постельный периоды)». Апробировалось два типа кормления животных (первый основывался на сене и силосе с небольшим расходом концентратов, второй – на концентратах и меньше на сене и силосе) [18. Л. 10].

В этом контексте разрабатывалось и применялось в колхозах и совхозах Вологодской области несколько практических направлений кормодобывания:

1. Комплекс «агромероприятий», начатый в 1937 г. и обеспечивающий «получение высоких урожаев сельскохозяйственных культур в прифермском (при МТФ) и полевом севообороте».

2. «Разработка агротехники силосных культур (топинамбур, кормовая капуста, подсолнечник, многолетний люпин и корнеплоды (свекла) для условий Вологодской области».

3. «Сортоиспытание кормовой капусты и подсолнечника».

4. «Разработка агротехники выращивания клевера на корм и семена».

5. «Разработка агротехники выращивания семян кормовой капусты».

6. «Разработка агротехники создания высокоурожайных искусственных сенокосов и пастбищ и системы их использования».

7. «Разработка агротехники семеноводства луговых трав».

8. «Разработка севооборотов» [18. Л. 15–20].

Научные разработки специалистов Вологодского Молочно-хозяйственного института и отдела кормления Вологодской областной опытной станции по животноводству были ориентированы на изучение новых кормов, кормосмесей, рационов и схем кормления, обмена веществ у высокопродуктивных животных. Всестороннему анализу на качество, переваримость, питательность и влияние на молочную производительность были подвергнуты местные, основные и новые для Севера корма: силос из клеверной отавы, силос из дернистой осоки и силос из подсолнечника, суходольное белоусное и осочное сено с местных лугов и присухонские виды сена, водоросли и древесный корм. Параллельно изучались химический состав и потери при хранении рассыпного и прессованного сена, скармливание максимальных доз турнепса молочному скоту, комбикорма для молочных коров из подсолнечного шрота – нового корма для молочного скота северных территорий и др. [19. Л. 1–16].

Специалистами отдела кормления Вологодской областной опытной станции по животноводству более конкретно изучались вопросы: питательной ценности местных кормовых средств (в частности кормовой капусты разных сроков уборки, земляной груши), оценки химического способа, объемы «суточных дач» и длительности непрерывного скармливания хлопчатникового жмыха молочному скоту, определения пригодности местных известняков в качестве минеральной подкормки; разработки и производственной проверки кормовых рационов для коров с удоем 300–400 кг и выше с максимальным использованием местных кормов (данная технология проверялась на практике в колхозе имени II пятилетки Холмогорского района Архангельской области и в колхозе «Политотделец» Пришекснинского района Вологодской области); экспериментальной проверки норм и схем кормления молодняка холмогорской породы и метисов ярославской и местной пород (опыт проводился с марта 1936 по июль 1938 г. в колхозе имени Коминтерна Холмогорского района Архангельской области и в хозяйстве опытной фермы); подготовки нетелей «ярославского скота» к отелу и последующему раздоя.

Достигнутые результаты широко внедрялись на практике в Вологодской области, и благодаря освещению в газете «За овладение агрозоотехникой» стали доступны в других регионах СССР [18. Л. 21–27].

Заключение

Таким образом, в 1930-е гг. Вологодской области завершение коллективизации крупного рогатого скота сопровождалось планами по специализации животноводческой отрасли в направлении молочного скотоводства. Изначальные формы организации производства были скорректированы, в итоге основу составили молочно-товарные фермы колхозов и 32 специализированных животноводческих совхоза, включенных в агропромышленное объединение «Союзмаслообъединение». Численность крупного рогатого скота в колхозах Вологодской области увеличилась с 311 тыс. голов в 1933 г. до 458 тыс. голов в 1939 г.

Первый опыт по выявлению основных пород скота в обобщественном секторе экономики позволил в дальнейшем провести порайонную градацию пород скота. Перепись скота, проведенная в 1932 г. ЦУНХУ СССР, подвела итоги самому первому периоду организации и комплектования обобщественного стада колхозов и совхозов. Судя по итогам переписи скота, доля метисов в Северном крае была практически в 2 раза ниже, чем по стране, а соответственно холмогорского и остфризского скота в 15 и 20 раз выше. Данные материалы были использованы в 1938 г. Оргкомитетом ВЦИК по Вологодской области при составлении планов породного районирования скота – районы молочных гуртов ярославской породы, холмогорской и смешанной остфризской и холмогорской пород. К 1 января 1939 г. в области в Государственную племенную книгу было занесено 1938 голов крупного рогатого скота, в том числе в колхозах 559 голов, в районные

племенные книги – 27 026 голов, включая 17 587 голов в колхозах. Увеличивались надои молочного скота.

Вопросами быстрейшего и качественного преобразования стада и роста продуктивности крупного рогатого скота в области занимались специализированные совхозы, 2 государственных племенных рассадника скота, Вологодская областная опытная станция по животноводству и Вологодский молочно-хозяйственный институт. Часть племенного скота поступала за пределы области.

Вологодская область накануне Великой Отечественной войны в вопросах развития отцовских пород скота и расширения стада племенных производителей, а также связанных с ними технологиями искусственного осеменения животных заняла лидирующее положение в СССР.

Параллельно с повышением породности и удойности стада крупного рогатого скота решался вопрос об улучшении кормодобывания и кормления молочного скотоводства. Апробировались направления кормодобывания, в частности разработка агротехники силосных культур, семеноводства луговых трав, создания высокоурожайных искусственных сенокосов и пастбищ и системы их использования. Изучались вопросы кормления скота: питательная ценность местных кормовых средств, определение пригодности местных известняков в качестве минеральной подкормки и др.

Полученные результаты в селекции и кормообеспечении молочного скотоводства в Вологодской области в 1930-е гг. постепенно внедрялись в практику колхозного производства. Однако сам этот процесс нуждается в специальном исследовании.

Список источников

1. История крестьянства СССР: История советского крестьянства : в 5 т. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937. М. : Наука, 1986. 448 с.
2. История крестьянства СССР: История советского крестьянства : в 5 т. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1938–1945. М. : Наука, 1987. 447 с.
3. Борисенко Е.Я. Разведение сельскохозяйственных животных. 4-е изд. М. : Колос, 1967. 464 с.
4. Лобашев М.Е., Ватти К.В., Тихомирова М.М. Генетика с основами селекции : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1970. 432 с.
5. Глумная М.Н., Самойличенко Е.Е. Развитие молочного животноводства в колхозах Европейского Севера России в 1930-е годы // Управление пространственным развитием территорий: глобальные тренды и региональные приоритеты : материалы науч.-практ. конф. Вологда, 20 декабря 2018 года. Вологда : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. С. 27–49.
6. Твердохлеб Г.В., Шемякин В.О., Сажинов Г.Ю., Никифоров П.В. Вологодское маслоделие. История развития. СПб. : СПбГУНиПТ, 2002. 245 с.
7. Постановление ЦИК СССР от 23 сентября 1937 г. «О разделении Северной области на Вологодскую и Архангельскую области» // Собрание законов СССР. 1937. № 63. Ст. 276.
8. За превращение Северного края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса. Доклад секретаря Севкрайкома ВКП(б) тов. Вл. Иванова на краевом слете сталинских ударников животноводства 24 октября 1933 г. // За превращение Северного края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса. Сборник материалов для партийного, комсомольского, советского, профсоюзного, совхозного и колхозного актива. Архангельск : Партиздат. Северное краевое отделение, 1933. 122 с.
9. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. П–1855. Оп. 1. Д. 25. Л. 8. Вологодский окружной комитет ВКП(б).
10. За социалистическую реконструкцию молочного животноводства. Вологда : Издание Вологодского окрплана, 1930. 42 с.
11. Хоменюк Л.А. Тридцать лет Вологодского сельскохозяйственного института // Вологодский сельскохозяйственный институт. Труды. Вып. 5. Вологда, 1942. С. 3–13.
12. ГАВО. Ф. П–2522. Оп. 2. Д. 171.
13. ГАВО. Ф. П–734. Оп. 2. Д. 171.
14. Итоги переписи скота на 1 февраля 1932 года. Вып. III. Породы крупного рогатого скота, овец и свиней. М. : Союзоргучет, 1933. 78 с.
15. ГАВО. Ф. 734. Оп. 3. Д. 31.
16. Основные итоги выполнения народнохозяйственного плана Вологодской области за 1938 год. Вологда : Издание Облплана, 1939. 101 с.
17. ГАВО. Ф. П–2522. Оп. 2. Д. 462.
18. ГАВО. Ф. П–2522. Оп. 1. Д. 248.
19. ГАВО. Ф. 734. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–16.

References

1. Anon. (1986) *Istoriya krest'yanstva SSSR: Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t.* [History of the Peasantry of the USSR: History of the Soviet Peasantry: In 5 Vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
2. Anon. (1987) *Istoriya krest'yanstva SSSR: Istoriya sovetskogo krest'yanstva: v 5 t.* [History of the Peasantry of the USSR: History of the Soviet Peasantry: In 5 Vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
3. Borisenko, E.Ya. (1967) *Razvedenie sel'skokhozyaystvennykh zhivotnykh* [Breeding of Farm Animals]. 4th ed. Moscow: Kolos.
4. Lobashev, M.E., Vatti, K.V. & Tikhomirova, M.M. (1970) *Genetika s osnovami selektsii* [Genetics with the Basics of Selection]. Textbook. Moscow: Prosveshchenie.
5. Glumnaya, M.N. & Samoylichenko, E.E. (2019) [Development of Dairy Farming in the Collective Farms of the European North of Russia in the 1930s]. *Upravlenie prostranstvennym razvitiem territoriy: global'nye trendy i regional'nye prioritety* [Managing the Spatial Development of Territories: Global Trends and Regional Priorities]. Conference Proceedings. Vologda. 20 December 2018. Vologda: RANEPa. pp. 27–49.
6. Tverdokhle, G.V., Shemyakin, V.O., Sazhinov, G.Yu. & Nikiforov, P.V. (2002) *Vologodskoe maslodelie. Istoriya razvitiya* [Vologda Butter Making. History of Development]. Saint Petersburg: SPBGUNiPT.
7. Central Executive Committee of the USSR. (1937) *Postanovlenie TsIK SSSR ot 23 sentyabrya 1937 g. "O razdelenii Severnoy oblasti na Vologodskuyu i Arkhangel'skuyu oblasti"* [Decree of the Central Executive Committee of the USSR of September 23, 1937 "On the Division of the Northern Region into Vologda and Arkhangelsk Regions"]. *Sobranie zakonov SSSR* [Collection of Laws of the USSR]. 63. Art. 276.
8. Ivanov, V.I. (1933) *Za prevrashchenie Severnogo kraia v moshchnuyu sotsialisticheskuyu fabriku moloka i myasa. Doklad sekretarya Sevkraykoma VKP(b) tov. V.I. Ivanova na kraevom slete stalinskikh udarnikov zhivotnovodstva 24 oktyabrya 1933 g.* [For the Transformation of the Northern Region into a Powerful Socialist Factory of Milk and Meat. Report by Comrade V.I. Ivanov, Secretary of the Northern Regional Committee of the

- All-Union Communist Party (Bolsheviks), at the Regional Meeting of Stalinist Livestock Shock Workers on October 24, 1933]. In: *Za prevrashchenie Severnogo kraya v moshchnuyu sotsialisticheskuyu fabriku moloka i myasa. Sbornik materialov dlya partiynogo, komsomol'skogo, sovetskogo, profsoyuznogo, sovkhoznogo i kolkhoznogo aktiva* [For the Transformation of the Northern Region into a Powerful Socialist Factory of Milk and Meat. Collection of Materials for Party, Komsomol, Soviet, Trade Union, State Farm and Collective Farm Activists]. Arkhangelsk: Partizdat. Severnoe kraevoe otделение.
9. State Archive of Vologda Oblast. Fund P-1855. List 1. File 25. Page 8. *Vologodskiy okruzhnoy komitet VKP(b)* [Vologda District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)].
 10. Anon. (1930) *Za sotsialisticheskuyu rekonstruktsiyu molochnogo zhivotnovodstva* [For the Socialist Reconstruction of Dairy Farming]. (1930) Vologda: Izdanie Vologodskogo okrplana.
 11. Khomenyuk, L.A. (1942) *Tridtsat' let Vologodskogo sel'skokhozyaystvennogo instituta* [Thirty Years of the Vologda Agricultural Institute]. In: *Vologodskiy sel'skokhozyaystvennyy institut. Trudy* [Vologda Agricultural Institute. Proceedings]. Vol. 5. Vologda. pp. 3–13.
 12. State Archive of Vologda Oblast. Fund P-2522. List 2. File 171.
 13. State Archive of Vologda Oblast. Fund P-734. List 2. File 171.
 14. Anon. (1933) *Itogi perepisi skota na 1 fevralya 1932 goda* [Results of the Livestock Census as of February 1, 1932]. Vol. III. Moscow: Soyuzorguchet.
 15. State Archive of Vologda Oblast. Fund 734. List 3. File 31.
 16. Anon. (1939) *Osnovnye itogi vypolneniya narodno-khozyaystvennogo plana Vologodskoy oblasti za 1938 god* [Main Results of the Fulfillment of the Economic Plan of the Vologda Region for 1938]. (1939) Vologda: Izdanie Oblplana.
 17. State Archive of Vologda Oblast. Fund P-2522. List 2. File 462.
 18. State Archive of Vologda Oblast. Fund P-2522. List 1. File 248.
 19. State Archive of Vologda Oblast. Fund 734. List 1. File 25. Pages 1–16.

Информация об авторах:

Саблин В.А. – д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: Sablin@inbox.ru

Тимошина С.В. – канд. ветеринар. наук, младший научный сотрудник отдела организации и сопровождения научной деятельности Вологодского государственного университета (Вологда, Россия). E-mail: timohina68@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Sablin, Dr. Sci. (History), head of the Department of General History and World Politics, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: Sablin@inbox.ru

S.V. Timoshina, Cand. Sci. (Veterinary Sciences), junior research fellow, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: timohina68@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.08.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 06.08.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 903.2
doi: 10.17223/15617793/513/19

Карбанская традиция обрядовой практики: к истории одной из групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов*

Николай Николаевич Серегин¹, Михаил Александрович Демин², Сергей Сергеевич Матренин³

^{1,3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

¹ seregin@mail.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ matrenins@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексной характеристике карбанской традиции погребальной обрядности населения булан-кобинской археологической культуры Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.), а также публикации материалов одного из эталонных ее комплексов. Учтены материалы раскопок свыше 700 объектов. Выделены отличительные характеристики карбанской традиции обрядовой практики. Обоснован тезис об участии в формировании обозначенной группы населения племен из Восточного Казахстана и Тувы, переселившихся на Алтай в связи с экспансией державы хунну.

Ключевые слова: Алтай, археологический комплекс, булан-кобинская культура, карбанская традиция, эпоха Великого переселения народов, погребальный обряд

Источник финансирования: работа выполнена в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (№ FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С. Карбанская традиция обрядовой практики: к истории одной из групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 162–170. doi: 10.17223/15617793/513/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/19

The Karban ritual practice tradition: To the history of an Altai population group during the Great Migration Period

Nikolai N. Seregin¹, Mikhail A. Demin², Sergei S. Matrenin³

^{1,3} Altai State University, Barnaul, Russian Federation

² Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

¹ seregin@mail.ru

² nikolay-seregin@mail.ru

³ matrenins@mail.ru

Abstract. Relevant problems in studying the history of Altai in the last quarter of the 1st millennium BCE – the first half of the 1st millennium CE include the interpretation of the multivariance of the burial rite of the Bulan-Koba culture population and the reconstruction of the interaction process between nomadic groups of different origins. The article presents the results of a synthesis of archaeological sources on the Karban burial tradition and also publishes materials from the burial of one of its benchmark complexes (Mound No. 33 at the Karban-I necropolis in Northern Altai). Materials from the excavation of over 700 objects have been considered, some of which demonstrate the features of this monument group. It is concluded that the distinctive features of the Karban ritual tradition are a small oval-shaped mound, a shallow grave pit, single inhumation of the deceased, orientation of the deceased with the head towards the west, the absence of a buried riding horse, and variability in the intra-grave structure. It has been established that the "Karbon people" constituted one of the groups of the polyethnic population of the Altai's Bulan-Koba culture, which lived in the region from the 2nd century BCE to the 5th century CE. The thesis about the participation of tribes from Eastern Kazakhstan and Tuva in their formation is substantiated; these tribes migrated to Altai due to the expansion of the Xiongnu Empire into the northern regions of Central Asia at the end of the 3rd–2nd centuries BCE. In the ethno-social stratification of the Bulan-Koba culture nomads, the "Karbon people" generally occupied a rather low position. Judging by the discovered grave goods, the transformation of the "Karbon" material culture was based on the reworking

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

of prestigious categories of items from Xiongnu and Xianbei traditions, reflecting the general trends in the development of the material complex of Altai pastoralists in the last quarter of the 1st millennium BCE – first half of the 1st millennium CE. The most indicative changes occurred in weapon sets, military equipment, and adornments. The historical fate of the bearers of the Karban tradition remains unknown. The available archaeological materials demonstrate their departure or complete assimilation by a population group that migrated to Altai around the middle of the 5th century CE and formed the basis of the early medieval Turkic community. It can be stated definitively that elements of the Karban tradition are not traceable in the burial practices of the designated region or adjacent territories in the second half of the 1st millennium CE. The materials from the excavation of one of the indicative burials at the eponymous Karban-I necropolis, dating to the Xianbei period, introduced into scholarly discourse, expand and refine existing ideas about the nature of ethnocultural and social processes that took place in Altai during the Great Migration Period.

Keywords: Altai, archaeological complex, Bulan-Koby culture, Karban tradition, Great Migration Period, burial rite

Financial support: This research was carried out as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FZMW-2023-0009.

For citation: Seregin, N.N., Demin, M.A. & Matrenin, S.S. (2025) The Karban ritual practice tradition: To the history of an Altai population group during the Great Migration Period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 162–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/19

Введение

Реконструкция процессов формирования и трансформаций обществ кочевников поздней древности и средневековья, оказавших огромное влияние на судьбы многих народов Евразии, остается актуальным направлением исследований. Фрагментарность или полное отсутствие письменных источников по истории целого ряда объединений кочевников определяют приоритет археологических материалов при решении большинства дискуссионных вопросов. Так, именно результаты раскопок выступают основой для изучения особенностей происхождения и развития различных групп населения Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

Ключевой особенностью булан-кобинской археологической культуры Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.) является высокая степень вариативности обрядовой практики ее носителей. Судя по имеющимся данным, материалы раскопок некрополей отражают незавершенность процессов этногенеза «булан-кобинцев», в которых принимали участие несколько групп местного и пришлого населения, а также специфику мировоззрения отдельных кланово-племенных коллективов.

Проведенный корреляционный анализ обширного корпуса источников (более 700 объектов) позволил сделать вывод о том, что на территории Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. существовала одна булан-кобинская культура с вариативным погребальным обрядом. Анализ всех признаков обрядовой практики стал основанием для выделения восьми типологических групп погребений данной общности (улуг-чолтухская, карбанская, яломанская, дяльская, берельская, айрыдашская, курайская, кок-пашская), свидетельствующих о существовании разных по происхождению общетерриториальных и локальных традиций [1. С. 148–165]. В настоящее время, учитывая появление новых материалов, а также способы изучения неопубликованных данных, имеются возможности для детализации сделанных выводов. В данной статье представлен опыт интерпретации основных аспектов истории носителей карбанской традиции погребальной практики, отражающей особенности обряда одной из наиболее многочисленных групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов.

Характеристика источников

В результате масштабных археологических исследований на Алтае, осуществленных, главным образом, в конце XX в., к настоящему времени изучена обширная серия объектов, отражающих общие и особенные черты карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры (рис. 1). Захоронения данной группы характеризуются следующим набором признаков: наземная конструкция в виде небольшой каменной насыпи овальной формы, почти всегда с выкладкой в виде однослойной крепыди; неглубокая (обычно до 0,5 м) могильная яма; одиночная ингумация умерших людей; ориентировка покойных головой в западный сектор горизонта (обычно с отклонением на север); отсутствие сопроводительного захоронения лошади; различные внутримогильные конструкции или отсутствие таковых [1. С. 159–160].

Погребения карбанской традиции впервые раскопаны в начале 1980-х гг. в Северном Алтае экспедицией ГАНИИИЯЛ под руководством А.С. Суразакова на комплексе Айрыдаш-I [2]. Данный памятник расположен на правом берегу р. Катунь, к юго-востоку от с. Куяс Чемальского района Республики Алтай. Исследованные объекты составляли несколько десятков плотных рядов из тесно локализованных овальных курганов, имевших неглубокую (до 1 м) яму с труположением вытянуто на спине (в том числе нескольких человек), преимущественно без внутримогильных сооружений, а также в деревянных, реже каменных, каменно-деревянных ящиках, иногда в обкладках из камней. По завершении работ на памятнике в 1990 г. было изучено более 150 захоронений карбанской традиции, относящихся к бело-бомскому этапу булан-кобинской культуры (II в. – первая половина IV в. н.э.). К сожалению, материалы этого уникального и полностью исследованного некрополя остаются не опубликованными до настоящего времени.

В ходе активных изысканий, проводившихся в зоне предполагаемого строительства Катунской ГЭС в конце 1980-х – начале 1990-х гг., похожие объекты были выявлены на целом ряде памятников Чемальского района Республики Алтай. Информативные материалы получены при раскопках некрополя сяньбийского периода Карбан-I [3. С. 54–55], ставшего впоследствии эпонимным для

рассматриваемой традиции. На памятнике Усть-Эдиган исследованы самые ранние погребения «карбанцев», относящиеся к хуннускому времени (II в. до н.э. – I в. н.э.) [4]. В составе своеобразного кладбища детей и подростков III–IV вв. н.э. комплекса Бике-I зафиксированы четыре захоронения карбанской традиции, в том числе с необычными элементами ритуала (отсечение ступней и берцовых костей) [5. С. 61–66, 73–74]. На могильнике Тыткескень-VI раскопаны шесть булан-кобинских курганов конца II – начала III в. н.э., демонстрирующих влияние материальной культуры саянских племен [6]. На остальных памятниках Северного Алтая изучены одиночные объекты, отражающие различные стороны карбанской традиции обрядовой практики.

Представительный корпус источников получен в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в ходе раскопок некрополей, расположенных на территории Онгудайского и Усть-Коксинского районов Республики Алтай. Показательными являются комплексы Улита и Бош-Туу-I, в составе которых суммарно изучены свыше 30 захоронений карбанской традиции, свидетельствующие о тесных контактах ее носителей с разными группами «булан-кобинцев» во II в. – начале IV в. н.э. [7. С. 15–17]. Разноплановые археологические данные, характеризующие развитие рассматриваемой традиции в жужанское время (вторая половина IV в. – V в. н.э.), зафиксированы в материалах некрополей Верх-Уймон и Чендек на Верхней Катунь [8. С. 11–17, 21–23]. В Южном Алтае пока исследованы только два безынвентарных карбанских захоронения взрослых людей на комплексе Кальджин-VI (Кош-Агачский район Республики Алтай) [9. С. 163].

В начале XXI в. единичные объекты рассматриваемой группы изучены в результате раскопок могильников Степушка, Улуг-Чолтух-I, Яломан-II [10, 11 и др.].

Важно отметить, что большая часть материалов, иллюстрирующих карбанскую погребальную традицию населения булан-кобинской культуры Алтая, полноценно не введена в научный оборот. Между тем обращение к этим источникам, в том числе к результатам раскопок базовых комплексов, является неслучайным условием для реконструкции процессов сложения и последующей истории рассматриваемой группы кочевников.

Новые материалы

Эталонным памятником для изучения карбанской традиции погребального обряда населения Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. является могильник Карбан-I. Данный некрополь находится на территории Чемальского района Республики Алтай, на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Кунос (рис. 1). Комплекс обнаружен в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым в рамках рекогносцировочных работ в зоне затопления проектировавшейся Катунской ГЭС. В 1989–1990 гг. в ходе исследований, осуществлявшихся экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М.А. Демина, на памятнике раскопаны свыше 20 погребальных сооружений булан-кобинской культуры. По ряду причин информация о полученных результатах на протяжении более чем 30 лет ограничивалась только кратким сообщением [3]. К настоящему времени материалы раскопок некрополя изданы монографически [12].

Рис. 1. Расположение некрополей булан-кобинской культуры с погребениями карбанской традиции: 1 – Айрыдаш-I; 2 – Бийке; 3 – Бике-I; 4 – Бош-Туу-I; 5 – Верх-Еланда-II; 6 – Верх-Уймон; 7 – Кальджин-VI; 8 – Карбан-I; 9 – Степушка; 10 – Тыткескень-VI; 11 – Улита; 12 – Улуг-Чолтух-I; 13 – Усть-Бийке-III; 14 – Усть-Эдиган; 15 – Чендек; 16 – Яломан-II

Большая часть погребений булан-кобинской культуры некрополя Карбан-I представляет собой подкурганные непотревоженные могилы с захоронениями по

обряду одиночной ингумации, включавшими показательный сопроводительный инвентарь. Рассмотрим общие и особенные характеристики этих объектов на

примере материалов одного из раскопанных закрытых комплексов.

Курган № 33 являлся самым восточным сооружением среди исследованных на некрополе Карбан-I погребальных сооружений булан-кобинской культуры, локализованных несколькими компактно расположенными рядами. Обозначенный объект имел уплотненную насыпь, сложенную преимущественно из галечных валунов и ориентированную по линии север-северо-запад – юг-юго-восток. Размеры конструкции составили 2,9×2,3 м, высота – 0,1 м. По внешнему контуру наброска фиксировались более крупные камни, образующие однослойную выкладку-крепиду (рис. 2, А). Внутри кольца расчищены плиты перекрытия каменного ящика прямоугольной формы размерами 1,95×0,6 м. На грунтовом дне данной погребальной камеры, на глубине 0,4 м от уровня древнего горизонта, обнаружен скелет взрослого мужчины, уложенный в позе вытянуто на спине, головой на север-северо-запад (рис. 2, Б). Вдоль северо-восточной стенки ящика находились роговые накладки составного лука (рис. 3):

слева у головы и около левой голени – две пары концевых, на левом предплечье – три срединные (две боковые, одна тыльная). Между черепом умершего человека и концевыми накладками обнаружены три костяных (роговых) и один железный наконечники стрел со свистунками (рис. 4, 3–5, 7). Еще четыре железных наконечника (рис. 4, 1–2, 8–9) выявлены около левой кисти умершего, а один костяной (роговой) (рис. 4, 6) – в заполнении ящика над левыми ребрами. У нижней челюсти погребенного с левой стороны найдена крупная бусина белого цвета (рис. 4, 10). С внешней стороны правого бедра обнаружены железное шило с кольцевым навершием и небольшая железная пластинка (рис. 4, 11), а также костяная рукоять плети (рис. 4, 12). На поясничных позвонках и вдоль нижних ребер зафиксированы железные гарнитуры наборного (рис. 4, 13, 15–18) и простого (рис. 4, 14) поясов. Вдоль левого бедра находился крупный железный нож с сохранившимися железными пластинками-оковками ножен (рис. 5, 1–2). У правой бедренной кости обнаружен второй железный нож меньшего размера с бляхами-заклепками от ножен, лежавшими вдоль лезвия (рис. 5, 3–7).

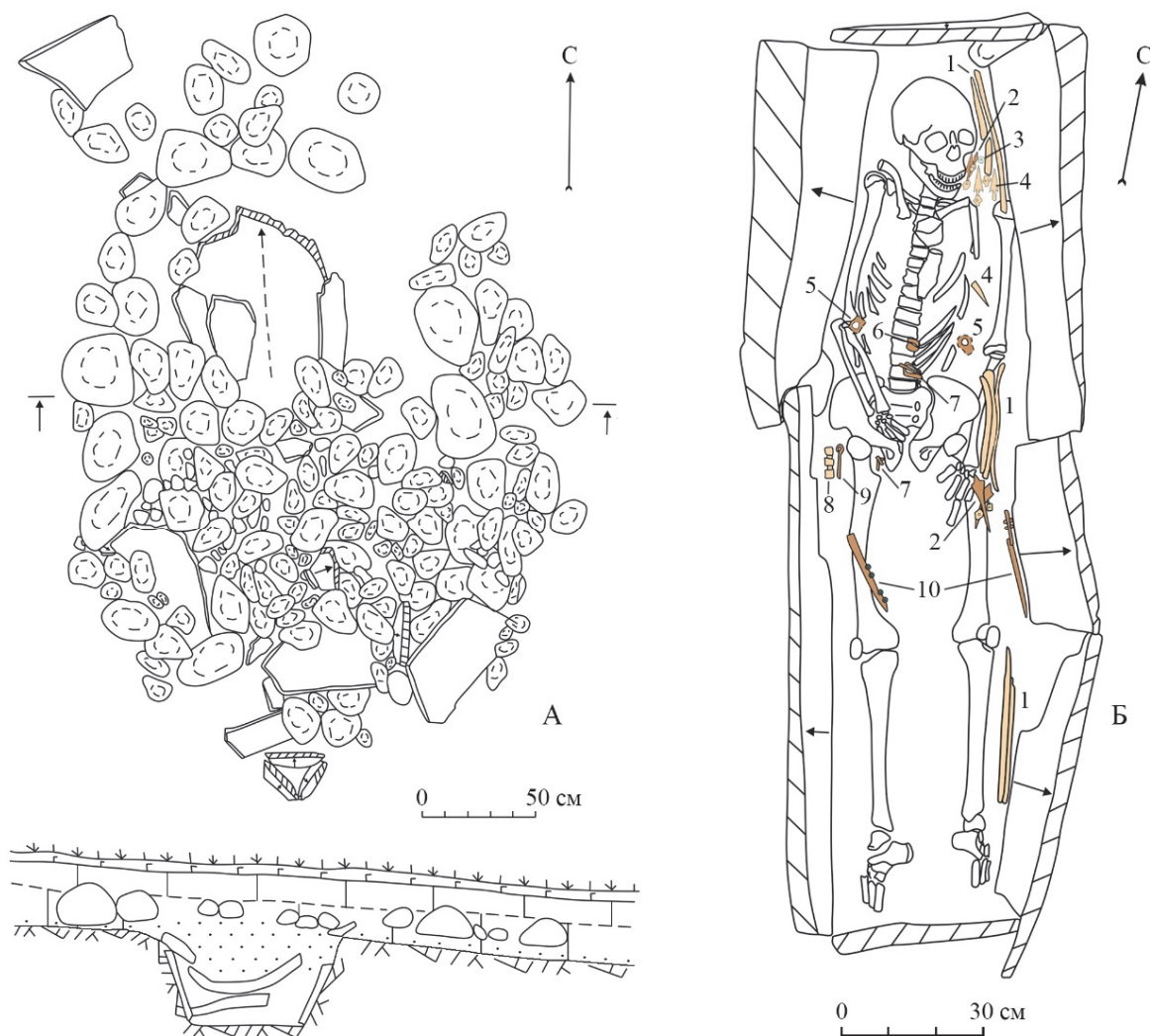
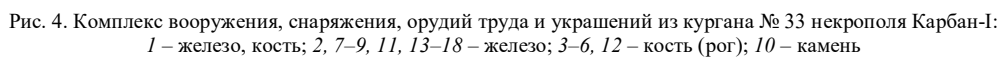
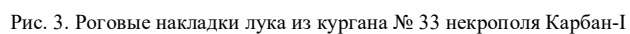

Рис. 2. Курган № 33 некрополя Карбан-I. А – план и разрез наземной конструкции; Б – план погребения:
1 – роговые накладки на лук; 2 – железные наконечники стрел; 3 – каменная бусина; 4 – костяные (роговые) наконечники стрел;
5 – железное кольцо; 6 – железная пластинка; 7 – железная пряжка; 8 – костяная рукоять плети; 9 – железное шило; 10 – железный нож

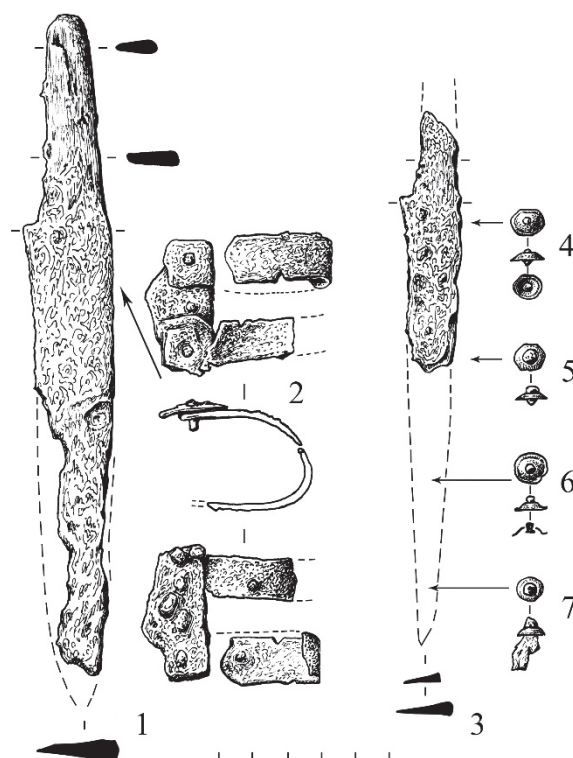

Рис. 5. Боевые ножи с деталями ножен из кургана № 33 некрополя Карбан-I:
1–3 – железо; 4–6 – бронза; 7 – бронза, железо

Зафиксированные особенности наземной конструкции (насыпь с кольцевой выкладкой в виде крепиды) и способа ингумации (одиночное захоронение с ориентировкой покойного головой в северо-западный сектор горизонта) дают основания для отнесения кургана № 33 некрополя Карбан-I к объектам карбанской погребальной традиции населения булан-кобинской культуры Алтая. Для установления времени сооружения рассматриваемого комплекса показателями являются срединные боковые пластины с сегментовидным абрисом удлинённых пропорций, воспроизводившие конструктивные элементы луков хуннской традиции II в. до н.э. – начала III в. н.э.

Также к хуннской традиции относятся железные ярусные наконечники стрел из кургана № 33, представляющие собой довольно архаичные образцы, отличающиеся от центральноазиатских прототипов отсутствием лопастного упора [12. С. 50, 56]. В качестве раннего признака костяных наконечников стрел из рассматриваемого погребения отметим наличие у карбанских экземпляров отдельно изготовленной костяной свистунки. Хронологически выразительными являются также боевые ножи, имевшие однолезвийный треугольный в сечении клинок со слегка выгнутой спинкой, переходящий в прямую рукоять без перекрестия и навершия. Такие изделия появились на Алтае под влиянием материальной культуры поздних хунну или ранних сяньби и выступали эффективным средством ведения ближнего боя во II–V вв. н.э. [11. С. 58–59]. В целом сравнительное изучение сопроводительного инвентаря из публикуемого захоронения позволяет уверенно датировать данный объект в рамках II–III вв. н.э.

Сопоставление качественного и количественного состава предметного комплекса из захоронения кургана № 33 (прежде всего, оружия и воинского снаряжения) с материалами других памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. позволяет сделать вывод о довольно высоком прижизненном индивидуальном статусе погребённого мужчины в вертикальной стратификации булан-кобинского общества [13. С. 111]. Данный человек мог относиться к зажиточной прослойке скотоводов и являться профессиональным воином.

Обсуждение результатов

Сформированный корпус источников свидетельствует о том, что погребения карбанской традиции составляют значительную часть всех исследованных комплексов булан-кобинской культуры. В обобщённой серии захоронений взрослых людей с установленной половой принадлежностью (427 индивидов) их удельный вес насчитывает более трети [13. С. 124]. Объекты данной традиции выявлены в разных частях региона и относятся ко всем этапам развития булан-кобинской культуры. При этом «карбанцы» представляли собой одну из самых многочисленных групп скотоводов в Северном Алтае в сяньбийское время (не менее 60% всех исследованных захоронений в этом районе) [1. С. 159–160].

Вопрос о происхождении карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры остается дискуссионным. Принимая во внимание результаты сравнительного анализа археологических комплексов Алтая скифо-сакского времени (вторая половина VI в. – III в. до н.э.) и хуннского периода

(II в. до н.э. – I в. н.э.), представляется возможным сделать ряд предварительных заключений. Судя по имеющимся материалам, в формировании карбанской традиции приняли участие местные непазырыкские племена скифо-сакского времени и кочевники из периферийных с Алтаем районов Восточного Казахстана и Тувы, продвинувшиеся оттуда вглубь Алтайской горной страны в связи с экспансией державы хунну в северные области Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н.э. Не исключено, что среди них были потомки скотоводов аржано-майэмирского времени, когда-то вытесненных из областей своего основного проживания «пазырыкцами». При этом за пределами Алтая наиболее близкие погребения с ориентировкой умерших людей головой в западном направлении, в положении вытянуто на спине, в каменных ящиках и ямах достаточно многочисленны в майэмирских и кула-жургинских комплексах Верхнего Прииртышья [14. С. 64–80; 15. С. 37]. Вполне вероятно, что в хуннское время «карбанцы» проживали в Северном Алтае, а затем распространились на другие области Алтайской горной страны.

Изучение доступных археологических источников позволяет проследить процесс развития карбанской традиции на территории Северного и Центрального Алтая, который выражался в изменении таких характеризующих ее элементов, как поза умершего человека в могиле и устройство погребальной камеры. В хуннское время (II в. до н.э. – I в. н.э.) «карбанцы» хоронили своих покойных на левом боку и на спине с согнутыми ногами и разворотом верхней части туловища на левый бок, преимущественно в каменных ящиках из массивных плит и крайне редко в комбинированных ящиках и обкладках из валунов. В сяньбийский (II в. – первая половина IV в. н.э.) и жуанский (вторая половина IV – первая половина V в. н.э.) периоды они практиковали ингумацию почти исключительно вытянуто на спине в разнообразных внутримогильных конструкциях (узкие каменные ящики из тонких плит, деревянные и комбинированные ящики, в том числе в виде имитаций, представленных отдельно установленными плитами), а часто вообще без таковых. Фиксируемое разнообразие устройства погребальных камер отражает локальные и хронологические особенности обрядовой практики. Отдельные индивидуальные черты их оформления могли быть обусловлены причинами мировоззренческого характера, обстоятельствами смерти, а также иными, пока не объяснимыми мотивами.

Судя по обнаруженным предметам сопроводительного инвентаря, трансформация материальной культуры «карбанцев» базировалась на переработке престижных категорий изделий хуннской и сяньбийской традиций, что отражало общие тенденции развития вещевого комплекса скотоводов Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. При этом наиболее показательные изменения происходили в наборах вооружения, воинского снаряжения и украшений.

Карбанское общество было интегрировано во все сферы хозяйственной деятельности «булан-кобинцев»

Алтая. Значительное место в их жизни занимало военное дело, о чем свидетельствует присутствие в большинстве мужских погребений предметов вооружения, представленных в основном луком и стрелами с железными наконечниками, реже – короткоклиновым оружием (нож, кинжал). Данный комплекс боевых средств был ориентирован на эффективное противостояние со слабо защищенным противником и соответствовал легкой коннице и пехоте. Некоторые группы «карбанцев» были вовлечены в вооруженные конфликты, что подтверждают зафиксированные случаи боевого травматизма в виде посмертных травм на черепах и костях посткраниального скелета (стреляные, рубленые, колотые раны, отсечения конечностей, декапитация). Особенно драматичной была судьба скотоводов, оставивших некрополь Айрыдаш-I, которые стали жертвой вооруженного насилия, возможно, со стороны этнически (культурно) чужеродного населения.

Результаты реконструкции общественной организации населения Алтая по материалам раскопок погребальных комплексов позволяют представить динамику статуса «карбанцев» в этносоциальной стратификации булан-кобинского общества [13. С. 123–130]. На усть-эдиганском этапе (II в. до н.э. – I в. н.э.) мужская часть носителей данной традиции относилась к бедной части среднего слоя населения (захоронения с оружием дальнего боя, поясом, небольшим количеством не престижных украшений), а также к нижнему слою (захоронения без инвентаря). При этом женщины могли входить в самые привилегированные группы (захоронения с многочисленными украшениями, в том числе пластинами-диадемами, и разнообразной утварью), что, по видимому, было обусловлено их семейным положением. На бело-бомском этапе (II в. – первая половина IV в. н.э.) в рамках интенсификации межэтнического взаимодействия разных групп населения произошло усиление социальной дифференциации «карбанцев», которые вышли на более высокие социальные позиции в Северном Алтае. С другой стороны, в Центральном Алтае они относились почти исключительно к нижнему слою кочевников. Показательно, например, что на могильнике Бош-Туу-I в мужских погребениях данной традиции ни разу не обнаружены предметы вооружения. Объективная оценка социального статуса «карбанцев» на верх-уймонском этапе развития булан-кобинской культуры (вторая половина IV в. – V в. н.э.) пока затруднена из-за малочисленности объектов, относящихся к данному периоду. В целом в стратификации скотоводов региона во II в. до н.э. – V в. н.э. они занимали невысокое положение, но при этом находились в тесном взаимодействии с другими группами населения булан-кобинской культуры и были включены в семейно-брачные и производственные отношения, что подтверждается обнаружением синхронных захоронений разных погребальных традиций на многих некрополях.

Дальнейшие исторические судьбы носителей карбанской традиции остаются неизвестными. Имеющиеся археологические материалы демонстрируют их уход или полную ассимиляцию переселившейся на Ал-

тай около середины V в. н.э. группы населения, которая составила основу при формировании общности раннесредневековых тюрок. Определенно можно утверждать, что элементы карбанской традиции не прослеживаются в погребальной практике населения обозначенного региона, а также сопредельных территорий во второй половине I тыс. н.э.

Заключение

Публикуемые материалы кургана № 33 некрополя Карбан-I, датирующегося сянбийским периодом, представляют собой часть обширного на сегодняшний день корпуса археологических источников, информативного для разноплановой интерпретации карбанской традиции обрядовой практики населения булан-кобинской культуры Алтая. Установлено, что ее отличительными признаками выступают одиночная ингумация умершего человека, ориентированного головой в западный сектор горизонта, без сопроводительного захоронения лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой и без

нее, в ямах небольшой глубины с различным оформлением погребальной камеры. В формировании данной традиции участвовали местные «непазырыкские» и пришлые группы населения из Восточного Казахстана и Тувы, переселившиеся на Алтай в связи с экспансией кочевой империи хунну во II в. до н.э. в северные области Центральной Азии. В этносоциальной стратификации кочевников булан-кобинской культуры «карбанцы» занимали в целом невысокое положение. Судя по имеющимся археологическим материалам, носители карбанской традиции обрядовой практики прекратили свое существование после прихода на Алтай новой группы населения и сложения общности раннесредневековых тюрок.

Вводимые в научный оборот данные расширяют и уточняют сложившиеся представления о характере этнокультурных и социальных процессов, происходивших на Алтае в эпоху Великого переселения народов, а кроме того, актуализируют важность полноценного издания уже давно раскопанных, но слабо известных широкому кругу специалистов погребальных комплексов.

Список источников

1. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
2. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 197–200.
3. Контев А.В. Раскопки позднегунских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 54–55.
4. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 95–150.
5. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.
6. Кирюшин Ю.Ф., Мамадаков Ю.Т., Тишкин А.А. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескен'-VI на Средней Катунь // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул : БГПИ, 1992. С. 125–130.
7. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.
8. Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.
9. Молодин В.И., Полосымак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2004. 256 с.
10. Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. Ч. I. С. 388–391.
11. Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с.
12. Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.
13. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.) : по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.
14. Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 года // Известия АН КазССР. 1951. № 108. Серия археологическая. Вып. 3. С. 64–80.
15. Марсадалов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

References

1. Seregin, N.N. & Matrenin, S.S. (2016) *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [The Funeral Rite of the Altai Nomads from the 2nd Century BCE to the 11th Century CE]. Barnaul: Altai State University.
2. Surazakov, A.S. (1990) *Raskopki v doline Ayrydash* [Excavations in the Ayrydash Valley]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun River]. Novosibirsk: Nauka. pp. 197–200.
3. Kontev, A.V. (1991) *Raskopki pozднеgunnskikh pogrebeniy urochishcha Karban (Gornyy Altay)* [Excavations of Late Hunnic Burials in the Karban Tract (Gorny Altai)]. In: *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of Archaeology and Ethnography of Siberia and the Far East]. Vol. 2. Krasnoyarsk. pp. 54–55.
4. Khudyakov, Yu.S., Skobelev, S.G. & Moroz, M.V. (1990) *Arkheologicheskie issledovaniya v dolinakh rek Oroktoy i Edigan v 1988 godu* [Archaeological Research in the Valleys of the Oroktoy and Edigan Rivers in 1988]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun River]. Novosibirsk: Nauka. pp. 95–150.
5. Kubarev, V.D., Kireev, S.M. & Cheremisin, D.V. (1990) *Kurgany urochishcha Bike* [Kurgans of the Bike Tract]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya na Katuni* [Archaeological Research on the Katun River]. Novosibirsk: Nauka. pp. 43–95.
6. Kiryushin, Yu.F., Mamadakov, Yu.T. & Tishkin, A.A. (1992) *Nekotorye rezultaty arkheologicheskikh issledovaniy pamyatnika Tytkesken'-VI na Sredney Katuni* [Some Results of Archaeological Research at the Tytkesken'-VI Site on the Middle Katun]. In: *Voprosy arkheologii Altaya i Zapadnoy Sibiri epokhi metalla* [Questions of the Archaeology of Altai and Western Siberia in the Metal Age]. Barnaul: BSPI. pp. 125–130.
7. Mamadakov, Yu.T. (1990) *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e.* [Culture of the Population of the Central Altai in the First Half of the 1st Millennium CE]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

8. Soenov, V.I. & Ebel, A.V. (1992) *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni* [Mounds of the Hunnic-Sarmatian Era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk: GAGPI.
9. Molodin, V.I., Polos'mak, N.V., Novikov, A.V., Bogdanov, E.S., Slyusarenko, I.Yu. & Cheremisin, D.V. (2004) *Arkheologicheskie pamyatniki ploskogor'ya Ukok (Gornyy Altay)* [Archaeological Sites of the Ukok Plateau (Gorny Altai)]. Novosibirsk: IAET SB RAS.
10. Khudyakov, Yu.S. (2007) Raskopki mogil'nika Ulug-Choltukh v 2007 godu [Excavations of the Ulug-Choltukh Burial Ground in 2007]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XIII. Part I. Novosibirsk: IAET SB RAS. pp. 388–391.
11. Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. & Shmidt, A.V. (2018) *Altay v syan'biysko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka)* [Altai in the Xianbei-Rouran Time (Based on Materials from the Stepushka Site)]. Barnaul: Altai State University.
12. Seregin, N.N., Demin, M.A., Matrenin, S.S. & Umanskiy, A.P. (2022) *Severnyy Altay v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arkheologicheskogo kompleksa Karban-I)* [Northern Altai during the Great Migration Period (Based on Materials from the Karban-I Archaeological Complex)]. Barnaul: Altai State University.
13. Seregin, N.N. & Matrenin, S.S. (2020) *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Altai Population in the Era of Nomadic Empires (2nd Century BCE – 14th Century CE): Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul: Altai State University.
14. Chernikov, S.S. (1951) Otchet o rabotakh Vostochno-Kazakhstanskoy ekspeditsii 1948 goda [Report on the Work of the East Kazakhstan Expedition of 1948]. *Izvestiya AN KazSSR*. 3. pp. 64–80.
15. Marsadolov, L.S. (2000) *Arkheologicheskie pamyatniki IX–III vv. do n.e. gornyykh rayonov Altaya kak kul'turno-istoricheskiy istochnik (fenomen pazyrykskoy kul'tury)* [Archaeological Sites of the 9th–3rd Centuries BC in the Mountainous Regions of Altai as a Cultural and Historical Source (The Phenomenon of the Pazyryk Culture)]. Abstract of Culturology Dr. Diss. Saint Petersburg.

Информация об авторах:

Серегин Н.Н. – д-р ист. наук; профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, зав. лабораторией древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Демин М.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Матренин С.С. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории древней и средневековой археологии Евразии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: matrenins@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.N. Seregin, Dr. Sci. (History), professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolay-seregin@mail.ru

M.A. Demin, Dr. Sci. (History), professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: mademin52@mail.ru

S.S. Matrenin, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: matrenins@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2024;
одобрена после рецензирования 23.10.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 15.09.2024;
approved after reviewing 23.10.2024; accepted for publication 30.04.2025.

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 81'27
doi: 10.17223/15617793/513/20

Инклюзивная интерактивная модель языкового образования в семантическом пространстве города

Юлия Владиславовна Козлова¹, Ирина Александровна Савченко², Максим Игоревич Золотарев³

^{1,2} Федеральный научно-исследовательский социологический Центр Российской академии наук, Москва, Россия

³ Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹ Iris08@yandex.ru

² teosmaco@ramler.ru

³ maksbrain@gmail.com

Аннотация. На основе культурно-исторического, деятельностного и акторно-сетевого подходов предлагается модель инклюзивного обучения иностранному языку лиц с ограниченными возможностями здоровья. Ключевая роль в построении иммерсивной среды отводится инновационным интерактивным технологиям, применение которых на психосемантическом содержании города раскрывает социально-культурный потенциал рефлексивной языковой личности, способствует социальной интеграции всех субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: инклюзивное образование, иммерсивная среда, психосемантическое пространство, текст города, интерактивные методы обучения, 3D-тур

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>.

Для цитирования: Козлова Ю.В., Савченко И.А., Золотарев М.И. Инклюзивная интерактивная модель языкового образования в семантическом пространстве города // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 171–180. doi: 10.17223/15617793/513/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/20

An inclusive interactive model of teaching a foreign language in the semantic space of the city

Yulia V. Kozlova¹, Irina A. Savchenko², Maxim I. Zolotarev³

^{1,2} Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³ Moscow City University, Moscow, Russian Federation

¹ Iris08@yandex.ru

² teosmaco@ramler.ru

³ maksbrain@gmail.com

Abstract. Based on cultural-historical, activity-based and actor-network approaches, a model of inclusive foreign language teaching for people with disabilities is proposed. A key role in building an immersive environment is assigned to innovative interactive technologies, the use of which on the psychosemantic content of the city reveals the socio-cultural potential of a reflective linguistic personality, promotes the social integration of all subjects of the educational process. Traditional forms of learning are focused on the practical application of language in real life, for which role-playing dialogues and discussions are constantly initiated, interactive methods allow one to simulate any event, consolidate the knowledge gained and increase confidence directly in the language learning situation, make learning more accessible, flexible and practically directed. Teamwork, collaboration and project activities in language learning are no longer limited by spatial and temporal factors and individual capabilities of students. Learning a foreign language based on the material of the city takes the possibilities of inclusion in the educational environment to a new level, as it involves all participants in the educational process, regardless of physical or social status due to the accessibility of the studied content. Urban objects provide rich material both from the standpoint of familiarization with the culture of the language being studied, and from the standpoint of reflexive understanding of one's own culture and history, since each of these elements has names, synonymous series and established ways of use in the language. The use of 3D and augmented reality allows all categories of students to participate in the study of each topic, working with photo and video materials integrated into the virtual environment, interactive games. Learning foreign words in the context of virtual walks and excursions contributes to adaptation and cultural integration, overcoming communication barriers between people of different cultures and social groups. For people with special educational needs who face difficulties

in everyday life, it is important to learn the language in a comfortable interactive position, where typical situations of choosing a route, searching for the necessary information, visiting institutions and attractions, communication and recreation are reproduced. In many ways, modeling these situations not only makes learning more meaningful and useful, but also recreates, complements and enriches personal language experience.

Keywords: inclusive education, immersive environment, psychosemantic space, city text, interactive teaching methods, 3D tour

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>. The project "Discursive transformations of a modern city: coordinates of Russian Urban Studies".

For citation: Kozlova, Yu.V., Savchenko, I.A. & Zolotarev, M.I. (2025) An inclusive interactive model of teaching a foreign language in the semantic space of the city. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 171–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/20

Введение

Современное общество – сложная динамичная система, важной частью которой являются лица с нетипичным развитием и особыми образовательными потребностями. Обеспечения их первоначальной адаптации и интеграции в социум в процессе дошкольного и среднего образования недостаточно, необходимы инклюзивные методы на этапах высшего профессионального образования и послевузовской переподготовки.

Инклюзивный подход направлен на реализацию права личности на качественное образование и социализацию, на раскрытие потенциала данной категории участников образовательного процесса. Подход предусматривает переработку уже используемых методов, и в первую очередь это относится к интерактивным методам и онлайн-курсам [1].

В данной статье мы стремимся показать, как город становится образовательной платформой для реализации моделей инклюзивного образования. В социально-культурном аспекте город – это не сами здания, дороги, разнообразие объектов и пространства, в которых также зашифрованы элементы культуры и структура общественно-значимых видов деятельности, но и собственно социальная конструкция, особый текст, который воссоздается каждым «читателем» по-своему, уникально, городские категории крайне важны для социализации. Освоение этих кодов в контексте специально организованной учебной деятельности необходимо как базовый инструмент социализации. В этом случае изучение иностранного языка позволяет актуализировать у всех участников образовательного процесса важные для социальной интеграции смыслы и значения.

Проблема и методология исследования

Авторы статьи фокусируются на проблеме инклюзии обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, обосновывая модификацию содержания и методов обучения иностранному языку. Принцип инклюзии в цифровой иммерсивной среде на основе городского текста может оказать значительное формирующее воздействие на личностную сферу обучающихся с ОВЗ, способствовать их социальной интеграции. Формирование рефлексивной языковой личности, идентифицирующей себя в пространстве городского текста, является основой иноязычной коммуникативной компетентности. Именно дискурс города наиболее

пригоден для усвоения и применения языковых форм. Предлагаем для решения проблем инклюзии обучающихся с ОВЗ комплексно и планомерно применять технологически инновационные формы. Построение иммерсивной образовательной среды, основанной на личностном и деятельностном подходе к организации обучения, позволяет всем субъектам процесса равноправно и активно участвовать в образовательном процессе. Представленное исследование методологически построено на положениях культурно-исторической концепции [2], акторно-сетевой теории [3], семиотическом подходе к изучению города [4] и психосемантическом подходе [5].

Общетеоретические основы формирования языковой личности в иммерсивной образовательной среде

Изучение иностранного языка базируется на двух принципах: 1) усвоение структуры понятий и способов их применения для кодировки опыта и получения новых знаний; 2) применение языковых средств для обмена информацией и организации совместной деятельности.

В этой связи традиционная для гуманитарных исследований проблематика формирования вторичной языковой личности, представленная в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В. фон Гумбольдта, Ж. Пиаже, вновь приобретает актуальность, так как реализация личности (ее ценностей, убеждений, устойчивых качеств, установок) в дискурсе иностранного языка побуждает к рефлексивному осознанию данных содержаний. Таким образом, психолингвистическая и социолингвистическая трактовка вторичной языковой личности в классическом понимании дает ключ к пониманию общественной роли родного и иностранного языков, распределению между ними общественных функций.

С позиций культурно-исторической концепции [2] иноязычные речевые средства трактуются прежде всего как социальный продукт и инструмент социализации. Внешняя (коммуникативная) сторона речевой деятельности требует развития фонематического слуха, звукопроизносительных и грамматических навыков, а внутренняя (перцептивно-когнитивная) – связана с мировоззрением личности, ее миропониманием и мироотношением, поскольку именно в речевой деятельности фиксируется ее социальная субъектность.

Такая интерпретация расширяет возможности инклюзивной образовательной среды, особенно если речь идет о современной цифровой иммерсивной среде. Обозначим новые возможности участников образовательного процесса:

- снижается напряженность на этапе входа в учебную деятельность, облегчается принятие дидактической задачи, цифровая среда является вовлекающей и позволяет взаимодействовать с учебным содержанием с меньшим волевым усилием;

- повышается качество концентрации внимания и общее количество транзакций с учебным материалом, при необходимости – с педагогом и другими обучающимися;

- умственные и коммуникативные действия могут совершаться свободно, в том числе дистанционно, в индивидуальном темпе, вне соревновательного контекста, независимо от статуса в группе, межличностных установок и стереотипов;

- ценностно-смысловые содержания личности актуализируются и формируются в ситуации глубокого погружения, «эффекта присутствия», развивая рефлексивные качества [6].

Мы полагаем, что опыт погружения в иммерсивную образовательную среду в процессе изучения иностранного языка станет для обучающихся с ОВЗ основой формирования компенсаторной компетентности. Опыт успешности, отсутствия тех барьеров, которые так или иначе присутствуют в повседневной, в том числе коммуникативной, деятельности, фиксируется в устойчивых качествах вторичной языковой личности.

С позиций классической лингводидактики языковая личность понимается как система качеств и способностей, позволяющих овладевать текстами: разной целевой направленности, разной степени сложности, с разными подходами к отображению действительности, то есть языковая компетентность тесно связана с уровнем развития и социализации личности [7]. Вторичная языковая личность как способность к межкультурной коммуникации формируется на основе концептуализации картины мира и сопоставления содержаний первичного и вторичного языкового сознания [8]. Формирование коммуникативной компетентности как комплексной мотивационно-операционной готовности к общению с носителями языка происходит в личностной сфере. Вторичная языковая личность (по Ю.Н. Караулову) реализуется на вербально-семантическом уровне (отдельные слова), на когнитивном уровне (система понятий, иерархия ценностей в картине мира) и на мотивационном уровне, связанном с общением и другими видами деятельности. Это дает основание полагать, что иммерсивное изучение иностранного языка предоставляет особые возможности построения инклюзивного образовательного пространства и социального пространства в целом.

Мы подчеркиваем, что вовлечение в образовательный процесс лиц с ОВЗ имеет решающую роль не только для их образовательной, профессиональной и социальной траектории, но и для других обучающихся, так как способствует формированию психосемантического пространства, без ограничений отражающего социальную реальность [5].

Инклюзия (вовлечение) лиц с особыми образовательными потребностями должна, по нашему мнению, развиваться в двух направлениях: 1) интериоризация общественно значимых содержаний (ценностей, убеждений, норм, установок) посредством усвоения языка и овладения речевой деятельностью; 2) экстериоризация познавательных, личностных содержаний вовне в виде речевого общения, труда, преобразования материальной и социальной среды.

Инклюзивная образовательная среда – это своеобразная модель социума, для ее создания нужны профессиональные компетенции педагогов, медицинское, социальное, организационное сопровождение. Инклюзивную среду невозможно организовать и поддерживать, она представляет собой динамичную систему, включающую всех участников учебного коллектива в образовательном учреждении, а в широком смысле – местное социальное окружение, социальную среду, в которую по завершении обучения лицам с ограниченными возможностями здоровья придется так или иначе включиться.

Открытая городская среда – это доступная всем категориям жителей материальная среда, в том числе и отвечающая критерию безбарьерности, т.е. пригодная для комфортного перемещения и обеспечивающая высокое качество жизни всех людей. В широком смысле открытая социальная среда гарантирует для всех разные возможности участия в общественной жизни. Открытая социальная среда города обеспечивает поддержку за счет перераспределения ресурсов в пользу лиц с особыми запросами, и одной из наиболее значимых категорий является учащаяся молодежь с ограниченными возможностями здоровья.

В данном исследовании предпринимается попытка проанализировать возможности изучения иностранного языка с применением интерактивных технологий (дополненной реальности и 3D) на лексическом материале города (объекты городского пространства, их семантические поля, языковые формы жителей города). Мы полагаем, изучение семантики городских объектов, помимо представлений о культуре и традициях носителей изучаемого языка, формирует также особый опыт по отношению к собственному языку и культуре. Первичная интеграция в культуру связана со сложностями осознания ее конкретных содержаний, их значимых взаимосвязей. В динамичной и многообразной повседневной жизни города не всегда уместен и доступен рефлексивный взгляд на социальные и культурные объекты, их содержание и функции. Изучение иностранного языка несет в себе психосемантический потенциал социализации как первоочередной ресурс для построения иммерсивной образовательной среды.

Построение инклюзивной среды в образовательном учреждении – непростая задача; чтобы иметь достаточно высокий уровень, она должна отвечать следующим критериям:

- личностная значимость и системность содержания обучения, обоснованность его методов;

- соответствие обучения особенностям и возможностям обучающихся, их индивидуально-типическим характеристикам, степени выраженности нарушений;

- уровень преподавания, обеспечивающий инклюзию лицам с ОВЗ и индивидуальный подход к остальным обучающимся;

- применение форм и методов образования, направленных на социальную интеграцию всех обучающихся и компенсацию высших психических функций лиц с ОВЗ, базирующихся на овладении общей структурой познавательной и речевой деятельности;

- построение системы сотрудничества на уровне образовательного учреждения, баз практик, семей и местных общественных организаций, профильных медико-психолого-педагогических учреждений, реализующих концепцию инклюзивного образования.

Применение интерактивных технологий с целью создания инклюзивной образовательной среды необходимо и важно не только для обучающихся с особыми образовательными запросами, но и для всех участников образовательного процесса, так как позволяет консолидировать их и сформировать по-настоящему партнерские и равноправные (субъект-субъектные) отношения между педагогами, учащимися и их семьями, образовательными и социальными структурами. В этой связи сложно переоценить дискурс города. Готовность общества к инклюзии реализуется, с нашей точки зрения, в двух основных направлениях: *сопровождение* образования и социальной интеграции людей с ОВЗ и *реализация всеобщего права* на участие в общественной жизни, трудовой деятельности, самоуправлении.

Интерактивные технологии в обучении иностранному языку

В целом мы предлагаем осуществлять инклюзию лиц с ОВЗ иммерсивными средствами, путем индивидуализации обучения. Обучающийся с его конкретными дефицитами и ресурсами определяет предметную область обучения, его содержание, выбор задач и их реализацию в конкретных заданиях, формы руководства образовательным процессом [9].

Наиболее логичным и доступным путем реализации индивидуализации в условиях массового образовательного процесса является стремительно развивающаяся цифровая среда, так как именно в ней возможно многопользовательское по форме и мультисубъектное по своей сути образовательное взаимодействие.

Применение мобильных технологий в большинстве областей жизни стало приметой времени; в условиях высшей школы инновационные методы повышают языковую, коммуникативную компетентность и уровень цифровой грамотности студентов, что позволяет сделать изучение иностранного языка по-настоящему интерактивным и непрерывным [10]. По отношению к лицам с ограниченными возможностями здоровья применение инновационных технологий дает дополнительные компенсаторные возможности, но имеет и ряд особенностей. Существующие исследования в области обучения иностранному языку лиц с ОВЗ свидетельствуют о сложностях мотивации, необходимости разработки вариативных стратегий представления учебного материала и форм контроля [11].

Особый интерес представляет концепция инклюзивного дизайна цифровых образовательных ресурсов, в основе которой – целевой отбор образовательного содержания и непрерывное усовершенствование дидактических методов на основе обратной связи. Представляются целесообразными применение обучающимися нейросетей и разработка интерфейса цифровых помощников для работы с каждой категорией лиц с ОВЗ, а также формализация контроля эффективности усвоения учебных модулей на основе анализа «цифрового следа обучающегося» [12, 13].

Подчеркиваем, что данные средства должны разрабатываться и использоваться в соответствии с требованиями к организации самостоятельной работы и внеучебной деятельности при освоении учебного курса. Онтологические основы программы разрабатываются педагогом в соответствии с нормативами, а интерактивные, иммерсивные и нейросетевой форматы используются на этапе индивидуализированного представления учебного содержания, организации командной, проектной работы и генерации проверочных заданий.

Такие инструменты, как дополненная и виртуальная реальность (Augmented Reality, AR), все в большей степени интегрируются в современное образование, но их эффективное применение требует ориентации на **классические принципы организации обучающей среды, имитационных и деловых игр как методов обучения**:

- моделирование;
- планирование и прогнозирование результатов обучения;
- соответствие образовательной среды личностным запросам обучающегося;
- личностная, творческая мотивация; субъектная позиция обучающегося (целенаправленность и осознанность);
- опосредованное взаимодействие всех субъектов образовательного процесса (обучающийся не представлен себе) [14].

Также средовой подход характеризуется комплексностью, многомерностью, включенностью в познавательную, исследовательскую деятельность, общением и непрерывным проектированием образовательного процесса, его результатов и итогов.

Инновационная образовательная среда отличается динамичностью и требует от педагога и учащихся, находящихся в едином образовательном пространстве, участвовать в разных видах деятельности, проявлять активность и осознанность.

Таким образом, применение технологий дополненной реальности как образовательного инструмента позволяет:

- сделать дистанционно доступными материальные и информационные объекты, обеспечивая эффект присутствия, наглядность, которая может быть недоступна в повседневной реальности;
- представить учебное содержание как мультимедальный комплекс;
- повысить и качественно улучшить мотивацию (интерес к методу, непроизвольная вовлеченность на начальном этапе и стремление достичь цели, реализовать себя – в дальнейшем);

– дать возможность получить уже в ходе усвоения знаний личный опыт, который будет комфортным и качественным, а также безопасным для обучающихся;

– вывести на новый уровень осознанность и коммуникативную компетентность, визуализировать и представить скрытые причинно-следственные взаимосвязи.

Психосемантический подход к построению инклюзивной среды изучения иностранного языка должен, с нашей точки зрения, основываться на той идее, что ценностные, аксиологические компоненты модели мира формируются в познавательной активности субъекта, перцептивные образы являются особыми высказываниями субъекта о мире, усвоение речи не сводится к простому запоминанию значений и правил употребления слов, конструктивность психической деятельности позволяет при помощи речи выйти за пределы ограничений восприятия.

Мы считаем нужным подчеркнуть, что в отличие от развлекательной и игровой активности интерактивное иммерсивное обучение предполагает серьезную работу с содержанием обучения и направлено не на виртуализацию способов удовлетворения потребностей в познании, общении, развлечении, социальном взаимодействии, а на формирование речевых и социальных компетенций. Можно говорить о том, что социальная реальность представляет собой некий макротекст, для восприятия и интерпретации которого должны быть соответствующие навыки и опыт. В этом отношении важно задействовать тот опыт социальной повседневности, который имеется у всех без исключения субъектов образовательного процесса, и он связан с городскими содержаниями и адресованными им познавательными и коммуникативными практиками.

Город как текст: возможности образовательной инклюзии

В своем исследовании мы обращаемся к концепту города-текста, основы которого были заложены еще в работах Н.П. Анциферова [15] и получили развитие в тартуско-московской семиотической школе Ю.М. Лотмана [4]. Основы концептуализации города как текста можно суммировать в виде следующих положений:

– город есть некий персонифицированный, **антропоморфизированный образ**, он подобен литературному персонажу, личность и сознание которого воссоздается читателем и продолжает свое существование в мыслях, оценках, мнениях реальных людей;

– городская среда является **макротекстом**, включающим семиотические коды разных уровней от ландшафтного до цифрового;

– **знаковая система города** включает особенности ландшафта, панорамы, улицы и площади, архитектурные ансамбли и их наименования, транспортные сети, памятники и культурные объекты, общественные пространства, предприятия и жилые массивы, исторические и культурные события.

Таким образом, «сюжеты городского текста» включают как обыденные мотивы, так и символические, рубежные. Поэтому можно говорить о **семиотике городской повседневности** [16] и **семиотике достопримечательностей** [17], в которых элементы городской инфраструктуры – учреждения, предприятия, спортивные, культурные и транспортные объекты, а также

уникальные архитектурные объекты – функционируют как знаки и символы, объединяются в знаковые системы. Подчас такие знаки, фиксирующие смыслы на метауровне, осознаются поверхностно, факты и события, связанные с ними, не являются для горожан значимыми. Взаимодействуя с элементами городского текста лишь на поверхностном прагматическом уровне, жители и гости города могут не осознавать другие аспекты знакомого текста и с удивлением обнаруживать, что он имеет еще и общественную, групповую, личностную ценность [18].

В определенном смысле эти «два слоя» **существования городских объектов** соответствуют основным **функциям речевой деятельности**: когнитивной (внутренняя речь) и коммуникативной (внешняя речь).

На **мотивационном уровне** ориентация в городском пространстве и овладение обеспечивающими лексическими средствами происходит в контексте: 1) решения жизненных задач (ориентироваться в городе, построить нужные маршруты, познакомиться с достопримечательностями, решить задачи обеспечения); 2) эмоциональной вовлеченности, личностного контакта (переживаний, связанных с узнаванием, пониманием, эстетическим восприятием, конкурентной борьбой, разворачиванием жизненной истории в контексте города); 3) транзакций с городским текстом, удовлетворения, фрустрации, интереса, внимания, осознания ценности и привлекательности жизни в городе, желания и дальше жить в нем, работать, отдыхать, общаться, воспитывать детей, состоять в городских сообществах и участвовать в принятии важных решений.

Как видим, эти личностно-значимые мотивационные уровни задействованы и при изучении иностранного языка, для успеха в этой деятельности значимы:

– **целевая мотивация** (сдать экзамен, получить работу, потреблять иноязычный контент, повысить профессиональный статус, путешествовать, общаться);

– **содержательная мотивация** (более глубокое понимание рабочих, официальных и развлекательных текстов, улучшение качества понимания и выражения своих мыслей, погружение в культуру и субкультуру, выявление заимствований и параллелей в возникновении и применении языковых средств);

– **инструментальная мотивация** (удовлетворение прогрессом, желание осваивать новую лексику, усложнять грамматические структуры, выполнять тренировочные и творческие задания, участвовать в проектной деятельности).

Для изучающих иностранные языки в рамках **общеобразовательных программ** на неязыковых факультетах (по программам среднего, среднего специального и высшего образования) особенно важна ситуативная положительная мотивация, систематическое подкрепление усвоенного материала.

С нашей точки зрения, использование **семиотически обоснованной**, структурированной городской лексики и разработка соответствующих ей форм и методов обучения языку, вовлекающих в прочтение городского текста, может быть одним из актуальных (универсальных) мотивационных средств. В такой территориально и этнически многообразной стране, как Россия, есть города с уникальной историей, ландшафтом, топонимикой, и освоение языка на этом

содержании поможет актуализации культурных ценностей, развитию кругозора, обогащению родного языка (а в условия полилингвальности обучающихся – и не одного). С другой стороны, формируется мотивация к узнаванию сходного и отличного в миропонимании и мироотношении разных народов, выраженного в смыслах, лексике и языковых формах, неразрывно с ними связанных.

Для других **категорий обучающихся**, например студентов языковых вузов, изучающих языки в рамках общепрофессиональных блоков и как дисциплины специализации, в процессе профессиональной переподготовки, общие и локальные содержательные блоки, связанные с городом, дадут возможность конкретизировать и сделать более эффективными профессиональные языковые навыки.

С нашей точки зрения, обогащение образовательных программ, связанных с изучением иностранного языка, региональным компонентом, формирование умений рассказать о выдающихся людях и событиях, достопримечательностях, культурных памятниках, климате, транспорте, провести мини-экскурс, написать текст для рабочего сайта или аккаунта и т.д. является в настоящее время необходимым, но не достаточным шагом. Именно с позиции **социальной семиотики города** обучение «работе с текстом города», изучение иностранного языка на его материале может способствовать углублению познавательной мотивации, ее устойчивости, сохранению мотивации успеха.

Словарный материал

Тип населенного пункта	Термины, характеризующие город	Структурные элементы	Объекты
Город Мегалополис Столица Агломерация Село Деревня Селение Поселение Крепость	Древний город Культурная столица Промышленный центр Город-порт Город-герой Туристический центр Умный город Цифровой город Университетский город	Район Промышленный район Рабочий район Спальный район Микрорайон Квартал Застройка Коттеджный поселок Двор Кондоминиум Общественная зона	Сквер Парк Школа Больница Завод Фабрика Торговый центр Проспект Главная улица Переулок Тупик Проезд Пешеходные зоны Общественный транспорт
City Megapolis Capital Agglomeration Village Village The village Settlement Fortress	Ancient city Cultural Capital Industrial Center Port City Hero City Tourist Center Smart City Digital City University City	District Industrial area Working area Residential area Microdistrict Quarter Building Cottage settlement Yard Condominium Public area	Garden Park School Hospital Factory Factory Shopping centre Avenue Main Street Alleyway Dead end Transit Pedestrian zones Public tran

Устойчивые языковые структуры

Словосочетания	Фразовые глаголы	Фразеологизмы
городской житель высотные здания стресс мегаполиса шумовое загрязнение промышленная зона окраина города провинциальный городок главная площадь уличный базар уличная преступность интенсивное движение перенаселение города	ежедневные поездки на работу объединить усилия	бетонные джунгли час пик
city dweller towering skyscrapers of the stress of the metropolis noise pollution industrial zone the outskirts of the city provincial town main square open-air market street crime heavy traffic overcrowded cities	to commute to unite efforts	Concrete jungle Rush hour

Литературные произведения, из которых рекомендуется использовать текстовый материал: Ч. Диккенс «Повесть о двух городах», Дж. Керуак «Городок и город», Дж. Лондон «Костер».

Дискурс города как иммерсивная модель организации иноязычного образования

Иммерсивная среда создает психосемантическое пространство, в котором текст города является основой для социальных и языковых интерпретаций, подлинной лабораторией, в которой происходит присвоение психических и социальных функций в индивидуальном, личностно-обусловленном процессе изучения иностранного языка.

Дискурс города, сформированный как социально значимый его концепт, является естественной и функциональной идентификационной схемой, присутствующей во всех языках. Применение речевых практик к социальной структуре города позволяет реализовать принцип социальной природы деятельности и познания, идею единства предметного и знакового пространства в речевых практиках [3, 19], психосоматический потенциал иммерсивной образовательной среды.

Приобретение билингвального опыта во взаимодействии с текстом города характеризуется активностью, требует практических и умственных действий, схема которых может быть представлена в цифровой форме. Следует подчеркнуть, что *технологии дополненной реальности, направленные на создание виртуальных объектов, связанных с реальными городскими объектами, являются для обучающихся средством интеграции в социальную повседневность, в реальный мир. Комфортное и знакомое по развлекательным видеоиграм цифровое пространство не служит в этом случае гиперкомпенсации фрустрированных коммуникативных потребностей и эскапизму, а позволяет создавать эффективные, оригинальные и перспективные образовательные продукты.*

В этой связи можно предложить такие иммерсивные средства, как

- овладение городской лексикой в условиях дополненной реальности (интеграция цифровых тренажеров «слово-картинка», симуляция типичных городских ситуаций на начальном этапе);
- освоение умений чтения и понимания печатного текста на материале адаптированных художественных и публицистических текстов о городе (с их визуализацией при помощи нейросети);
- формирование коммуникативно репрезентативных навыков (звукопроизнесение, слушание и понимание монологической речи в контексте 3D-тура по городу, интерактивные экскурсии, 3D-квесты, работа с билингвальным ассистентом);
- использование отечественных сетевых платформ для организации трансляций городских событий в режиме реального времени в билингвальном режиме;
- создание баз знаний по изучаемым темам на локальном материале конкретных городов;
- интеграция баз знаний в интерактивные карты и мобильные сервисы (разработка и использование мобильного приложения, интегрирующего функции карты и словаря).

Билингвальное прочтение городского текста в условиях цифрового погружения дает, по нашему мнению, особые образовательные возможности всем участникам образовательного процесса:

- педагог в цифровой среде не ограничен традиционными групповыми и подгрупповыми формами работы, иммерсивное пространство позволяет ему ставить и решать разные образовательные задачи, возвращаясь к городскому тексту в контексте познавательной, жизненной, коммуникативной задачи, осуществлять обучение в соответствии с возможностями каждого;
- обучающиеся с ОВЗ получают опыт мультимедальной познавательной языковой активности, сопряженный с хорошо знакомыми городскими объектами и ситуациями, в сопоставлении с ценностями, взглядами и традициями носителей другого языка;
- обучающиеся с ОВЗ преодолевают ограничения социальной интеграции, обусловленные их физическим или психическим статусом, что происходит благодаря формированию на основе вторичной языковой личности рефлексивной позиции по отношению к социальным процессам и явлениям, заложенным в городской текст;
- все участники учебной группы получают структурированный билингвальный опыт интеграции локальной и цифровой идентичности, возможность рефлексивного осознания представлений о социальном пространстве, культурных ценностях, значении исторических и современных событий в контексте города.

Кроме того, интеграция VR в образовательную платформу даст свои преимущества. Появляется возможность максимально *индивидуализировать процесс изучения языка* и сделать его принципиально доступным как в образовательном учреждении, так и в любом другом месте. Применение 3D-моделей позволяет более полно реализовать *принцип наглядности* в изучении языка, визуализируя не только сами объекты города, но недоступные непосредственному восприятию скрытые процессы – тенденции, потоки, отдельные аспекты жизни города. Мы предлагаем использовать оригинальную программно-методическую систему «Исследовательский 3D-тур» (созданную авторами данной статьи) [20] для изучения представлений о городской инфраструктуре в качестве пилотной модели.

В качестве комплексной модели мы предлагаем интегрировать иммерсивные средства в образовательную среду, обеспечив вовлеченность всех категорий обучающихся (рис. 1).

Модель формирования иммерсивной инклюзии в обучении иностранным языкам позволяет обеспечить:

- максимальную доступность интерактивных материалов в аудио-, видео- и текстовом формате, использование технологий голосового ввода, программы распознавания речи и т.д.;
- условия для построения индивидуального плана обучения с учетом физических и когнитивных возможностей, скорости и качества усвоения языкового материала;
- вариативное использование элементов визуализации, интерактивных заданий, игр и симуляций;

– регулярную поддержку, обратную связь и критериальную оценку от педагога (с целью уточнения личных целей) и от учебной группы (с целью поддержания мотивации).

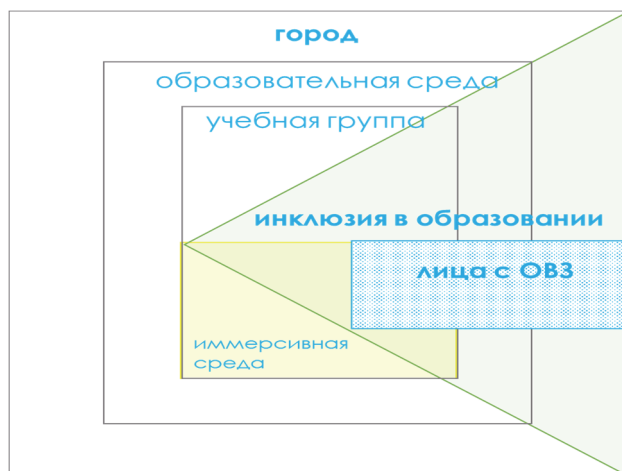

Рис. 1. Модель формирования иммерсивной инклюзии в обучении иностранным языкам

Предложенный инструментарий и модель его использования встраиваются в траекторию внедрения инноваций в современную российскую лингводидактику [21] и модернизации иноязычного образования в условиях социальных вызовов и технологических трансформаций [22]. Элементы личностно-деятельностного подхода [23] сочетаются с инновационными форматами совместной работы в обучении иностранному языку [24]. Когнитивно-дискурсивная технология обучения иноязычной межкультурной коммуникации [25] позволила правильно выстроить последовательность создания и внедрения интерактивной [26] коммуникативно-тренинговой [27] обучающей системы и реализовать основные положения интегративно-развивающего обучения [28].

Заключение

Следует отметить, что если традиционные формы обучения ориентированы на практическое применение

языка в реальной жизни, для чего на постоянной основе инициируются ролевые диалоги и обсуждения, то интерактивные методы позволяют моделировать любое событие, закреплять полученные знания и повышать уверенность непосредственно в ситуации изучения языка, делают обучение более доступным, гибким и практически направленным. *Командность, сотрудничество и проектная деятельность* в изучении языка перестают ограничиваться пространственно-временными факторами и индивидуальными возможностями обучающихся.

Изучение иностранного языка на материале города переводит на новый уровень возможности инклюзии в образовательной среде, так как вовлекает всех участников образовательного процесса, независимо от физического или социального статуса, благодаря доступности изучаемого содержания. Городские объекты (улицы, площади, архитектурные комплексы, дороги, университеты, театры, выставочные залы, спорткомплексы, магазины) предоставляют богатый материал как с точки зрения ознакомления с культурой изучаемого языка, так и с позиции рефлексивного осмысления собственной культуры и истории, поскольку каждый из этих элементов имеет в языке названия, синонимические ряды и сложившиеся способы их употребления.

Применение 3D и дополненной реальности позволяет всем категориям обучающихся участвовать в изучении каждой темы, работая с интегрированными в виртуальную среду фото- и видеоматериалами, интерактивными играми. Изучение иностранных слов в контексте виртуальных прогулок и экскурсий способствует адаптации и культурной интеграции, преодолению коммуникативных барьеров между людьми разных культур и социальных групп.

Для людей с особыми образовательными потребностями, которые в повседневной жизни сталкиваются с трудностями, важно изучать язык в комфортной интерактивной позиции, где воспроизводятся типичные ситуации выбора маршрута, поиска нужной информации, посещения учреждений и достопримечательностей, общения и отдыха. Во многом моделирование этих ситуаций не только делает обучение более осмысленным и полезным, но воссоздаёт, дополняет и обогащает личный языковой опыт.

Список источников

1. Гречушкина Н.В. Онлайн-курсы в контексте инклюзивного образования // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 12. С. 97–103.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2022. 576 с.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2014. 411 с.
5. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 479 с.
6. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М.: Когито-Центр, 2010. 255 с.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2004. 261 с.
8. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: к 60-летию члена-корреспондента РАН Ю.Н. Караулова. М.: Институт русского языка РАН, 1995. С. 277–285.
9. Кузьмичева Т.В., Афонькина Ю.А. Методология и технология индивидуализации в инклюзивном образовании // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 3 (114). С. 61–71.
10. Викулина М.А., Вилкова Л.В. Обучение иностранным языкам с использованием мобильных технологий // Язык и культура. 2024. № 67. С. 130–147. doi: 10.17223/19996195/67/7
11. Красавина Ю.В., Пономаренко Е.П., Жуйкова О.В. Особенности использования печатных и электронных источников информации при обучении иностранному языку глухих и слабослышащих студентов технического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 135–143. doi: 10.17223/15617793/494/14
12. Захаров А.А., Захарова И.Г., Шабалин А.М., Ханбеков Ш.И., Джалилзод Д.Б. Интеллектуальный голосовой помощник как пример реализации методологии инклюзивного дизайна // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 3. С. 149–175.

13. Колесников А.А. В поисках способов организации онлайн-обучения студентов языкового вуза в условиях глобального форс-мажора: из опыта работы // *Язык и культура*. 2024. № 65. С. 167–192. doi: 10.17223/19996195/65/8
14. Зырянова Н.И. Проектирование образовательной среды по подготовке педагогов профессионального образования. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф. пед. ун-та, 2018. 126 с.
15. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб. : Брокгауз–Ефрон, 1922. 228 с.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
17. Медведева Е.В. Семiotика достопримечательностей и ее роль в формировании текста города // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 4. С. 134–142.
18. Савченко И.А., Козлова Ю.В. Речевые практики в дискурсе цифрового города: «пересборка» иноязычного образования // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 496. С. 33–43. doi: 10.17223/15617793/496/4
19. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : Избр. тр. СПб. : Искусство–СПб, 2003. 612 с.
20. Савченко И.А., Золотарев М.И. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024667802 Российская Федерация. Программно-методическая система Исследовательский 3D-тур : № 2024666481 : заявл. 09.07.2024 : опубл. 30.07.2024.
21. Новые подходы в лингводидактике и педагогическом образовании / К.Э. Безукладников, Е.К. Гитман, Е.П. Глумова [и др.]. Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2022. 312 с.
22. Обдалова О.А., Соболева А.В., Минакова Л.Ю. Модернизация иноязычного образования в эпоху социальных вызовов и технологических трансформаций: кейс-исследование трансформации образовательной программы магистратуры // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 2 (62). С. 102–124. doi: 10.32744/pse.2023.2.6
23. Обдалова О.А., Харапудченко О.В. Личностно-деятельностный подход как основа совершенствования иноязычной профессиональной компетенции студентов магистратуры // *Система непрерывного филологического образования: школа–колледж–вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования: Сборник научных трудов по материалам XXII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции / под ред. В.Ф. Аитова, Х.Х. Галимовой, Н.У. Халиуллиной, Ю.А. Шаниной*. Уфа : Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2022. С. 286–288.
24. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Системообразующие результаты интегративных форматов совместной работы в иноязычной подготовке будущих инженерно-технических специалистов // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 488. С. 37–47. doi: 10.17223/15617793/488/4
25. Обдалова О.А. Когнитивно-дискурсивная технология в обучении иноязычной межкультурной коммуникации // *Язык и культура*. 2018. № 44. С. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18
26. Обдалова О.А., Жарова Ю.В. Интегративно-развивающее обучение будущих инженеров иноязычной публичной речи на основе технологии междисциплинарного ассемблирования // *Философия образования*. 2023. Т. 23, № 2. С. 158–177. doi: 10.15372/PHE20230210
27. Cam M.F., Obdalova O.A. The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 488. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
28. Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V., Soboleva A.V., Minakova L.Y. Interactive Technology in Teaching English Oral Academic Discourse to Master Students // *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEEHIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 499. Springer, Cham, 2022. P. 54–63. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_6

References

1. Grechushkina, N.V. (2019) Onlayn-kursy v kontekste inkluzivnogo obrazovaniya [Online Courses in the Context of Inclusive Education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 28 (12). pp. 97–103.
2. Vygotskiy, L.S. (2022) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: AST.
3. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: HSE.
4. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Saint Petersburg: Azbuka.
5. Petrenko, V.F. (2005) *Osnovy psikhosemantiki* [Foundations of Psychosemantics]. Saint Petersburg: Piter.
6. Lepskiy, V.E. (2010) *Refleksivno-aktivnye sredy innovatsionnogo razvitiya* [Reflexive-Active Environments for Innovative Development]. Moscow: Kogito-Tsent.
7. Karaulov, Yu.N. (2004) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: URSS.
8. Khaleeva, I.I. (1995) Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak retsipient inofonnogo teksta [The Secondary Linguistic Personality as a Recipient of a Foreign Language Text]. In: *Yazyk-sistema. Yazyk-tekst. Yazyk-sposobnost: k 60-letiyu chlena-korrespondenta RAN Yu.N. Karaulova* [Language–System. Language–Text. Language–Ability: On the 60th Anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Yu.N. Karaulov]. Moscow: IRL RAS. pp. 277–285.
9. Kuzmicheva, T.V. & Afon'kina, Yu.A. (2023) Metodologiya i tekhnologiya individualizatsii v inkluzivnom obrazovanii [Methodology and Technology of Individualization in Inclusive Education]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki – Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*. 114 (3). pp. 61–71.
10. Vikulina, M. & Vilkova, L.V. (2024) Obuchenie inostrannym yazykam s ispol'zovaniem mobil'nykh tekhnologiy [Teaching Foreign Languages Using Mobile Technologies]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 67. pp. 130–147. doi: 10.17223/19996195/67/7
11. Krasavina, Yu.V., Ponomarenko, E.P. & Zhuykova, O.V. (2023) The use of printed and digital resources in teaching ESL to deaf and hard-of-hearing students at a technical university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 135–143. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/14
12. Zakharov, A.A., Zakharova, I.G., Shabalin, A.M., Khanbekov, Sh.I. & Dzhalilzoda, D.B. (2024) Intel'ktual'nyy golosovoy pomoshchnik kak primer realizatsii metodologii inkluzivnogo dizayna [An Intelligent Voice Assistant as an Example of Implementing Inclusive Design Methodology]. *Obrazovanie i nauka*. 26 (3). pp. 149–175.
13. Kolesnikov, A.A. (2024) V poiskakh sposobov organizatsii onlayn-obucheniya studentov yazykovogo vuza v usloviyakh global'nogo fors-mazhora: iz opyta raboty [In Search of Ways to Organize Online Learning for Students of a Linguistic University in Conditions of Global Force Majeure: From Work Experience]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 65. pp. 167–192. doi: 10.17223/19996195/65/8
14. Zyryanov, N.I. (2018) *Proektirovanie obrazovatel'noy sredy po podgotovke pedagogov professional'nogo obrazovaniya* [Designing an Educational Environment for the Training of Vocational Education Teachers]. Yekaterinburg: RPPU.
15. Antsiferov, N.P. (1922) *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. Saint Petersburg: Brokgaуз–Eфрон.
16. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow: Gnozis.
17. Medvedeva, E.V. (2020) Semiotika dostoprimechatel'nostey i ee rol' v formirovaniy teksta goroda [Semiotics of Landmarks and Its Role in the Formation of the City Text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 4. pp. 134–142.
18. Savchenko, I.A. & Kozlova, Yu.V. (2023) Speech Practice in the Digital City Discourse: Reassembling the Foreign Language Education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 33–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/4
19. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury: Izbr. tr.* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. Saint Petersburg: Iskustvo–SPB.

20. Savchenko, I.A. & Zolotarev, M.I. (2024) *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № 2024667802 Rossiyskaya Federatsiya. Programmno-metodicheskaya sistema Issledovatel'skiy 3D-tur: № 2024666481: zayavl. 09.07.2024: opubl. 30.07.2024* [Certificate of State Registration of the Computer Program No. 2024667802 Russian Federation. Software and Methodological System Research 3D Tour: No. 2024666481: appl. 09.07.2024: publ. 30.07.2024].
21. Bezukladnikov, K.E. et al. (2022) *Novye podkhody v lingvodidaktike i pedagogicheskom obrazovanii* [New Approaches in Linguodidactics and Teacher Education]. Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod.
22. Obdalova, O.A., Soboleva, A.V. & Minakova, L.Y. (2023) Modernizatsiya inoyazychnogo obrazovaniya v epokhu sotsial'nykh vyzovov i tekhnologicheskikh transformatsiy: keys-issledovanie transformatsii obrazovatel'noy programmy magistratury [Modernization of Foreign Language Education in the Era of Social Challenges and Technological Transformations: A Case Study of the Transformation of a Master's Degree Program]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 62 (2). pp. 102–124. doi: 10.32744/pse.2023.2.6
23. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2022) [Personality-Activity Approach as a Basis for Improving the Foreign Language Professional Competence of Master's Students]. *Sistema nepreryvnogo filologicheskogo obrazovaniya: shkola-kolledzh-vuz. Sovremennye podkhody k prepodavaniiyu distsiplin filologicheskogo tsikla v usloviyakh polilingval'nogo obrazovaniya* [The System of Continuous Philological Education: School-College-University. Modern Approaches to Teaching Philological Disciplines in the Context of Multilingual Education]. Proceedings of the XXII All-Russian Conference with International Participation. Ufa: Bashkir State Pedagogical University. pp. 286–288.
24. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) System-Forming Results of Integrative Formats of Collaboration in Foreign-Language Training of Engineering and Technical Majors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 37–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/4
25. Obdalova, O.A. (2018) Kognitivno-diskursivnaya tekhnologiya v obuchenii inoyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii [Cognitive-Discursive Technology in Teaching Foreign Language Intercultural Communication]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 44. pp. 279–305. doi: 10.17223/19996195/44/18
26. Obdalova, O.A. & Zharova, Yu.V. (2023) Integrativno-razvivayushchee obuchenie budushchikh inzhenerov inoyazychnoy publichnoy rechi na osnove tekhnologii mezhdistseplinarnogo assemblirovaniya [Integrative-Developmental Teaching of Future Engineers' Foreign Language Public Speaking Based on the Technology of Interdisciplinary Assembling]. *Filosofiya obrazovaniya*. 23 (2). pp. 158–177. doi: 10.15372/PHE20230210
27. Cam, M.F. & Obdalova, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
28. Obdalova, O.A., Kharapudchenko, O.V., Soboleva, A.V. & Minakova, L.Y. (2022) Interactive Technology in Teaching English Oral Academic Discourse to Master Students. In: *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEHGIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 499. Springer, Cham. pp. 54–63. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_6

Информация об авторах:

Козлова Ю.В. – канд. психол. наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: iris08@yandex.ru

Савченко И.А. – д-р социол. наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического Центра Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: teosmaco@ramler.ru

Золотарев М.И. – эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики доцент Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: maksbrain@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Kozlova, Cand. Sci. (Psychology), senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: iris08@yandex.ru

I.A. Savchenko, Dr. Sci. (Sociology), leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru

M.I. Zolotarev, expert, Humanitarian Analytics Project Office, associate professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: maksbrain@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024;
одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 14.11.2024;
approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 811.1/9, 378
doi: 10.17223/15617793/513/21

Медиаконтекстная модель формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов

Лилия Рафхатовна Низамиева¹, Гульнара Ильсуровна Назарова²

^{1, 2} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ lilianiz@yandex.ru

² gulnazar@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования образовательного потенциала медиаконтекстной модели формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов, определены дидактические принципы ее построения, а также обеспечиваемые моделью компоненты учебно-профессиональной деятельности. Разработаны содержательная и процессуальная стороны модели, этапы ее функционирования и критерии оценки эффективности ее применения. Результаты апробации модели в учебном процессе служат основой для рекомендации относительно ее внедрения в образовательную практику высшей школы.

Ключевые слова: медиаконтекстная модель, формирование иноязычной коммуникативной компетенции, практико-ориентированное обучение, медиакоммуникации, контекстный подход, медиатворческая деятельность, медиапродукт

Для цитирования: Низамиева Л.Р., Назарова Г.И. Медиаконтекстная модель формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 181–190. doi: 10.17223/15617793/513/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/21

Media context model for the formation of students' foreign-language professional and communicative competency

Liliya R. Nizamieva¹, Gulnara I. Nazarova²

^{1, 2} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ lilianiz@yandex.ru

² gulnazar@yandex.ru

Abstract. The aim of the article was to develop a media-context model of teaching a foreign (French) language, aimed at forming a foreign-language professional competency of specialists in the field of media communications. Based on the results of the analysis of Russian and foreign research in the field of professional practice-oriented training (CLIL technology, FOS methodology, contextual approach), as well as the regulatory documents in the field of training the Media Communications students of Kazan Federal University, the authors used the method of pedagogical modeling, which made it possible to build a personality-oriented developmental model of teaching the French language as a special form of didactic interaction between the teacher and students. This model is aimed at creating the ability and readiness of students for future media activities in a foreign language context. It is based on such didactic principles as consistency, interactivity, independence, joint activity on parity conditions, problematization, variability, the connection of theory and practice, the unity of the substantive and procedural sides of the language training of the future specialist. The model is designed for fourth-year undergraduate students who have a basic or higher level of proficiency in the foreign language studied. The model developed by the authors was tested in practice as part of the educational process in the French language. Its stages were: (1) diagnostic and motivational stage (identification of educational needs of the target audience based on trainee surveys); (2) design stage (determination of the general educational trajectory, content, as well as technologies, methods and means of training: communication methodology, project method, use of digital resources and artificial intelligence capabilities as part of the implementation of a contextual approach); (3) implementation stage (mastering the selected content in the implementation of various types of activities in the classroom and in the process of independent work: design and creative tasks in the form of dubbing a fragment of a cartoon, blogging or vlogging, brief news information, creating a commercial in French, etc.); (4) reflective stage (analysis of the achieved educational results, assessment of the acquired experience, diagnosis of the formation of competencies of students in the field of professional French and the effectiveness of the applied educational model). The formation of foreign-language communicative competency was assessed according to a number of criteria: proficiency in language skills and speech skills, the ability to work with information, and the achievement of the goal of communication. The analysis of the obtained results allows drawing conclusions that the proposed educational model

contributes to the growth of cognitive independence and activity of students, stimulation of a creative approach to activities, development of basic educational, professional competencies and soft skills.

Keywords: media context model, formation of foreign-language communicative competency, practice-oriented training, media communication, contextual approach, media development activity, media product

For citation: Nizamieva, L.R. & Nazarova, G.I. (2025) Media context model for the formation of students' foreign-language professional and communicative competency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 181–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/21

Введение

В условиях интеграции компетентностного и личностного подходов к подготовке будущих специалистов образовательные результаты обучаемых оцениваются не только по объему фундаментальных теоретических знаний, но и в рамках личностных качеств, а также парадигмы практических умений и навыков, необходимых для будущей профессиональной деятельности выпускников вузов. В центре внимания при этом находятся компетенции, формируемые у обучаемых в рамках преподавания комплекса дисциплин, предусмотренных учебным планом по тому или иному направлению подготовки. Таким образом, в процессе реализации образовательной деятельности акцент преподавания сместился на личностное развитие и практическое применение полученных знаний для решения различных профессиональных задач прикладной направленности.

Преподавание учебных дисциплин в контексте профессиональной теоретической и практической подготовки будущих специалистов основывается на моделировании вероятного предметного и социального содержания их деятельности в виде основных задач, функций и проблемных ситуаций в определенной профессиональной сфере. Практикоориентированность современного образования требует организации активной, профессионально и личностно значимой учебной деятельности для закрепления, расширения и совершенствования полученных теоретических знаний, а также в целях приобретения опыта их практического применения для решения вопросов, относящихся к сфере будущей специализации выпускников вузов. Становление профессиональных компетенций осуществляется за счет тренировки в выполнении отдельных практических действий при соблюдении дидактических и предметных условий обучения.

На современном этапе развития методики обучения иностранным языкам теоретические изыскания как российских, так и зарубежных ученых, занимающихся вопросами повышения эффективности преподавания, приводят к распространению подхода, связанного с постепенным внедрением в учебный процесс элементов будущей сферы профессиональной деятельности обучаемых (CLIL – контентно-языковое интегрированное обучение, FOS – французский язык для специальных целей, контекстное обучение). Методика CLIL, разработкой которой занимались Д. Марш (David Marsh), автор самого понятия предметно-языкового интегрированного обучения, а также Д. Койл (Do Coyle), Ф. Худ (Philip Hood) и Дж. Камминс (James Cummins), опирается на интеграцию изучения иностранного языка в преподавание отдельных предметов [1–3].

Авторская методика FOS (français sur objectifs spécifiques) специалистов в области преподавания французского языка как иностранного Ж.-М. Манжигант (Jean-Marc Mangiante) и Ш. Парпетт (Chantal Parpette) концентрируется на определении задач, подборе дидактических материалов и технологий обучения на основе выявления конкретных образовательных запросов или коммуникативных потребностей отдельных групп обучаемых [4–6].

На сегодняшний день в российской образовательной среде в практико-ориентированном обучении иностранному языку постепенно распространяется отчасти созвучный с вышеуказанными методиками контекстный подход, предложенный А.А. Вербицким на основе деятельностной теории С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, а также культурно-исторического подхода Л.С. Выготского [7]. Идеи А.А. Вербицкого получили дальнейшее развитие в трудах его учеников и последователей (Е.В. Андреевой, Н.А. Бакшаевой, Н.В. Борисовой, К.С. Гамбург, Т.Д. Дубовицкой, Н.В. Жуковой, Л.М. Калугиной, В.Н. Кругликова, О.Г. Ларионовой, Ю.В. Масловой, Т.М. Сорокиной, А.Б. Самсоновой, Т.А. Тиханкиной, В.Ф. Тенищевой, Н.П. Хомяковой, О.А. Григоренко, О.А. Шевченко и др.) [8. С. 129]. Согласно данным концепциям, деятельность человека представляет собой активный процесс, состоящий из действий, направленных на достижение определенных целей. Применительно к образованию потребность в более качественном и эффективном усвоении социального опыта обуславливает необходимость постепенного перехода от учебной деятельности к учебно-профессиональной с предпочтительным использованием методов активного обучения наряду с традиционными методами. Различные преломления данного подхода применительно к определенным педагогическим условиям можно найти в трудах ряда исследователей (А.В. Райцев, Б.А. Тахохов, О.И. Федотова, М.Н. Швецова) [9–11].

Методология и методы исследования

Целью исследования является попытка разработки медиаконтекстной модели обучения иностранному (французскому) языку для студентов бакалавриата, проходящих подготовку по направлению 42.03.05 Медиакommunikation. Разрабатываемая модель базируется на технологии контекстного подхода и направлена на формирование иноязычной профессиональной компетенции.

Целевой установкой предлагаемой модели является более эффективное формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучаемых за счет обеспечения межпредметных связей в процессе овладения ино-

странным языком и опоры на контекст профессиональной деятельности при подготовке будущих специалистов направления «Медиакоммуникации». При этом обучаемому отводится активная роль в образовательном процессе, так как модель делает акцент на прикладное использование приобретаемых знаний, а также формируемых навыков и умений в контексте учебных симуляций, призванных обеспечить приближение учебной деятельности к реальным условиям с применением коллективных и групповых форм выполнения учебной работы и оценки ее результатов.

Разработанная образовательная модель носит прикладной характер, предлагая конкретные методические приемы применения контекстной модели формирования иноязычной профессиональной компетенции студентов, эффективные в процессе формирования умений профессиональной коммуникации на французском языке обучающихся по направлению «Медиакоммуникации». Медиаконтекстная модель обучения иностранным языкам построена на основе спецификации содержательной составляющей, определяемой профилем профессиональной подготовки рассматриваемой категории студентов. Дидактические принципы функционирования предлагаемой модели, ее содержательная и процессуальная стороны определены с учетом цели и задач обучения студентов рассматриваемого направления подготовки и позволяют успешно формировать универсальные и профессиональные компетенции, подтверждающие квалификацию специалистов направления «Медиакоммуникации».

Основными методами исследования стали анализ и синтез научной литературы по рассматриваемой проблеме, а также нормативных документов в области подготовки студентов, обучающихся по направлению «Медиакоммуникации», метод педагогического моделирования, позволивший определить возможности применения контекстного подхода в обучении иностранному языку будущих специалистов в области медиакоммуникаций, опрос и целенаправленное педагогическое наблюдение.

Педагогическое моделирование дает возможность выявить перспективы развития и совершенствования образовательного процесса в целях реализации новых стратегических задач, которые общество ставит перед высшей школой, а также определить средства их реализации. Модель обучения мы рассматриваем как совокупность взаимосвязанных компонентов, воспроизводящую определенные стороны, связи, функции предмета исследования [12, 13]. В соответствии с классификацией моделей процесса обучения, предлагаемой А.И. Уманом, разработанная нами модель относится к личностно-ориентированному, личностно-развивающему и личностно-стратегическому типам [14], поскольку она предусматривает:

- включение в нее таких дидактических компонентов, как форма предъявления содержания, форма дидактического взаимодействия преподавателя и обучающихся, а также конкретные условия осуществления образовательной профессионально-ориентированной деятельности;

- решение конкретной проблемной ситуации, требующей от обучаемых рефлексии, выступающей одним из основных механизмов развития личности и характеризующей развивающее обучение;

- максимальное приближение к реальной профессиональной деятельности через проблемные ситуации, требующие стратегического проектирования и выбора траектории применения имеющихся компетенций для решения новых познавательных задач.

Рассматриваемая нами модель строится на основе таких дидактических принципов, как системность, интерактивность, самостоятельность, совместная деятельность на паритетных условиях, проблемность, вариативность, связь теории и практики, единство содержательной и процессуальной сторон языковой подготовки будущего специалиста в области медиакоммуникаций.

Предлагаемая образовательная модель рассчитана на студентов четвертого года обучения; дидактическими условиями ее эффективного функционирования выступают следующие:

- высокий уровень сформированности основных профессиональных компетенций;

- сформированность универсальных и общепрофессиональных компетенций на уровне, предусмотренном программой обучения по специальности;

- уровень владения изучаемым иностранным языком – базовый и выше.

Внедрение данной образовательной модели в учебный процесс является инструментом дальнейшего результативного формирования и совершенствования всех указанных выше групп компетенций в соответствии с требованиями ФГОС ВО [15] по направлению подготовки 42.03.05 Медиакоммуникации. Результаты целенаправленного педагогического наблюдения позволяют сделать вывод о том, что обучение иностранному языку с применением контекстного подхода способствует успешному развитию у студентов таких универсальных компетенций, предусмотренных программой бакалавриата, как:

- системное и критическое мышление (УК-1);

- умения разрабатывать и реализовывать проекты (УК-2);

- навыки командной работы и лидерских качеств (УК-3);

- коммуникативные навыки (УК-4);

- навыки межкультурного взаимодействия (УК-5);

- умения самоорганизации и готовности к саморазвитию (УК-6).

При этом следует отметить, что обучение иностранному языку студентов направления «Медиакоммуникации» на основе контекстного подхода наиболее точно отвечает требованиям ФГОС в области формирования общепрофессиональных и профессиональных компетенций, так как рассматриваемые технологии способствуют эффективному развитию умений «создавать востребованные обществом и индустрией медиатексты и (или) медиапродукты, и (или) коммуникационные продукты в соответствии с нормами русского и иностранного языков, особенностями иных знаковых систем» (ОПК-1); при этом создаваемые медиатексты и медиапродукты учитывают многообразие достиже-

ний отечественной и мировой культуры (ОПК-3), отвечают на запросы и потребности общества и аудитории в профессиональной деятельности (ОПК-4), создаются с использованием современных технических средств и информационно-коммуникационных технологий (ОПК-6), а у студентов совершенствуются способности координировать взаимодействие с участниками медиарынка, используя как устную, так и письменную коммуникацию (ПК-3), «разрабатывать и проводить публичные презентации медиапроектов» (ПК-4), «ставить исследовательские задачи, применять различные методы анализа данных, планировать и оценивать результаты аналитической работы в сфере медиакоммуникаций» (ПК-5), разрабатывать и создавать мультимедийный контент (ПК-7), готовить и размещать эффективные медиатексты (ПК-9), «участвовать в проектной деятельности по созданию концепций медиапроектов и их реализации» (ПК-10) [15].

Таким образом, внедрение контекстного подхода в преподавание дисциплины «Иностранный язык» является благоприятным фактором формирования всех групп компетенций, предусмотренных нормативными документами рассматриваемого направления подготовки студентов бакалавриата.

На основании указанных выше дидактических принципов и условий мы проектируем структуру деятельности преподавателя и схему деятельности обучаемых, которые должны максимально эффективно способствовать достижению целевого и личностно-результативного компонентов предлагаемой нами образовательной модели: формирование иноязычной профессиональной компетенции студентов средствами технологий контекстного подхода к обучению иностранному языку. Данная модель ориентируется на обеспечение компонентов учебно-профессиональной деятельности студентов.

Рис. 1. Компоненты учебно-профессиональной деятельности студентов в составе медиаконтекстной модели формирования иноязычной коммуникативной компетенции

На рис. 1 представлены следующие компоненты учебно-профессиональной деятельности:

– мотивационный компонент, заключающийся в формировании потребности использовать возможности образовательной среды для саморазвития и достижения личностно значимых результатов обучения;

– целевой компонент, выражающийся в способности ставить перед собой задачи учебного и профессионального плана, понимать их значение для саморазвития;

– личностно-результативный компонент, предполагающий способность выстраивать и следовать траектории профессионального и личностного самосовершенствования, осуществлять самоконтроль и самооценку уровня сформированности профессиональных компетенций;

– содержательно-деятельностный компонент, который определяется характером будущей профессиональной деятельности и представляет собой накопление личностно значимого опыта когнитивной, практической, творческой деятельности и межличностных отношений в сфере медиакоммуникаций;

– информационно-технологический компонент включающий в себя способность к переработке информации в условиях цифровизации, владение основными методами, способами и средствами ее получения, обработки и передачи в контексте профессиональной деятельности.

Содержательная и процессуальная стороны предлагаемой образовательной модели составлены на основе анализа учебного плана Казанского федерального университета, разработанного для студентов, проходящих подготовку по направлению 42.03.05 Медиакоммуникации (бакалавриат) [16]. В соответствии с учебным планом в течение первых трех лет обучения по данному направлению осваиваются такие дисциплины, как «Техника презентаций», «Теория и практика рекламной деятельности» (1-й курс); «Основы графического дизайна», «Основы видеопроизводства», «Мастер-класс: Новостная журналистика» (2-й курс); «Блоггинг», «Моушн-дизайн» (3-й курс); на 4-м курсе изучаются дисциплины «Звукорежиссура», «Мультимедийные технологии», «Режиссура рекламы». Поэтому к четвертому году обучения студенты уже владеют такими профессиональными навыками в изучаемой области, как, например, производство анимационного медиапродукта, проектирование коммуникаций в социальных сетях, создание и редактирование новостных материалов и других видов медиатекстов, звуковой дизайн мультимедийного проекта и др. Но поскольку указанные выше дисциплины преподаются на русском языке, мы считаем целесообразным расширить и упрочить сформированные навыки применительно к области изучения иностранного языка, опираясь на них как на основу для развития иноязычных профессиональных компетенций, что успешно реализуемо на основе контекстного подхода. Это позволит выпускникам не только повысить свой уровень владения иностранным языком, но и быть более востребованными в профессиональной сфере деятельности.

Прежде всего следует раскрыть содержание базовых понятий, необходимых для реализации предлагаемой нами образовательной модели, таких как *медиакоммуникация*, *медиадискурс*, *медиатекст* и *медиапродукт*.

Медиакоммуникация – это обмен информацией социальной значимости за счет различных технических

средств, процессуально включающий в себя ее создание, распространение и потребление как в индивидуальном, так и в массовом порядке [17–19].

Медиадискурс как совокупность продуктов речевой деятельности в области СМИ и порождающих их процессов представляет собой довольно сложное образование, в котором можно выделить различные типы и подтипы на основе используемых информационных каналов, выполняемых функций и наличия жанровых особенностей. Функционально выделяют публицистический, рекламный и PR-дискурс, который может поступать по теле- или радиоканалам, а также через интернет-сети [20, 21]. Так, например, публицистический дискурс реализуется в различных жанрах в виде:

- заметок, отчетов, репортажей, очерков, интервью (информационный подтип);
- статей, рецензий, комментариев, обзоров, корреспонденции (аналитический подтип);
- фельетонов, памфлетов (сатирический подтип);
- очерков, зарисовок, эссе (художественно-публицистический подтип).

Информационные сообщения любого медийного жанра или вида называют медиатекстами, они представляют собой тексты прагматической направленности, в составе которых могут использоваться различные семиотические коды (вербальный, звуковой, визуальный) в режиме, предусмотренном тем или иным медиаформатом; в связи с этим в лингвистических и дидактических исследованиях их еще называют поликодовыми или мультимодальными текстами [22, 23]. Медиатексты, являющиеся результатом медиатворческой деятельности и выступающие объектами продвижения на рынке, относятся к медиапродуктам, производимым медиаиндустрией [24].

Исследование и результаты

Предлагаемая медиаконтекстная модель, как указывает ее название, направлена на формирование способности и готовности студентов к будущей медиатворческой деятельности в иноязычном контексте, связанном с созданием информационных сообщений на иностранном языке в различных видах и жанрах медиа. Обучение иноязычному профессиональному дискурсу в сфере медиакommunikаций должно охватывать максимально широкий диапазон медиажанров, с которыми впоследствии будут сталкиваться специалисты данной области. В этом отношении предлагаемая модель обладает значительным потенциалом для целевой аудитории, не специализирующейся на изучении иностранного языка.

Эффективность овладения иноязычной коммуникативной компетенцией может быть обеспечена применением ряда традиционных и инновационных методик, опирающихся на цифровые технологии, а также современные формы и методы обучения. При обучении осуществлению коммуникации на иностранном языке в сфере медиадискурса одной из таких передовых образовательных технологий может выступить контекстный подход, который призван, в первую очередь,

обеспечивать, соответствие ожидаемым целям и ситуациям общения (т.е. контексту будущей профессиональной деятельности) для раскрытия многообразия взаимосвязей между субъектом деятельности и его потенциальным окружением. Внедрение контекстного подхода в процесс овладения иностранным языком по специальности является особенно актуальным, так как он позволяет существенно повысить уровень коммуникативной культуры будущих выпускников, систематизируя полученные ими знания и закрепляя механизмы их практического применения в контексте реальных ситуаций в процессе погружения обучаемых в иноязычную среду профессионального общения.

Контекстное обучение иностранному языку в сфере медиакommunikаций предусматривает не только овладение терминологией и приобретение опыта работы с различными источниками и базами данных на изучаемом языке, но и изучение функций и роли специалистов выбранного профиля в иноязычном социуме, ознакомление с особенностями их профессиональной деятельности, оценку зарубежного опыта и возможных карьерных перспектив в избранной области.

В качестве технологии иноязычного профессионального образования медиаконтекстная модель обучения осуществляет ряд функций:

- поддержание учебно-познавательной и профессионально-значимой мотивации обучаемых;
- установление межпредметных и метапредметных связей, основанных на синтезе разных областей знаний для их системного практического применения в реальных профессиональных ситуациях;
- формирование вторичной языковой личности, способной осуществлять речевую деятельность, связанную с извлечением и передачей информации на иностранном языке в области своей профессиональной специализации.

Предлагаемый подход к обучению иностранному языку отличают ситуативность и функциональность, что выражается в максимальном приближении учебных ситуаций к реальным условиям иноязычной коммуникации и отборе дидактического материала для занятий на основе выполняемых им функций в естественном медиадискурсе.

Рассмотрим этапы применения разработанной медиаконтекстной модели обучения на практике:

1. Диагностико-мотивационный этап: определение образовательных потребностей целевой аудитории в области медиакommunikации на изучаемом иностранном языке. Данный этап был реализован на основе проведенного нами опроса обучаемых, подтвердивших свою заинтересованность в том, чтобы изучение иностранного языка носило более практико-прикладной характер, что помогло бы им в перспективе развития своей профессиональной карьеры. Опрашиваемые также подтвердили высокую мотивацию к проектному и творческому видам познавательной деятельности, к обучению в активном сотрудничестве и коммуникации внутри учебной группы.

2. Проектировочный этап: разработка общей образовательной траектории, подбор соответствующего содержания, а также технологий, методов и средств обучения. В целях реализации данного этапа нами были

изучены и проанализированы требования ФГОС ВО по направлению подготовки 42.03.05 Медиакоммуникации относительно универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые должны быть сформированы у обучаемых, а также реализуемый по данному направлению учебный план (на примере Казанского федерального университета). Выявленная в результате анализа данных проведенного опроса мотивация обучаемых к работе в сотрудничестве и к креативным видам деятельности стала основой для выбора коммуникативной методики обучения и широкого применения метода проектов в рамках реализации контекстного подхода. Также был учтен запрос учебной аудитории на более активное использование цифровых ресурсов и возможностей искусственного интеллекта в изучении иностранных языков. Так, при формировании иноязычных лексико-грамматических навыков дополнительно привлекались задания цифровых образовательных платформ, в работе над рецептивными речевыми умениями активно применялись цифровые медиа: аудио- и видеоматериалы свободного доступа, веб-сайты газет и журналов, социальные медиа, блоги, форумы, видеохостинги, подкасты, несущие ценную лингвокультурологическую информацию и отражающие профессиональный контекст деятельности будущих специалистов в области медиакоммуникаций [25. С. 48]. Развитие продуктивных речевых умений (говорения и письма) опиралось на проектную методику, в рамках которой студенты осуществляли поиск и организацию информации по требуемой теме, оформляли ее в виде мультимедийных презентаций, представляли в форме докладов в процессе выступлений перед аудиторией. Создаваемые таким образом продукты медиатворческой деятельности обучаемых представляли собой мультимодальные тексты как сочетание нескольких семиотических систем (модусов) для передачи требуемой информации [26]. Подобные задания позволяли студентам не только развить свои языковые навыки и речевые умения, но и научиться самостоятельному отбору и конструированию информационного наполнения на иностранном языке, совершенствуя умение ориентироваться в современном медийном пространстве.

3. Реализационный этап: освоение отобранного содержания обучения за счет осуществления различных видов деятельности на занятии и выполнения заданий в процессе самостоятельной работы. В качестве проектных и творческих заданий, выполняемых с применением активных методов групповой и индивидуальной работы на основе контекстного подхода, предлагаются такие, как:

– Перевод на французский язык и озвучивание любимого мультфильма либо его фрагмента (предлагается ограничение временного формата до 10–15 мин). Проектное задание выполняется студентами самостоятельно, в группе из 2–3 человек. Перевод на французский язык допускается выполнить с применением электронного переводчика и / или искусственного интеллекта, поскольку, с одной стороны, в современных реалиях бытовой и профессиональной иноязычной коммуникации эти средства перевода являются широко распространенными и довольно эффективными, с

другой стороны, в условиях самостоятельной работы практически не представляется возможным ограничить доступ к ним студентов. Однако в целях совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции от обучаемых требуется внести необходимые лексические и грамматические корректировки в полученный при помощи цифровых ресурсов текст и при необходимости стилистически преобразовать его в соответствии с жанром мультипликации. Также студенты заранее информируются о том, что преподаватель сможет задать им уточняющие вопросы относительно лексической и грамматической целесообразности использованных ими лингвистических элементов и конструкций, что позволит оценить языковые навыки обучаемых и минимизирует фактор неосмысленного использования электронных переводных инструментов. Студенты самостоятельно озвучивают выбранный мультфильм, используя на практике соответствующие умения, приобретенные, в частности, при изучении таких дисциплин, как «Основы видеопроизводства», «Звукорежиссура». При озвучивании подготовленного материала студенты развивают иноязычную компетенцию, а также проявляют свои профессиональные навыки и творческие способности. Представление результатов проекта осуществляется на занятии. Преподаватель имеет возможность оценить лексические, грамматические, фонетические навыки, а также умения монологической и диалогической речи. Остальные студенты группы принимают участие в оценивании, комментируя профессиональную составляющую представленной работы, а также продемонстрированные языковые навыки и речевые умения, что способствует совершенствованию у них как умений аудирования французской речи, так и профессиональных компетенций.

– Ведение блога или влога на французском языке (профессиональная основа данного вида деятельности осваивается обучаемыми при освоении специальной дисциплины – «Блоггинг»). Каждый студент публикует небольшой текст или снимает видео на любую интересующую его тему (рекомендуется придерживаться изучаемой тематики, чтобы содержание не вызвало больших затруднений при его восприятии студентами группы). Каждый студент группы публикует свои комментарии под видео / текстом. Оценивается грамотность подачи материала автором в языковом и профессиональном планах. Профессиональное оценивание производится коллегиально самими студентами, языковое – преподавателем, который также оценивает тексты, составленные авторами комментариев.

– Для стимулирования умений подготовленной и неподготовленной речи на каждом занятии один из студентов дает краткую информацию на французском языке относительно заинтересовавшей его новости из общественной, культурной или политической жизни родного города, страны, мира. Остальные обучаемые задают ему уточняющие вопросы, интересуются личной позицией выступающего. В качестве профессиональной базы студенты используют знания, полученные при изучении дисциплин «Техника презентаций», «Мастер-класс: Новостная журналистика».

Данное задание позволяет развивать умения студентов составлять небольшие медиатексты новостного жанра на иностранном языке, а также умения монологической и диалогической речи, навыки дискуссии. В качестве группового проекта предлагается снять небольшое видео о новостном событии из жизни города, возможно, организовать его в формате интервью. Оценивание осуществляется преподавателем с учетом мнения группы о профессиональной составляющей реализованного проекта.

– Студентам предлагается снять небольшой рекламный ролик про любой товар или услугу. Подобный вид профессиональной деятельности осваивается студентами при изучении дисциплин «Теория и практика рекламной деятельности», «Основы графического дизайна», «Основы видеопроизводства», «Звукорежиссура», «Мультимедийные технологии», «Режиссура рекламы». Работа осуществляется группой из 2-3 человек во внеурочное время, рекламируемый предмет может быть самым обычным (например, велосипед или сотовый телефон, рекомендуется указать вымышленную торговую марку), студенты самостоятельно составляют текст на французском языке, придерживаясь формата рекламных слоганов, по возможности используя яркие рифмованные фразы; видеоролик монтируется и озвучивается. Защита проектов происходит на занятии в форме конкурса рекламных роликов, на котором совместное жюри, включающее в себя преподавателя иностранного языка и приглашенных специалистов в области медиакоммуникаций, подводит результаты профессионального мастерства с учетом иноязычных коммуникативных умений. Данный вид деятельности носит комплексный характер, творчески развивая у обучаемых различные навыки и компетенции.

Таким образом, перечисленные примеры видов деятельности, осуществляемой студентами на занятиях по иностранному языку и во время самостоятельной работы, направлены на создание медиатекстов различной прагматической направленности и развивают профессиональные умения в области публицистического и рекламного дискурсов.

4. Рефлексивный этап: анализ достигнутых образовательных результатов, обсуждение в целях выявления путей улучшения качества созданных медиапродуктов, оценка приобретенного опыта и обратная связь от обучаемых. На этом этапе осуществляется диагностика сформированности компетенций обучаемых в области профессионального французского языка и эффективности применяемой образовательной модели.

Оценка сформированности иноязычной коммуникативной компетенции при представлении созданных студентами медиапродуктов осуществлялась по следующим критериям:

1) владение языковыми навыками (лингвистическая компетенция): грамотное применение лексических единиц и грамматических структур в соответствии с нормами языка, контекстом и ситуацией, владение правилами построения элементов высказывания, лексикой по освещаемой теме, а также специфической профессиональной терминологией;

2) владение речевыми умениями (прагматическая, стратегическая и социокультурная компетенции):

сформированность умений понимать и строить свою речь как в устной, так и в письменной форме в соответствии с заданным контекстом и форматом коммуникации, способность осуществлять межкультурное взаимодействие и компенсировать недостаток речевых и социокультурных знаний и умений;

3) умение работать с информацией (информационная и дискурсивная компетенции): способность найти, критически оценить, отобрать, организовать и представить информацию, в том числе с помощью цифровых инструментов;

4) достижение цели коммуникации (коммуникативная и функциональная компетенции): способность подбирать адекватные коммуникативные средства, реализовывать определенные речевые действия и интенции в рамках межкультурной коммуникации (передача информации, сообщение своего мнения, побуждение к действию).

Данные критерии учитывались при разработке содержания обучения иностранному языку в сфере медиакоммуникаций согласно заявленной модели. Предлагаемые студентам задания были направлены на формирование, совершенствование и развитие всех вышеуказанных навыков и умений. В плане овладения языковыми навыками целью обучения было достижение корректности лексико-грамматического, фонетико-интонационного и структурно-синтаксического оформления иноязычной речи. Овладение речевыми умениями предполагало планомерную работу по развитию всех видов речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение и письмо), а также расширение социокультурной осведомленности о стране изучаемого языка для формирования полноценной способности к осуществлению коммуникации на иностранном языке. Способность работать с информацией имеет конечной целью формирование умения создавать информационные объекты (в частности, медиатексты) на иностранном языке с соблюдением требований к их жанрово-тематической организации и стилю, логической структуре и связности в условиях мультимедийно опосредованной межкультурной коммуникации. Критерий достижения цели коммуникации подразумевает оценку коммуникативной эффективности созданного медиапродукта с учетом предполагаемой целевой аудитории и контекста. Для перевода качественных показателей сформированности иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов в количественные, оценка по каждому из заявленных критериев выставлялась в диапазоне от 0 до 10 баллов. Так, критерий умения работать с информацией подразумевал, в частности, оценку по следующим параметрам: 1) правильность выбора типа дискурса согласно коммуникативной цели (1 балл); 2) соответствие содержания представленной информации поставленной цели (2 балла); 3) соответствие объема представленной информации поставленной цели (1 балл); 4) структурирование информации в соответствии с целью коммуникации, сферой и ситуацией общения (2 балла); 5) качество преобразования и подачи информации для решения новых задач из области профессиональной деятельности (2 балла); 6) соблюдение норм речевого и неречевого поведения в созданном медиапродукте (2 балла).

Апробация разработанной модели формирования профессионально-коммуникативной компетенции студентов (в количестве 46 человек) проводилась в течение одного учебного семестра.

Сравнение результатов начального и завершающего этапов обучения иностранному (французскому) языку на основе усредненных показателей по всем обучаемым позволяет сделать вывод, что владение языковыми навыками выросло на 12%, владение речевыми умениями – на 15%, умение работать с информацией – на 19%, достижение цели коммуникации – на 20%.

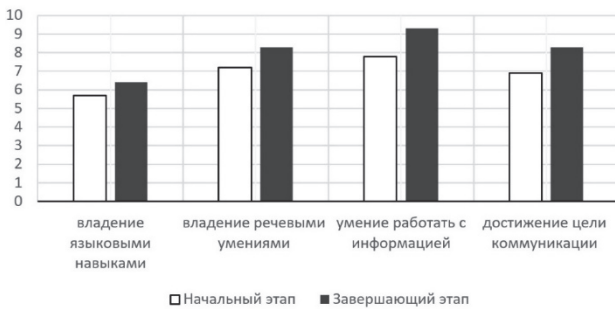

Рис. 2. Сравнение результатов обучения

Обсуждение со студентами результатов проектной деятельности, а также участие их в оценивании ряда проектных заданий и качества созданных медиапродуктов позволяют сделать выводы о том, что предлагаемая образовательная модель способствует росту познавательной самостоятельности и активности обучаемых, стимулированию креативного подхода к осуществляемой деятельности, развитию основных учебных, профессиональных компетенций и гибких навыков. Оценивание иноязычной коммуникативной компетенции со стороны преподавателя подтверждает также существенный рост уровня ее сформированности.

Апробация предлагаемой медиаконтекстной модели формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции осуществлялась непосредственно в рамках учебного процесса по иностранному языку. По итогам изучения мнений различных авторов по вопросу оценки иноязычной коммуникативной компетенции [27, 28] было выделено два основания выявления эффективности ее формирования – мотивационно-ценностное и содержательно-деятельностное. Они определяют необходимые качества личности и степень владения знаниями, умениями и навыками в области иностранного языка, медиадискурса и медиакommunikаций. Оценка мотивационно-ценностной стороны, определяющей уровень мотивации к изучению иностранного языка и степень осознания его роли для будущей профессии, получила свое отражение в опросах обучаемых и совместном обсуждении результатов проектной деятельности.

Содержательно-деятельностная сторона оценивания, ориентированная на выявление степени владения иноязычной профессиональной терминологией и способности к осуществлению различных видов речевой деятельности на иностранном языке применительно к

сфере медиадискурса и медиакommunikаций, позволила констатировать устойчивый рост показателей обучаемых по каждому из заявленных критериев по мере освоения учебной программы курса иностранного языка.

Заклучение

Предлагаемая медиаконтекстная модель формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции студентов, базирующаяся на контекстном подходе в медиаобразовании, имеет целью формирование целостной личности, что включает в себя развитие индивидуальных творческих способностей студентов; в условиях коммуникативной направленности обучения она выражается в заданиях на создание различных медиапродуктов, подразумевающих составление собственных речевых произведений различных типов и жанров. Организация квазипрофессиональной деятельности студентов предусматривает также задания на перевод, озвучивание и разработку собственных мультимедальных текстов, при этом приобретенные ранее теоретические знания по другим дисциплинам профподготовки, а также сформированные языковые навыки и речевые умения в области иностранного языка играют роль производственного инструментария для создания нового медийного продукта. Это обеспечивает наращивание опыта профессиональной деятельности и приобретение новых знаний и умений для решения поставленных задач при воссоздании условий и содержания отдельных элементов производственного процесса.

Научная новизна исследования заключается в определении специфики медиаконтекстного подхода при обучении профессиональному иностранному языку в сфере медиакommunikаций, в разработке содержательной и процессуальной сторон модели обучения иностранным языкам, способствующей комплексному развитию как языковой, речевой, прагматической и стратегической составляющих коммуникативной компетенции студентов, так и эффективному формированию необходимых универсальных и профессиональных компетенций обучаемых по направлению «Медиакоммуникации».

Таким образом, применение данной модели формирования коммуникативной компетенции в обучении иноязычному профессиональному общению в сфере медиакommunikаций помогает не только задать прикладную направленность процессу обучения за счет погружения в иноязычную среду профессионального общения, но и создать у выпускника более целостное представление о его будущей профессиональной деятельности, что обеспечивает последовательный процесс формирования вторичной языковой личности, выражающейся в способности и готовности принимать участие в межкультурной профессиональной коммуникации, а также в стремлении к постоянному самосовершенствованию и накоплению опыта в области речевой деятельности на изучаемом иностранном языке.

Список источников

1. Николаев Д.А. Контентно-языковое интегрированное обучение как компонент формирования профессиональных компетенций: вызовы и реалии // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33566> (дата обращения: 20.11.2024).
2. Сидоренко Т.В., Рыбушкина С.В., Розанова Я.В. CLIL-практики в Томском политехническом университете: успехи и неудачи // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 8. С. 164–187.
3. Салехова Л.Л., Григорьева К.С., Лукоянова М.А. Педагогическая технология двуязычного обучения CLIL : учеб.-метод. пособие. Казань : КФУ, 2020. 101 с.
4. Le FOS aujourd'hui. État de la recherche en Français sur Objectif Spécifique / J.-M. Mangiante, C. Parpette (dir.) // Collection Champs didactiques plurilingues : Données Pour des Politiques Stratégiques Séries. Peter Lang, 2022. 538 p.
5. Mangiante J.-M., Parpette C. Le français sur objectif spécifique : Ingénierie de la formation et conception de programme // Collection F. Hachette Français Langue Etrangère, 2023. 208 p.
6. Nazarova Gulnara I., Nizamieva Liliya R., Kuzmina Elena K. Designing the technologies of teaching written business communication in the French language for universities // TURISMO-ESTUDOS E PRATICAS. 2019. № 2: Caderno Suplementar. URL: <https://geplat.com/rtep/index.php/tourism/article/view/311> (дата обращения: 20.11.2024).
7. Психология и педагогика контекстного образования / под науч. ред. А.А. Вербицкого. М. : СПб. : Нестор-История, 2018. 416 с.
8. Вербицкий А.А. Иноязычное образование в контексте профессии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 2 (796). С. 126–141.
9. Коркоценко М.Н. Контекстное обучение: сложности и противоречия образования XXI века // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 12. С. 63–71.
10. Смирнов И.П. Контекстный метод академика Вербицкого: возможна ли революция в дидактике? // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 4. С. 108–125.
11. Бирюкова Н.В. Интерактивные методы контекстного обучения как способ активизации познавательной деятельности студентов в процессе изучения непрофильных дисциплин в вузе: опыт реализации // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 7, вып. 11. С. 1106–1113.
12. Краевский В.В. Общие основы педагогики : учебник. М. : Академия, 2005. 256 с.
13. Галустян О.В., Цзинвэй Ч., Гамисония С.С. Педагогическое моделирование в исследованиях по педагогике высшей школы: теоретический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Теория и практика образовательного процесса. 2024. № 1. С. 29–32.
14. Уман А.И. Модели процесса обучения в историко-педагогическом контексте // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2013. № 14 (33). С. 57–67.
15. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (бакалавриат) по направлению подготовки 42.03.05 Медиакоммуникации. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-42-03-05-mediakommunikacii-527/> (дата обращения: 20.11.2024).
16. Казанский федеральный университет: Основные образовательные программы. Учебный план направления 42.03.05 Медиакоммуникации (бакалавриат). URL: <https://kpfu.ru/do/uchebnyj-process/osnovnye-obrazovatelnye-programmy> (дата обращения: 20.11.2024).
17. Войтик Е.А. К вопросу определения медиакоммуникации как понятия // Открытое и дистанционное образование. 2013. № 1 (49). С. 26–31.
18. Пескова Е.Н. Медиакоммуникация и медиадискурс: подходы к определению понятий, структура и функции // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2(16). С. 26–31.
19. Венидиктов С. Медиакоммуникация как тип информационного и социального взаимодействия // Thesaurus. 2020. Вып. VI. С. 44–52.
20. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 250–259.
21. Уварова Е.А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 47–54.
22. Фаткуллина Ф.Г., Хабиров Р.Р. Медиатекст в современном коммуникативном пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (дата обращения: 20.11.2024).
23. Хачатрян Г.С. Мультимодальный текст: дидактический потенциал в обучении иноязычному общению в деловой среде // Преподаватель XXI век. 2021. № 3. Ч. 1. С. 113–121.
24. Фомина А.Н. Концептуализация понятия «медиаиндустрия» // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 1. С. 71–90.
25. Кодрге С.В., Савченко А.А. Цифровые медиа как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции и универсальных умений студентов неязыковых вузов // Педагогика. Вопросы теории и практики. Грамота, 2022. Т. 7, вып. 1. С. 44–50.
26. Низамиева Л.Р., Назарова Г.И. Обучение мультимодальной коммуникации на иностранном языке специальности в высшей школе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32610> (дата обращения: 20.11.2024).
27. Тимкина Ю.Ю. Оценка иноязычной коммуникативной компетенции в квазипрофессиональной ситуации // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/32PDMN119.pdf> (дата обращения: 20.11.2024).
28. Демина О.А., Лоскутова Ю.В. К вопросу оценивания уровня сформированности иноязычной коммуникативной компетенции студентов технического вуза // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 6А. С. 67–74.

References

1. Nikolaev, D.A. (2024) Kontentno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie kak komponent formirovaniya professional'nykh kompetentsiy: vyzovy i realii [Content and Language Integrated Learning as a Component of Forming Professional Competences: Challenges and Realities]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 4. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=33566> (Accessed: 20.11.2024).
2. Sidorenko, T.V., Rybushkina, S.V. & Rozanova, Ya.V. (2018) CLIL-praktiki v Tomskom politekhnicheskome universitete: uspekhi i neudachi [CLIL Practices at Tomsk Polytechnic University: Successes and Failures]. *Obrazovanie i nauka*. 20 (8), pp. 164–187.
3. Salehova, L.L., Grigor'eva, K.S. & Lukoyanova, M.A. (2020) *Pedagogicheskaya tekhnologiya dvuyazychnogo obucheniya CLIL* [Pedagogical Technology of Bilingual Education CLIL]. Textbook, Kazan: KFU.
4. Mangiante, J.-M. & Parpette, C. (dir.) (2022) *Le FOS aujourd'hui. État de la recherche en Français sur Objectif Spécifique* In: *Collection Champs didactiques plurilingues: Données Pour des Politiques Stratégiques Séries*. Peter Lang.
5. Mangiante, J.-M. & Parpette, C. (2023) *Le français sur objectif spécifique: Ingénierie de la formation et conception de programme*. Hachette Français Langue Etrangère.
6. Nazarova, G.I., Nizamieva, L.R. & Kuzmina, E.K. (2019) Designing the technologies of teaching written business communication in the French language for universities. *TURISMO-ESTUDOS E PRATICAS*. 2: Caderno Suplementar. [Online] Available from: <https://geplat.com/rtep/index.php/tourism/article/view/311> (Accessed: 20.11.2024).
7. Verbitskiy, A.A. (ed.) (2018) *Psikhologiya i pedagogika kontekstnogo obrazovaniya* [Psychology and Pedagogy of Contextual Education]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

8. Verbitskiy, A.A. (2018) Inoyazychnoe obrazovanie v kontekste professii [Foreign Language Education in the Context of the Profession]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 796 (2). pp. 126–141.
9. Korkotsenko, M.N. (2020) Kontekstnoe obuchenie: slozhnosti i protivorechiya obrazovaniya XXI veka [Contextual Learning: Difficulties and Contradictions of 21st Century Education]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 12. pp. 63–71.
10. Smirnov, I.P. (2021) Kontekstnyy metod akademika Verbitskogo: vozmozhna li revolyutsiya v didaktike? [The Contextual Method of Academician Verbitsky: Is a Revolution in Didactics Possible?]. *Obrazovanie i nauka*. 23 (4). pp. 108–125.
11. Biryukova, N.V. (2022) Interaktivnye metody kontekstnogo obucheniya kak sposob aktivizatsii poznavatel'noy deyatel'nosti studentov v protsesse izucheniya neprofil'nykh distsiplin v vuze: opyt realizatsii [Interactive Methods of Contextual Learning as a Way to Activate Students' Cognitive Activity in the Process of Studying Non-Core Disciplines at a University: Implementation Experience]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (11). pp. 1106–1113.
12. Kraevskiy, V.V. (2005) *Obshchie osnovy pedagogiki* [General Foundations of Pedagogy]: uchebnik. Moscow: Akademiya.
13. Galustyan, O.V., Tszinvey, Ch. & Gamisoniya, S.S. (2024) Pedagogicheskoe modelirovanie v issledovaniyakh po pedagogike vysshey shkoly: teoreticheskiy aspekt [Pedagogical Modeling in Research on Higher Education Pedagogy: Theoretical Aspect]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Teoriya i praktika obrazovatel'nogo protsessa*. 1. pp. 29–32.
14. Uman, A.I. (2013) Modeli protsessa obucheniya v istoriko-pedagogicheskom kontekste [Models of the Learning Process in the Historical and Pedagogical Context]. *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.G. i N.G. Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki*. 33 (14). pp. 57–67.
15. Federal State Educational Standard of Higher Education. (2024) *Federal State Educational Standard of Higher Education (Bachelor's Degree) in the Field of Study 42.03.05 Media Communications*. [Online] Available from: <https://fgos.ru/fgos/fgos-42-03-05-mediakommunikatsii-527/> (Accessed: 20.11.2024). (In Russian).
16. Kazan Federal University. (2024) *Kazan Federal University: Main Educational Programs. Curriculum for the Field of Study 42.03.05 Media Communications (Bachelor's Degree)*. [Online] Available from: <https://kpfu.ru/do/uchebnyj-process/osnovnye-obrazovatelnye-programmy> (Accessed: 20.11.2024). (In Russian).
17. Voytik, E.A. (2013) K voprosu opredeleniya mediakommunikatsii kak ponyatiya [On the Definition of Media Communication as a Concept]. *Otkrytoe i distantsionnoe obrazovanie*. 49 (1). pp. 26–31.
18. Peskova, E.N. (2015) Mediakommunikatsiya i mediadiskurs: podkhody k opredeleniyu ponyatiy, struktura i funktsii [Media Communication and Media Discourse: Approaches to Defining Concepts, Structure and Functions]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 16 (2). pp. 26–31.
19. Venidiktov, S. (2020) Mediakommunikatsiya kak tip informatsionnogo i sotsial'nogo vzaimodeystviya [Media Communication as a Type of Information and Social Interaction]. *Thesaurus*. VI. pp. 44–52.
20. Olomskaia, N.N. (2013) K voprosu o zhanrovoy klassifikatsii mediadiskursa [On the Genre Classification of Media Discourse]. *Nauchnyy dialog*. 17 (5): *Filologiya*. pp. 250–259.
21. Uvarova, E.A. (2015) Mediatekst i mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatiy [Media Text and Media Discourse: On the Problem of the Correlation of Concepts]. *Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika*. 5. pp. 47–54.
22. Fatkullina, F.G. & Khabirov, R.R. (2015) Mediatekst v sovremennoy kommunikativnoy prostranstve [Media Text in the Modern Communicative Space]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 1-1. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (Accessed: 20.11.2024).
23. Khachatryan, G.S. (2021) Multimodal'nyy tekst: didakticheskiy potentsial v obuchenii inoyazychnomu obshcheniyu v delovoy srede [Multimodal Text: Didactic Potential in Teaching Foreign Language Communication in a Business Environment]. *Prepodavatel' XXI vek*. 3 (1). pp. 113–121.
24. Fomina, A.N. (2023) Kontseptualizatsiya ponyatiya "mediaindustriya" [Conceptualization of the Concept of "Media Industry"]. *Kreativnaya ekonomika*. 17 (1). pp. 71–90.
25. Kodrle, S.V. & Savchenko, A.A. (2022) Tsifrovye media kak sredstvo formirovaniya inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii i universal'nykh umeniy studentov neyazykovykh vuzov [Digital Media as a Means of Forming Foreign Language Communicative Competence and Universal Skills of Non-Linguistic University Students]. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (1). pp. 44–50.
26. Nizamieva, L.R. & Nazarova, G.I. (2023) Obuchenie multimodal'noy kommunikatsii na inostrannom yazyke spetsial'nosti v vysshey shkole [Teaching Multimodal Communication in a Foreign Language for Specific Purposes in Higher Education]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 3. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32610> (Accessed: 20.11.2024).
27. Timkina, Yu.Yu. (2019) Otsenka inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii v kvaziprofessional'noy situatsii [Assessment of Foreign Language Communicative Competence in a Quasi-Professional Situation]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*. 1. [Online] Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/32PDMN119.pdf> (Accessed: 20.11.2024).
28. Demina, O.A. & Loskutova, Yu.V. (2023) K voprosu otsenivaniya urovnya sformirovannosti inoyazychnoy kommunikativnoy kompetentsii studentov tekhnicheskogo vuza [On the Issue of Assessing the Level of Formation of Foreign Language Communicative Competence of Technical University Students]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 13 (6A). pp. 67–74.

Информация об авторах:

Низамиева Л.Р. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: lilianiz@yandex.ru

Назарова Г.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань). E-mail: gulnazar@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

L.R. Nizamieva, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: lilianiz@yandex.ru

G.I. Nazarova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gulnazar@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024;
одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 02.12.2024;
approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 373.24
doi: 10.17223/15617793/513/22

Анализ мониторинга физической подготовленности детей дошкольного возраста за период с 2013 по 2022 г.

Вадим Сергеевич Сосуновский¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vadim14sergeevich@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются результаты педагогического тестирования физической подготовленности детей 5–6 лет за период с 2013 по 2022 г. Проведена оценка двигательной подготовленности детей дошкольного возраста на протяжении десятилетнего мониторинга, которая показала отставание и прогрессирование развития отдельных физических качеств и двигательных способностей. Результаты исследования сопоставлены с показателями мониторинга проявления отдельных физических качеств детей дошкольного возраста из других стран, что демонстрирует тенденцию к снижению уровня развития двигательных навыков. Актуализируется необходимость проведения комплексного контроля показателей физического развития детей дошкольного возраста с учетом не только индивидуальных, но и социальных факторов.

Ключевые слова: физическая подготовленность, дошкольники, мониторинг физического развития

Для цитирования: Сосуновский В.С. Анализ мониторинга физической подготовленности детей дошкольного возраста за период с 2013 по 2022 г. // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 191–196. doi: 10.17223/15617793/513/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/22

Analysis of physical fitness monitoring in preschoolers for the period from 2013 to 2022

Vadim S. Sosunovsky¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vadim14sergeevich@gmail.com

Abstract. Modern preschoolers face the problem of hypokinesia and physical inactivity, aggravated by neuropsychiatric overloads, which negatively affects their performance and cognitive functions. To optimize children's motor activity, regular monitoring of physical fitness is required, which will make it possible to adjust and adapt educational programs and develop effective methods of physical education. The aim of the study was to assess the level of motor fitness of children aged 5–6 years based on ten years of monitoring their physical development. The results of pedagogical testing as part of the annual monitoring of physical fitness of preschoolers were analyzed. The results of the physical fitness monitoring from 2012 to 2022 of children aged 5–6 years, pupils of Preschool No. 4 Montessori in Tomsk, were analyzed. The results of the study are presented for the period of the completion of the pre-school educational program, presented for a separate academic year, i.e. at the end of the academic year. The section "Physical Development" of the preschool educational program did not have significant changes and additions during the study period. 104 children participated in the study (annually); this number of children did not change from year to year due to the established quota of the educational institution, but the gender composition of the children changed slightly. The analysis of the results of the pedagogical testing over the past ten years makes it possible to identify both positive and negative trends in the children's physical development. Positive changes were noted in tests aimed at assessing the speed and strength fitness of the muscles of the lower extremities (long jump from a standing position, squats in 30 seconds, high jump). However, a significant deterioration in performance was observed in tests evaluating strength and speed qualities (throwing a 1 kg ball, running 30 m) and agility (stuffing a basketball in 20 seconds, hitting a soccer ball into a goal from 5 m). The results of this study can be used to develop recommendations for increasing children's physical activity and improving their health, as well as to create more effective physical education programs that take into account children's individual characteristics and needs.

Keywords: physical fitness, preschoolers, monitoring of physical development

For citation: Sosunovsky, V.S. (2025) Analysis of physical fitness monitoring in preschoolers for the period from 2013 to 2022. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 191–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/22

Дошкольные учреждения в Российской Федерации представляют собой первый уровень образования, который закладывает основы физического, интеллектуального и эмоционального развития детей. Основной целью дошкольного образования является подготовка

детей к школе и формирование у них психофизических качеств. В рамках образовательных программ разработаны системы мониторинга, позволяющие оценить готовность детей к школьному обучению и корректировать образовательные подходы.

Динамическое наблюдение за физическим развитием дошкольников становится важным методом контроля, особенно в условиях возросших психоэмоциональных нагрузок. Негативные факторы, такие как снижение двигательной активности и изменения в режиме дня, могут ухудшать здоровье детей. В этой связи актуальным явился анализ результатов мониторинга физической подготовленности дошкольников за десять лет, поскольку позволил выявить изменения в их здоровье и определить приоритетные направления для дальнейшего развития.

Современные дошкольники сталкиваются с проблемой гипокинезии и гиподинамии, усугубляемой нервно-психическими перегрузками, что негативно сказывается на их работоспособности и когнитивных функциях [1, 2]. Для оптимизации двигательной активности детей требуется регулярный мониторинг физической подготовленности, что позволит корректировать и адаптировать образовательные программы и разрабатывать эффективные методы физического воспитания.

Цель исследования – оценить уровень двигательной подготовленности детей 5–6 лет на основе десятилетнего мониторинга их физического развития.

Методы и организация исследования

Нами проведен анализ результатов педагогического тестирования в рамках ежегодного мониторинга физической подготовленности детей дошкольного возраста. Были проанализированы результаты мониторинга физической подготовленности детей 5–6 лет, воспитанников МБ ДОУ № 4 «Монтессори» г. Томска, за период с 2013 по 2022 г. Результаты исследования представлены на период завершения освоения образовательной программы ДОУ, представленной на отдельный учебный год, т.е. на конец учебного года. Раздел «Физическое развитие» образовательной программы ДОУ не имел значительных изменений и дополнений в период проведения исследования. В исследовании приняли участие 104 ребенка (ежегодно), данное количество детей из года в год не изменялось в связи с установленной квотой образовательного учреждения, но при этом незначительно изменялся гендерный состав исследуемых. Результаты анализа представлены на рис. 1–6.

Результаты и их обсуждение

Дошкольный возраст является наиболее благоприятным для воспитания основных физических качеств, двигательных умений и навыков. Физические упражнения развивают и укрепляют детский организм, оказывают профилактическое влияние на состояние здоровья. Дети, систематически занимающиеся физическими упражнениями, характеризуются высокой работоспособностью во время выполнения физической и умственной нагрузки. Специалистами установлена зависимость между уровнем двигательной активности и уровнем физической подготовленности детей дошкольного возраста [3–5].

Главным компонентом физического воспитания детей дошкольного возраста являются занятия физическими упражнениями, в основе которых лежат целенаправленные движения, выполняемые в игровой форме. Двигательная активность детей дошкольного возраста является естественной биологической потребностью, степень удовлетворения которой во многом определяет дальнейшее физическое и функциональное развитие детского организма.

Движения являются важнейшей составной частью любого вида деятельности и многих психических механизмов. Разнообразная двигательная деятельность влияет на все функциональные системы организма, обеспечивая их адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды. Оптимальная, правильно организованная двигательная деятельность ребенка создает предпосылки для нормальной жизнедеятельности организма человека во взрослом возрасте [6–8].

В работе [9] представлены результаты десятилетнего мониторинга физического развития и двигательной подготовленности детей дошкольного возраста из Китая. Анализируя данные мониторинга за последнее десятилетие, можно наблюдать улучшение показателей физической подготовленности, отражающие их силовые и скоростные качества. В то время как показатели тестов, отражающие такие физические качества, как выносливость и гибкость, а также координационные способности, ухудшились.

По результатам проведенного нами исследования было выявлено, что средние показатели мальчиков 5–6 лет в тесте «Бросок мяча 1 кг» в период с 2013 по 2022 г. значительно снизились. Это можно объяснить не только недостаточным вниманием со стороны инструкторов по физической культуре к обучению технике бросков, но и общей тенденцией снижения силовых показателей детей.

Также стоит отметить, что спад результатов по сравнению с начальными показателями в 2013 г. является статистически достоверным различием с результатами, полученными в 2017 г. и в период с 2019 по 2022 г. ($p < 0,05$).

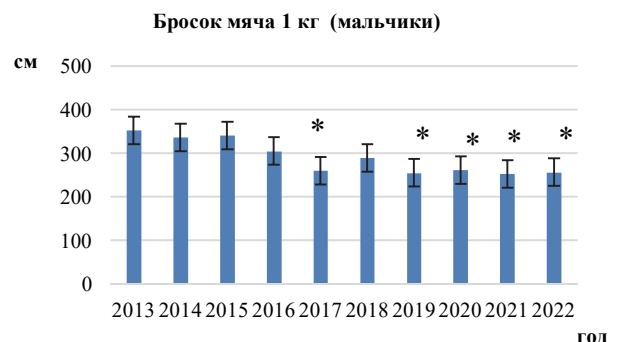

Рис. 1. Средние показатели мальчиков 5–6 лет в тесте «Бросок мяча 1 кг» за период с 2013 по 2022 г. Здесь и на рис. 2–6 звездочкой отмечены достоверно значимые различия в сравнении с начальными показателями, полученными в 2013 г. ($p < 0,05$)

В результате педагогического тестирования девочек 5–6 лет в тесте «Бросок мяча 1 кг» мы выявили си-

туацию, аналогичную таковой у мальчиков этого возраста. Средние значения показателей девочек в данном тесте в 2013 г. составляли 250,5 см, тогда как в 2021 г. они снизились до 162,5 см, а в 2023 г. составили 163,5 см, что свидетельствует об ухудшении скоростно-силовых показателей.

Десятилетнее педагогическое тестирование позволило выявить ухудшение средних показателей мальчиков 5–6 лет в тесте «Бег 30 м» (данный тест направлен на определение скоростных способностей детей дошкольного возраста). Анализируя результаты мальчиков, можно наблюдать статистически достоверные различия показателей, которые были получены в 2020 и 2022 гг. по сравнению с начальными значениями в 2013 г. ($p < 0,05$).

В работе Д.П. Букреевой, С.А. Косилова, А.П. Тамбиевой доказано, что быстрота движений в одном звене двигательного аппарата зависит от быстроты выполнения двигательных действий в других его звеньях. Так, частота двигательных действий ног зависит от частоты работы рук [10].

В настоящее время у детей дошкольного возраста наблюдается рассогласование двигательных действий, и одной из проблем является нарушение выполнения асимметричных двигательных действий, которые закладываются в младенчестве (когда ребенок начинает ползать) и характеризуются тем, что разные части тела выполняют различные движения одновременно, без зеркального отражения. Примером асимметричного действия является шаг правой ногой вперед вместе с движением левой руки вперед, эти естественные двигательные действия позволяют сохранять равновесие.

Средние показатели девочек 5–6 лет в тесте «Бег 30 м» с 2013 по 2022 г. постепенно ухудшались. Так, анализируя результаты, можно наблюдать, что в 2013 г. среднее значение показателя теста составляло 7,68 с; минимальное значение данного показателя зафиксировано в 2021 г. – 8,02 с, в 2022 г. оно составило 7,97 с. Этот факт заставляет акцентировать внимание специалистов на снижении уровня физической подготовленности детей дошкольного возраста в проявлении отдельных физических качеств, двигательных умений и навыков. Статистически достоверные различия показателей девочек в тесте «Бег 30 м» были выявлены в период с 2019 по 2022 г. ($p < 0,05$).

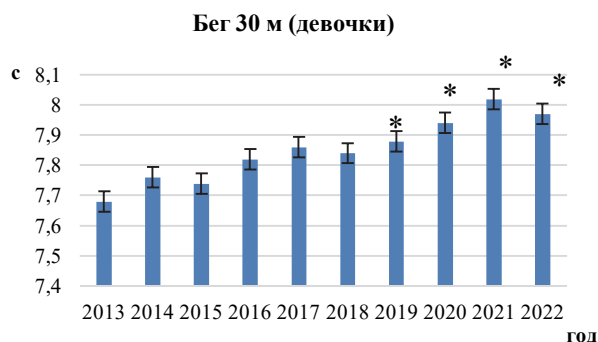

Рис. 2. Средние показатели девочек 5–6 лет в тесте «Бег 30 м» за период с 2013 по 2022 г.

Помимо ухудшения результатов двигательной подготовленности, можно наблюдать противоположную ситуацию в следующих тестах: «Прыжок в длину с места», «Приседания за 30 с», «Прыжок в высоту». В данных тестах средний результат начиная с 2013 г. постепенно улучшался.

Анализируя результаты мальчиков 5–6 лет в тесте «Прыжок в длину с места» в период с 2013 по 2022 г., можно наблюдать значительный рост величины показателей: среднее значение в 2013 г. составило 101,6 см, тогда как в 2022 г. – 109,7 см. Статистически достоверное повышение результатов наблюдалось с 2018 по 2022 г. в сравнении с результатами, полученными в 2013 г. ($p < 0,05$).

В результатах тестирования девочек в период с 2013 по 2022 г. также отмечен постепенный рост средних показателей. В начальный период исследования (2013 г.) он составлял 90,2 см, тогда как в 2022 г. он достиг 99,5 см. Статистически достоверное повышение результатов зафиксировано в период с 2017 по 2022 г. в сравнении с результатами 2013 г. ($p < 0,05$).

Рост средних показателей детей 5–6 лет из Китая в тесте «Прыжок в длину с места» отмечен в исследованиях Huan Wang и др. (2019), которые были организованы в период с 2005 по 2015 г. в исследованиях отмечено, что у мальчиков 6 лет средние значения в данном тесте увеличились с 99,7 до 104,3 см, а у девочек результат улучшился с 92,4 до 95 см [9].

Результаты теста «Прыжок в высоту» у мальчиков 5–6 лет продемонстрировали статистически достоверное повышение показателей по сравнению с начальными данными, полученными в 2013 г.: в 2013 г. средний показатель данного теста составлял 23,55 см, к 2022 г. он вырос до 25,31 см.

Средние значения показателей девочек в данном тесте имеют волнообразный прирост, который не является статистически достоверным ($p > 0,05$). Минимальный средний показатель в данном тесте был зафиксирован в 2013 г. (17,06 см), а максимальный результат – в 2021 г. (18,38 см).

Тесты, в которых было выявлено повышение результатов, направлены на оценку скоростно-силовой подготовленности мышц нижних конечностей. Мы связываем этот прирост с переходом от традиционной модели физического развития детей дошкольного возраста, где основным элементом является подвижная игра, к дополнительным структурированным занятиям в отдельных видах спорта, где происходит целенаправленная тренировка отдельных мышечных групп, эффективная работа которых необходима для результативного выполнения соревновательного упражнения. Однако при этом не уделяется должного внимания гармоничному развитию организма ребенка, а также повышению его мотивационного интереса к выполнению двигательной деятельности.

В процессе анализа средних показателей мальчиков и девочек 5–6 лет, полученных за исследуемое десятилетие, также были проанализированы данные тестов, в которых результат статистически достоверно не улуч-

шился ($p > 0,05$); это такие тесты, как «Поднимание туловища из положения лежа на спине», «Наклон вперед из положения сидя».

Выше были представлены результаты тестов физической подготовленности, показатели которых могут повышаться под воздействием многих факторов, таких как естественный рост ребенка, генетическая предрасположенность, грамотно построенный процесс физического воспитания. На рис. 3–6 представлены результаты тестов, показатели которых, по нашему мнению, зависят от психофизической подготовленности ребенка, его двигательной активности, процесса обучения, закрепления и совершенствования двигательных действий. Эти компоненты отражены в программе по физическому воспитанию дошкольников и могут быть использованы в процессе самостоятельной двигательной деятельности, которая представлена подвижными играми на прогулке, самостоятельными упражнениями в спортивном уголке группы и т.д.

Набивание баскетбольного мяча за 20 с (мальчики)

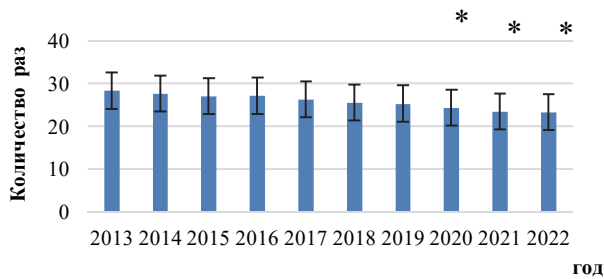

Рис. 3. Средние показатели мальчиков 5–6 лет в тесте «Набивание баскетбольного мяча за 20 с» за период с 2013 по 2022 г.

На рис. 3 наглядно представлено снижение средних показателей мальчиков в тесте «Набивание баскетбольного мяча за 20 с». Результаты данного теста позволяют определить развитие такого физического качества, как ловкость, в частности, сформированность у детей дошкольного возраста навыков владения мячом. Из представленных данных можно сделать вывод, что в 2013 г. среднее значение показателя составляло 28,34 раз. С каждым годом данный показатель постепенно снижался, в 2022 г. он составил 23,27 раз, а с 2020 по 2022 г. по сравнению с начальными показателями, полученными в 2013 г., выявлены статистически достоверные различия ($p < 0,05$).

Набивание баскетбольного мяча за 20 с (девочки)

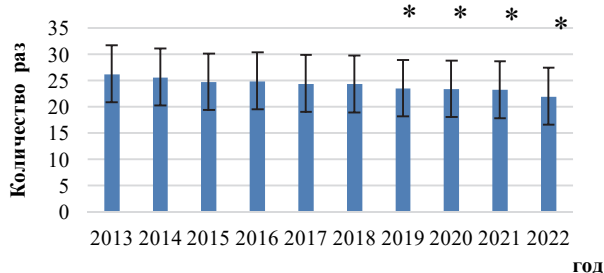

Рис. 4. Средние показатели девочек 5–6 лет в тесте «Набивание баскетбольного мяча за 20 с» за период с 2013 по 2022 г.

Результаты девочек в аналогичном тестировании, как и у мальчиков данной возрастной категории, также имеют тенденцию к снижению: в 2013 г. средний показатель составлял 26,29, тогда как в 2022 г. – 22,03 раз. Статистически достоверные различия между показателями были выявлены в течение 4 лет, в период с 2019 по 2022 г. ($p < 0,05$) (рис. 4).

Удар футбольного мяча в ворота с 5 м (мальчики)

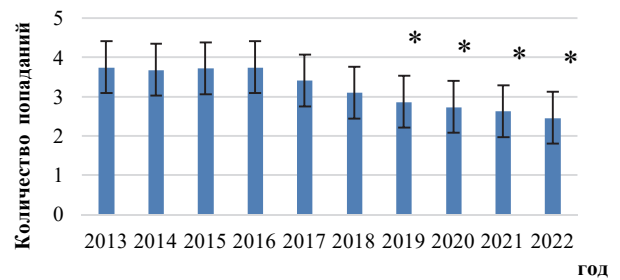

Рис. 5. Средние показатели мальчиков 5–6 лет в тесте «Удар футбольного мяча в ворота с 5 м» за период с 2013 по 2022 г.

Результаты теста «Удар футбольного мяча в ворота с 5 м» у мальчиков 5–6 лет продемонстрировали снижение показателей в период с 2017 по 2022 г., при этом статистически достоверные различия выявлены начиная с 2019 г. ($p < 0,05$) (рис. 5).

Стоит отметить, что возраст для зачисления на этап начальной подготовки в таком виде спорта, как футбол, 7 лет. В это время тренеры футбольных команд начинают тренировочный процесс с мячом, а требования к двигательному навыку детей постоянно повышаются. Таким образом, для перевода ребенка на следующий год обучения необходимо, чтобы он овладел двигательным арсеналом специальной физической подготовки по футболу. В настоящее время приобретают большую популярность различные спортивные клубы, в которых занятия начинаются с раннего возраста. Ребенок, овладевая техникой двигательных действий конкретного вида спорта, рано начинает выступать в соревнованиях, что может в дальнейшем негативно сказаться не только на уровне мотивации выполнения двигательных действий, но и на здоровье. Ребенок не проходит стадию детства, которая характеризуется игрой в любом ее проявлении, поэтому пытается компенсировать данный период на этапе взросления.

На рис. 6 представлены результаты мальчиков в тесте «Бросок теннисного мяча в цель с 3 м». Данный тест в программе ВФСК ГТО представлен с расстояния 5 м при диаметре мишени 90 см, расположенной нижним концом на высоте 2 м. В нашем педагогическом эксперименте тест, направленный на определение развития ловкости у детей дошкольного возраста, представлен с 3 м, и нижний край мишени расположен на высоте 1 м.

Из практики известно, что большинство детей не могут выполнить условия того или иного теста. Так, в представленном тесте, направленном на оценку точности броска, 74% исследуемых дошкольников не смогли

доброе теннисный мяч до мишени из-за отсутствия необходимой начальной инерции предмета. Это еще раз подтверждает факт снижения скоростно-силовых способностей детей.

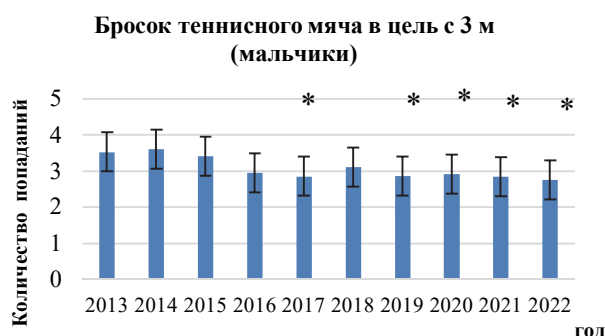

Рис. 6. Средние показатели мальчиков 5–6 лет в тесте «Бросок теннисного мяча в цель с 3 м» за период с 2013 по 2022 г.

В условиях тотального ухудшения физической подготовленности подрастающего поколения многие тесты, направленные на оценку физического развития, полностью заменяются на более подходящие виды тестирования либо специалисты снижают их нормативную базу.

Снижение показателей тестов, направленных на определение такого физического качества, как ловкость, мы связываем с недостаточным временем закрепления и совершенствования двигательных действий в процессе выполнения упражнений с внешними предметами. При любом методе организации занятия с детьми дошкольного возраста (поточном, фронтальном, посменном, групповом, индивидуальном) возможно их обучить двигательному действию с внешними предметами, но большая часть закрепления и совершенствования этих двигательных действий выводится в самостоятельную форму двигательной активности дошкольников.

В связи с вышесказанным внимание специалистов акцентируется на необходимости разработки модели самостоятельной двигательной деятельности дошкольников, направленной на физическое развитие и формирование двигательных умений и навыков. Также важным является создание развивающей предметно-пространственной среды ДООУ, направленной на повышение

мотивации к занятиям физическими упражнениями и, как следствие, на повышение работоспособности функциональных систем организма ребенка, а также на закрепление и совершенствование двигательных навыков.

Следует отметить, что в период с 2013 по 2022 г. программа по физическому воспитанию в детских дошкольных учреждениях не изменялась, как и тематическое планирование процесса физического воспитания. Кроме того, ограничения, имевшие место вследствие распространения вируса COVID-19, дошкольные образовательные учреждения затронули в малой степени. Прием детей в ДООУ был приостановлен на 2 недели в апреле 2020 г. в связи со всеобщей самоизоляцией в рамках профилактики заболеваний вирусом COVID-19, при этом образовательно-воспитательная деятельность не была остановлена, она осуществлялась через различные видеоплатформы.

Следовательно, можно сделать вывод, что полученные данные анализа мониторинга физического развития детей дошкольного возраста за период с 2013 по 2022 г. демонстрируют прогресс или регресс при условии постоянства программы по физическому воспитанию.

Заключение

Анализ результатов педагогического тестирования на протяжении десяти лет позволяет выявить как положительные, так и отрицательные тенденции в физическом развитии детей. Позитивные изменения подтверждают результаты тестов, направленных на оценку скоростно-силовой подготовленности мышц нижних конечностей («Прыжок в длину с места», «Приседания за 30 с», «Прыжок в высоту»). В то же время значительное ухудшение показателей наблюдается в тестах, оценивающих силовые и скоростные качества («Бросок мяча 1 кг», «Бег 30 м») и ловкость («Набивание баскетбольного мяча за 20 с», «Удар футбольного мяча в ворота с 5 м»).

Результаты данного исследования могут быть использованы для разработки рекомендаций по повышению объема двигательной активности и определению уровня здоровья детей, а также для создания более эффективных программ физического воспитания, учитывающих индивидуальные особенности и потребности занимающихся.

Список источников

- Бузинова А.А. Развитие физических качеств у школьников в XXI веке: вызовы и перспективы // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 6 (75). С. 2024–2028.
- Елкина Т.Н. и др. Состояние здоровья школьников г. Новосибирска по данным профилактических осмотров в динамике // Мать и дитя в Кузбассе. 2024. № 3 (98). С. 72–78.
- Gutierrez E.D. et al. Overview of systematic reviews of health interventions that aim to prevent and treat overweight and obesity among children // Systematic Reviews. 2022. № 11. Art. No. 168.
- Venetsanou F., Kambas A. Can motor proficiency in preschool age affect physical activity in adolescence? // Pediatric Exercise Science. 2017. Vol. 29, № 2. P. 254–259.
- Venetsanou F. et al. Can the movement assessment battery for children-test be the «gold standard» for the motor assessment of children with developmental coordination disorder? // Research in developmental disabilities. 2011. № 32. P. 1–10.
- Venetsanou F. et al. Physical activity and sedentary behaviors of young children: trends from 2009 to 2018 // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. № 17. P. 1–14.
- Sigmundsson H., Haga M. Motor competence is associated with physical fitness in four – to six-year-old preschool children // European Early Childhood Education Research Journal. 2016. № 24. P. 477–488.
- Tian L.Y. Dynamic changes of physiques of Chinese 3–6 year – old preschoolers from 2000 to 2010 // Shandong Sports Science and Technology. 2012. № 34. P. 88–92.

9. Huan W. et al. The association of physical growth and behavior change with Preschooler's physical fitness: From 10 – years of monitoring data // Journal of exercise science and fitness. 2019. Vol. 17, № 3. P.113–118.
10. Букреева Д.П., Косилов С.А., Тамбиева А.П. Возрастные особенности циклических движений детей и подростков. М. : Педагогика, 1975. 159 с.

References

1. Buzinova, A.A. (2024) Razvitie fizicheskikh kachestv u shkol'nikov v XXI veke: vyzovy i perspektivy [Development of Physical Qualities in Schoolchildren in the 21st Century: Challenges and Prospects]. *Vestnik nauki*. 2 (6 (75)). pp. 2024–2028.
2. Elkina, T.N. et al. (2024) Sostoyanie zdorov'ya shkol'nikov g. Novosibirska po dannym profilakticheskikh osmotrov v dinamike [The Health Status of Schoolchildren in Novosibirsk According to Preventive Examinations in Dynamics]. *Mat' i ditya v Kuzbasse*. 98 (3). pp. 72–78.
3. Gutierrez, E.D. et al. (2022) Overview of systematic reviews of health interventions that aim to prevent and treat overweight and obesity among children. *Systematic Reviews*. 11. Art. No. 168.
4. Venetsanou, F. & Kambas, A. (2017) Can motor proficiency in preschool age affect physical activity in adolescence? *Pediatric Exercise Science*. 29 (2). pp. 254–259.
5. Venetsanou, F. et al. (2011) Can the movement assessment battery for children-test be the "gold standard" for the motor assessment of children with developmental coordination disorder? *Research in Developmental Disabilities*. 32. pp. 1–10.
6. Venetsanou, F. et al. (2020) Physical activity and sedentary behaviors of young children: trends from 2009 to 2018. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 17. pp. 1–14.
7. Sigmundsson, H. & Haga, M. (2016) Motor competence is associated with physical fitness in four – to six-year-old preschool children. *European Early Childhood Education Research Journal*. 24. pp. 477–488.
8. Tian, L.Y. (2012) Dynamic changes of physiques of Chinese 3–6 year – old preschoolers from 2000 to 2010. *Shandong Sports Science and Technology*. 34. pp. 88–92.
9. Huan, W. et al. (2019) The association of physical growth and behavior change with Preschooler's physical fitness: From 10 – years of monitoring data. *Journal of Exercise Science and Fitness*. 17 (3). pp. 113–118.
10. Bukreeva, D.P., Kosilov, S.A. & Tambieva, A.P. (1975) *Vozrastnye osobennosti tsiklicheskh dvizheniy detey i podrostkov* [Age Features of Cyclic Movements in Children and Adolescents]. Moscow: Pedagogika.

Информация об авторе:

Сосуновский В.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Sosunovsky, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.03.2025;
одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 07.03.2025;
approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 378.1
doi: 10.17223/15617793/513/23

Педагогический потенциал цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности учителей марийского языка и литературы

Вера Ивановна Токтарова¹, Наталья Владимировна Матросова²

^{1, 2} Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

¹ toktarova@yandex.ru

² m.natali378@mail.ru

Аннотация. Исследован педагогический потенциал цифровой образовательной среды, выделены ключевые функциональные направления ЦОС, проанализировано их влияние на формирование всех компонентов проектной компетентности педагога марийского языка и литературы. Рассмотрены возможности и сервисы ЦОС для проектирования и разработки цифровых этнокультурных проектов. Приведены результаты оценки готовности будущих педагогов к использованию потенциала ЦОС в рамках ведения проектной деятельности.

Ключевые слова: проектная компетентность, проектная деятельность, цифровые проекты, цифровая образовательная среда, учитель, марийский язык и литература

Источник финансирования: работа выполнена в рамках реализации Федеральной инновационной площадки Минобрнауки РФ «Модель непрерывной подготовки педагогов в новой цифровой реальности» (2021–2025 гг.).

Для цитирования: Токтарова В.И., Матросова Н.В. Педагогический потенциал цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности учителей марийского языка и литературы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 197–208. doi: 10.17223/15617793/513/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/23

Pedagogical potential of digital learning environment for developing project competence in Mari language and literature teachers

Vera I. Toktarova¹, Natalia V. Matrosova²

^{1, 2} Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

¹ toktarova@yandex.ru

² m.natali378@mail.ru

Abstract. The manifestation of digitalisation in the education system is the functioning of digital educational environment in the educational organisation, which influences all aspects of the educational process, including project activities. The key components of the digital educational environment functionality influence the components of project competence of a future teacher of Mari language and literature. The aim of the work is to investigate the potential of services and tools of digital educational environment in the formation of project competence of a future teacher of Mari language and literature, as well as to identify its features and prospects of implementation in the practice of project activities of higher education. The methodological basis of the study is the works of domestic and foreign scientists in the field of project activities and the formation of project competence in the digital environment, as well as regulatory and legal documents in this field. The research is based on the provisions of competence, system, personality-oriented, activity and cultural methodological approaches. Theoretical, empirical and mathematical methods were used in the course of the research. The authors analyse the possibilities, problems and trends of using the pedagogical potential of digital educational environment in the formation of project competence of a future teacher of Mari language and literature. Project competence is considered as a complex characteristic of a teacher's personality, which includes cognitive, motivational, reflexive, activity and cultural components. The study highlights the impact of the university's digital educational environment functionality on the project activities of future teachers. The authors focus on the development of digital projects, highlighting the list of digital services and digital educational environment resources used in the implementation of projects. Examples of developed digital projects on Mari language and literature are given, their possibilities in studying and popularising the ethno-cultural heritage of the Mari people are described. The results of the experimental research on the influence of digital educational environment on the formation of project competence are described.

Keywords: project competence, project activity, digital projects, digital educational environment, teacher, Mari language and literature

Financial support: The work was carried out as part of the implementation of the Federal Innovation Platform of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation "Model of Continuous Training of Educators within New Digital Reality" (2021–2025).

For citation: Toktarova, V.I. & Matrosova, N.V. (2025) Pedagogical potential of digital learning environment for developing project competence in Mari language and literature teachers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 197–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/23

Введение

Стремительное развитие цифровой экономики, трансформация ее традиционных отраслей и бизнес-моделей, а также появление новых рынков требует совершенствования системы образования, особенно в части формирования актуальных компетенций для работы в условиях цифрового общества.

Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» выделяет повышение уровня образования как одно из приоритетных направлений государственной научной политики, важнейшим фактором совершенствования и развития которого выступает цифровая трансформация. Данный процесс подразумевает кардинальные преобразования основных компонентов образовательного процесса, способов его организации и содержания, а также оценки достижения образовательных результатов [1].

Базисной основой цифровой трансформации образования служит реализация и развитие в образовательной организации цифровой образовательной среды (ЦОС), которая переводит функционирование основных компонентов образовательного пространства вуза (содержательно-методического, организационного, коммуникационного и инфраструктурного) в цифровой формат. ЦОС задает не только новые способы организации обучения и взаимодействия субъектов образовательного процесса, но и вектор формирования мышления и развития личности обучающегося, в том числе по педагогическим направлениям [2–5].

Подготовка будущих педагогов является одной из важнейших задач современных образовательных организаций высшего образования [6]. Вузы должны не только обеспечивать высокий уровень предметно-содержательной и методической подготовки, но и участвовать в духовно-нравственном воспитании молодежи, базирующемся на национальных духовно-нравственных ценностях и историко-культурном наследии народов России.

Россия как многонациональное государство ставит перед собой задачу сохранения и развития языков ее народов, и система образования здесь играет одну из ключевых ролей. Марийский язык является языком народа мари и относится к группе финно-угорских языков уральской языковой семьи, в котором можно выделить две литературные нормы: лугомарийскую и горномарийскую, а также ряд диалектов. Значимую нишу в системе образования занимает подготовка педагогов марийского языка и литературы.

На современном этапе одной из ключевых характеристик выпускника-педагога в области марийского языка и литературы является сформированность у него

проектной компетентности как характеристики его умений и готовности вести проектную деятельность по марийскому языку и литературе в современных динамичных условиях. Основным механизмом ее формирования выступает проектная деятельность, которая направлена не только на выработку у обучающихся требуемых в современном мире проектных умений и навыков, но также на решение профессиональных задач по изучению, сохранению и популяризации языка и литературы народа мари, повышение мотивации к этой деятельности, а также выступает фактором духовно-нравственного воспитания молодежи на основе этнокультурного наследия марийского народа.

Функционал цифровой образовательной среды оказывает влияние на проектную деятельность в вузе, преобразуя в цифровой формат как сам проект, так и среду его управления, задает новые способы взаимодействия участников проектной команды, работы с информацией, а также способов распространения и популяризации, оценки эффективности проекта. Происходящие изменения требуют трансформации процесса развития проектной компетентности в части грамотного и эффективного использования потенциала цифровой образовательной среды вуза на всех этапах его формирования.

В связи с этим в рамках данной работы авторы ставят своей целью исследование потенциала сервисов и инструментов цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности будущего учителя марийского языка и литературы, а также выявление ее особенностей и перспектив внедрения в практику проектной деятельности высшей школы.

Обзор литературы

Сегодня цифровая образовательная среда вуза оказывает значительное влияние на формирование компетентностного портрета выпускника, дает возможность построения индивидуальной траектории обучения, реализации гибкости образовательного процесса, развития познавательной деятельности и самостоятельной работы студентов, а также реализации межличностного и межкультурного взаимодействия в поликультурной среде [7, 8]. М.И. Винокурова и др. подчеркивают активную роль цифровой образовательной среды как части цифровой экосистемы вуза в подготовке конкурентоспособного специалиста [9].

О.В. Михалева и А.В. Морозов [10] в своей работе отмечают, что построение компетентностного профиля выпускника в условиях цифровой образовательной среды должно базироваться на основе обучения с использованием модульных программ и широким применением как собственных цифровых ресурсов образовательной организации, так и сторонних, в том числе

с доступом к облачным технологиям. При этом М.Ж. Поликарпова и О.В. Михалева [11] акцентируют внимание на творческом опыте педагога, ориентации методического обеспечения для решения практико-ориентированных задач с организацией взаимодействия между субъектами образовательного процесса с использованием цифрового инструментария.

В ходе формирования проектной компетентности, по мнению Е.Г. Ивановой [12], цифровая образовательная среда дает возможность повышения эффективности усвоения проектных знаний и умений, реализации многовариантности и интерактивности образовательного процесса, объективного контроля результатов обучения, развития творческого мышления и коммуникативных навыков. В качестве элементов ЦОС автор выделяет высокоскоростной Интернет и компьютерные классы с современной техникой, электронное методическое обеспечение, внутренний электронный библиотечный каталог и сторонние электронные библиотечные системы, платформу и сервисы для реализации электронного и дистанционного обучения (например, Moodle), специализированное программное обеспечение [12].

В свою очередь, Н.С. Абрамова и др. [13] отмечают, что платформа Moodle может быть использована для реализации проектов любого типа, а ее наибольшее достоинство в реализации проектной деятельности заключается в обеспечении постоянного доступа к информации и возможности асинхронного взаимодействия участников.

Анализ зарубежных исследований выявил, что для развития проектной компетентности выпускника в условиях современной цифровой среды необходимо уделить особое внимание технологиям искусственного интеллекта, больших данных и предиктивной аналитики [14–16]. В работе [17] авторы указывают на важность использования специализированных соответствующих инструментов и цифровых платформ управления проектами (Asana, Trello, Monday.com) и других облачных решений. Схожая позиция отражена в [18], где автор выделяет в качестве одной из составляющих цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности учащихся инструменты искусственного интеллекта и анализа данных. Авторы [19] отмечают значимость реализации в проектной деятельности специализированного программного обеспечения для коммуникации и коллаборации в цифровой среде.

Среди основных функций ЦОС, необходимых для эффективного ведения проектной деятельности, Ю.В. Подповетная и др. [20] выделяют следующие: организация работы личного кабинета субъекта образовательного процесса, информационных сервисов для обучения проектированию и для построения индивидуальных образовательных траекторий, реализация внутри- и межкомандного взаимодействия, а также балльно-рейтинговой системы оценки результатов проектирования. Т.Н. Носкова и Н.Д. Козина [21] в качестве основной функции цифровой среды выделяют возможность сбора, накопления и анализа цифровых

следов, что даст возможность реализации индивидуальной траектории развития в учебной и внеучебной деятельности студента, повышения уровня его рефлексии в ходе проектной деятельности. В качестве основных компонентов авторы выделяют информационные ресурсы ЦОС, ресурсы управления проектной деятельностью студентов, ресурсы организации коммуникации проектной группы, а также ресурсы обсуждения полученных результатов.

Рассматривая роль цифровой образовательной среды в реализации проектной деятельности этнокультурной направленности, Л.В. Коновалова [22] отмечает включение этнокультурного компонента в учебные и внеурочные проекты. По мнению автора, такие проекты направлены на изучение объектов этнокультурного наследия, истории, краеведческого материала, народного фольклора региона и страны. С целью реализации этнокультурных инновационных проектов, по мнению Ш. М.-Х. Арсалиева и А.С. Андриенко [23], в вузе должен быть реализован комплекс инструментально-технологических условий, включающих в себя обучающие веб-технологии и специальные образовательные платформы, функционирующие в едином информационном пространстве вуза.

Таким образом, проводимые исследования акцентируют свое внимание на том, что ЦОС представляет собой эффективный инструмент, способствующий комплексному развитию проектной компетентности выпускников, а её дальнейшее совершенствование требует интеграции инновационных технологий (искусственный интеллект, анализ данных, облачные технологии и др.) и учета специфики профессиональной подготовки [14–16, 24]. Однако исходя из анализа литературы, можно заключить, что недостаточное внимание уделено вопросам формирования проектной компетентности учителей малых языков в условиях цифрового пространства и реализации проектов с этнокультурной составляющей.

Материалы и методы исследования

Исследование педагогического потенциала цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности учителей марийского языка и литературы базировалось на следующих методологических подходах: компетентностного (определение требуемого у современного учителя марийского языка и литературы набора компетенций для ведения проектной деятельности в условиях ЦОС образовательной организации), системного (рассмотрение проектной компетентности как комплексного понятия, на каждую составляющую которого оказывают влияние компоненты ЦОС), личностно-ориентированного (направленность на развитие персональных качеств педагога как личности в ходе ведения проектной деятельности в цифровом пространстве), деятельностного (выявление возможностей ЦОС для организации проектной деятельности и практико-ориентированных задач) и культурологического (адаптация цифровых инструментов

ЦОС для реализации проектов, направленных на сохранение и развитие марийского языка и культурного наследия).

В работе были использованы теоретические (изучение научной литературы, нормативно-правовых документов и практических руководств по использованию ЦОС в педагогической практике, сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта формирования проектной компетентности в условиях ЦОС), эмпирические (разработка и апробация цифровых образовательных ресурсов ЦОС, анкетирование и интервью с будущими учителями марийского языка и литературы, наблюдение за организацией и реализацией проектной деятельности) и математические (количественный и качественный анализ, методы описательной статистики, корреляционный анализ) методы исследования.

Базой исследования выступил ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», направление подготовки специалистов в области марийского языка и литературы 44.03.05 Педагогическое образование и 45.03.01 Филология. В опросе приняли участие 352 респондента.

Влияние ключевых функциональных направлений ЦОС на формирование проектной компетентности будущего педагога

С целью анализа предметной области, проблем и тенденций выявления педагогического потенциала цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности учителей марийского языка и литературы был проведен SWOT-анализ, результаты которого представлены в табл. 1.

Результаты анализа подтверждают, что развитие педагогического потенциала ЦОС в формировании проектной компетентности учителей марийского языка требует системного подхода, включающего преодоление существующих слабых сторон и угроз через использование имеющихся возможностей и сильных сторон. Одной из ключевых сильных сторон является возможность использовать ЦОС для сохранения и популяризации марийского языка и культуры. Для этого необходимо разработать и внедрить цифровые образовательные ресурсы, включающие интерактивные мультимедийные материалы, базы данных марийского фольклора, электронные учебники и платформы для межкультурного взаимодействия. Особое внимание следует уделить созданию этнокультурных проектов, направленных на изучение региональной истории, традиций и народного творчества. Такие проекты можно интегрировать в учебные и внеучебные программы с использованием цифровых инструментов, обеспечивая их междисциплинарный и практико-ориентированный характер. Для устранения слабых сторон следует организовать курсы повышения квалификации для учителей марийского языка и литературы, направленные на освоение технологий и инструментов цифровой образовательной среды, навыков управления проектной деятельностью и использования этнокультурных цифровых ресурсов. Таким образом, будет создана основа

для применения современных технологий в учебном процессе, что повысит эффективность формирования проектной компетентности выпускников.

Таблица 1

Данные SWOT-анализа

Сильные стороны / Strengths	Слабые стороны / Weaknesses
1. Выстраивание индивидуальных образовательных траекторий, адаптируя содержание под уровень и потребности обучающихся. 2. Расширение доступа к современным цифровым ресурсам, платформам и инструментам для развития навыков проектирования и аналитического мышления. 3. Возможность реализации удаленного взаимодействия членов проектной команды. 4. Предоставление инструментария для прогнозной аналитики, оценки реализации проектов и сформированности проектной компетентности. 5. Поддержка сохранения и развития марийского языка и культуры через внедрение этнокультурных проектов.	1. Недостаточный опыт участников проектной группы ведения деятельности в условиях цифрового пространства. 2. Ограниченный доступ к современным цифровым инструментам и сервисам ведения проектной деятельности в вузе. 3. Уязвимость в части обеспечения информационной безопасности и контроля авторских прав результатов проектной деятельности. 4. Ограниченность готовых образовательных программ и материалов, адаптированных для формирования проектной компетентности на марийском языке. 5. Необходимость значительных временных / финансовых затрат на разработку и внедрение современных цифровых ресурсов этнокультурной направленности
Возможности / Opportunities	Угрозы / Threats
1. Интеграция в проектную деятельность современных цифровых технологий (виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект и др.). 2. Реализация совместных проектов с другими регионами и странами для популяризации марийского языка и литературы. 3. Возможность участия в федеральных и региональных программах по развитию образования в национальных республиках	1. Сопротивление изменениям, проявляемое неготовностью части педагогов к переходу на цифровые методы работы. 2. Ускоренный процесс устаревания технологий, обуславливающий необходимость их регулярного обновления и дополнительных финансовых вложений. 3. Потенциальные риски технических сбоев и технологических неисправностей

Сегодня проектная компетентность является неотъемлемой частью подготовки будущего педагога. Под проектной компетентностью учителя марийского языка и литературы в условиях цифровизации образования будем понимать «устойчивую характеристику личности, формируемую в результате интеграции теоретических знаний и практического опыта и проявляющуюся в способности и готовности вести проектную деятельность в сфере изучения, преподавания, сохранения и популяризации марийского языка и литературы с использованием цифровых технологий и ресурсов» [25].

Цифровая образовательная среда способствует смене подходов к ведению образовательного процесса, в том числе к ведению проектной деятельности как главному инструменту формирования проектной компетентности. Выделим следующие ключевые функциональные направления ЦОС.

Содержательно-методический функционал направлен на реализацию предметно-содержательной части ЦОС, определяет методы, принципы, способы и средства обучения, формы организации и проведения учебных занятий по дисциплинам, в ходе которых идет формирование проектной компетентности учителя марийского языка и литературы.

Содержательная составляющая обеспечивает доступ к образовательному контенту по данным дисциплинам (комплекс электронных ресурсов, электронные учебно-методические разработки и платформы, электронные библиотечные фонды и т.п.), методическая составляющая содержит как общепринятые, так и авторские методики, используемые для формирования проектной компетентности, методы и формы педагогического взаимодействия, электронные методические рекомендации по организации и осуществлению самостоятельной работы, ведению проектной деятельности и по оценке результативности учебного процесса.

Программно-технический функционал дает возможность использования в ходе формирования проектной компетентности современных технических и программных средств. К техническим средствам относятся сервера, клиентские компьютеры, локальные сети образовательной организации, интерактивные доски, широкополосные каналы т.п. В качестве примеров используемых программных средств можно выделить онлайн-сервисы, автоматизированные обучающие системы, электронные информационные ресурсы,

базы данных и базы знаний, используемые образовательным учреждением.

Коммуникативный функционал задает тенденцию на развитие процессов информационного взаимодействия между участниками проектной деятельности посредством современных технологий, к примеру, сервисов и технологий ЦОС [26], обеспечивающих постоянную интерактивную коммуникацию (электронная почта, сервисы организации вебинаров и видеоконференций, чаты, форумы, социальные сети, цифровые сервисы организации совместной работы и др.).

Организационно-управленческий функционал включает в себе административно-правовую основу функционирования ЦОС: нормативно-правовую базу, систему обеспечения безопасности работы ЦОС, правила разграничения доступа и определения полномочий сотрудников и обучающихся, систему управления образовательной организацией и образовательным процессом, осуществления мониторинга достижения результатов, самоконтроля обучающихся и т.д.

Структурно-функциональная модель цифровой образовательной среды вуза представлена на рис. 1.

Рис. 1. Структурно-функциональная модель цифровой образовательной среды

Поскольку функционал цифровой образовательной среды активно применяется на всех этапах образовательного процесса и реализации проектной деятельности, важно проанализировать ее влияние на формирование каждого из компонентов проектной компетентности будущих учителей марийского языка и литературы.

Мотивационный компонент проектной компетентности отражает стремление и готовность обучающихся участвовать в проектной деятельности, а также их заинтересованность в достижении целей проекта. Цифровая образовательная среда способствует развитию этого компонента, создавая благоприятные условия

для формирования и поддержания мотивации к проектной деятельности, призвана повысить стремление будущего учителя марийского языка и литературы к применению цифровых технологий в проектной деятельности для сохранения и развития марийского языка и литературы, желание совершенствоваться в этой сфере, формировать внутреннее стремление к достижению успеха в своей деятельности. Интерактивные инструменты, такие как симуляции, виртуальные экскурсии и мультимедийные материалы, делают процесс проектной работы более увлекательным и наглядным. Прозрачность оценивания через цифровые инструменты помогает обучающимся видеть прогресс и

лучше осознавать свои достижения, а примеры успешных проектов, представленных на цифровых платформах, служат вдохновением для обучающихся и способствуют развитию их творческой мотивации.

Когнитивный компонент проектной компетентности включает совокупность знаний, умений и навыков, необходимых для эффективного планирования, реализации и анализа проектной деятельности, руководства и выполнения проекта в условиях ЦОС, аргументированные пути их практического применения в цифровом пространстве, методы поиска, анализа и обработки необходимой информации с использованием цифровых средств. Цифровая среда оказывает значительное влияние на развитие этого компонента, трансформируя подходы к получению, обработке и применению знаний; предоставляет доступ к электронным библиотекам, мультимедийным пособиям, специализированным базам данных и цифровым архивам. Для педагогов марийского языка это особенно важно, так как они могут использовать этнокультурные материалы, такие как исторические документы и интерактивные карты, способствующие углублению их предметных знаний. Также работа с большими объемами данных, использование обучающих платформ с искусственным интеллектом и выполнение заданий, связанных с решением реальных образовательных проблем, развивают у будущих педагогов навыки анализа, обобщения и принятия решений.

Использование потенциала ЦОС в рамках *деятельностного компонента* способствует раскрытию творческого потенциала обучающегося, более эффективному решению проблемных задач за счет возможностей работы с разными типами информации (текст, графика, аудио и т.п.) и объемами данных, использования средств организации совместной работы, проведения контрольных мероприятий и презентации проекта. Данный компонент проектной компетентности включает практические навыки, необходимые для успешного выполнения всех этапов проектной деятельности: планирование, реализация, мониторинг и анализ. ЦОС предоставляет платформы для управления проектами, такие как Trello, Kaiten, или Asana, которые помогают систематизировать задачи, распределять роли в команде и отслеживать выполнение этапов. Использование интерактивных календарей и инструментов визуализации (например, диаграммы Ганта) позволяет более четко планировать временные рамки и ресурсы проекта. Инструменты анализа данных (например, Google Analytics, встроенные модули LMS) помогают оценивать эффективность отдельных этапов работы и результаты проекта в целом. При этом использование технологий геймификации и виртуальной реальности (например, симуляторов этнокультурной среды) способствует более глубокому вовлечению в процесс выполнения проектов.

Рефлексивный компонент проектной компетентности включает способности обучающихся к осмыслению своих действий, анализу полученных результатов и выработке стратегий для дальнейшего совершенствования. ЦОС способствует формированию и развитию этого компонента благодаря своим инструментам и возможностям для саморефлексии, обратной связи и

анализа данных, позволяет оценить личные затруднения как в ходе работы над идеей проекта, так и в процессе его реализации, осознать уровень развития цифровой культуры педагога при проектировании, ответственности за результаты собственной работы и коллекттива. Использование электронных журналов или дневников рефлексии стимулирует студентов фиксировать свои мысли, эмоции и выводы на каждом этапе проектной работы. Платформы ЦОС предоставляют функции для создания опросов, тестов и анкет, которые позволяют обучающимся самостоятельно оценить свои действия и выявить зоны для улучшения. Сбор и анализ цифровых следов (достижений, результатов тестов, выполненных задач) помогают обучающимся понимать, каким образом их усилия влияют на конечный результат, и корректировать свои действия.

Культурологический компонент проектной компетентности включает в себя понимание культурных ценностей, норм и традиций, а также умение учитывать культурные особенности при проектной деятельности. ЦОС открывает новые возможности для развития этого компонента, особенно в контексте подготовки учителей марийского языка и литературы, предоставляя доступ к цифровым архивам, мультимедийным материалам и библиотекам, содержащим марийские тексты, фольклорные произведения и историко-культурные материалы. Интерактивные карты, базы данных марийской этнокультуры и специализированные платформы (например, виртуальные музеи) способствуют углубленному изучению этнокультурного наследия. ЦОС облегчает взаимодействие между представителями разных культур через видеоконференции, сетевые проекты и форумы, где обучающиеся могут делиться опытом, обсуждать общие темы и находить культурные точки соприкосновения. Участие в межрегиональных образовательных инициативах позволяет осваивать практики других этнокультурных групп, одновременно способствуя сохранению марийских культурных традиций. Создание и распространение этнокультурных проектов с использованием цифровых платформ способствует укреплению профессиональной идентичности будущих педагогов, формированию национального самосознания, а также раскрытию их творческого потенциала и саморазвитию в поликультурной среде.

Таким образом, педагогический потенциал ЦОС играет трансформирующую роль в развитии всех компонентов проектной компетентности будущих учителей марийского языка и литературы, выступая эффективным инструментом для реализации проектной деятельности, обеспечивая комплексное развитие и готовность будущих педагогов к эффективной работе в поликультурной среде.

Экспериментальное исследование по выявлению педагогического потенциала цифровой образовательной среды

В рамках текущего учебного года с целью выявления педагогического потенциала цифровой образовательной среды в формировании проектной компетентности будущих педагогов в области марийского языка

и литературы было праведно экспериментальное исследование по реализации цифровых проектов этнокультурной направленности.

Под *цифровыми проектами* будем понимать проекты, нацеленные на создание, внедрение или оптимизацию цифровых продуктов и решений, а также ориентированные на использование современных цифровых технологий и инструментов, аналитики данных, искусственного интеллекта для решения проектных задач [27]. Разработка цифровых проектов способствовала не только глубокому и эффективному формированию всех компонентов проектной компетентности, но и стимулировала создание инновационных решений и программных продуктов в области изучения и популяризации марийского языка и литературы. Внедрение таких проектов способствовало адаптации учебного процесса к современным требованиям, интеграции новых технологий в обучение, а также созданию уникальных этнокультурных ресурсов.

Рассмотрим несколько примеров цифровых проектов.

Проект «Информационно-образовательный ресурс «Уральские языки в современном мире»» представляет собой инновационную платформу, ориентированную на исследование и распространение знаний об ураль-

ских языках в контексте современности. Среди особенностей этого ресурса – наличие мультимедийных компонентов, таких как аудиофайлы, видеоматериалы, интерактивные упражнения и тесты, что способствует более глубокому освоению языков. В рамках проекта предусмотрены механизмы для активного участия пользователей в развитии ресурса – возможность дополнения контента, обсуждение материалов, участие в онлайн-конференциях и мастер-классах. Это способствует созданию сообщества заинтересованных лиц, которые могут обмениваться опытом, решать актуальные проблемы и работать над сохранением языкового и культурного наследия.

Проект «Йошкар-Ола – красный город» представляет собой интерактивный атлас основных достопримечательностей города г. Йошкар-Олы и их описаний, а также истории их появления (рис. 2). Проект направлен на повышение мотивации к изучению истории и культуры столицы Республики Марий Эл и может быть использован как в туристических целях, так и на уроках марийского языка, истории культуры народов или во внеурочной деятельности. Данная карта аккумулирует различные виды информации (текст, видео, аудио) о значимых местах г. Йошкар-Олы. В рамках проекта предусмотрены интерактивные туры по ключевым городским маршрутам.

Рис. 2. Фрагменты ресурса «Йошкар-Ола – красный город»

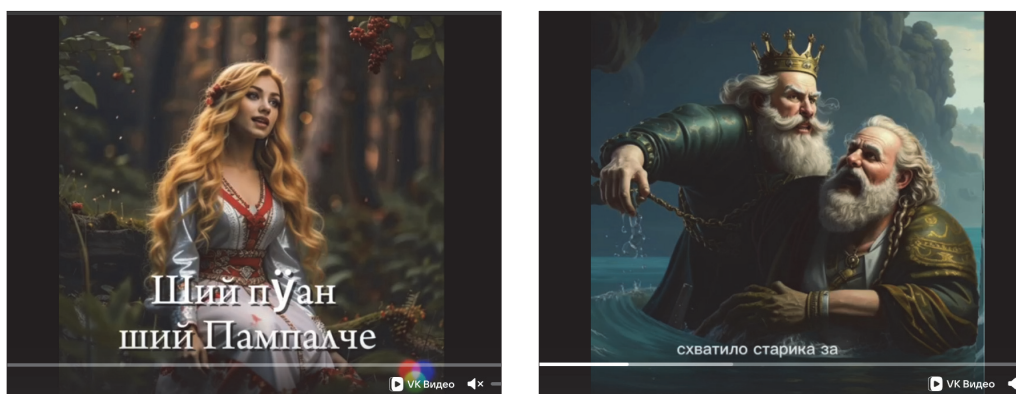

Рис. 3. Фрагменты анимированного ролика «Сереброзубая Пампалче»

Проект «Сказочное путешествие: иллюстрирование марийской сказки «Сереброзубая Пампалче»», направленный на создание анимированного ролика по марийской народной сказке с использованием средств и сервисов искусственного интеллекта (рис. 3). Особенностью проекта является то, что все изображения,

музыка, а также голосовое сопровождение ролика сгенерированы при помощи генеративных нейронных сетей.

Результаты проекта могут быть использованы как в рамках занятий по марийской литературе, так и в ходе внеурочной деятельности.

При разработке и реализации проектов был использован комплекс цифровых сервисов и ресурсов ЦОС, выявленных с учетом их педагогического потенциала.

Примеры используемых инструментов на различных этапах проектной деятельности приведены в табл. 2.

Таблица 2

Перечень цифровых сервисов и ресурсов ЦОС, применяемых при реализации проектов

Инструменты	Операции
<i>Цифровые системы отслеживания статуса проекта и задач</i>	
Monday (https://monday.com/lang/ru) Shtab (https://shtab.app/) PMotto (https://www.pmotto.ai/)	Контроль выполнения задач в проекте; предоставление инструментов визуализации статуса задач, диаграмм Ганта и отчетов; помощь в режиме реального времени при выполнении этапов проекта; наличие функции для управления рисками, выявления задержек и проблем для оперативного реагирования и минимизации негативных последствий
<i>Цифровые сервисы поиска и подготовки обзора источников и литературы</i>	
Semantic Scholar (https://www.semanticscholar.org/) Consensus (https://consensus.app/search/) Thesify (https://app.thesify.ai/) Keenious (https://keenious.com) Authorea (https://www.authorea.com/)	Интеллектуальный и контекстуальный поиск литературы по тематике проекта в российских и международных базах данных; подбор материалов по теме и анализ источников; генерация кратких и структурированных выводов из научных данных для поддержки гипотез и решений; помощь в подготовке обзоров литературы и документов по проекту
<i>Цифровые сервисы разработки образовательных материалов</i>	
Coursebox (https://www.coursebox.ai) CreateAiCourse (https://createaicourse.com/) LearningStudioAI (https://learningstudioai.com/) MindSmith (https://www.mindsmith.ai/) Humata (https://app.humata.ai/login) ExplainPaper (https://www.explainpaper.com/) Chatize (https://www.chatize.com/)	Генерация проектных учебных идей на основе информационных источников; генерация образовательных материалов, необходимых при реализации проектов; составление прототипов образовательных продуктов по цифровым проектам; анализ текстов, выделение ключевых идей, данных и выводов из различных источников; генерация ответов на вопросы по содержанию документа или литературного источника; анализ научных статей, подготовка обзоров литературы и разработка гипотез; структурирование проектной информации
<i>Цифровые сервисы для аналитики проектных данных</i>	
IBM Watson Analytics (https://www.ibm.com/analytics) Google Analytics (https://analytics.google.com) Domo (https://www.domo.com)	Автоматизация сбора, обработки и анализа данных; обработка и анализ больших объемов данных; построение моделей прогнозирования и использование машинного обучения для предсказания будущих событий; предоставление инструментария для визуализации данных в виде графиков, диаграмм и инфографики; создание детальных отчетов о реализации проекта и его результатах
<i>Цифровые средства эффективного взаимодействия проектных команд</i>	
Notion (https://www.notion.so/) Chanty (https://www.chanty.com/) Chorus.ai (http://chorus.ai)	Управление задачами в рамках жизненного цикла проекта; организация взаимодействия и коммуникации проектной команды; организация единого поля взаимодействия распределенных команд; улучшение производительности работ по проекту
<i>Цифровые сервисы для организации обратной связи</i>	
Simpoll (https://simpoll.ru) Zendesk (https://www.zendesk.org/service/) UserEcho (https://userecho.ru)	Сбор мнений, предложений и отзывов от пользователей и заинтересованных сторон; анализ полученных данных для улучшения качества проектных работ и вовлечения целевой аудитории в процесс принятия решений
<i>Цифровые сервисы для презентации проекта</i>	
Gamma (https://gamma.app/ru) Powtoon (https://www.powtoon.com/new-dashboard/) Haiku Deck (https://www.haikudeck.com/) Visme (https://www.visme.co/) Prezi (https://prezi.com/) Pictochart (https://piktochart.com/) Presentsimple (https://presentsimple.ai/) Prezo (https://prezo.ai/)	Создание профессиональных презентаций проектных решений; визуализация проектных идей для привлечения внимания аудитории и убеждение ее в ценности проекта; разработка информационных и рекламных материалов для разных целевых аудиторий; анализ презентаций и создание рекомендаций по ее улучшению
<i>Цифровые сервисы для хранения материалов проектов</i>	
Box (https://www.box.com/) MediaFire (https://www.mediafire.com/) Яндекс.Диск (https://disk.yandex.ru/)	Обеспечение возможности свободного хранения, синхронизации и обмена необходимыми материалами; предоставление доступа к файлам участникам проекта с возможностью редактирования в реальном времени

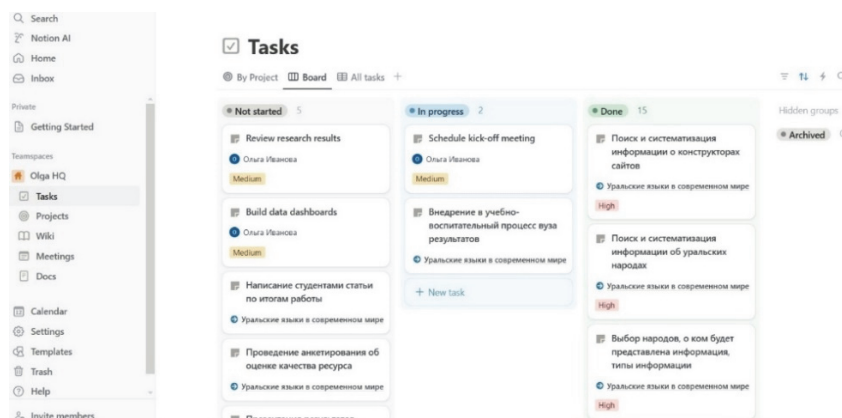

Рис. 4. Фрагмент работы проектной команды в сервисе Notion AI

Рис. 5. Оценка готовности будущих педагогов работать с инструментами цифровой образовательной среды в рамках проектной деятельности

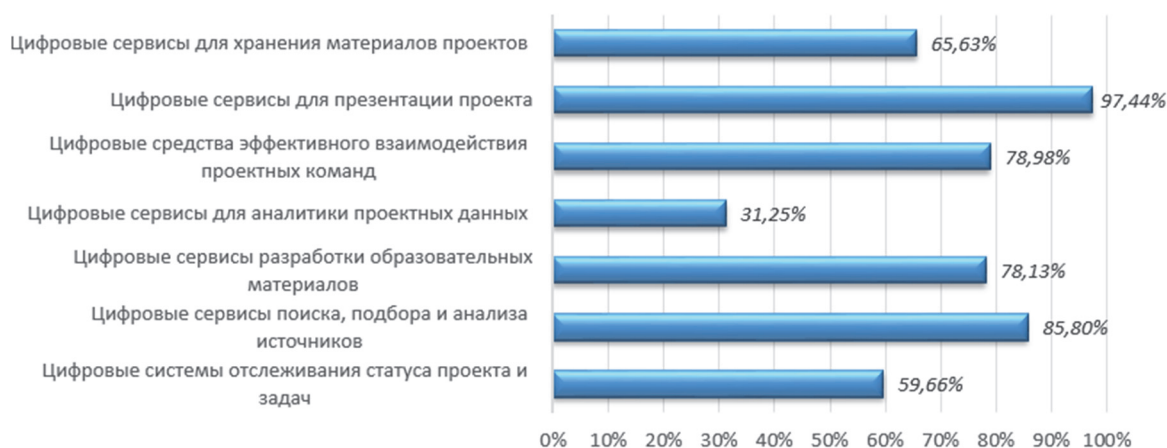

Рис. 6. Результаты выбора трех наиболее значимых цифровых инструментов в ходе ведения проектной деятельности

К примеру, на рис. 4 представлен фрагмент работы в интеллектуальном цифровом сервисе Notion AI.

В ходе эксперимента было проведено анкетирование студентов – будущих учителей марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» – на предмет влияния цифровой образовательной среды на формирование проектной компетентности. В опросе приняли участие 352 студента, изучающих марийский язык как родной и как государственный.

Так, в рамках эксперимента проводилась оценка готовности студентов к использованию инструментов цифровой образовательной среды в контексте проектной деятельности. Результаты данного исследования представлены на диаграмме (рис. 5).

Анализ полученных данных показал, что более трети опрошенных студентов демонстрируют высокий уровень готовности к работе с цифровыми инструментами: 15,34% респондентов полностью готовы к самостоятельному использованию ЦОС, а 22,16% уверенно владеют большинством доступных инструментов. В то же время значительная часть участников исследования (32,67%) оценивает свою готовность на базовом уровне, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития цифровых компетенций в процессе подготовки будущих педагогов.

В ходе исследования студентам был задан вопрос о выборе трех наиболее значимых цифровых инструментов для осуществления проектной деятельности. Полученные результаты представлены на рис. 6.

На основании представленных данных можно провести комплексный анализ предпочтений студентов в использовании цифровых инструментов для проектной деятельности. Наибольший процент студентов (97,44%) выбрал цифровые сервисы для презентации проектов, что свидетельствует о значении визуализации и представления результатов как важной составляющей проектной работы. Следующей по значимости категорией оказались те, кто предпочел цифровые сервисы поиска, подбора и анализа источников (85,80%), указывая на необходимость работы с информацией при подготовке и реализации проектов. Цифровые средства эффективного взаимодействия проектных команд (78,98%) и сервисы разработки образовательных материалов (78,13%) также занимают значительное место в практике студентов, что подчеркивает важность коллективной работы и создания образовательного контента. Меньше внимания уделяется цифровым сервисам для хранения материалов проектов (65,63%) и цифровым системам отслеживания статуса проекта и задач (59,66%), это может быть связано с недостаточной интеграцией таких инструментов в образовательные процессы или с низким уровнем осведомленности студентов об их потенциале.

Наименее востребованными оказались цифровые сервисы для аналитики проектных данных (31,25%), что свидетельствует о сложностях в освоении аналитических инструментов или о недостаточности знаний в данной области.

Результаты ответов на вопрос о том, на формирование каких компонентов проектной компетентности оказывает влияние цифровая образовательная среда, отражены на рис. 7.

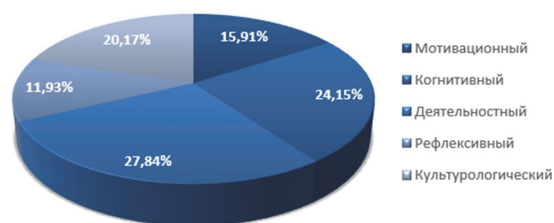

Рис. 7. Результаты оценки влияния ЦОС на формирование компонентов проектной компетентности будущих педагогов

Наибольший процент респондентов (27,84%) указал на значимость деятельностного компонента, что отражает актуальность применения цифровых технологий для выполнения практических задач, связанных с реализацией проектной деятельности. На втором месте – когнитивный компонент (24,15%), что подчеркивает роль ЦОС в обеспечении доступа к новым знаниям, информации и обучающим ресурсам, необходимым для успешного выполнения проектных задач. Культурологический компонент (20,17%) оказался на третьем месте, что может быть связано с осознанием студентами значимости цифровых инструментов для интеграции этнокультурных особенностей в проекты, особенно в контексте подготовки педагогов марийского языка и литературы. Мотивационный компонент, составивший 15,91%, свидетельствует о сравнительно меньшем влиянии ЦОС на повышение интереса студентов к проектной деятельности по сравнению с когнитивными и деятельностными аспектами. Тем не менее данный показатель остается значимым, учитывая, что мотивация играет важнейшую роль в успешной реализации проектной деятельности. 11,93% будущих педагогов отметили влияние рефлексивного компонента, что может свидетельствовать о недостаточной степени использования цифровых инструментов для анализа и оценки собственной работы.

Заключение

Следует отметить, проектная компетентность представляет собой ключевую характеристику будущего учителя марийского языка и литературы, определяющую его способность и готовность к разработке и реализации этнокультурных проектов.

Активное внедрение сервисов и инструментов цифровой образовательной среды на всех этапах проектной деятельности приводит к трансформации структурных компонентов проектной компетентности, обеспечивая целостное развитие и формирование комплексной готовности педагога к реализации проектных инициатив в условиях цифрового поликультурного пространства. В работе приведены примеры трех цифровых проектов, разработанных будущими учителями марийского языка и литературы, направленных на сохранение и популяризацию этнокультурного наследия народа мари. Данные проекты реализованы с использованием возможностей ЦОС на всех этапах проектной деятельности.

Экспериментальная оценка влияния цифровой образовательной среды на формирование проектной компетентности продемонстрировала, что студенты в целом обладают базовой готовностью к осуществлению проектной деятельности в цифровом формате и способны использовать современные цифровые инструменты. Согласно результатам опроса наибольшее распространение получили цифровые сервисы для подготовки презентационных проектных материалов, инструменты для поиска источников и литературы, а также цифровые средства для взаимодействия проектных команд. Однако выявлен недостаточный уровень применения специализированных цифровых решений, ориентированных на аналитику и управление проектной деятельностью.

Таким образом, на данный момент потенциал цифровой образовательной среды в контексте проектной деятельности остается реализованным не в полной мере. В связи с этим возникает необходимость разработки и внедрения комплекса мер, направленных на повышение уровня сформированности проектной компетентности будущих педагогов марийского языка и литературы, учитывающего возможности цифровых образовательных технологий.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения 08.02.2025).
2. Nugroho B., Rosyadi M., Setyorini W., Fauziati E., Sumardjoko B. Perception of Digital Technology in Project Based Learning for Digital Native Students in Elementary School // *Tunas: Jurnal Pendidikan Guru Sekolah Dasar*. 2024. № 10(1). P. 13–17. doi: 10.33084/tunas.v10i1.8979
3. Varajão J., Trigo A., Pereira J.L., Moura I. Information systems project management success // *International Journal of Information Systems and Project Management*. 2021. № 9. P. 62–74. doi: 10.12821/ijispm090404
4. Zhao Y., Jensen H. Towards a Modern Learning Organization: Human-Centered Digitalization of Lessons Learned Management for Complex Systems Development Projects // *Technologies*. 2022. Vol. 10, Is. 6. doi: 10.3390/technologies10060117
5. Meghișan-toma G.-M., Bolojan G., Nen M. Educators' Training Need on Project Management in Digital Context: Case Study on Romanian Secondary Education System // *International Management Conference*. 2024. doi: 10.24818/IMC/2023/05.10
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.06.2022 г. № 1688-р «Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года». URL: <http://government.ru/docs/all/141781/> (дата обращения 08.02.2025)
7. Subastian E., Nursalim M., Bachri B. The Effect of Project Based Blended Learning on Visual Literacy Skills // *Journal of Ecohumanism*. 2024. № 3 (8). doi: 10.62754/joe.v3i8.4858
8. Atysheva B., Amanbaeyeva M., Gul A. Development of Self-Management, Teamwork, Leadership, Time Management Skills Through Project Activities // *National Center for Higher Education Development*. 2024. № 3 (47). doi: 10.59787/2413-5488-2024-47-3-51-60

9. Винокурова М.И., Игнатъев В.П., Герасимова Р.Е., Алексеева И.С. Цифровая образовательная среда как условие развития цифровой компетенции будущего специалиста // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия»*. 2020. № 4 (20). С. 18–21.
10. Михалева О.В., Морозов А.В. Формирование компетентности в области межкультурной коммуникации у студентов – будущих бакалавров-лингвистов в условиях цифровой образовательной среды // *Управление образованием: теория и практика*. 2018. № 4 (32). С. 103–111.
11. Поликарпова М.Ж., Михалева О.В. Формирование у студентов коммуникативных компетенций в условиях цифровой образовательной среды // *Перспективы науки*. 2020. № 7 (130). С. 169–172.
12. Иванова Е.Г. Потенциал цифровой образовательной среды вуза в формировании проектировочной компетентности бакалавров // *Казанский педагогический журнал*. 2020. № 4. С. 134–140.
13. Абрамова Н.С., Гладкова М.Н., Гладков А.В., Кутепов М.М., Трутанова А.В. Организация проектной деятельности студентов в электронном обучении // *Международный журнал экспериментального образования*. 2017. № 6. С. 7–11.
14. Karnouskos S. The Relevance of Large Language Models for Project Management // *IEEE Open Journal of the Industrial Electronics Society*. 2024. № 5. P. 758–768. doi: 10.1109/OJIES.2024.3412222
15. Özsoy T., Sezgili K. Exploring the Current Practices and Future Directions in Project Management Education and Training // *SAGE Open*. 2024. № 14 (1). doi: 10.1177/21582440241236053
16. Barcaui A., Monat A. Project planning by generative artificial intelligence and human project managers: A comparative study // *Project Leadership and Society*. 2023. № 4(1). Art. No. 100101. doi: 10.1016/j.plas.2023.100101
17. Adeniran I.A., Agu E.E., Efunniyi Ch.P., Osundare O.S., Iriogbe H.O. The future of project management in the digital age: Trends, challenges, and opportunities // *Engineering Science & Technology Journal*. 2024. Vol. 5, № 8. P. 2632–2648. doi: 10.51594/estj.v5i8.1516
18. Marhraoui M.A. Digital Skills for Project Managers: A Systematic Literature Review // *Procedia Computer Science*. 2023. Vol. 219. P. 1591–1598. doi: 10.1016/j.procs.2023.01.451
19. Marnewick C., Marnewick A. Digitalization of project management: Opportunities in research and practice // *Project Leadership and Society*. 2022. № 3 (561). Art. No. 100061. doi: 10.1016/j.plas.2022.100061
20. Подповетная Ю.В., Кравченко И.А., Подповетный А.Д. Цифровые аспекты управления проектной деятельностью студентов // *Управление в современных системах*. 2022. № 4. С. 55–66. doi: 10.24412/2311-1313-36-55-66
21. Носкова Т.Н., Козина Н.Д. Цифровая среда поддержки проектной деятельности студентов бакалавриата профиля «Технологическое образование» в высшей школе // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2021. Т. 12, № 3. С. 81–92. doi: 10.18721/JHSS.12307
22. Коновалова Л.В. Проектные технологии в этнокультурном образовании // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2018. № 4. С. 311–320.
23. Арсалиев Ш.М.-Х., Андриенко А.С. Система педагогических условий формирования этнокультурной компетентности в поликультурном образовательном пространстве высшей школы // *Информатика, вычислительная техника и инженерное образование*. 2019. № 3 (36). С. 31–39.
24. Zhang Y. The Successful Factors for Digital Transformation in Project Management // *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. 2024. № 79. P. 297–303. doi: 10.54254/2754-1169/79/20241858
25. Токтарова В.И., Матросова Н.В. Проектная компетентность учителя марийского языка и литературы в условиях цифровизации образования: структурно-содержательный анализ // *Сибирский педагогический журнал*. 2023. № 5. С. 110–121. doi: 10.15293/1813-4718.2305.11
26. Ow S. Improving Soft Skills of University Students through Software Development Team Projects // *Asian Social Science*. 2024. Vol. 4. № 4. doi: 10.5539/ass.v4n4p135
27. Токтарова В.И., Семенова Д.А., Матросова Н.В. Цифровые проекты: сущность, характеристики и инструменты реализации // *Вестник Марийского государственного университета*. 2024. Т. 18, № 1. С. 44–54. doi: 10.30914/2072-6783-2024-18-1-44-54

References

1. President of the Russian Federation. (2024) *Decree of the President of the Russian Federation of June 18, 2024m No. 529 "On the Approval of Priority Areas of Scientific and Technological Development and the List of the Most Important Science-Intensive Technologies"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (Accessed: 08.02.2025). (In Russian).
2. Nugroho, B., Rosyadi, M., Setyorini, W., Fauziati, E. & Sumardjoko, B. (2024) Perception of Digital Technology in Project Based Learning for Digital Native Students in Elementary School. *Tunas: Jurnal Pendidikan Guru Sekolah Dasar*. 10 (1). pp. 13–17. doi: 10.33084/tunas.v10i1.8979
3. Varajão, J., Trigo, A., Pereira, J.L. & Moura, I. (2021) Information systems project management success. *International Journal of Information Systems and Project Management*. 9. pp. 62–74. doi: 10.12821/ijispm090404
4. Zhao, Y. & Jensen, H. (2022) Towards a Modern Learning Organization: Human-Centered Digitalization of Lessons Learned Management for Complex Systems Development Projects. *Technologies*. 10 (6). doi: 10.3390/technologies10060117
5. Meghişan-toma, G.-M., Bolojan, G. & Nen, M. (2024) Educators' Training Need on Project Management in Digital Context: Case Study on Romanian Secondary Education System. *International Management Conference*. doi: 10.24818/TMC/2023/05.10
6. Government of the Russian Federation. (2022) *Order of the Government of the Russian Federation of June 24, 2022, No. 1688-r "The Concept of Training Teaching Staff for the Education System for the Period until 2030"*. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/all/141781/> (Accessed: 08.02.2025). (In Russian).
7. Subastian, E., Nursalim, M. & Bachri, B. (2024) The Effect of Project Based Blended Learning on Visual Literacy Skills. *Journal of Ecohumanism*. 3 (8). doi: 10.62754/joe.v3i8.4858
8. Atysheva, B., Amanbaeyeva, M. & Gul, A. (2024) Development of Self-Management, Teamwork, Leadership, Time Management Skills Through Project Activities. *National Center for Higher Education Development*. 3 (47). doi: 10.59787/2413-5488-2024-47-3-51-60
9. Vinokurova, M.I., Ignat'ev, V.P., Gerasimova, R.E. & Alekseeva, I.S. (2020) Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda kak uslovie razvitiya tsifrovoy kompetentsii budushchego spetsialista [Digital Educational Environment as a Condition for the Development of Digital Competence of a Future Specialist]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Seriya "Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya"*. 20 (4). pp. 18–21.
10. Mikhaleva, O.V. & Morozov, A.V. (2018) Formirovanie kompetentnosti v oblasti mezhkul'turnoy kommunikatsii u studentov – budushchikh bakalavrov-lingvistov v usloviyakh tsifrovoy obrazovatel'noy sredy [Formation of Competence in the Field of Intercultural Communication among Students – Future Bachelor-Linguists in the Conditions of a Digital Educational Environment]. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika*. 32 (4). pp. 103–111.
11. Polikarpova, M.Zh. & Mikhaleva, O.V. (2020) Formirovanie u studentov kommunikativnykh kompetentsiy v usloviyakh tsifrovoy obrazovatel'noy sredy [Formation of Students' Communicative Competences in the Conditions of a Digital Educational Environment]. *Perspektivy nauki*. 130 (7). pp. 169–172.
12. Ivanova, E.G. (2020) Potentsial tsifrovoy obrazovatel'noy sredy vuza v formirovanii proektirovochnoy kompetentnosti bakalavrov [The Potential of the University's Digital Educational Environment in Forming the Design Competence of Bachelors]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 4. pp. 134–140.

13. Abramova, N.S., Gladkova, M.N., Gladkov, A.V., Kutepov, M.M. & Trutanova, A.V. (2017) Organizatsiya proektnoy deyatel'nosti studentov v elektronnom obuchenii [Organization of Project Activities of Students in E-Learning]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 6. pp. 7–11.
14. Karnouskos, S. (2024) The Relevance of Large Language Models for Project Management. *IEEE Open Journal of the Industrial Electronics Society*. 5. pp. 758–768. doi: 10.1109/OJIES.2024.3412222
15. Özsoy, T. & Sezgili, K. (2024) Exploring the Current Practices and Future Directions in Project Management Education and Training. *SAGE Open*. 14 (1). doi: 10.1177/21582440241236053
16. Barcaui, A. & Monat, A. (2023) Project planning by generative artificial intelligence and human project managers: A comparative study. *Project Leadership and Society*. 4 (1). Art. No. 100101. doi: 10.1016/j.plas.2023.100101
17. Adeniran, I.A., Agu, E.E., Efunniyi, Ch.P., Osundare, O.S. & Iriogbe, H.O. (2024) The future of project management in the digital age: Trends, challenges, and opportunities. *Engineering Science & Technology Journal*. 5 (8). pp. 2632–2648. doi: 10.51594/estj.v5i8.1516
18. Marhraoui, M.A. (2023) Digital Skills for Project Managers: A Systematic Literature Review. *Procedia Computer Science*. 219. pp. 1591–1598. doi: 10.1016/j.procs.2023.01.451
19. Marnewick, C. & Marnewick, A. (2022) Digitalization of project management: Opportunities in research and practice. *Project Leadership and Society*. 3 (561). Art. No. 100061. doi: 10.1016/j.plas.2022.100061
20. Podpovetnaya, Yu.V., Kravchenko, I.A. & Podpovetnyy, A.D. (2022) Tsifrovye aspekty upravleniya proektnoy deyatel'nost'yu studentov [Digital Aspects of Managing Students' Project Activities]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*. 4. pp. 55–66. doi: 10.24412/2311-1313-36-55-66
21. Noskova, T.N. & Kozina, N.D. (2021) Tsifrovaya sreda podderzhki proektnoy deyatel'nosti studentov bakalavriata profilya "Tekhnologicheskoe obrazovanie" v vysshey shkole [Digital Environment for Supporting Project Activities of Undergraduate Students in the "Technological Education" Profile in Higher Education]. *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie*. 12 (3). pp. 81–92. doi: 10.18721/JHSS.12307
22. Konovalova, L.V. (2018) Proektnye tekhnologii v etnokul'turnom obrazovanii [Project Technologies in Ethnocultural Education]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4. pp. 311–320.
23. Arsaliev, Sh.M.-Kh. & Andrienko, A.S. (2019) Sistema pedagogicheskikh usloviy formirovaniya etnokul'turnoy kompetentnosti v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve vysshey shkoly [The System of Pedagogical Conditions for the Formation of Ethnocultural Competence in the Multicultural Educational Space of Higher Education]. *Informatika, vychislitel'naya tekhnika i inzhenernoe obrazovanie*. 36 (3). pp. 31–39.
24. Zhang, Y. (2024) The Successful Factors for Digital Transformation in Project Management. *Advances in Economics, Management and Political Sciences*. 79. pp. 297–303. doi: 10.54254/2754-1169/79/20241858
25. Toktarova, V.I. & Matrosova, N.V. (2023) Proektnaya kompetentnost' uchitelya mariyskogo yazyka i literatury v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya: strukturno-soderzhatel'nyy analiz [Project Competence of the Mari Language and Literature Teacher in the Conditions of Education Digitalization: Structural and Content Analysis]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 5. pp. 110–121. doi: 10.15293/1813-4718.2305.11
26. Ow, S. (2024) Improving Soft Skills of University Students through Software Development Team Projects. *Asian Social Science*. 4 (4). doi: 10.5539/ass.v4n4p135
27. Toktarova, V.I., Semenova, D.A. & Matrosova, N.V. (2024) Tsifrovye proekty: sushchnost', kharakteristiki i instrumenty realizatsii [Digital Projects: Essence, Characteristics and Implementation Tools]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 18 (1). pp. 44–54. doi: 10.30914/2072-6783-2024-18-1-44-54

Информация об авторах:

Токтарова В.И. – д-р пед. наук, первый проректор-проректор по стратегическому развитию, профессор кафедры прикладной математики и информатики Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Россия). E-mail: toktarova@yandex.ru
Матросова Н.В. – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Россия). E-mail: m.natali378@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Toktarova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: toktarova@yandex.ru
N.V. Matrosova, senior lecturer, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: m.natali378@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2025;
 одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 02.03.2025;
 approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Научная статья
УДК 796.4
doi: 10.17223/15617793/513/24

Биоимпедансный анализ компонентного состава тела девушек в гимнастических видах спорта

Данил Викторович Чаюн¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, d.v.chayun@utmn.ru

Аннотация. Представлены результаты биоимпедансного анализа компонентов состава тела девушек сборных команд Тюменской области по чир-спорту, спортивной гимнастике и аэробике. Определены сходства в массе тела девушек в возрасте 12–14 лет и длине тела – в возрасте 15–18 лет. Наибольшие различия выявлены в относительных показателях жирового компонента и массы тела девушек 15–18 лет. Установлено, что мышечной гипертрофией всех сегментов тела характеризуются 100% гимнасток, 54,5% аэробисток и 12% представительниц чир-спорта.

Ключевые слова: компонентный состав тела, биоимпедансный анализ, девушки-подростки, спортивная аэробика, спортивная гимнастика, чир-спорт

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-78-01196.

Для цитирования: Чаюн Д.В. Биоимпедансный анализ компонентного состава тела девушек в гимнастических видах спорта // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 209–216. doi: 10.17223/15617793/513/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/24

Bioimpedance analysis of body composition in female athletes in gymnastic sports

Danil V. Chayun¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, d.v.chayun@utmn.ru

Abstract. The problem of studying the component composition of the female athlete's body in gymnastic sports unites scientists from many countries of the world, but all researchers agree that the additional burdening of gymnasts with "excess" weight limits their athletic performance. Nevertheless, reducing fat mass below reference values is not recommended at any age and in any sports discipline. The aim of the study is to identify the morphofunctional status and characteristics of the body composition component of female athletes aged 12–14 and 15–18 from Tyumen Oblast teams in cheerleading, artistic gymnastics, and aerobics. The study involved 23 female athletes aged 12 to 18 years, of which 17% were girls from the artistic gymnastics team, 35% from the cheerleading one, and 48% from the aerobic gymnastics one. The study was conducted at the University of Tyumen using InBody 370, a multi-frequency bioimpedance analysis equipment. According to the results of anthropometric diagnostics, it was found that cheerleaders and aerobic athletes aged 12–14 correspond to the average height indicators (151 and 153 cm), and gymnasts aged 12–14 correspond to the level below the norm (145 cm). By the age of 15–18, the differences in body length indicators for all female athletes are smoothed out (from 163.7 to 165.5 cm). In terms of body weight indicators, on the contrary, there is a significant difference in indicators between the 15–18 age group (from 54.2 kg in gymnastics to 65.4 kg in cheerleading) and the 12–14 group (from 37 kg to 41 kg). The results of bioimpedance analysis of body composition showed that in absolute muscle mass indicators, female athletes aged 15–18 had similar data (from 26.5 to 26.9 kg), and at the age of 12–14, gymnasts exceeded aerobic athletes and cheerleaders by 2 kilograms of muscle mass. It was found that muscle hypertrophy of all body segments is characteristic for 100% of gymnasts, 54.5% of aerobic athletes and 12% of cheerleaders. At the age of 12–14, the difference in fat mass of female athletes was 3.1 kg (min for aerobic athletes – 3.3 kg, max for cheerleaders – 6.4 kg), while at the age of 15–18 it was 9.9 kg (min for gymnasts – 7.0 kg, max for cheerleaders – 16.9 kg; $p \leq 0.05$). More than half of the girls (62%) had a deficit in fat mass (100% in gymnastics, 63% in aerobic gymnastics, 50% in cheerleaders), and a surplus was found in one athlete in cheerleaders. As a result, the obtained average group characteristics of anthropometry and component composition of female athletes in the regional teams will serve as the basis for the development of the information and analytical digital service to support long-term training in gymnastics.

Keywords: body composition, bioimpedance analysis, adolescent girls, aerobic gymnastics, artistic gymnastics, cheerleading

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-01196.

For citation: Chayun, D.V. (2025) Bioimpedance analysis of body composition in female athletes in gymnastic sports. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 209–216. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/24

Введение

Развитию гимнастических видов спорта всегда уделялось пристальное внимание со стороны Правительства РФ, что подтверждается широким распространением гимнастических школ во всех городах России, высокой массовостью занимающихся, а также лидирующими позициями сборных команд страны на международной арене по каждому виду гимнастики.

В 2024 г. развитие спортивных видов гимнастики получило новый импульс в результате объединения спортивной и художественной гимнастики, прыжков на батуте, спортивной акробатики и аэробики в единую общероссийскую Федерацию гимнастики. В России гимнастика вполне заслуженно закрепила за собой статус вида спорта, наиболее соответствующего гармоничному развитию личности ребенка. И хотя красота и эстетика выполнения движений присуща каждому виду гимнастики, влияние специализированных тренировочных воздействий избранного вида гимнастики приводит к существенным различиям как в уровне физической подготовленности, так и в морфофункциональном состоянии занимающихся.

Изучение компонентного состава тела человека на основе биоимпедансного анализа, которое проводится с 1970-х гг., позволяет выявить и оценить количественное соотношение мышечной, жировой, безжировой массы и общего содержания воды в организме, что дает возможность ранней диагностики метаболического синдрома, коррекции и оценки эффективности его лечения, составления рационов питания на основе объективных данных [1]. В растущем организме биоимпедансный анализ позволяет точно определять тканевые дефициты и возможность их последующего своевременного устранения [2–4].

В спортивной практике по результатам биоимпедансного анализа состава тела человека можно оценить взаимосвязь выявленных компонентов с уровнем развития физических качеств, спрогнозировать успешность соревновательной деятельности, осуществить качественный спортивный отбор и разработать персональные программы подготовки [5]. Динамика мышечной и жировой долей, водной и белково-минеральной частей во время тренировочного процесса отображает направленность и степень адаптационных сдвигов на структурном уровне [6]. Кроме того, следует учитывать критичность периодов интенсивного роста занимающихся, когда подростки наиболее чувствительны к нагрузкам и остро реагируют на воздействие внешних факторов [7]. Необъективное дозирование физической нагрузки во время тренировочного процесса может приводить к состояниям перенапряжения и даже нарушениям нормального физического развития растущего организма, в связи с чем контроль роста-весовых показателей с учетом возрастной динамики крайне важен для сохранения здоровья юных спортсменов.

Проблема исследования компонентного состава тела девушек в гимнастических видах спорта объединяет ученых из многих стран мира. Л.Н. Ботова,

Е.С. Ниази, А.А. Судакова, S. Bacciotti, A. Baxter-Jones, A. Gaya, J. Maia занимались изучением особенностей морфологического статуса девушек в спортивной и художественной гимнастике, М.Г. Ткачук, Е.А. Кокорина, Ю.С. Филиппова, А. Lamosova, O. Kyselovicova, P. Tomkova – в спортивной аэробике, С.Л. Houska, L. Zhang, L. Tian – в чир-спорте, но все исследователи сходятся во мнении, что дополнительное отягощение «лишним» весом гимнасток лимитирует их спортивную работоспособность, в связи с чем модельные характеристики по параметрам компонентного состава тела заметно отличаются недостатком жирового компонента в сравнении с показателями девушек, не занимающихся гимнастикой [8–14]. Следует обратить внимание, что в связи с эстетическими основами исполнительского мастерства в видах гимнастики избыток жировой массы тела может также приводить к снижению соревновательной оценки вследствие субъективности судейства [13]. Тем не менее снижение жировой массы ниже референсных значений не рекомендовано в любом возрасте и в любой спортивной дисциплине.

Проблема исследования заключается в необходимости изучения компонентного состава тела девушек, занимающихся гимнастическими видами спорта.

Цель исследования – изучить морфофункциональный статус и выявить характеристики компонентного состава тела девушек сборных команд Тюменской области по чир-спорту, спортивной гимнастике и аэробике в возрасте 12–14 и 15–18 лет.

Материалы и методы исследования

Исследование компонентного состава тела спортсменов – членов сборных команд Тюменской области по спортивной гимнастике, аэробике и чир-спорту было проведено на базе Института физической культуры Тюменского государственного университета в марте–апреле 2024 г. В исследовании приняли участие 23 девушки в возрасте от 12 до 18 лет (17% – представительницы спортивной гимнастики, 35% – чир-спорта, 48% – спортивной аэробики). 50% девушек из группы спортивной гимнастики входят в состав сборной команды Российской Федерации и имеют звание «Мастер спорта России», 100% девушек 15–18 лет из группы чир-спорта – члены сборной команды России. Девушки из группы спортивной аэробики являются победителями (12–14 лет) и серебряными призерами (15–17 лет) первенства России 2024 г. (табл. 1).

Исследование компонентного состава тела спортсменов проходило с использованием многочастотного оборудования биоимпедансного анализа «InBody – 370» (Южная Корея), длина тела измерялась с помощью ростомера Кауе (Германия). Границы нормы определялись с помощью программного обеспечения аппаратного оборудования «InBody – 370» автоматически, на основе статистики Всемирной организации здравоохранения в соответствии с индивидуальными показателями пола, возраста, длины и массы тела. Обработка полученных результатов проводилась с помощью методов математической статистики.

Результаты и обсуждение

Для оценки физического развития девушек нами были использованы такие антропометрические показатели, как длина тела и масса тела, а также рассчитан индекс массы тела (ИМТ) (рис. 1).

Согласно результатам диагностики антропометрических показателей чир-спортсменки имеют большую длину тела (12–14 лет – 153,3 см; 15–18 лет – 165,5 см), чем их сверстницы из спортивной гимнастики и аэробики. При этом ростовые показатели 12–14-летних представительниц чир-спорта и аэробики соответствуют среднестатистическим значениям (151 и

153 см), а ростовые показатели представительниц гимнастики аналогичного возраста соответствуют уровню «ниже нормы» (145 см) [15].

К 15–18 годам различия в показателях длины тела у всех девушек сглаживаются (от 163,7 до 165,5 см), а значения показателей массы тела существенно различаются (от 54,2 кг в гимнастике до 65,4 кг в чир-спорте). У спортсменок в возрасте 12–14 лет значения данного показателя колеблются от 37 до 41 кг. При этом средние значения показателей массы тела у представительниц гимнастики и чир-спорта составляют 40–41 кг, а у представительниц спортивной аэробики – 37 кг.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики участников исследования

Дисциплина	Кол-во девушек		Разряд/звание		Членство в сборной команде региона	Членство в сборной команде России		Лучший результат 2024 г. (место)	
	12–14	15–18	12–14	15–18	12–14 и 15–18	12–14	15–18	12–14	15–18
Спортивная гимнастика	2	2	КМС, МС	КМС, МС	100%	50%	50%	ПУрФО – 1; ПР – 4	ЧР – 1
Спортивная аэробика	4	7	1 сп.р.	КМС		0	0	ПР – 1	ПР – 2
Чир-спорт	4	4	1 юн.р.	КМС		0	100%	ПУрФО – 1	ПР – 2

Примечание: КМС – кандидат в мастера спорта; МС – мастер спорта России; ПР – Первенство России; ЧР – Чемпионат России; ПУрФО – Первенство Уральского федерального округа.

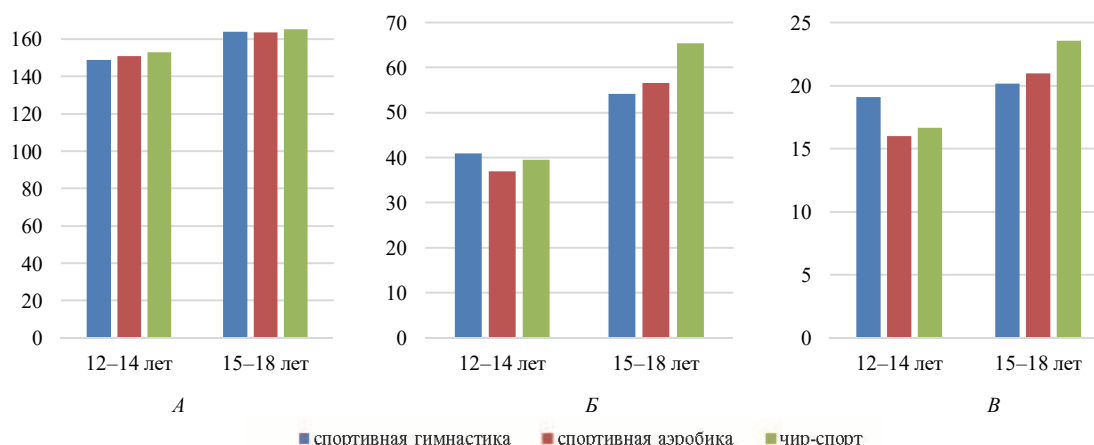

Рис. 1. Антропометрические показатели девушек спортивных видов гимнастики 12–14 и 15–18 лет: А – длина тела, см; Б – масса тела, кг; В – индекс массы тела

Несоответствие показателей массы тела возрасту и длине тела выявлено лишь у четырех девушек: у двух наблюдается дефицит массы (по одной представительнице спортивной аэробики и чир-спорта, 12–14 лет) и у двух – профицит массы тела (обе – 15–18-летние представительницы чир-спорта).

Также стоит отметить выявленные пограничные значения массы тела, соответствующие нижней границе нормы у трех девушек (по одной из спортивной аэробики и чир-спорта, 12–14 лет, и у одной представительницы спортивной аэробики, 15–18 лет).

Рекомендации по коррекции массы тела получили 43% девушек, большинство рекомендаций направлено на устранение дефицита массы тела. Максимальный дефицит массы тела составил +10,7 кг, а максимальный профицит –6,7 кг (в обоих случаях речь о представительницах чир-спорта). Следует отметить, что дефицит массы

тела выявлен у девушек в каждом виде гимнастики, а профицит – лишь у 15–18-летних представительниц чир-спорта.

Аналогичные результаты зафиксированы группой авторов в исследовании морфологического состояния девушек, занимающихся спортивной аэробикой и акробатическим рок-н-ролом: большая часть занимающихся были гармонично развиты; среди отклонений в физическом развитии чаще всего отмечалась недостаточная масса тела [16].

Таким образом, мы можем подтвердить, что зачастую спортивные виды гимнастики требуют от спортсменок дефицита массы тела, выраженного в низком уровне жирового компонента.

Интегральный ростово-весовой показатель физического развития ИМТ, соответствующий норме, зафиксирован у 86% девушек.

За пределами нормы данный показатель отмечен у двух представительниц чир-спорта: ниже нормы – в младшей группе, выше нормы – в старшей. Следует отметить, что показатель ИМТ гимнасток 12–14 лет (19,1) выше такового представительниц чир-спорта и спортивной аэробики (16,7 и 16,0 соответственно).

Корреляционный анализ дефицита и профицита массы тела и возраста спортсменов всех трех дисциплин показал средний отрицательный коэффициент корреляции ($r = -0,54$), что говорит о наличии зависимости между возрастом спортсменок и значением их массы тела относительно нормальных (прогнозируемых) величин.

Действительно, согласно возрастной физиологии рост и развитие частей тела и физиологических систем в процессе биологического созревания происходит гетерохронно; возраст от 11 до 13 лет характеризуется как период ростового скачка, когда за 1 год происходит увеличение длины тела до 10–12 см. В

возрасте 8–10 лет и 14–20 лет отмечается интенсивное развитие. Как показали исследования, 100% девушек 12–13 лет имеют рекомендации по увеличению массы тела [17].

Корреляционный анализ дефицита и профицита массы тела и возраста спортсменов по отдельным дисциплинам выявил наибольшую отрицательную зависимость в чир-спорте ($r = -0,81$). Скорее всего, выявленная взаимосвязь обусловлена тем, что спортсменки, преодолевшие ростовой скачок и период интенсивного физического развития к 15–18 годам, занимают роли «нижних» партнеров (база или споттер), что требует от них проявления в большей степени силовых качеств.

По результатам компонентного состава тела девушек-гимнасток выявлено значительно больше отклонений от нормального диапазона значений, чем по антропометрическим показателям (рис. 2).

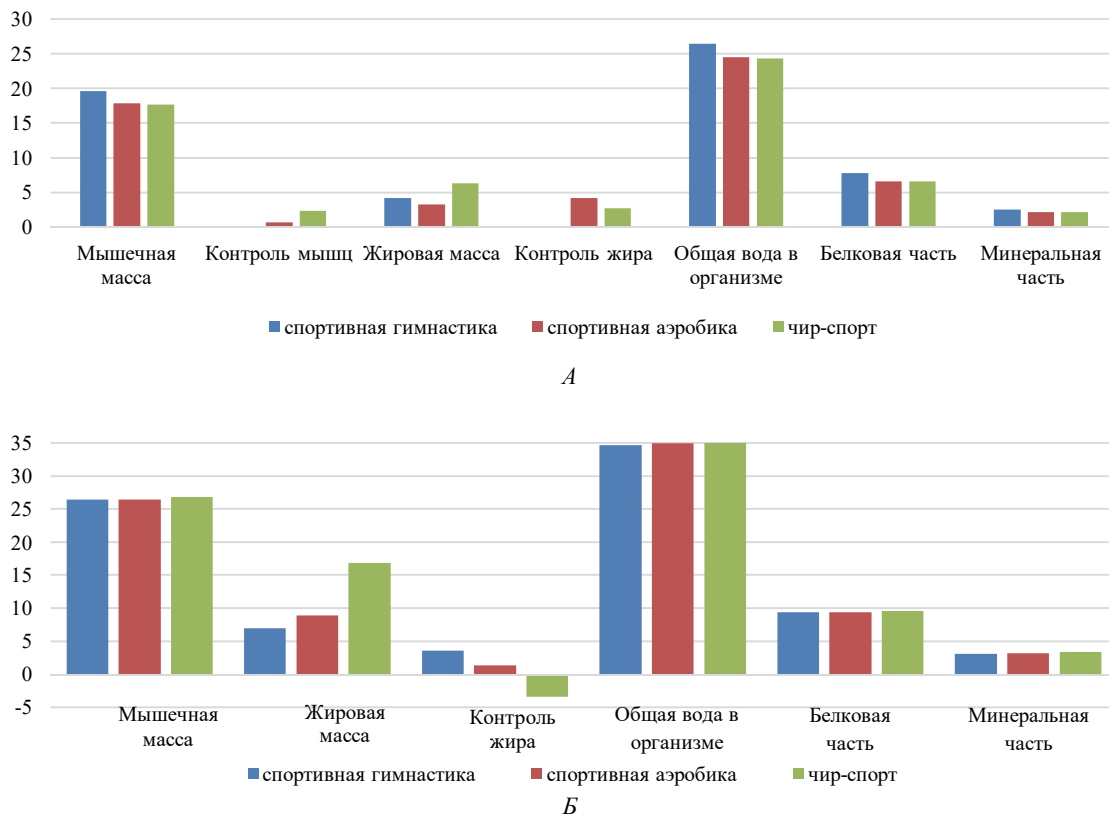

Рис. 2. Среднегрупповые значения абсолютных показателей компонентного состава тела девушек 12–14 лет (А) и 15–18 лет (Б), кг

По результатам биоимпедансного анализа состава тела определено, что по абсолютные показатели мышечной массы девушек 15–18 лет имели близкие значения (от 26,5 до 26,9 кг), а в младшей группе представительницы спортивной гимнастики на 2 кг мышечной массы превосходили своих сверстниц из спортивной аэробики и чир-спорта. Хотелось отметить, что превышение мышечной массы относительно среднестатистических значений выявлено у 8 девушек: 50% – в спортивной гимнастике, 45% – в спортивной аэробике, 25% – в чир-спорте; дефицит мышечной массы определен у двух представительниц чир-спорта.

В возрасте 12–14 лет разница в жировой массе девушек составила 3,1 кг: минимальные значения зафиксированы у аэробисток (3,3 кг), максимальные – у чир-спортсменок (6,4 кг). В возрасте 15–18 лет данный показатель составил 9,9 кг: минимальные значения – у гимнасток (7,0 кг), максимальные – у чир-спортсменок (16,9 кг), $p \leq 0,05$. Наибольшее количество отклонений от среднестатистических значений выявлено в оценке жировой массы. Более чем у половины девушек (62%) зафиксирован дефицит жировой массы (100% – в гимнастике, 63% – в спортивной аэробике, 50% – в чир-спорте), а профицит – у одной представительницы чир-

спорта. В норме содержание жира в теле диагностировано у 33% девушек. В исследовании, направленном на выявление компонентного состава тела спортсменок со сниженной массой тела различными методами (биоимпедансный анализ, воздушная плетизмография, подводное взвешивание), было определено, что риск для здоровья, связанный с критично низкими показателями жировой массы тела, часто переоценивают по результатам биоимпедансного анализа [4]. Считаем, что говорить о риске здоровья для девушек с представленными показателями дефицита жировой массы тела будет корректно.

В исследовании Ю.С. Филипповой указано, что в 2006 г. у девушек, занимающихся спортивной аэробикой, среднее количество жировой массы в возрасте от 11 до 15 лет составляло около 8 кг, а в возрасте от 16 до 18 лет – 12,2 кг [12]. Таким образом, мы можем сказать, что сегодня аэробики 12–14 лет имеют примерно на 5 кг, а 15–18 лет – на 3 кг меньше жировой массы, чем представительницы данного вида спорта в 2006 г. Предполагаем, что это связано с повышением требований к соревновательным упражнениям.

Корреляционный анализ возраста и количества жировой массы показал средний по значимости отрицательный коэффициент ($r = -0,44$) во всех трех исследуемых дисциплинах, однако детальный анализ по отдельным видам гимнастики снова выявил устойчивую зависимость недостатка жировой массы от возраста в чир-спорте ($r = -0,94$).

Показатели содержания общей воды в организме у 52% девушек соответствуют среднестатистическим значениям, у 44% – выше нормы и у одной представительницы младшей группы чир-спорта диагностирован показатель ниже нормы (18,5 кг). Сниженные показатели общей воды в организме спортсменок могут при-

водить к ухудшению аэробной выносливости и нарушению процессов терморегуляции, в то же время в связи уменьшением массы тела спортсменки чувствуют легкость при выполнении сложнокоординационных упражнений. С другой стороны, повышенные показатели содержания общей воды в организме спортсменок обеспечивают трофику их мышечной ткани. Поэтому содержание воды в организме гимнасток также требует систематического контроля в процессе многолетней подготовки.

Как известно, мышечная ткань на 75–77% состоит из воды, на 20% – из белков и на 1% – из минеральных солей, в связи с чем увеличение доли перечисленных компонентов по мере повышения мышечной массы абсолютно закономерно и, на наш взгляд, не должно рассматриваться как отклонение от нормы, несмотря на выход за пределы диапазонов прогнозируемых значений общей воды в организме и белково-минеральной части. Данная тенденция наблюдается у 7 из 8 девушек, показавших превышение мышечного компонента.

Исследователями Сияньского университета (Китай) определена положительная динамика прироста минерального состава костей у молодых людей 18 лет, занимающихся чир-спортом, что обусловлено большим количеством прыжков в процессе тренировочного занятия [18]. Мы можем предположить, что другие виды гимнастики тоже позитивно влияют на минеральный состав костей детей и подростков.

Учеными НИИ Поволжского государственного университета в процессе педагогического эксперимента, в котором принимали участие высококвалифицированные гимнасты, выявлена значимая корреляционная связь между минеральной массой и максимальной мощностью работы ног спортсменов, что подтверждает значимость систематического контроля данных показателей [8].

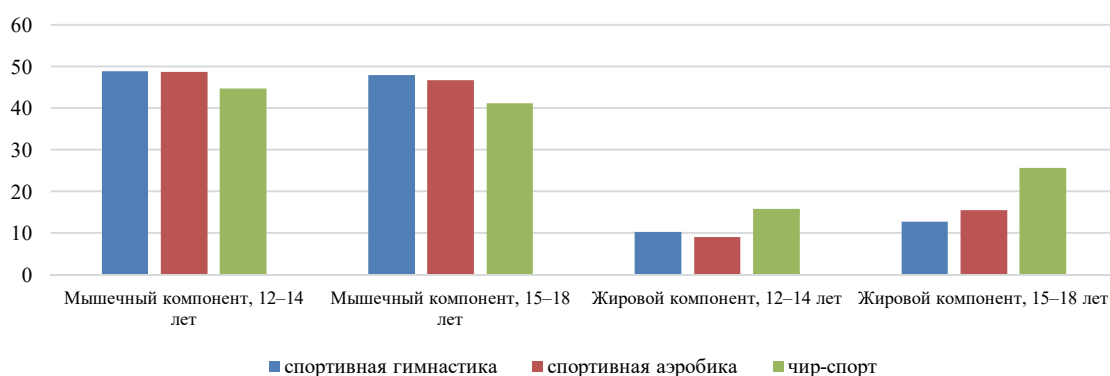

Рис. 3. Среднегрупповые значения относительных показателей мышечного и жирового компонентов девушек 12–14 и 15–18 лет, %

Анализ относительных показателей мышечной и жировой массы девушек (в процентах от общей массы тела) выявил тенденцию снижения мышечной и повышения жировой доли от спортивной гимнастики к чир-спорту, что, несомненно, обусловлено разницей в применяемых в ходе тренировочного процесса физических нагрузках.

Наибольший диапазон варьирования мышечного и жирового компонента между старшей и младшей возрастными группами выявлен у представительниц чир-

спорта (мышечный компонент снизился на 2,6%, жировой – повысился на 9,8%). Также выявлены дефициты доли жирового компонента относительно общей массы тела у 100% гимнасток, 80% аэробики и 25% чир-спортсменок.

Анализ процентного отношения фактической мышечной и жировой массы к прогнозируемой, рассчитанной на основе индивидуальных показателей пола, возраста, длины и массы тела, также позволил выявить

определенные закономерности. Абсолютное большинство гимнасток имеют превышение мышечной массы относительно индивидуальной нормы (в среднем на 11%). Большинство аэробисток (72%) также имеют превышение массы мускулатуры в среднем на 12,4%. Превышение исследуемого параметра в чир-спорте наблюдается у 62% девушек (в среднем на 21,8%), что связано с амплуа спортсменов.

Китайские исследователи Lisha Zhang и Lili Tian определили, что процентное содержание жира у аэробисток (17,85%) по сравнению с чир-спортсменками ниже (18,88%), а содержание мышечной массы выше (35,26 и 31,98% соответственно) [14].

Продемонстрированное отношение фактического жирового компонента к его индивидуальной норме выявило две закономерности: повышение исследуемого параметра от гимнасток к чир-спортсменкам ($r = 0,52$) и повышение исследуемого параметра по мере взросления спортсменок ($r = 0,52$).

На наш взгляд, выявленные взаимосвязи могут быть обусловлены двумя факторами: естественной возрастной физиологией и особенностями тренировочного процесса разных дисциплин. Для осуществления контроля процесса подготовки, качественной спортивной ориентации и возможности разработки моделей наиболее результативных девушек в спортивных видах гимнастики в будущем рассчитаны среднегрупповые характеристики антропометрии и компонентного состава тела (табл. 2).

С функциональной точки зрения большое значение имеет сегментарное распределение тощей массы (воды, мышц, скелета, внутренних органов и других структур). Например, для велосипедистов наиболее характерна гипертрофия пояса нижних конечностей, для скалолазов – плечевого пояса и верхних конечностей, а для гребцов, выполняющих работу всеми основными крупными мышечными группами, одинаково важны все сегменты тела, включая туловище.

Таблица 2

Среднегрупповые характеристики компонентного состава тела и антропометрических показателей девушек 12–14 и 15–18 лет в спортивных видах гимнастики ($\bar{x} \pm \sigma$)

Параметры	Возраст	Спортивная гимнастика	Спортивная аэробика	Чир-спорт
Антропометрические показатели				
Длина тела, см	12–14	147,0 $\pm$ 2,1	151,0 $\pm$ 2,2	153,2 $\pm$ 8,6
	15–18	167,0 $\pm$ 3,2	163,7 $\pm$ 6,6	165,5 $\pm$ 12,2
Масса тела, кг	12–14	41,2 $\pm$ 1,2	36,7 $\pm$ 1,7	39,6 $\pm$ 7,4
	15–18	54,0 $\pm$ 0,8	56,6 $\pm$ 7,5	65,4 $\pm$ 12,2
ИМТ	12–14	19,1 $\pm$ 2,1	16,1 $\pm$ 1,2	16,7 $\pm$ 1,5
	15–18	20,2 $\pm$ 1,1	21,0 $\pm$ 1,8	23,6 $\pm$ 1,3
Показатели компонентного состава тела				
Мышечная масса, кг	12–14	19,7 $\pm$ 0,5	17,9 $\pm$ 0,7	17,7 $\pm$ 3,4
	15–18	26,5 $\pm$ 4,5	26,5 $\pm$ 3,5	26,9 $\pm$ 5,4
Жировая масса, кг	12–14	4,2 $\pm$ 1,2	3,3 $\pm$ 0,5	6,4 $\pm$ 2,1
	15–18	7,0 $\pm$ 1,7	8,9 $\pm$ 2,8	16,9 $\pm$ 4,5
Относительная мышечная масса, %	12–14	49,0 $\pm$ 1,5	48,8 $\pm$ 0,3	44,8 $\pm$ 1,2
	15–18	48,0 $\pm$ 2,4	46,8 $\pm$ 2,1	41,2 $\pm$ 2,6
Относительная жировая масса, %	12–14	10,3 $\pm$ 2,3	9,1 $\pm$ 1,0	15,9 $\pm$ 2,7
	15–18	12,9 $\pm$ 3,2	15,6 $\pm$ 3,6	25,7 $\pm$ 4,1
Содержание воды	12–14	26,5 $\pm$ 0,7	24,6 $\pm$ 0,8	24,4 $\pm$ 4,1
	15–18	34,7 $\pm$ 5,6	35,0 $\pm$ 4,4	35,5 $\pm$ 6,7
Белковая часть	12–14	7,2 $\pm$ 0,5	6,6 $\pm$ 0,2	6,6 $\pm$ 1,1
	15–18	9,4 $\pm$ 1,5	9,4 $\pm$ 1,2	9,6 $\pm$ 1,8
Минеральная часть	12–14	2,3 $\pm$ 0,2	2,2 $\pm$ 0,1	2,2 $\pm$ 0,3
	15–18	3,1 $\pm$ 0,5	3,2 $\pm$ 0,5	3,4 $\pm$ 0,6

Анализ сегментарной оценки тощей массы представителей спортивных видов гимнастики показал, что наибольшей гипертрофией и симметричным превышением тощей массы всех сегментов тела характеризуются девушки, занимающиеся спортивной гимнастикой. Среди девушек, занимающихся спортивной аэробикой, доля таких симметрично и гармонично развитых спортсменов составила 54,5%. Наиболее развитым сегментом тела у аэробисток является туловище, включающее в себя мышцы и кости спины, грудной клетки, таза, а также живота, что может быть связано с большим количеством мышечной работы в статическом режиме (при приземлении в упор лежа, выполнении упоров углом и взаимодействия с партнерами).

Среди представительниц чир-спорта также чаще всего встречается превышение нормы тощей массы туловища, реже – пояса верхних конечностей.

Также следует отметить, что представительницы данной дисциплины единственные показали нормальную сегментарную оценку тощей массы, не отличающуюся гипертрофией какого-либо сегмента.

Выявленные сходства и различия в компонентном составе тела девушек 12–14 и 15–17 лет, специализирующихся в чир-спорте, спортивной гимнастике и аэробике, позволяют тренерам-преподавателям, опираясь на результаты научных исследований, регулировать тренировочные нагрузки, заблаговременно корректировать режим питания и осуществлять качественную спортивную ориентацию в процессе подготовки к соревнованиям.

Выводы

Девушки сборной команды региона по чир-спорту (за исключением «флаера») имеют больший рост по сравнению с аэробиостками и гимнастками в возрасте

12–14 и 15–17 лет ($p \geq 0,05$). В младшей возрастной группе показатели массы тела незначительно больше у представительниц спортивной гимнастики ($p \geq 0,05$), однако в возрасте 15–18 лет представительницы чир-спорта на 10 кг превосходят своих сверстниц из аэробики и гимнастики.

43% участников исследования получили рекомендации по коррекции массы тела, направленные на устранение её дефицита.

По итогам биоимпедансного анализа состава тела членов сборных команд Тюменской области определено, что девушки, специализирующиеся в спортивной гимнастике, к 12–14 годам имеют на 2 кг мышечной массы больше, нежели чир-спортсменки и аэробистки, а к 15–18 годам данная разница уменьшается до 0,4 кг. При этом разница между показателями жировой массы с возрастом увеличивается с 2 кг между чир-спортсменками и аэробистками 12–14 лет ($p \geq 0,05$) до 9 кг между чир-спортсменками и гимнастками 15–18 лет ($p \leq 0,05$). Превышение мышечной массы относительно индивидуальной нормы отмечено у 100% гимнасток, 72% аэробисток и 62% представительниц чир-спорта.

Как и предполагалось, влияние специализированных воздействий родственных видов гимнастики на организм занимающихся приводит к формированию различного морфологического статуса спортсменок одного возраста. Спортивная гимнастика характеризуется наиболее строгими требованиями к показателям компонентного состава тела, особенно в возрасте 15–

18 лет, безусловно выражающимся в повышенных значениях мышечного и сниженных – жирового компонентов относительно сверстниц.

В чир-спорте отсутствует разница в показателях компонентного состава тела между «нижними» спортсменками независимо от амплуа (база или споттер), но выявлены значительные различия с показателями «верхней» спортсменки (флаер) в обеих возрастных группах.

Показатели же аэробисток в 60% исследуемых параметров находятся в коридорах значений между показателями гимнасток и чир-спортсменок, а в 26% параметров имеют схожие значения с таковыми у девушек одной из групп, что также объясняется спецификой вида спорта: большим количеством заимствованных гимнастических элементов и акробатических поддержек в групповых упражнениях, причем в разных поддержках могут участвовать разные партнеры по упражнению, поэтому успешные аэробисты должны обладать широким арсеналом сложных технических действий, таких как броски и ловля партнера, полеты, полуперевороты и сальтовые упражнения в воздухе.

Среднегрупповые характеристики антропометрических показателей и показателей компонентного состава тела лучших спортсменок Тюменской области по видам гимнастики станут ориентирами для тренеров-преподавателей, а также послужат основой при разработке информационно-аналитического цифрового сервиса по сопровождению многолетней тренировки в спортивных видах гимнастики.

Список источников

1. Руднев С.Г., Соболева Н.П., Стерликов С.А. и др. Биоимпедансное исследование состава тела населения России. М. : РИО ЦНИИОИЗ, 2014. 493 с.
2. Корнеева И.Т., Поляков С.Д., Николаев Д.В. Биоимпедансный анализ состава тела как метод оценки функционального состояния юных спортсменов // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2012. № 10. С. 30–36.
3. Lamosova A., Kyselovicova O., Tomkova P. Anthropometric and motor changes after one-year aerobic gymnastics training in young gymnasts // Science of Gymnastics Journal. 2021. Vol. 13, № 2. P. 243–251.
4. Houska C.L. et al. Comparison of body composition measurements in lean female athletes // International journal of exercise science. 2018. Vol. 11, № 4. P. 417–424.
5. Бутыч Н.С., Маюрова И.А. Разработка персонализированных программ здоровья студентов на основе биоимпедансного анализа состава тела // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 499. С. 147–156. doi: 10.17223/15617793/499/16
6. Биндусов Е.Е., Куksiнова В.В., Федосеева А.А. Влияние различных тренировочных режимов подготовительного мезоцикла на компонентный состав тела гимнастов // Культура физическая и здоровье. 2019. № 4. С. 76–78.
7. Манжелей И.В., Чаюн Д.В. Психологическое сопровождение подготовки спортсменов в аэробной гимнастике // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 155–161. doi: 10.17223/15617793/434/21
8. Ботова Л.Н., Ниязи Е.С. Функциональный профиль гимнастов высокой квалификации // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. Т. 12, № S2. С. 18–28.
9. Судакова А.А., Сударева Т.В., Голанцев И.А. Сравнительная характеристика показателей физического развития девочек, занимающихся спортивной и художественной гимнастикой // Смоленский медицинский альманах. 2018. № 2. С. 118–121.
10. Bacciotti S. et al. The physique of elite female artistic gymnasts: a systematic review // Journal of human kinetics. 2017. Vol. 58, № 1. P. 247–259.
11. Ткачук М.Г., Кокорина Е.А. Морфофункциональные критерии отбора в спортивную аэробику // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 1 (119). С. 173–176.
12. Филиппова Ю.С., Рубанович В.Б., Айзман Р.И. Морфофункциональные особенности спортсменок 9–22 лет, занимающихся спортивной аэробику // Физиология человека. 2006. Т. 32, № 2. С. 1–6.
13. Kyselovicová O., Zemková E. The effects of aerobic gymnastics training on performance-related variables in an elite athlete: a 2-year follow-up study // Frontiers in Physiology. 2024. Vol. 15. doi: 10.3389/fphys.2024.1380024
14. Zhang L., Tian L. A biomechanical and biological investigation of the impact of cheerleading training on enhancing the physical fitness and musculoskeletal health of girls // Molecular & Cellular Biomechanics. 2024. Vol. 21. № 3. Art. No. 635. doi: 10.62617/mcb635
15. Справочник по росту девушек в возрасте 5–19 лет // ВОЗ. URL: [https://cdn.who.int/media/docs/default-source/child-growth/growth-reference-5-19-years/height-for-age-\(5-19-years\)/sft-hfa-girls-z-5-19years.pdf?sfvrsn=65c549dc_4](https://cdn.who.int/media/docs/default-source/child-growth/growth-reference-5-19-years/height-for-age-(5-19-years)/sft-hfa-girls-z-5-19years.pdf?sfvrsn=65c549dc_4) (дата обращения: 01.02.2025).
16. Podrigalo L.V. et al. Analysis of the physical development and somatotype of girls and females involved into dancing and gymnastic sports // Physical education of students. 2019. Vol. 23, № 2. P. 75–81.
17. Лысова Н.Ф., Айзман Р.И. Возрастная анатомия и физиология. М. : ИНФРА-М, 2019. 352 с.
18. Wang L. et al. Effects of cheerleading practice on advanced glycation end products, areal bone mineral density, and physical fitness in female adolescents // Frontiers in physiology. 2022. Vol. 13. doi: 10.3389/fphys.2022.954672

References

1. Rudnev, S.G. et al. (2014) *Bioimpedansnoe issledovanie sostava tela naseleniya Rossii* [Bioimpedance Study of Body Composition of the Russian Population]. Moscow: RIO TsNIIOIZ.
2. Korneeva, I.T., Polyakov, S.D. & Nikolaev, D.V. (2012) Bioimpedansnyy analiz sostava tela kak metod otsenki funktsional'nogo sostoyaniya yunyh sportsmenov [Bioimpedance Analysis of Body Composition as a Method for Assessing the Functional State of Young Athletes]. *Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya meditsina*. 10. pp. 30–36.
3. Lamosova, A., Kyselovicova, O. & Tomkova, P. (2021) Anthropometric and motor changes after one-year aerobic gymnastics training in young gymnasts. *Science of Gymnastics Journal*. 13 (2). pp. 243–251.
4. Houska, C.L. et al. (2018) Comparison of body composition measurements in lean female athletes. *International Journal of Exercise Science*. 11 (4). pp. 417–424.
5. Butych, N.S. & Mayurova, I.A. (2024) Development of personalized health programs for students based on bioimpedance analysis of body composition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 499. pp. 147–156. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/499/16
6. Bindusov, E.E., Kuksinova, V.V. & Fedoseeva, A.A. (2019) Vliyanie razlichnykh trenirovochnykh rezhimov podgotovitel'nogo mezotsikla na komponentnyy sostav tela gimnastov [The Influence of Various Training Regimes of the Preparatory Mesocycle on the Component Composition of Gymnasts' Bodies]. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e*. 4. pp. 76–78.
7. Manzheley, I.V. & Chaun, D.V. (2018) Psychological Follow-Up of Athletes' Training in Aerobic Gymnastics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 155–161. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/434/21
8. Botova, L.N. & Niazi, E.S. (2024) Funktsional'nyy profil' gimnastov vysokoy kvalifikatsii [Functional Profile of Highly Qualified Gymnasts]. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii*. 12 (S2). pp. 18–28.
9. Sudakova, A.A., Sudareva, T.V. & Golantsev, I.A. (2018) Sravnitel'naya kharakteristika pokazateley fizicheskogo razvitiya devochek, zanimayushchikhsya sportivnoy i khudozhestvennoy gimnastikoy [Comparative Characteristics of Physical Development Indicators of Girls Engaged in Rhythmic and Artistic Gymnastics]. *Smolenskiy meditsinskiy al'manakh*. 2. pp. 118–121.
10. Bacciotti, S. et al. (2017) The physique of elite female artistic gymnasts: a systematic review. *Journal of Human Kinetics*. 58 (1). pp. 247–259.
11. Tkachuk, M.G. & Kokorina, E.A. (2015) Morfofunktsional'nye kriterii otbora v sportivnyuyu aerobiku [Morphofunctional Criteria for Selection in Sports Aerobics]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 119 (1). pp. 173–176.
12. Filippova, Yu.S., Rubanovich, V.B. & Aizman, R.I. (2006) Morfofunktsional'nye osobennosti sportsmenok 9–22 let, zanimayushchikhsya sportivnoy aerobikoy [Morphofunctional Features of Female Athletes Aged 9–22 Years Engaged in Sports Aerobics]. *Fiziologiya cheloveka*. 32 (2). pp. 1–6.
13. Kyselovičová, O. & Zemková, E. (2024) The effects of aerobic gymnastics training on performance-related variables in an elite athlete: a 2-year follow-up study. *Frontiers in Physiology*. 15. doi: 10.3389/fphys.2024.1380024
14. Zhang, L. & Tian, L. (2024) A biomechanical and biological investigation of the impact of cheerleading training on enhancing the physical fitness and musculoskeletal health of girls. *Molecular & Cellular Biomechanics*. 21 (3). Art. No. 635. doi: 10.62617/mcb635
15. WHO. (2025) *Spravochnik po rostu devushek v vozraste 5–19 let* [Height-for-age (5–19 years) Girls]. [Online] Available from: [https://cdn.who.int/media/docs/default-source/child-growth/growth-reference-5-19-years/height-for-age-\(5-19-years\)/sft-hfa-girls-z-5-19years.pdf?sfvrsn=65c549dc_4](https://cdn.who.int/media/docs/default-source/child-growth/growth-reference-5-19-years/height-for-age-(5-19-years)/sft-hfa-girls-z-5-19years.pdf?sfvrsn=65c549dc_4) (Accessed: 01.02.2025).
16. Podrigalo, L.V. et al. (2019) Analysis of the physical development and somatotype of girls and females involved into dancing and gymnastic sports. *Physical Education of Students*. 23 (2). pp. 75–81.
17. Lysova, N.F. & Aizman, R.I. (2019) *Vozrastnaya anatomiya i fiziologiya* [Age Anatomy and Physiology]. Moscow: INFRA-M.
18. Wang, L. et al. (2022) Effects of cheerleading practice on advanced glycation end products, areal bone mineral density, and physical fitness in female adolescents. *Frontiers in Physiology*. 13. doi: 10.3389/fphys.2022.954672

Информация об авторе:

Чаюн Д.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры технологий физкультурно-спортивной деятельности Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: d.v.chayun@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Chayun, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: d.v.chayun@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025;
одобрена после рецензирования 27.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 17.02.2025;
approved after reviewing 27.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

ПРАВО

Научная статья
УДК 340.13
doi: 10.17223/15617793/513/25

Специфические свойства норм Конституции Российской Федерации

Андрей Васильевич Баранов¹, Бауди Хаваживич Арсанов²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *avb1968@yandex.ru*

² *bad.arsanov@mail.ru*

Аннотация. Проводится анализ отдельных конституционных положений на предмет выявления в них специфических свойств, имеющих важное значение для познания сущности конституционных норм, развития конституционного правотворчества и способствования формированию уважительного отношения к Основному закону Российской Федерации и праву в целом. Затрагиваются некоторые спорные в теории права и науке конституционного права, вопросы, обозначаются разные точки зрения, предлагается авторская позиция.

Ключевые слова: конституционные нормы, конституция, учредительный и фундаментальный характер, стабильность, высокие целевые установки, порядок изменения, иерархия, конституционное правопонимание, обобщенный характер, потенциал конституционных норм

Для цитирования: Баранов А.В., Арсанов Б.Х. Специфические свойства норм Конституции Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 217–227. doi: 10.17223/15617793/513/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/25

Specific features of the norms of the Constitution of the Russian Federation

Andrei V. Baranov¹, Baudi Kh. Arsanov²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *avb1968@yandex.ru*

² *bad.arsanov@mail.ru*

Abstract. Constitutional norms are the focus of this research. Analyzing separate constitutional statements, the authors pointed out a set of specific characteristics which distinguish norms of the Constitution of the Russian Federation from other legal norms. As a result of this research, a number of conclusions were made, which can be considered in the process of interpretation of constitutional norms, can be useful for the development of constitutional legislation, and allow a thorough understanding and respect of the Main Law of the Russian Federation. The norms of Chapter 1 of the Constitution of the Russian Federation have a constituent character because they do not specify precise rules of behavior but they express and integrate generally valid, moral, political and ideological values into legal matter. Such features as fundamental nature and stability in varying degrees of manifestation are peculiar to all norms of the Constitution. The fundamental nature is revealed in the securing of essential statements; stability describes the extended efficiency of the constitutional norms and its permanence during a long period of time or rare enforced changing. The constitutional norms involve the most challenging purposes and goals of public and state development. They are not concentrated in one chapter, but they fill all the statements of the Constitution of the Russian Federation; that is why to reveal these norms is possible by means of a detailed study of the Constitution. The authors come to a conclusion that the legal efficacy of the constitutional norms is diverse. They propose a tri-level hierarchy of norms, which is arranged into chapters: (1) Chapter 1 – basic principles of constitutional system; (2) Chapter 2 and Chapter 9 – human and civil rights and freedoms along with the way of adjustment of the statements of the Constitution of the Russian Federation; (3) Chapters 3–8 – the other statements of the Constitution. Besides two ways of adjustment of the Constitution of the Russian Federation expressly stated in Chapter 9 of the Constitution of the Russian Federation, the authors point out special aspects of adjustment of Article 65 of the Constitution of the Russian Federation, which *de jure* is submitted to the rules of making amendments, but *de facto* it has a simplified procedure of adjustment. The constitutional norms have a general character, and often they are deprived of particularities, formulated in an abstract way. The norms of the Constitution have a special narrative style that in particular cases expresses emotion or ideological implication. The constitutional norms have a high potential, which allows them to be essential during a long period of time. Their relevance is also provided for by their competent interpretation by the state's legislative and judicial authorities.

Keywords: constitutional norms, constitution, constituent and fundamental character, stability, high target settings, order of change, hierarchy, constitutional legal understanding, generalized character, potential of constitutional norms

For citation: Baranov, A.V. & Arsanov, B.Kh. (2025) Specific features of the norms of the Constitution of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 217–227. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/25

Введение

Конституция Российской Федерации (РФ) – это основополагающий закон российского государства, в котором выражаются наиболее важные концептуальные положения, определяющие принципы общественного и государственного устройства: основы конституционного строя, система основных прав и свобод человека, система органов государственной власти, федеративное устройство, основы местного самоуправления и т.д. Рубрикация Конституции РФ выражена давно сложившейся и устоявшейся в законотворческом процессе юридической техникой – компоновка и разделение внутренних частей нормативно-правового акта. Структурно содержание Конституции РФ образует совокупность правовых норм, находящихся своё закрепление в предписаниях, которые формулируются в статьях, множество последних составляет отдельные главы, а они, в свою очередь, формируют разделы.

Будучи по своей природе правовыми нормами¹, положения Конституции РФ обладают рядом особенностей. Эти особенности неразрывно связаны с юридическими свойствами самой Конституции РФ, часть из которых может совпадать, поскольку свойства Основного закона РФ следуют из сущности самих норм и являются вторичными по отношению к ним. Юридические свойства обозначают ряд отличительных особенностей конституции как нормативно-правового акта, обладающего высшей юридической силой, прямым действием, олицетворяющего конкретное общество и государство в определенный промежуток времени и задающего направления для их развития в будущем. Особенности конституционных норм, что логично, характеризуют уже не всю конституцию, а лишь её отдельные положения. Углубленное изучение конституционных норм позволяет выявить их отличительные качества, которые могут учитываться при написании новых конституционных текстов и при толковании действующей Конституции РФ. Их изучение также способствует формированию научного правосознания и возникновению исследовательского интереса к Конституции РФ, фундаментальной юридической науке – теории государства и права, в которой особенное внимание уделяется, в частности, правовым нормам, их структуре и разновидностям, а также отрасли конституционного права в целом.

Следует отметить, что проблематика конституционно-правовых норм не является новой для отечественной юридической науки. Анализу норм конституций в той или иной степени были посвящены работы² С.А. Авакьяна, Р.В. Артемьевой, Н.В. Витрука, Г.А. Гаджиева, Х.И. Гаджиева, В.О. Лучина, В.С. Основина, А.В. Семенова, Н.Е. Таевой, Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Шульженко, Б.С. Эбзеева и др. В большинстве своем в них рассматривались нормы конституционного права либо нормы советских конституций. Пред-

метом анализа настоящей статьи выступают исключительно конституционные нормы (нормы конституции), а не нормы конституционного права (конституционно-правовые нормы), выходящие за пределы Основного закона. Подобное «сужение» предмета исследования обусловливается отличительными признаками присущими конституционным нормам.

Учредительный характер конституционных норм

Конституционные нормы, преимущественно выраженные в 1-й главе Конституции РФ, обладают ярко выраженным учредительным характером, поскольку определяют фундаментальные основы общества и государства. Эти основы представляют собой органичное сочетание правовой характеристики состояния общества и государства, с одной стороны, и определения вектора их развития в долгосрочной перспективе – с другой. Они не устанавливают какие-либо правила поведения для субъектов права, их роль заключается в обосновании политико-правовой идеи, интеграции общезначимых, моральных, политических, идеологических ценностей в правовую материю, придании этим ценностям юридической формы. Отсюда следует, что эти нормы Конституции РФ выступают в качестве правовых деклараций.

Необходимо отметить, что правовая декларация может быть рассмотрена в двух смыслах: в широком, т.е. как самостоятельный правовой акт, и в узком – как отдельная правовая норма. Правовые декларации в широком смысле характерны для международного права, акты которого часто носят рекомендательный и ценностно-ориентировочный характер. Кроме того, правовая декларация представляет собой официальный документ, содержащий определенные сведения, заявленные по установленной форме (например, таможенная или налоговая декларация). В узком понимании лишь «частичка» права является декларацией, а не весь нормативно-правовой акт. В научной литературе под правовой декларацией принято понимать торжественное заявление органов государственной власти, констатирующее какой-либо общезначимый факт или объясняющее цели и задачи нормативного акта [1. С. 15]. Содержащиеся в декларативных конституционных нормах нравственные, идеологические и политические установки как раз и призваны ориентировать граждан и общество в целом на определенный тип должного поведения, указывать предельные рамки и задавать цели правового регулирования и тем самым оказывать организующее и упорядочивающее воздействие на поведение людей. Именно эти нормы придают правовой системе соответствующее обоснование и определенную убедительность, служат первичным, наиболее общим обоснованием концепции правового акта [2. С. 31]. С.М. Шахрай отмечал, что хотя «Основной закон создавался как образ желаемого будущего, а не как отражение ситуации, сложившейся на момент его принятия», тем не менее «Конституция стала не просто декла-

рацией, но и согласованным и (самое главное) юридически оформленным общенациональным проектом строительства новой России» [3. С. 2].

Так, норма, содержащаяся в ст. 2 Конституции РФ, провозглашает права и свободы человека высшей ценностью [4]. Эта норма задает определенные социально-нравственные идеалы, которые служат ориентиром функционирования правового демократического государства [5. С. 9]. В продолжении этого предписания выражена обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, это положение имеет очень высокую степень обобщенности, а потому отнести его к правовой декларации, с небольшой оговоркой, всё же можно.

Фундаментальность норм конституции

Возведение практически любого дома или здания (если учесть, что были проделаны подготовительные работы) начинается с заливки фундамента, являющегося основой будущего строения, его несущей конструкцией. Используемый термин «фундаментальность» в контексте конституционных норм имеет метафоричное значение, которое выражается в том, что нормы Конституции РФ – это основополагающие, базисные положения, определяющие наиболее важные и общие аспекты формирования как самого общества, так и объективно необходимой формы его существования – государства. Они являются основополагающими, поскольку в совокупности составляют ядро системы российского права, вокруг которого формируются отрасли и институты права, тем самым эти нормы обеспечивают непротиворечивость и согласованность правового регулирования отдельных сфер общественной жизни. В силу своей всеобъемлемости конституционные положения нуждаются в конкретизации, поэтому их фундаментальный характер также выражается в возможности выступать в качестве ориентира для законодателя, который должен на их основе, не искажая и, тем более не извращая заложенное в них смысловое значение, развить эти положения, подстроить их под условия реальной действительности и отразить результат своей законотворческой деятельности, в первую очередь, в федеральных конституционных законах и федеральных законах.

С.А. Авакьян, описывая основополагающий характер Конституции РФ, выделил три задачи конституционного регулирования: раскрыть и закрепить самое главное в общественных отношениях; использовать минимум норм для этого; в отобранных нормах ясно и чётко отразить суть общественных отношений, чтобы эти нормы давали направление для последующей регламентации [6]. Наглядно это проявляется на примере норм 1-й главы Основного закона РФ, в которой закреплено всего 16 лаконичных статей, но при этом имеющих концептуальное значение для устройства российского общества и государства. Нельзя умалять значимости и норм 2-й главы Основного закона РФ, положения которых составляют содержание конституционно-правового статуса человека и гражданина в РФ.

Учредительный характер и фундаментальность конституционных норм взаимосвязаны друг с другом в

силу их неоспоримой значимости в системе, правового регулирования. Но если учредительным характером обладают не все конституционные положения, то фундаментальность, хоть и в разной степени присуща всем нормам Конституции РФ, они не ограничены установлением какой-либо идеи и могут содержать вполне ясно выраженные предписания. Например, норма, закрепленная ч. 1 ст. 20 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на жизнь; нормы ст. 102 и 103 Конституции РФ, определяющие полномочия палат Федерального Собрания – Совета Федерации и Государственной Думы соответственно.

Стабильность норм конституции

Конституционным нормам свойственна стабильность, которая выражается в их стойком и непоколебимом действии, несмотря на какие-либо сложные экономические вызовы, внутривластическую борьбу или иные явления, порождающие необходимость внесения изменений в систему правового регулирования. Подобная «стойкость» конституционных положений, с правовой точки зрения, характеризуется их неизменностью в течение продолжительного периода времени либо редким и объективно необходимым изменением или дополнением конституционных норм. Совершенно верно отмечает Э.С. Юсубов: «...всякие изменения в Основном закон должны базироваться на переходе к более высокому уровню экономики, политики и права» [7. С. 68].

Так, поправки в Конституцию РФ в 2020 г. были многоаспектными. Некоторые изменения имеют исключительно технический характер³, присутствуют дополнения, в которых содержатся идеологический контекст и отсылки на историю российской общности и государственности⁴, подобные поправки, безусловно, нельзя назвать вынужденными. Но при этом немалая часть новелл соответствует общественным интересам. Например, провозглашение детей приоритетом государственной политики в соответствии с ч. 5 ст. 67.1 Конституции РФ. Общество и государство существуют, органично дополняют друг друга и развиваются в неразрывной связи с естественным движением населения. И от того, каким будет будущее поколение с точки зрения уровня духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития, зависит и качественная характеристика общества, олицетворяющего государство. Важно само приращение подрастающему поколению как будущему России конституционного значения [8. С. 632]. Такое дополнение Конституции РФ является объективно необходимым, поскольку тем самым подчеркивается значимость гармоничного развития формирующейся личности, обеспечиваемого государством и общественными институтами, важнейшим из которых является семья [9. С. 44]. Также данное предписание обязывает государство разрабатывать планы конкретных мероприятий, направленных на эффективную реализацию соответствующей политики.

Говорить о конкретных сроках, когда нужно вносить те или иные изменения в конституцию, не представляется

возможным, поскольку «время жизни» конституционных положений определяется моментом достижения целей и задач, установленных самой же конституцией.

Вынужденное изменение не является отрицательным явлением по своей сути, это может быть обусловлено экономическим, техническим или социальным развитием общества, исключение составляют случаи, когда необходимость изменений вызвана искусственно. Искусственная необходимость – это фиктивное основание для внесения изменений, которое не несет в себе действительной потребности общества в каких-либо переменах.

Высокие цели и задачи конституционных норм

Как и любые другие нормы права, конституционные нормы направлены на достижение общезначимых для общества и государства целей и задач. Но если положения законодательства направлены на достижение отдельных ориентиров, установленных самой конституцией, то конституционные нормы ещё и являются непосредственным источником закрепления этих целей. Справедливо отмечала Т.Я. Насырова, что «нет бесцельных правовых предписаний» [10. С. 12]. Важным аспектом при формулировании норм-целей является нахождение тонкой грани между программно-политическими установками и правовыми предписаниями, которые могут объективно существовать и действовать в настоящее время. Конституция не должна целиком и полностью превращаться в программно-политический документ, теряющий свойство нормативности и устанавливающий лишь цели и задачи, которые нужно достичь, она также должна отражать и реальную действительность, закреплять предписания высокой степени общности.

Основной закон РФ, в отличие от программных документов, является действующим нормативно-правовым актом. Согласно заключительным и переходным положениям, Конституция РФ вступает в силу со дня её официального опубликования по результатам всенародного голосования. Любой нормативно-правовой акт считается действующим с момента вступления его в законную силу, для отдельных положений законодателем может предусматриваться иной, как правило, более поздний срок вступления в законную силу, но в случае с Конституцией РФ такого не произошло. Как указывает Е.А. Фролова, «проблема уяснения природы конституционных норм заключается в определении нормативности их предписаний и возможности быть законом прямого действия» [11. С. 15]. Поэтому перед авторами конституции стояла нелегкая задача: сформулировать её нормы таким образом, чтобы в них нашли выражение определенные цели и задачи, но при этом не потерялось правовое содержание и не были написаны политические лозунги.

Для того чтобы нормы-цели были эффективны, целевые установки, содержащиеся в них, должны быть правильно сформулированы, тогда правовые нормы будут соответствовать интересам общества и потребностям общественного развития [12. С. 31]. Например,

норма ч. 1 ст. 7 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Рассматриваемое положение закрепляет цель – формирование и развитие социального государства. В силу принципа непосредственного действия норм Конституции РФ, изначально подразумевается, что в России есть социальные начала, но существует необходимость последовательного развития и совершенствования государства в этом направлении. Также эта норма сразу обозначает в обобщенном виде механизм, с помощью которого обеспечивается «социальность» государства – ведение политики, которая будет направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Категории «достойная жизнь и свободное развитие», безусловно, нельзя назвать в чистом виде правовыми, поскольку они очень субъективны и носят оценочный характер, но тем не менее эти категории отражают общественный интерес, задают соответствующие нормативы и минимально возможные стандарты, ниже которых общество опускаться не может.

Нормы-цели и нормы-задачи, как правило, отражены в отдельных статьях закона, например, ст. 2 УК РФ – Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации [13], ст. 2 ГПК РФ – Задачи гражданского судопроизводства [14], ст. 6 УПК РФ – Назначение уголовного судопроизводства [15]. В Конституции РФ отсутствует отдельная статья, которая бы закрепляла основные цели и задачи, поэтому нахождение определительно-установочных конституционных норм происходит путём толкования и анализа отдельных положений. В случае с Основным законом нормы-цели часто заключены в одном конституционном предписании вместе с нормами-декларациями, например, нормативное закрепление положения о равноправии граждан означает также, что государство поставило соответствующую цель – добиться, чтобы права и свободы каждого человека и гражданина были равными, независимо от каких-либо внешних обстоятельств. Это также согласуется с общепризнанной в теории права позицией, что любой норме права присуща цель, но различие проявляется в её масштабах, а отсюда следуют и сложности при достижении цели, т.е. при реализации нормы права. Например, согласно ч. 2 ст. 1 Конституции РФ, наименования «Российская Федерация» и «Россия» равнозначны, вполне логично, что у законодателя была цель признать их таковыми, но она и была достигнута сразу же с вступлением в законную силу Конституции РФ и больше не требует ничего. Поэтому, говоря об определительно-установочных конституционных нормах, следует относиться к ним только те, в содержании которых подразумевается, что цели и задачи в них являются наиболее высокими и могут быть достигнуты только спустя определенный промежуток времени. Е.А. Мызникова отмечает, что «конституционное закрепление перспективных целей не только оправдано, но и необходимо хотя бы потому, что тем самым указывается путь сознательного, организованного и планомерного развития общества» [16. С. 57].

Невозможно воплотить в жизнь все конституционные положения по щелчку пальцев, даже имея при этом неограниченное количество материальных ресурсов, конституционное строительство – длительный процесс. Постепенное достижение конституционных целей и задач, т.е. реализация норм конституции, – это и есть процесс конституционного строительства, направленный на уменьшение «пропасти» между юридической и фактической конституциями, стремящийся к их полному совпадению.

Усложненный и разноуровневый порядок изменения норм конституции

Механизм, с помощью которого обеспечивается стабильность норм российской Конституции, – это усложненный порядок внесения изменений в неё. Существует два способа изменения Конституции РФ – пересмотр и поправки. Пересмотр по своей сущности – процесс разработки и принятия новой Конституции РФ, но и не исключающий выборочные изменения отдельных глав действующего Основного закона. Во втором случае пересмотр де-факто может носить характер поправки, поскольку единичное изменение не логично считать принципиально новым Основным законом.

Главы 1, 2 и 9 изменяются посредством пересмотра. Главы 1 и 2 имеют принципиальное значение, поскольку составляют основы формирования общества и государства (основы конституционного строя) и закрепляют совокупность основных прав и свобод человека и гражданина. Глава 9 закрепляет сам порядок изменения Конституции РФ – внесение поправок и пересмотр, соответственно, эти положения необходимо также защитить от «упрощенного» изменения с помощью внесения поправок. Следует отметить, что для пересмотра, согласно ч. 2 ст. 135 Конституции РФ, необходим созыв Конституционного собрания; порядок его созыва должен определяться федеральным конституционным законом, но на сегодняшний день данный нормативно-правовой акт не принят, а отсюда следует, что пересмотр конституционных положений невозможен. Принятие соответствующего федерального конституционного закона может являться предпосылкой создания новой конституции.

Внесение поправок – более простая процедура, с её помощью изменяются все остальные положения Конституции РФ, а именно главы с 3-й по 8-ю. Существует неоднозначный вопрос, каким образом меняется преамбула, поскольку она обособлена от всех глав и не составляет предмет пересмотра и внесения поправок. С одной стороны, исходя из логического толкования положений главы 9 Конституции РФ, можно прийти к выводу, что преамбула – это вводная часть нормативно-правового акта, которая является его непосредственной частью, но конституционный законодатель не предусмотрел её изменение по правилам пересмотра, следовательно, принципиального значения, по его мнению, она не имеет и по аналогии к преамбуле, как и ко всем остальным положениям Основного закона, кроме глав 1, 2 и 9, может быть применена процедура внесения поправок.

Но в то же время представляется вполне обоснованной противоположная точка зрения: поскольку в преамбуле закрепляются важнейшие социально-культурные, духовные, идеологические и политические основы российской государственности, то изменяться она может только с пересмотром самой конституции. Более правильным, по мнению авторов, следует считать порядок изменения преамбулы, аналогичный порядку внесения поправок, поскольку пересмотр конституционных положений предполагает принятие новой конституции, а принимать «новый» Основной закон, в котором изменения коснулись исключительно преамбулы, крайне нелогично, а поправками гораздо проще корректировать существующую преамбулу или вовсе изменить её на новую, оставив без изменения все остальные конституционные положения.

Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация, при которой Президент РФ вправе вносить изменения в отдельные положения Конституции РФ, а именно в ст. 65, в части изменения наименования субъекта РФ. Конституционный Суд РФ однозначно допускает включение нового наименования субъекта РФ указом Президента РФ, эта позиция была выражена в постановлении от 28.11.1995 № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» [17]. Изменение наименования субъекта в тексте конституции осуществляется на основании указа Президента РФ «О приведении наименования субъекта Российской Федерации в тексте Конституции Российской Федерации в соответствие с решением субъекта Российской Федерации». Следует отметить, что позиция Конституционного Суда РФ напрямую связана с буквальным толкованием ч. 1 ст. 137 Конституции РФ, которая закрепляет две разновидности федеральных конституционных законов, на основании которых вносятся изменения в ст. 65 Конституции РФ: «О принятии в Российскую Федерацию и образовании в её составе нового субъекта Российской Федерации» и «Об изменении конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации». При этом в ч. 2 ст. 137 Основного закона РФ упоминается лишь тот факт, что новое наименование субъекта РФ подлежит включению в ст. 65 Конституции РФ, но не закрепляется, на основании какого акта происходит добавление наименования, и в законодательстве этот аспект прямо не регулируется, а значит, имеет место усмотрение органов государственной власти. В то же время представляется возможным дать расширительное толкование нормы в ч. 1 ст. 137 Конституции РФ, и тогда изменение наименования субъекта РФ также требует принятия федерального конституционного закона. Это согласуется, во-первых, с тем, что поправки к главам 3–8 принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона, но со своей спецификой в форме одобрения законодательными органами субъектов РФ в количестве не менее 2/3 от общего числа субъектов РФ. Во-вторых, с тем, что в ст. 2 Федерального закона от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ» [18] под поправкой к Конституции РФ понимается любое изменение текста глав 3–8 Конституции РФ, а

ст. 65 находится в 3-й главе и, значит, должна изменяться также, как и другие положения, в которые могут быть внесены поправки.

Данный вопрос важен не только с точки зрения теории, но и с точки зрения реальной действительности, поскольку по существу Президент РФ, пусть и в очень узком формате, вправе вносить поправки в Основной закон РФ.

Иерархия норм конституции

Формально юридическая сила одинакова для всех положений нормативно-правового акта, это касается не только Конституции РФ, но и других нормативно-правовых актов. В Основном законе РФ, из-за присутствия двух процедур внесения изменений, представляется возможным говорить о том, что нормы Конституции РФ имеют разную юридическую силу. Отсюда можно выделить такую особенность, как приоритетность одних норм Основного закона над другими. Как указывает А.В. Ильин: «Конституция РФ не однородна, разные её части имеют разную юридическую силу», ссылаясь в обоснование своей позиции на ч. 2 ст. 16 Конституции РФ, в которой определено, что никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя [19. С. 38]. Наличие двух процедур внесения изменений для разных глав уже косвенно наталкивает на мысль, что одни конституционные нормы имеют приоритет над другими, но здесь также указывается на то, что глава 1 Конституции РФ – важнейшая по отношению ко всем остальным главам. Основы конституционного строя – отправная точка в построении определенной модели государства, её фундамент, выполняющий функцию прочного основания для формирования и согласованного действия конституционно-правовых институтов. Таким образом, можно вести речь об иерархии конституционных положений: на вершине находятся основы конституционного строя (глава 1), за ними следует совокупность основных прав и свобод человека и гражданина (глава 2), далее идет механизм, обеспечивающий их высшую значимость – особый порядок изменения 1, 2 и 9 глав Конституции РФ (глава 9), и после располагаются главы с 3 по 8.

Конституционные нормы – основа концепции конституционного правопонимания

Положения Основного Закона формируют концепцию конституционного правопонимания. Анализируя Конституцию РФ, а в частности норму, содержащуюся в ч. 2 ст. 17 можно сделать вывод о том, что в её основе заложена естественно-правовая конструкция. Признание государством за человеком основных прав и свобод, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения, безусловно олицетворяет естественно-правовой подход. Естественно-правовое (лат. *ius naturalis*) предполагает объективное существование права независимо от его признания и закрепления государством. К числу таких прав относится, например, право на жизнь, неприкосновенность, достоинство личности,

свобода мысли и слова и др. Тем не менее, несмотря на их естественный характер, они имеют нормативно-правовое оформление, посредством закрепления в конституционных положениях. Государство таким образом, во-первых, подчеркивает тот факт, что признает наличие естественного права, а Основной закон в данном случае – это одна из форм признания, а во-вторых, возлагает на себя ответственность по обеспечению реализации данного права. Такое сочетание разных концепций, естественно-правовой и позитивистской, позволяет избежать недостатков, которые присущи одному и другому подходу к пониманию права в чистом его виде, например, отсутствие отличий права от неправа в естественно-правовой концепции или легитимизация произвола власти – в позитивистской. В теории права такая концепция была предложена В.М. Шафировым: «...естественно-позитивное право по своей сущности есть возведенная в закон (иные официальные источники) воля большинства людей, провозглашающая свободу (права и свободы) человека и гражданина как высшую ценность» [20. С. 94].

Формирование терминологического и понятийного аппарата

Немаловажная роль конституционных норм состоит в формировании терминологического и понятийного аппарата. Как отметил Н.Н. Вопленко, «правовые определения в качестве разновидности конституционных норм права представляют собой максимально четкие и лаконичные (немногословные) суждения законодателя о сущности правовых явлений» [21. С. 6]. Безусловно, нормы-дефиниции присутствуют и во множестве других нормативно-правовых актах, но конституционный терминологический и понятийный аппарат отличается своей многоаспектностью, поскольку затрагивает большое количество сфер общественной жизни. Термины, используемые в Основном законе РФ, очень разнообразны, но нередко понятия этих терминов, с целью экономии изложения нормативно-правового материала, не раскрываются непосредственно в конституционном тексте, а находят своё выражение в других законах⁵. Но при этом Конституция РФ полностью не лишена понятийного аппарата. Пример конституционной дефиниции – ч. 1 ст. 125 Основного закона РФ, в которой закреплена норма-дефиниция, т.е. определено «что такое Конституционный Суд РФ». Дефиниции обладают повышенной информативностью, так как в достаточно сжатой, концентрированной и в то же время обобщающей форме характеризуют то или иное правовое понятие, определяют его родовые, видовые, функциональные и иные признаки [22. С. 12]. Определения выполняют и познавательную функцию – позволяют уяснить смысл того или иного правового термина, что облегчает понимание права в целом. В это же время цель образования юридических понятий, отмечал Д.А. Керимов, «состоит не в простой любознательности; они образуются ради возможности более глубокого познания, а затем и практического преобразования правовой действительности» [23. С. 72–73]. С дефинициями неразрывно связаны термины – слова или их сочетания.

Единство терминологии – неотъемлемая характеристика любого нормативно-правового акта.

Как указывает В.С. Голещехин, в связи с поправками к Конституции РФ в 2020 г., появился новый термин, которым именуются члены Совета Федерации – Сенаторы РФ, поэтому в главе 5 Конституции РФ и остальном законодательстве используется данное наименование, но из-за того, что глава 9 Конституции РФ изменяется только посредством пересмотра, то в ней остался «старый» термин – члены Совета Федерации [24. С. 29]. Подобные ситуации, безусловно, носят отрицательный характер, поскольку нарушают единство используемой терминологии.

Основное назначение конституционных дефиниций – точное, полное определение правовых понятий, используемых как в законодательстве, так и правоприменительной практике, и в юридической науке, что ведёт к унификации и гармонизации правовой материи. Следовательно, правильное понимание их природы во многом определяет эффективность правового регулирования общественных отношений. Поэтому ключевые понятия и их дефиниции, сформулированные, в первую очередь, в нормах Конституции РФ, должны составлять эталон правовой терминологии, системно связывая всю систему законодательства.

Обобщенный характер конституционных норм

Нормы Конституции РФ изложены в такой форме, с помощью которой общественные отношения охватываются всеобъемлюще. Абстрагирование, как способ изложения нормы права, соответствует более высокому уровню юридической культуры [25. С. 76]. Для всех законов характерно использование абстрактных формулировок, но в Основном законе степень этой абстракции заметно выше. Например, в ч. 3 ст. 4 Конституции РФ закреплено, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. В данном предписании не конкретизируется каким именно образом российское государство должно обеспечивать суверенитет. Необходим целый комплекс правовых предписаний и реальных мер, обеспечивающих реализацию этого положения, начиная с порядка установления границ России и заканчивая формированием Вооруженных Сил РФ для защиты от различного рода внутренних и внешних угроз. Стоит отметить, что обобщенность присуща учредительным нормам, нормам-целям и нормам-принципам, в содержании которых отсутствует излишняя конкретизация. Вместе с тем не все нормы Конституции РФ имеют одинаковую степень обобщенности, например, ст. 83 Основного закона РФ, в которой перечисляются полномочия Президента РФ, является более конкретизированной и детальной, поскольку в ней вполне ясно и четко выражены полномочия главы государства.

Большой потенциал норм конституции

Из-за использования в Конституции РФ обобщенных формулировок законодатель имеет, в определенной степени, свободу в законотворческой деятельно-

сти и, обладая мастерством юридической техники, может интерпретировать правовые нормы с учетом реальной действительности. Конституционный Суд РФ, у которого в п. 4 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» закреплено полномочие толкования Конституции РФ [26], также может выявлять из существующих конституционных положений скрытый смысл. Например, исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, привлечение к повторной ответственности запрещено только за преступления, т.е. запрещена только повторная уголовная ответственность, а про другие виды юридической ответственности ничего не сказано. Конституционный Суд РФ в своём постановлении от 04.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой» дал расширительное толкование конституционного положения, закрепленного в ч. 1 ст. 50, и установил следующее: «...согласно выработанной Конституционным Судом РФ правовой позиции оно имеет общее значение и – в виде нормативной конкретизации общепризнанного принципа справедливости (*non bis in idem*), направленной на поддержание правовой безопасности, определенности и стабильности, – распространяется на законодательство об административных правонарушениях» [27].

В данном решении прямо указано на то, что судом выработана позиция, согласно которой ч. 1 ст. 50 Конституции РФ охватывает не только уголовную ответственность, а имеет общее значение, т.е. распространяет своё действие на административную ответственность. Необходимость указания на другие разновидности юридической ответственности в контексте данного решения отсутствовала, но в силу общего значения данного принципа можно сделать вывод о его действии и в случаях с иными видами ответственности. Подобным образом Конституционный Суд РФ может истолковывать конституционные положения и расширять пределы действия конституционной нормы. Справедливо указывает Б.С. Эбзеев: «...в отношении Конституции России как одной из наиболее “жестких”, жизнестойкость которой в политическом противостоянии 90-х годов прошлого столетия обуславливалась скорее не порядком внесения в нее поправок, а способностью Конституционного Суда РФ выявить её потенциал и адаптировать к долгосрочным целям социального развития России» [28. С. 786]. Представляется, что сосредоточенность на полной реализации действующих конституционных положений и решение существующих проблем российского общества и государства являются более предпочтительным путем развития, нежели принятие новой конституции, воплощение которой, затянется, вероятно, на несколько десятков лет.

Особый стиль, доступность понимания и лаконичность норм конституции

Стиль изложения нормативного материала в конституции содержит определенный идеологический и

эмоциональные аспекты. Подобное правовое оформление отступает от устоявшейся в юридической литературе позиции, что «в нормативных правовых документах нетерпима художественная красота, высокопарность фраз, лозунговость» [29. С. 19]. Так, положение ч. 1 ст. 3 Конституции РФ закрепляет, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является её многонациональный народ. Устное воспроизведение данного положения может создать впечатление, что это какой-то лозунг, но никак не правовое предписание. Главными критериями, которые позволяют отграничить лозунг и норму права, являются государственное закрепление последнего и его юридическое содержание. Если народ – это единственный источник власти, то значит должен существовать механизм, который претворяет это предписание в жизнь, а это как минимум определение того, каким образом народ передает свою власть. Лозунг, в свою очередь, – это просто какая-либо идея, вероятно, не имеющая детальной проработки, призыв к этой идее, но не общеобязательное правило. Справедливо отмечено Н.Е. Таевой, что «специфика конституционных текстов, позволяющая нам говорить об особой конституционной стилистике, заключается в том, что в них зачастую употребляются термины, которые эмоционально воздействуют на граждан» [30. С. 91]. Большое количество таких слов встречается в преамбуле, например: «соединенные общей судьбой», «чтя память предков», «возрождая суверенную государственность России». Такую «эмоциональную» окраску также получили предписания, введенные поправками в 2020 г. Так, в нормах ст. 67.1 Конституции РФ упоминается: «тысячелетняя история», «сохранение памяти предков», «вера в Бога», «государственное единство», «историческая правда». Эмоциональность присуща художественному стилю, который, с одной стороны, противопоставляется строгому правовому языку, но с другой – придает более убедительный характер «сухим» нормам закона и способствует формированию коллективного сознания в обществе. Как предложено Т.М. Пряхиной, «переплетение стиля юридического документа в тексте основного закона можно назвать художественно-юридическим стилем» [31. С. 190]. Такой стиль изложения характерен для норм конституции, обладающих учредительным характером, преамбулы и некоторых новелл 2020 г.⁶

Доступность понимания означает, что любое лицо, не имеющее познаний в области права, с помощью мыслительной деятельности способно уяснить смысл большей части конституционных предписаний. Такое уяснение смысла не предполагает глубокого понимания всей сущности того или иного правового явления и, соответственно, не требует от читателя юридического знаний. Поэтому даже дети в школах в рамках курса обществознания начинают изучение Конституции РФ, пусть и в весьма ограниченном формате. Также проводятся всероссийские конкурсы и акции на знание Основного закона РФ⁷, где практически каждый может принять участие и получить различного рода поощрения от организаторов.

Лаконичность Конституции РФ и правовых предписаний, сформулированных в ней. Основным законом состоит из 142 статей, с учетом внесенных в 2020 г. новелл, часть из которых была оформлена в отдельные статьи со следующими порядковыми номерами: 67.1, 75.1, 79.1, 92.1, 103.1. Согласно информации, указанной на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, время чтения Конституции РФ составляет всего лишь 1 час 25 минут [32], что является очень малым количеством времени для чтения закона, в контрасте, например, с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, в котором более 460 объемных статей. Но если говорить об изучении Конституции РФ, то тут уже невозможно задать определенные временные рамки, поскольку этот процесс предполагает ещё и активную мыслительную деятельность, требует обращения к законодательству, развивающему положения Конституции РФ, решениям Конституционного Суда РФ, который толкует и объясняет смысл некоторых правовых норм Основного закона.

Заключение

Конституционные нормы являются важнейшими правовыми установками, которые определяют общественное и государственное устройство. Многообразие конституционных норм предопределяет проявление у них различных качественных характеристик. Некоторые свойства в разной степени присущи всем конституционным нормам, а часть выражается лишь в определенных разновидностях. Выделение их специфики, в свою очередь, способствует более точному пониманию сущности положений Основного закона; оказывает влияние на развитие юридической техники, в части формулирования конституционных предписаний; обогащает науку теории государства и права и отрасли конституционного права.

Проведенное изучение конституционных положений позволяет утверждать, что:

- конституционные нормы обладают рядом таких специфических свойств, как учредительный характер, фундаментальность, стабильность, выражение высоких целей и задач, усложненный и разноуровневый порядок изменения, внутренняя иерархичность, обобщенный и всеобъемлющий характер, большой потенциал и особый стиль изложения. Нормы Основного Закона РФ формируют основу концепции понимания права, устанавливают её на высочайшем, конституционном уровне. Кроме того, конституционные нормы обогащают терминологический и понятийный аппарат права;

- правовые декларации (конституционные предписания высокой степени общности), в сущности своей конкретными правилами поведения не являются, а провозглашают какую-либо идею, которая посредством конституционного оформления обретает правовую форму и в дальнейшем развивается в законодательстве. Конституционные нормы, обладающие учредительным характером, сосредоточены в 1-й главе Конституции РФ;

– все нормы Основного закона РФ характеризуются фундаментальностью и стабильностью, поскольку обладают высшей юридической силой, являются наиболее важными и системоопределяющими по сравнению с нормами иного законодательства. Стабильность норм обеспечивается усложненным порядком их изменения. Фундаментальность и стабильность неодинаковы для всех норм конституции, они имеют различную степень проявления. Очевидно, что эти свойства больше выражены у норм 1, 2 и 9-й глав Конституции РФ;

– порядок изменения конституционных норм де-юре состоит из двух процедур, поправок и пересмотра, но де-факто их три, поскольку для изменения ст. 65 Конституции РФ предусмотрена особая процедура, которая хоть и перекликается с правилами о поправках,

но при этом имеет свою существенно важную специфику;

– иерархия конституционных норм представлена трёхуровневой структурой, наиболее важными являются основы конституционного строя (глава 1), за ними следуют права и свободы человека и гражданина вместе с порядком изменения положений Основного закона (главы 2 и 9), остальные положения Конституции (главы с 3-й по 8-ю);

– обобщенно сформулированные конституционные нормы, в совокупности с их толкованием, могут обеспечивать потенциал Конституции РФ как учредительного закона ещё достаточно долго. Принятие новой конституции не является «правовой панацеей» для российского общества и государства.

Примечания

¹ Авторы исходят из доминирующего в общей теории права и в теории конституционного права РФ доктринального положения о том, что ВСЕ содержащиеся в Конституции РФ правовые положения являются нормами права, оставляя «за скобками» существующую в юридической науке дискуссию о их правовой природе.

² См.: Авакьян С.А. Конституционное право России : В 2 т. М. : Норма: ИНФРА-М, 2020. Т. 1. 864 с.; Артемьева Р.В. Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : РГУП, 2016. 272 с.; Гаджиев Г.А. О понимании и правопонимании в конституционном праве // Толкование правовых актов. Право и суд (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудо-правовой аспекты) : материалы II Всерос. науч. практ. конф. Алушта : Изд-во Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь), 2019. С. 33–58; Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М. : Юнити, 1997. 159 с.; Основин В.С. Нормы советского государственного права. М. : Юрид. лит., 1963. 112 с.; Семенов А.В. Нормы российского конституционного права : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 223 с.; Таева Н.Е. Нормы конституционного права в системе правового регулирования в Российской Федерации. М. : Проспект, 2015. 349 с.; Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М. : Норма, 2019. 245 с.; Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 560 с.

³ Например, изменение термина «члены Совета Федерации РФ» на «Сенаторы РФ»; дублирование положений о неприкосновенности, процедуре отрешения от должности Президента РФ и других предписаний из ст. 3 Федерального закона от 12.02.2001 № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» в ст. 92.1 и 93 Конституции РФ.

⁴ См.: ч. 1–3 ст. 67.1 Конституции РФ.

⁵ Например, в ч. 2 ст. 14 Конституции РФ используется термин «религиозные объединения», а его понятие закреплено в ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»; в ст. 31 Основного закона РФ перечислены наименования публичных мероприятий, посредством которых реализуется право на манифестации: собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование. Понятия данных терминов сформулированы в ст. 2 одноименного Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

⁶ См.: ч. 5–6 ст. 75 Конституции РФ: «уважение труда граждан», «солидарность поколений»; ст. 75.1 Конституции РФ: «благополучие граждан», «взаимное доверие», «уважение человека труда», «социальное партнерство»; ст. 79.1 Конституции РФ: «международный мир», «мирное существование».

⁷ См.: Всероссийский тест на знание Конституции РФ. URL: https://гражданин.дети/test_konst/; Всероссийский онлайн-конкурс «30 лет Конституции России – проверь себя!». URL: <https://constitution.er.ru/>

Список источников

1. Пиголкин А.С., Вопленко Н.Н. Основные виды правовых предписаний в советском законодательстве // Проблемы совершенствования советского законодательства : тр. ВНИИИСЗ. М., 1979. С. 11–20.
2. Давыдова М.Л. Средства юридической техники и проблема ограничения прав и свобод человека // Юриспруденция. 2010. № 18 (2). С. 29–36.
3. Шахрай С.М. Жалею, что Конституцию 1993 года не сделали по-настоящему «суперпрезидентской» // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 12. С. 2–5.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
5. Баранов А.В. Учредительные нормы права в механизме правового регулирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2013. С. 7–10.
6. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/89300effb84a59912210b23abel0a68f/>
7. Юсубов Э.С. К вопросу о стабильности Конституции РФ 1993 г. // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Томск, 1999. Ч. 1. С. 66–69.
8. Борисова Н.Е. Законодательство о детях: проблемы устойчивого развития // Право. Порядок. Ценности / под. общ. ред. Е.А. Фроловой. М. : Проспект, 2022. С. 627–638.
9. Хабриева Т.Я., Клишас А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 240 с.
10. Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Теория и практика. М. : Норма, 2019. 131 с.
11. Фролова Е.А. Нормы права // Право и государство: теория и практика. 2012. № 6 (90). С. 6–18.

12. Баранов А.В. Эффективность норм целей (к постановке проблемы) // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 69. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. С. 30–33.
13. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в редакции от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891>
14. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в редакции от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828>
15. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 29.05.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>
16. Мызникова Е.А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 215 с.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=102038461
18. Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102051892>
19. Ильин А.В. Конституционное право России: авторский курс. М. : Эксмо, 2022. 448 с.
20. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. Красноярск : ИЦ. КрасГУ, 2004. 260 с.
21. Вопленко Н.Н. Нормы права: Лекция для студентов юридического факультета. Волгоград, 1997.
22. Баранов А.В. Нормы-дефиниции в механизме правового регулирования // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Ч. 53. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2012. С. 11–14.
23. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. 472 с.
24. Голещехин В.С. Юридико-технические дефекты конституционных поправок 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12 (133). С. 24–34.
25. Лазарев В.В. Общая теория права и государства. М. : Юрист, 2001. 520 с.
26. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (в редакции от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436>
27. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2019 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркеновой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902070001>
28. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. 2-е изд. М. : Проспект, 2021. 832 с.
29. Власенко Н.А. Язык права. Репр. изд. М. : Норма: Инфра-М, 2024. 176 с.
30. Таева Н.В. Язык и стиль советских конституций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 9 (61). С. 87–96.
31. Пряхина Т.М. Устойчивые словоформы – фактор стабильности конституционного развития России // Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М. : Проспект, 2022. С. 188–205.
32. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/>

References

1. Pigolkin, A.S. & Voplenko, N.N. (1979) Osnovnye vidy pravovykh predpisaniy v sovetskom zakonodatel'stve [Main Types of Legal Prescriptions in Soviet Legislation]. In: *Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva: tr. VNIISZ* [Problems of Improving Soviet Legislation: Proceedings of the All-Union Research Institute of Soviet Legislation]. Moscow. pp. 11–20.
2. Davydova, M.L. (2010) Sredstva yuridicheskoy tekhniki i problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka [Means of Legal Technique and the Problem of Restricting Human Rights and Freedoms]. *Yurisprudentsiya*. 18 (2). pp. 29–36.
3. Shakhrai, S.M. (2012) Zhaleyu, chto Konstitutsiyu 1993 goda ne sdelali po-nastoyashchemu "superprezidentskoy" [I Regret That the 1993 Constitution Was Not Made Truly "Super-Presidential"]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 12. pp. 2–5.
4. Pravo.gov.ru. (2020) *Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)*. [Online]. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
5. Baranov, A.V. (2013) Uchreditel'nye normy prava v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [Constituent Norms of Law in the Mechanism of Legal Regulation]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. st. po itogam Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: Collection of Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 7–10.
6. Avak'yan, S.A. (n.d.) *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost'* [The Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity]. [Online]. Available from: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/chapter/89300effb84a59912210b23abe10a68f/>
7. Yusubov, E.S. (1999) K voprosu o stabil'nosti Konstitutsii RF 1993 g. [On the Issue of the Stability of the 1993 Constitution of the Russian Federation]. In: *Problemy razvitiya i sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of Development and Improvement of Russian Legislation]. Part 1. Tomsk. pp. 66–69.
8. Borisova, N.E. (2022) Zakonodatel'stvo o detyakh: problemy ustoychivogo razvitiya [Legislation on Children: Problems of Sustainable Development]. In: Frolova, E.A. (ed.) *Pravo. Poryadok. Tsennosti* [Law. Order. Values]. Moscow: Prospekt. pp. 627–638.
9. Khabrieva, T.Ya. & Klishas, A.A. (2022) *Tematicheskii kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2020 № 1-FKZ "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti"* [Thematic Commentary on the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power"]. Moscow: Norma: INFRA-M.
10. Nasyrova, T.Ya. (2019) *Teleologicheskoe (tselevoe) tolkovanie sovetskogo zakona. Teoriya i praktika* [Teleological (Purposive) Interpretation of Soviet Law. Theory and Practice]. Moscow: Norma.
11. Frolova, E.A. (2012) Normy prava [Norms of Law]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 90 (6). pp. 6–18.
12. Baranov, A.V. (2016) Effektivnost' norm tseley (k postanovke problemy) [Effectiveness of Goal Norms (Towards Problem Statement)]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. st.* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: Collection of Articles]. Part 69. Tomsk: Tomsk State University. pp. 30–33.
13. Pravo.gov.ru. (2024) *Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on August 8, 2024)*. [Online]. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891> (In Russian).
14. Pravo.gov.ru. (2024) *Civil Procedure Code of the Russian Federation" of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on August 8, 2024)*. [Online]. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828> (In Russian).
15. Pravo.gov.ru. (2024) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation" of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on May 29, 2024)*. [Online]. Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942> (In Russian).
16. Myznikova, E.A. (2011) *Tseli v prave: teoretiko-pravovoy analiz* [Goals in Law: Theoretical and Legal Analysis]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
17. Pravo.gov.ru. (1995) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 28, 1995, No. 15-P "On the Case of Interpreting Part 2 of Article 137 of the Constitution of the Russian Federation"*. [Online]. Available from: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=7&nd=102038461 (In Russian).

18. Pravo.gov.ru. (1998) *Federal Law of March 4, 1998 No. 33-FZ "On the Procedure for the Adoption and Entry into Force of Amendments to the Constitution of the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102051892> (In Russian).
19. Il'in, A.V. (2022) *Konstitutsionnoe pravo Rossii: avtorskiy kurs* [Constitutional Law of Russia: An Author's Course]. Moscow: Eksmo.
20. Shafirov, V.M. (2004) *Estestvenno-pozitivnoe pravo: vvedenie v teoriyu* [Natural-Positive Law: Introduction to the Theory]. Krasnoyarsk: KrasSU.
21. Voplenko, N.N. (1997) *Normy prava: Lektsiya dlya studentov yuridicheskogo fakul'teta* [Norms of Law: Lecture for Law Faculty Students]. Volgograd.
22. Baranov, A.V. (2012) Normy-definitcii v mekhanizme pravovogo regulirovaniya [Definition Norms in the Mechanism of Legal Regulation]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. st.* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood: Collection of Articles]. Part 53. Tomsk: Tomsk State University. pp. 11–14.
23. Kerimov, D.A. (1972) *Filosofskie problemy prava* [Philosophical Problems of Law]. Moscow: Mysl'.
24. Goleshchikhin, V.S. (2021) Yuridiko-tehnicheskie defekty konstitutsionnykh popravok 2020 goda [Legal and Technical Defects of the 2020 Constitutional Amendments]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 133 (12). pp. 24–34.
25. Lazarev, V.V. (2001) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow: Yurist'.
26. Pravo.gov.ru. (2023) *Federal Constitutional Law of July 21, 1994, No. 1-FKZ (as amended on July 31, 2023) "On the Constitutional Court of the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436> (In Russian).
27. Pravo.gov.ru. (2019) *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 4, 2019, No. 8-P "On the Case of Reviewing the Constitutionality of Article 15.33.2 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in Connection with the Complaint of Citizen U.M. Erkenova"*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201902070001> (In Russian).
28. Ebzeev, B.S. (2021) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
29. Vlasenko, N.A. (2024) *Yazyk prava* [The Language of Law]. Repr. izd. Moscow: Norma: Infra-M.
30. Taeva, N.V. (2019) Yazyk i stil' sovetskikh konstitutsiy [Language and Style of Soviet Constitutions]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 61 (9). pp. 87–96.
31. Pryakhina, T.M. (2022) Ustoychivye slovoformy – faktor stabil'nosti konstitutsionnogo razvitiya Rossii [Stable Word Forms – a Factor of Stability of Russia's Constitutional Development]. In: Frolova, E.A. (ed.) *Pravo. Poryadok. Tsennosti* [Law. Order. Values]. Moscow: Prospekt. pp. 188–205.
32. *Ofitsial'nyy sayt Gosudarstvennoy Dumi Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii* [Official Website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. (n.d.) [Online] Available from: <http://duma.gov.ru/news/55446/>

Информация об авторах:

Баранов А.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, административного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avb1968@yandex.ru
Арсанов Б.Х. – магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bad.arsanov@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Baranov, Cand. Sci. (law), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avb1968@yandex.ru
B.Kh. Arsanov, master's student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bad.arsanov@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.12.2024;
одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.*

*The article was submitted 17.12.2024;
approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.*

Научная статья
УДК 343.237
doi: 10.17223/15617793/513/26

Формы соучастия в преступлении: отражение в уголовном законе и судебной практике

Александр Викторович Шеслер^{1, 2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия*

^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Аннотация. Рассматриваются дискуссионные вопросы разграничения форм соучастия в преступлении между собой, их значение для уголовной ответственности соучастников. Критикуется позиция законодателя, которая не позволяет установить отличия между организованной группой и преступным сообществом, расширяет пределы уголовной ответственности организаторов и руководителей этих образований. Предлагается разграничить в уголовном законе преступную организацию и преступное сообщество, привести редакцию части ч. 5 ст. 33 УК РФ об уголовной ответственности организаторов и руководителей организованной группы и преступного сообщества в соответствии с общими положениями об основаниях и пределах уголовной ответственности соучастников преступления.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, формы соучастия, организованная группа, преступное сообщество, преступная организация, совершение преступления группой лиц, соисполнительство

Для цитирования: Шеслер А.В. Формы соучастия в преступлении: отражение в уголовном законе и судебной практике // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 228–233. doi: 10.17223/15617793/513/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/26

Forms of complicity in crime: Reflection in criminal law and judicial practice

Aleksandr V. Shesler^{1, 2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation*

^{1, 2} *sofish@inbox.ru*

Abstract. The subject of this article is the problematic issues of reflection of joint criminal activity in criminal legislation through forms of complicity in crime, as well as the judicial interpretation of these forms in the process of law enforcement. The aim of the article is to substantiate the editorial changes in the current criminal law, which make it possible to distinguish between an organized group and a criminal community, based on the fact that the latter represents the complicity of the leaders of the criminal environment in its consolidation, and also allow taking into account the commission of a crime by a criminal community as qualifying signs of mercenary and mercenary-violent crimes. The author suggests that until the revision of Part 5 of Article 35 of the Criminal Code is amended, its provisions should be interpreted restrictively: organizers and leaders of organized groups and criminal communities should be criminally responsible for creating a criminal group, as well as for those crimes in which they participated as perpetrators, organizers, instigators, and accomplices within the meaning of Article 33 of the Criminal Code. The article criticizes judicial practice, according to which, as a qualifying feature of crimes in the form of commission of a crime by a group of persons, not only co-execution is considered, but also the fulfillment of the objective side of a specific crime by two or more individuals, of whom only one can be the subject of the crime (be sane and reach the required age of criminal responsibility). The article provides arguments against an expansive interpretation in law enforcement of co-execution of theft by attributing to it the actions of those persons who did not seize property, but during and at the scene of the theft provided its perpetrator with direct assistance in the crime (they broke down doors or locks without entering the dwelling, took out the stolen goods, secured accomplices from detection). The research is based on domestic criminal legislation, as well as materials of judicial practice. In the process of working on the article, the following methods were used: the method of comparative jurisprudence, which made it possible to compare the provisions of articles of the criminal law on various forms of embezzlement; the method of document analysis, which made it possible to analyze judicial practice and resolutions of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, which considered the issues of qualifying crimes committed by several persons; the formal-logical method, which made it possible to analyze the content of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation about various forms of complicity in crime. The author suggests that actions of members of an organized group should be differentiated depending on which of the functions provided for in Article 33 of the Criminal Code of the Russian Federation they performed when committing a joint crime (performer, organizer, instigator, accomplice).

Keywords: complicity in crime, forms of complicity, organized group, criminal community, criminal organization, commission of crime by group of persons, co-execution

For citation: Shesler, A.V. (2025) Forms of complicity in crime: Reflection in criminal law and judicial practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 228–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/26

Основное значение в противодействии преступлениям, совершаемым несколькими лицами, принадлежит мерам, основанным на применении уголовного закона. Законодатель постоянно совершенствует уголовно-правовые нормы о соучастии в преступлении, в частности, нормы о формах соучастия в преступлении, отвечая на меняющиеся и усиливающиеся вызовы со стороны криминальной среды. Вместе с тем уголовный закон не является совершенным в части отражения в нем различных форм совместного совершения преступления. Достаточно много вопросов возникает в связи с толкованием различных форм соучастия в преступлении в судебной практике.

Прежде всего, несмотря на законодательное определение разновидностей соучастия в преступлении (ст. 35 УК РФ), сложно установить юридические признаки, отличающие организованную группу от преступного сообщества. Обе разновидности преступных групп рассматриваются законодателем как устойчивые, а при определении преступного сообщества законодатель опирается на понятие организованной группы, которая, по его мнению, превращается в преступное сообщество при приобретении ею свойства структурированности или при объединении ее с другой организованной группой под единым руководством. Непонятно при сопоставлении редакции ст. 35, 210 УК РФ, что представляет собой преступное сообщество, а именно: устойчивую группу, возникшую на основе совместного совершения преступлений, или на основе совместной деятельности лидеров преступной среды. Кроме того, возникают вопросы о том, как соотносятся между собой употребляемые законодателем термины «террористическое сообщество», «террористическая организация», «незаконное вооруженное формирование», «банда», «преступное сообщество», «преступная организация», «диверсионное сообщество», «экстремистское сообщество», «экстремистская организация» (в ст. 205.4, 205.5, 208-210, 281.3, 282.1, 282.2 УК РФ соответственно). Ситуацию запутывает сам законодатель, не называя вооруженное формирование, террористическую организацию, экстремистскую организацию преступными группами. В качестве уточняющих можно поставить вопросы о том, является ли преступное сообщество преступной организацией, являются ли диверсионное сообщество, террористическое сообщество, экстремистское сообщество разновидностями преступного сообщества, а банда и незаконное вооруженное формирование – разновидностями организованной группы.

Судебное толкование этих вопросов в соответствующих постановлениях ясности в решение поставленной проблемы не вносит. В пункте 2 постановления от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», в п. 12 постановления от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях

экстремистской направленности», в п. 22. 2 постановления от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» банда, экстремистское сообщество, террористическое сообщество определяются как разновидности организованных групп, созданных для совершения определенных видов преступлений (соответственно, для нападения на граждан и организации, преступлений террористического характера, преступлений экстремистского характера). Никаких положений о свойствах, присущих этим образованиям как преступным сообществам в смысле ч. 4 ст. 35 УК РФ, в этих постановлениях не содержится. В пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» однозначно отмечается, что в законе не указаны отличия между преступным сообществом и преступной организацией. В пунктах 3–5 данного постановления поясняется, что следует понимать под структурированной организованной группой и объединением организованных групп под единым руководством. Однако сущностного отличия между организованной группой и преступным сообществом не указывается.

В юридической литературе по этому поводу высказаны разные суждения. Одни исследователи, исходя из отсутствия в уголовном законе четких критериев, отличающих указанные виды преступных образований друг от друга, предлагают именовать их единым термином – «преступные организации» [1. С. 156–181, 194]. Такое решение, на первый взгляд, привлекательно своей простотой. Однако оно не снимает необходимости отражения в уголовном законе криминальной деятельности различных преступных групп, отличающихся между собой характером и опасностью такой деятельности. Поэтому большая часть авторов исходит из того, что отличия между указанными преступными группами все-таки существуют, во всяком случае между организованной группой и преступным сообществом. Конечно, такое отличие усматривается не в том, что преступное сообщество объединяет участников в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения материальной выгоды, как на это указывает законодатель (ч. 4, ст. 35 УК РФ). В таких целях могут создаваться и организованные группы. При этом термины «преступное сообщество» и «преступная организация» исследователями употребляются в основном как синонимы.

Обычно такое отличие устанавливается, исходя из законодательного указания на то, что преступное сообщество является либо структурированной организованной группой, либо объединением организованных групп. В частности, такой позиции придерживается В.А. Попов [2. С. 45]. По сути, автор комментирует

действующую редакцию ч. 4 ст. 35 УК РФ также, как это сделано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12.

Несколько иную позицию занимает Е.В. Благов. Последний под преступным сообществом понимает преступную группу, в которой объединилось несколько организованных групп для совершения преступления [3. С. 203–219]. Буквальное толкование авторской позиции позволяет сделать вывод о том, что организованные группы могут объединяться и для совершения одного, причем любого по сложности преступления. Представляется, что такое объединение качественно нового преступного образования не образует, так как это объединение может быть разовым, не устойчивым, характеризоваться сиюминутным совпадением интересов самостоятельных преступных групп. Определение преступного сообщества как структурированной организованной группой тоже не вносит ясности в рассматриваемую проблему, так как преступное сообщество по-прежнему в критикуемой трактовке остается организованной группой. Причем любая группа, даже не организованная, имеет свою структуру, хотя и разной степени сложности.

Некоторые авторы пытаются отойти в установлении отличия между организованной группой и преступного сообщества от признаков, указанных законодателем. Так, А.П. Козлов утверждает: отличие между ними заключается в том, что преступное сообщество является устойчивой преступной группой, в которой действия ее участников являются согласованными [4. С. 282–299]. Отметим, что при таком подходе непонятно, зачем законодатель вообще выделял преступление, совершенное организованной группой, в отдельную разновидность соучастия в преступлении. Достаточно было указания на совершения преступления по предварительному сговору группой лиц, так как такая группа лишена признака устойчивости. Кроме того, признак согласованности действий соучастников характеризует не только преступление, совершенное преступным сообществом, но и любую форму соучастия в преступлении, так как такая согласованность (хотя и различной степени) характеризует совместность действий нескольких лиц при любом соучастии.

М.И. Ковалев утверждал, что свойство устойчивости у преступного сообщества должно быть отличным от устойчивости, которая характеризует организованную группу. Однако при этом автор приводил те признаки преступного сообщества, которые характеризовали ее как криминологическую общность (круговая порука участников, выбор преступной деятельности как судьбы, профессии, наличие стратификации, принятой в криминальной среде и т.д.) [5. С. 197–198]. Заметим, что отождествление преступного сообщества, характеризующего одну из форм соучастия в преступлении, с социальной средой профессиональных преступников в 1990-х гг. не позволило в значительном числе случаев применить на практике ст. 210 УК РФ, так как действия лидеров преступной среды, направленные на консолидацию последней, не попадали под признаки деяния, указанные в первоначальной редакции этой статьи (разрешение конфликтных отношений

между участниками, раздел сфер влияния, распределение преступных доходов и т.д.). В результате авторитеты, задержанные правоохранительными органами за участие в «сходках», затем освобождались без предъявления им обвинений в совершении каких-либо преступлений [5. С. 64–67]. Актуальная редакция ст. 210 УК РФ значительную часть таких действий криминализовала, однако, безусловно, не все. Поэтому в определении сути преступного сообщества в уголовно-правовом смысле отождествлять его с криминальной средой как определенным социальным образованием не следует.

На наш взгляд, необходимость в различном содержании терминов «организованная группа», «преступная организация», «преступное сообщество», безусловно, существует. С конца 1980-х гг., когда развитие групповой преступности сформировало новую ее качественную разновидность – организованную преступность, стало очевидным, что значительная часть функций лидеров преступной среды по ее консолидации оказалась вне сферы действия уголовного закона, не охватывалась признаками соучастия в преступлении. В этой связи в многочисленных исследованиях предлагалось криминализировать именно эту деятельность. Практически такие предложения воплотились в проект Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью», внесенного на рассмотрение в Государственную Думу членами комитета по безопасности В.И. Илюхиным, В.А. Колмаковым, В.И. Косых и С.С. Босхоловым. В нем преступная организация характеризовалась как объединение организованных групп, а преступное сообщество – как соучастие организаторов, руководителей и иных представителей преступных организаций, организованных групп в целях создания благоприятных условий для преступной деятельности. Именно данное законодательное решение было и остается запросом со стороны государственных органов, ведущих борьбу с лидерами преступной среды. Полагаем, что такое закрепление понятий преступного сообщества и преступной организации в действующем УК РФ исключило бы возможность появления ст. 210.1 УК РФ, предусматривающей наказуемость не деяния, содержащего все признаки состав преступления, являющегося в соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности, а социального статуса лица, его общественной опасности. Безусловно, данное законодательное решение является неприемлемым [7. С. 110–122].

Вышеизложенное также означает, что вместо терминов «террористическое сообщество», «террористическая организация», «незаконное вооруженное формирование», «банда», «диверсионное сообщество», «экстремистское сообщество», «экстремистская организация» законодательно следует употреблять термин «организованная группа», а в соответствующей статье Особенной части УК РФ необходимо раскрывать только видовые, специфические свойства этих групп, которые законодатель решил выделить в качестве конститутивных признаков какого-либо самостоятельного состава преступления.

Вторая проблема связана с позицией законодателя в отношении ответственности руководителей организованных групп и преступных сообществ.

В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ они несут ответственность за все совершенные этими образованиями преступления, если они только охватывались умыслом этих лиц. Необоснованное расширение уголовной ответственности данных лиц некоторые исследователи предлагают распространить на всех участников организованных групп и преступных сообществ. Такая позиция обосновывается тем, что последние выполняют определенные важные функции, например, добывают орудия и средства совершения преступлений [1. С. 184–185]. Полагаем, что критикуемая позиция противоречит общему подходу самого законодателя к определению соучастия в преступлении (ст. 32 УК РФ), означающего наличие не просто умышленных действий всех соучастников, но и, кроме того, наличие у них совместного умысла и взаимно обуславливающей связи между действиями каждого из них. Только при этом условии действия лица является вкладом в совместное преступление и влекут уголовную ответственность в соответствии с нормами о соучастии. Одно лишь осознание организатором или руководителем преступной группы (другим ее участником) факта совершения иными ее участниками преступления и наличие желания его совершения без признака совместности соучастия не могут служить основанием для привлечения организатора группы (других ее участников) к уголовной ответственности за эти преступления. Прежде всего, нет для этого оснований в отношении организатора и руководителя преступного сообщества, деятельность которого нередко вообще отчуждена от совершения конкретных преступлений. На наш взгляд, положение закона о пределах уголовной ответственности указанных лиц нужно трактовать ограничительно, а именно: они должны нести уголовную ответственность, во-первых, за сам факт создания группы либо руководство ею, во-вторых, за те преступления, которые они совершили совместно с другими лицами, являясь исполнителями (соисполнителями), организаторами, подстрекателями или пособниками в смысле ст. 33 УК РФ.

Третья проблема возникает из-за непоследовательной позиции законодателя в уголовно-правовой оценке повышенной общественной опасности преступлений, совершенных преступным сообществом. Имеется в виду, что совершение преступления преступным сообществом вообще не предусмотрено в качестве квалифицирующего признака преступлений (против жизни, здоровья, собственности, в сфере экономической деятельности и других), а указано лишь в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В практике применения уголовного закона такие ситуации получают двойную уголовно-правовую оценку, а именно: преступления квалифицируются как совершенные организованной группой, если соответствующий признак предусмотрен в статье Особенной части УК РФ (например, в п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ), а также оцениваются как обстоятельство, отягчающее наказание в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Вместе с тем правовая природа квалифицирующих признаков состава преступления и обстоятельств, отягчающих наказание, является различной, в силу чего

они по-разному влияют на наказуемость преступления [8. С. 13; 9. С. 92–94]. Квалифицирующие признаки состава преступления являются средством дифференциации уголовного наказания, за преступление, совершенное при их наличии, уголовный закон предусматривает повышенную наказуемость. Обстоятельства, отягчающие наказание, являются средством индивидуализации последнего. Наличие этих обстоятельств при совершении преступления оценивается уже не законодателем, а судом, который с учетом их влияния на общественную опасность конкретного преступления определяет вид и меру наказания при его назначении в пределах санкции, установленной в законе за определенное преступление. Чтобы избежать практики двойного учета повышенной общественной опасности преступлений, совершенных преступным сообществом, необходимо в ряде составов преступлений (прежде всего корыстных и корыстно-насильственных) подобное обстоятельство предусмотреть в качестве квалифицирующего признака.

Четвертая проблема состоит в том, что вновь возрождена порочная судебная практика квалификации действий, состоящих в выполнении объективной стороны преступления несколькими физическими лицами, из которых лишь одно является субъектом преступления, а остальные нет (в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости) как совершения преступления группой лиц. Прецедент подобной квалификации создан еще в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» применительно к квалифицирующему признаку совершения этих преступлений по предварительному сговору группой лиц. Позднее такая квалификация стала применяться в отношении всех форм хищения и изнасилования [10. С. 185; 11. С. 7].

В современный период судебная практика по данному вопросу является противоречивой. Так, Забайкальский краевой суд в своем постановлении № 44У-230/2019 4У-438/2-19 от 21 ноября 2019 г. по делу № 44У-230/2-19 признал необоснованным вменение Агинским районным судом Забайкальского края осужденному грабежа по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ), который был совершен им совместно с лицом, признанным невменяемым. Свое решение суд обосновал тем, что по смыслу закона такое деяние объективно не образует ни соучастия, ни соисполнительства, тем более с предварительной договоренностью между указанными лицами.

Напротив, Судебная коллегия по уголовным делам от 27 мая 2021 г. № 75-УДП 21-8-КЗ поддержала решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 2 декабря 2019 г., которым Ч. признан виновным в краже по предварительному сговору группой лиц (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ), совершенной им с Л., признанным невменяемым. Свою позицию Судебная коллегия обосновала тем, что невменяемый Л. лично участвовал вместе с Ч. в хищении, для Ч. действия невменяемого Л. носили адекватный, последовательный, целенаправленный характер, последствия преступления были результатом их совместных действий [12. С. 16–17].

В литературе среди исследователей позиции по этому поводу тоже разделились. Одни исследователи полагали, что группа лиц должна вменяться при наличии признаков субъекта преступления даже у одного из фактических участников преступления, выполнивших объективную сторону конкретного состава преступления. Свое мнение они обосновывали тем, что это позволяет отразить повышенную общественную опасность группового посягательства [13. С. 36–38; 14. С. 51–53]. Другие справедливо утверждали, что такая позиция не основана на законе, что группу лиц могут образовывать только те участники совместного преступления, которые обладают признаками субъекта преступления, т.е. возрастом и вменяемостью [15. С. 243–244; 16. С. 11–13]. Последняя позиция действительно соответствует уголовному закону, так как, согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ, участниками группового преступления являются соисполнители, которые, в свою очередь, согласно смыслу ч. 2 ст. 33 УК РФ, должны быть вменяемы и достигнуть возраста уголовной ответственности. Кроме того, отметим, что даже для фактических участников преступления, не являющихся его субъектами, как показал приведенный выше пример из судебной практики, необходим определенный уровень осознанности поведения для того, чтобы они могли взаимодействовать с другими участниками совместного посягательства. Это означает, что проблема с точки зрения практики усложняется, так как необходимо для фактических участников преступления выработать четкие формализованные критерии для отнесения их к участникам группы в уголовно-правовом смысле. Получается, что помимо признаков субъекта преступления нужно установить в уголовном законе признаки еще какого-то субъекта, действия которого получают уголовно-правовую оценку, но который не несет уголовной ответственности. Полагаем такое решение оценки группового посягательства при одном субъекте преступления абсурдным. Подобная группа может быть признана преступной не в уголовно-правовом, а только в криминологическом значении, соответственно, быть объектом не уголовно-правового, криминологического воздействия [6. С. 14].

Важнейшей проблемой является расширительное толкование в судебной практике совершения хищений как групповых за счет включения в него действий пособников, прежде всего тех, кто оказался во время и на месте совершения преступления. Так, согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», участником группового хищения являются лица, которые, согласно предварительной договоренности, оказывали непосредственное содействие его исполнителю (лицу, непосредственно изъявшему имущество). В частности, как соисполнительство (совершение преступления по предварительному сговору группой лиц) без ссылки на ст. 33 УК РФ предлагается квалифицировать действия тех соучастников хищения, которые участвовали во взломе дверей

или запоров, не проникая в жилище, вывозили похищенное, подстраховывали соучастников хищения от обнаружения. Полагаем, что подобная позиция является ошибочной. Законодатель, различая действия соисполнителей (участников совершения преступления группой лиц) и соучастников преступления в смысле ст. 33 УК РФ (организаторов, исполнителей, подстрекателей и пособников), ориентирует правоприменителя на дифференциацию их уголовной ответственности, исходя из различной общественной опасности деяния, требуя учитывать характер и степень фактического участия каждого лица в совместно совершенном преступлении (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 67 УК РФ). Критикуемая нами практика эту дифференциацию нивелирует.

Вместе с тем возможна квалификация действий как соисполнителей тех соучастников хищения, которые непосредственного изъятия чужого имущества не осуществляли, однако непосредственно выполняли действия, сопряженные с похищением, посягающие на дополнительный объект. Например, такая квалификация возможна тех действий, которые образуют проникновение лица, оказывающего содействие в краже, в жилище путем взлома двери. Непосредственного изъятия имущества такое лицо не совершило, но выполнило объективную сторону незаконного проникновения в жилище, которое предусмотрено ст. 139 УК РФ. Такое деяние посягает на отношения, обеспечивающие неприкосновенность жилища. В соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ сопряженность кражи с незаконным проникновением в жилище не является совокупностью преступлений, квалифицируется как одно преступление по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

И, наконец, вызывает возражение позиция Верховного Суда Российской Федерации, выраженная в целом ряде его постановлений о судебной практике по конкретной категории уголовных дел (в п. 10 постановления от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», п. 15 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» и др.), в соответствии с которой действия всех участников организованной группы независимо от их роли в преступлении предлагается квалифицировать как соисполнительство в преступлении без ссылки на соответствующую часть ст. 33 УК РФ. Полагаем, такая позиция, как и предыдущая позиция по вопросу расширительного толкования соисполнительства за счет включения в него действий пособников, противоречит требованию закона об учете характера и степени фактического участия каждого лица в совместно совершенном преступлении (ч. 1 ст. 34, ч. 1 ст. 67 УК РФ).

В заключение отметим, что правильная позиция законодателя и судебной практики в разрешении указанных нами проблем позволит повысить эффективность уголовно-правового противодействия групповой преступности.

Список источников

1. Куфёлкина И.Ю. Формы соучастия в преступлении: проблемы теории и законодательной регламентации : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2024. 252 с.

2. Попов В.А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики. М. : Проспект, 2018. 128 с.
3. Благов Е.В. Соучастие в преступлении и уголовная ответственность. М. : Юрлитинформ, 2021. 320 с.
4. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. 362 с.
5. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во Ур ГЮА, 1999. 204 с.
6. Шеслер А.В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 84 с.
7. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110–122.
8. Чечель Г.И. Смягчающие обстоятельства и их значение в индивидуализации наказания. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1978. 166 с.
9. Кругликов Л.Л. Смягчающие обстоятельства и отягчающие обстоятельства в уголовном праве. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1985. 164 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М. : Юрид. лит., 1980. 416 с.
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 7.
12. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 5.
13. Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. М. : Юрид. лит., 1980. 80 с.
14. Рарог А., Есаков Г. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 51–53.
15. Кригер Г.А. Квалификация хищения социалистического имущества. М. : Юрид. лит., 1974. 336 с.
16. Дядькин Д.С. Соучастие в преступлении. М. : Компания Спутник+, 2004. 156 с.

References

1. Kufyolkina, I.Yu. (2024) *Formy souchastiya v prestuplenii: problemy teorii i zakonodatel'noy reglamentatsii* [Forms of Complicity in a Crime: Problems of Theory and Legislative Regulation]. Law Cand. Diss. Kazan.
2. Popov, V.A. (2018) *Prestupnoe soobshchestvo (prestupnaya organizatsiya): voprosy teorii i praktiki* [Criminal Community (Criminal Organization): Questions of Theory and Practice]. Moscow: Prospekt.
3. Blagov, E.V. (2021) *Souchastie v prestuplenii i ugovornaya otvetstvennost'* [Complicity in a Crime and Criminal Responsibility]. Moscow: YurLitinform.
4. Kozlov, A.P. (2001) *Souchastie: traditsii i real'nost'* [Complicity: Traditions and Reality]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
5. Kovalev, M.I. (1999) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a Crime]. Yekaterinburg: UrSLA.
6. Shesler, A.V. (2014) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a Crime]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
7. Shesler, A.V. (2020) "Vor v zakone": kriminal'nyy status ili osnovanie ugovornoj otvetstvennosti ["Thief in Law": Criminal Status or Grounds for Criminal Responsibility]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 42 (1). pp. 110–122.
8. Chechel, G.I. (1978) *Smyagchayushchie obstoyatel'stva i ikh znachenie v individualizatsii nakazaniya* [Mitigating Circumstances and Their Significance in the Individualization of Punishment]. Saratov: Saratov State University.
9. Kruglikov, L.L. (1985) *Smyagchayushchie obstoyatel'stva i otyagchayushchie obstoyatel'stva v ugovornom prave* [Mitigating and Aggravating Circumstances in Criminal Law]. Voronezh: Voronezh State University.
10. Severin, Yu.D. (ed.) (1980) *Kommentariy k Uголовному кодексу RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
11. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. (1992) 7.
12. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2022) 5.
13. Galiakbarov, R.R. (1980) *Kvalifikatsiya gruppovykh prestupleniy* [Qualification of Group Crimes]. Moscow: Yurid. lit.
14. Rarog, A. & Esakov, G. (2002) Ponimanie Verkhovnym Sudom RF "gruppy lits" sootvetstvuet printsipu spravedlivosti [The Understanding of a "Group of Persons" by the Supreme Court of the Russian Federation Corresponds to the Principle of Justice]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 1. pp. 51–53.
15. Krieger, G.A. (1974) *Kvalifikatsiya khishcheniya sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of Theft of Socialist Property]. Moscow: Yurid. lit.
16. Dyad'kin, D.S. (2004) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in a Crime]. Moscow: Kompaniya Sputnik+.

Информация об авторе:

Шеслер А.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025;
одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 10.01.2025;
approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 30.04.2025.